

ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. ЛЕНИНЕ

ТОМ 4

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. Ленин
1921 г.

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Воспоминания о Владимире Ильиче ЛЕНИНЕ

В пяти томах

Издание
второе
ТОМ 4

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Г. Н. ГОЛИКОВ, Г. Д. ОБИЧКИН,
М. Я. ПАНКРАТОВА, Н. В. ТРОПКИН*

ПОДГОТОВИТЕЛИ ЧЕТВЕРТОГО ТОМА:

М. Г. ВЛАСОВА, К. Г. РЕМИЗОВА

В 77 **Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5-ти**
т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.
Г. Н. Голиков и др.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1979 —
Т. 4. 1979. 479 с., пл.

В настоящий том включены воспоминания, освещающие жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина с весны 1920 по январь 1924 года. Они воссоздают живой облик мудрого вождя Коммунистической партии, гениального теоретика и организатора, основателя и руководителя Советского социалистического государства и вместе с тем скромного, простого и чуткого человека.

В 10103—036 84—79 0103020000
079(02)—79

13.5
ЗК26.3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В четвертый том «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине» включены воспоминания старейших членов Коммунистической партии, соратников и современников В. И. Ленина, партийных, советских, хозяйственных и комсомольских работников, деятелей науки и культуры, рабочих, крестьян и красноармейцев, людей, близко знавших Ленина и работавших под его непосредственным руководством. Хронологически они охватывают период жизни и деятельности Владимира Ильича с весны 1920 по январь 1924 года.

Эти воспоминания показывают партийную и государственную деятельность Ленина в один из сложнейших периодов истории нашей страны — в период перехода от войны к мирному социалистическому строительству, когда совершался крутой поворот в политике партии — переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике, обеспечивавшей прочный экономический и политический союз рабочего класса и крестьянства в строительстве социализма.

Советская республика испытывала в то время огромные трудности. В катастрофическом положении находились транспорт, металлургическая и топливная промышленность. В сельском хозяйстве резко сократились посевные площади, снизилась урожайность, бескормица и падеж скота усилили крестьянскую нужду и разорение.

В этих условиях Владимир Ильич уделял особенно большое внимание вопросам экономического строительства. «Наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства», — подчеркивал он в ноябре 1920 года. Ленин выдвинул как первоочередную задачу — создание единого хозяйственного плана восстановления и преобразования народного хозяйства на основе электрификации страны. По инициативе Владимира Ильича Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО) разработала первый

в истории научный перспективный план развития народного хозяйства, рассчитанный на 10—15 лет, явившийся основой ленинской программы строительства социализма. Об этом говорит в своих воспоминаниях старейший член КПСС Г. М. Кржижановский.

Ленинский план восстановления и социалистического преобразования народного хозяйства был в центре внимания IX съезда партии. А. А. Андреев, воспоминаниями которого открывается настоящий том, рассказывает о выступлениях Владимира Ильича на этом съезде, о его непримиримой борьбе против децистов (антипартийной группы «демократического централизма»), отрицавших линию партии в хозяйственном строительстве.

В воспоминаниях И. И. Радченко, А. П. Серебровского, Л. К. Мартенса, Л. Б. Красина показана роль В. И. Ленина в восстановлении нефтяной, топливной и металлургической промышленности, в развитии внешней торговли, а также его изумительная способность руководить в столь сложный период борьбой партии и трудящихся масс Советской республики за подъем промышленности и сельского хозяйства на основе новой экономической политики.

О стиле работы В. И. Ленина, его неустанной заботе об улучшении государственного аппарата, обучении и привлечении широких масс трудящихся к управлению государством, о его непримиримой борьбе против бюрократизма и волокиты пишут в своих воспоминаниях Л. А. Фотиева, Г. М. Леплевский, Н. А. Милютин и многие другие. Они раскрывают борьбу В. И. Ленина за революционный порядок, четкость и организованность в работе. И. С. Уншлихт, работавший заместителем председателя ВЧК, говорит о заботе Владимира Ильича об «осуществлении большей революционной законности», в то же время отмечает его указания на необходимость применять самые строгие меры к врагам революции. Особенно строгого соблюдения государственной дисциплины и законности В. И. Ленин требовал от коммунистов и ответственных работников.

О самоотверженном, героическом труде Владимира Ильича по руководству Коммунистической партией и Советским государством в последние годы его жизни читатель узнает из воспоминаний бывших секретарей и работников Совнаркома и Совета Труда и Оборона. Особый интерес представляет работа Л. А. Фотиевой «Неиссякаемая энергия». В этих воспоминаниях рассказывается об исключительном мужестве и непреклонной воле, не покидавших В. И. Ленина даже во время его тяжелой болезни.

В январе и феврале 1923 года Владимир Ильич продиктовал свои последние статьи и письма, явившиеся политическим завещанием партии и советскому народу. Создавая эти произведе-

ния, рассказывает М. А. Володичева, «он никогда не давал почувствовать, что он болен. Это был тот же Владимир Ильич, которого все мы знали, Владимир Ильич, глаза которого так зорко и неустанно смотрели далеко вперед, мысль которого работала так глубоко и сердце которого билось для трудящихся».

В воспоминаниях Я. И. Гиндина, А. М. Николаева, П. А. Острякова и других говорится о том, какое огромное значение придавал В. И. Ленин развитию техники, быстрейшему внедрению в народное хозяйство новейших достижений науки, как он горячо поддерживал ученых-новаторов, изобретателей, заботился о создании необходимых условий для их работы.

Воспоминания М. И. Авербаха, Ф. А. Гетье, И. А. Чекунова и многие другие показывают величие и простоту В. И. Ленина, его чрезвычайную скромность, заботу о людях труда, соратниках и товарищах по работе, большую любовь к детям.

С интересом читаются волнующие рассказы простых людей — рабочих, крестьян и красноармейцев, в которых отражены характерные черты В. И. Ленина — его тесная связь с массами и глубокое знание народной жизни, умение чутко прислушиваться к голосу трудящихся.

Забота Владимира Ильича о культурном строительстве, о коммунистическом воспитании молодежи освещена в воспоминаниях А. В. Луначарского, Г. В. Чичерина, А. Безыменского, Александра Жарова и других. Народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко пишет о том, какое большое внимание уделял В. И. Ленин вопросам охраны здоровья трудящихся масс.

Руководящая роль В. И. Ленина в выработке основ внешней политики социалистического государства, принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем раскрывается в воспоминаниях Л. Б. Красина, И. И. Радченко, А. П. Серебровского, Л. К. Мартенса и других.

О деятельности В. И. Ленина как вождя международного рабочего и коммунистического движения, о его руководящей роли в создании III, Коммунистического Интернационала, о выступлениях на конгрессах Коминтерна, о борьбе за последовательное проведение принципов пролетарского интернационализма и дружбы народов рассказывается в воспоминаниях Л. А. Андреева, С. А. Лозовского, Б. М. Волина и В. Н. Соколова.

Воспоминания, вошедшие в настоящий том, воссоздают многогранный, величественный, неповторимый образ Владимира Ильича — великого мыслителя, мудрого вождя и учителя, пламенного революционера, целиком посвятившего себя служению рабочему классу, народным массам. Они послужат благородной цели воспитания советских людей, и особенно молодежи, на бессмертных идеях, великой жизни и революционной

борьбе В. И. Ленина; они учат, как надо жить и бороться за дело коммунизма, помогать успешному осуществлению ленинских заветов. Воспоминания характеризуют Ленина как человека, сочетавшего в себе высокую принципиальность и гибкость, революционную деловитость и настойчивость, непоколебимую убежденность в победе дела коммунизма и ясное понимание путей, которыми человечество придет к новой жизни.

* * *

*

Воспоминания в томе расположены в хронологическом порядке. Текст воспоминаний сверен с первой и последней прижизненными публикациями. В конце тома помещены краткие биографические сведения об авторах воспоминаний, указатель имен, упоминаемых в тексте, и хронологический указатель.

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ¹

Кто хоть раз в жизни видел и слышал Ленина, у того никогда не изгладится из памяти его яркий образ, настолько глубокое, неотразимое впечатление производил он на людей. Разумеется, всякие детали того времени могут в памяти уже стереться и их трудно точно передать, но Ленина, каким его приходилось видеть при жизни, забыть невозможно.

На протяжении 1917—1922 годов мне пришлось много раз видеть и слышать Ленина на митингах, съездах, заседаниях и просто в беседах. Особенно запечатлелись в памяти несколько событий и те обстоятельства, при которых они происходили. О них я и хотел бы кратко рассказать в этих заметках...

ЛЕНИН НА IX СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

Март 1920 года. В Москву съехались с разных концов страны делегаты на IX съезд партии². Прошло два с половиной года гражданской войны, в ходе которой молодая Советская республика должна была отражать наседавшие со всех сторон силы буржуазно-помещичьей и кулацкой контрреволюции, выдерживать натиск иностранной интервенции.

Всемирный капитал ополчился против первого социалистического государства в стремлении подавить наш рабочий класс, восставший против власти капитала. Положение было действительно очень тяжелое. Для того чтобы представить себе это положение, достаточно посмотреть на карту фронтов 1918—1919 годов. Отрезаны были районы угля, нефти и металла — Донбасс, Урал и Кавказ, районы производства хлеба — Украина, Сибирь и Поволжье. Враги кольцом окружали центральные

¹ Воспоминания публикуются с сокращениями. *Ред.*

² IX съезд РКП(б) состоялся 29 марта — 5 апреля 1920 г. в Москве. *Ред.*

области и находился уже близко от столицы, а внутри страны эсеры и меньшевики устраивали заговоры и восстания. По рабочий класс при поддержке крестьянства выдержал этот натиск, и уже к началу 1920 года было покончено с Колчаком на востоке, с Деникиным на юге, с Юденичем и другими врагами на западе и севере. Советская земля была очищена от интервентов, которые с позором должны были убраться восвояси. Правда, в Крыму еще находился Врангель, а в Закавказье — англичане с меньшевиками под крылышком, но и с ними к концу 1920 года было покончено.

Страна после тяжелых испытаний в навязанной нам гражданской войне наконец впервые могла вздохнуть свободно, заняться приведением в порядок хозяйства, перейти к социалистическому строительству. Партия окрепла и закалилась в гражданской войне, численно выросла (она насчитывала в своих рядах уже свыше 600 тысяч членов). В этих условиях открылся IX съезд партии большевиков.

На съезд собрались люди со всех концов, представители всех отраслей работы партии. У меня почему-то особенно запечатлелись в памяти выступления Ленина на этом съезде, где мне довелось его видеть и слышать после довольно долгого перерыва. В конце 1917 года я был послан для партийной и профсоюзной работы на Урал, и до начала 1920 года мне только два раза пришлось видеть и слышать Ленина на съездах профсоюзов.

Открывая съезд, в своем вступительном слове¹ Ленин отметил, что съезд собрался в момент в высшей степени важный. Внутреннее развитие нашей революции привело к самым большим и быстрым победам над противником, а в силу международного положения эти победы оказались не чем иным, как победой советской революции над соединенным всемирным капитализмом и империализмом. В международном отношении, говорил Владимир Ильич, наше положение никогда не было еще так выгодно, как теперь. Мы спокойно и уверенно можем приступить к задачам мирного хозяйственного строительства. Приобретенные уроки мы должны суметь использовать для решения более трудных задач социалистического строительства.

После избрания президиума и утверждения порядка дня Ленин, встреченный бурными аплодисментами делегатов, выступил с отчетным докладом ЦК². Надо сказать, что этот великий человек всегда испытывал искреннее смущение, когда его приветствовали. Он просто не знал в это время, что ему на трибуне делать. Он то показывал делегатам на свои часы: мол, время уходит, но аплодисменты только усиливались, то вытаскивал носовой платок, хотя в этом не было надобности, искал

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 235—236. *Ред.*

² См. там же, с. 237—257. *Ред.*

что-то в карманах жилета и т. п. Это смущение было так характерно и естественно для Ленина, в котором сочетались черты гения и человека необыкновенной простоты и скромности.

Ленин начал свой доклад с анализа причин победы Советской республики в гражданской войне.

Ленин говорил: меньшевики, эсеры и другие представители мелкобуржуазной демократии утверждали, что задачи гражданской войны для нас неразрешимы, что Россия отстала, ослабла и не может победить, раз революция на Западе затянулась. И нам приходилось поэтому, оставаясь на своей позиции, с полной твердостью и сохранением абсолютной уверенности говорить, что мы победим, приходилось проводить лозунги «Все для победы!» и «Все для войны!», и решающую победу на фронтах гражданской войны мы одержали. Что же лежало в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обесиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира? И он отвечал: мы видим, что это были централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование. Капиталистическая собственность разъединяет врагов Советской власти, а мы объединяем все больше и больше миллионов трудящихся. Капиталисты различных стран, хотя бы они и обладали военной мощью, создавали Лигу наций, разъединены. Их единство — сплошная фикция и обман.

Мы, говорил далее Ленин, строили правоту, уверенность в победе Октябрьской революции на том, что брали такое дело, к которому, несмотря на трудности и препятствия, будут присоединяться миллионы трудящихся во всех странах. Мы знали, что у нас есть союзники, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, трудную задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей.

Все наши враги, как бы они ни были формально объединены, оказались разъединенными, капиталистическая собственность разлагала их, бросала друг против друга и превращала их из союзников в диких зверей, тогда как мы выходили более закаленными, более сильными. У нас есть всемирная основа, бесконечно более широкая, чем в каких бы то ни было прежних революциях. У нас есть международный союз с пролетариатом, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «государственного права», а в действительности, в разлагающемся капиталистическом мире, представляет из себя все. Эта основная и самая главная причина в последнем счете дала нам верную победу и продолжает быть непреодолимым и неиссякаемым источником нашей силы.

Правители капиталистических стран кричали на весь мир: «Никогда не прекратим войны с узурпаторами, разбойниками, захватчиками власти, противниками демократии, большеви-

ками!», но они, заключая договоры десятки раз с разными русскими белогвардейцами, теперь сидят у разбитого корыта. И этот полный распад наших противников, которые были уверены, что они что-то из себя представляют, показывает, что они ничего из себя не представляют, кроме кучки капиталистических зверей, перессорившихся между собой, и совершенно бессильны сделать что-либо нам. А большевизм, который рассматривался как курьез, стал мировым явлением. Советская система оказалась всемирным историческим явлением.

Только благодаря тому, продолжал Ленин, что партия была на страже, дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все и по ее лозунгу, как один, шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы,— только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти и мы оказались в состоянии победить, несмотря на неоднократные походы империалистов Антанты и всего мира. Эта сторона дела составляет урок, что без дисциплины и централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи. Этот урок и анализ, почему мы победили, должен быть учтен нами при переходе к другой войне — войне на фронте бескровном, хозяйственном.

Оценивая международное положение Советской республики, Ленин говорил: мы стоим теперь в международном отношении прочнее, чем когда бы то ни было, но мы к международному кризису должны относиться с чрезвычайной внимательностью и готовностью встретить какие бы то ни было неожиданности. Наша политика требует больше всего внимательного отношения, ибо сам наш противник не знает, что он дальше будет делать. Ленин, говоря о мирной политике Советской власти, указывает, что мы обеими руками должны цепляться за мирные предложения, мир возможен, но наши шаги к миру мы должны сопровождать нашей военной готовностью.

Переходя к задачам хозяйственного строительства, составляющим основной вопрос съезда, Ленин говорил: теперь задача состоит в том, чтобы к мирным задачам хозяйственного строительства приложить все то, что может сосредоточить пролетариат, его абсолютное единство.

Как известно, перед съездом и на самом съезде выступила антипартийная группировка, отвергавшая под видом борьбы за коллегиальность принцип демократического централизма в управлении промышленностью. Предложения этой группировки, ведущие, по сути дела, к безответственности, обезличке, поддерживали Томский, Рыков и другие, доказывавшие, будто это и есть форма осуществления участия рабочих масс в управлении производством, форма осуществления господства рабочего класса. Ленин в своем докладе и в заключительном слове ¹

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 237—267. *Ред.*

разнес в пух и прах эту позицию, как вредную, теоретически путающую, проникнутую невежеством. Он говорил, что если бы мы в основном вопросе нашей военной деятельности в гражданской войне допустили хотя бы одну десятую долю такой теоретической путаницы, то были бы биты, и биты поделом.

В этой связи Ленин указал на глубокую разницу между нашей революцией и прежними революциями и конституциями. Он говорил, что наша революция отличается от прежних революций тем, что в ней нет утопизма. В буржуазных конституциях писалось о свободе, о равенстве. Это ложь. Пока есть трудящиеся и собственники, равенства нет. Сытый не равен голодному, спекулянт — трудящемуся. Основное содержание всех прежних конституций до самой республиканской, демократической сводилось к одной частной собственности. Победивший пролетариат отменяет и разрушает до конца частную собственность на орудия и средства производства — вот в чем выражается господство рабочего класса. Кто связывает вопрос о господстве класса с вопросом о демократическом централизме, тот вносит такую путаницу, что никакая успешная работа на этой почве идти не может.

Ленин говорил: мы совершаем переход к социализму. В центре внимания поставлен основной хозяйственный план. Мы должны помнить, что этот план рассчитан на много лет. Борьба будет более трудная, чем на боевом фронте. Она требует максимального напряжения сил и единства воли.

Съезд единодушно одобрил отчет ЦК и принял постановление о хозяйственном строительстве, в основе которого лежали задачи электрификации страны.

Ленин выступал на IX съезде и по другим вопросам порядка дня: о хозяйственном строительстве, о кооперации¹.

В ходе работы съезда мне впервые довелось лично познакомиться с Лениным и беседовать с ним.

Работа съезда подходила к концу. Уже был избран новый Центральный Комитет. Я впервые был избран в его состав, и был предрешен вопрос о моей работе в ВЦСПС. Во время перерыва, кажется перед принятием резолюции, меня разыскал М. И. Калинин, знавший меня еще по Петрограду.

— Тебя хочет видеть Ленин, — сказал он.

Можно себе представить, как это взволновало меня, 24-летнего, еще молодого партийного работника. Придя в помещение, находившееся позади трибуны президиума, Калинин, обратившись к Ленину, с кем-то разговаривавшему, сказал: «Вот, товарищ Ленин, наш новый член ЦК товарищ Андреев».

Ленин сразу обернулся: «Ну вот и хорошо, давайте познакомимся». И он сначала крепко пожал мне руку, а потом тепло,

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 268—280. Ред.

как-то по-отечески, будто уже давно меня знает, положил руку мне на плечо и стал прохаживаться по помещению, заваленному стульями и скамейками, декорациями (в то время зал использовался под клуб красноармейцев).

— Вы, кажется, с Урала? — спросил Ленин. И тотчас же засыпал меня вопросами: работают ли все уральские заводы? Как настроение крестьян после Колчака и дадут ли нам хлеба? И многими другими. Понятно, что я в первый момент был очень взволнован. Но оказалось все так просто, что я свободно рассказал Ленину о положении дел на Урале. Только Ленин мог так располагать к себе людей, впервые встречавшихся с ним. Расспросив подробно об Урале (он ведь никогда не удовлетворялся общими ответами, а обязательно добивался подробностей, фактов), Ленин сказал мне:

— Ну вот, теперь вам придется поработать в Москве, в ВЦСПС.

Тут нас прервали, предупредив, что заседание начинается.

Первое знакомство с Лениным у меня врезалось в память на всю жизнь. Сколько обаяния, товарищеской теплоты я почувствовал при первой встрече с этим великим, но необыкновенно простым, чутким, близким каждому из нас человеком!

Съезд принял все решения единодушно, несмотря на выступления так называемой группы «демократического централизма». Закрывая IX съезд, Ленин отметил это единодушие как хороший признак для предстоящей большой работы¹.

Первейшей заботой Владимира Ильича была забота о состоянии дел в партии. Он всегда уделял особое внимание идейному воспитанию коммунистов. В своей заключительной речи, говоря о партии как авангарде рабочего класса, Ленин указывал, что реальной опасностью того времени являлся быстрый рост рядов партии, не всегда находившийся в соответствии с уровнем воспитательной работы внутри партии. В основу своей деятельности, говорил он, мы всегда клали только высокую степень продуманности, сознательности и преданности членов партии. Это давало нам возможность осуществления такой дисциплины, которая во много раз стоит выше дисциплины другого государства. Поэтому мы должны помнить, что наша ближайшая задача состоит не столько в расширении партии, сколько во внутренней работе в смысле развития состава нашей партии. Надо добиться, чтобы авангард пролетариата был на высоте тех задач, которые возлагаются на партию, задач гигантской важности, международных и внутренних.

Наша главная задача сейчас, говорил Ленин, проведение плана хозяйственного строительства, одобренного съездом. Эта задача понятна каждому крестьянину. Мы должны помнить,

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 281—287. Ред.

что источником успехов, чудес, которые мы проявили в военном деле, было то, что мы всегда сосредоточивались на главном, основном. И мы благодаря партийному воспитанию добьемся, чтобы резолюция съезда послужила тому, чтобы мы всю свою силу, дисциплинированность, энергию направили на восстановление хозяйства страны. Мы решили задачу военную, на нас теперь смотрят рабочие всех стран, смотрят с ожиданием, решим ли мы трудную задачу хозяйственного строительства. Я уверен, говорил Ленин, что, добившись того, чтобы вся партия работала, как один человек, установив тесную связь с массами, профсоюзами, хозорганами, мы сумеем эту задачу решить так же победоносно, как решили задачу военную.

Выступления Ленина и решения IX съезда партии, подводящие итоги гражданской войны и намечавшие переход к социалистическому строительству, имели большое значение для работы партии.

ЛЕНИН НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

Будучи в составе делегации нашей партии на II конгрессе Коминтерна, я имел возможность видеть Ленина как организатора и вождя III, Коммунистического Интернационала, вождя международного рабочего движения.

Ленин был горячим патриотом своей Родины, бесконечно любил свой народ, любил наш рабочий класс, который так успешно за короткий срок усвоил марксизм и революционный опыт западноевропейского пролетариата, соединил этот опыт на практике трех революций с широким российским размахом, — рабочий класс, который впервые в истории человечества поднял знамя восстания против всяких форм классового угнетения и в невероятно трудных условиях одержал победу. Ленин любил русскую национальную культуру, язык и литературу, гордился ею. В то же время Ленин был самым глубоким и последовательным интернационалистом; он неизменно связывал задачи нашей революции, задачи партии большевиков с интересами международного рабочего движения.

Подобно К. Марксу, усилиями которого был создан I Интернационал, Ленин понимал, какое огромное значение имеет международное объединение рабочего класса. Еще во время империалистической войны он ставил вопрос о создании нового Интернационала вместо обанкротившегося и фактически развалившегося II Интернационала. Он уже тогда усиленно работал над собиранием революционных сил, как это видно из его активного участия в Циммервальдской и Кинтальской конференциях¹, из его различных выступлений и переписки.

¹ Имеются в виду международные социалистические конференции в Циммервальде и Кинтале. Циммервальдская конференция состоялась

Когда Ленин вернулся в Россию в апреле 1917 года, он одной из важнейших задач нашей партии считал инициативу в создании нового, Коммунистического Интернационала. Несмотря на трудности гражданской войны, блокады, иностранной интервенции, в марте 1919 года был созван I (учредительный) конгресс III, Коммунистического Интернационала.

Но это было только начало. На I конгрессе, как говорил Ленин, было только водружено знамя коммунизма, вокруг которого должны были собираться силы революционного пролетариата. В конгрессе из-за слабости компартий и условий блокады смогло принять участие лишь небольшое число представителей разных стран. Прошло немногим больше года, и движение за создание коммунистических партий приобрело широкий размах. Под давлением революционно настроенных рабочих масс ряд социалистических партий (французская, германская и некоторые другие) вышел из II Интернационала. После войны под влиянием Октябрьской революции нарастал революционный подъем, а капитализм во всех странах переживал кризис.

Чтобы помочь молодым коммунистическим партиям разных стран разобраться в своих ошибках и скорее их исправить, Ленин еще до II конгресса Коминтерна написал свою знаменитую книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»¹, ставшую настольной книгой, руководством к действию для коммунистов всех стран.

В этой небольшой книге на основании исторического опыта партии большевиков, трех русских революций и опыта международного рабочего движения Ленин гениально разработал основные вопросы стратегии и тактики коммунистических партий с учетом конкретных особенностей различных стран. Разумеется, он не стремился дать на вечные времена рецепты, где и как поступать коммунистам. В этом отношении Ленин всегда указывал на необходимость строгого учета конкретных условий, но ясно одно: основные положения книги Ленина имеют огромное значение и для настоящего времени.

Главная забота Ленина, выраженная в книге, — это организация связанных с массой боеспособных коммунистических партий, без чего невозможна победа социализма. Ленин учит коммунистов идти всюду, где есть массы, и всюду вести работу с ними. Он особо предупреждает партии об опасности сектантства и доктринерства.

Эта книга замечательна еще тем, что Ленин дал в ней гениальный образец, метод того, как надо в политике и тактике

5—8 сентября 1915 г.; Кнпталская — в местечке Кнптал (Швейцария) 24—30 апреля 1916 г. *Ред.*

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 1—104. *Ред.*

соединять теорию с практикой. Каждое теоретическое положение в его книге подкрепляется примерами из действительности или прямо выводится из практики и исторического опыта. Книга Ленина сыграла большую роль в подготовке предстоявшего конгресса Коминтерна.

II конгресс Коминтерна собрался в июле 1920 года. На нем присутствовали представители 37 стран. Открытие конгресса состоялось в Петрограде, куда вместе с делегатами прибыли и Ленин.

Рабочие Питера — колыбели Великой Октябрьской революции — встретили своего вождя и делегатов конгресса большой демонстрацией. На площади у Зимнего дворца состоялся огромный митинг, где выступил Ленин. Я помню, как вместе с делегатами во главе демонстрации шагал с красным бантом и гвоздикой в петлице Владимир Ильич, оживленный, веселый и, видимо, очень довольный тем, что наконец осуществилась его мечта о создании нового, революционного международного объединения рабочего класса. С ним рядом шел М. Горький.

Конгресс открылся в Таврическом дворце в обстановке большого подъема, которую хорошо отразил своей кистью находившийся тогда в зале замечательный советский художник Бродский. В зале отдельными группами расположились делегации различных стран: англичане, немцы, французы, итальянцы, испанцы, китайцы, японцы, индусы, негры, арабы и другие. Слышен говор на разных языках, кое-где раздается пение национальных песен, особенно среди итальянцев и французов.

Кажется, уже после избрания президиума конгресса, куда входил и Ленин, но время утверждения порядка дня и регламента, Владимир Ильич, всматриваясь в зал, вдруг срывается на-за стола президиума и, не обращая внимания на всю торжественность заседания, торопливо бежит через весь зал. Оказывается, он увидел где-то вдали своего старого товарища. Уже не помню, кажется, это был Шелгунов — старый друг и товарищ Ильича. Ленин подбежал к нему, крепко его обнял и расцеловал. Весь зал встает, раздается гром оваций, никто не видит в этом чего-то странного. Если бы это сделал кто-либо другой, это вызвало бы удивление, но для Ленина с его простотой и сердечностью это было только характерно и естественно.

После М. И. Калининна, приветствовавшего конгресс от имени рабочих и крестьян Советской России, слово для доклада о международном положении предоставляется В. И. Ленину¹. Зал встречает его бурными аплодисментами и возгласами на

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 215—235. *Ред.*

разных языках: «Да здравствует Ленин!» Долго-долго ему не удается заговорить, несмотря на все его попытки остановить бурную овацию.

Ленин начал свой доклад с оценки международного положения. Он дал глубокий марксистский анализ экономических и политических отношений государств в эпоху первой мировой войны 1914—1918 годов и последовавшего за ней резкого обострения противоречий империализма. На основе этого анализа Ленин формулировал выводы и задачи, стоявшие перед пролетарскими партиями, входившими в Коммунистический Интернационал.

В. И. Ленин говорил, что основой всего международного положения, как оно сложилось, являются экономические отношения империализма. В течение всего XX века вполне определилась эта новая, высшая и последняя ступень капитализма. Самыми характерными, существенными чертами империализма явилось то, что капитал достиг громадных размеров, на место свободной конкуренции пришла монополия. Ничтожной кучкой монополистов оказались захваченными целые отрасли промышленности, и не только в отдельных странах, но по всему миру. На этой почве развилось невиданное раньше господство небольшого числа крупнейших банков, финансовых королей, финансовых магнатов.

Весь земной шар оказался поделенным не только в смысле захвата источников сырья и средств производства крупнейшими капиталистами, но и в смысле законченности предварительного раздела колоний.

Из этого раздела всей земли, говорил Ленин, из этого господства капиталистической монополии, из этого всевластия ничтожного числа крупнейших банков — двух, трех, четырех, пяти на государство, не более — выросла с неизбежностью первая мировая империалистическая война. Война эта шла из-за того, чтобы переделить весь мир, стоял вопрос о том, какая из групп крупнейших государств получит возможность и право грабежа, удушения, эксплуатации всей земли. В результате этой войны мы имеем неизмеримо большее обострение всех капиталистических противоречий: мы видим возвращение к гнету колониальному и военному, еще более худшему, чем прежде. Не только колониальные, побежденные страны попадают в положение зависимости, но и внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые. На это указывает громадное несоответствие между заработной платой и ростом цен. Рабочие убеждаются на опыте, что капиталисты безмерно нажились на войне и сваливают расходы и долги на плечи рабочих. Богатство ничтожной кучки людей возросло невероятно, неслыханная роскошь переходит все пределы, а в то же время нужда рабочего класса все усиливается.

Ленин в подтверждение своих положений ссылается на Кейнса — английского дипломата, который, несмотря на всю его ненависть к большевизму, вынужден признать, что Европа и весь капиталистический мир после войны и Версальского договора идут к банкротству. По каждому вопросу капиталистические государства подставляют друг другу ножку. Из-за дележа территории и рынков между ними идет бешеная грызня. Эти экономические корни кризиса являются основной причиной того, почему Коммунистический Интернационал одерживает блестящие успехи.

Ленин дальше говорил: мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе как основе нашего революционного действия. И тут надо прежде всего отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое «беспокойство». С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя доказать, что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплуатируемых таким-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплуатируемых. Пытаться доказывать наперед абсолютную безвыходность было бы пустым педантством, игрой в понятия и в словечки. Настоящим доказательством в этом и подобных вопросах может быть только практика.

Буржуазный строй во всем мире переживает кризис. Надо доказать теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, победоносной революции. Разоблачая буржуазно-соглашательскую позицию вождя английской Независимой рабочей партии Рамсея Макдональда и едко высмеивая одного из теоретиков II Интернационала — Отто Бауэра, Ленин в докладе дал глубокое теоретическое обоснование живучести оппортунизма в странах империализма. Он говорил: капиталистические страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей, потому что капиталисты этих стран получают за счет грабежа колониальных и зависимых народов много сверх того, что они могли бы получить как прибыль от грабежа рабочих своей страны. Эти миллиарды сверхприбыли, часть которой капитал использует на подкуп верхушки рабочего класса, и есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении.

Оппортунизм в верхах рабочего движения, говорил Ленин, — это социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы удержаться.

Мы имеем здесь, на конгрессе, немало представителей революционного движения колониальных стран, говорил далее в докладе Ленин. Это только слабое начало, но важно уже то, что это начало положено. На настоящем конгрессе происходит объединение революционных пролетариев капиталистических, передовых стран с революционными массами тех стран, где пролетариата нет или почти нет, с угнетенными массами колониальных стран. Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых, угнетенных рабочих внутри каждой страны, побеждая сопротивление меццанских элементов и влияние ничтожной верхушки рабочей аристократии, соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект. Свой доклад Ленин закончил выражением уверенности в победе пролетарской революции во всем мире. Его заключительные слова потонули в долго не смолкающих овациях и пении «Интернационала».

После доклада Ленина, вызвавшего большой подъем, на конгрессе выступили с приветствиями и краткими сообщениями товарищ Росмер от рабочих Франции, товарищ Мархлевский от рабочих Польши и ряд других делегатов различных стран.

Дальнейшая работа конгресса продолжалась в Москве. Ленин выступил на конгрессе с очень важным докладом по национальному и колониальному вопросам. В этом докладе он особо подчеркивал, что основной идеей наших тезисов должно быть указание на различие между угнетенными и угнетающими нациями. Мы, говорил Ленин, подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии, которые сознательно затушевывают его.

Он говорил, что все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно борьбы всемирной буржуазии против Советской республики, которая неминуемо должна группировать вокруг себя, с одной стороны, движение передовых рабочих всех стран, а с другой — национально-освободительное движение колоний и угнетенных народностей.

Ленин в докладе и в своих тезисах дал ясный ответ на вопрос о том, при каких условиях коммунистические партии могут и должны поддерживать национальные буржуазно-демократические движения в отсталых странах. Он развил также очень важное положение о том, что с помощью пролетариата страны

победившего социализма остальные страны могут перейти через определенные ступени развития к коммунизму, минуя капитализм.

На конгрессе выступали представители немецкой независимой партии и итальянских социалистов, пытавшиеся защитить свои оппортунистические взгляды. Ленин выступил с беспощадной критикой их позиций, указывая на то, что их взгляды не имеют ничего общего с нашими задачами. В этой схватке с оппортунистами Ленин высказал очень важные положения о коренной разнице между коммунистами и оппортунистами в подходе к решению таких вопросов, как завоевание власти пролетариатом, аграрный вопрос, вопрос о необходимости и возможности ведения революционной работы при отсутствии революционной ситуации, и ряд других важных положений.

Получив основательную трешку от Ленина и отказ в приеме в Коминтерн, оппортунисты, выступавшие на конгрессе, вынуждены были убраться восвояси ни с чем. Ленин оказался прав в оценке их. Все они — эти господа криспины, дитманы и им подобные — вскоре оказались по другую сторону баррикад, повели борьбу с коммунизмом.

Проявляя величайшую заботу о единстве действий пролетариата, Ленин подверг критике и «левые элементы», выступавшие на конгрессе, за их неправильную позицию по вопросам работы в профсоюзах и вхождения в буржуазные парламенты, за элементы сектантства и отчужденности от масс.

Очень важное значение имели выступления Ленина по вопросам о партии. В своих речах и тезисах он говорил, что нам не нужны партии типа II Интернационала, нам нужны партии нового типа, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и умели бы этими массами руководить. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие, — только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма.

С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и часть сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии; только под руководством такой партии способен он развернуть всю свою силу, которая

неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества.

Все примыкающие к III Интернационалу партии, говорил Ленин, должны во что бы то ни стало провести в жизнь лозунги: «Глубже в массы!», «Теснее связь с массами!», понимая под массами всю совокупность трудящихся и эксплуатируемых капиталом, особенно наименее организованных и просвещенных, наиболее угнетенных. К массам, говорил Ленин, надо паучиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы. Долг коммунистов — не замалчивать слабостей своего движения, а открыто критиковать их, чтобы скорее и радикальнее от них избавиться.

Эти и другие положения Ленина о партии имели огромное значение для работы компартий всех стран, в том числе и для нашей партии.

Всех поражала необыкновенная активность Ленина и глубокое знание им обстановки в различных странах и партиях. Ленин выступал почти по всем вопросам порядка дня, участвовал в ряде комиссий конгресса. Вот он, внимательно вслушиваясь в то, что говорят ораторы, подает реплики, отвечает на вопросы. Его можно видеть просто устройшимся на ступеньках, ведущих к трибуне президиума, и что-то записывающим в блокнот. Владея несколькими иностранными языками, он некоторые речи произносил на немецком и французском языках.

Ленин в начале своего основного доклада сослался на то, что он не намерен повторять свои тезисы, отпечатанные и розданные делегатам. Но надо сказать, что эти тезисы об основных задачах Коминтерна¹ представляют собой документ исключительного значения.

Лениным написаны также тезисы по национальному и аграрному вопросам и тезисы об условиях приема в Коминтерн², вместе с основными тезисами они представляют собой как бы один цельный документ. По своей силе и ясности, с которой в них охарактеризованы задачи и тактика коммунистических партий, не преувеличивая можно сказать, что они напоминают «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом.

Эти тезисы трудно коротко изложить. Их надо читать и изучать в целом, чтобы оценить их огромное историческое значение. В них даны исчерпывающая характеристика империализма, классическое определение диктатуры пролетариата, оценка классовых сил и возможных союзников пролетариата, необходимость союза рабочего класса и крестьянства, в них определена

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 183—201. *Ред.*

² См. там же, с. 161—182, 204—211. *Ред.*

ясная программа, стратегия и тактика коммунистического движения.

Речи¹ и тезисы Ленина на конгрессе имели большое значение для коммунистических партий и всего рабочего движения. Можно прямо сказать: не зная и не перечитывая вновь тезисы и выступления Ленина на II конгрессе и его книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», нельзя разобраться как следует и понять многое и в современной международной обстановке.

ЛЕНИН, КАКИМ ОН БЫЛ НА ТРИБУНЕ

Необходимо еще высказать несколько замечаний о Ленине как ораторе, о стиле и характере его речей.

Взять хотя бы его доклады на IX, X, XI съездах, на конференциях партии и конгрессах Коминтерна. Он обычно говорил около часа и редко несколько больше. И все же, несмотря на краткость и сжатость его выступлений, каждый раз оставалось впечатление, что он сказал все, что нужно; все остальное, чего он касался лишь вскользь или совсем не касался, имело второстепенное значение. Это оттого, что он всегда говорил о главном, выбирал основное звено, на котором и нужно было сосредоточить все внимание. Речь его была цельная, как глыба, как слиток. Он ставил основную задачу, и все другие вопросы, которых он касался, находились в сцеплении, в прямой связи с главной темой выступления, одно положение — в тесной, неразрывной связи с другим.

Выступал он обычно или совсем без записи, или имел в руках лишь небольшую бумажку с наброском плана речи, с заметками и вопросами, о которых он хотел сказать. Вот Ленин выходит для доклада; у него с собой краткий конспект, да и то в ходе речи он в него очень редко заглядывает. Но видно по всему, что его доклад не экспромт, а результат большой предварительной работы мысли. Все основные положения он заранее продумывал, а аргументы в значительной мере у него рождались уже на трибуне. Обладая колоссальной памятью, огромным запасом знаний, будучи замечательным диалектиком, он поражал свободой и железной логикой своих выступлений, необыкновенной способностью всесторонне охватывать события и видеть далеко их развитие.

Стиль его выступлений не тезисный. Речь очень живая, острая, меткая и всегда глубоко принципиальна. Теоретические положения перемежаются с практическими соображениями и доводами. Его речь обычно пересыпана примерами, сравне-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 236—267. *Ред.*

пиями, но не цифрами. Подтверждая свои доводы, он часто употребляет меткие словечки, ходовые народные поговорки; в этом смысле, кажется, никто так не пользовался богатством русского языка, как Ленин.

Особенно он оживлялся во время полемики, если ему кто-либо попадал «на зубок». Идеиных противников — оппортунистов, меньшевиков, эсеров и других — он буквально уничтожал логикой своих доводов, иронией, высмеивал метким, острым словом. В то же время в ходе полемики он высказывал, как бы походя, глубокие, гениальные мысли. Если Ленин считал какой-либо вопрос особенно важным, он не считался с повторением и в ходе речи по разным поводам возвращался к нему по нескольку раз.

Я думаю, каждый, читая произведения Ленина, испытывает большое удовлетворение. Но можно себе представить, какое чувство приходилось испытывать, слушая Ленина! Во время речи он весь жил и находился в движении. Говорил он обычно вне трибуны, она его стесняла. Вот он выходит на трибуну для доклада, но после первых же фраз ее покидает. Весь он устремился вперед; переходя с места на место, сопровождая речь живой жестикой, то наклоняясь, то откидываясь всем корпусом в зависимости от хода мысли, он старается крепче вложить в сознание слушателей свои доводы. Вся его фигура полна энергии и огромной внутренней силы.

Где бы Ленин ни выступал — на съезде или на митингах — он с первых же слов полностью захватывал, брал в плен аудиторию; все взоры, все внимание уже неотрывно и до конца сосредоточивались на Ленине. Тут действовали важность вопроса, прямота, сила правды, глубокая убежденность и страстность, звучавшие в первых же фразах речи, соединенные с огромным личным обаянием Ленина и доверием к нему.

Он был страшен для врагов своей невероятно разящей силой правды. Да и теперь слово Ленина приводит в трепет всех и всяческих врагов социализма. В то же время он был и остается необыкновенно близким, родным для простых людей всего мира.

Его речь по форме была всегда проста, но глубока по своему содержанию, связана с действительностью, с вопросами, волнующими миллионы людей. Потому она сразу же доходила до сознания самого простого человека.

В. И. Ленин, как никто другой, изучил и знал все, что было написано К. Марксом и Ф. Энгельсом, но он почти никогда в своих докладах, выступлениях и, как правило, в большинстве своих популярных статей не прибегал к приведению выдержек из Маркса и Энгельса, за исключением тех своих теоретических работ, в которых ему приходилось полемизировать и разоблачать всевозможных ренегатов от марксизма.

В. И. Ленин был враг начетничества. Он не раз говорил, что быть коммунистом и марксистом вовсе не значит заучивать наизусть и буквально повторять положения основоположников научного социализма, а необходимо впитать глубокий смысл учения марксизма, переработать его в своем сознании, с тем чтобы уметь применить это великое учение в конкретной обстановке, в жизни.

В его речах, так же как и в статьях, нет отвлеченных рассуждений или положений. Теоретические положения, высказываемые Лениным, всегда связаны с жизнью, он их сопровождает живыми примерами. В каждой его речи или статье есть что-то новое, оригинальное, и даже ранее уже приводимая мысль повторяется в новой форме или в другой связи.

Он мог во время выступления не глядеть на свои записи, но не мог забыть свои часы, которые обыкновенно держал в руке, часто поглядывая, не затянул ли он свою речь, и, если, по его расчету, время истекало, он начинал заметно торопиться.

Его речь не была равномерной: то он призывает, то беседует и рассуждает. Вот он говорит о нашей победе над всемирным капиталом в Октябре или в гражданской войне, о больших задачах социалистического строительства. Говорит он об этом с подъемом и пафосом. Но этот пафос не ораторского свойства, в нем нет и тени преувеличения. Ленин терпеть не мог фальши, фразерства или напускного пафоса. Пафос в его речах был действительным отражением великих побед пролетарской революции. Вместе с тем он всегда со всею прямою говорил о наших недостатках и о трудностях, которые предстояло преодолеть в решении той или иной задачи.

Трудно подыскать точное определение для ленинских выступлений. Скорее всего это было похоже на порыв, призыв. Говорил ли он об успехах, недостатках, задачах, он всегда как бы звал вперед. После каждой речи Ленина люди испытывали какое-то необыкновенное удовлетворение, становилось как-то легко, светло и все ясно.

ЛЕНИН НА ЗАСЕДАНИЯХ

Осталось еще сказать о Ленине, каким мне приходилось его видеть на протяжении 1920—1922 годов в повседневной деловой обстановке, на заседаниях Центрального Комитета партии и Совета Труда и Оборона, где Ленин председательствовал.

После IX съезда ЦК был небольшой — 19 членов. Собирался он довольно часто. Кроме того, мне нередко приходилось присутствовать на заседаниях Политбюро ЦК. Совет Труда и Оборона собирался под председательством Ленина не реже одного раза в неделю и состоял из 10—12 руководителей основных

хозяйственных наркоматов. Я некоторое время (в 1920—1921 годах) входил в СТО от ВЦСПС.

Большим злом в те времена было опаздывание на заседания. Ленин был точен. В назначенное время он уже всегда был в зале заседания или в ожидании кворума работал рядом у себя в кабинете.

В ведении заседания Ленин был довольно строг; да, собственно, в строгости особой надобности и не было: огромное уважение к Ленину обеспечивало на заседании полный порядок. Регламент для выступлений и докладов был установлен в ЦК и СТО 3—5 минут; этот регламент тщательно соблюдался прежде всего самим Лениным. Перед ним всегда лежали часы с секундомером, и он немедленно их показывал, если говоривший выходил из пределов регламента. Курить он строго-настрого запрещал, а так как курильщиков было немало, то иногда за столом оказывалось товарищей меньше, чем тут же в зале у печной отдушины, куда собирались, чтобы соблюсти ленинский запрет и в то же время покурить. В этих случаях Ленин начинал ворчать и требовал возвращения курильщиков на места. Он очень заботливо относился к тому, чтобы люди на заседаниях меньше уставали. Кажется, по его распоряжению было одно время даже установлено какое-то приспособление для озонирования воздуха в зале, а в кабинете у него стояла большая зеленая пальма, занимавшая чуть ли не треть кабинета.

Несмотря на строгость и порядок, которые поддерживались на заседаниях, должен сказать, что на этих заседаниях не чувствовалось никакой натянутости, была вполне свободная товарищеская обстановка. Ленин был требователен, но никогда в его отношениях к людям не было ничего раздражительного и оскорбительного. Всякий говорил то, что думал, не боясь быть грубо одернутым. С Лениным можно было совершенно свободно спорить по любому вопросу, и такие споры имели место. Он никогда не считал свое мнение неоспоримым и всегда внимательно выслушивал доводы других.

Ленин не внушал присутствующим никакого чувства стеснения; я бы даже сказал, что он, ставя наводящие вопросы, скорее располагал к инициативе и свободному высказыванию своих мыслей и всегда внимательно прислушивался, если человек говорил что-либо интересное. В то же время он никогда не пропускал ничего принципиально неправильного. Когда дело касалось принципиальных вопросов, Ленин был беспощаден ко всем тем, кто пытался сдать наши позиции, нарушить большевистские принципы. Тут уж он не считался ни с положением, ни с близостью с этими людьми по работе.

Ленин обладал большим чувством юмора и смеялся очень заразительно. Бывало так: на заседаниях ЦК М. И. Калинин (который, надо сказать, при всей своей внешней простоте был

одним из умнейших деятелей партии и государства и на редкость соединял в себе большую культуру, богатый революционный опыт с практической жизненной мудростью), высказывая свое мнение, обычно любил вернуть что-нибудь такое мудрое и оригинальное, что все покатывались со смеху, особенно Ленин. Он смеялся до слез и снова повторял: «Как, как вы сказали, товарищ Калинин?» — и снова заразительный смех. Все это перемежалось с рассмотрением важных вопросов внутренней и международной политики.

Иногда во время заседания Ленин откидывался в своем плетеном кресле и о чем-то задумывался или, низко наклонив голову, что-то быстро записывал, делал заметки. Видно, что его мысли, отвлекаясь от текущих дел, сосредоточивались уже на каких-то других вопросах.

В. И. Ленин любил иногда до начала заседания Центрального Комитета в кругу собравшихся членов ЦК вслух пометать с большой уверенностью и надеждой на тему о направлении исторического развития и конечной победе социалистической революции. Бывало, не раз подходил он с карандашом в руке к карте мира, указывая на Китай и Индию и другие колонии империалистов, говоря: вот где заключена величайшая сила социализма в его решающей борьбе над капитализмом и что здесь будет нанесено еще одно смертельное поражение империализму.

И вот теперь эти мечты В. И. Ленина или, вернее сказать, его научное предвидение оправдались. Рушится колониальная система. В могучем движении народов Азии, Африки и Латинской Америки за независимость падает одна из важнейших основ существования империализма. Громадное большинство народов, составлявших колониальные владения империалистов, уже отвоевали себе свободу и встали на путь самостоятельного развития. Теперь уже недалек тот день, когда колонизаторы будут изгнаны из остальных стран, все еще изнывающих под гнетом империалистов. Могучее освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки слилось и все больше будет сливаться с народами социалистических стран в единый фронт против империализма, за мир, за демократию, за социализм.

В. И. Ленин очень экономил время, не любил растрачивать его на длинные рассуждения. Сам он говорил коротко, иногда просто ограничивался предложениями на словах, а то наскоро записывал их в ходе заседания на клочке бумаги.

Если в чем-либо выступлении он видел правильные выводы, то никогда не старался их формулировать, как председатель, своими словами, а сразу обращался к говорившему: «Диктуйте, пожалуйста, ваше предложение». Председательствуя на заседаниях, Ленин никогда не претендовал на то, чтобы его мнение

считалось последним словом. При малейшем оттепке разпогласия во мнениях и предложениях голосование было правилом на всех заседаниях ЦК и СТО. Главное, чего Ленин всегда добивался, — это чтобы люди поняли, убедились в правильности доводов или постановки задачи, а именно это и должно всегда быть основой правильных решений.

Как бы трудна обстановка ни была и как бы Ленин ни чувствовал себя, я никогда не видел его на заседаниях хмурым или даже суровым. Такова уж была жизнерадостная натура Ленина. Но он буквально свирепел, когда узнавал о невыполнении решений, о недобросовестном отношении к делу или о нарушении партийной или государственной дисциплины. Тут уж он разносил такого работника вовсю и требовал самых суровых мер взыскания.

В задачи Совета Труда и Оборона тогда входили вопросы продовольствия, топлива, промышленности, транспорта, снабжения, армии и многие другие. Время было трудное. Приходилось следить за движением каждого вагона с хлебом, распределять каждый вагон продовольствия, топлива и сырья. В перечне вопросов, рассматриваемых в СТО, наряду с вопросами строительства первых советских электростанций — Волховской и Каширской — можно было найти и такие, как обеспечение Красной Армии лаптями.

Ленин всегда требовал точных данных и безусловного выполнения принятых решений. Заседания поэтому иногда начинались прямо с проверки исполнения принятых решений и сообщения о фактическом положении дел с заготовками, продвижением поездов, о состоянии снабжения. Учет был неважный, и виновникам, особенно наркомпродовцам и транспортникам, довольно часто попадало от Ленина за отсутствие проверки исполнения и за неточные данные. Становилось жарко на заседаниях от того, как Ленин распекал за волокиту и просто за неряшливое отношение к проверке исполнения.

Когда В. И. Ленину приходилось выслушивать доклады или беседовать с кем-либо, он не мог терпеть общих фраз, общих рассуждений, а любил деловитость, точность и главным для него были факты. И он этого прежде всего требовал. Должен сказать, что я и сам однажды оказался в крайне неудобном положении. На одном из пленумов ЦК партии, проходившем под председательством В. И. Ленина в 1921 году, мне пришлось докладывать от ВЦСПС о работе и задачах профсоюзов. Когда я говорил о том, что профсоюзы ведут большую работу по участию в организации производства и выдвижению директоров предприятий, В. И. Ленин подал реплику: «А сколько, скажите, профсоюзы выдвинули таких директоров, какие у вас данные?» Естественно, что таких данных я привести не мог, потому что никакого учета в этом отношении в ВЦСПС не велось, и я как

докладчик оказался в конфузном положении, хотя, конечно, профсоюзы в тот период и вели значительную работу в этом отношении. Ленин, как никто, умел слушать даже тогда, когда у него уже определилось отношение к вопросу; он только, прищурив слегка один глаз, хитровато поглядывая, улыбался.

Все понимали, каким авторитетом он пользовался, какое решающее значение имело его слово или предложение. Знал это, конечно, и он сам. Но всегда, прежде чем сделать окончательные выводы, он внимательно выслушивал людей. Без ЦК, без обсуждения в ЦК он никогда не решал важных вопросов. Ленин строго соблюдал коллективность в руководстве как в работе ЦК, так и Совнаркома.

Надо еще сказать о том, что ни на заседаниях, собраниях, съездах, ни в печати Ленин не допускал какого бы то ни было восхваления, возвеличивания его личности и его заслуг, восставал против чуждого марксистам культа личности и всегда искренне негодовал по малейшему для этого поводу. Партия и массы были у него всегда на первом плане в обзоре исторических событий и в решении предстоящих задач. Величайшая скромность Ленина сказывалась во всем и всегда. Нечего и говорить о полном отсутствии у него и тени честолюбия; он стоял выше этой человеческой слабости.

Люди, которые с ним работали, боялись допустить в отношениях к Ленину что-либо похожее на восхваление, ибо немедленно получили бы от него отпор. Даже тогда, когда совершенно правильно, от души товарищи, друзья, давно знавшие Ленина, пытались говорить о значении его деятельности, он возмущался. Чтобы показать, насколько искренне он недолюбливал, чтобы люди говорили о его заслугах перед партией и рабочим классом, приведу такой пример.

В начале одного из последних заседаний IX съезда партии ряд делегатов предложил посвятить заседание наступавшему через несколько дней пятидесятилетию В. И. Ленина. Это предложение было встречено аплодисментами всего съезда. Присутствовавший на заседании В. И. Ленин, неодобрительно относясь к этому, встал и предложил: «Товарищи, лучше споем «Интернационал»!» Насколько я помню, съезд дружно спел «Интернационал», но затем все же перешел к заслушиванию выступлений о жизни и деятельности В. И. Ленина. Тотчас же, несмотря на просьбы остаться, Ленин встал и ушел, а потом все время бомбардировал из своего кабинета президиум съезда записками и телефонными звонками, торопя скорее закончить речи. Съезд на этом заседании принял решение издать Сочинения В. И. Ленина.

Или вот другой пример: после IX съезда, 23 апреля 1920 года, Московский комитет устроил собрание большевиков по

случаю пятидесятилетия со дня рождения В. И. Ленина. На собрании выступило несколько человек. Ленин попросил освободить его от присутствия во время приветственных речей и приехал лишь к концу собрания, а свое выступление начал с пожелания изменить характер подобных юбилеев и посвятил свою речь задачам партии. Подчеркивая блестящие успехи и победы нашей революции, Ленин в то же время говорил об опасности зазнайства. Эта опасность, говорил он, должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками как целой политической партией. Нам предстоит громаднейшая работа и потребуются приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор, говорил Ленин и окончил свою речь пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии. Такова была его юбилейная речь, проникнутая заботой о партии.

Чтобы показать, насколько Ленин нетерпимо относился ко всяким восхвалениям, к проявлениям культа личности, можно сослаться еще и на следующий факт. Вспоминаю, какой крупный разговор вел Ленин по поводу одной статьи М. Горького. Это было в 1920 году. В журнале «Коммунистический Интернационал» была помещена статья М. Горького о Ленине, которую М. Горький написал от души, будучи преисполнен хорошими чувствами к Владимиру Ильичу, но написал по-своему, по-горьковски, в художественно-философских выражениях. Ленин, ознакомившись с этой статьей, потребовал немедленного снятия ее или конфискации номера журнала. Так как номер журнала был уже разослан, то, естественно, вопрос о конфискации отпал. Однако Ленин потребовал строгого решения ЦК, указывающего на неуместность подобных статей и запрещающего впредь помещать их в журнале. Такое решение по предложению Ленина было принято.

Ленин не любил парадности. Несмотря на свою исключительную общительность, он избегал участия в общих обедах и вечерах, хотя бы и очень редких и скромных, связанных со встречами товарищей на съездах, конференциях, или в других случаях. Он обычно проводил время вне работы в своей небольшой семье и в тесном кругу своих старых друзей. Но Ленин не был суровым затворником. Он любил искусство, ходил в театры на хорошие пьесы, любил слушать хорошую музыку. Но больше всего, когда он отдыхал, любил природу. По рассказам товарищей, бывших в эмиграции, Ленин любил путешествовать, совершать длинные прогулки в горы один или в сопровождении Надежды Константиновны. Будучи в Москве, он, когда еще был здоров, изредка ездил на охоту. По рассказам бывавших с ним на охоте товарищей, он, хотя и не был страстным охотником, дисциплинированно выстаивал на своем номере в сильные морозы в охоте на зайцев и лисicc. И все же эти поездки на охоту

были связаны у Ленина больше с целью походить и побыть на природе.

Можно без конца говорить об удивительной работоспособности Ленина. Он, как правило, сам писал большинство важных решений и руководящих документов ЦК, Совнаркома и СТО.

В апреле 1921 года Ленин лично написал проект наказа Совета Труда и Оборона о работе местных советских органов, затем утвержденный ВЦИК¹. В этом детально разработанном документе собственно центральным был вопрос об организации инициативной работы на местах.

Во всей работе ЦК партии, Совнаркома и Совета Труда и Оборона В. И. Ленин особое значение придавал развитию и поощрению разнообразной местной инициативы. Он всегда настойчиво повторял: «Мы из центра не можем все видеть, все знать и учесть все наши возможности для хозяйственного и культурного строительства в нашей огромной стране». Он высоко ценил всякое проявление местной инициативы, следил за письмами, за печатью, всегда выпрашивал людей о местном почине и их мнении, как подступиться к решению того или иного вопроса.

Вспоминается такой факт. Летом 1920 года по поручению Совета Труда и Оборона мне и вновь утвержденному председателю Высшего совета народного хозяйства П. А. Богданову пришлось поехать в Тулу в связи с некоторыми серьезными затруднениями, которые возникли на тульских заводах. В то время Тула была основным поставщиком вооружения для Красной Армии. И вот перед отъездом В. И. Ленин, разъясняя цель нашей поездки, настоятельно указывал, что главной нашей задачей является не подменять собой местные организации и не командовать на месте, а помочь пробудить и организовать местную инициативу рабочих, партийных, советских и профсоюзных организаций по улучшению работы предприятий и изысканию местных возможностей для этого.

Ленин решал вопросы, писал документы быстро, немедленно, не откладывая. Вот один пример. В конце 1921 года, уже после X съезда и профсоюзной дискуссии (в которой я тогда, увлекшись производственной ролью профсоюзов, занимал неправильную позицию, о чем даже теперь, спустя много лет, без боли не могу вспомнить, хотя мною тотчас же после X съезда эта ошибка на деле была исправлена), на пленуме ЦК снова обсуждался вопрос о задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. Пленум избрал для выработки решения комиссию в составе Ленина, Рудзутака и меня. Мы ждем, что вот Ленин соберет комиссию и даст указания, как подгото-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 266—291. Проект «Наказа от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям» был написан в мае 1921 г. Ред.

вить предложенис. Но буквально, кажется, через два-три дня получаем от него уже написанный им тут же после пленума объемистый проект резолюции; он просил по телефону сообщить ему поправки. Ознакомившись с проектом, мы увидели, что документ написан настолько исчерпывающе, что не требует никаких поправок. Эти тезисы Ленина были утверждены ЦК и потом одобрены и приняты в качестве резолюции XI партийным съездом; они легли в основу всей дальнейшей работы профсоюзов.

Почему Ленин, никому не поручая, сам взялся написать тезисы о профсоюзах? На этот вопрос можно ответить только одно: он придавал всегда большое значение профсоюзам, как организации масс, как подлинной школе коммунизма. Ленин выступал на всех общих профсоюзных съездах и на многих съездах и конференциях отдельных профсоюзов. Еще и еще раз перечитывая написанные им тезисы, убеждаешься в жизненности многих основных положений для работы профсоюзов и в современных условиях.

С большим вниманием и, я бы сказал, с какой-то особой любовью Ленин относился к молодежи. Прежде всего это сказывалось в его постоянной заботе о положении школ и учителей. Эти вопросы не раз были предметом специального обсуждения на заседаниях Центрального Комитета. Я вспоминаю одно заседание пленума ЦК в начале 1921 года, когда Ленин, доказывая необходимость серьезно заняться улучшением жизни детей, внес предложение создать при ВЦИК комиссию, которая бы занялась этим вопросом. Во главе комиссии Ленин предложил поставить Ф. Э. Дзержинского, с тем чтобы включить чекистские кадры в борьбу с детской беспризорностью. Потом он довольно часто при встречах перед заседаниями расспрашивал Ф. Э. Дзержинского, как идет работа в комиссии и что сделано для улучшения жизни детей.

Живой интерес Ленина к работе комсомола, забота о коммунистическом воспитании молодежи были ярко отражены в его замечательной речи на III съезде комсомола в октябре 1920 года¹. В ней в очень простой форме Ленин ясно отвечает на вопрос, как надо понимать и проводить коммунистическое воспитание, что такое коммунист и каким он должен быть. В этой речи Ленин на простых примерах намечает конкретную программу работы комсомола, а также развивает вопросы постановки дела в советской школе.

Надо сказать еще об одной черте Ленина — о его отзывчивости, о возможности всегда лично с ним посоветоваться и попросить его выступить на собрании, совещании или съезде. Он в этом почти никогда не отказывал, несмотря на всю свою заня-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 298—318. *Ред.*

тость делами Совнаркома, ЦК и работой над теоретическими вопросами. Мне пришлось принимать участие от ВЦСПС во Всероссийском учредительном съезде профсоюза горнорабочих в 1920 году. В ходе работ съезда возникли разные мнения по вопросу о персональном составе избираемого ЦК союза. Было решено обратиться к Ленину, посоветоваться с ним. Я позвонил по телефону и просил Владимира Ильича принять нас — делегацию съезда, на что он ответил немедленным согласием.

Принимая делегацию, Ленин с каждым поздоровался крепким рукопожатием. Потом, когда все уселись за стол, Ленин обратился к нам: «Ну-с, давайте, товарищи, рассказывайте, что у вас на съезде происходит и чем я могу быть вам полезен». Мы коротко информировали его о ходе работ съезда и о возникших разногласиях. Пробыли мы у него, кажется, часа три. Выслушав разные мнения о составе руководства, он высказал свое мнение, с которым потом единодушно согласился весь съезд.

Большая часть беседы ушла у Ленина на рассказы людей, приехавших из угольных районов. Нужно было видеть, с каким вниманием, выдвинувшись вперед за своим столом, он слушал рассказы о положении дел на местах, какое обилие вопросов его интересовало: о добыче угля, о жизни людей, о том, что думают люди; расспрашивал о работе хозяйственных и других организаций. Сначала ответы были несколько общими и скудными, а потом, почувствовав живой интерес Ленина к самым простым вопросам, делегаты разошлись и начали сами подробно обо всем рассказывать. В конце беседы делегация попросила Ленина выступить на съезде. Он тотчас же дал согласие и действительно выступил (точно не помню, в этот же или на следующий день) ¹.

Ленин вообще часто выступал на митингах, собраниях, на предприятиях, различных конференциях, съездах: это было у него жизненной необходимостью. Через встречу с людьми на собраниях, в беседах он черпал материал для своих обобщений.

Возникает вопрос: как Ленин успевал осуществлять свое руководство в ЦК, Совнаркоме, Совете Труда и Оборона, заниматься вопросами теории, следить за международными делами, не упускать из виду, что происходит в экономике, науке и технике, и в то же время довольно часто выступать на собраниях? На этот вопрос можно ответить только одним: кроме того, что он постоянно горел и не щадил своих сил и здоровья, Ленин был очень организованным человеком.

Ясность мысли, быстрая ориентировка во всех вопросах, принципиальность, строгое соблюдение норм товарищеской, коллективной работы, необыкновенная чуткость, способность быстро уловить, что правильно, а что неправильно, смелость и

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 292—298. Ред.

широта его подхода ко всем вопросам, необыкновенная способность быстро все взвесить, учесть все обстоятельства, умение привлечь внимание к самому важному — таков в общих чертах был Ленин на заседаниях, в деловой обстановке.

Владимир Ильич гениально сочетал в себе глубокий теоретический ум, способный охватить события большого исторического масштаба прошлого и настоящего, правильно предвидеть в основном развитие исторических событий в будущем, и необыкновенную практичность в решении самых различных вопросов. Трезвость, расчетливость политика-марксиста, умеющего всегда правильно оценить конкретную обстановку, он соединял в себе с величайшей смелостью и решительностью революционера. Об этом говорят хотя бы примеры замечательной ленинской тактики от Февраля к Октябрю 1917 года, его смелый план электрификации страны, выдвинутый в обстановке послевоенной разрухи и голода, или же разработанный им крутой поворот от военного коммунизма к нэпу в 1921 году.

Ленин сочетал в себе пламенного агитатора и пропагандиста, умеющего целиком захватить слушающих его людей, и в то же время организатора, предусматривающего все до мелочей, чтобы осуществить поставленные задачи.

Ленин соединял в себе ни с чем не сравнимое мужество вождя, бесстрашие, железную волю, основанную на глубокой вере в силу рабочего класса и неизбежность победы социалистической революции, в торжество коммунизма. Ленина нельзя себе представить в покое. Он всегда и весь в борьбе с классовыми врагами трудящихся, в борьбе с предрассудками, недостатками. Непримиримость к оппортунизму во всех его видах, ненависть к врагам пролетариата и всяким формам рабства в то же время у него сочетались с величайшей чуткостью к людям и редкой человечностью.

Таков был Ленин.

* *

*

Я сделал что мог, дабы восстановить в памяти образ Ленина и важнейшие события и обстоятельства, при которых мне приходилось его видеть и слышать, а то, что в памяти уже трудно было точно восстановить из сути его выступлений, я попытался это в краткой форме сделать при помощи текста его Сочинений.

Известно много попыток дать образ Ленина в литературе и искусстве; есть среди них более удачные, есть менее удачные и совсем неудачные. Одно можно сказать: чтобы знать, каким был Ленин, чтобы представить его в действии, в его великих делах, надо читать Ленина, его статьи, книги и речи, в них он отражен полностью. Читая, следить за существом и движением его мысли, за его методами изложения, за железной логикой и

изумительной диалектикой мышления. Его образ живет в его творениях. Всю свою кипучую натуру, всю стремительность революционера, всю необыкновенную внутреннюю силу — все это он вкладывал в свои произведения.

Мне в жизни выпало большое счастье много раз видеть и слышать великого Ленина. Не раз я перечитывал его произведения и всегда находил ответы на многие вопросы современности. Ленинские сочинения — это вечно живой, неиссякаемый источник мысли и жизни.

Какое значение имел Ленин для рабочего класса и его авангарда, для всего нашего движения, — это знает каждый рабочий и крестьянин не только нашей страны.

После смерти К. Маркса его друг Ф. Энгельс писал: «Что означал для нас этот человек в области теории, а во все решающие моменты также и в области практики... Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности...»¹

То же самое можно сказать и о Ленине. Конечно, раз сложились известные причины, историческая необходимость неизбежно пробьет себе дорогу. Историю творят массы, а не отдельные личности. Великая Октябрьская социалистическая революция совершена рабочим классом под руководством партии. Но, имея во главе движения Ленина, наш народ, рабочий класс и его авангард — партия прошли весь путь подготовки к Октябрю, совершили социалистическую революцию, одержали победы в гражданской войне и потом в социалистическом строительстве несомненно успешнее и с меньшими ошибками и жертвами, чем это было бы без Ленина. Это можно сказать твердо.

Вот кем для нас был Ленин, вот кем он является для всего человечества, для исторического развития от капитализма к коммунизму. Ленин не только безошибочно указывал задачи рабочего класса в известных исторических условиях, но он с прозорливостью гения научно определял эти задачи на долгий исторический период, включая и переход к коммунизму. Вот почему нашей партии, народам нашей страны, международному пролетариату значительно легче идти к окончательной победе коммунизма над капитализмом, имея в руках такое оружие, как ленинизм.

Всевозможные трубадуры капитализма не раз пытались похоронить ленинизм. Какие только меры буржуазия и ее лакеи — оппортунисты не предпринимали, чтобы помешать распространению идей ленинизма! Но ничто не мешало и не может мешать победному шествию великих идей Ленина по всему миру.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд., т. 35, с. 382, 383. *Ред.*

Ленинизм живет и побеждает в делах нашей Коммунистической партии, которая превратилась в мощную силу, без влияния которой не проходит ни одно историческое событие не только в нашей стране, но и во всем мире. Наша партия, тесно соединив себя с массами, благодаря своей беззаветной борьбе за дело коммунизма приобрела такое доверие, авторитет и влияние в народе, которые позволяют ей, организуя и увлекая за собой массы, решать в короткие сроки самые трудные задачи социалистического строительства.

Ленинизм живет в неколебимом единстве, сплоченности рядов нашей партии, в ленинской политике Центрального Комитета.

Ленинизм нашел свое яркое выражение в исторических решениях XX, XXI, XXII съездов нашей партии, в Декларации и Заявлении международных Советов коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в 1957 и 1960 годах.

Ленинизм — учение, враждебное всякому застою, — с каждым днем становится все более могучей силой, обогащаясь вновь и вновь революционным опытом масс, теоретической и практической деятельностью как нашей партии, так и коммунистического движения всех стран.

Яркий образ В. И. Ленина, его жизнь, полная борьбы за освобождение человечества от всякого рабства, его бессмертные идеи живут и вечно будут жить в сердцах людей, воодушевлять наш народ и все прогрессивное человечество на борьбу за мир между народами, за окончательную победу коммунизма.

Андреев А. А. О Владимире Ильиче Ленине. Второе, дополненное изд. М., Полигиздат, 1965, с. 3, 26—61

МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Мое знакомство с Владимиром Ильичем имеет тридцатилетнюю давность, и поэтому понятно, что мне приходилось встречаться с ним по разным вопросам. Но, вероятно, я не ошибусь, если скажу, что за последнее пятилетие наши встречи имели определенно технический уклон. Говоря другими словами, он прежде всего видел во мне техника, и притом такого техника, с которым ему интересно было поговорить на занимавшие его темы. Я не говорю уже о тех записочках и обращениях ко мне, которые были конкретно связаны с тем или иным изобретением или с судьбой того или иного изобретателя. В настоящее время¹ многочисленными свидетельствами установлено, как необычайно велик был круг тех лиц, о персональной судьбе которых истинно по-товарищески заботился Владимир Ильич. В разряде этих лиц немалую часть составляют такие люди, которые и лично, и по партийной линии ничего общего с Владимиром Ильичем не имели, но интересовали его исключительно как проводники той или иной полезной технической идеи. В особенности, если эта идея при своем удачном осуществлении могла оказать толкающее вперед, революционизирующее влияние.

В немногие минуты отдыха, которыми располагал Владимир Ильич для простой дружеской беседы со мной, я знал, что не было лучшего средства отвлечь Владимира Ильича от тяжелых забот, как беседа о новостях науки и в особенности об очередных завоеваниях техники. А в разряде этих завоеваний его, конечно, прежде всего интересовали те, которые могли найти непосредственное приложение у нас в России. Ведь в существовании Владимира Ильича в необычайном единстве сливался глубокий мыслитель с активнейшим революционером. А это последнее начало непрерывно толкало его к действию до конца и к сокращению всяческих препятствий, раз таковые стояли на путях какой-либо правильной идеи. Самый же процесс борьбы был как раз той стихией, в которой он себя особенно хорошо чувст-

¹ Воспоминания написаны в 1956 году. *Ред.*

вовал. Он мог легко перевести какой-нибудь момент, казалось бы, отвлеченного разговора в гущу самой стремительной практики. Тем более, что по нашим объективным условиям мы нуждались и нуждаемся именно в такой стремительной практике.

Октябрьская революция поставила работников Советской России на хозяйственном фронте в положение подлинных пионеров. Громадная страна еще только-только была разбужена революцией от векового сна. Мы знали в буквальном смысле еще только азбуку в области познания наших природных ресурсов. В лице Владимира Ильича мы имели человека, превосходно отдававшего себе во всем этом самый полный отчет и, как никто, обладавшего таким авторитетом для решительного перехода от правильной теории к нужной практике, который как нельзя лучше мог сократить муки родов новой, Советской России. Когда теперь с сугубым вниманием просматриваешь переписку с ним и перебираешь странички своих воспоминаний, то еще и еще раз становится ясно, с каким громадным опережением, истинным опережением гения, работал этот человек, каким необыкновенным чутьем истины и надлежащей пропорциональности частей искомого целого он обладал и как часто в том, что казалось его ошибкой, повинен был не он, а исключительно мы, его сотрудники.

Быстрота, с которой разбирался Владимир Ильич в весьма сложных технических вопросах, давала мне право подшучивать над ним, утверждая, что все мы много теряем оттого, что судьбе угодно было посвятить его студенческие годы изучению юриспруденции, а не техники. Но не только этот быстрый охват технической сущности, а прежде всего и более всего активность природы Владимира Ильича, его непрестанная готовность к борьбе и к сокрушению такого рода препятствий, перед которыми дрогнули бы не одни только малодушные, — вот что делало таким неоценимым его сотрудничество для нас, техников, связывавших так много надежд с технической реорганизацией страны. Если же верно то, что истинный техник — это прежде всего непрестанный борец, то несомненно, что во Владимире Ильиче таились громадные возможности и для технического творчества.

Тяжкий голодный год, зловещий 1921 год, думается мне, был той последней каплей в чаше испытаний, выпавших на долю Владимира Ильича, которая переполнила ее так, что вкопец подорвала его силы.

Состояние здоровья Владимира Ильича весной 1922 года, мучительнейшая бессонница, которая уже и тогда отравляла его существование, были таковы, что приходилось серьезно думать о необходимости длительного отпуска и самого серьезного климатического лечения. Программа была намечена правильная, но, к нашему великому горю, мы не успели ее выполнить. Бо-

лезнь пошла вперед форсированным темпом и опередила нас. Однако накануне предполагавшегося отъезда, 6 апреля 1922 года, Владимир Ильич мне писал:

«Вчера Мартенс мне сказал, что «доказана» (Вы говорили «почти») наличность невиданных богатств железа в Курской губернии.

Если так, не надо ли *весной уже* —

1) провести там необходимые узкоколейки?

2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электрической станции?

Если сие соображение не кажется Вам излишним, напишите о нем Мартенсу (и мне 2 слова).

Мартенс хочет ехать туда недели через 3...

Дело это надо вести *сугубо* энергично. Я очень боюсь, что без тройшой проверки дело заснет»¹.

Вот передо мной другой характерный документ. Известный изобретатель гидроторфа Р. Э. Классон, который был знаком с Владимиром Ильичем еще в 90-х годах, пишет во Внешторг с копией в Главторф на целых семи листах обширное письмо. В нем он жалуется на ряд тормозов, стоящих на пути осуществления его планов. Классон описывает свою заграничную поездку и те новинки в технике торфодобычи, которые он наблюдал в Германии. В частности, он сообщает о прессах системы «Мадрук», которыми можно получать механическое отжатие торфяного сырца до 60% влажности. Это письмо попало ко мне от Владимира Ильича, и нужно видеть, как он испещрил все его семь страниц самыми разнообразными подчеркиваниями одной и двойной чертой, заметками на полях, восклицательными и вопросительными знаками. Вероятно, и сам Р. Э. Классон не мог ожидать, что каждое слово его письма будет разобрано с таким величайшим вниманием. Пометки показывают, что, в противовес Р. Э. Классону, Владимир Ильич считал цены платежей, предъявленных нам немецкими фирмами, весьма и весьма солидными, но тем не менее он настоял, несмотря на все мои отговорки, на испытании этого способа прессовки торфа у нас под Москвой. Я помню, что он основательно запросил меня, почему 60-процентная влажность может считаться таким крупным шагом вперед и почему Р. Э. Классон может предполагать, что дальнейшая осушка торфа уже сравнительно легка. А ведь это письмо Классона отправлено было из Берлина 23 марта 1921 года, то есть как раз в самый разгар срыва нашей весенней посевной кампании в этом злосчастном году, в те дни, когда, по показаниям свидетелей, небывалый весенний зной все чаще и чаще заставлял Владимира Ильича с тревогой поглядывать на роковое безоблачное небо...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 227. Ред.

О Владимире Ильиче говорили: «Великий инициатор и вдохновитель государственной электрификации России». В этих словах нет никакого преувеличения. Включение доклада об электрификации России в повестку для VIII Всероссийского съезда Советов¹ — всецело дело рук Владимира Ильича. В одной из бесед со мной он определенно подчеркнул, что не так-то легко было это провести. В свое время сенсацией были слова Владимира Ильича на этом VIII съезде о том, что работы Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) должны явиться своего рода новой партийной программой. Громом аплодисментов ответил съезд на заявление Владимира Ильича о том, что на последующих съездах доклады инженеров и агрономов, участников строительства Советской России, станут обычным явлением!²

Самая мысль об электрификации уже давно созрела в нашей технической среде. Об этом свидетельствуют и рост фактического электроснабжения, и многочисленные доклады на электротехнических всероссийских съездах. Еще в 1912 году был выработан проект сооружения под Москвой крупной районной электрической станции на громадных торфяниках Богородского уезда³. В 1915 году мне лично пришлось выступать на съезде деятелей по торфодобыче и по разработке залежей подмосковного угля со специальным докладом о значении для России сооружения районных станций на торфе. В том же 1915 году вышла чрезвычайно показательная брошюра инженера Э. Бухгейма «К экономическому освобождению России», в которой это освобождение намечалось путем «электрификации ее территории». Здесь, между прочим, мы читаем: «Электрификация России все равно рано или поздно станет неотложной и настоятельной потребностью, необходимой для подъема общего благосостояния и производительности всей страны»...

Можно бы много привести еще примеров, могущих показать и доказать, что еще в довоенное время⁴ идеи разнообразных сдвигов нашей экономики, связанных с осуществлением электрификации, давно уже носились в воздухе.

И, однако, не подлежит сомнению, что весь размах электрификации нашей хозяйственной стройки как неотъемлемая часть единого социалистического хозяйственного плана — что все это идет от Владимира Ильича, и идет в резком разрыве и по масштабу и по качеству со всем прошлым дооктябрьской электрификации.

¹ VIII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов состоялся в Москве 22—29 декабря 1920 года. *Ред.*

² См. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 42, с. 156—157. *Ред.*

³ Ныне Ногинского района. *Ред.*

⁴ До первой мировой войны. *Ред.*

Выступая решительно за электрификацию, Владимир Ильич в достаточной степени учитывал отсталость нашей экономики и нашу нищенскую бедность в накопленных капиталах. Все это он видел и вполне реалистически представлял себе уже по одному тому, что его перу принадлежит целый ряд работ, в которых он документирует свое глубокое знакомство с данными нашей русской статистики по самым ее первоисточникам. Но он знал также, что плуг социальной революции впервые пашет именно наши равнины и что при наличности этой работы роль техники трудно переоценить.

При всей своей революционной дерзости Владимир Ильич, как никто, прочно, обеими ногами стоял на почве самой реальной действительности и даже более того — как бы выростал из самих глубин ее, ибо, как никто другой из современников, он обладал особым даром проникновения в сокровеннейшие мысли и чувства миллионов народных масс. Как будто бы он был с ними в каком-то особом, непосредственном родстве. Это, между прочим, сказывалось в особой простоте и вместе с тем народной сочности самой речи Владимира Ильича, в характере его выражений, при всей его научной мысли.

Мы, техники, знаем превосходно, как важны в нашей работе творческая дерзость и целостная убежденность. Мне думается, что наличность этого рода линий в свою очередь немало содействовала симпатиям Владимира Ильича к работе техников и к самим техникам. Навсегда запомнился один из вечеров, проведенный нами по приглашению Владимира Ильича в Кремле при демонстрации киноленты, изображающей работу на торфе и сопоставляющей старые способы торфодобычи с методами работы Гидроторфа. И навсегда останутся памятны беседы в этот вечер с Владимиром Ильичем, его расспросы о наших успехах на путях разрешения торфяной проблемы, его веселое оживление и подбадривающие слова...

Торфяной проблеме вообще пришлось сыграть некоторую роль в ознакомлении Владимира Ильича с вопросами электрификации. В декабре 1919 года в одной из бесед с ним я дал ему подробную характеристику возможного значения торфа в нашем топливном балансе и роли торфодобычи в электроснабжении. Придя домой через несколько часов, я получил от него записку. Он писал:

«Глеб Максимилианыч!

Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе.

Не напишете ли статьи об этом в «Экономическую Жизнь» (и затем брошюркой или в журнал)?

Необходимо обсудить вопрос в печати»¹.

И тут же — набросанные рукой Владимира Ильича тезисы статьи.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 105. Ред.

Статья, удовлетворявшая желанию Владимира Ильича, была мною написана и напечатана в виде фельетона в «Правде»¹.

Во второй половине января 1920 года я послал В. И. Ленину статью о задачах электрификации промышленности и 23 января получил от него такое письмо:

«Глеб Максимилианович!

Статью получил и прочел².

Великолепно.

Нужен ряд таких. Тогда пустим брошюрой³. У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом».

Надо 1) примечания *пока* убрать или сократить. Их слишком много для газеты (с редактором буду говорить завтра).

2) Нельзя ли добавить *план* не технический (это, конечно, дело *многих* и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса; на торфе, на воде, на сланце, на угле, на нефти (*примерно* перебрать Россию всю, с *грубым* приближением). Начнем-де сейчас закупку необходимых машин и моделей. Через 10 (20?) лет сделаем Россию «электрической».

Я думаю, подобный «план» — повторяю, не технический, а государственный — проект плана, Вы бы могли дать.

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*. Доработаемся до *стольких-то* (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами? или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет.

Поговорим по телефону.

23.1.

Ваш Ленин

Р. С. Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то может быть будет возможна через 5—10 лет? может быть на Урале возможна?

¹ Статья Г. М. Кржижановского была опубликована в газете «Правда» № 5, 10 января 1920 года под заголовком «Торф и кризис топлива». *Ред.*

² Статья Г. М. Кржижановского «О задачах электрификации промышленности» была опубликована в сокращенном виде в газете «Правда» № 20, 30 января 1920 года. *Ред.*

³ Брошюра Г. М. Кржижановского «Основные задачи электрификации России» была издана в феврале 1920 года. *Ред.*

Не сделать ли особой статьи о «государственном плане» сети электрических станций, с картой, или с примерным их перечнем (числом), с перспективами, способными централизовать энергию всей страны?

Позвоните мне, пожалуйста, по телефону, получив это письмо, и мы поговорим»¹.

После этого в течение нескольких недель мной была составлена брошюра «Основные задачи электрификации России», и тов. Бонч-Бруевичу под нажимом Владимира Ильича пришлось весьма поторапливаться с ее выпуском в свет. Само собой разумеется, что при такой быстроте составления брошюрка эта могла сослужить лишь временную работу агитационной листовки, и, когда Владимир Ильич предложил мне поместить свое предисловие, я не хотел связывать его имени с этой спешной брошюрой и был решительно против этого.

С конца февраля 1920 года начала работать организованная мной Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), которая самой возможностью своего бытия, конечно, целиком обязана Владимиру Ильичу. Работа этой комиссии с самого начала весьма интересовала Владимира Ильича. Он лично познакомился с некоторыми членами комиссии и при моем посредстве имел точное представление о всех главнейших участках нашей работы. Он очень опасался, чтобы мы в своей работе не замкнулись в узкий круг интересов и лиц, настаивая на таком ведении дела, при котором надлежащим образом пропагандировалась бы самая идея электрификации.

Пусть товарищи припомнят обстановку, в которой мы жили в начале 1920 года, когда у нас еще был военный фронт и когда послевоенная разруха давала себя знать на каждом шагу колоссальными затруднениями при отправлении самых неотложных государственных надобностей. И все это гигантской тяжестью обрушивалось на плечи прежде всего Владимира Ильича, на эти плечи, которые с таким величайшим самопожертвованием готовы были принять на себя любую тяготу, раз дело шло о защите интересов пролетариата.

Неоднократно в зимние вечера этого года он приглашал меня к себе для обсуждения того или другого вопроса по ходу наших работ и самым внимательным образом выслушивал те сообщения, которые я делал ему по поводу аналогичных работ на Западе. Припомните, как известный английский писатель Уэллс вспоминал свою беседу с Владимиром Ильичем об электрификации России. Этот писатель был убежден, что электрификация приличествует примерно такой стране, как Англия, но по отношению к пустыням России она является прямой фантастикой. Тем не менее он признавал, что убежденность Владимира Ильича

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 62—63. *Ред.*

поколебала его, и он подумал даже о возможности электрификации России, если за это дело примется Ленин.

Да, во Владимире Ильиче помимо глубокого учета сил науки и техники жила еще глубочайшая, непоколебимая уверенность в могучих силах трудящегося населения России, взбодренных вихрем революции. Сколько раз после таких бесед с Владимиром Ильичем уходил и я сам с новым подъемом сил, с еще более крепкой убежденностью в победоносном исходе нашей борьбы! А когда в конце 1920 года в предисловии к докладу ГОЭЛРО VIII Всероссийскому съезду Советов я писал о крепких руках истинных строителей жизни, перед моим умственным взором проносились не только многомиллионные шеренги рабочих и крестьян, но и дерзостный и стремительный облик их вождя, проникнутого такой исключительной уверенностью в их творческих силах.

Как-то раз в беседе с Владимиром Ильичем я привел ему цифры производства лампочек накаливания, до которого дошли Соединенные Штаты. При сопоставлении со 100-миллионной цифрой населения Штатов выходило, что электрическое освещение становится демократическим. Помню, что мы с Владимиром Ильичем пришли к тому выводу, что за первым десятком отчаянно трудных начинательных лет мы сможем, при условиях советского строя, взять еще гораздо более решительный темп популяризации завоеваний науки и техники, чем американский. Вся сущность успеха наших начинаний при этом целиком будет обязана единому решающему моменту: нигде в мире нет такой, как у нас, прямой, безоговорочной, нелicenseмерной связи с широчайшими народными массами при проведении в жизнь любой идеи, связанной с интересами этих масс. А раз это так, то и в экономическом творчестве с неизбежностью должен сказаться тот общий закон, который отмечен К. Марксом и который гласит, что продуктивность того или иного исторического акта прямо пропорциональна наличности охваченных им народных масс¹. Нет никаких сомнений, что порой наши декретные устремления опережают фактическое строительство, но разве мы не сознательно идем на такое опережение, усматривая в декрете не только сухую формулу закона, но и живое слово пропаганды?

Прошло несколько недель после этого разговора, и я получил от Владимира Ильича нижеследующее характерное для него письмо:

«Г. М.! Мне пришла в голову такая мысль.

Электричество надо проагандировать. Как? Не только словом, но и примером.

Что это значит? Самое важное — популяризировать его. Для

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 18. *Ред.*

этого надо теперь же выработать *план* освещения электричеством *каждого дома* в РСФСР.

Это надолго, ибо ни 20 000 000 (— 40 000 000?) лампочек, ни проводов и проч. у нас *долго* не хватит.

Но план все же нужен *тотчас*, хотя бы и на ряд лет.

Это во-1-х.

А во-2-х, надо *сокращенный* план выработать тотчас и затем, это в-3-х, — и это самое главное — надо уметь вызвать и *соревнование и самодеятельность масс* для того, чтобы они *тотчас* принялись за дело¹.

Как характерны эти строки для их стремительного автора, для оправдания самого наименования электролампочек в наших сельских просторах «лампочками Ильича»!

Для того, чтобы закончить в 9-месячный срок доклад по электрификации, нашей комиссии пришлось работать с лихорадочной поспешностью. Целые главы этой книги приходилось отправлять почти в буквальном смысле без просмотра, прямо из-под пишущей машинки в типографию. А за плечами стоял необычайно внимательный и критически изощренный первый читатель этого труда: Владимир Ильич потребовал, чтобы один экземпляр корректуры шел по его адресу. Вспоминаю, как я бывал озабочен в эти дни и как волновался, поджидая заветного телефонного вызова. Особенно меня беспокоила глава по аграрному вопросу, величайшим знатоком которого был именно Владимир Ильич, и которая как раз представляла такую трудность для обработки со специальной, «энергетической» точки зрения. Но и до сих пор в моей душе радость, когда я вспоминаю его отношение к этому нашему дружному коллективному труду.

Немало пробелов и недостатков в этой работе. За судьбу этой книги мы не страшились: ведь ее критиком и первым читателем был человек, в зоркости и пронизательности глаза которого не сомневались даже и его враги. Она свидетельствует, что один и тот же гениальный ум и та же крепкая рука направляли и руль социальной революции и гигантский трактор новой техники, в своем нераздельном единстве призванные создать новую, светлую, радостную и братскую жизнь.

* *

*

Человек нам дорог во всей его многогранности, в особенности если это человек из той редкой породы, которую мы можем назвать типичной для представителей гениальных человеколюбцев.

А ведь именно к этим людям и относился наш такой простой, всегда доступный самому широкому своему окружению,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 39. *Ред.*

преисполненной самоотверженной любви ко всем «труждающимся и обремененным», наш В. И. Ульянов-Ленин.

Если вы спросите любого из нас, стариков, имевших счастье быть в непосредственном окружении Владимира Ильича, не было ли в нем каких-либо черт, которые могли бы быть изменены к лучшему, мы все ответим вам единодушно: вот уж когда всякое «лучшее» было бы врагом подлинно хорошего...

Небольшого общения с ним уже было достаточно, чтобы почувствовать, что от него так и веет особо подбадривающей силой и энергией борца страстного, находчивого, удачливого и высокоэрудированного. Его большой природный здравый смысл как-то по-особенному, по-ильичевски обрамлялся всесторонней тонкой одаренностью, исключительной «суммой разума».

Известно, что венгерский маэстро Лист советовал русскому композитору А. П. Бородину прежде всего помнить, что люди больших дел не боялись быть самими собой.

Вот эта яркая выявленность подлинной, никогда ничем не прикрашиваемой личности сразу бросалась в глаза при встрече с Владимиром Ильичем, и дальнейшее знакомство с ним только подкрепляло в вашем сознании эту его черту.

Идет ли он на ответственное заседание ЦК или СНК, собирается ли выступить перед многолюдным собранием рабочих в каком-нибудь обширном заводском цехе (а это были для него особо волнующие выступления), готовится ли он к выступлению в Большом театре, ожидает ли он у себя на дому, в этих заветных кремлевских комнатках, того или иного посетителя, — перед нами один и тот же Владимир Ильич, по-особому собранный и по-особому вооруженный для борьбы со всем тем, что мешает людям жить по-человечески, такой простой и такой неотразимый по ясной убедительности того, что он скажет.

А скажет он лишь то, что считает особо нужным этим ожидающим его людям, что соответствует ведущей правде жизни, скажет напрямик, не считаясь с тем, что, быть может, многим из его слушателей будет не по себе, когда они заглянут этой правде в глаза.

Якобинец Робеспьер, как известно, весьма заботился о том, чтобы и самый костюм его был запечатляем в глазах массы как нечто присущее только ему, Робеспьеру.

Карл Маркс случайно застиг явившегося к нему впервые Луи Блана за прихорашиванием перед зеркалом в передней. Это сразу принизило Луи Блана в глазах Маркса.

Ничего подобного не могло случиться с Владимиром Ильичем. Костюм его был всегда весьма прост, обычен, без малейшего оттенка какой-либо претенциозности.

Встречу с этим человеком я считаю самым счастливым событием в моей жизни; революционную деятельность Владимира Ильича — величайшим счастьем для нашей Родины; то обстоя-

тельство, что в эту великую и вместе с тем критическую эпоху, которую переживает в наши дни все человечество, Ленин является в глазах все новых и новых миллионов людей их светлым гением,— наиболее многообещающим фактором несокрушимого прогресса человечества.

И нельзя дать лучшего совета людям, чем совет почаще заглядывать в творения Ленина, изучать то неизмеримое богатство, которое он оставил людям в своих трудах, в примере своей жизни.

Как метко писал А. М. Горький, когда утверждал:

«Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда». И далее: «Обаятелен был его смех,— «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердцем».

Старый рыбак, Джиованни Спадаро, сказал о нем:

— Так смеяться может только честный человек»¹.

Помню, как однажды я и один из тогдашних наркомов, с которым я был в непрестанном антагонизме, ворвались в кабинет к Владимиру Ильичу, находившийся рядом с залом заседаний СНК,— свое председательство на этот раз он передал кому-то другому,— ворвались с градом обвинений друг друга. Владимир Ильич пытался прислушаться к нам, но вскоре мы заметили, как лицо его покраснело, глаза весело заискрились и он разразился своим задушевым смехом, смехом до слез, бросая по нашему адресу:

— Нет, вы посмотрите на них: они воображают, что я хоть что-либо могу понять из того потока слов, который они обрушивают на меня!..

И яростным противникам ничего не оставалось, как только присоединиться к его смеху над ними.

Да, воистину это был человек-магнит!

Если мы скажем, что Владимир Ильич всегда стремился окружить себя людьми большого таланта и волевой энергии, то этого будет мало. Он положительно готов был «ухаживать» за такими людьми, радовался их успехам, прощал им порой многие «слабости», которые, казалось бы, не могли ускользнуть от его зоркого взгляда.

И когда кто-либо в его присутствии распространялся об «отрицательных качествах» того или иного товарища, он резко прерывал всякую обывательщину в этом направлении:

— Вы мне расскажите-ка лучше, какова линия его политического поведения.

¹ Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 17. М., 1952, с. 22. Ред.

И одновременно какая тонкая всесторонняя заботливость о своевременной помощи товарищу, сколько документов исключительной теплоты этого великого сердца хранит музей его имени!

Писал и читал Владимир Ильич с необычайной быстротой и тоже со своими милыми, ленинскими особенностями.

Писал без помарок, четко, красивым «бисерным» почерком. Любил подчеркивать то, что ему казалось особо существенным (особенно в записках частного характера): подчеркнет одной, а то и двойной чертой... Это частенько предупреждение — дружеское, но четкое: не поскользнитесь на этом месте!

Его чтение тоже носило особый характер: живые, искрометные глаза быстро неслись по страницам книги или рукописи; эти глаза были действительно «всевидающими»: от них ничего не ускользало.

Если в моем присутствии Владимир Ильич брал в руки какую-либо новую книгу, я невольно улыбался... По опыту знал: на ловца и зверь бежит; знал, что горе всякому лукавству мысли автора, всякому рабьему приспособленчеству.

Если книга была его собственной, ильичевской принадлежностью, он не стеснялся делать краткие карандашные пометки, метко бившие в цель.

Подчеркнет и поставит два знака вопроса: будьте уверены, что автор пойман с поличным. Напишет сбоку выразительное ильичевское «гм, гм» — это значит, что стóит здесь копнуть — и автор будет выведен на свежую воду...

Пламенная натура Владимира Ильича сказывалась и в быстроте и слаженности его движений, в остронасмешливом взгляде чудесных глаз, в некоторой обычной для него естественной «приподнятости» всего его существа, в особой остроте восприятия всего окружающего...

Как-то в последние годы его работы спрашиваю Владимира Ильича:

— Почему вы не попытаете развлечься хоть немного хорошей музыкой, Владимир Ильич?

— Не могу, Глеб Максимилианович: она слишком сильно на меня действует.

И чувствовалось, что этот человек, имевший такую власть над окружающими, еще бóльшую власть имеет над собой.

Такой «воспитанности» Владимир Ильич был, конечно, обязан и воздействию своей исключительной, по-дружески сплоченной и одаренной семьи, и той боевой закалке исключительных событий, в водоворот которых он был ввергнут революционными судьбами нашей Родины, но прежде всего и больше всего он был обязан самому себе, той железной, волевой дисциплине, которая была присуща Владимиру Ильичу с юных лет и которую он сохранил до конца своих дней. Он мог быть тре-

бователен по отношению к другим, потому что безгранично требователен был к самому себе.

Владимира Ильича можно было легко рассердить расплывчатой характеристикой какого-нибудь человека в качестве вообще «хорошего» человека. «При чем тут «хороший»,— аргументировал он.— Лучше скажите-ка, какова политическая линия его поведения...»

Владимир Ильич был партийным товарищем в лучшем смысле этого слова и в этом отношении не знал себе равного. При его жизни мы все чувствовали, что его дружеский зоркий глаз неустанно следит за нами, и с великой деликатностью и готовностью он спешил навстречу, если только убеждался в том, что товарищи находятся в затруднительном положении. В тесном дружеском кругу Владимир Ильич немедленно становился душой всего общества. Именно около него слышались самые страстные речи и наиболее веселый смех. Он был чрезвычайно осведомлен о личных особенностях каждого товарища и удивительно умел подходить к человеку именно сообразно с его особенностями. Лишь одного Владимир Ильич не терпел, как не терпел и Маркс,— фальши, позировки, фразистости.

На службе величайшей в мире революции он сжег все свои силы, он спалил напряженными думами свой гениальный мозг. Незадолго до своего последнего смертельного заболевания, едва оправившись от предыдущего болезненного припадка, он как-то говорил мне со смущенной улыбкой: «Да, мне кажется, что я брал на себя слишком большую нагрузку...» Он говорил это в вопросительном тоне. Умирая, он еще сомневался в том, достаточно ли его ставка, ставка самой жизни.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2. М., Госполитиздат, 1957, с. 658—670

ЛЕНИН — ВОЖДЬ НА ХОЗЯЙСТВЕННОМ ФРОНТЕ

С Владимиром Ильичем я был знаком с 1900 года в Пскове. При наших встречах он учил меня организационному искусству в применении к революционной работе. После его отъезда за границу, в годы 1900 до 1902 включительно, я продолжал получать от него указания, уже в письменной форме¹. Он меня, тогдашнего организатора «техники» «Искры», учил, как контрабандой возить на себе литературу через финляндскую границу, как организовывать кружки рабочих, как проводить генеральную партийную линию того времени в борьбе с экономистами-рабочедельцами. Учил, наконец, как подготовить российские организации профессиональных революционеров социал-демократов ко II партийному съезду. В то время я был представителем заграничной организации «Искры» и членом Организационного комитета по созыву съезда. К сожалению, на самый съезд я не попал, так как 4 ноября 1902 года был арестован вместе с П. Н. Лепешинским в Пскове, где происходила конференция Организационного комитета².

После восьми месяцев пребывания в доме предварительного заключения в Петербурге и в Петропавловской крепости я был сослан в Якутскую область. Бежав из ссылки в августе 1905 года, я поехал в Женеву для получения инструкций от заграничного центра по налаживанию транспорта большевистских изданий (я еще в ссылке самоопределился как твердокаменный большевик)...

В 1905—1907 годах я встречался с Владимиром Ильичем в Петербурге на заседаниях, совещаниях и конференциях редак-

¹ См. письма В. И. Ленина к И. И. Радченко (Полн. собр. соч., т. 46). *Ред.*

² Из остальных участников конференции (Краснуха, Красиков, Ленгник, Стопани, Левин) часть уцелела, часть была арестована несколько позже. *И. Р.*

ций «Новой жизни», «Волны» и прочих большевистских газет и журналов. Встречался с ним и в Куоккала (где он жил) — по делам тех же издательств. Последнее мое свидание с ним в этот период было в самом конце 1907 года, в связи с организацией его отъезда за границу. С тех пор, вплоть до 1917 года, я его больше не видел, хотя всегда был в курсе его работы через В. В. Воровского и других, выдававшихся с Владимиром Ильичем и переписывавшихся с ним.

1917 год

В бурном, богатом событиями 1917 году я ярко помню только одно свидание с Владимиром Ильичем — в ноябре, в Смольном, куда я приезжал со специальным поручением от Московского самоуправления изыскать в центре кредиты на организацию торфяного хозяйства в Московской губернии. Критическое положение с топливом в промышленности и на транспорте, в городском хозяйстве, в больницах и лазаретах, наконец, у самого населения заставило хвататься за этот еще малоизвестный и малоиспытанный у нас в то время вид топлива. Дело было поручено мне, имевшему за своей спиной пять лет практического опыта на торфоразработках богородской «Электропередачи» (ныне имени Классона).

Добившись пропуска в Смольный, я встретился в коридоре с Марией Ильиничной, которая и проводила меня к Владимиру Ильичу. Я застал его в маленькой комнатке, за маленьким столом, рядом с которым стоял простой венский стул для посетителей. Владимир Ильич чрезвычайно приветливо встретил меня. Стал расспрашивать, где я был эти годы, чем занимался. Высказал свое удовлетворение по поводу того, что я работал по торфу и знаю это дело. Владимир Ильич отметил большое значение торфа, как более доступного при данных обстоятельствах вида топлива, чем далекий донбасский уголь и бакинская нефть. С особенным увлечением говорил он о целом ряде будущих крупных электростанций на торфе, типа богородской «Электропередачи», о которой я рассказывал. На мой вопрос, не могу ли я быть лучше использован для революции на какой-нибудь другой работе, он настойчиво убеждал меня остаться на этом чрезвычайно важном, топливном фронте, тем более что я был одним из немногих *советских* специалистов в этой области.

Нужные Москве кредиты для организации торфяного хозяйства он лично считал необходимым дать и обещал поставить вопрос в Совнаркоме. До решения же этого вопроса он направил меня к Шляпникову и Гуковскому. Первый был в то время народным комиссаром торговли и промышленности, а второй — народным комиссаром финансов.

В разговоре с Владимиром Ильичем я задал ему вопрос о некоторых товарищах, между прочим о Л. Б. Красине: встречается ли он с ним и почему Красин не втягивается в работу. Владимир Ильич ответил:

— Встречаюсь... Ухаживаю за ним, как за барышней... Не хочет... Все равно — придет к нам со временем...

1918 год

Сохранилось удостоверение, выдавшее бюро совета районных дум 19 февраля 1918 года: «Заведующему городскими торфяными разработками инженеру *Радченко* и инженеру *Винтеру* в том, что они действительно командированы в г. Петроград по делам Московского городского общественного управления»¹.

В эту нашу поездку с Винтером правительством был сделан второй шаг к организации советского торфяного дела, а по переезде правительства в Москву это дело получило свою твердую организационную базу. Рядом с другими главками был организован Главтоп с подведомственными ему Главуглем, Главнефтью и Главторфом. Положение о Главторфе вышло 20 апреля 1918 года.

Все это происходило при энергичнейшем участии самого Владимира Ильича. При организации Главторфа шла борьба с Наркомземом, претендовавшим на то, чтобы все управление торфяным делом находилось в его руках, так как торф следует причислять к землям, почвам, а не к недрам. Тут пахло и эсеровским империализмом и старой министерской психологией: до революции немногочисленные торфоразработки находились в ведении министерства земледелия. Владимир Ильич разрешил этот спор на заседании Совнаркома, как это изложено в «Положении об организации Главного торфяного комитета отдела топлива Высшего Совета Народного Хозяйства» от 20 апреля 1918 года.

§ 5. Все торфяные болота, как земельные площади, находятся в ведении Комиссариата земледелия.

§ 6. После признания Главным торфяным комитетом той или иной залежи пригодной для целей промышленной эксплуатации Главный торфяной комитет обращается в Комиссариат земледелия с предложением передать ему данную залежь для эксплуатации...

§ 9. В состав Главного торфяного комитета входят представитель Комиссариата земледелия с решающим голосом...»²

¹ Из документов И. И. Радченко. *Ред.*

² Декреты Советской власти, т. II. М., Госполитиздат, 1959, с. 148. *Ред.*

Первым советским детищем в области торфоразработок было Шатурское болото. Но в 1918 году там велись лишь подготовительные работы, так как для разработки этого огромного болота требовалась целая армия торфяных рабочих и соответствующее количество продовольствия, которое рациональнее было предоставить старым, налаженным торфоразработкам. Продовольствие и кредиты на Шатурку были отпущены только осенью, по выздоровлении Владимира Ильича после августовского ранения. Помню первую нашу встречу по выздоровлении его; как меня поразил его усталый, болезненный вид и рука на перевязи...

Помню одно характерное для Владимира Ильича выступление при рассмотрении сметы на организацию разработки Шатурского болота. Дело происходило в СНК в апреле 1918 года. Представитель Наркомфина возражал против сметы Главторфа на постройку барачков для торфяников, предлагая чуть ли не вдвое меньше испрашиваемого. Помнится, постройка одного барачка в то время нами была исчислена в четыре тысячи рублей.

Получаю записку от Владимира Ильича:

«Вы когда-нибудь строили барачки? Твердо ли знаете, что надо 4000 р.?»

Я ответил утвердительно на той же записке.

Тогда Владимир Ильич уже вслух обращается ко мне с тем же вопросом и вслед за тем и к товарищу, оспаривавшему нашу смету. Тот удивленно отвечает:

— Нет, не строил.

Владимир Ильич поставил вопрос на голосование, формулируя его так:

— Есть два предложения. Первое — товарища, который раньше строил барачки, — дать четыре тысячи рублей.

Второе — товарища, который не строил барачки, — дать две тысячи рублей на барачки.

Первое предложение было принято огромным большинством голосов.

Весь конец 1918 года прошел под знаком борьбы за топливо, за усиление и упорядочение его добычи: 1 декабря в Совете Обороны обсуждался вопрос о топливе, 4-го был разрешен вопрос о мобилизации населения для лесных работ.

12 декабря я получил записку от Владимира Ильича такого содержания:

«Товарищу Радченко

Прилагасмое сообщено мне как предложение, исходящее от заведомо честного купца, осведомленного в дровяном деле и утверждающего, что тьма воровства и злоупотреблений могут и должны быть таким способом открыты.

Прошу *спешно* обсудить (сначала Вам с Волковским, а если хотите, и сразу в лесколлегии) и *тотчас же* сообщить мне Ваше заключение.

Председатель СНК *Ленин*¹.

К сожалению, я не помню содержания предложения, о котором пишет Владимир Ильич².

15 декабря Совет Обороны принял постановление о назначении временной комиссии для выяснения плана и программы работ Центрального лесозаготовительного отдела и Главлеса. Тогда же за подписью Владимира Ильича мне был выдан мандат как председателю временной комиссии по обследованию и улучшению работ Центрального лесозаготовительного отдела и Главлеса.

22-го в Совете Обороны опять стоял вопрос о работах временной комиссии по обследованию Главлеса.

Совет Обороны чуть ли не ежедневно обсуждал вопросы подвоза и заготовки дровяного топлива, снабжения рабочих, мобилизации гражданского населения (трудовинность), борьбы с дезертирством и т. д.

И все эти вопросы поднимал, разрешал, двигал и подталкивал неутомимый, не знавший отдыха Владимир Ильич! Ни одно постановление не проходило без его активного участия.

«Поневоле будешь Обломовым, — писал я как-то своему малолетнему сыну, — когда Ильич за всех думает, сам все делает за всех...»

В результате всей этой упорной и лихорадочной работы упорядочилась и усилилась добыча дровяного топлива для железных дорог, то есть для перевозки хлеба и войск, для отопления домов, больниц и лазаретов, для фабрик и заводов, работавших на оборону.

1919 год

Конец 1918 и весь 1919 год для Главторфа прошли под знаком добывания продовольствия для торфоразработок, в том числе и для Шатурских. Владимир Ильич принимал в этом деле самое деятельное участие, помогая, где и чем только мог. Имеется постановление Совнаркома от 6 февраля 1919 года «О вывозе маршрутными поездами хлеба для торфодобывающей промышленности». 14 апреля в Совете Обороны ставится и разрешается вопрос о выдаче охранных грамот артелям торфя-

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 218. *Ред.*

² К письму И. И. Радченко В. И. Ленин приложил составленный известным лицом план ускорения доставки продовольственных грузов и дров, находящихся для переправки на складах частных фирм, банков, общественных и государственных организаций, отделов Советов депутатов и пр. *Ред.*

пиков на вывоз ими хлеба с места жительства на место работы. Тот же вопрос о продовольствии для торфяников ставился в Совете Обороны еще четыре раза, в апреле и мае.

Сохранилось отношение тогдашнего народного комиссара продовольствия тов. Цюрупы к украинскому народному комиссару продовольствия о всемерном содействии самостоятельным заготовительным операциям уполномоченных Главторфа на Украине со следующей собственноручной резолюцией Владимира Ильича:

«Со своей стороны присоединяюсь к просьбе товарища Цюрупы и прошу оказывать тов. Радченко и другим уполномоченным всякое содействие. 17 апреля 1919 г. Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*».

Имеется удостоверение на мое имя от 19 апреля, выданное Управлением делами СНК за подписью Владимира Ильича, А. Д. Цюрупы, Л. Б. Красина и В. Д. Бонч-Бруевича, составленное в чрезвычайно энергичных выражениях. В нем предписывается властям и организациям Украины оказывать нам самое энергичное содействие в покупке мяса, солонины, сала и т. п., в погрузке этих продуктов, срочной отправке и беспрепятственном продвижении до места назначения.

Я привожу так подробно содержание этих документов для того, чтобы показать, какое громадное значение придавал Владимир Ильич торфу как топливу и торфу как базе для электрического света и электрических двигателей.

В частном разговоре Владимир Ильич как-то поинтересовался, какие меры мы принимаем для удержания торфяников на разработках, и со своей стороны предлагал освободить их от воинской и от трудовой повинности и выдавать премии предметами «ширпотреба»: мануфактурой, сапогами, косами и т. д.

Когда на богородской «Электропередаче» (станция имени Классона) забастовали, требуя повышения расценок, малозначительные в то время торфяники, вопрос рассматривался в СНК. По предложению Владимира Ильича СНК 27 мая было вынесено постановление:

Совет Народных Комиссаров в заседании от 27 мая с. г. постановил:

а) Послать на Шатурские болота¹ завтра утром через т. Дзержинского одного представителя от ВЧК комиссаром и при нем тт. Радченко и Лутовинова в качестве экспертов.

б) На посылаемого комиссара возложить задачу, в случае необходимости, милитаризировать рабочих по разработке торфа и добиться производства работ на условиях, установленных Всероссийским советом профессиональных союзов.

¹ В постановлении описки: имелись в виду торфоразработки «Электропередачи». *Ред.*

Комиссару предоставить право назначать себе, в случае необходимости, помощников в смежных пунктах».

Постановление это было вынесено в 11 часов ночи. Мы с Лутовиновым по предложению Владимира Ильича сейчас же отправились к Дзержинскому. Представителем от ВЧК был назначен А. В. Эйдук. Рано утром втроем мы выехали на «Электропередачу» и уладили конфликт.

11 ноября 1919 года, в 1 час дня, Главторф послал Владимиру Ильичу свой отчет о только что законченной торфяной кампании; отчет был строго деловой. В тот же день, в 11 часов вечера, я получил от него следующее письмо:

«В Главторф

11.XI.1919 г.

По поводу присланного отчета за 1919 г.

1) Желательно напечатать *итоги* в «Экономической Жизни» (и прислать мне 1 экземпляр).

2) При обилии таблиц детальных — *нет таблиц итогов* *о* *в* *ы* *х*:

— сравнение производства 1918, 1919 годов и *ранее* (число дней? % работавших машин? и т. д.)

— краткая карта? или расстояние от железнодорожных станций?

— условия пуска в ход *всех* машин?

— сравнимые данные о производстве в зависимости от потребления (еда и мануфактура)?

*Ленин*¹.

Из этого письма видно, как быстро ориентировался Владимир Ильич в таком совершенно новом для него деле, как внимательно он входил в детали его и какие давал дельные практические советы, хватая, что называется, быка за рога. Быстрота, с которой Владимир Ильич реагировал на наш отчет, показывает то значение, которое он придавал торфяному делу.

1920 год .

В этом году я особенно часто говорил с Владимиром Ильичем по вопросам продовольствия и оборудования для все расширяющихся, несмотря на трудности, связанные с гражданской войной, торфоразработок и технического и организационного усовершенствования их. Владимир Ильич живо интересовался всеми стадиями строительства Шатурской электростанции. Я его неоднократно приглашал на строительство, и он мне каждый раз отвечал:

— Охотно проехался бы к вам туда. С каким бы наслаждением походил бы по болотам!

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 83. *Ред.*

Но осуществить его поездку так и не удалось, да я и не настаивал, зная наши несовершенные, часто неисправные пути и средства сообщения того времени (связывали нас с Шатуркой железная дорога и моторная дрезина).

В феврале 1920 года ВСНХ командировал меня, как председателя Главторфа, на Урал для обследования и организации торфяного дела в области. Кроме того, мне, как уполномоченному Главлескома при 1-й армии труда, было поручено согласование и направление деятельности всех уральских гублескомов. Владимир Ильич придавал большое значение этой поездке и на обоих мандатах, полученных мною 5 февраля, имеется его собственноручная приписка: «Прошу оказывать *всяческое* содействие лично мне известному т-щу Радченко.

В. Ульянов (Ленин)».

Я имел трехминутное свидание с Владимиром Ильичем перед этой поездкой. О чем конкретно мы говорили в эти три минуты, я уже не помню, но помню то почти физическое ощущение его величия и огромного заряда энергии и решимости, который он влил в меня.

В 1920 году впервые стал применяться у нас гидравлический способ добывания торфа. Изобретателем гидроторфа был паш блестящий советский инженер Роберт Эдуардович Классон. В основу своего изобретения он положил калифорнийский способ размывания мощной струей воды золотоносных пород по старым руслам рек. Владимир Ильич с живостью подхватил идею гидроторфа, как первого яркого достижения в области механизации исключительно тяжелого труда торфяников. Своим энергичным содействием он в короткий по тому времени, двухлетний, срок помог этому незрелому вначале детищу стать на твердые ноги, преодолеть неизбежные «детские болезни» и стать промышленно рентабельным.

В истории гидроторфа в 1920 году можно отметить три важнейших момента:

1) 27 октября Владимир Ильич присутствовал на демонстрируемом Классоном в Кремле кинофильме по гидроторфу. Помню любопытную первую встречу их после двадцатипятилетнего перерыва. Владимир Ильич встретил Классона такими словами:

— А помните, как вы тогда сомневались? А ведь свершилась революция-то ¹.

2) 28 октября целому ряду адресатов было разослано лично Владимиром Ильичем составленное письмо. Привожу его полностью:

«1) т. Рыкову (если еще не оправился, то т. Милютину)

2) и в Главторф, т. И. И. Радченко

¹ В. И. Ленин встречался с Р. Э. Классоном в 1895 году в Петербурге. Ред.

- Копия: 3) Р. Э. Классону (найти через Радченко),
4) председателю ГОЭЛРО Кржижановскому,
5) Склянскому (§ 4) и Троцкому,
6) Лежаве и Ломоносову,
7) Киноотдел,
8) Сосновскому,
9) Шатуновскому (Основная транспортная комиссия).

27.X.1920 состоялось перед многочисленной партийной публикой кинематографическое изображение работы нового гидравлического торфососа (инженера Р. Э. Классона), механизмирующего добычу торфа, сравнительно со старым способом.

В связи с этим состоялся обмен мнений между инженером Классоном, представителями Главторфа, тт. И. И. Радченко и Морозовым, т. Шатуновским (от Основной транспортной комиссии) и мною.

Этот обмен мнений показал, что руководители Главторфа вполне согласны с изобретателем насчет важного значения этого изобретения. Во всем деле восстановления народного хозяйства РСФСР и электрификации страны механизация добычи торфа дает возможность пойти вперед неизмеримо более быстро, прочно и более широким фронтом. Необходимо поэтому принять немедленно ряд мер в государственном масштабе для развития этого дела.

Прошу обсудить этот вопрос немедленно и дать мне незамедлительно отзыв (поправки, дополнения, контрпроекты и проч.) по поводу следующих, вытекающих из вчерашнего предварительного обмена мнений, предложений.

1. Признать работы по применению гидравлического способа торфодобывания имеющими первостепенную государственную важность и потому особо срочными. Провести это в субботу 30/X, через СНК.

2. Поручить тем главкам (и др. учреждениям), от содействия которых больше всего зависит успех работы «Комиссии (или комитета?) по гидравлическому добыванию торфа» (при Главторфе), делегировать своих представителей (предпочтительно коммунистов или, во всяком случае, заведомо добросовестных и *особо энергичных* людей) для постоянного участия в этой комиссии. Особо возложить на них ответственность за *скорейшее* исполнение заказов и просьб этой комиссии без всякой волокиты. Дать в СНК имена и адреса этих представителей.

3. То же — по отношению к нескольким важнейшим в данном деле заводам. Составить список этих заводов.

4. Поручить *Морскому* ведомству дать в эту комиссию своего представителя, вполне знакомого с запасами материалов и техническими средствами этого ведомства.

5. Дать красноармейский паек той группе лиц, от работы которых непосредственно зависит быстрый и полный успех дела, повысив вместе с тем их вознаграждение так, чтобы они могли вполне и целиком отдаться своему делу. Поручить «Комиссии по гидравлическому добыванию торфа» немедленно дать в НКпрод и в ВЦСПС *список* (точный) этих лиц, с указанием норм вознаграждения, премий и проч.

6. Немедленно обсудить с НКвнешторгом, какие заказы следует сейчас же дать шведским и германским заводам (может быть, нанять там одного или нескольких крупных химиков) для того, чтобы к лету 1921 мы могли получить необходимое в целях более быстрого и широкого использования гидравлического способа. В частности, использовать для этого предстоящий через несколько дней отъезд т. Ломоносова в Швецию и Германию.

7. Поручить *Киноотделу* (НКпроса?) поставить *очень широко* (особенно в Петрограде, Иваново-Вознесенске, Москве и в *местностях торфодобывания*) кинематографическое изображение гидравлического способа, с тем чтобы обязательно читалась при этом краткая и популярная листовка (просить т. Сосновского редактировать), объясняющая гигантское значение механизации торфодобывания и электрификации.

8. Первый доклад по этому вопросу «Комиссии по гидравлическому способу добывания торфа» назначаю в СНК 30.X.1920 г.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

3) 30 октября Совнарком принял декрет о Гидроторфе.

Весь конец года прошел в энергичной работе по выполнению предложений Владимира Ильича, касающихся Гидроторфа. Для реализации этого первого у нас крупного изобретения в области торфотехники не пожалели ни сил, ни средств, более чем ограниченных в эти годы, когда разруха еще не была изжита. По настоянию Владимира Ильича и под нажимом Классона для изготовления каких-нибудь пяти агрегатов гидроторфа был выделен в Москве специальный машиностроительный завод бывший Михельсона (теперь имени Ильича). Больше тысячи рабочих и двухсот специалистов, снабжаемых хорошими пайками, работали над осуществлением этого изобретения. Какое огромное значение придавал Владимир Ильич гидроторфу, видно из его речи на VIII съезде Советов 22 декабря. Владимир Ильич говорил:

«Я должен сказать, что в области топлива мы имеем один из крупнейших успехов в виде гидравлического способа добывания торфа. Торф, это — то топливо, которого у нас очень и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 318—320. Ред.

очень много, но использовать которое мы не могли в силу того, что нам приходилось до сих пор работать в невыносимых условиях. И вот этот новый способ поможет нам выйти из того топливного голода, который является одной из грозных опасностей на нашем хозяйственном фронте. Мы долгие годы не в состоянии будем выйти из этого тупика, если у нас останется старое хозяйничанье, если у нас не будет восстановлена промышленность и транспорт. Работники нашего торфяного комитета смогли двум русским инженерам довести до конца это новое изобретение, и они добились того, что этот новый способ скоро близок к довершению. Итак, мы накануне великой революции, которая даст нам в хозяйственном отношении большую опору. Не надо забывать, что мы имеем необъятные богатства торфа. Но мы не можем их использовать потому, что мы не можем посылать людей на эту каторжную работу. Капиталистический строй мог посылать людей на каторжные работы. При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за голода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, а добровольно никто не пойдет. Капиталистический строй все делал для верхов. Он о низах не заботился.

Нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире. Добывание торфа гидравлическим способом, которое так успешно достигнуто вперед ВСНХ, открывает возможность добывания топлива в огромном количестве и устраняет необходимость привлечения обученных рабочих, так как при таком способе могут работать и необученные рабочие. Мы эти машины произвели, я лично советовал бы товарищам делегатам посмотреть кинематографическое изображение работ по добыванию торфа, которое в Москве было показано и может быть продемонстрировано для делегатов съезда. Оно даст конкретное представление о том, где одна из основ победы над топливным голодом. Мы изготовили машины, которые употребляются при новом способе, но изготовили их плохо. Командировки за границу при налаживающемся товарообмене с заграницей, при хотя бы полулегально существующих торговых сношениях, помогут нам эти же машины, нашими изобретателями составленные, получить исполненными великолепно. И числом этих машин, успехом работы Главного торфяного комитета и ВСНХ в этой области будут измеряться все наши хозяйственные успехи, ибо без победы над топливным голодом победы на хозяйственном фронте одержать нельзя. С этим связаны также жизненнейшие успехи в области восстановления транспорта»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 152—153. Ред.

Весь этот год Владимир Ильич уделял чрезвычайно много внимания гидроторфу, разрешая споры, возникавшие вокруг этого дела, помогая ему изживать свои «детские болезни». Много в этом способе торфодобычи вначале для техников и торфяников-практиков было спорного, технически недоношенного, недостаточно проработанного, сомнительного в смысле рентабельности. Им казалось, что не следовало так торопиться с проведением гидравлической добычи торфа в жизнь, по крайней мере в предполагаемом изобретателями широком масштабе. Предстояло еще произвести основательные расчеты в конструкции всего оборудования гидроторфа, прежде чем приступить к изготовлению мощных, дорогостоящих машин. Изобретатели же — Классон и Кирпичников — нетерпеливо рвались вперед. А мудрый Владимир Ильич примирял обе стороны, проявляя, с одной стороны, революционную смелость и, с другой, необходимую при решении технико-экономических вопросов осторожность и расчетливость.

В начале 1921 года Классон получил командировку за границу для ознакомления с новейшими достижениями в торфотехнике и для приобретения всего ценного и применимого у нас в этой области. Сохранилось письмо-доклад его из Берлина от 23 марта на имя замнаркомвнешторга Лежавы. На этом письме рукой Владимира Ильича синим карандашом сделаны пометки и отчеркивания на полях и в тексте. Следующие места доклада возбудили особый интерес Владимира Ильича:

1. Классон пишет, что пропагандируемый им гидравлический способ торфодобычи заинтересовал датские, финские и германские торфотехнические круги. Здесь отчеркнуто и подчеркнуто Владимиром Ильичем следующее место:

«...Образовалось сильное немецкое общество, которое теперь приступило к выработке наиболее совершенных машин уже на основании наших последних достижений. Я считаю это большим плюсом для нас, так как к осени они разработают все детали в сотрудничестве с крупнейшими машиностроительными заводами Германии и в состоянии будут изготовить, как для себя, так и для нас, вполне совершенные машины» (подчеркнуто Владимиром Ильичем).

2. Обильно снабжено отметками и подчеркиваниями Владимира Ильича описание германского способа механического отжатия сырого торфа и вопросительными знаками отмечено то место доклада Р. Э. Классона, где Классон пишет о том, что усовершенствованный способ «Мадрука»¹ даст возможность превратить добывание торфа из сезонного в постоянное.

¹ «Мадрук» — общество механического отжатия — обезвоживания.
Ред.

3. Подчеркнуты Владимиром Ильичем строки о заводе для выработки торфяной пыли для топок вместо неудобных торфяных кирпичей.

4. Отмечено НВ предложение Классона, чтобы все заказы заграничного торфооборудования делались Л. Б. Красным (который был в то время наркомом внешней торговли), а на самого Классона возложена была бы только чисто техническая часть.

5. Подчеркнута Владимиром Ильичем и высчитанная Классоном общая стоимость для нас завода механического обезвоживания в 21—22 миллиона германских марок. На полях произведен рукой Владимира Ильича следующий расчет:

$$\begin{array}{r} \times 30 \\ 30 \\ \hline 900 \text{ тыс.} \end{array}$$

в месяц

из которого видно, что он выражал сомнение в рентабельности этого дела.

Этот доклад Классона попал в руки Владимира Ильича только 16 апреля¹. В тот же день я получил от него следующее письмо.

« $\frac{16}{IV}$ 1921.

т. Радченко! Сейчас мне дал Лежава доклад Классона (от 23.III). Копия послана (или оригинал?) в Главторф, т. е. Вам.

Обратите сугубое внимание и дайте мне отклик немедленно: когда Вы дадите окончательное формальное заключение?

Надо спешить, чтобы успеть ответить до отъезда Классона из Германии.

Жду ответа. Ваш Ленин»².

Письмо в Главторфе было получено в 6 часов вечера 16 апреля. Мы, члены коллегии, сейчас же собрались и, обсудив дело в течение трех часов, в 9 часов вечера того же дня послали Владимиру Ильичу требуемое заключение.

Перед этим, 6 апреля, Главторф обратился к Владимиру Ильичу с просьбой содействовать скорейшей отправке за границу научной экспедиции торфяников в числе десяти человек для всестороннего ознакомления с постановкой дела за границей. В тот же день Владимиром Ильичем было послано соответствующее отношение в ВЧК³. Но фактически поехало не десять, а только три человека.

¹ См. Ленинский сборник XX, с. 239—240. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 148. *Ред.*

³ См. там же, с. 129—130. *Ред.*

Несколько позже и независимо от нас обратился к Владимиру Ильичу с письменным докладом и просьбой командировать его за границу инженер Кирпичников, сотрудник Классона по Гидроторфу. Владимир Ильич дал мне его доклад на заключение. Я ответил ему, что, на мой взгляд, командировка Кирпичникова не нужна, так как за границей по тому же делу уже находится Классон; что нам следует сберечь наш золотой фонд, а не растрачивать его по капризам Кирпичникова и прочих гидроторфистов.

В ответ я 5 июня получил следующее письмо:

«т. Радченко! Не придирайтесь к Гидроторфу. Это дело *законом* признано имеющим *исключительную* важность.

Закон этот Главторф *обязан* проводить не за страх, а за совесть.

Изобретение великое. С изобретателями, даже если немного капризничают, надо уметь вести дело.

А я не вижу пока каприза.

Кирпичников — изобретатель. Его надо пустить и послать. Возражения могут быть только *от политики*: если имеете их, сообщите мне *секретно*.

Если нет, обязательно пошлите Кирпичникова.

Я превосходно знаю и высоко ценю Вашу заслугу в постановке Главторфа. Вы его поставили образцово. Очень прошу: *не делайте ошибки*, не придирайтесь к Гидроторфу.

Привет! *Ленин*¹.

После более подробного моего письменного обоснования своей позиции я уже 7 июня получил новое письмо:

«(Секретно)

Главторф, т. *Радченко*
7/VI.

Дорогой Иван Иванович!

...как ни законно Ваше чувство возмущения, надо не сделать ошибки, не поддаться ему.

Изобретатели — чужие люди, но мы должны использовать их. Лучше дать им перехватить, нажать, цапнуть, — но двинуть *и для нас* дело, имеющее исключительную важность для РСФСР.

Давайте, будем детальнее обдумывать *задания* этим людям. Может быть такой план:

1) Кирпичникову разрешить поездку под условием выполнения точно определенных заданий; составить список их.

2) Послать с ним надежных политически двух-трех людей (рабочего, инженера своего и т. п.) как «комиссаров» своего рода. Дать им точную инструкцию.

Утвердим 1 § и 2 § по соглашению с Кржижановским.

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 254—255. *Ред.*

3) У нас, в России, создать особый центр, заказать лучшие машины Гидроторфа, поставить с этими особыми машинами этот особый центр, т. е. особое предприятие, и ему поручить по-своему двигать это дело вперед.

Найдете людей для этого?

4) Дать от Главторфа премии (в 10—30 тысяч рублей золотом) в Канаде и в Германии за лучшие приемы обезвоживания торфа и лучшие образцы машин для Гидроторфа и т. д.

Ваш Ленин

Р. С. Мне странно, что Классон не дал премий в Германии, хотя мы говорили с ним об этом. Не тормозит ли он? Не сделать ли это прямо через Главторф? Денег на это не надо жалеть»¹.

Из этого письма опять видно, как глубоко проникал Владимир Ильич в суть каждого дела, как тщательно обдумывал все практические детали, как он в историческом предвидении индустриализации нашей отсталой и нищей страны считал возможным тратить огромные по тому времени средства на одно только дело механизации торфодобычания.

Сохранилась у меня еще одна из записочек на узенькой полосочке бумаги, написанная им во время прений на каком-то заседании СНК:

«т. Радченко! Надеюсь, Вы это получили? Если нет, прочтите. Видимо, грозит опоздание. Опять проспим, прозеваем! Закажите Вашему спецу текст подгоняния, напоминания (может быть, назначения подгонялы в Германии?), и я пошлю Старкову и Стомонякову. Надо во что бы то ни стало добиться окончания и присылки вовремя, в IV.1922.

28/X. Ленин»².

Дело касалось заказов по искусственному обезвоживанию торфа по способу «Мадрука».

И еще одна официальная записка — от 17 декабря 1921 года:

«Наркомнешторг, т. Радченко

Копия Гидроторф, тов. Кирпичникову

Я прошу дать мне самые краткие ответы, в одну или самое большее две страницы всего-навсего, на некоторые вопросы для того, чтобы я мог точнее изложить соответствующие части своего доклада на съезде Советов и вставить кое-какие наиболее показательные цифры.

Прошу дать мне точную формулировку, не более чем на одной странице, о том, что именно заказано в Германии для Гидроторфа. Будет ли это готово к весне 1922 г. и какие перспективы это дает для всей торфяной кампании 1922 г.

Предсовнаркома Ленин»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 260—261. Ред.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 315. Ред.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 338—339. Ред.

Так Владимир Ильич собирал материал для своей речи на IX съезде Советов, в которой среди прочих первых наших скромных достижений упомянул и о торфе такими словами:

«Два слова еще об одном успехе — о нашем успехе в деле работы по торфу. Добыча торфа у нас в 1920 г. достигла 93 млн. пудов, в 1921 г. — 139 млн. пудов — единственная, пожалуй, область, где мы довоенную норму далеко обогнали. В области торфа у нас богатства необъятные, как ни в одной стране в мире. Но здесь гигантские трудности были и отчасти остаются и сейчас в том отношении, что эта работа, вообще тяжелая, страшно тяжела была именно в России. Изобретение гидравлического способа добычи торфа, пад чем работали в Главторфе гг. Радченко, Меньшиков и Морозов, облегчает эту работу. В этом отношении достигнут успех громадный. В 1921 г. работало всего 2 торфонасоса — аппараты для гидравлического добывания торфа, избавляющие рабочих от каторжного труда, который до сих пор связан с добычей торфа. Теперь заказано в Германии и обеспечено к 1922 г. 20 аппаратов. Содружество с передовой европейской страной началось. И перед нами сейчас открывается возможность развития этого дела, мимо которого пройти невозможно. Обилие болот и запас торфа в России велик, как нигде, и превратить этот труд из каторжного, на который шло и могло идти только небольшое число рабочих, в более нормальный теперь представляется возможным. Практическое содружество с современным передовым государством — с Германией — достигнуто, поскольку там уже вырабатывают на заводах приборы, облегчающие этот труд, приборы, имеющие быть, паверняка, пущенными в 1922 году. На это обстоятельство нам надо обратить внимание. В этой области мы можем сделать очень и очень много, если все будем знать и все будем распространять ту мысль, что при напряжении усилий, при механизации труда выйти из экономического кризиса в России мы имеем большую возможность, чем какое бы то ни было другое государство»¹.

При всем своем увлечении в 1921 году гидроторфом Владимир Ильич не лишал своей помощи и поддержки и старый, хозяйственно испытанный, хотя технически и весьма несовершенный, *элеваторный* способ, который в то время в общем балансе торфодобычи составлял все еще девяносто пять процентов. Ведь фактически гидроторф тогда только-только еще вышел из стадии научно-технических опытов, и, поскольку элеваторный способ торфодобывания, занимавший в то время до 60 тысяч рабочих, не потерял еще своего практического значения, продолжались и неуклонные заботы Владимира Ильича о снабжении продовольствием этой рабочей армии, что в этот голодный год

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 321—322. *Ред.*

было чрезвычайно трудным делом. По поводу поддержки моего ходатайства перед Наркомпродом об отпуске нам для торфяных рабочих в порядке займа 5 тысяч пудов жира он написал Халатову:

«Надо это сделать. Судя по сводке Лежавы (сегодня, 22/IV, послал Вам), мы такой заем можем вернуть из зарубежных покупок.

22/IV. Ленин»¹.

Владимир Ильич поддержал также мою просьбу в разгар подготовки к сезону единовременно отпустить из продовольственных складов торфоразработок по двадцати фунтов муки и других необходимейших продуктов на каждого сотрудника Главторфа.

Наконец, имеется любопытное письмо Владимира Ильича в Наркомпрос Луначарскому, в котором ярко отражается то значение, которое он придавал торфяному делу в целом для Советской России.

«Анатолию Васильевичу Луначарскому
Копия Главторфу»

Чтобы поднять торфодобычу, надо широко поставить пропаганду — листовки, брошюры, передвижные выставки, кинематографические снимки, издание учебников; ввести обязательный предмет в школах и в высших технических учебных заведениях о торфодобыче; составить учебники; ежегодно посылать экскурсию за границу.

Конкретно нужно: 1) поручить Госиздату отпечатать к 15 апреля в количестве 100 000 экземпляров брошюру в полтора листа «Торф», сданную Главторфом 8 февраля с. г. в агитационный отдел т. Мордвинкину, и принять к печати от Главторфа еще три брошюры и листовки, с тем чтобы выпустить их к 1 мая; Главторфу нужно выдать для распространения 15 000 брошюр.

2) Поручить киноотделу в течение мая снять 12 лент — под руководством Главторфа — торфодобычи (для России, Украины, Урала, Белоруссии и Сибири).

3) Поручить Главпрофобру совместно с Главторфом к 1 июня разработать проект обязательного курса в школах и в высших учебных заведениях по торфодобыче.

Прошу Вас прислать мне копии Ваших распоряжений и ответы соответствующих учреждений и лиц с указанием срока.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 160. Ред.

² Там же, с. 136—137. Ред.

К сожалению, сколько-нибудь ярких следов исполнения этого приказа или пожелания Владимира Ильича, касающегося широкой пропаганды торфяного дела органами Наркомпроса, не видим мы и до сих пор.

Имеется еще одно его письмо, от 23 мая 1921 года, где наряду с помощью шатурскому строительству в борьбе с различного рода злоупотреблениями местной власти и какой-то петроградской организации он задает мне и Винтеру основательную головомойку за нерациональное составление деловых бумаг. Помимо того, что мы действительно этим были грешны, тут несомненно уже сказывалось его чрезвычайное переутомление.

Привожу это письмо:

«В Главторф
Ив. Ив. Радченко от Ленина
т. Радченко!

Образец того, как Вы нарушаете мои советы.

Бумаги о Шатурке послали 14/IV, архиобъемистые. Без от-дельно *выписанных* ясных предложений.

Я был занят, читать не мог; солили до 23/V.

А Вы молчите!

Это безобразие!

Надо было приложить две бумаги:

а) Просим «Политбюро»¹ закрыть, ибо архинегодно (5 строк). Документы-де переданы Ленину.

б) Просим телеграмму (или телефонограмму) подписать: почему не выдаете 2(4) котлов, объясните причины, не допускайте волокиты. *Ленин*.

Затем *обе эти* бумажки в копии *Фотиевой*, чтобы она мне напоминала.

Тогда бы добились толку, и я бы, вероятно, 15 или 16/IV подписал.

Впредь *только так делайте*.

Приложить 2—3 бумажки по 5 строк нетрудно с копиями Фотиевой. Деловые выводы Вы сами должны делать, а не меня заставлять извлекать из десятка страниц пять строк деловых выводов.

Прочтите сие Винтеру и пришлите мне Вашу и его *расписку* в том, что вы оба сии указания *поняли и приняли к исполнению*.

23/V. 1921. *Ленин*².

И все-таки, несмотря на эту основательную проборку, мне помнится, было ничуть не обидно и как-то даже радостно от его

¹ «Политбюро» — уездные органы ВЧК, в данном случае имеется в виду ЧК на Шатурском строительстве. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 205. *Ред.*

сурового, но правильного, товарищеского, педагогического подхода. И подумать только, с какими сравнительно пустяками мы (и, к сожалению, далеко не только мы) обращались к нему, переутомляя еще больше этот драгоценнейший мозг!

Если бы все мы тогда знали и думали о том, чем это может кончиться! Но в пылу работы, борьбы и творчества мы проглядели эти первые, тревожные звонки...

* *
*

В 1921 году мне приходилось беседовать с Владимиром Ильичем также и по делам Народного комиссариата внешней торговли, так как 16 июля я был назначен членом коллегии НКВТ по настоянию Л. Б. Красина; я возражал против этой добавочной нагрузки, могущей вредно отразиться на моей основной работе в Главторфе, но Владимир Ильич сформулировал постановление о моем назначении таким образом:

«Назначить т. Радченко членом коллегии НКВТ при условии сохранения за ним всех топливных обязанностей и всей работы в топливных главках. В случае, если его совместительство вредно отразится на его топливной работе, немедленно вернуть его на эту работу».

Это было время первых торговых договоров и, собственно, самое начало советской внешней торговли. Работники в этой области действительно были очень нужны, тем более что многие товарищи «комкупцы» (коммунистические купцы), не понимая во всем объеме значения монополии внешней торговли, стремились к самостоятельной купле-продаже за границей для представляемых ими учреждений или организаций. Этим отличался тогда, между прочим, Центросоюз. Все это страшно затрудняло дело Красину, который являлся крайним монополистом. Для его поддержки я и должен был войти в коллегию. Он сумел убедить Владимира Ильича, что мое совместительство там — самое естественное, так как, работая по топливу, я все время должен быть связан с заграницей по заказам машин и оборудования для топливных организаций.

Работая в Наркомвнешторге, я имел немало случаев убедиться, до чего серьезно и досконально Владимир Ильич вникал в любое дело, казалось бы даже далекое от него. Сохранился целый ряд собственноручных его писем и записочек ко мне за октябрь — декабрь 1921 года¹, из которых видно, как он старался помочь делу рекомендацией испытанных товарищеских работников.

Приведу две из них:

¹ К сожалению, ничтожная доля их. А сколько каждым из нас уничтожено этих драгоценных ленинских записочек, написанных мелким каллиграфическим почерком на крошечных обрывках бумаги! И. Р.

«19.X. 1921 г.

тов. Радченко!

Рекомендую Вам подателя, Николая Александровича *Емельянова*. Прошу ему дать командировку на $\frac{1}{2}$ года за границу, чтобы отдохнуть от питерской каторги и переменить дело.

Я лично знаю Николая Александровича очень хорошо и уверен, что этого товарища, абсолютно честного, преданнейшего коммуниста, с громадным житейским, заводским и партийным опытом можно и должно использовать для чистки авгиевых конюшен воровства и саботажа заграничных чиновников Внешторга. Прошу Вас позвонить мне сегодня.

С ком. приветом *Ленин*»¹.

Другая записка от 10 ноября 1921 года.

«Тов. Радченко!

Это — старый партийный товарищ.

Такие люди будут полезны безусловно для борьбы с недобросовестными элементами за границей.

Он не купец, но, по указаниям коммерчески опытных людей, пользу принесет, как добросовестный человек, пользу несомненно.

Прошу его назначить.

С ком. приветом *Ленин*»².

Кого именно рекомендовал в этой записке Владимир Ильич, я не помню³.

В этих своих рекомендациях старых товарищей играет роль, наравне с пользой для дела, и забота Владимира Ильича о самих этих товарищах...

Как-то Владимир Ильич просил меня посмотреть квартиру Лежавы (про которую ему говорили, что она представляет собой сырой сарай) и снабжать его топливом.

Прямо удивительно, как он при всей своей гигантской работе находил время и силы еще для заботы о личных нуждах товарищей!

Сохранились письма Владимира Ильича, касающиеся форм и методов советской торговли.

Товарищи, покушавшиеся на монополию Внешторга, о которых я говорил выше, между прочим, требовали разрешения свободного въезда в РСФСР иностранным купцам и торговым компаниям для всевозможных торговых сделок. Как исключение и в виде опыта была допущена, по рекомендации тов. Мар-

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 283—284. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 11. *Ред.*

³ Речь шла о Л. С. Ривлине, которого В. И. Ленин рекомендовал использовать на работе в учреждениях Наркомвнешторга за границей. *Ред.*

тенса, американская компания «Хаммер и Мишелл». Вот письмо, характеризующее отношение к этому делу Владимира Ильича, написанное им 27 октября 1921 года:

«т. Радченко!

Тов. Мартенс прислал мне подписанный Вами договор с американской компанией (Хаммер и Мишелл).

Мне кажется, что этот договор имеет громадное значение, как начало торговли.

Абсолютно необходимо, чтобы Вы обратили *сугубое* внимание на *фактическое* выполнение наших обязательств.

Я уверен, что без *сугубого* нажима и надзора *ни черта не будет* сделано. Примите меры тройной предосторожности и *проверки* исполнения.

Мне сообщите, кого назначаете ответственным исполнителем; какие товары готовите; налагаете ли особенно на артистические и гохрановские¹ и т. д.

2—3 раза в месяц присылайте мне отчеты: что привезено в порт»².

В другой записке, того же приблизительно времени, Владимир Ильич писал:

«т. Радченко!

Экспортный фонд должен собираться *мелкими скупщиками*, агентами и комиссионерами НКВторга.

Работать они должны за %.

Так ли ставится это дело или иначе?

*Ленин»*³.

В этот голодный год основная деятельность НКВТ состояла в закупке хлеба (отчасти жиров и других продуктов) за границей. В связи с этим как-то на заседании СТО я получил записку от Владимира Ильича:

«Как насчет закупки хлеба по 1 р. 40 к.?»

Отвечаю на обороте:

«Надо закупить, что и делается.

Цены — 1 р. 35 к. — 1 р. 45 к. НКВТ известны, т. Фрумкин от нас и получил их. По нашим сведениям Лондон ведет закупку хлеба. Сегодня важно, чтобы СТО постановил отпустить 20 миллионов рублей золотом».

Мне вновь возвращается записка с пометкой Ленина: «Внесено в повестку?»⁴.

Проработал я в НКВТ только до конца года. Я себя чувствовал не на месте на этой работе, тем более что был вынужден при этом пренебрегать своей основной оперативной работой по

¹ Гохран — Комитет по охране государственных имуществ. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 310—311. *Ред.*

³ Там же, с. 318. *Ред.*

⁴ Ленинский сборник XXIII, с. 160. *Ред.*

торфу. Трудно мне было еще и потому, что тт. Красин и Лежава все время находились за границей, а на мне, новом человеке в этом деле, лежала вся ответственность на месте. Наконец, мы с Красиным не совсем сходились в толковании понятия монополии внешней торговли РСФСР, в котором, по-моему, у него был перегиб в сторону монополии *аппарата* Внешторга. Я ему часто указывал на то, что одному аппарату не сладить с этим делом, что должна быть привлечена коллективная, групповая инициатива, под руководством и контролем этого аппарата.

В это время Центросоюз в лице Хилчука особенно настойчиво добивался права самостоятельного выхода на внешний рынок. Он бомбардировал письмами и отношениями и Владимира Ильича, и меня, как заместителя Красина. Мы запрашивали находящихся за границей Красина и Лежаву об их мнении на этот счет. Красин в довольно нервном тоне высказывался против.

К этому времени относится следующее письмо Владимира Ильича:

«т. Радченко!

Добейтесь же (не истерик Красина, а) точного срока явки Лежавы.

От Красина придется, по-моему, отказаться, если он будет отвечать истерикой.

Нельзя тянуть без конца.

Когда Вы послали *текст* (постановления о Центросоюзе и его участии в внешней торговле) в Лондон? в Берлин? Когда получили там? Когда получили ответ и отзыв?

10/XI. Ленин»¹.

Надо сказать, что Л. Б. Красин не раз писал мне из Лондона, передавая через меня Владимиру Ильичу свое прошение об отставке его от поста наркома внешней торговли. Когда при свидании с Владимиром Ильичем я ему передавал это прошение, он мне сказал, смеясь:

— При рабоче-крестьянском правительстве отставок не просят, а дают. Так и передайте Красину.

В конце декабря я просил Владимира Ильича освободить меня от работы в НКВТ, обосновывая свою просьбу всем вышеизложенным. К этому я добавил, что раз уж нужно совмещать две работы, в связи с сокращением функций Главторфа после превращения его в Цуторф², то уже лучше мне взять более подходящую для меня оперативную работу по налаживанию Сахаротреста, куда меня давно уже звали. В тот же день Влади-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 11—12. *Ред.*

² Цуторф — Центральное управление торфяной промышленности Главного управления по топливу ВСНХ. *Ред.*

мир Ильич дал соответствующее письменное распоряжение всем, от кого это зависело, и 29 декабря я был освобожден от работы в НКВТ и вступил в управление Сахаротрестом.

1922 год

Весь 1922 год продолжались также заботы Владимира Ильича о Гидроторфе.

Во время моего длительного отсутствия из Москвы в феврале 1922 года тов. Классон подал докладную записку Владимиру Ильичу, в которой жаловался, что Цуторф не отпускает ему нужных для окончательной установки Гидроторфа средств. Намекая на то, что тут действует закон конкуренции, он просил отделить Гидроторф от Цуторфа и предоставить в распоряжение его 4 миллиона рублей золотом, с тем чтобы эта сумма была последней и окончательной. Она даст возможность Гидроторфу уже на будущий год выступить конкурентом старого способа торфодобычи «на вполне коммерческих началах».

Владимир Ильич отозвался на это запиской к Н. П. Горбунову от 10 февраля «О помощи Гидроторфу»:

«т. Горбунов! Обратите *серьезнейшее* внимание. По-моему, надо *дать все* просимое, т. е. 4 м. р. $\times 0,2(?) = 800$ *миллиардов*. Это первое.

Второе. От Цуторфа *не* отделять (надо спросить Морозова и Меньшикова, раз Радченко нет). Зачем отделять? Надо дать *автономию внутри* Цуторфа. Определить ее точно, письменно, закрепить через *СТО*.

Третье. Ведь есть *ряд постановлений СТО* об ударности Гидроторфа и проч. и проч. Явно, они «забыты». Это безобразие! Надо *найти* виновных в «забвении» и *отдать* их под суд. Непременно! (Скажите мне итог: что *с д е л а л и*.)

10/II. Ленин»¹.

Горбунов, очевидно, пашел виновных в лице Пятакова от ГУТа², Морозова — от Главторфа и Закса и самого себя — от Управления делами СНК, ибо Владимир Ильич объявляет строгий выговор этой четверке в собственноручно написанном красными чернилами длиннейшем и чрезвычайно сердитом письме от 27 февраля. Основную вину их он и тут видит в «забвении» постановления СНК от 30 октября 1920 года, «каковое постановление *обязывает* все наркоматы на деле признать Гидроторф *«имеющим чрезвычайно важное государственное значение»* и применить к нему *«все льготы»...*»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 159. *Ред.*

² ГУТ — Главное управление по топливу ВСНХ. *Ред.*

Возможные указания на неимение в распоряжении такой большой суммы он в расчет не берет: надо было созвать совещание наркомов ВСНХ, НКФ, НК РКИ для выработки проекта о том, от кого сколько взять, сколько ассигновать сверхсметно, насколько сократить программу Гидроторфа.

Закса и Горбунова он, сверх всего, обвиняет еще и в том, что поданные ими бумаги составлены и внешне неряшливо:

«...нет ни справки с законом, ни изложения в 2-х строках заявки Гидроторфа, ни даты этого изложения и моей пометки».

А всем вместе виновникам он еще раз в конце письма напоминает:

«Сознательные революционеры должны бы, кроме исполнения своего служебного долга, подумать об экономических причинах, кои заставили СНК признать Гидроторф «имеющим чрезвычайно важное государственное значение»¹.

Уладив это дело, он 2 марта пишет письмо уже самим гидроторфовцам:

«Товарищам, работающим в Гидроторфе

Благодаря моей помощи, вы теперь получили то, что необходимо для ваших работ. При всей нашей бедности и убожестве, вам сверх ранее выданных сумм ассигнованы еще крупные суммы.

Строжайше озаботитесь:

1. чтобы не сделать чего-нибудь зря,
2. чтобы не размахнуться больше, чем это позволяют отпущенные средства,
3. чтобы опыты, вами произведенные, получили максимальную степень доказательности и дали бы окончательно ответы о практической и хозяйственной пригодности нового способа добывания торфа,
4. обратить сугубое внимание на то, чтобы велась отчетность в израсходовании отпущенных вам сумм.

Отчетность должна быть поставлена так, чтобы можно было судить о стоимости добываемого торфа.

Председатель Совета Народных Комиссаров
*В. Ульянов (Ленин)*².

Это последнее письмо по торфяному делу можно рассматривать как завещание Владимира Ильича не только торфяникам, но и хозяйственникам вообще.

Последний раз оказал Владимир Ильич свою действенную помощь торфяному делу 27 октября 1922 года. Я послал ему в этот день коротенькое письмо с просьбой помочь делу ознакомления и приобретения за границей торфяных машин нового

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 186, 187. *Ред.*

² Там же, с. 196—197. *Ред.*

типа. Он в тот же день провел через СТО соответствующее постановление и предложил т. Фотиевой в тот же вечер позвонить ко мне на квартиру о вынесенном СТО решении.

Было постановлено:

а) ассигновать из резервного фонда СТО семь тысяч рублей золотом на приобретение за границей торфяной машины,

б) предложить т. Радченко дать заявку на то количество инженеров, которые должны поехать за границу в соответствии с установленными командировочными, отпустить из того же резервного фонда дополнительную сумму.

С марта — апреля 1922 года я больше не видел Владимира Ильича и не имел с ним никаких личных сношений. Видел я его уже только 22 января 1924 года — на его смертном одре, в Горках. Но до сих пор еще как будто всем своим существом чувствуешь тот прилив энергии, которым он заряжал работников при каждом личном свидании, каждым своим письмом — безразлично, хвалил ли он, высказывал ли свое удовлетворение или, наоборот, сердился, отчитывал за те или иные промахи, ошибки.

В чем была тайна влияния этого человека-гиганта на нас, не политических вождей, а рядовых работников-хозяйственников? Почему он внушал такую бодрость, такое желание работать, преодолевая все нешуточные трудности того времени? Тем ли, что он никогда *не пугал* этими трудностями, не напоминая о них лишний раз? Тем ли, что он, даже распекая не на шутку, никогда не унижал, не уничижал человека, всегда оставляя ему веру в себя, в свои силы, в возможность исправить свои промахи и ошибки? Его тактичность, внимательность, заботливость, его *товарищеская* помощь при любом затруднении ободряли даже слабых, вялых, неуверенных в себе работников; он заражал их собственной бодростью и уверенностью, подгонял их своей смелостью, решительностью, быстротой мысли и действия, проверкой исполнения, а главное, своим предвидением правильных целей и правильных путей к ним.

Он действовал на всех нас всей своей могучей, многогранной личностью так, что все мы, рядовые работники, смело шли в драку со всякими «объективными причинами», дрались с ними на славу и — побеждали.

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ¹

Первый раз я увидел Владимира Ильича на Лондонском съезде в 1907 году. Делегация от Социал-демократии Польши и Литвы, в состав которой я входил, по основным вопросам шла вместе с большевиками, что давало мне возможность слышать Владимира Ильича не только на пленарных заседаниях съезда, но и на фракционных совещаниях.

Меньшевики, бундовцы со всей яростью наступали на Ленина, пускали в ход всякую клевету, устами Мартова решительно протестовали против избрания его в президиум съезда. Ленин дал им резкий отпор, спокойно, метко, но беспощадно разоблачая их ликвидаторскую, мелкобуржуазную политику. Настойчиво защищая большевистские взгляды, он резко критиковал меньшевистский ЦК, его тактическую платформу. Особенно запечатлелся в моей памяти его доклад об отношении социал-демократии к буржуазным партиям.

Своими выступлениями он электризовал съезд, активизировал его большевистскую часть, привлек на сторону большевистских резолюций часть колеблющихся делегатов.

В 1912—1913 годах мне приходилось часто заезжать в Краков по партийным делам оппозиции («Розлама») Социал-демократии Польши и Литвы². В эти годы жил там Владимир Ильич. Он хорошо знал историю и причины раскола и целиком нас поддерживал.

¹ Воспоминания написаны в 1934 году. *Ред.*

² К началу 1912 года разногласия по внутрипартийным вопросам привели к расколу Социал-демократии Королевства Польского и Литвы на сторонников Главного правления партии (так называемых «зажондовцев»), заявивших примиренческую линию в отношении к ликвидаторам и одно время практически поддерживавших антибольшевистские течения в РСДРП, и на ту часть партии, которая оширалась на варшавскую и лодзинскую партийные организации (так называемых «розломовцев») и которая установила контакт с большевиками и поддерживала линию ЦК РСДРП. *Ред.*

Каждый раз я заходил к нему за помощью, советами, указаниями. Каждый такой разговор давал нам ценный материал для дальнейшего развертывания работы, выявлял наши ошибки, все больше сближал нас с большевизмом.

Я имел тогда возможность познакомиться с образом жизни Ленина.

Самая скромная обстановка. Самый простой образ жизни. Вся комната полна книгами, на столе журналы, материалы, рукописи. Ленин всегда за работой. Но это не мешало ему, однако, внимательно выслушивать посещающих его товарищей, задавать вопросы, помогать советом, давать конкретные указания, ругать за колебания.

Поражала его работоспособность, систематичность, теплое товарищеское отношение.

В апреле 1917 года я видел его умение устанавливать живой контакт с массой, я слышал его пламенные, захватывающие, полные силы и логики речи на вокзале в Петрограде в день его приезда из-за границы и в первомайский праздник под лозунгом: «Никакой поддержки, никакого доверия Временному правительству, вся власть Советам». Я слышал его выступления на апрельских — Петроградской и Всероссийской — партийных конференциях. Великий вождь подготавливал партию, пролетарские массы к вооруженному восстанию, к октябрьским боям. Работая в Петроградском военно-революционном комитете, я мог непосредственно убедиться в его неиссякаемой энергии. Он горел на работе и верной, испытанной рукой направлял к октябрьской победе корабль революции.

Исторический II съезд Советов открылся 25 октября 1917 года в 22 часа 45 минут¹. Большинство делегатов на стороне большевиков...

Полнота власти в руках Советов. Меньшевик Дан от имени ВЦИК первого созыва открывает съезд. В своей краткой вступительной речи он обвиняет нас, большевиков, в измене, предательстве и заявляет о полной солидарности со своими товарищами, которые «находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них Центральным Исполнительным Комитетом». Все мелкобуржуазные партии, за исключением левых эсеров, демонстративно покидают зал заседаний съезда...

Сплошной фарс, сплошное комедианство.

На следующий день в 9 часов вечера на трибуне съезда появляется Ленин, встреченный долгими, несмолкаемыми аплодисментами. Как бы электрический ток пробегает через весь съезд. Полное сплочение, единство в большевистских рядах.

¹ Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (экстренное) открылось 25 октября (7 ноября) в 2 час. 35 мин. дня. *Ред.*

Мы не одни, за нами многомиллионные массы рабочих и крестьян. У нас испытанный полководец. Исторический, вдохновенный доклад Ленина о мире и передаче земли крестьянам. Единогласно, с невиданным воодушевлением принимаются декреты о мире, передаче земли крестьянам. Съезд выбирает рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров с Лениным во главе.

Произошло что-то великое, что-то грандиозное, доселе невиданное. Все присутствующие чувствуют, что вступили в новую жизнь, стали другими людьми, всех озаряет сознание ответственности перед пролетариатом и крестьянством шестой части земного шара, перед мировым пролетариатом за дальнейшее развитие событий, за победоносный исход революционной борьбы, за судьбы угнетенных и поработанных всего мира.

Все взоры направлены на Ленина — вождя мировой пролетарской революции. У всех уверенность, что под его твердым руководством осуществим диктатуру пролетариата, что он поведет нас к окончательной победе.

В 1918 году, как председатель Центропленбежа¹, я работал под непосредственным руководством Ленина. С немцами на почве эвакуации военнопленных были постоянные трения. Надо было в обстановке железнодорожной разрухи перевозить сотни тысяч людей в Германию, надо было их кормить, надо было принимать сотни тысяч солдат, возвращающихся из германского плена. Немцы пытались вести себя вначале как победители. Только благодаря непосредственному руководству Владимира Ильича мы не только благополучно проводили эвакуацию, но с тактом и достоинством давали решительный отпор прусской заносчивости.

Владимир Ильич звонил мне по телефону по вопросам эвакуации не только днем, но часто и ночью. Давал четкие распоряжения, проверял их исполнение, указывал на большое политическое значение соблюдения сроков отправки эшелонов, их обеспечения всем необходимым.

В годы гражданской войны я работал на Западном фронте. Приезжал в Москву с докладами к Владимиру Ильичу о ходе нашего наступления на Варшаву. Как он прекрасно разбирался в обстановке на фронте, как полно вскрывал наши ошибки, указывал наши слабые места, причины нашего поражения!

Твердо и последовательно проводя политику мира, партия наша во главе с Лениным шлет ноты польскому правительству с предложением заключить мир. В ответ на наши предложения польское командование начинает 5 марта 1920 года наступление на Мозырь.

¹ Центропленбеж — Центральная коллегия по делам пленных и беженцев; создана декретом Совнаркома от 23 апреля 1918 года. *Ред.*

Владимир Ильич направляет мне как члену РВС Запфронта следующую телеграмму: «Поляки, видимо, воевать будут. Мы все возможное делаем для усиления обороны. Надо также усилить чрезвычайно агитацию на польском языке. Поможем вам, если надо, людьми, деньгами, бумагой»¹.

Ленин прекрасно предугадывал намерения польских помещиков и капиталистов, знал их заветные мечты восстановить Польшу в границах 1772 года, их ближайшие планы захватить Украину и потому заблаговременно принимает решительные меры к усилению нашей обороноспособности, сносится непосредственно со всеми фронтами, дает четкие директивы, зорко следит за выполнением своих боевых приказов.

Владимир Ильич, принимая решение по крупным вопросам, предварительно тщательно собирал необходимые данные, запрашивал товарищей, мнение которых могло представлять собою ценность, и, уже основательно изучив весь материал, твердо, непреклонно проводил это решение в жизнь. В половине июля 1920 года наше контрнаступление против белой Польши дает нам крупные победы...

Только такой гениальный человек, как Ленин, мог развивать такую грандиозную, неутомимую, многообразную деятельность, с такой быстротой реагировать на развертывающиеся события, умело вовлекать в разрешение крупнейших проблем товарищей от мала до велика, добиваться выполнения своих распоряжений четко, быстро, с энтузиазмом.

Особенно часто, почти каждый день, если не непосредственно, то по телефону, сносился я с Владимиром Ильичем начиная с 1921 года в качестве заместителя председателя ВЧК (ОГПУ). Тов. Дзержинский до того был загружен работой на транспорте, а затем в ВСНХ, что руководство всей практической, оперативной работой целиком лежало на мне.

Что всегда меня поражало, оставляло незабываемое впечатление от всех встреч с Владимиром Ильичем на протяжении 1907—1922 годов — это неиссякаемая энергия, невиданная работоспособность, точность, ясность, простота изложения самых сложных проблем, сила убеждения, непреклонная воля, идейная непримиримость, своеобразная скромность, свойственная только великим умам, теплое, простое, внимательное отношение к товарищам при одновременной строгости и требовательности.

* *

*

Я остановлюсь на периоде моей работы в ВЧК, совпадающем с проведением новой экономической политики, и попытаюсь на основании сохранившихся на мое имя писем и запи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 158. Ред.

сок Владимира Ильича обрисовать фигуру вождя нашей партии и мирового пролетариата, главу Советского государства.

На Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1921 года внесена была Владимиром Ильичем и принята резолюция, требовавшая водворения во всех областях жизни «строгих начал революционной законности»¹.

Резолюция эта заканчивается следующими словами:

«Граждане и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут охранены. Судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»².

На основании этого решения ЦК создает в декабре 1921 года специальную комиссию, которая должна была представить проект реорганизации ВЧК под углом зрения сужения ее компетенции и круга деятельности.

18 января 1922 года посылаю Владимиру Ильичу разработанный коллегией ВЧК проект нового положения о ВЧК. В этом проекте: 1) ограничиваем функции нашей борьбой с контрреволюционными деяниями, 2) оставляем за ВЧК карательные функции, 3) оставляем старое название ВЧК, 4) оставляем ВЧК при Совнаркоме.

В своей препроводительной записке со всей настойчивостью защищаю этот проект. Спустя несколько дней, 26 января, посылаю вторую записку, в которой доказываю, что представленный коллегией ВЧК проект вытекает из постановления IX съезда Советов и моего разговора с Владимиром Ильичем, что проект комиссии ЦК коренным образом расходится с нашим проектом. Соглашаясь в этом письме на ряд уступок, я категорически настаиваю на оставлении за нами карательных функций.

Ленин не соглашается с моими доводами и посылает мне ответ, в котором говорит, что мои предложения можно и должно осуществить не моим путем, а через проект комиссии ЦК, и дальше:

«Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить «вашими» людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому. Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь

¹ Имеется в виду резолюция XI конференции РКП(б), состоявшейся 19—22 декабря 1921 года, «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства». *Ред.*

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, т. 2. М., 1970, с. 306. *Ред.*

военное положение и расстрелы на месте. СНК сумеет это быстро провести, если Вы не прозеваете, и по телефону можно.

Поговорите еще со Сталиным и, буде нужным считаете, покажите ему это письмо»¹.

Ленин заканчивает это письмо указанием, что на почве решений комиссии Политбюро «можно и должно достичь усиления быстроты и силы репрессии».

Накануне рассмотрения в ЦК проекта о реорганизации ВЧК обращаюсь с просьбой к Владимиру Ильичу присутствовать на этом заседании.

Получаю записку:

«31/1.

т. Уншлихту

Никак не могу быть в Политбюро. У меня ухудшение.

Думаю, что во мне и нет надобности.

Дело теперь только в чисто *технических* мерах, ведущих к тому, чтобы наши суды *усилили* (и сделали более быстрой) репрессию против меньшевиков.

И суды и СНК или ВЦИК.

С ком. приветом Ленин»².

Проводя реорганизацию ВЧК, требуя строгой дисциплины в рядах чекистов, он всегда высоко ценил их самоотверженную работу, беспощадно давая отпор обывательски настроенным партийцам, жалующимся на беспощадность ВЧК.

Еще 7 ноября 1918 года Владимир Ильич, выступая на собрании сотрудников ВЧК, дал следующий отпор нападкам на ВЧК как со стороны врагов, так и друзей:

«Нет ничего удивительного в том, что не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК. Тяжелую задачу мы взяли на себя. Когда мы взяли управление страной, нам, естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть глубже в сущность дела. Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК,— это неумение поставить вопрос в большом масштабе. У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

...Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие... Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров,— нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 144. *Ред.*

² Там же, с. 149. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 173, 174. *Ред.*

По этому же вопросу выступает Ленин на IX Всероссийском съезде Советов. Подчеркивая все заслуги перед революцией ВЧК и то, что без этого органа власть трудящихся существовать не может, одновременно указывает, что изменившаяся обстановка требует сужения сферы ее деятельности, и заканчивает: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло»¹.

Боевые задачи, возложенные на ВЧК, требуют и специального подбора исполнителей. Владимир Ильич вопросам чекистских кадров уделял особое внимание. Безграничная преданность, честность, храбрость, выдержка, закалка, высокая сознательность должны быть присущи каждому чекисту.

Как высоко он ценил звание чекиста, могут послужить слова, сказанные им на IX съезде партии в речи по вопросу о кооперации: «...хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист»².

...Насколько внимательно относился Ленин к поступающим на его имя жалобам и как все его распоряжения об отмене того или другого решения ВЧК базировались на детальном изучении существа дела, может послужить следующий факт.

21/V 1921 года Владимир Ильич посылает мне следующую записку:

«Лично зная тов. Ялаву с 1917 года, я подтверждаю его несомненную честность и прошу распорядиться о немедленной выдаче ему отобранных у него денег. Прошу прислать мне копию распоряжения Вашего с указанием имени ответственного за исполнение лица.

Второе: прошу затребовать все документы об обыске у т. Ялавы и прислать их мне. Прилагаемое прошу вернуть.

С ком. приветом Ленин»³.

Записка вызвана была следующим обстоятельством. Петргубчека произвела обыск у тов. Ялавы. Нашла у него валюту, которая была конфискована.

Тов. Ялава — это тот машинист, который без колебаний, несмотря на большой риск, согласился в 1917 году, когда Владимир Ильич жил в подполье, взять его на паровоз в качестве кочегара и перевезти на финляндскую территорию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 329. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 279. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 203—204. *Ред.*

У Владимира Ильича не было никаких сомнений насчет преданности революции, отсутствия корыстных целей у тов. Ялавы, однако он еще раз себя проверяет и требует материалы, связанные с обыском¹.

Владимир Ильич, раньше чем распорядиться об освобождении кого-нибудь из-под ареста, всегда требовал представления протоколов допроса, связанных с делом материалов, и, если, вопреки его мнению, ВЧК настаивала на оставлении под арестом, Владимир Ильич переносит вопрос на решение ЦК.

Ленин никогда не забывал данного им поручения и не только строго проверял его исполнение, но и вносил в него по мере новых обстоятельств свои изменения. Для иллюстрации при-
вожу следующее письмо:

«Секретно

18/III — 1922 г.

Тов. Уншлихт!

Помните, я Вам писал однажды о том, чтобы не пускать за границу сына Роберта Эдуардовича Классона? По наведенным мною теперь справкам, надобность в этом *отпала*. Значит, с моей стороны, препятствий к его выезду нет.

С ком. приветом *Ленин*»².

Красин жалуется Владимиру Ильичу, что по делу свирского строительства «арестовано несколько десятков инженеров и всякого звания людей». Дело, по мнению Красина, «явно не серьезное». Он ходатайствует двух инженеров немедленно освободить и вообще все свирское дело ускорить рассмотрением.

Владимир Ильич требует сообщить срочно отзыв.

В докладной записке ВЧК излагает 17 августа 1921 года существо дела по свирскому строительству. В заключение, вопреки информации Красина, мы устанавливаем несомненно контрреволюционный состав ответственных руководителей, что работы велись по явно нецелесообразному плану, что налицо, несомненно, техническая контрреволюция. Представлен список приговоренных по этому делу лиц.

Владимир Ильич 19 августа налагает на докладе следующую резолюцию:

¹ В тот же день И. С. Уншлихт отдал распоряжение председателю Петроградской губчека Семенову немедленно возвратить взятые у Ялавы при обыске по ложному доносу деньги и вещи и выслать нарочным его дело в Москву. Копия этого распоряжения была переслана Ленину. Получив переписку по делу Ялавы, Ленин 11 июня в записке Н. П. Горбунову просит сообщить итог: «1) Возвращены ли деньги? 2) Каков наказание отбыл Ялава и когда окончил?» (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 407, прим. 295). *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 209. *Ред.*

«т. Уншлихт!

Закажите мне справку, сколько еще **остается** отсидеть каждому, и верните, пожалуйста, эту бумагу с дополнительной справкой.

Пойдет дело в суд? или нет и почему нет?

(Точный текст *приговора*?)

19/VIII.

*Ленин»*¹.

Ни одного слова о необоснованности произведенных арестов, о неправильности наших выводов. Напротив, никаких возражений против приговора коллегии ВЧК.

Неурожай 1921 года стал всероссийским бедствием. Центральный Комитет партии и ВЦИК для оказания помощи голодающим и ликвидации последствий неурожая организовали специальную Всероссийскую центральную комиссию помощи голодающим при ВЦИК под председательством Калинина, а также принято было предложение так называемых общественных деятелей (дооктябрьского периода) о создании Всероссийского комитета помощи голодающим².

Путем наблюдения ВЧК установила, что группа членов Всероссийского комитета помощи голодающим во главе с Прокоповичем, Кусковой, Кишкиным (Прокукиш) не отказалась от своих политических задач, старалась использовать народное бедствие Поволжья для организации восстания и заговора против Советской власти, связывая реализацию своих планов с новой интервенцией.

Об имеющихся сведениях мы регулярно информировали Владимира Ильича.

26 августа Дзержинский и я были у Ленина, доложили ему обстановку и предложили произвести обыск и аресты среди членов комитета и их окружения, использовав для этого ближайшее его заседание.

Ленин отказался сразу принять решение: аресты эти будут иметь крупное политическое значение, начнется усиленная, дикая против нас кампания. Надо иметь в своем распоряжении неопровержимые факты. Надо детально изучить весь материал.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 130. Запрошенные В. И. Лениным сведения были посланы ему ВЧК 23 августа 1921 года. *Ред.*

² Всероссийский комитет помощи голодающим был создан 21 июля 1921 года. Он существовал параллельно с Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК, образованной его постановлением от 17 февраля 1921 года. Антисоветские элементы (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и др.), входившие в комитет, пытались использовать его в контрреволюционных целях. 27 августа 1921 года после отказа большинства комитета выполнить предложение ВЦИК о направлении главных сил на места для организации помощи голодающим комитет был ликвидирован. *Ред.*

По требованию Владимира Ильича он был ему в тот же вечер доставлен.

Заседание комитета помощи голодающим было назначено 27 августа, в 15 часов.

В этот день состоялись похороны убитых анархистами чекистов. На похоронах присутствовала вся коллегия ВЧК.

Часов в 12^{1/2} позвонил в ВЧК Владимир Ильич и потребовал меня к телефону. Узнав, что Дзержинский и я на похоронах, приказал немедленно послать за нами машину.

Мы приехали к Владимиру Ильичу, который сказал, что изучение материалов убедило его в полной обоснованности наших предложений, и дал согласие на производство обыска. Времени было очень мало.

Мы должны были немедленно, в боевом порядке приступить к обыску всех присутствующих на заседании комитета, операция должна быть произведена внезапно, бесшумно. Владимир Ильич вручил нам постановление правительства о роспуске Прокукиша.

Несмотря на минимальное время, имеющееся в распоряжении ВЧК, приказ Владимира Ильича был выполнен, к полному его удовлетворению.

Аресты и обыски полностью подтвердили, что Всероссийский комитет помощи голодающим использовал предоставленные ему права для активной политической борьбы с Советской властью, был связан с активными эсерами, имел своих представителей за границей, был связан с белогвардейскими организациями и группами капиталистов за границей.

В деле оказания помощи пострадавшим от стихийного бедствия предложила свои услуги американская организация АРА с Гувером во главе ¹.

Советское правительство приняло предложение, установив меры предосторожности, обеспечивающие нас от использования голода во враждебных нам политических целях.

Ленин очень внимательно следил за работой аровцев, требовал систематических отчетов, давал строгие директивы, напоминал о необходимой осторожности и тактичности, о недопустимости необоснованных арестов.

Наркомзем жалуется на арест по делу комитета помощи голодающим специалистам по племенному свиноводству: Щепки-

¹ АРА (American Relief Administration) — Американская администрация помощи, была создана в 1919 году с целью оказания помощи населению, пострадавшему в результате первой мировой войны. Председателем АРА был Г. Гувер — крупный капиталист, тесно связанный с русским капиталом до 1917 года. Некоторые сотрудники АРА искренне и добросовестно занимались благотворительной деятельностью. Однако в целом АРА служила орудием для расширения влияния американского империализма и сбыта залежавшихся товаров. В июне 1923 года деятельность АРА в СССР была прекращена. *Ред.*

на. Не сомневаясь в его участии в контрреволюционной работе комитета, но исходя из возможности использовать его знания, Владимир Ильич пишет:

«По-моему надо *условно* освободить тотчас.

Черкните Ваше заключение».

Владимир Ильич внимательно следит за быстрым, четким выполнением своих распоряжений. Привожу несколько писем.

«С п е ш н о

Секретно

19/VIII.

т. Уншлихт!

Прошу Вас поручить кому следует представить мне:

- 1) точные справки, *каковы* улики и
- 2) копию *допроса* или допросов по делу *Назанова* (в Петрограде) и *Шелехеса* (в Москве).

Я уже об этом писал. Поставьте кому следует *на вид*, чтобы не опаздывали впредь.

С ком. приветом *Ленин*»¹.

Еще примеры, как внимательно прислушивается Ленин к жалобам на неправильные действия ВЧК.

«НКидел

ВЧК

Мне сообщают, что выезду за границу Григория Семеновича *Петрова*, химика-изобретателя, ставятся препоны.

У Петрова есть мандат от НКвторга за подписью Войкова от 29/III—1921 г. за № 1554 (А) 012.

Есть постановление оценочной комиссии по делам изобретений от 9/II — 1921 г. о выдаче премии Петрову в 15 000 000 рублей и проч. (за подписью Михайловского).

Прошу НКидел и ВЧК сделать распоряжение о немедленном пропуске за границу. Если есть к тому препятствия, прошу сообщить мне о них немедленно.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»².

Н. Яковлев, профессор геологического института, в письме от 15 августа на имя Надежды Константиновны жалуется на арест трех его сослуживцев по Геологическому комитету, членов комитета по исследованию сапропелей (растительных горю-

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 130—131. На это письмо И. С. Уншлихт 20 августа 1921 года ответил, что справки по делу Я. С. Шелехеса (обвинялся в хищении ценностей) и М. К. Названова (привлекался к ответственности по делу контрреволюционного заговора в Петрограде) были посланы В. И. Ленину, а книги допросов будут присланы к 22 и 24 августа. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 160—161. *Ред.*

чих, образующихся в болотах), считает их арест обоснованным и просит ускорить их освобождение.

Владимир Ильич, прочтя это письмо, на нем же пипшет:

«Профессор геологического института. Его лично знала Надежда Константиновна в 1890 годах как честного и революционно настроенного человека. Сын его — коммунист.

т. Уншлихт!

Прошу Вас заказать проверку. Очень похоже, что ученых-то надо выпустить.

Сапропель — штука нам для хозяйства важная.

23/VIII.

*Ленин»*¹.

По делам важным, не терпящим отлагательства, Владимир Ильич вслед за направлением дела аппаратом СТО посылал еще от себя лично распоряжение о строгом расследовании.

Один из примеров.

«Тов. Уншлихту

По сообщению в СТО, на Московской таможне завалюсь пришедшее из-за границы оборудование для Каширстроя.

Дело это передано тов. Смольяниновым для расследования в экономический отдел ВЧК за № 14717 от 19 октября с. г.

Прошу дать распоряжение о строгом расследовании.

Результаты сообщите управделами СТО.

Председатель Совета Труда и Оборона
*В. Ульянов (Ленин)»*².

Учитывая тяжелое положение с продовольствием, топливом, предметами широкого потребления, Ленин лично следил за быстрым их передвижением.

Сохранилась следующая телефонограмма:

«В ВЧК — тов. Уншлихту, НКПС — тов. Фомину
и Наркомпрод — тов. Брюханову

Установите самый строжайший надзор за быстрейшим продвижением мануфактуры из Москвы в Харьков на Украину для товарообмена.

Дайте распоряжение по линии железных дорог. Вопрос важнейший. Донесите исполнение.

Пред. СТО *Ленин»*³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 139.

25 августа 1921 года И. С. Уншлихт сообщал В. И. Ленину, что один геолог освобожден, остальные выпущены быть не могут вследствие установленной их связи с петроградской контрреволюционной организацией. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 320. *Ред.*

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 232. *Ред.*

Текст написан на машинке. «Донесите исполнение» написано рукой Владимира Ильича.

Владимир Ильич улавливал мельчайшие признаки активизации контрреволюционных сил, сигнализировал ВЧК о грозящей опасности, требовал немедленной проверки сведений, представления плана действий. Дает практические указания. Вот один из многих примеров:

«Тов. Уншлихт! Сообщают про Питер худое. Эсеры-де сугубо налегли, и питерская Чека не знает-де ничего об эсерах! Они-де новые, законспирированы чудесно, имеют свою агентуру.

Как бы-де не прозевать второго Кронштадта.

Обратите побольше внимания, пожалуйста, и черкните мне *сегодня же*.

Не послать ли опытных чекистов отсюда в Питер?

Говорят, эсеровские крестьяне направляются эсерами в Питер?

Ваши сведения и Ваши планы?

С ком. приветом *Ленин*¹.

* *
*

...Мало заботясь о себе, Владимир Ильич постоянно наблюдал за состоянием здоровья, за бытовыми условиями старых партийцев, ответственных работников.

Дзержинский лечился на юге. Очень устал. Чувствовал себя неважно, но спешил на работу в Москву. Ленин проводит в Политбюро постановление, запрещающее ему вернуться до полного выздоровления. Не рассчитывая на других, сам взялся за осуществление этого решения и пишет мне: «...пошлите, пожалуйста, *шифровку* Беленькому: «сообщите ход лечения и отдыха Дзержинскому шифром депешей и заключение врача точнее о том, сколько еще времени требуется для полной поправки». Телеграмма была немедленно послана, но Беленький медлит с ответом. Ленин требует ускорить ответ, а на Беленького за затяжку наложить взыскание². Это только Ленин в состоянии был, перегруженный до предела партийными и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 441. *Ред.*

Письмо написано, по-видимому, в связи с телеграммой Л. Б. Красина от 4 июля 1921 года. В ней Красин сообщал о состоявшемся в Париже в конце июня 1921 года съезде русских контрреволюционеров (монархистов, кадетов и правых эсеров), принявшем решение организовать в конце июля или начале августа в Кронштадте и Петрограде восстания с целью свержения Советской власти. В связи с этим Политбюро ЦК РКП(б) 7 июля поручило ВЧК принять необходимые меры предосторожности и постановило также направить в Петроград рабочих-металлистов — коммунистов из старых членов партии. *Ред.*

² 25 октября 1921 года И. С. Уншлихт сообщал В. И. Ленину о том, что постановление Политбюро было сообщено Дзержинскому, а Беленькому объявлен строгий выговор и срочно затребован отзыв врача. *Ред.*

советскими делами, помнить об освежении сил, восстановлении здоровья товарищей, и не только помнить, но и наблюдать за выполнением данных им распоряжений.

А вот еще один характерный факт.

В конце ноября 1921 года Владимир Ильич, чувствуя ухудшение состояния своего здоровья, решил немедленно уехать отдохнуть под Москвой. Лишь бы скорей и полная тишина. Такое место было тотчас же подыскано. Беленький и я его сопровождали. Был сильный мороз. Выпал глубокий снег.

Владимир Ильич сел в автосани в тяжелом настроении и углубился в свои мысли. Мы соблюдали полную тишину. На полпути автосани застряли в снегу. Ленин и все мы вышли помогать шоферу. На мне были тонкие сапоги, пришлось вязнуть в снегу по колени.

Хотя здорово замерз, притворялся, что не чувствую холода. Владимир Ильич посмотрел на меня и со свойственной ему сердечностью спросил, почему не надел на дорогу валенок, уговаривал сейчас же сесть в автосани, чтобы не простудиться.

Приехали на место. Видно было, что Владимир Ильич нуждался в полном уединении, что нет у него желания разговаривать. Мы с Беленьким решили сейчас же вернуться обратно в Москву. Однако Владимир Ильич не отпустил нас, пока не напил чаем, пока мы не согрелись.

О чем говорят цитированные выше письма и записки Владимира Ильича?

Записки эти охватывают как крупнейшие вопросы общегосударственного значения, так и сравнительно мелкие. Все они служат образцом конкретного руководства.

Все они направлены к твердому, последовательному проведению новой экономической политики, к внедрению основ революционной законности, к максимальной бдительности, к повседневной систематической проверке исполнения постановлений партии и правительства, к приучению к конкретному руководству, к внимательному отношению к жалобам на неправильные действия органов власти.

Присутствуя на заседаниях Совнаркома и СТО, я видел, как Владимир Ильич своим авторитетом сумел дисциплинировать присутствующих членов правительства, какая царил тишина, с каким захватывающим вниманием все его слушали, и изумлялся той виртуозности, с которой он проводил заседания. Быстро давал прениям, в случае их отклонения от основного вопроса, должное направление, с необычайной легкостью распутывал самые сложные вопросы, обобщая прения, делал соответствующие выводы, формулировал предложения, диктовал постановления.

В ходе прений он улавливал все подробности, малейшие замечания выступающих, что не мешало ему посылать присутствующим записки по неотложным вопросам, напоминать о невыполненных постановлениях.

Ленин — творец, вдохновитель и основатель большевистской партии. Вождь мирового пролетариата, основатель Коммунистического Интернационала, глава первого социалистического государства, гениальный полководец великой армии труда, одержавшей блестящую победу в славные октябрьские дни, крупнейший организатор, блестящий агитатор и пропагандист. Основной докладчик на всех съездах партии и Советов. Величайший теоретик и практик.

Несмотря на свою занятость, несмотря на то, что нередко ложился спать не раньше 4—5 часов утра, а иногда и напролет работал круглые сутки, Ленин находил время принимать и беседовать на текущие животрепещущие темы с целым рядом товарищей. К нему приходили ответственные работники, рабочие с заводов, крестьяне, делегации. Он всех их внимательно выслушивал, расспрашивал, давал указания, исправлял ошибки, искривления.

Он находил время выступать на бесчисленных собраниях.

Между тем управление государством становится все более сложным. Классовый враг не дремлет. Нужно еще большее напряжение, максимальная бдительность, быстрота действий.

Владимир Ильич не щадил своих сил, своего здоровья.

Бешеная, лихорадочная работа, бессонные ночи подорвали его силы. Даже его крепкий организм не выдержал.

Покушение, совершенное на Владимира Ильича эсеровскими бандитами в 1918 году, тоже повлияло на состояние его здоровья.

В конце 1921 года обнаруживаются первые симптомы серьезного заболевания.

Однако Ленин продолжает работать, проводит в марте XI съезд партии¹. Но все сильнее дает себя чувствовать усталость. Нужен немедленный покой, отдых, нужно изменить обстановку...

Так и не дождался Владимир Ильич столь необходимого отдыха.

26 мая 1922 года произошло первое кровоизлияние в мозг. За лето наступило улучшение, и Ленин в октябре вновь приступает к работе. Был я у него в это время.

Очень изменился Владимир Ильич. Похудел, пожелтел. Помню его слова, сказанные мне на прощание: «Физически чувствую себя хорошо, но нет уже прежней свежести мысли».

¹ XI съезд РКП(б) состоялся в Москве 27 марта — 2 апреля 1922 года. *Ред.*

В ноябре Ленин делает доклад на IV конгрессе Коминтерна на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹. Выступление это потребовало от него колоссального напряжения, казалось, что у него сил не хватит закончить его, что каждую секунду может упасть.

16 декабря 1922 года последовало второе кровоизлияние в мозг, повлекшее паралич правой руки и правой ноги.

Болезнь побеждает. Владимир Ильич должен был лечь в постель, но не сдаётся. Он диктует ряд важнейших политических директив, дающих дальнейшее направление партии. Однако болезнь прогрессирует, разъедает мощный организм.

9 марта 1923 года² новое кровоизлияние, с утратой способности речи. Проблески улучшения. Надежда восстановить здоровье.

Рабочие и крестьяне не только нашего Союза, но и всего мира с тревогой следят за состоянием здоровья Владимира Ильича.

21 января 1924 года, в 6 часов 50 минут, в Горках умер Ленин. Умер человек величайшего ума, любимый вождь мирового пролетариата и всех поработанных.

*Вопросы истории КПСС, 1965, № 4,
с. 94—102*

¹ IV конгресс Коммунистического Интернационала проходил с 5 ноября по 5 декабря 1922 года; см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 278—294. *Ред.*

² По уточненным данным, новый приступ болезни В. И. Ленина произошел 10 марта 1923 года. *Ред.*

ИЗ БЕСЕД С ИЛЬИЧЕМ

Мне неоднократно приходилось видеть Ленина. Когда сейчас вспоминаешь те случаи, по которым я обращался к Ильичу, то получается следующее общее впечатление: я обращался к нему каждый раз, когда я стоял перед неразрешимым вопросом, когда требовалось разобраться в сложной обстановке, когда нужна была та исключительная ясность мысли и дальность зоркость, какой обладал Ленин.

Теперь трудно припомнить все беседы, которые приходилось с ним иметь. Несмотря на его перегруженность, он тем не менее находил время не только поговорить несколько минут по телефону, но и назначить свидание, когда был какой-нибудь серьезный вопрос.

Я помню, как сейчас, как Ленин интересовался приездом в Россию делегации английских тред-юнионов¹. Я был тогда назначен представителем ВЦСПС по приему делегации.

Прежде чем поехать в Петроград для их встречи, я имел беседу с Лениным. Я помню, что он мне сказал:

— Надо, чтобы тред-юнионисты видели Россию такую, какая она есть. Пускай видят нашу нищету, нашу бедность и тот энтузиазм, который существует, несмотря на это, среди рабочих.

Когда я после встречи делегации о первых своих впечатлениях позвонил из Петрограда в Москву Ильичу, он долго спрашивал меня о том, что представляет собою каждый делегат, как он реагирует на происходящие события, что больше всего их поражает, каким образом они формулируют свое отношение к Советской России, есть ли в их заявлениях «европейская» любезность или подлинное искреннее чувство. Помню, что я долго рассказывал Ильичу по телефону о своих впечатлениях после первой встречи с английской делегацией, а он ставил все новые и новые вопросы.

¹ Делегация английских тред-юнионов и лейбористов, о которой говорится в воспоминаниях С. А. Лозовского, приехала в Советскую Россию 12 мая 1920 года. 26 мая В. И. Ленин имел беседу с этой делегацией о перспективах революционного движения в Англии, о борьбе правительств стран Антанты против Советской России, о войне с буржуазно-помещичьей Польшей. *Ред.*

Я с делегацией отправился путешествовать по Волге и по возвращении имел опять разговор с Ильичем. Теперь он расспрашивал меня о том, какое впечатление на гостей произвели наши деревни, города, и видно было, что все это у него откладывается и запечатлевается в памяти навсегда.

В начале июля 1920 года мне пришлось быть у Ильича по вопросу о Международном совете профессиональных и производственных союзов, который мы тогда начали создавать в Москве. Известно, что первый зародыш Профинтерна был создан под этим именем в июле 1920 года¹.

Декларация, которая должна была лечь в основу нового центра, выработывалась с большим трудом. Противодействие оказывали д'Арагона, Биянки, представители Итальянской конфедерации труда, и Дугони. Они предлагали такие формулировки, которые были совершенно неприемлемы. Написанный мною проект д'Арагона и Биянки категорически отвергли. Написанный ими проект я категорически отверг. Тогда взялся за составление проекта Серрати, причем я внес несколько изменений в формулировку некоторых пунктов. Но даже с изменениями, с поправками декларация меня не удовлетворяла.

Стал вопрос о том, подписывать ли такую недостаточно ясно оформленную декларацию или нет. Как во всех трудных случаях, я отправился к Ильичу. Принес ему предложенный мною текст, текст д'Арагона и компромиссное предложение Серрати и спросил совета.

— Компромиссный текст не особенно хорош, — сказал Ленин, — но в конце концов его можно подписать. Дело сейчас не в этом тексте, а в самом факте создания вами организации. В дальнейшем вы лучший текст напишете, а сейчас самое главное — положить основание хотя бы международной ячейке революционных профсоюзов. Если вам не удастся добиться более ясной формулировки, подписывайте исправленный вами проект Серрати.

Ленин подчеркнул: самое главное — создание международного кристаллизационного центра, а все остальное приложится. Последующие годы показали правильность предсказания Ильича.

В связи с международными делами мне пришлось видеть Ильича перед тем, как делегация ВЦСПС в августе 1920 года

¹ Международный совет профессиональных и производственных союзов, международное объединение левых профсоюзов в 1920—1921 гг. создан по инициативе Исполкома Коминтерна и ВЦСПС 15 июля 1920 г. в Москве. Объединял революционные профсоюзы европейских стран, отстраненные от участия в Амстердамском интернационале профсоюзов его реформистскими лидерами. Вел подготовительную работу по созыву состоявшегося в июле 1921 г. Международного конгресса революционных профсоюзов, на котором был создан Красный Интернационал профсоюзов. *Ред.*

отправилась за границу. Как известно, ВЦСПС решил тогда про-
рвать блокаду.

Наша делегация отправилась через Мурманск, села на совет-
ский пароход «Субботник», пробралась до норвежского северного
городка Вардо, затем до Тронгейма, добилась въезда на восемь
дней в Христианию, а затем добралась до Германии.

Перед поездкой я имел довольно длительную беседу с Ильи-
чем, в которой я ему излагал перспективы насчет прорыва бло-
кады. Он внимательно все выслушал и сказал:

— Поезжайте, поезжайте, посмотрим.

По возвращении (после высылки) из Германии я опять имел
продолжительную беседу с Владимиром Ильичем. Его очень ин-
тересовало положение германских профессиональных союзов:
действительно ли они так крепки, как это кажется извне, какова
сила наших и какова сила противников, настроение в самой Гер-
мании и т. д. Когда я ему рассказал, что наша делегация была
приглашена министром иностранных дел, доктором Симоном, и
что я, Артем и Анцелович имели с Симоном длительную беседу,
Ильич бросил мимоходом:

— Хотят поугатать союзников русской ориентацией...

Во время Учредительного конгресса Профинтерна¹ я попро-
сил Ильича поговорить с группой французских синдикалистов,
которые впервые выехали за пределы своей страны и довольно
плохо разбирались в наших делах.

Делегация на Учредительном конгрессе Профинтерна была
составлена, как известно, из безусловных сторонников Профин-
терна, из условных его сторонников и из противников. Ленин
имел с ними очень длительную беседу, причем некоторые из
анархистствующих признали, что никакой другой тактики по
отношению к русским анархистам русская революция применить
не могла.

Анархистствующие делегаты тогда мне говорили, что беседа
с Ильичем на них произвела громадное впечатление. Один из
них мне сказал наивно:

— Если бы у нас, во Франции, были такие политики (ро-
liticiens), как Ленин, то у нас было бы к ним другое отношение,
чем теперь.

В следующем году, во время II конгресса Профинтерна²,
Ильич опять имел беседу с французской делегацией, причем до
этого мне пришлось с ним довольно долго говорить относительно
уступок Унитарной конфедерации труда по вопросу о взаимо-
отношениях между Профинтерном и Коминтерном.

— Если уничтожение взаимного представительства между

¹ I Учредительный конгресс Профинтерна состоялся в Москве 13—
19 июля 1921 года. *Ред.*

² Второй конгресс Профинтерна состоялся в Москве 19 ноября —
22 декабря 1922 г. На нем было уделено большое внимание единому ра-
бочему фронту. *Ред.*

Профинтерном и Коминтерном, — сказал он, — может в какой бы то ни было степени облегчить работу наших сторонников во Франции, тогда, конечно, нужно это сделать.

Устав был изменен в этом смысле, что дало возможность Унитарной конфедерации труда присоединиться к Профинтерну.

Даже во время болезни Ильич интересовался международными делами. Когда в декабре 1922 года было решено послать делегацию от ВЦСПС на Международный конгресс мира в Гаагу¹, Ильич настоял на том, чтобы была создана особая комиссия, в которую он должен был также войти. Эта комиссия должна была вместе с делегацией обсудить все вопросы, связанные с пацифистским конгрессом.

Ильич не мог по болезни прийти на заседание комиссии и письменно изложил свой взгляд на то, как бороться против опасности войны. Ильич в этом письме в комиссию² изложил со свойственной ему ясностью мысли, каким образом нужно бороться против войны и военной опасности. Ильич терпеть не мог фразы, а в области деклараций против войны реформисты всех стран были и остались вне всякой конкуренции. Это он и подчеркнул с особой силой в своем письме. Он предостерегал нашу делегацию против революционных фраз, он требовал от нас, чтобы мы твердо заявили о том, при каких условиях стачка против войны возможна, не создавая на этот счет никаких иллюзий.

Из этих нескольких примеров видно, что, как только какой-нибудь важный тактический вопрос в какой бы то ни было области работы ставился перед каждым из нас, Ильич являлся на помощь, причем известно, что он обладал исключительной способностью формулировать кратко, сжато, без лишних слов линию поведения партии в целом и отдельных ее членов.

Мне Ильича пришлось за период революции слышать неоднократно на съездах профессиональных союзов и Советов, а также на конгрессах Коминтерна. Ильич имел какую-то исключительную способность влиять на аудиторию.

Был ли Ленин оратором? Если подойти к этому с точки зрения специфически ораторского искусства, широких парламентских жестов, округленных фраз, красоты стиля, то можно сказать, что Ленин не был оратором. Но если отбросить эту парламентскую, адвокатскую мерку, а взять содержание и степень влияния его речи на аудиторию, интимную связь между говорящим и слушающими, то Ленин был выдающимся оратором. У меня всегда было такое впечатление, что он гипнотизирует аудиторию... Он говорил немного глуховатым голосом, иногда

¹ В Гааге с 10 по 15 декабря 1922 г. проходил Международный конгресс мира, созданный Амстердамским интернационалом профсоюзов под давлением рабочих масс, выступавших против опасности новой войны. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 318—322. *Ред.*

повторял одну и ту же фразу несколько раз, как будто бы вбивал в головы своих слушателей. Он говорил в высшей степени просто, ясно, без интеллигентских выкрутас, без ораторского фейерверка, а между тем все слушали, затаив дыхание.

Объяснялось ли это влиянием его имени? Нет. В его речи всегда чувствовалась исключительная убежденность и железная воля. Его энергия излучалась, его слова обрушивались на каждого слушателя, заставляя его сосредоточиться, сконцентрировать свою мысль. Он подчинял все собрание своей могучей логике и воле — такое колоссальное лучеиспускание волевой энергии исходило от ораторской трибуны. Я, слышавший Ильича сотни раз, тоже подчинялся этому своеобразному гипнозу.

Особое впечатление Ильич производил в наиболее опасные моменты русской революции. В нашей богатой событиями революции неоднократно были моменты тяжелых и крутых поворотов, когда все, казалось, висело на волоске. И нужно было слышать Ильича в такие моменты (Брест-Литовский мир, захват Казани чехо-эсерами, подход Деникина к Туле, Кронштадтское восстание и т. д.) для того, чтобы понять всю силу и мощь этого революционного трибуна и бойца.

Когда припоминаешь Ильича в тех разнообразных условиях, в каких пришлось ему работать, когда вызываешь в своей памяти первую революцию, разгром ее, период отзовизма, ликвидаторства, нового подъема, внутренней борьбы в РСДРП, войну, Циммервальд, Кинталь, Февральскую революцию, июльские дни, Октябрьскую революцию, разгром Учредительного собрания, Брестский мир, комитеты бедноты, продразверстку, покушение на Ленина, утрату всего юга России, Сибири, Архангельска, Кавказа, крестьянские восстания, Кронштадт, новую экономическую политику, съезды партии, профессиональных союзов, Советов, конгрессы Коминтерна и Профинтерна и т. д. и т. д., — когда перебираешь все эти события, которых могло бы хватить на несколько сот лет мирного развития, и вспоминаешь ту роль, какую играл Ленин на протяжении этого бурного переломного времени, — начинаешь понимать, что потерял русский и международный пролетариат со смертью Ильича.

Великие эпохи рождают великих людей, а великие люди придают особый блеск той эпохе, которая их выдвинула. Ленин появился на рубеже двух миров — капитализма и коммунизма. Он, родившийся в эпоху мирного развития капитализма, был одним из наиболее мощных разрушителей старого и создателем нового. Величие Ленина видно из того, что *ленинизм и коммунизм — одно и то же*. Этого ли не достаточно для оценки исторической роли бессмертного революционера и гениального вождя масс?

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Никакая биография великого деятеля — от «краткой» до самой подробной, «академической» — не может быть подлинной биографией без воспоминаний современников — родных, товарищей, друзей, соратников и сподвижников. Это прежде всего относится к биографии Владимира Ильича. Как бы ни были исчерпывающе полны и ярки документы, живой образ великого Ленина становится особенно ярким, предстает во всем своем обаянии благодаря воспоминаниям о нем.

В Сочинениях В. И. Ленина, в Ленинских сборниках, в огромном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится немало записок, писем и других документов, ярко свидетельствующих о том пристальном внимании, которое Владимир Ильич лично, при всей его сверхчеловеческой нагрузке, проявлял к кадрам Коммунистической партии, к товарищам — партийным и непартийным, к их жизни, к их деятельности. Я не знаю случаев, чтобы Ленин не ответил на обращение к нему по телефону ли, с записками ли или как-либо иначе. Ленин отзывался на все. Во всем сказывались его большевистская чуткость, его обаятельная простота.

* *
*

Шла жестокая гражданская война. Были кулацкие восстания, дезорганизовывал работу бандитизм, приходилось вести идейную и административную борьбу с меньшевиками и эсерами. Во всем ощущалась нехватка: в хлебе, в топливе, одежде, медикаментах. Связь с центром была нерегулярной. А вопросы надо было решать быстро.

Хотя практического опыта руководства партийной и государственной работой у нас вначале не было, мы в общем действовали на местах неплохо: неопенимой оказалась школа, длительная и тяжелая школа борьбы с царизмом, с буржуазией, с их слугами. Партийные и советские работники были

полпы большевистской энергии, революционной инициативы, понимали, что надо действовать вместе с народными массами и во имя народных масс. Но все же нередко мы становились в тупик перед сложностями и трудностями обстановки.

И тогда естественный выход был один: поездка в Москву и, конечно, к Ленину. И это — кроме тех частых выездов в Москву на ежегодные съезды партии, на партийные конференции, на созывавшиеся ежегодно (и чаще) съезды Советов и заседания ВЦИК, во время которых были различные совещания при обязательном участии В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, М. И. Калинина и других.

И не было такого случая, чтобы по приезде в Москву мы не были бы приняты Владимиром Ильичем в тот же или на следующий день.

Ленин проявлял к нуждам работников с мест какое-то особое, я бы сказал, активное внимание. Вот два хорошо запомнившиеся мне случая, которые покажут, что я имею в виду, когда говорю об активном внимании со стороны Ленина.

Был конец 1918 года. Шла напряженная подготовка к VIII съезду РКП(б), на котором должна была быть принята новая программа партии и на котором, как известно, Владимир Ильич свой доклад о деревне посвятил вопросу об отношении к среднему крестьянству, глубоко обосновав новый лозунг: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту...»¹ А в своем заключительном слове дал знаменитый лозунг о взаимоотношениях с середняком: «*Не смей командовать!*»²

В то время в Ливенском уезде Орловской губернии разразилось жестокое кулацкое восстание. Надо было о многом рассказать Ильичу, по многим вопросам получить от него разъяснения и советы. Я в тот период был председателем Орловского губисполкома и секретарем городской партийной организации. С ближайшим товарным поездом (пассажирыские поезда ходили тогда крайне нерегулярно) я по общему решению товарищей и отправился в Москву.

Ленин меня тотчас принял и долго беседовал со мной в своем кабинете. Я рассказывал Владимиру Ильичу о наших партийных и советских «болезнях»: о злоупотреблениях, творящихся в уездах и волостях, об обидах, которые наносятся середняку на местах. Речь зашла о необходимости пополнения провинции новыми, проверенными партийными силами из обеих столиц, о более смелом привлечении к управлению местными Советами близких нам добросовестных беспартийных рабочих, крестьян, интеллигенции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 195. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 201. *Ред.*

Для Владимира Ильича были важны не только те обстоятельства, которые я перед ним выкладывал, — он сам в процессе беседы ставил новые вопросы, высказывал новые мысли.

Когда все вопросы были исчерпаны и я стал прощаться, Владимир Ильич неожиданно остановил меня:

— Подождите уезжать! Вот обо всем том, что вам надо предпринять, еще лучше расскажет Яков Михайлович.

«Еще лучше!»... А я был полон до краев советами и указаниями Ильича.

Владимир Ильич вызвал к телефону Я. М. Свердлова:

— У меня сейчас товарищ Волин — знаете, наш «орловский губернатор»... Он к вам сейчас зайдет. Информируйте его, пожалуйста, обо всем необходимым...

Вскоре я уже был у Я. М. Свердлова. Сидя на длинном старом кожаном диване, мы долго беседовали о насущных вопросах партийного и советского строительства тех дней.

Весной 1919 года Центральный Комитет партии направил меня в Брянск, и там я был избран секретарем губкома РКП(б).

В Брянском промышленном районе (Брянско-Мальцевский, как он тогда назывался) были свои трудности. Громадная часть кадровых рабочих ушла в Красную Армию. Украина была отрезана германскими оккупантами, и хлеба в рабочих городах и поселках почти не было. Здесь сильно орудовали эсеры и анархисты, пытавшиеся использовать трудности того времени. Положение иногда создавалось угрожающее. Но партийная организация была крепкая, в ней большой удельный вес составляли передовые рабочие. И поэтому нам под воздействием массового субботника, проведенного 10 мая 1919 года на Московско-Казанской железной дороге, удалось провести ряд удачных субботников как на железнодорожном узле, так и в самом Брянске.

Мы решили, что мне надо поехать к Владимиру Ильичу и подробно рассказать ему о положении в нашем районе, о тех успехах и трудностях, которые у нас имеются.

Приняв меня, Ленин стал расспрашивать о положении в районе и особенно горячо вникал во все подробности такого необычного, нового мероприятия, как субботники. Он настаивал, чтобы я написал небольшую популярную брошюру с документальными фотоиллюстрациями о трудовом героизме рабочих в тылу. Я обещал это сделать, но выполнить обещание не смог, ибо в середине лета был вызван в Москву и направлен представителем (инструктором) ЦК партии на агитационный пароход «Красная звезда», направлявшийся из Нижнего Новгорода по Волге (политкомом агитпарохода был В. М. Молотов).

Наша беседа в конце перешла на военные темы — о положении на фронтах. И тут Владимир Ильич говорит мне:

— Знаете что, это все лучше, точнее расскажет вам товарищ, только что вернувшийся с фронта. — Ленин знакомым уже движением поднимает телефонную трубку, вызывает этого товарища и говорит ему:

— У меня Волин из Брянска. Он к вам сейчас зайдет, расскажите ему, пожалуйста, о положении на фронтах.

Владимир Ильич никогда не считал свои советы и разъяснения исчерпывающими. Он хотел, чтобы товарищи, приехавшие с мест, были информированы, инструктированы всесторонне. И, как ни занят он был в те трудные годы, он не жалел ни усилий, ни времени, чтобы товарищу оказать максимальную помощь.

Ведь как нередко у нас бывает? Тебя примут, ты изложишь дело, тебе ответят на вопросы, разъяснят — и все! Нет, Владимир Ильич был не таков: он тебя примет, внимательно выслушает, он выудит из тебя все, что ему надо, подробнее на все ответит и еще дополнительно лично устроит тебе встречу с тем, кто его может дополнить, осветить вопрос с новой стороны. Таков был Ленин!

* *

*

Все сигналы о неблагополучии на местах удивительно быстро доходили до Ленина. Владимир Ильич помнил до мельчайших деталей то, что до него однажды дошло, и иногда долгое время спустя он возвращался к этому, предприняв, казалось, совершенно неожиданные решения.

В начале лета 1919 года на юге в борьбе с григорьевскими бандами погиб мой друг и товарищ — моя младшая сестра, активная большевичка. Горе семье было очень велико, меня телеграфно просили срочно приехать, и я получил разрешение ЦК партии отлучиться из Брянска на несколько дней в Екатеринослав (нынешний Днепропетровск). На обратном пути уже с большими трудностями (наступал Деникин) я добрался до Харькова, который был тогда столицей Советской Украины.

Харьков меня крайне удивил, здесь не чувствовалась напряженная военная обстановка, близость фронта, опасность наступления Деникина, не было тревоги за возможность провокации со стороны внутренней контрреволюции. Частная торговля благоденствовала, в кафе и ресторанах, которые были переполнены каким-то нахальным пародом, гремела музыка, тротуары до поздней ночи кишели независимого вида молодыми людьми. Я вошел в губком партии — никакой охраны, полная беспечность, не соответствующее обстоятельствам благодушие.

За то время, что я пробыл в губкоме, я узнал, что вся руководящая советско-партийная верхушка Харькова почти сплошь состоит из «децистов» (Сапронов — председатель губисполкома, Богуславский — секретарь губкома, Сосновский — редак-

тор газеты, Рафаил — в губпрофсовете и т. д.), некоторые из них не скрывали своей неприязни к ЦК партии.

С тяжелым чувством тревоги покинул я Харьков. А по приезде в Брянск обо всем виденном мною написал коротенькую записку В. И. Ленину.

Прошло довольно много — по тогдашним масштабам — времени. Я успел некоторое время еще поработать в Брянске, а осенью получил назначение в Кострому, где был избран председателем губисполкома.

Однажды ранней весной 1920 года меня позвали к «прямому проводу» в секретную комнату рядом с кабинетом председателя губисполкома. Такие вызовы бывали нередки.

— У аппарата, — прочитал телеграфист, — Ленин.

— Ваша записка, товарищ Волин, об Украине крайне пригодилась. Выезжайте немедленно в Москву на заседание ПБ¹. Там поговорим обо всем...

Признаться, я за многими тревожными тех месяцев уже начал было забывать о своем пребывании на Украине, о моей записке Владимиру Ильичу. Но Владимир Ильич ничего не забывал.

Поездка в Москву была сопряжена с большими трудностями. Нужно было переправиться через Волгу, а по ней уже начался ледоход, затем добираться до Москвы в товарном поезде, шедшем с томительной медлительностью.

Когда я вошел в кабинет, где происходило заседание Политбюро, Владимир Ильич воскликнул:

— Ну, вот и он, автор письма, которое я вам читал при обсуждении материалов о положении в Харькове.

Среди присутствовавших я заметил Г. И. Петровского — председателя ВУЦИК, Раковского и других руководящих работников ЦК партии Украины. Заседание подходило к концу. Ленин подвел итоги прениям и, в частности, сказал:

— Мы снимаем всю эту верхушку «децистов» и посылаем в Харьков председателем губисполкома и редактором газеты товарища Волина. Надеюсь, он не будет на нас в обиде за то, что мы так часто меняем место его партийно-административной деятельности...

Как можно было возражать против ленинского предложения? Правда, костромские леса, несмотря на некоторое неблагополучие в них, были в те дни куда спокойнее украинских степей. Но большевики шли не туда, где спокойней, а туда, где нужней.

Потом была беседа (и не одна) с Владимиром Ильичем. Ленин сказал, что моя записка помогла вскрыть опасный гнойник, образовавшийся в Харькове.

¹ Политическое бюро (Политбюро) ЦК партии. *Ред.*

— Надо чаще нас информировать о том, что происходит на местах. Иначе как можно руководить такой громадной страной,— говорил Ленин.

* * *

*

В памяти возникает весна 1920 года. IX съезд РКП(б). Его открытие — в Большом театре, его работы и закрытие — в Кремле, в неблагоустроенном, запущенном еще с царских времен зале, с дощатой трибуной, с кумачовой занавесью, отделяющей президиум от машинисток (после VIII съезда партии этот зал получил имя Свердлова; теперь это великолепный Свердловский зал, где председатель Президиума Верховного Совета СССР или его заместитель обыкновенно вручают правительственные награды).

Съезд был бурный и напряженный. «Децисты» — члены антипартийной группы «демократического централизма» (Сапранов, Осинский, Юренев, Бубнов, Пятаков и другие) вносили хаос в работу съезда. Они позволяли себе даже личные выпады против Ленина.

Будучи избранным в секретари съезда и сидя в президиуме, я внимательно следил за тем, как реагировал на все это Владимир Ильич. Усмехаясь и щуря глаза, он, не подавая ни одной реплики (Владимир Ильич, как я заметил тогда и наблюдал позже, вообще никогда ничем не прерывал ораторов), записывал то, что оппозиционеры говорили об организационной политике ЦК партии, о единоличии и коллегиальности, о «маленькой кучке партийной олигархии» и т. п.

Слово затем было в порядке записи предоставлено мне. В те годы (как и много позже) мы заранее своих речей не готовили, на машинке их до того не печатали, а по коротким записям, сделанным тут же во время заседаний, откликались на происшедшее. Я и начал с того, что выступления оппозиционеров оставили безусловно тягостное впечатление. В зале начался шум, топот, громкие возгласы на скамьях, где сидела «рабочая оппозиция». Но оппозиционерам не удалось сбить меня. После моего выступления был объявлен перерыв. Стали расходиться члены президиума. «Децисты» на меня наседали с бранью и угрозами. Когда все успокоилось, Владимир Ильич, подойдя ко мне, сказал:

— Вы здорово отчитали этих крикунов. А я с ними разделаюсь по-своему.— И он с ними в последующих выступлениях разделался по-настоящему, по-ильичевски...

Съезд приближался к концу (было 5 апреля 1920 года). Ленин высказал глубочайшую уверенность, что 600 тысяч коммунистов, опираясь на весь советский народ во главе с рабочим классом, сумеют решить победоносно хозяйственные задачи, как они до того решали задачи военные; под горячие

аплодисменты делегатов и гостей он закончил свое краткое заключительное слово.

Не успел председательствовавший на заседании Г. И. Петровский объявить о закрытии съезда, как на трибуну стали подниматься делегаты съезда и, отмечая, что наступает пятидесятилетие со дня рождения В. И. Ленина, произносили взволнованные речи, полные любви и благодарности великому вождю и учителю...

Ленин сначала насторожился, а затем стал слушать ораторов с явным терпением. Весь его облик выражал глубокое недовольство. Он вышел из-за стола президиума, быстрыми шагами покинул президиум и через секретарскую направился на третий этаж к себе.

А выступления продолжались одно за другим. Поступают от Ленина коротенькие протестующие записки. Вдруг в углу зазвенел телефон. Я подошел и снял трубку.

— Очень прошу к телефону председательствующего, — сказал Владимир Ильич с явным волнением в голосе.

Смущенный, я позвал Григория Ивановича. Через несколько секунд к столу президиума вернулся расстроенный Петровский и при стихшем зале сообщил, что Владимир Ильич устроил ему «нагоняй», что он решительно настаивает на «гильотинировании» этого «безобразия», на прекращении этого «хвалебного словесного потока».

Но «безобразие» это, естественно, продолжалось. Выступают М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Ф. Я. Кооп и многие другие. Никто на этот раз не хочет подчиняться требованиям Ленина. Восторженные речи льются от всего сердца, со всех сторон несутся здравницы Владимиру Ильичу.

В заключение IX съезд выносит постановление, которое не было записано, об издании полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Скромность Владимира Ильича, его неизменное стремление не быть на виду, его прямая ненависть к малейшим попыткам «культы» его личности воспитывают наши кадры в лучших, непреходящих традициях большевизма.

Со всей силой сказалась эта черта Владимира Ильича через некоторое время, когда попытка чествовать его была повторена Московским комитетом партии. Там я присутствовал в качестве гостя.

В то время в стране не было издано не только хотя бы самой краткой биографии, но даже небольшой листовки о жизни и деятельности В. И. Ленина. И поэтому для многих товарищей, даже из московского партийного актива, было неожиданностью, что 22 апреля Владимиру Ильичу исполняется 50 лет.

Руководство МК решило устроить в тесной партийной среде вечер, посвященный пятидесятилетию В. И. Ленина. Чество-

вашне В. И. Ленина — «коммунистический вечер», — как его тогда называли, — состоялось 23 апреля в зале МК на Большой Дмитровке (теперь Пушкинская улица, в этом здании сейчас находится Прокуратура СССР).

Собравшиеся недоумевали, где Ленин, почему его нет при открытии собрания. А дело было так. О вечере секретарь МК А. Ф. Мясников сообщил Владимиру Ильичу только тогда, когда вечер уже начался. Владимир Ильич отказался присутствовать на официальном чествовании. Только после выступлений ряда ораторов, в том числе А. М. Горького, А. В. Луначарского, М. С. Ольминского, И. В. Сталина и других, — уже после перерыва — неожиданно для всех при общем волнении появился встреченный радостными возгласами Владимир Ильич. Ему было предоставлено слово. Он начал свою краткую речь с того, что поблагодарил собравшихся за две вещи: во-первых, за приветствия, которые были по его адресу направлены, и, во-вторых, «еще больше», как он выразился, за то, что его «избавили от выслушивания юбилейных речей». Эти слова вызвали аплодисменты. А затем он, словно стараясь прекратить поток приветствий, в которых все внимание было сосредоточено на нем — вожде партии, сразу перешел к другой теме: он заявил, что хочет сказать немного «по поводу теперешнего положения большевистской партии»¹.

Это была одна из наиболее коротких речей Ленина. Вся она была посвящена большевистской партии и направлена против славословий, против зазнайства.

Владимир Ильич предостерегал товарищей — всех большевиков порознь и большевиков как политическую партию в целом — от возможности попасть в очень опасное положение, именно в положение зазнавшихся. Это положение, говорил он, «довольно глупое, позорное и смешное»².

С удивительным тактом показал Ленин в этой речи, каким должен быть большевик и какой должна быть вся наша партия, ответственная перед своим народом, перед трудовым человечеством.

Больше при жизни Владимира Ильича день его рождения не отмечался.

* *
*

Конец декабря 1920 года. В Москве собрался исторический VIII Всероссийский съезд Советов, который принял разработанный по идее В. И. Ленина и доложенный Г. М. Кржижановским план электрификации Советской России — знаменитый

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 325. *Ред.*

² Там же, с. 327. *Ред.*

план ГОЭЛРО (Государственной комиссии по электрификации России).

В это крайне трудное для Советской республики время, когда ей в исключительно сложной обстановке предстояло совершить переход от войны к мирному социалистическому строительству, партию атаковали троцкисты, бухаринцы, участники «рабочей оппозиции», «децисты» и другие враги большевизма и навязали ей дискуссию, известную профсоюзную дискуссию.

Ленин охарактеризовал создавшееся внутрипартийное положение как «кризис партии». Неудивительно поэтому, что кроме выступления с докладом на самом съезде и подготовки резолюций по основным вопросам Владимиру Ильичу пришлось в эти дни выступать многократно на заседаниях фракции РКП(б) съезда, где полную волю своим антипартийным выходкам и настроениям давали оппозиционеры.

Даже мы, делегаты съезда, работали с большим физическим и душевным напряжением. Можно себе представить, как велико было напряжение сил Владимира Ильича. Когда он отдыхал? Во время одного из вечерних перерывов было объявлено, что все делегаты съезда — председатели губисполкомов — приглашаются после заседания съезда на совещание, которое состоится в помещении ЦК партии. Председатели губисполкомов — нас было человек двадцать — отправились на Воздвиженку (теперь улица Калинина), где помещался ЦК РКП(б). Каково же было наше удивление, когда рядом с Михаилом Ивановичем Калининным мы увидели и Владимира Ильича.

Совещание открылось довольно поздно. Комната, где мы собрались, была плохо освещена, электричество то и дело выключалось. Все сидели одетые — одни в кожаных тужурках («кожанках»), другие в шинелях. В связи с внутрипартийной дискуссией, а также с подготовкой перехода к новой экономической политике и к новым формам дальнейшего организационного укрепления советского аппарата на местах, созданию новой, экономической основы союза рабочего класса и крестьянства, Ленин и Калинин заставляли нас исчерпывающе рассказывать о том, что делается в губерниях, уездах и волостях, о настроениях в крестьянстве, о положении рабочих, о конкретных проявлениях «инициативы мест». Со своей стороны и мы не скупались на вопросы к Владимиру Ильичу и Михаилу Ивановичу. Хотя Ленин все время ссылался на Калинина, которому-де положение, благодаря его частым поездкам, виднее, чем ему, нам всем бросались в глаза громадная осведомленность Ильича, его безошибочные суждения.

Беседа велась крайне непринужденно, но в самый ее разгар мы спохватились, что уже за полночь. Калинин пред-

ложил разойтись, на завтра предстоял напряженный день работы.

Когда я вышел на улицу и стал спускаться ощупью к Моховой, чтобы затем пойти налево, к I Дому Советов (гостиница «Националь»), я вдруг на самом углу, впереди себя, к моему изумлению, увидел Владимира Ильича. Ему как-то удалось незаметно одному уйти с собрания.

— Как вы решились, Владимир Ильич, в такую ночь один пуститься по Москве?! — вскрикнул я.

Ленин остановился.

— А что, товарищ Волин, если я председатель Совнаркома,— услышал я его насмешливый голос,— то уже лишен всяких прав состояния гражданина республики?..

— Да, но без провожатых!

— Уж будто не могу и без провожатых,— продолжал он с прежней иронией.

Весь этот короткий разговор происходил на углу Воздвиженки и Моховой. Пробираясь через сугробы, мы добрались до Троицких ворот. Я облегченно вздохнул: ну вот, Владимир Ильич стоял цел и невредим у постового красноармейца.

Но не тут-то было. Владимир Ильич взял меня под руку и, потянув влево, к Александровскому саду, сказал:

— Куда спешить! Пройдемтесь.— И опять шутливо: — Смотрите, какая хорошая ночь...

А ночь-то была совсем не хороша, она в тот час казалась мне прямо-таки зловещей. Но я уже больше не стал возражать, и мы молча пошли мимо Александровского сада, мимо потому, что в сад войти никак нельзя было и днем, столько там было мусора и щебня.

Ленин первый прервал молчание и начал с того, на чем мы остановились, когда прервали совещание,— с кулацких восстаний. Владимир Ильич вспомнил, что во время Ливенского восстания в Орловской губернии он послал мне телеграмму о правозсеровском «крестьянском» писателе Иване Вольнове, находившемся в Ливнах, с предложением спасти ему жизнь.

— Что, успели? — спросил Ильич.

Я ответил, что телеграмма пришла вовремя, что Вольнов был освобожден, хотя и имел, по всей видимости, отношение к кулацкому восстанию.

Далее я рассказал об Уреньском восстании, происшедшем в бытность мою председателем Костромского губисполкома, и о том, что я увидел, войдя в избу, где содержались арестованные главы восстания.

— Представьте себе, Владимир Ильич,— говорил я,— мужики и бабы, очень рослые, кряжистые, черные, настоящие потомки стрельцов, как будто сами сошли с картины Сурикова «Утро стрелецкой казни».

Ленин даже остановился:

— А разве там были стрельцы? Как они там очутились?

И я рассказал Владимиру Ильичу, что мне сообщили местные товарищи. Предки восставших были стрельцами, сосланными Петром I в костромские леса.

Так дошли мы до красноармейского поста у Спасских ворот. Я снова облегченно вздохнул и сделал попытку попрощаться. Но Владимир Ильич, не высвобождая моей руки, смеясь заявил:

— Раз взялись, то доведите дело до конца: будьте любезны, проводите меня до дверей дома.

И мы через Спасские ворота и Кремлевскую площадь, мимо Чудова монастыря дошли до крыльца, откуда ведет лестница на третий этаж, в квартиру Ильича. И тут уж я действительно вздохнул облегченно...

Казалось бы, чего проще — после совещания вызвать мапину, но Ленину это и в голову не пришло, он скромно, незаметно вышел из зала, чтобы одному добраться домой.

Уже много лет спустя, когда мы вместе с Надеждой Константиновной работали в Наркомпросе, она как-то вспомнила, как Владимир Ильич со смехом передавал ей о нашем «путешествии» по темной, вьюжной ночной Москве.

* *
*

С весны 1921 года я, вызванный из Харькова, работал в Главполитпросвете, руководимом Н. К. Крупской. Редактировал я «Агит-Роста».

В то время проходила чистка Коммунистической партии. Некоторые итоги ее уже были известны. Нужно было ленинское слово.

Помня разрешение Владимира Ильича обращаться к нему по делам Главполитпросвета, я позвонил ему через Кремль по «верхнему коммутатору» и, когда услышал его голос, волнуясь, выпалил, что прошу его написать статью для «Агит-Роста» о чистке партии. Признаться, я не очень был уверен в том, что получу согласие. Известна была отзывчивость Ленина, его готовность исполнить любую разумную просьбу, но я ожидал, что он откажется в связи со своей крайней загруженностью, но что, на худой конец, пообещает убедить кого-нибудь из ЦК партии дать такую статью. Но Ленин не отказался.

— Хорошо, товарищ Волин, — сказал он, — такая статья действительно нужна. Я обязательно напишу и перешлю ее вам через Надежду Константиновну...

Через день или два Надежда Константиновна передала мне небольшую статью «О чистке партии», подписанную «Н. Ленин».

— Владимир Ильич просил передать, — сказала она, — что надеется, вы не будете возражать, если статья появится также в «Правде»?

Статья «О чистке партии» появилась тогда в «Агит-Росте» и одновременно в «Правде»¹.

* *

*

Еще одно свидетельство доступности Ленина, его неповторимой простоты в обращении с товарищами, его крайней отзывчивости.

Приближалась пятая годовщина Октябрьской революции. Я тогда был редактором органа МК РКП(б) газеты «Рабочая Москва» (ныне «Московская правда»). Наш художник сделал для первой полосы праздничного номера газеты рисунок, на котором на фоне земного шара был изображен Ленин с простертой вперед рукой. Возникла мысль — дать под рисунком подпись «В. И. Ленин». Ленинских автографов было много, но как было бы хорошо воспроизвести подпись Ильича, сделанную им специально на этом рисунке.

Я позвонил секретарю СНК Л. А. Фотиевой, передал ей просьбу редакции. Тов. Фотиева ответила, что Владимир Ильич сейчас председательствует на заседании (судя по всему, это было заседание Совета Труда и Оборона, на котором обсуждались вопросы о реализации урожая, о финансировании Донбасса, о снабжении хлебом рабочих Петрограда и другие) и к тому же не очень здоров, но она все же обещает передать ему о просьбе газеты. Рисунок был немедленно отправлен в Кремль. А на следующее утро, к великой радости всего коллектива работников газеты, картон с рисунком и надписью красными чернилами, сделанной рукой Владимира Ильича, — «Да здравствует Интернационал! Ленин» — был в нашем распоряжении.

7 ноября 1922 года «Рабочая Москва» вышла с праздничным приложением, первую страницу которого украшал этот документ.

* *

*

Стоит посмотреть тома Сочинений В. И. Ленина с произведениями советского периода, чтобы по разделу «Даты жизни и деятельности» видеть, как часто приходилось выступать Владимиру Ильичу. Только его могучий организм, его необыкновенная работоспособность давали ему возможность переносить такую прямо-таки непосильную нагрузку. Очень часто Ленин выступал ежедневно — не только на всевозможных съездах, конференциях, пленумах, совещаниях, заседаниях, конгрессах,

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 122—124. Ред.

но и перед рабочими — непосредственно на заводах, фабриках, в клубах. Выступал он, как известно, и перед крестьянами и перед красноармейцами. Можно насчитать немало случаев, когда Владимир Ильич выступал по два и больше раз в один день, а в день Первого мая 1920 года он после парада на Красной площади произнес речь на закладке памятника Освобожденному труду на берегу Москвы-реки (где раньше стоял памятник царю Александру III), на рабочих митингах в Замоскворецком, Бауманском, Благущее-Лефортовском и Краснопресненском районах...

Особенно часто выступал Ленин в 1918 году.

Так, в день 2 августа 1918 года Владимир Ильич выступал в Бутырском районе, в Варшавском революционном полку, в Замоскворецком районе и на митинге красноармейцев на Ходынском поле с речами на тему «Советская республика в опасности».

Одно время Московский комитет партии практиковал «пятничные митинги». По пятницам члены ЦК партии и ВЦИК, наркомы и члены МК партии и многие другие руководящие работники получали путевки МК РКП(б) на одно или два выступления перед трудящимися. Ни с кем МК не согласовывал заранее своих путевок, ни у кого из товарищей он не спрашивал их согласия.

Такие путевки, наравне с другими, получал систематически и Владимир Ильич.

Сохранилась путевка на подобный «пятничный митинг», полученная Лениным. Вот она:

«Товарищу Ленину. Начало 6^{1/2} час.

Путевка.

на митинг 30-го августа 1918 г.

тема: «Две власти» (Диктатура рабочих и диктатура буржуазии).

- 1) Здан. б. Хлебной биржи, Гавриковская пл., Басманный р.
- 2) Зав. Михельсон, Щипок, Замоскворецкий район».

Ленину и в голову не приходило, что можно отказаться от выполнения задания МК партии, поручив, например, своему секретарю сообщить об этом подписавшему путевку. Ленин был образцом партийной дисциплинированности, никто, как он, не понимал всей важности регулярных выступлений перед трудящимися — партийными или беспартийными людьми, рабочими, крестьянами, красноармейцами, интеллигенцией.

Однажды в какой-то мартовский вечер — хорошо помню, что это была ранняя холодная весна, — я отправился по путевке МК выступать перед краснопресненскими текстильщицами в зале бывшего «шикарного» купеческого ресторана «Яр», что был на Петроградском шоссе (несколько лет тому назад это

здание было переоборудовано в гостиницу «Советская»). Зал был переполнен тепло одетыми работницами — было сыро, холодно, не все громадные окна были застеклены, тускло мерцало несколько привешенных к потолку запыленных лампочек.

Я уже говорил довольно долго. Вдруг весь зал заволновался и стал восторженно рукоплескать. Я машинально обернулся. В полутени сцены слева от меня, у стены, стояли Владимир Ильич и Мария Ильинична. Я смолк и подался несколько назад, уступая место Ленину.

— Нет, нет, товарищ Волин,— приблизившись ко мне, громко сказал Владимир Ильич.— Продолжайте и заканчивайте ваш доклад, но только заканчивайте по-настоящему.

В зале раздался смех.

Я пробормотал несколько слов, вроде того, что говорю уже давно. Что мне оставалось делать? Я закончил доклад совсем не «по-настоящему», а «закруглил» его, как теперь говорят.

Тогда вперед вышел Ленин, в пальто, с шапкой в руке. Снова раздались восторженные аплодисменты и возгласы работниц. Извинившись за опоздание, Владимир Ильич начал говорить и под радостный гул тысячной женской аудитории закончил свою небольшую речь.

Мы вышли вместе. Владимир Ильич предложил мне сесть к ним в машину, чтобы довезти меня до Московского Совета. По пути выяснилось, что по ошибке работника МК мы оба получили путевки на один и тот же митинг. Причем он до этого где-то по той же путевке уже выступал на одном митинге, чем и объяснялось его запоздание.

Ну и смеялся же по поводу этого «недоразумения» Владимир Ильич! А Мария Ильинична, забившись в угол машины, сумрачно молчала — она хорошо знала, чего стоило тогда Ленину выступать на двух митингах...

* *
*

Как редактору «Рабочей Москвы» мне довелось присутствовать на заседаниях IV конгресса Коммунистического Интернационала, который происходил в Большом зале Кремлевского дворца (впоследствии совершенно перестроенном и превращенном в зал заседаний Верховного Совета СССР). Тогда этот зал был много короче и уже нынешнего, с тонкими кручеными золотыми колонками посередине и временной трибуной.

Торжественное открытие конгресса состоялось 5 ноября 1922 года в Петрограде, а затем его работы были перенесены в Москву. Утром 13 ноября конгресс заслушал доклад В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294. Ред.

Хотя Владимир Ильич до того долго болел (с мая 1922 года до октября он находился в Горках) и к началу ноября был все еще нездоров, он не считал для себя возможным не выступить перед конгрессом Коминтерна, участниками которого было свыше 400 делегатов от 58 национальных коммунистических партий и организаций.

Народу было очень много. Кроме делегатов конгресса, присутствовали представители Итальянской социалистической партии, Исландской рабочей партии, Монгольской народно-революционной партии, Коммунистического Интернационала Молодежи, Профинтерна, Международного женского секретариата, Межрабпона, организации негров США.

Владимир Ильич держал перед собой листки плана речи, написанного от руки, и речь произносил на немецком языке. Легко представить себе, какого это требовало напряжения. С волнением, затаив дыхание, слушали делегаты — кто стоя, кто сидя — его длившийся целый час доклад.

Ленин говорил о том, как большевистская партия начала новую экономическую политику и каких успехов Советская Россия без чужой помощи достигла. С товарищами по Коммунистическому Интернационалу Владимир Ильич говорил совершенно откровенно, показывая образец большевистской самокритики. «...Мы, — сказал он, — сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я»¹. Делегаты, с любовью и уважением глядя на Ленина, рассмеялись при этом. Владимир Ильич стал подробно объяснять объективную сущность этих «глупостей». Они естественны: «Мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов». Хитро взглянув на слушателей, Владимир Ильич заметил, что, говоря о «глупостях», следует сказать кое-что и о наших противниках: «Если наши противники нам ставят на вид и говорят, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили огромное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, но, знаете ли, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши»². И подтвердил это примерами с Колчаком и Версальским миром.

Когда Ленин закончил доклад, зал огласился бурными, долго не прекращавшимися аплодисментами, восторженными возгласами на всех языках мира: «Да здравствует наш товарищ Ленин!..»

Усталый и вместе с тем возбужденный общим сочувствием, Ленин закончил свою речь.

Это была его последняя речь перед представителями самых организованных, передовых слоев прогрессивного человечества.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 290. *Ред.*

² Там же, с. 291. *Ред.*

Через неделю, вечером 20 ноября 1922 года, В. И. Ленин выступил на пленуме Московского Совета, заседавшего совместно с пленумами всех районных Советов Москвы. Шло деловое заседание Моссовета. Появление Владимира Ильича было встречено радостными возгласами, пением «Интернационала», длительными, непрерывавшимися рукоплесканиями.

Московский Совет в течение ряда недель выяснял возможность выступления Ленина перед представителями трудящихся столицы. Владимир Ильич начал с извинений перед депутатами за свое опоздание и с объяснения, что после болезни, начиная с декабря 1921 года, ему пришлось откладывать с недели на неделю это свое выступление, ибо, как он шутя заметил, «выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок...»¹. Тем не менее, несмотря на свое нездоровье и усталость, Владимир Ильич не считал возможным отказать в просьбе Московскому Совету выступить на его пленуме.

Когда Владимир Ильич появился, то сцена была почти пуста: был председатель, сидела стенографистка, у стола президиума сидел и я, как депутат Совета и редактор «Рабочей Москвы». Так радостно было товарищеское пожатие его теплой руки, улыбка его пытливых, немного усталых глаз!

Он показался мне еще более усталым, чем после выступления на IV конгрессе Коминтерна. Здесь, на пленуме Моссовета, я впервые увидел Владимира Ильича в коричневом френче, что показалось мне непривычным (до последней болезни он френча никогда не носил). Для этого выступления у Ленина, как всегда, не было готового, напечатанного на машинке текста речи: в его руках было несколько листков с бегло набросанным планом.

Несмотря на недомогание Владимира Ильича, речь его была исключительно жизнерадостной, воодушевляющей, оптимистичной. Она часто прерывалась одобрительными возгласами и аплодисментами.

Ленин говорил о положении Советской России после разгрома интервентов. Он говорил, что наша страна стоит на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, что она себе обеспечила успех перед государствами всего мира. Он как-то особому говорил о внутренних задачах, к решению которых надо подходить иначе, чем раньше. Громадное впечатление на слушавших Владимира Ильича произвели его слова: «Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 300. *Ред.*

перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым»¹.

С исключительной проникновенностью говорил он о Коммунистической партии. Он как-то особенно тепло, по-отечески назвал партию — маленькую, по сравнению со всем населением страны, группу людей — «зернышком», которое поставило себе задачей переделать все. «И оно переделает!» — убежденно добавил Ленин, обводя взглядом аудиторию.

У каждого радостно забилося сердце тогда, в вечер 20 ноября 1922 года, в самый разгар нэпа, когда Ленин произнес знаменитые слова о социализме, который мы уже протащили в повседневную жизнь, о социализме, который уже не есть вопрос отдаленного будущего.

Бурные аплодисменты вызвали знаменательные обнадеживающие слова Владимира Ильича: «Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая»².

Члены Совета бурно аплодировали, а он — великий и простой — стоял на трибуне, обводя светящимся, немного усталым взором представителей народной Москвы, города трудящихся, столицы первого в мире социалистического государства...

* *
*

Для нас Ленин всегда являлся внимательным другом, готовым в любой час прийти на помощь. Ни робость, ни тем более боязнь никогда не закрадывались в душу, когда мы шли к нему на прием или совещание. В. И. Ленин был для нас величайшим образцом скромности и простоты. Ничем и никогда наш великий вождь не выказывал своего превосходства. После встречи с ним каждый задавал себе вопрос: неужели это был Владимир Ильич, неужели это я с ним, с Лениным, как с другом, как с товарищем, вел разговор, сидел за одним столом, стоял рядом с ним у окна его кабинета? Эти мысли и сейчас волнуют. И радостно думать: Ленин был ближе всех, доступнее всех, яснее всех, проще всех...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 441—458

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 306. *Ред.*

² Там же, с. 309. Это было последнее публичное выступление В. И. Ленина. *Ред.*

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА¹

Для победы на фронтах и успешного социалистического строительства огромное значение имела четкая работа советского государственного аппарата и подготовка кадров советских руководителей.

С первых же шагов Советской власти и на протяжении всей своей деятельности как руководителя Советского государства Ленин вел упорную, повседневную борьбу за укрепление и лучшую организацию советского госаппарата, улучшение его практической работы и воспитание советских работников.

Постоянно обдумывая средства улучшения работы советского аппарата, преодоления бюрократизма и волокиты в советских органах, Ленин подходил к этому делу с разных сторон. Он изыскивал все новые формы и приемы этой борьбы, привлекая к делу различные государственные, партийные и профсоюзные учреждения и организации, выдвигая задачи воспитательные, организационные, культурные, воспитывая в советских работниках непримиримое отношение ко всякому проявлению беззакония, формального, бездушного отношения к делу.

В этом ярко проявилась одна из наиболее характерных черт ленинского стиля работы — непреклонная воля и не знающая преград настойчивость в достижении поставленной цели. Упорно преодолевая трудности, возвращаясь снова и снова к испытанным, но не давшим еще желаемых результатов мерам, изыскивая новые, Ленин ободрял отчаявшихся работников, неустанно указывая, что не надо падать духом от неудач и опускать руки.

Указания В. И. Ленина, его документы по вопросам работы советского аппарата сохраняют свое значение и в настоящее время как руководство в деле дальнейшего упорядочения организации советских органов и улучшения их работы. Вместе с

¹ Воспоминания публикуются с сокращениями, сделанными автором. *Ред.*

тем они представляют богатейший материал для изучения ленинского стиля государственной работы. Они показывают планомерную, целеустремленную работу В. И. Ленина в этой области.

Ленин вел систематическую и упорную борьбу за строгое соблюдение *революционного порядка и законности*. Мерами убеждения и принуждения воспитывал он глубокое уважение к законам и распоряжениям Советской власти, уважение к Конституции Советской республики...

В 1919 году по требованию Владимира Ильича Отдел законодательных предположений Наркомюста выпустил брошюру «Исполняйте законы Советской республики!». Владимир Ильич сам редактировал ее. Брошюра представляет собой призыв к трудящимся твердо исполнять законы, установленные Советской властью. Эта брошюра по распоряжению Ленина была разослана всем членам СНК. Он всегда имел ее перед собой на заседаниях Совнаркома, ссылаясь на нее и напоминая о ней народным комиссарам.

Отстаивая революционную законность, Ленин сурово боролся против взяточничества...

Как и во всей работе по социалистическому строительству и улучшению советского аппарата, большую роль в борьбе со взяточничеством Ленин отводил членам партии. В своем докладе на II Всероссийском съезде политпросветов в октябре 1921 года, разъясняя их роль в борьбе против взяточничества, Ленин говорил: «...если политпросветчики скажут: «Это не по нашему ведомству», «у нас изданы по этому делу брошюры и прокламации», народ вам скажет: «Плохие вы члены партии: это, правда, не по вашему ведомству, для этого есть Рабкрин, но ведь вы являетесь и членами партии»¹.

В записке к члену коллегии ВЧК 1 марта 1922 года Ленин пишет: «Со взяткой и пр. и т. п. Государственное политическое управление может и должно бороться и карать расстрелом по суду»².

Так гневно осуждал Ленин взяточничество, которое он называл проклятым наследием царизма.

Когда Владимир Ильич обнаруживал неисполнение какого-либо постановления или распоряжения Советской власти, он неизменно требовал наказания виновного. При этом он прибавлял, что наказание может быть и не строгим, иногда может быть достаточно и выговора, но необходимо разрушить всеобщее убеждение в безнаказанности преступления. Виновным Владимир Ильич считал не только того, кто не выполнил дела, непосредственно ему порученного, но и безучастного руководи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 172.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 196.

теля того учреждения, работа которого страдала от невыполнения решения правительства. Такому руководителю Ленин ставил в вину то, что он не бил тревоги, не жаловался, не заявлял соответствующим органам. Например, если Совнарком обязывал Наркомпрод обеспечить ударным пайком рабочих какого-нибудь предприятия, а руководитель этого предприятия не сигнализировал вовремя, что решение Совнаркома не выполняется, Ленин считал такого руководителя виновным в такой же мере, как и Наркомпрод.

Ленин не допускал небрежного, невнимательного отношения и к повседневным административным распоряжениям. Когда Владимир Ильич после ранения вернулся к работе, врачи настаивали на том, чтобы он не работал в накуренной комнате. В зале заседаний курить было категорически запрещено, а в кабинете Владимира Ильича на печке было вывешено по его предложению напечатанное крупным шрифтом объявление: «Курить воспрещается». Однако приходившие в кабинет товарищи не всегда выполняли это требование. Однажды после совещания, когда было особенно сильно накурено в кабинете, Владимир Ильич вызвал меня и сказал: «Распоряжение надо снять, — и затем добавил: — Если мы не умеем добиться выполнения распоряжения, надо его снять, чтобы не компрометировать распоряжения».

Бывали случаи, когда на заседаниях Совнаркома или Совета Труда и Оборона В. И. Ленин, обнаружив невыполнение какого-либо постановления правительства, давал указание арестовать виновного на два или три дня и при этом прибавлял: «Арестовывать по праздникам, а в будни освобождать, чтобы не страдала работа»...

Узнав о неисполнении постановления СТО Петроградской потребительской коммуной, председателем которой был тов. Бадаев, старый член партии, Ленин внес 23 июля 1921 года в Политбюро следующее предложение: «Провести через *Политбюро* и через *СТО*: 1) наказать *Бадаева* и двух его ближайших сотрудников *арестом* на 1 воскресенье за неисполнение приказа *СТО*;

2) предупредить его и их: следующий раз — на *месяц* и прогоним»¹...

Ленин воспитывал в советских работниках твердую дисциплину и не пропускал ни одного ставшего ему известным случая ее нарушения. 23 апреля 1921 года Владимир Ильич объявил строгий выговор членам комиссии Совета Труда и Оборона за неявку на заседание комиссии, назначенное в воскресный день утром. Одновременно он предупредил, что в случае повторения виновные будут отданы под суд.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 56.

Особенно строго требовал Ленин соблюдения дисциплины и законности от коммунистов и ответственных работников, взыскивая за каждое нарушение, невзирая на занимаемый виновным пост...

Вот особенно яркий пример строгой требовательности Ленина к коммунистам.

В связи со злоупотреблениями отдельных ответственных работников Центрального жилищного отдела Моссовета и послаблением им со стороны Московского комитета РКП(б) Ленин пишет 18 марта 1922 года гневное письмо в Политбюро ЦК РКП(б), в котором предлагает: «2. Объявить строгий выговор Московскому комитету за *послабления* коммунистам...

3. Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет *исключать из партии*.

4. Циркулярно оповестить НКЮст (копия губкомпартам), что коммунистов суды обязаны карать *строже*, чем некоммунистов.

За неисполнение этого нарсудьи и члены коллегии НКЮ подлежат *изгнанию со службы*.

5. Поручить Президиуму ВЦИКа *огреть* президиум Моссовета выговором в печати.

Ленин.

18.III.

Р. С. Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!»¹

Большим злом в работе советского государственного аппарата были бюрократизм и волокита.

Советская власть разрушила старый, бюрократический государственный аппарат и создала новый, советский аппарат, основанный на широком участии трудящихся в управлении. Это было огромным завоеванием Советской власти. Выступая на XI съезде партии, Ленин говорил: «Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано...»²

Но в практической работе советский аппарат страдал серьезными недостатками. Сказывалась нехватка культурных сил. Молодые советские кадры не имели еще опыта государственной работы. Старые, царские служащие, заскоружные чиновники-бюрократы, засевающие в ведомствах и учреждениях, часто сознательно саботировали работу. Владимир Ильич учил, что для полной победы над бюрократизмом необходимо вовлечение все-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 53.

² Там же, с. 108—109.

го населения в управление государством и поднятие общего культурного уровня; для этого нужны не годы, а десятилетия. Но тем более необходима повседневная борьба против каждого случая бюрократизма и волокиты.

Владимир Ильич решительно пресекал каждый ставший известным ему случай бюрократизма, волокиты, формального и бездушного отношения к делу. Он требовал большой оперативности в работе, быстрого и точного выполнения распоряжений Советской власти и настойчиво боролся с бюрократами, волокитчиками и нарушителями законов, подменяющими живое дело формально-бюрократической бумажной волокитой. На конкретных фактах, на ошибках и промахах учил Ленин молодых советских работников, как надо работать...

В ряде писем в Наркомюст, Ревтрибунал и т. д. В. И. Ленин требует постановки на суд дел о волоките. В письме Курскому 4 ноября 1921 года Ленин пишет: «...обязательно этой осенью и зимой 1921—1922 гг. поставить на суд в Москве 4—6 дел о московской волоките, подобрав случаи «поярче» и сделав из каждого суда политическое дело»¹.

20 октября 1921 года в письме в Мосревтрибунал по делу о волоките в Наркомпроде В. И. Ленин писал:

«Р. С. Крайне важно — с точки зрения и партийной и политической — во исполнение решения VIII съезда Советов особенно, чтобы суд по делу о волоките был наиболее торжественный, воспитательный и приговор достаточно внушитель»².

Разъясняя опасность бюрократизма, Владимир Ильич пишет в Наркомфин: «Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это... Мы думаем все еще о декретах, об учреждениях. В этом ошибка. Вся соль теперь в практиках и в практике... Дело теперь не в учреждениях, а в людях и в проверке практического опыта»³.

Важнейшим требованием Ленина в области улучшения работы государственного аппарата было доведение каждого дела до конца, «до реального результата», и проверка исполнения, «проверка того, что выходит на деле», как говорил он. От ведомств и учреждений, от партийных и советских работников требовал Ленин фактического контроля за исполнением постановлений Советской власти.

К идее организации контроля за исполнением постановлений партии и правительства Ленин возвращался постоянно на протяжении всей своей работы как председатель Совнаркома.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 1.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 286.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 180.

Органом, призванным осуществлять контроль, Ленин считал прежде всего Рабоче-крестьянскую инспекцию и указывал, что в ее работу надо вовлечь широкие массы трудящихся и «*обязательно привлекать женщин и притом поголовно*»¹.

В последних работах Ленина, продиктованных им в январе — марте 1923 года, ленинская идея контроля окончательно вылилась в план реорганизации Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина) путем соединения ее с расширенной за счет вовлечения 75—100 новых членов из рабочих и крестьян партийной Центральной Контрольной Комиссией (ЦКК) и создания на этой основе образцового, квалифицированного и авторитетного аппарата объединенного Рабкрина, который стал бы действенным орудием фактического контроля и вместе с тем служил бы образцом для других учреждений.

Владимир Ильич поручил своему секретариату организовать контроль за исполнением в назначенный срок постановлений правительства. С этой целью в 1922 году при его участии была выработана особая форма карточки. При этом он дал указание, чтобы в карточку были включены только такие графы, заполнение которых было обязательным. Графы, которые заполнять затруднительно, вследствие чего они на деле заполняться не будут, в карточку не включать. Эту работу он поручил специальному сотруднику, предупредив, что будет сам наблюдать за ней. Если по ходу дела обнаруживалось, что постановление не может быть выполнено в установленный срок, соответствующее учреждение обязано было просить отсрочки, не дожидаясь истечения назначенного ранее срока. Владимир Ильич требовал представления ему два раза в месяц отчета, написанного кратко, телеграфным стилем, о том, как идет дело проверки исполнения.

Вы должны поймать виновного, говорил Ленин. За неаккуратность виновные должны быть караемы арестом или увольнением. «Задача — приучить наркоматы к аккуратности, сажая в тюрьму и изгоняя неаккуратных исполнителей». Этой работе он придавал очень важное значение. «За неуспех — увольнение»², — писал он в своем распоряжении...

Как от учреждений, так и от отдельных работников Владимир Ильич неизменно требовал *самостоятельности в работе*. Он резко порицал беспомощность и безрукость, стремление снять с себя ответственность за порученное дело и решительно боролся с попытками отдельных работников и учреждений вносить на разрешение Совнаркома и СТО или передавать в комиссию вопросы, которые могли бы быть разрешены ими самими. Ленин требовал *повышения ответственности* наркомов за деятельность вверенных им наркоматов, участия в работе Совнаркома их лично, а не заместителей.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 66.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 259.

Одним из основных и необходимых условий для правильной организации работы советского аппарата В. И. Ленин считал четкое *разграничение обязанностей между работниками*, «чтобы каждый знал, за что отвечает», и персональную ответственность за порученное дело.

Уже через год после Октябрьской революции, подытоживая накопившийся опыт работы советского аппарата, В. И. Ленин пишет «*Набросок правил об управлении советскими учреждениями*».

Этот документ, при всей своей краткости, является как бы программой, в которой изложены конкретные практические требования Ленина по вопросам организации и упорядочения работы советских учреждений. Они поражают своей глубокой продуманностью и практической ценностью. Ни одно из этих требований не было в дальнейшем опрокинуто жизнью, ни от одного из них не отказался Ленин.

«Набросок правил об управлении советскими учреждениями» состоит из трех разделов. В первом разделе В. И. Ленин выдвигает требование *строгой ответственности каждого за выполняемую работу и контроля за исполнением*.

«Коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления в советских учреждениях должно сопровождаться установлением самой точной *ответственности каждого* из состоящих на любой советской должности лиц за *выполнение определенных*, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и *практических работ*».

Это правило, пишет Ленин, «должно стать отныне *безусловно обязательным*»¹, ибо без выполнения его невозможно проведение действительного контроля за исполнением порученного дела, а также невозможен правильный подбор людей на каждую работу.

Все руководящие советские учреждения должны перестроить свою работу таким образом, чтобы на первом месте встал *фактический контроль* за исполнением постановлений центральной власти и местных организаций.

В. И. Ленин не оставлял без внимания ни одного, хотя бы и мелкого, ставшего ему известным случая безответственного отношения к работе. Узнав, что в Управлении делами СНК три дня не будет действовать лифт, Ленин пишет 19 сентября 1921 года записку замуправделами СНК и СТО: «Мне сообщили, что лифт не будет действовать 20, 21 и 22 сентября».

Это верх безобразия. Есть люди с большим сердцем, коим подъем вреден и опасен. Я тысячу раз поручал следить за лифтом, назначив ответственное лицо.

Объявляю Вам строгий выговор, поручаю установить винов-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 365.

ных в непредупреждении вовремя; сообщите список ответственных лиц еще раз, меры взыскания им.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

Ленин упорно боролся со всякими, даже мелкими неполадками бюрократического порядка. Например, в первые годы Советской власти, чтобы попасть в Кремль к Ленину, посетитель должен был пройти большое количество постов: пост у входа в Кремль, пост «нижний», пост «верхний»; где-нибудь да и застрянет посетитель. Владимир Ильич потребовал, чтобы комендант завел такой порядок, при котором проходящий к нему на прием или в Совнарком не терял бы лишнего времени, если есть распоряжение секретариата о его пропуске. Секретарь обязан был следить за тем, чтобы посетителей пропускали без задержки. Если посетитель вовремя не приходил, то Владимир Ильич поручал узнать, не ходит ли он по Кремлю в поисках дороги в СНК или не застрял ли на каком-либо посту. Есть ряд письменных распоряжений Ленина коменданту с предупреждением, что он будет принимать меры репрессивного характера, если порядок в этом деле не паладится...

26 ноября 1921 года В. И. Ленин пишет коменданту Кремля о задержке часовыми лиц, проходящих к нему: «...я не раз уже требовал от коменданта Кремля и требую еще раз, чтобы был создан такой порядок, при котором *идушие ко мне, хотя бы без всяких пропусков*, имели возможность, *без малейшей задержки, созвониться и из ворот Кремля, и из подъезда Совнаркома с моим секретариатом и с телефонистками коммутатора III этажа.*

Ставлю Вам на вид, что Вы к моим требованиям относитесь нерадиво»².

Далее Ленин дает подробные указания, как надо организовать это дело.

Строго требовал Владимир Ильич от работников своего аппарата деловитости, быстроты, четкости, абсолютной точности и немедленного исполнения его распоряжений, хотя бы дело шло только об отправке письма.

Помню случай, когда во время беседы с каким-то посетителем Владимир Ильич вызвал меня и поручил отправить письмо, но через несколько минут он вызвал снова и сказал, что письмо надо задержать. Однако оно было уже отправлено. Никогда не забуду выражения лица Владимира Ильича при этом известии. В нем была и легкая досада, что письмо, которое он хотел задержать, отправлено, и явное удовольствие от быстроты исполнения его распоряжения.

Но иногда случались промахи.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 205.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 36.

Однажды в вечернее время Владимир Ильич позвонил дежурной секретарше и сказал: «Дайте мне всю коллегия Наркомзема». Он имел в виду список членов коллегии, а она поняла, что надо вызвать к нему всех членов коллегии, и стала вызывать их по телефону. Поднялся большой переполох, все заволновались: что случилось, почему срочно вызывает Ленин, да еще всю коллегия в целом? Владимир Ильич, подождав несколько минут, снова вызвал секретаршу и спросил, почему до сих пор он не получил список. Она поняла свою ошибку, сейчас же принесла список Владимиру Ильичу и стала по телефону бить отбой. Некоторых товарищей пришлось перехватить по дороге.

В это время я пришла в Совнарком и застала дежурную горько плачущей. Узнав, что произошло, я рассмеялась и, улыбаясь, зашла к Владимиру Ильичу, но он меня встретил замечанием: «Что за беспорядок у вас, не могла десять минут дать мне бумажки». Узнав о причине задержки, Владимир Ильич не рассмеялся, как я ожидала, а смутился и сказал: «Неужели это произошло из-за моего неточного выражения?!» Так справедлив был Ленин.

Большие требования предъявлял Владимир Ильич в отношении культурности всей нашей работы, культурного обращения с посетителями и со всеми, кто обращался к нам по какому-либо делу. Вежливость — это было его постоянное требование. Иногда случалось, что он не мог или считал ненужным принять кого-либо из тех, кто добивался свидания с ним. Тогда он, поручая нам отказать в приеме, говорил: «Откивайте ему, но только вежливо».

Характерно, что для Владимира Ильича не было слишком незначительного, не стоящего его внимания дела, если оно давало практически полезные результаты. Это можно показать на примере, казалось бы, такого маленького дела, как отправка писем. Мы имели следующие указания Владимира Ильича: не посылайте самокатчика к адресату, не узнав раньше, где он сейчас находится (на заседании, в рабочем кабинете, дома и т. д.); узнавши точно, где находится адресат, запечатайте письмо в конверт, если нужно — прошейте его и запечатайте сами сургучом. Дальше: обязательно напишите на конверте: «Никому другому не вскрывать» — и предупредите самокатчика, что адресат должен дать расписку на конверте. Вручив письмо адресату и получив его подпись, самокатчик возвращал в секретариат конверт; конверт с распиской следовало показать Владимиру Ильичу. В результате при наименьшей потере времени достигалась полная гарантия того, что письмо вручено именно адресату, а не завалилось где-нибудь в канцелярии. Владимир Ильич строго взыскивал за волокиту с отправкой его писем.

13 сентября 1921 года, обнаружив задержку в отправке его письма, Ленин пишет в Управление делами СНК: «Вчера мной

обнаружено, что данный мною Фотиевой срочный документ... оказался, пошел «обычным», т. е. idiotским, путем ¹ и опоздал на долгие часы, а без моего вмешательства второй раз опоздал бы на дни.

Такая работа канцелярии недопустима, и, если еще хоть раз обнаружится подобная типичнейшая волокита и порча работы, я прибегну к строгим взысканиям и смене персонала» ².

12 июля 1921 года Владимир Ильич пишет коменданту Кремля:

«Все пакеты, оставляемые в будке у Троицких ворот на мое имя, должны передаваться в Секретариат СНК абсолютно немедленно, без малейшей задержки; в противном случае я буду строго взыскивать. Пакет на мое имя, посланный т. Богдановым с курьером *в 4 часа*, до сих пор мне не передан, и только по заявлению т. Богданова *в 7 часов* обнаружилось, что он лежит в будке...

Р. С. Прошу сообщить мне копию Вашего приказа по этому делу и точное указание мер, кои Вами приняты. Если я еще когда-либо *через 5 минут* не получу из проходной будки, я должен буду подвергнуть Вас взысканию» ³.

Внимание к мелочам Владимир Ильич считал необходимым условием в практической деятельности, он был убежден, что «внимание к мелочам сделает советский аппарат подлинно демократическим, не формально демократическим, а пролетарски демократическим».

Владимир Ильич получал множество писем от трудящихся. Откровенно, искренне, как отцу, писали они Ленину о своих нуждах, жаловались на незаконные действия местных властей, обращались с просьбами о помощи. Владимир Ильич немедленно реагировал на просьбы и жалобы, посылал запросы на места, требовал расследования, привлечения к ответственности виновных и сообщения ему результатов.

Однажды в Москву приехал коммунист красноармеец Семянников, который на Дону был свидетелем беззаконий, творимых местными продработниками. Он написал письмо Владимиру Ильичу, в котором рассказывал об этом и добавлял, что будет три дня ждать решения Ленина, если же он не получит никакого ответа, то уйдет из жизни. Владимира Ильича очень взволновало это письмо. Он в это время был болен и не мог принять Семянникова, но дал мне письменное распоряжение:

¹ Срочные бумаги от Владимира Ильича отправлялись непосредственно через самокатчика. Данный документ был сдан в регистратуру и пошел через экспедицию.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 193.

³ Там же, с. 24.

спешно разыскать Семянникова, принять и успокоить его. «...Скажите, что я болен,— писал Ленин,— но дело его двину. 2) Письмо его дайте переписать на машинке в нескольких экземплярах: 1 Молотову, 1 Сольцу, ЦКК. 3) При посылке письма Молотову добавьте от меня: предлагаю послать Контрольную комиссию на Дон из члена ВЦИК + 10 (или 20) свердловцев¹ (автора взять с собой) и *расстрелять на месте* тех, кого изобличат в грабежах»²...

Зная о серьезных недостатках в работе госаппарата в центре и особенно на местах, Владимир Ильич обязывал работников секретариата прочитывать все письма с просьбами и жалобами. В специальном распоряжении Управлению делами Совнаркома 18 января 1919 года Владимир Ильич предписывает докладывать ему обо всех жалобах, поступающих в письменном виде, в течение 24 часов, а об устных жалобах — в течение 48 часов. Он требовал также тщательного контроля за исполнением его резолюций по этим жалобам.

Позже по указанию Владимира Ильича была создана приемная Совнаркома. Она помещалась вне Кремля, и все письма, поступающие в адрес Совнаркома или Председателя СНК, направлялись по его распоряжению в эту приемную. Секретарь приемной Совнаркома обязан был давать ход этим письмам и раз в две недели докладывать Владимиру Ильичу общий итог.

20 января 1921 года в беседе с управделами Совнаркома Н. П. Горбуновым Владимир Ильич дает ему указания: начать работу наружной приемной в скромных размерах, установить там теснейшую связь с наркоматами и пользоваться в работе их аппаратами; в первую очередь изучить и научиться пользоваться аппаратами Наркомвнудела и РКИ; использовать газету «Известия ВЦИК» для почтового ящика, в котором отвечать на корреспонденции, жалобы и запросы; помещать в газетах статьи, заметки по вопросам, чаще всего затрагиваемым при обращении во ВЦИК и в Совнарком рабочими и крестьянами; предварительно советоваться с Владимиром Ильичем; о всех письмах сообщать их авторам, что дело направлено туда-то; в работе избегать параллелизма и бороться с ним в других учреждениях³.

Владимир Ильич внимательно следил за работой приемной Совнаркома. Стремясь добиться наибольшей эффективности в ее работе, он обращает внимание на полезность применения «живой связи». 3 декабря 1921 года Владимир Ильич пишет письмо по этому вопросу нескольким работникам, которым по

¹ Слушатели Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 27. *Ред.*

³ См. Два месяца работы В. И. Ленина. Партиздат, 1934, с. 27.

занимаемой ими должности чаще всего приходится иметь дело с заявлениями и жалобами трудящихся: Ф. Э. Дзержинскому, В. А. Карпинскому и другим...

В упомянутом выше «Наброске правил об управлении советскими учреждениями» В. И. Ленин устанавливает подробные правила для такой организации приема трудящихся, которая на деле способствовала бы устранению волокиты, разоблачению злоупотреблений и изгнанию нечестных должностных лиц, проникших в советские учреждения. Для этого каждому трудящемуся должна быть обеспечена возможность без проволочки изложить свою жалобу или просьбу, устно или письменно, соответствующему работнику каждого учреждения.

«В каждом советском учреждении, — писал Ленин, — должны быть вывешены не только внутри здания, но и снаружи, так чтобы они были доступны всем без всяких пропусков, правила о днях и часах приема публики. Помещение для приема обязательно должно быть устроено так, чтобы допуск в него был свободный, безусловно без всяких пропусков.

В каждом советском учреждении должна быть заведена книга для записи, в самой краткой форме, имени просителя, сущности его заявления и направления дела.

В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема.

Должностным лицам от Государственного контроля дается право присутствовать на всех приемах и вменяется в обязанность от времени до времени посещать приемы, проверять книгу записей и составлять протокол посещения, осмотра книги и опроса публики»¹.

Делу приема посетителей и безотлагательного разбора их жалоб и просьб В. И. Ленин придавал особенно важное значение и неоднократно возвращался к этому вопросу в дальнейшей своей деятельности...

В новом, невероятно трудном деле управления государством и социалистическим строительством исключительное значение приобретало изучение опыта практической работы и обмена опытом. В. И. Ленин настойчиво требовал от учреждений, организаций, а также отдельных лиц составления *отчетов*. Отчеты, по указаниям Ленина, должны содержать точные, проверенные данные, быть краткими, деловыми и сообщать о положении дела без всяких прикрас. Длинные отчеты В. И. Ленин считал одним из видов саботажа, ибо их никто читать не может и читать не будет, говорил В. И. Ленин. В. И. Ленин высоко ценил умение кратко и ясно излагать на бумаге свои мысли и приучал к этому работников.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 366.

В. И. Ленин требовал полных и правдивых сведений о положении на местах, сообщения конкретных фактических данных и пресекал всякие проявления хвостовства, болтовни, трескучих фраз...

В деятельности на посту руководителя Советского государства Ленин строго проводил принцип коллективности руководства. Несмотря на свой огромный авторитет, Владимир Ильич никогда не решал вопросы, в которых был заинтересован и коллектив, единолично, как Председатель Совнаркома. Он поощрял инициативу каждого работника, не давил своим авторитетом, а убеждал. Лесть, подхалимство, угодничество были немыслимы в окружении Ленина. На заседаниях Совнаркома или Совета Обороны все выступавшие свободно высказывали свои мнения по обсуждавшимся вопросам. Вопросы решались голосованием. Нередко происходили ожесточенные споры; случалось, что большинством членов СНК принималось решение, с которым Владимир Ильич не был согласен. Он безоговорочно подчинялся большинству. Однако если вопрос имел принципиальное значение, Ленин, действуя в рамках партийных и советских норм, продолжал отстаивать свое мнение, переносил вопрос в высшую инстанцию, во ВЦИК, в Политбюро, на пленум ЦК и иногда доходил до съезда партии. Ленин действовал не принуждением, а убеждением, беседовал с несогласными товарищами, выступал на собраниях, писал статьи и добивался правильного решения вопроса.

Известно, например, с какой настойчивостью В. И. Ленин боролся за проведение принципа единоначалия в управлении производством. «Децисты» (группа «демократического централизма»), занимавшие ответственные посты в профсоюзах и хозяйственных органах, отстаивали неограниченную коллегиальность. Ленин неоднократно выступал против них с защитой единоначалия, доказывая, что оно больше всего обеспечивает использование человеческих способностей, реальную, а не словесную проверку исполнения работы.

Дискуссия по вопросу о единоначалии захватила широкие круги профсоюзных и хозяйственных работников. После выступлений на фракции ВЦСПС, на III съезде совнархозов, на съезде водников и т. д., где предложение Ленина не встретило поддержки, он, глубоко убежденный в своей правоте, перенес этот вопрос на обсуждение IX съезда партии.

На съезде партии «децисты» сделали новую, но безуспешную попытку протащить свое решение. Съезд принял резолюцию, которую отстаивал Ленин.

Ленин разрешал многие вопросы путем согласования с заинтересованными ведомствами по телефону, но при этом он очень внимательно относился к возражениям против предла-

гаемого им решения и в случае несогласия хотя бы одного члена СНК или СТО передавал вопрос на разрешение коллектива (Совнаркома, СТО, Политбюро и т. д.).

Даже такой, казалось бы, мелкий вопрос, как перенос заседания с назначенного дня на другой день или час, Владимир Ильич не решал единолично, а поручал секретарю опросить всех членов Совнаркома и составить протокол опроса, хотя в этих случаях никогда возражений не бывало. В архиве Института марксизма-ленинизма хранятся такие протоколы. В них в столбец напечатаны фамилии всех членов Совнаркома и против каждой фамилии — пометки о голосовании.

Первое время в повестку Совнаркома вносилось громадное количество вопросов, иногда достигавшее 60 в одно заседание, а заседания в 1918 году происходили почти ежедневно. Это объяснялось, в частности, тем, что советские органы еще не накопили опыта государственной работы. Владимир Ильич упорно и настойчиво вел борьбу с внесением мелких дел на разрешение СНК, снимал их с повестки и возвращал на решение самих ведомств. Вопросы, представленные на рассмотрение Совнаркома, часто были не подготовлены и не согласованы с заинтересованными ведомствами. Такие дела по указанию Владимира Ильича также возвращались ведомствам для тщательной подготовки их к слушанию. Необходимым в подготовке дела для обсуждения Владимир Ильич считал представление краткой объяснительной записки (не более 2—3 страниц), сформулированного проекта решения СНК или СТО и отзывов о нем всех заинтересованных ведомств, а также контрпроекта в случае несогласия какого-либо ведомства. Материалы должны были заблаговременно рассылаться секретариатом всем членам Совнаркома. В декабре 1917 года Владимир Ильич написал проект постановления по этому вопросу, в котором предписывалось требовать от каждого народного комиссара, вносящего вопрос в порядок дня Совнаркома, «предварительного *письменного* заявления с указанием:

а) в чем состоит вопрос (кратко) [это указание не может ограничиться одной ссылкой («о том-то»), а должно состоять в *изложении содержания* вопроса]

б) что именно предлагается Совету Народных Комиссаров? (дать деньги; принять *такую-то* резолюцию и т. п. точные указания, *чего* хочет вносящий вопрос)

в) затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменные заключения?»¹

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 384.

Этот проект был в тот же день утвержден Совнаркомом, и Владимир Ильич постоянно ссылался на него, все более и более уточняя требования к наркоматам и к секретариату СНК.

Улучшение в этом деле давалось нелегко, но Владимир Ильич постоянно возвращался к нему, настойчиво преодолевал сопротивление наркомов, которые часто в начале заседания старались внести на повестку дополнительно тот или другой вопрос, заявляя о его исключительной срочности...

В целях борьбы с обилием мелких вопросов, вносимых наркоматами на повестку заседаний Совнаркома, на одном из заседаний еще в 1917 году было принято предложение создать специальную комиссию для рассмотрения дел, которые Владимир Ильич назвал «вермишельными». Так и записано было в протокол Совнаркома: «Создать «вермишельную» комиссию для рассмотрения мелких, «вермишельных» дел». Позже эта комиссия была преобразована в Малый Совнарком¹, который за время своего существования претерпел ряд реорганизаций. Членами Малого Совнаркома (МСНК) в отличие от Большого Совнаркома (БСНК) были не народные комиссары, а члены коллегий наркоматов и начальники отделов. Председателем был особо назначенный на эту должность товарищ. Первоначально протоколы МСНК зачитывались на заседании БСНК и при отсутствии возражений включались в протоколы как решения Совнаркома. В дальнейшем Совнарком поручил В. И. Ленину утверждать постановления МСНК от имени СНК. Но Владимир Ильич утверждал их только при наличии *единогласного* решения в МСНК. Если же кто-либо из членов МСНК или народных комиссаров возражал, а также в случае своего личного несогласия Владимир Ильич вносил вопрос на обсуждение Большого Совнаркома. Так, например, решение, принятое МСНК 3 февраля 1921 года, об объединении всего строительства РСФСР Владимир Ильич не утвердил, а перенес на рассмотрение Большого Совнаркома.

В. И. Ленин внимательно следил за работой Малого Совнаркома и предостерегал от торопливости в принимаемых решениях.

В письме в Малый СНК 27 августа 1921 года Владимир Ильич указывает «на необходимость *более осторожной, тщательной и обдуманной подготовки* текста декретов.

Бесконечные поправки нетерпимы,— пишет он.— Мое впечатление... что ряд декретов Малого Совнаркома в последнее время тороплив.

Надо принять серьезнейшие меры против этого беспорядка, чтобы не вызвать худших протестов населения и постановления в Цека *против* Малого Совнаркома»².

¹ Малый Совнарком был комиссией при Совнаркоме.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 143.

Аналогичный порядок был и в работе Совета Труда и Оборона (СТО). Для рассмотрения мелких вопросов было создано распорядительное заседание СТО. Но, в отличие от МСНК, состав распорядительного заседания СТО отличался от пленарного только тем, что председателем пленарного заседания СТО был Ленин, а председателем распорядительного — обычно В. А. Аванесов. Случалось, что при обсуждении какого-либо дела на распорядительном заседании вопрос, казавшийся маленьким, вырастал в большой, принципиальный. Тогда приглашали Владимира Ильича (его кабинет непосредственно примыкал к залу заседаний), и заседание СТО объявлялось пленарным. По окончании обсуждения этого вопроса Владимир Ильич возвращался в свой кабинет, а в зале заседаний продолжалось распорядительное заседание СТО. Такой порядок находил отражение и в протоколах СТО.

Решения распорядительного заседания СТО утверждались Владимиром Ильичем от имени Совета Труда и Оборона лишь при условии отсутствия возражений хотя бы одного члена СТО или СНК. В противном случае они ставились на повестку пленарного заседания СТО.

На заседаниях Совнаркома имели право присутствовать народные комиссары и их заместители, которые в случае отсутствия наркома получали право решающего голоса. С совещательными голосами присутствовали члены коллегий. Владимир Ильич стремился к тому, чтобы на заседаниях не было лишних людей, чтобы заседания проходили по-деловому и отнимали как можно меньше времени. Особенно настойчиво боролся он против большого наплыва докладчиков от наркоматов. Первое время их было множество. Большинство из них присутствовало на заседаниях на всякий случай, а вдруг понадобится какая-нибудь справка, которую нарком или его заместитель не смогут дать. Это вызывало протесты Владимира Ильича, так как мешало заседанию и отрывало работников от дела. Он требовал, чтобы наркомы или их заместители самостоятельно давали все необходимые сведения по вносимым ими на рассмотрение делам. Особенно большое количество докладчиков бывало на заседаниях Малого Совнаркома.

Однажды перед обсуждением очередного вопроса на вечернем заседании Совнаркома Владимир Ильич дал распоряжение впустить докладчиков, которые ожидали в соседней комнате. И вот в зал заседаний потянулась вереница докладчиков — около двадцати человек. Последние входили уже при гомерическом хохоте всего зала. В тот же день по настоянию Владимира Ильича Совнарком принял постановление, ограничивающее число докладчиков по каждому вопросу, стоящему на повестке, одним-двумя от ведомства. Но и это было много.

Владимир Ильич обычно не заходил в комнату, где ожидали

докладчики. Но однажды во время заседания Совнаркома, поздно вечером, проходя случайно через эту комнату, он увидел, что она заполнена усталыми, измученными людьми, сидящими в ожидании вызова на заседание в клубах табачного дыма (кто за шахматами, кто за газетой), иногда лишь для того, чтобы в конце заседания услышать, что вопрос отложен.

Владимир Ильич пришел в негодование. Разбранив нас за такой нелепый порядок, он тут же дал указания, как упорядочить это дело. Он потребовал принять за правило, чтобы докладчики приходили минут за пятнадцать до слушания вопроса. Для этого в начале заседания просматривалась вся повестка и принималось решение, какие вопросы оставить в повестке и какие снять, а также намечалась очередность слушания вопросов. Вначале ставились вопросы с докладчиками, в конце повестки — без докладчиков. Секретарь должен был еще до заседания связаться с докладчиком, узнать, где он будет находиться к началу заседания, условиться с ним, чтобы он держал машину наготове, и, как только выяснится порядок повестки, извещал его о примерном времени, когда будет слушаться его вопрос. Если же по ходу дела выяснялось, что вопрос затягивается, то докладчик ставился об этом в известность. Владимир Ильич называл это «держат докладчика на телефонном расстоянии».

13 октября 1921 года Владимир Ильич дал следующее письменное распоряжение управляющему делами Совнаркома и СТО: «Прошу Вас провести, после надлежащего соглашения с председателем Малого СНК (и выяснения с секретарями), чтобы порядок вызова докладчиков (и в Большой и в Малый СНК) был изменен.

Теперь докладчики получают вызов на заседание вообще и ждут часами.

Это безобразие и дикость.

Надо добиться того, чтобы докладчики вызывались на *один определенный час*.

При *двойной* проверке по телефону, нужны ли докладчики, и какие; при *правильном* размещении дел определенного заседания (дела с докладчиками и дела без докладчиков) можно и должно добиться того, чтобы *больше 15 минут* докладчики *не ждали*.

Прошу Вас выработать такой порядок немедленно, тщательно обдумав его, и сообщить мне решение об этом, проведенное через Малый Совет Народных Комиссаров»¹.

Требую от всех четкости, организованности и дисциплины в работе, В. И. Ленин сам показывал лучшие образцы высокой культуры труда.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 262.

Несмотря на огромный масштаб деятельности и непомерную загрузку всевозможными делами, приемами, разговорами по телефону, Владимир Ильич никогда не бывал нервно раздражителен, тороплив и суетлив. Он работал спокойно и всегда успевал сделать все намеченное. Как никто другой, Ленин знал цену времени и умел беречь его. Ни одна минута не пропадала у него даром. Утром, позавтракав дома, он приходил в свой кабинет всегда в одно и то же время, просматривал множество газет и бумаг, делал распоряжения секретарю, принимал товарищей, председательствовал на заседаниях и всегда ровно в 4 часа уходил домой обедать. Пообедав и отдохнув немного, он возвращался в свой кабинет к 6 часам, всегда полный энергии, и работал до глубокой ночи. Но и во время обеденного отдыха творческая мысль Владимира Ильича не переставала работать. Он приносил с собой из дому множество записок на маленьких листках влохота — поручения секретарю по ряду возникших у него вопросов. Эти поручения надо было немедленно выполнять.

Следует также отметить организованность рабочего места Ленина. Каждая вещь в кабинете Владимира Ильича имела свое постоянное место, ничего не надо было искать, вспоминать, где что лежит, рука автоматически тянулась к привычному месту, чтобы взять нужный предмет — книгу, документ, справочник и все нужное для работы.

Организованность в работе, умение беречь время — важная и характерная черта ленинского стиля работы.

Владимир Ильич умел беречь не только свое, но и чужое время. Он никогда и никуда не опаздывал. На заседания Совнаркома и Совета Труда и Оборона он приходил ровно в назначенное время или на несколько минут раньше. Заседания под руководством Ленина начинались точно в назначенный час при любом количестве присутствующих. Фамилии опоздавших членов Совнаркома и СТО по указанию Владимира Ильича записывались в протокол, с отметкой, кто и на сколько минут опоздал. При повторных опозданиях без уважительных причин Владимир Ильич объявлял опоздавшему выговор, предупреждая, что в дальнейшем он получит выговор с опубликованием в печати.

В апреле 1920 года Совнарком принял по предложению Ленина постановление «О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний». В нем говорилось, что опоздание на заседание Совнаркома один раз более чем на 10 минут влечет за собой выговор с занесением его в протокол заседания, второй раз — вычет дневного заработка, как за прогул, и в третий раз — выговор с опубликованием его в печати. Опоздавший свыше трех раз подряд по постановлению соответствующей инстанции мог быть отстранен от занп-

маемого поста, с запрещением занимать ответственные должности¹.

В. И. Ленин мастерски руководил заседаниями. Председательствуя на заседаниях СНК и СТО, он всегда стремился к тому, чтобы прения были короче, чтобы выступавшие говорили по существу, не отклоняясь в сторону. Когда же вопрос был ясен, он требовал, чтобы давались только цифры и практические предложения. Длинные речи на заседаниях считал непроизводительной тратой времени. Быстро разобравшись в обсуждаемом вопросе, Владимир Ильич, слушая прения, одновременно занимался и другими делами. Известная заметка Ленина «Об очистке русского языка» была написана им во время одного из заседаний. Владимир Ильич дал ей в скобках подзаголовок: «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях»².

Однако малейший шум на заседаниях, хождение и особенно разговор мешали Владимиру Ильичу, и он требовал абсолютной тишины и порядка.

В апреле 1919 года Владимир Ильич на заседании Совнаркома написал записку народному комиссару юстиции Д. И. Курскому:

«Пора утвердить *общий* регламент СНК.

1. Докладчикам 10 минут.

2. Ораторам 1-ый раз — 5, 2-ой раз — 3 минуты.

3. Говорить не >³ 2-х раз.

4. К порядку 1 за и 1 против по 1 минуте.

5. Изъятия по *особым* постановлениям СНК»⁴.

Регламент был утвержден Совнаркомом по докладу тов. Курского 5 апреля 1919 года. Трудно было укладываться в такие рамки, и случалось, что, желая выгадать хотя бы еще минуту для выступления, тот или другой член СНК брал слово «к порядку». Но Владимир Ильич останавливал его, говоря, что это не к порядку, а к беспорядку.

Однажды на заседании Совнаркома Владимир Ильич резко критиковал доклад одного беспартийного военспеца, которому ввиду важности вопроса было предоставлено 20 минут. Сделав ряд конкретных замечаний, Владимир Ильич неожиданно сказал ему: «Приходите ко мне завтра в час дня, я научу вас, как надо делать доклады». На другой день этот работник пришел в назначенное время. Владимир Ильич беседовал с ним целый час и после его ухода вышел в секретариат довольный, улыбающийся и, прохаживаясь по комнате, сказал: «Вот умеют же сде-

¹ См. «Собрание узаконеннй и распоряжений рабочего и крестьянского правительства». М., 1920, № 32, ст. 156.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 49.

³ более. Ред.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 274.

лать доклад, когда захотят». Оказалось, что этот военный работник не спал всю ночь и, руководствуясь указаниями Ленина, сделанными на заседании Совнаркома, переработал свой доклад. Очень строг бывал Владимир Ильич, когда замечал какой-нибудь недостаток в работе, но каждый, хотя бы маленький, реальный успех радовал его, и никогда он не забывал его отметить.

Владимир Ильич никогда не перебивал выступающих, за исключением тех случаев, когда нарушался регламент...

Большое место в работе Владимира Ильича занимал прием посетителей, особенно приезжающих с мест партийных и советских работников, а также рабочих и крестьян.

У В. И. Ленина не было определенных дней для приема посетителей, он принимал почти ежедневно по 2—3 человека, но иногда число посетителей доходило до 8 или 10, особенно если это были делегации.

Владимир Ильич принимал каждого ровно в назначенное время. Всегда очень аккуратный и точный, Владимир Ильич никогда не заставлял посетителей ждать в приемной и бывал очень недоволен, если посетитель опаздывал.

Обычно Владимир Ильич знал заранее тему беседы и укладывался в намеченный им отрезок времени. В тех же редких случаях, когда он не успевал закончить беседу ко времени, назначенному другому товарищу, Владимир Ильич поручал секретарю извиниться перед ожидающим за небольшую задержку.

В этом как будто мелком факте проявлялась большая культура работы Ленина, его уважение к человеку.

Уважение к человеку отличало Владимира Ильича. Он мог сурово разбранить и наказать неисправного работника, но никогда никого не унижал и не оскорблял. Сам обладая в высшей степени чувством собственного достоинства, он умел ценить и оберегать его в каждом человеке. Особенно считал он гнусным, недостойным каждого советского человека, тем более коммуниста, быть грубым, невежливым с тем, кто стоит ниже по положению и потому не смеет ответить.

Каждый приходивший к Владимиру Ильичу испытывал большое волнение, но, переступив порог кабинета Ленина, сразу чувствовал себя легко и свободно. Подготовленная речь оказывалась ненужной перед мудрой простотой Ленина.

При входе посетителя или делегации в кабинет Владимир Ильич обыкновенно вставал, подходил к двери, приветливо улыбаясь, здоровался с каждым за руку и приглашал садиться в кресла около своего письменного стола. Ленин внимательно слушал, задавал вопросы, делал замечания, всегда мастерски направлял беседу на основное и главное в данном деле... Владимир Ильич интересовался тем, что делается на местах, как живут рабочие или крестьяне, чем интересуются, чем довольны

или недовольны, сопоставлял мысленно полученные сведения с теми, которые имел раньше, проверял, анализировал их, обобщал и делал выводы.

Была у Владимира Ильича нерушимая вера в человека. Он умел даже в самом скромном работнике открыть силы и способности, которых тот подчас и сам не подозревал. Владимир Ильич понимал душевное состояние каждого товарища, впервые взявшегося за непривычную для него и незнакомую работу по управлению государством или руководству какой-либо отраслью народного хозяйства. Случалось, что к нему приходили товарищи, которые теряли веру в себя, в свои силы, пасуя перед непомерной тяжестью работы, раздраженные и усталые, но довольно бывало нескольких слов Владимира Ильича, его внимательного взгляда в глаза, крепкого рукопожатия, чтобы настроение их резко изменилось. При этом Владимир Ильич не делал скидку на трудности, наоборот, он ставил еще более трудные задачи, рисовал широкие перспективы, помогал найти пути для преодоления трудностей. Всей своей беседой он выражал веру в силу и способности данного работника. Невольно каждый думал: «Вот как Ленин со мной разговаривает, значит, я чего-то стою!» Эта способность Ленина пробуждать у каждого веру в свои силы была поразительной. Мы, работники Владимира Ильича, неоднократно с волнением наблюдали, как приходил к нему товарищ унылый, подавленный, с опущенными глазами, а уходил — точно у него крылья выросли за плечами — сияющий и бодрый...

Просто поразительна была способность Владимира Ильича наряду с огромной партийной и государственной работой помнить и заботиться о каждом отдельном человеке, нужда которого становилась ему известной. Эта забота была необыкновенно деликатной, тонкой, тактичной. Владимир Ильич писал записки руководителям соответствующего учреждения о необходимой помощи тому или другому товарищу, всегда конкретно указывал, о какой именно помощи идет речь. Так, например, в записке наркому здравоохранения Н. А. Семашко Владимир Ильич просит отправить в один из санаториев в Крыму для лечения и отдыха сестру Солдатенковской больницы Екатерину Алексеевну Нечкину. Он добавляет: «Не откажите сообщить мне копию Вашего распоряжения по этому делу, а если Вы встречаете какие-либо препятствия к исполнению моей просьбы, то прошу черкнуть, в чем эти препятствия»¹. Владимир Ильич в этих случаях никогда не приказывал, а просил, считая невозможным вмешиваться в компетенцию руководителей учреждений. Так он просит, чтобы тов. Скворцову-Степанову,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 244.

редактору «Известий» ВЦИК, старому подпольщику, Моссовет обеспечил отдых под Москвой, «по возможности с огородом»; просит тов. Семашко достать хорошие очки крестьянину Чекунову и т. д. и т. п.

Доктор Кожевников, который лечил Ленина, рассказывает, что 7 ноября 1922 года он был у Владимира Ильича и сказал ему, что собирается идти на Кремлевскую стену — смотреть с нее парад и демонстрацию. Владимир Ильич сейчас же спросил, достаточно ли тепло он одет. Узнав, что доктор одет в осеннее пальто, Ленин стал настаивать, чтобы он взял его шубу. Доктор Кожевников, взволнованный и смущенный, долго отказывался, но Ленин так настаивал, что тот вынужден был согласиться и простоял на Кремлевской стене несколько часов в шубе Владимира Ильича...

Однажды на одном из заседаний Совета Труда и Оборона управляющий ЦСУ¹ тов. Попов внес вопрос о том, чтобы в его распоряжение дали легковую машину. Решили машину дать. Но после заседания Владимир Ильич сказал мне: «Конечно, машину ему дать надо, но такие вопросы на заседание СТО ставить не следует. Товарищи работают беззаветно, но часто бывают беспомощны в вопросах устройства своего быта, им надо помочь, они перегружены, им не до того, а Вы должны об этом заботиться. Вы должны быть матерью, сестрой, нянькой каждого наркома».

И действительно, частенько он мне поручал такую заботу и собственноручно написал даже приказ о том, что я должна заботиться о здоровье народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы: следить за его питанием, отдыхом, чтобы он вовремя уехал в санаторий и слушался предписаний врача.

В одном письме к Цюрупе Владимир Ильич писал: «Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом»². Под казенным имуществом Владимир Ильич подразумевал здоровье работника, в данном случае самого А. Д. Цюрупы. Настаивая на длительном лечении кого-либо из товарищей, Владимир Ильич говорил, что надо его направить «на капитальный ремонт».

По инициативе Владимира Ильича была создана столовая Совнаркома. В стране был голод. Руководящие работники питались немногим лучше других. Случилось, что во время заседания Совнаркома народный комиссар продовольствия тов. Цюрупа упал в обморок. Вызванный врач констатировал, что основной причиной обморока является голод. Вскоре после этого Владимир Ильич сказал мне: «Присмотритесь к товарищам. Некоторые так отошались, что имеют просто невозможный вид.

¹ ЦСУ — Центральное статистическое управление. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 177.

Организуйте столовую первоначально человек на 30 и включите туда наиболее отощавших, наиболее изголодавшихся». Столовую организовали в Кремле, в помещении так называемого Кавалерского корпуса, и включили в нее сначала 30 человек — «наиболее отощавших». Постепенно столовая расширялась. Впоследствии она была выведена из Кремля и перешла в ведение Лечсанупра Кремля.

Лечебная комиссия ЦК также была создана по инициативе Владимира Ильича. Частенько бывало, что тот или иной товарищ зарабатывался до такой степени, что врачи категорически настаивали на его немедленном отдыхе и лечении. Владимир Ильич в таких случаях требовал неуклонного исполнения предписаний врача. Но заработавшемуся товарищу казалось, что он незаменим, уйдет в отпуск — работа станет. Врачей не слушались, растрачивали силы и здоровье. В таких случаях В. И. Ленин вносил вопрос в Политбюро и поручал секретарю ЦК добиваться исполнения принятого решения, то есть отъезда в отпуск и лечения. Но добиться исполнения такого решения по большей части бывало трудно — с таким увлечением, так беззаветно работали люди! Забота об этом отнимала много времени и обременяла секретариат ЦК. Тогда по указанию Владимира Ильича и была создана лечебная комиссия ЦК.

При всей своей занятости и перегруженности работой Владимир Ильич был необыкновенно сердечным человеком и внимательным товарищем. Он умел найти самые нужные, идущие от сердца слова, чтобы ободрить товарища, которого постигло несчастье.

Узнав от Марии Ильиничны, что у писателя Серафимовича погиб на фронте сын, Владимир Ильич 21 мая 1920 года в большом письме к нему пишет:

«...Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и *заставить* себя вернуться к работе»¹.

Горячо и беззаветно любили трудящиеся Ленина. Глубокая любовь народа к своему Ильичу проявлялась и в многочисленных письмах и обращениях к нему рабочих и крестьян...

Рабочие Клинцовской суконной фабрики в письме В. И. Ленину к пятой годовщине Октябрьской революции сообщали, что решили назвать свою фабрику именем Ленина. Они писали:

«По этому случаю мы посылаем тебе к празднику наше сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 198—199.

Мы будем счастливы, если ты, наш учитель и вождь, оденешь костюм, нашими руками сотканный. Носи, Ильич, на здоровье и знай, что мы всегда с тобой.

Преданные революции и тебе рабочие
Клинцовской фабрики имени тов. Ленина.

Клинцы, 3 ноября 1922 г.».

С большой чуткостью ответил Владимир Ильич на это приветствие:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим.

Самые лучшие благодарности и приветы и пожелания.

Ваш В. Ульянов (Ленин)»¹.

В этом и в других многочисленных письмах трудящихся проявилась не только любовь и доверие народа к Ленину как своему вождю, но и отношение к нему как к родному и самому близкому человеку.

В своем выступлении на IX съезде партии (апрель 1920 года), в связи с приближающимся пятидесятилетием со дня рождения В. И. Ленина, М. И. Калинин сказал:

«У рабочих кроме огромного уважения и преклонения перед гениальностью Ленина есть еще особое чувство любви.

Даже когда не соглашаешься с ним, не перестаешь его любить.

Ленин — единственный вождь, которого признаешь на десять голов выше себя, но с которым разговариваешь как с родным и любишь его как обыкновенного человека».

Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., Политиздат, 1967, с. 71—117.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 272.

О РАБОТЕ В. И. ЛЕНИНА В СОВНАРКОМЕ
В 1921—1922 ГОДАХ¹

Заседания Совнаркома и СТО посещались огромным количеством работников, принадлежавших к старому революционному поколению, а также и новыми молодыми кадрами, и все они проходили, в полном смысле этого слова, самую образцовую, великолепную школу государственного управления под руководством Владимира Ильича.

Очередные заседания Совнаркома происходили раз в неделю — по вторникам. Часто созывались и внеочередные заседания, ибо жизнь беспрестанно выдвигала новые вопросы, требовавшие немедленного разрешения.

Заседания Совета Труда и Оборона происходили: по средам — распорядительные и по пятницам — пленарные.

Владимир Ильич открывал заседания Совнаркома ровно в 6 часов, минута в минуту. За два года я не помню ни одного случая, чтобы заседание было открыто хотя бы с самым незначительным опозданием. Заседания открывались при любом числе присутствующих, что, естественно, обязывало всех членов Совнаркома являться точно к назначенному часу. В начале заседания просматривалась повестка, причем некоторые вопросы снимались с повестки или откладывались и ставились новые вопросы, не включенные ранее в повестку; таким образом опоздавший член Совнаркома или СТО лишался возможности участвовать в этих решениях по повестке и, следовательно, влиять на включение в повестку или снятие тех вопросов, в которых он был заинтересован. В протоколах Совнаркома имеются отметки об опоздании членов Совнаркома с точным указанием количества минут опоздания. Появление в зале заседания опоздавшего члена Совнаркома Владимир Ильич встречал либо замечанием, либо укоризненным покачиванием головы, а при повторных опозданиях грозил выговором с опубликованием в печати.

¹ Воспоминания публикуются с сокращениями. *Ред.*

Разумеется, излишне говорить о том, с какой требовательностью и строжайшей взыскательностью относился Владимир Ильич к работникам.

Мне помнится, что на одном из заседаний Совнаркома при появлении Брюханова (одного из самых аккуратных членов СНК), опоздавшего на полчаса, Владимир Ильич потребовал от него объяснения причины опоздания. Брюханов извинился и сослался на выполнение им ответственного поручения. Владимир Ильич строго указал ему, что никакие ссылки членов Совнаркома на те или иные поручения, откуда бы они ни исходили, не освобождают их от ответственности за приход не вовремя и что впредь по отношению к опаздывающим будут применяться соответствующие меры.

По возвращении Владимира Ильича к работе после первого тяжелого приступа болезни, то есть с октября 1922 года, начало заседаний было перенесено с 6 часов вечера на 5 часов. Это отступление было вызвано установленным для Владимира Ильича врачебным режимом, который требовал более раннего окончания работы Владимиром Ильичем. На первое, многочисленное заседание 3 октября 1922 года (фотографический снимок которого стал впоследствии известен самым широким массам населения) ввиду указанного отступления многие опоздали. Опоздания, однако, в большинстве своем были небольшие. Горячее желание увидеть Владимира Ильича и радостное волнение собрало в коридор и приемную для докладчиков огромное количество работников. Не зная о перенесении начала заседания на 5 часов, они рассчитывали еще до открытия заседания поделиться своими мыслями друг с другом.

Заседания Совнаркома в 1921—1922 годах редко кончались позже 10 часов. Можно определенно сказать, что к 10 часам Владимир Ильич уже чувствовал себя утомленным. То громадное внутреннее напряжение, с которым он вел заседание, к концу давало себя знать. Это явно обозначалось на лице Владимира Ильича, а также в нотках и тембре его столь богатого интонациями голоса.

Бывали случаи, когда заседание затягивалось до 11—12 часов ночи. В моей памяти запечатлелся такой случай, имевший место при обсуждении в пленарном заседании СТО первого отчетного доклада Кржижановского о работе Государственной плановой комиссии.

Распорядительные заседания СТО, на которых рассматривались более мелкие вопросы, обыкновенно вел Аванесов; иной раз его заменял Андреев, входивший в состав СТО в качестве представителя ВЦСПС. Протоколы распорядительных заседаний СТО утверждались Владимиром Ильичем на другой же день, как и протоколы Малого Совнаркома, обычно между 10 и

12 часами утра. Когда Владимир Ильич отдыхал в Горках, протоколы на подпись посылались ему туда.

В пленарных заседаниях СТО председательствовал неизменно Владимир Ильич. Не раз бывали и такие случаи, когда во время обсуждения в распорядительном заседании СТО какого-нибудь сложного и неотложного вопроса, внесенного в распорядительное заседание членом Совнаркома или СТО по соглашению с Владимиром Ильичем, он выходил из своего кабинета и садился в свое обычное кресло (деревянное, с плетеным сиденьем) в зале заседания. В этом кресле он сидел с 1918 по 1922 год во время всех без исключения заседаний, происходивших в помещении Совнаркома. Распорядительное заседание СТО с появлением Владимира Ильича превращалось в пленарное, что сейчас же отражалось на всей обстановке заседания.

Время докладчику обычно предоставлялось не более 3—5 минут. В редких случаях, например для доклада по крупному вопросу или для отчетного доклада наркомата, делалось исключение, но и тогда давалось не более 10—15 минут. Такие исключения, однако, бывали чрезвычайно редкими, обычно строжайшим образом соблюдался жесткий регламент заседаний: 3—5 минут докладчику, 2—3 минуты оппонентам и другим участникам прений и незамедлительное вынесение решения.

Среди докладчиков, разумеется, зачастую попадались люди новые, лично незнакомые Владимиру Ильичу. В таких случаях Владимир Ильич запиской осведомлялся у Фотневой о фамилии и месте работы неизвестного ему докладчика от ведомства. Ответ на такие записочки требовался немедленный. Фотнева или по ее поручению ее помощницы частенько обращались к тем или иным членам Совнаркома или к председателю Малого Совнаркома, который, естественно, по характеру своей работы вынужден был знать огромное количество людей от различных ведомств и организаций (на каждом из заседаний Малого Совнаркома проходило не менее 60 докладчиков, а иной раз и больше). При этом каждый новый работник, впервые выступавший в Совнаркоме с дельным, продуманным предложением или делавший верное, дельное замечание, вызывал пристальное внимание со стороны Владимира Ильича. В этих случаях он закладывал за ухо указательный палец и «вникал» в слова выступавшего. Недаром любимейшими словечками Владимира Ильича было: «Надо вникнуть». Сколько таких новичков выходило потом на арену широкой политической, профессиональной и государственной деятельности!

Несмотря на образцовый порядок и напряженную тишину, в зале заседаний Совнаркома часто звучали веселые шутки и гремел освежающий, задумчивый и громкий смех Владимира Ильича. Бывало и так, что Владимир Ильич своим смехом заражал буквально всех участников заседания. Тогда на короткий

миг все как бы забывали и тему прений, и причину, вызвавшую смех.

Поводом к смеху иной раз служили неудачно подобранные слова докладчика, неправильные ссылки и ответы невпопад. Зачастую это имело место, когда тот или иной наркоматский работник или член Совнаркома допрашивался «с пристрастием» Владимиром Ильичем о принятых им по делу мерах, причем выявлялись волокита и бюрократические извращения аппарата. Бездействие, нежелание перенести дело в высшую инстанцию, неумение добиться правильного решения либо жестоко осуждалось Владимиром Ильичем как преступление, либо встречали его поучительную иронию.

Прения в заседаниях затягивались только в редких случаях. Обычно после трех-четырех выступлений брал слово Владимир Ильич, а иной раз он брал слово тут же после докладчика. Владимир Ильич вносил предложение к порядку или подвергал анализу обсуждаемый вопрос, чаще всего сам предлагал прекращение прений, несмотря на громадный напор желавших продолжения прений. В подавляющем большинстве случаев предложение Владимира Ильича о прекращении прений принималось, и тут же с невиданной, буквально молниеносной быстротой Владимир Ильич диктовал стенографистке решения в своих несравненных, безукоризненно отточенных формулировках, при этом сосредоточенно спрашивал: «Усвоили? Успели записать?» Часто тут же стенографистка по его требованию оглашала запись, причем Владимир Ильич говорил: «Я буду строго взыскивать за неточную запись: если не знаете или в чем-нибудь сомневаетесь, спрашивайте». После одобрения Владимиром Ильичем редакции решения Совнарком переходил к следующему вопросу. Ни одна минута не должна быть даром потеряна — таков был принцип Владимира Ильича при ведении заседаний.

Во время прений Владимир Ильич каким-то непонятным образом успевал внимательно слушать выступающих, прочитывать ту или иную лежавшую около него газету, книгу, журнал, писать многочисленные записки участникам заседания, прочитывать их ответы, записками отдавать то или иное распоряжение Фотиевой, Горбунову. Это порой казалось неправдоподобным и вызывало изумление, особенно тогда, когда Владимир Ильич в своих выступлениях точно и остро отмечал и положительные и отрицательные стороны в выступлениях тех или иных товарищей.

Его короткие речи и реплики представляли неисчерпаемое богатство мыслей и практических советов, указаний. Стенограммы докладов и прений, к глубокому нашему огорчению, не велась. Такова была воля Владимира Ильича. Слушая Владимира Ильича, каждый из нас убеждался, что ни одна деталь не ускользала от его напряженного внимания.

После ранения Владимира Ильича в 1918 году врачи запретили ему работать в накуренной комнате, поэтому курить в зале заседаний категорически воспрещалось, и ни один из товарищей не позволял себе нарушить этот порядок. Курили за печкой, по очереди, выпуская дым в отдушину. В зале заседаний железной рукой неутомимого председателя поддерживалась строжайшая тишина. Замечая разговаривающих в зале заседания, Владимир Ильич обычно предлагал им обмениваться друг с другом записками, а ни в коем случае не нарушать порядка и тишины. Нарушавших этот порядок он обрывал. Не раз раздавался его сердитый голос в напряженной тишине зала заседаний: «Нарушителей порядка я буду беспощадно удалять из зала заседаний».

Слово участникам заседания Владимир Ильич предоставлял в порядке строжайшей очереди, по записи, которую он обыкновенно вел на узеньких листках специально заказанных блокнотиков. На этих листках можно было не раз прочитать его собственное имя, которое тщательно вписывалось им в порядке той же строжайшей очереди. Я не могу припомнить никакого отступления от этого жесткого правила.

Владимир Ильич тщательно следил за тем, чтобы в заседаниях Совнаркома и СТО ни в коем случае не участвовали лица, не имевшие права по регламенту присутствовать на заседаниях Совнаркома и СТО. Таким правом пользовались наркомы, руководители центральных учреждений, приравненных к наркоматам, их замы и члены коллегий наркоматов. Приглашаемые докладчики участвовали только в обсуждении того вопроса, по которому вызывались, и по окончании его тотчас же должны были уходить из зала заседаний.

В тех случаях, когда тот или иной докладчик вызывал своим выступлением особый интерес Владимира Ильича или когда сообщалось в заседании что-нибудь новое и интересное, но при этом выступающий работник проявлял нерешительность или робость, Владимир Ильич обычно с веселой улыбкой обращался к нему с восклицанием: «Ну-те, ну-те!» Это было его обычное подбадривающее восклицание.

Принимая решения по докладам образованных Совнаркомом комиссий по тем или иным спорным или сложным вопросам, Владимир Ильич, выслушав доклад председателя комиссии, неизменно спрашивал: «Напомните, кто входил в состав комиссии» — и за докладчиком повторял имена, загибая пальцы на руке начиная с большого: «Цюрупа, Лежава, Аванесов, Радченко»... И видно было, что при этом Владимир Ильич с невероятной быстротой делал приблизительную оценку того или иного решения.

Бывали такие случаи, когда тот или иной член Совнаркома и не собирався выступать, но Владимир Ильич считал необход-

димым выслушать его мнение. Прения считались уже закрытыми, но Владимир Ильич вносил свое предложение: «Выслушаем еще т. Цюрупу и прения закроем». Цюрупа, обычно несколько сконфуженный, заявлял:

«Я не просил слова». Владимир Ильич с хитрой усмешкой отвечал ему:

«Мы вас просим».

На заседания Совнаркома по указанию Владимира Ильича часто вызывались представители местных Советов. Большой частью приглашались на обсуждение тех или иных вопросов, в которых были заинтересованы места, представители президиумов столичных Советов — Московского и Петроградского.

Внимание Совнаркома неотступно приковывали к себе вопросы распределения продовольственных запасов, лесозаготовок, использования местных топливных ресурсов, коммунального хозяйства и пр. Излишне говорить, насколько существенно эти дела затрагивали местные интересы. Мнения местных работников и их высказывания, само собой разумеется, имели немалое значение. Все это делало актуальным участие местных Советов в законодательной работе правительства. Вот почему в состав Малого Совнаркома с 1922 года были введены члены президиумов Московского и Петроградского Советов. Зачастую как на заседания Большого Совнаркома, так и Малого Совнаркома приезжали и председатели Совнаркомов национальных республик.

Владимир Ильич выслушивал их с исключительным вниманием. При этом часто спрашивался о том, как наша конституция (это было еще до образования СССР) регламентирует взаимоотношения между центральными и местными органами власти. Но по вопросам продовольственным, топливным и транспортным, когда всем членам Совнаркома была абсолютно ясна необходимость принятия строго централизованных мероприятий и соблюдения жесткой дисциплины в проведении того или иного закона всеми местными Советами, задаваемый Владимиром Ильичем вопрос о конституции звучал едко и насмешливо, особенно в тех случаях, когда местные работники проявляли средние, чисто местнические тенденции.

Здесь уместно особенно подчеркнуть то исключительное внимание, какое Владимир Ильич проявлял по отношению к огромному кругу постоянно вызывавшихся на заседания работников всевозможных ведомств, учреждений. Владимир Ильич строжайше следил за тем, чтобы свести к возможному минимуму время на ожидание в приемной для доклада. По этому поводу имеется немало записок, адресованных Горбунову, Смольянинову, Фотиевой, председателю Малого Совнаркома, в которых Владимир Ильич писал о необходимости выработать такой порядок вызова докладчиков, при котором максимально сокращалась бы трата времени на ожидание. Больше всего Владимир

Ильич рекомендовал не вызывать докладчиков предварительно, организовать дело таким образом, чтобы докладчики от ведомств, продолжая работать у себя, могли быть своевременно вызваны по телефону.

Чрезвычайно интересна манера Владимира Ильича ознакомиться во время заседания с существом всевозможных законопроектов, предлагавшихся ведомствами по вопросам, обсуждавшимся на заседаниях Совнаркома и СТО. С какой изумительной быстротой он всегда находил тот пункт, который являлся центральным в этом проекте, наиболее яркие стороны проекта, а чаще всего — наиболее слабые или в политическом смысле неправильные пункты! Независимо от объема проекта Владимир Ильич всегда быстро находил и подчеркивал ненужные, нецелесообразные и вредные пункты и останавливался на правильных, необходимых для данного момента.

Следует заметить, что при том количестве декретов и постановлений, которые принимались правительственными органами в первые годы существования Советской власти, вносимые проекты часто страдали большими редакционными недостатками и отсутствием увязки с прежним законодательством. С переходом к новой экономической политике особенно остро стал вопрос о необходимости редакционной и кодификационной работы. Поэтому с середины 1921 года Владимир Ильич неоднократно выдвигает мысль о правильной постановке кодификационной работы в Совнарком. 1 ноября 1921 года при рассмотрении в заседании Совнаркома вопроса о тарифной политике Владимир Ильич внес предложение: «Обязать Наркомюст найти лицо, специально посвящающее себя участию в заседаниях Большого Совнаркома для проверки вносимых законопроектов с точки зрения кодификационной. Доклад о подходящих кандидатурах т. Курскому представить в следующий вторник».

8 ноября Совнарком по этому вопросу заслушал доклад Курского, причем было постановлено, как видно из протокола, запросить Михайлова (бывшего в то время секретарем ЦК ВКП(б)).

22 ноября Курский предложил кандидатуру Бернштейна, которая Совнаркомом была утверждена.

* *

*

Еще в середине 1922 года составление повесток заседаний не было поставлено на должную высоту. Я хорошо помню еще то время, когда повестка составлялась на самих заседаниях Малого Совнаркома по заявлению приходивших на заседания народных комиссаров, их заместителей или членов коллегии. Повестки всегда были загружены огромным количеством вопросов. Иной раз количество вопросов на повестке Малого Совнаркома

и распорядительных заседаний СТО достигало 45—50. Предварительной рассылки материалов, на основании заранее составленной повестки, не было ни в Большом, ни в Малом Совнаркоме, ни в Президиуме ВЦИК. Не существовало тех справок и заранее рассылаемых материалов, без которых сейчас немислимо, кажется, ведение ни одного правительственного заседания. Борьба за внедрение этого принципа продолжалась довольно долго. Это дело продвигалось с большим трудом. Владимир Ильич и в этом деле (рассылка кратких справок, излагающих существо вопроса, и отзывов заинтересованных наркоматов) проявлял живой интерес и нажим; постепенно такой порядок твердо установился. И не раз затем на самих заседаниях можно было слышать едкие критические замечания Владимира Ильича уже по существу самих справок. Бестолковости и безрукости на первых порах было немало. Владимир Ильич всегда отмечал дефекты в работе, высмеивал и осуждал их и давал практические указания для лучшей постановки дела.

* *
*

Владимир Ильич самым тщательным образом читал протоколы Малого Совнаркома по отдельным пунктам и требовал, чтобы каждый пункт был подписан всем наличным составом Малого Совнаркома. Члены Малого Совнаркома, возражавшие или остававшиеся при особом мнении, тут же отмечали свое мнение путем приложения к протоколу особой записки. К каждому пункту протокола и к пунктам проекта, в которых Владимир Ильич находил те или иные изъяны, он неизменно прикладывал свои узенькие, всем хорошо знакомые записки, в которых находились самые ценные и жизненно необходимые указания. Нередко в этих записках Владимир Ильич жестоко критиковал предложения, не наполненные конкретным содержанием, абстракции, «прожекты» или административные увлечения.

Владимир Ильич не оставлял также без внимания неточность записей или формулировок. Обычно протоколы Малого Совнаркома представлял на утверждение Ленину секретарь Малого Совнаркома. Но в тех случаях, когда на утверждение Владимира Ильича представлялись сложные или важные законопроекты, он вызывал для доклада председателя Малого Совнаркома или его заместителя. Нередко вызывались также и те члены Малого Совнаркома, которые оставались при особом мнении или представляли свои возражения.

В первой половине 1921 года в Малом Совнаркоме сохранился еще такой порядок, существовавший ряд лет, при котором решения Малого Совнаркома при наличии возражений хотя бы одного члена Малого Совнаркома не утверждались Владимиром Ильичем, а переносились на рассмотрение Большого Совнарко-

ма с обязательным участием возражавших членов Малого Совнаркома. Этот порядок чрезвычайно затруднял необходимую быстроту в принятии решения и не всегда был целесообразен. Чаще всего такой метод решений приносил вред, затягивая разрешение срочных дел. По инициативе Киселева был поставлен перед Владимиром Ильичем вопрос о выработке нового положения о Малом Совнаркоме, в котором было решено предусмотреть порядок принятия Малым Совнаркомом постановлений большинством голосов. Члены Малого Совнаркома могли, оставаясь при особом мнении, приложить его к протоколу. Право перенесения возражений на рассмотрение Большого Совнаркома было оставлено только за председателем Малого Совнаркома. Владимир Ильич не сразу согласился с новым порядком, советовался с рядом работников и наконец спустя один-два месяца согласился на внесение в Большой Совнарком только тех решений Малого Совнаркома, которые опротестовывались каким-либо членом Совнаркома, СТО или же председателем Малого Совнаркома.

Большим новшеством явилось также предложение ряда основных работников Малого Совнаркома о введении в состав Малого Совнаркома таких работников, которые не были связаны по существу своей работы с каким бы то ни было ведомством. Подбор состава Малого Совнаркома по ведомственному принципу был также незыблем на протяжении ряда лет. Хотя формально каждый член Малого Совнаркома не был обязательно связан мнением своего ведомства по тому или иному вопросу и в необходимых случаях мог голосовать против того ведомства, которое он представлял, но, само собой разумеется, в подавляющем большинстве случаев члены Малого Совнаркома защищали интересы представляемого ими ведомства. Это не могло гарантировать правильных, объективных решений этого важного органа, подготовлявшего решения правительства и проводившего большую часть черновой работы его.

Предложение о введении двух-трех вневедомственных членов Малого Совнаркома было одобрено Владимиром Ильичем. Это предложение чрезвычайно энергично поддерживал и заместитель Владимира Ильича по Совнаркому А. Д. Цюрупа.

Все эти новшества нашли свое отражение в новом положении о Малом Совнаркоме, принятом 18 октября 1921 года Совнаркомом под председательством Владимира Ильича.

* *
*

Остановлюсь на отдельных, сохранившихся в памяти моментах работы Владимира Ильича, связанных с работой Малого Совнаркома.

30 мая 1921 года Малый Совнарком поручил Народному комиссариату юстиции произвести обследование деятельности

междуведомственной комиссии по отчуждению складов и имуществ иностранцев, существовавшей при Главпродукте.

Обследование вел следователь ВЧК Васильев. 16 сентября Малый Совнарком слушал доклад ВЧК и, усмотрев недостаточно вдумчивое и внимательное отношение к делу Васильева, постановил: «Предложить ВЧК следователя Васильева от ведения дела устранить и заменить его другим лицом». Это решение Малого Совнаркома вызвало большие дебаты среди членов Малого Совнаркома и было принято большинством голосов при резких возражениях оставшихся в меньшинстве. Вследствие этого, а также ввиду решительного протеста ВЧК дело перешло на рассмотрение Большого Совнаркома.

Дело слушалось в Большом Совнаркоме три раза. Первый раз — 8 ноября, по моему докладу.

Прохождение этого дела характеризует умение Владимира Ильича при обсуждении какой-нибудь важной детали поднять ее на большую принципиальную высоту и таким образом подойти к разрешению больших вопросов. Владимир Ильич проявил к этому делу огромный интерес. Он подробно расспрашивал представителей ВЧК — Крыленко и Уншлихта — о мотивах, вызвавших столь решительный протест против решения Малого Совнаркома. На заседании присутствовал также допущенный по просьбе заместителя председателя ВЧК Уншлихта следователь ВЧК Васильев. Крыленко и Уншлихт настаивали на том, что отстранение следователя ВЧК не входит в компетенцию Малого Совнаркома и что решение Малого Совнаркома по этому вопросу является незаконным. Такое заявление вызвало резкий протест Владимира Ильича. Он со всей силой своего авторитета разъяснил, что Малый Совнарком по своему положению вправе слушать доклад любого ведомства, отменять и изменять, с утверждения Совнаркома, любое распоряжение наркомата. После этого разъяснения Крыленко и Уншлихт выдвинули другой мотив — нецелесообразность замены в самом ходе следствия одного следователя другим. Довольно оживленный обмен мнений не привел, однако, к принятию окончательного решения. Совнарком постановил временно оставить следователя Васильева и отложить слушание дела до следующего заседания.

Как видно из протокола заседания от 8 ноября, решено было оставить временно следователя Васильева. Это решение о «временности» работы Васильева говорило о том, что Владимир Ильич готовился в следующем заседании отстаивать решение Малого Совнаркома.

10 ноября дело слушалось вторично на заседании Большого Совнаркома. С неослабным вниманием Владимир Ильич слушал и на этом заседании все обстоятельства дела, вникал и взвешивал все «про» и «контра».

Само собой разумеется, что уже на втором заседании Сов-

наркома мне было ясно, что этот, по сути дела, небольшой вопрос о следователе расширяется до более общего вопроса — о пределах компетенции различных органов государственной власти, и я был сильно поколеблен в той позиции, которую лично защищал (оставление следователя Васильева).

«С пристрастием» был допрошен Владимиром Ильичем член коллегии Наркомюста Саврасов, входивший от Наркомюста в коллегию ВЧК для установления тесного контакта между органами юстиции и ВЧК. Все объяснения, которые давал Саврасов о своей работе как представителя Наркомюста в президиуме ВЧК, ни в какой степени не удовлетворяли Владимира Ильича. Он добивался от Саврасова точного и ясного ответа на следующие вопросы: когда и по каким делам он как представитель Наркомюста опротестовывал те или иные незаконные действия ВЧК, кому он протесты и жалобы писал? Таких письменных жалоб и протестов не оказалось. Саврасов жаловался на невозможность по своему положению опротестовывать те или иные действия следственного аппарата. Саврасов подвергся жестокому обстрелу. Затем Курский должен был дать объяснения и ответы на ряд вопросов, поставленных Владимиром Ильичем. В результате по предложению Ленина Совнарком поручил Курскому к следующему вторнику представить общий доклад о том: «1) Какие существуют нормы в советском законодательстве, регулирующие надзор как за следственным аппаратом в общих судах, так и за следственным аппаратом ВЧК, в частности о значении и юридическом положении вхождения в президиум ВЧК представителей НКЮста, 2) не нуждаются ли эти нормы в дополнениях и изменениях и 3) в случае необходимости этих изменений — представить проект».

Однако вопрос о пересмотре постановления Малого Совнаркома об отстранении следователя Васильева было решено перенести на заседание Совнаркома в следующий вторник с обсуждением его в полном составе Совнаркома и с обязательным вызовом докладчика от ВЧК. И на этом втором заседании предложение Малого Совнаркома об отстранении Васильева не получило большинства голосов членов Совнаркома. Не присутствовал народный комиссар по продовольствию Брюханов, к которому дело имело непосредственное отношение, ибо междуведомственная комиссия находилась при Наркомпрод.

В третий раз продолжалось в Совнаркоме обсуждение этого же дела 15 ноября. Утром в тот же день я был уведомлен по телефону секретарем Совнаркома о том, что Владимир Ильич просит еще и еще раз вникнуть во все детали дела и представить более подробный доклад по делу в целом. Я самым тщательным образом готовился к докладу.

На указанном заседании Совнаркома кроме представителей ВЧК, участвовавших в прежних заседаниях, был лично Дзер-

жинский — народный комиссар внутренних дел и председатель ВЧК. К началу обсуждения вопроса на заседании Совнаркома явились: Сталин, Каменев — члены Политбюро и Калинин — кандидат в члены Политбюро. Дело обсуждалось в Совнаркоме с большой страстностью. Весьма активное участие в обсуждении вопроса принимал Дзержинский. Дзержинский попросил у Владимира Ильича разрешение выйти из зала заседаний во время голосования по той причине, что он хотел дать возможность голосовать двум своим заместителям (Фомину — по Наркомпути и мне — по Наркомвнуделу). Владимир Ильич заявил, что нарком может и присутствуя в зале заседаний не участвовать в голосовании и, естественно, в этом случае голосует его заместитель. Голосование по этому вопросу дало следующие результаты: 7 членов Совнаркома голосовали за отмену решения Малого Совнаркома об отстранении следователя Васильева, 6 членов голосовали за утверждение решения Малого Совнаркома.

На том же заседании по докладу Курского о существующих в советском законодательстве нормах, регулирующих надзор за следственным аппаратом, единогласно было принято предложение Владимира Ильича об образовании комиссии — под председательством Курского, а затем под председательством Дзержинского — для рассмотрения вопроса о взаимоотношениях ВЧК с органами юстиции. Эта комиссия работала до реорганизации ВЧК в ОГПУ.

* *
*

26 апреля 1921 года Большой Совнарком с участием Владимира Ильича обсуждал вопрос об отделе культов при Наркомюсте, который был известен как отдел по отделению церкви от государства.

Совнарком постановил: «Установить в составе Наркомюста отдел по отделению церкви от государства». На том же заседании было поручено Малому Совнаркому «проверить, не получится ли параллелизма и трений в работе НКЮста и НКВнудела по вопросу об отделении церкви от государства, и сделать доклад в СНК через 2 месяца (1 июля)».

Рассматривая в конце 1922 года положение о Наркомюсте, Малый Совнарком полагал, что настало время для упразднения указанного отдела. Малый Совнарком при этом исходил главным образом из того, что с началом распада старой церкви и зарождением в церковных кругах новых группировок (живая церковь и т. п.) задача наблюдения за культурами значительно расширялась, что надо предоставить этим новым течениям и группам максимальную возможность борьбы и ускорения процесса распада авторитета и влияния церкви на отсталые массы населения. Отдел культов при Наркомюсте Малый Совнарком не считал способным к разрешению новых задач.

Владимир Ильич в то время был уже тяжело и серьезно болен. Он проводил в стенах Совнаркома, на работе, последние дни и часы.

Красиков, недовольный решением Малого Совнаркома, послал личное письмо Владимиру Ильичу через Фотиеву. И вот 5 декабря 1922 года, насколько мне помнится, в последние дни работы Владимира Ильича в Совнаркоме, я был вызван к нему. Я ожидал приема в зале заседаний Совнаркома. Не прошло и пяти минут, как открылась дверь кабинета и Владимир Ильич, чрезвычайно утомленный, с серым и крайне болезненным лицом, вышел в зал в своей тужурке хаки, подошел ко мне, поздоровался и тут же извинился за то, что беседа состоится здесь, а не в его кабинете (в кабинете у Владимира Ильича кто-то был на приеме), и сразу же приступил к делу.

Владимир Ильич попросил подробно изложить ему все мотивы членов Малого Совнаркома и мои личные, легшие в основание решения об упразднении отдела культов Наркомюста. Я отчетливо помню, что с большим волнением (мне не хотелось занимать подробным докладом и деталями Владимира Ильича) я постарался объяснить мотивы решения Малого Совнаркома. Я говорил о том, что процесс отделения церкви от государства должен считаться законченным, что именно это было главной задачей отдела Красикова, что для охвата новых тенденций, обнаружившихся в делах церкви, потребовалась бы иная, гораздо более мощная государственная организация.

Владимир Ильич в спокойных и рассудительных тонах убеждал меня и просил передать всем членам Малого Совнаркома, что такое увлечение революционным максимализмом в иные моменты может оказаться вреднее революционного минимализма (доподлинные слова Владимира Ильича), что такой максимализм есть чаще всего результат государственной неопытности и желания выскочить из неприятной действительности. Предложение о создании специальной государственной организации по делам церкви он в мягких тонах, но твердо и решительно отвел и заявил, что небольшой аппарат отдела культов, достаточно квалифицированный, приобрел за эти годы большой опыт, что искать более квалифицированного нет в этом случае нужды.

Затем Владимир Ильич с тонкой и иронической усмешкой заметил:

— Что касается утверждения, что процесс отделения церкви от государства завершен, то это, пожалуй, и так; церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили.

И тут же Владимир Ильич спросил меня, сидевшего в молчаливом раздумье:

— Как вы намерены с этим делом поступить?

Я ответил, что вечером состоится заседание Большого Совнаркома, где я от имени Малого Совнаркома, предварительно поговорив с его членами о результатах беседы, заявлю о необходимости отменить решение Малого Совнаркома. Вечером, в начале заседания, в процессе рассмотрения повестки, я так и сделал, получив предварительно согласие всех членов Малого Совнаркома. И Совнарком, не приступая к обсуждению дела, вынес следующее постановление: «В отмену постановления Малого Совнаркома от 28 ноября 1922 г. (пр. № 956, п. 7) сохранить отдел культов при Наркомюсте».

* *
*

Изумительное чутье политического вождя и руководителя правительства находило свое отражение как в больших, так и в малых делах. К концу 1921 года, когда вся обстановка, вытекавшая из дальнейшего развития и укрепления начал новой экономической политики, толкала на отыскание путей установления твердой валюты, Владимир Ильич был инициатором самых первых попыток введения сметно-бюджетной дисциплины. Сметы, составлявшиеся в редких случаях по ведомству на длительный период в дензнаках в астрономических цифрах того времени, по сути дела базировались на беглых, наспех составленных планах распределения денежных знаков среди всех потребителей. Большинство ведомств или почти все ведомства не умели и не знали еще путей составления более или менее близкой к реальной действительности сметы на год. Сметная работа проводилась под непосредственным руководством Владимира Ильича одновременно с настойчивым и энергичным сокращением чрезвычайно разбухшего государственного аппарата. Владимир Ильич являлся самым горячим защитником и сторонником всех решений Малого Совнаркома по внедрению сметной дисциплины и сокращению штатов. Были случаи, когда на заседаниях Большого Совнаркома наркомы дружно проваливали предложения Малого Совнаркома по сметным и штатным вопросам. Такую позицию членов Совнаркома Владимир Ильич охарактеризовал как «блок наркомов» и всеми средствами и силами отстаивал необходимость проведения жесткой и твердой линии в деле сокращения штатов и обязательного составления смет. Владимир Ильич не раз открыто предлагал председателю Малого Совнаркома опротестовывать решения Большого Совнаркома по указанным вопросам в ЦК партии.

Насколько серьезно Владимир Ильич поставил перед наркомками вопрос о сметах, видно из того факта, что 5 июля 1921 года по его предложению Совнарком обязал все ведомства в установленные сроки представить сметы и свои месячные заявки и за неисполнение подвергнуть трехдневному аресту виновных лиц.

Большинство ведомств не соблюло установленных сроков, и 12 июля 1921 года Совнарком слушал доклад РКИ об исполнении наркоматами постановления Совнаркома об аресте лиц, виновных в пропуске установленных правительством сроков. Оказалось, что только четыре наркомата исполнили постановление Совнаркома об аресте виновных за срыв сроков. В частности, я помню, что мною был подвергнут аресту заведующий финансовым отделом Наркомвнудела на трое суток за нарушение постановления правительства. Остальные наркоматы упорно не пожелали прибегнуть к этой мере, и поэтому Совнарком подтвердил свое постановление от 5 июля и дал распоряжение Аванесову продолжать наблюдение за исполнением указанного решения.

* *
*

С введением новой экономической политики началось оживление торговли. Рамки местного товарооборота постепенно расширялись, и торговля все более начинала приобретать всероссийский характер. Всякие рогатки и препоны, сковывавшие развитие торговли, уничтожались законодательными актами.

Одной из помех в развертывании торгового оборота являлась разрешительная система на выезд граждан из одного пункта в другой. Эта система, как известно, проводилась в каждом отдельном административном центре довольно строго и жестко и имела своей целью борьбу с мешочничеством и сохранение транспорта, находившегося в те времена в тяжелом состоянии.

После того как в Большом Совнаркоме был принят закон о железнодорожных тарифах, ознаменовавший переход от бесплатных перевозок грузов и пассажиров на платность, Малый Совнарком, обсуждая проект декрета об оплате частных грузов, рассмотрел теснейшим образом связанный с этим проектом декрета вопрос о разрешительной системе перевозок частных грузов и проезда пассажиров.

На этом заседании последовали бурные и длительные прения.

Малый Совнарком, насколько помнится, довольно единодушно постановил разрешительную систему отменить. Владимирский от имени Наркомвнудела внес протест на это решение Малого Совнаркома.

На заседании Большого Совнаркома 5 июля Владимир Ильич особенно внимательно выслушал ту часть декрета, которая касалась вопроса о дальнейшем сохранении разрешительной системы, и настолько убедительно высказался в защиту этого решения, что Владимирский, пришедший с намерением всячески отстаивать необходимость отмены решения Малого Совнаркома, отказался от слова и воздержался от голосования.

Через два-три дня Владимирский лично выехал вместе со мной на ряд пунктов по выдаче пропусков, на вокзалы, где был

свидетелем громадных очередей пассажиров, ночевавших тут же и ожидавших получения разрешения на выезд. После личного опроса на месте железнодорожных работников, пассажиров и подробного выяснения дела Владимирский заявил мне, что теперь он считает ошибкой Наркомвнудела опоздание с отменой системы выдачи пропусков на выезд.

* *

*

Мне вспоминается еще такой случай из законодательной практики. Малый Совнарком, с участием представителей Моссовета, единодушно принял положение «Об управлении домами». Указанное положение было в обычном порядке представлено на утверждение Владимира Ильича. Владимир Ильич не утвердил его, а вернул на вторичное рассмотрение Малого Совнаркома со специальным указанием: «Обдумать, нужен ли этот закон». Малый Совнарком вопрос вторично рассмотрел и подтвердил свое первоначальное решение. Но Владимир Ильич не согласился с необходимостью принять положение «Об управлении домами» и вернул его нам с сопроводительной запиской весьма сердитого содержания. В этой записке Владимир Ильич писал, что сейчас речь идет совсем не о том, чтобы иметь «Положение об управлении домами», что дома наши находятся в безобразных, антисанитарных условиях. Я хорошо помню, в мою память врезалась такая фраза Владимира Ильича: наши дома загажены до последней степени, до подлости. Владимир Ильич предложил нескольких комендантов домов арестовать в административном порядке и об этом опубликовать и просил выделить одного или двух членов Малого Совнаркома, которые могли бы особо заняться этим делом¹.

* *

*

Интересно остановиться еще на одном моменте, характеризующем прием и методы разрешения Лениным дел в Совнаркоме и СТО. Вследствие загруженности повесток большим количеством вопросов иногда прення по тому или иному важному вопросу, естественно, не могли развернуться с достаточной полнотой. Бывали случаи, когда Владимир Ильич считал более правильным предоставить возможность тому или иному наркому перенести свои разногласия на разрешение Президиума ВЦИК. В редких случаях, когда голоса разбивались поровну, Владимир Ильич сам предлагал перенести вопрос на разрешение высшей законодательной инстанции. При этом Владимир Ильич писал на имя председателя и секретаря ВЦИК специальные письма, безукоризненные по форме и стилю. В этих письмах и записках

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 106—107. Ред.

Владимир Ильич просил давать спорящим сторонам не менее 20 минут для высказывания, и при этом цифра 20 неизменно подчеркивалась двумя-тремя чертами, что означало, что Владимир Ильич придавал этому особое значение. Порой в этих письмах Владимир Ильич излагал кратко и сущность дела и просил о принятом решении поставить в известность Совнарком.

* *

*

Всегда заботясь об улучшении работы госаппарата, в середине 1922 года Владимир Ильич обратил внимание на ненормальность в работе высших законодательных органов, состоявшую в том, что Совнарком, СТО и Малый Совнарком обросли огромным количеством временных и постоянных комиссий. Некоторые товарищи были настолько загружены коммиссионной работой, что не приходилось говорить о нормальной внутриведомственной работе при таком положении. А жизнь настойчиво выдвигала вопрос о рациональном использовании времени работников, об улучшении всей постановки работы ведомств. И Владимир Ильич решил в первую очередь начать с центральных правительственных аппаратов. Письмом на имя А. Д. Цюрупы Владимир Ильич предложил заняться пересмотром всех временных и постоянно действующих комиссий при Совнаркоме. А. Д. Цюрупа с присущей ему напористостью и тщательностью занялся этим делом. Им была образована специальная комиссия по пересмотру действовавших комиссий в составе Аванесова, Горбунова и Леплевского. Из 120 комиссий было признано необходимым упразднить 104. Владимир Ильич считал этот вопрос настолько важным, придавал ему настолько большое значение в смысле улучшения, упрощения и рационализации работы высших законодательных органов, что считал нужным сообщить о результатах работы указанной комиссии XI съезду партии в своем политическом отчете. Он говорил:

«На днях была произведена чистка комиссий. Насчитали 120 комиссий. А сколько оказались необходимыми? 16 комиссий. И это — не первая чистка. Вместо того чтобы отвечать за свое дело, вынести решения Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ, — прячутся за комиссии. В комиссиях черт ногу сломает, никто ничего не разберет, кто отвечает; все спуталось, и, в конце концов, выносится такое решение, в котором все ответственные»¹.

Вскоре после упразднения многочисленных временных и постоянных комиссий при Совнаркоме А. Д. Цюрупа по инициативе Владимира Ильича выдвинул вопрос о постановке работы Совнаркома и СТО по-новому. Им был разработан с участием ряда заинтересованных работников новый регламент

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 115. *Ред.*

заседаний Большого и Малого Совнаркома, в законодательном порядке был установлен порядок приема поступающих дел в Совнарком и СТО от наркоматов и их рассмотрения на заседаниях правительства.

* * *

*

Большой интерес представляет освещение руководства Владимира Ильича такими важными вопросами, как перевод в 1921 году на платность железнодорожных перевозок, введение платности коммунальных услуг, внедрение начал хозяйственного расчета в промышленность и др. Особенно интересно было бы обрисовать роль Владимира Ильича в составлении первого бюджета в довоенных рублях. Ознакомление с материалами со всей очевидностью показывает, насколько Владимир Ильич своим предвидением определил всю последующую работу по проведению в 1924 году валютной реформы. Установлением твердой червонной валюты и связанным с этим громадным успехом хозяйственной политики партии мы обязаны необыкновенной прозорливости и своевременной инициативе Владимира Ильича.

Но освещение столь важных мероприятий партии и правительства в период нэпа требует внимательного изучения подлинных документов, которыми я в настоящее время еще не располагаю.

*Ленин на хозяйственном фронте.
Сборник воспоминаний, с. 80—105*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ¹

РУКОВОДИТЕЛЬ МАЛОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Помимо работы в Большом Совнаркоме и СТО Владимир Ильич руководил работами Малого Совнаркома, в то время заседавшего три раза в неделю. Большая часть вопросов, вносимых в Большой Совнарком, попадала на рассмотрение Малого Совнаркома, состоявшего в то время из представителей десяти крупнейших ведомств, персонально утвержденных Большим Совнаркомом. Председателем его во время моей работы в нем состоял А. С. Киселев.

Владимир Ильич придавал Малому Совнаркому большое значение, видя в нем орган, который отражает интересы крупнейших ведомств, состоит из активных ответственных работников и значительно разгружает работу Большого Совета Народных Комиссаров. На заседаниях Малого Совнаркома велся точный протокол, в котором все члены Малого Совнаркома должны были подписываться обязательно под каждым решением. В случае несогласия к протоколу должно было прилагаться письменное мнение оставшегося при особом мнении члена Малого Совета Народных Комиссаров. Обычно на другой же день после заседания (заседания Малого Совнаркома кончались нередко в 1, 2 и 3 часа ночи) Владимир Ильич просматривал самым тщательным образом протокол и скреплял своей подписью постановления или же переносил их в Большой Совнарком в случае своего несогласия или согласия с тем, кто оставался при особом мнении.

Подписанные Владимиром Ильичем от имени Совнаркома постановления приобретали характер закона и опубликовывались как декреты Совета Народных Комиссаров. Таких постановлений было большинство; с приблизительной точностью можно сказать — девять десятых всех постановлений. Иногда бывало, что Владимир Ильич, не согласившись или усомнившись

¹ Воспоминания публикуются с сокращениями. *Ред.*

в целесообразности того или иного постановления, вернет его в Малый Совнарком на пересмотр с пристегнутым булавочкой к сомнительному месту клочком бумажки, где изложен ряд замечаний, вопросов и новых предложений. И конечно, в таких случаях всегда оказывалось, что Владимир Ильич затрагивал такие стороны вопроса, которые имеют важнейшее значение и никем не были предусмотрены.

Необходимо заметить, что серьезнейшее отношение Владимира Ильича к работе законодательных органов требовало такого же отношения к делу со стороны всех участвующих в этой работе. И мы все старались внимательно относиться к работе и тщательно рассматривали вопросы не только в Большом Совнаркоме, при нем, но и в его отсутствие, в Малом Совнаркоме, *ибо в сознании всегда была мысль, что наша работа завтра подвергнется тщательному контролю того, от кого ничего не ускользнет и у кого пощады к ошибкам нет.* Обладая колоссальной работоспособностью, Владимир Ильич работал сам необычайно, чрезмерно много и требовал того же от других¹.

Добрый, милый, вечно улыбающийся в частной жизни, Владимир Ильич на работе был очень строг, требователен и резкими окриками пресекал малейшее нарушение порядка. Никаких исключений Владимир Ильич в этом отношении не знал. Помню, например, однажды на заседании Совнаркома вдруг появился Л. Б. Красин, только что первый раз приехавший из Лондона, откуда газеты всего мира были оповещены о его первом свидании с Ллойд Джорджем. Некоторые наркомы бросились к нему с приветствиями и расспросами, а председательствовавший Владимир Ильич резко оборвал их и Красина за нарушение порядка. Когда же заседание Совнаркома кончилось, часов в двенадцать или в первом часу ночи, Владимир Ильич с радостным лицом подбежал к Красину, заговорил добрейшим тоном и потащил его к себе в комнату. Но это уже было после заседания, почти в 1 час ночи, по окончании *официальной* работы.

При отчете в Совнаркоме об исполнении какого-либо задания Владимир Ильич не признавал никаких препятствий, требуя преодоления всех затруднений. Особенно, когда указывали, что от той или иной губернии или области еще нет сведений, на это всегда следовал ответ: «А зачем телефон, телеграф, прямые провода, экстренные курьеры и прочее?» И, отсрочив на день, на два поручение, Владимир Ильич всегда добивался его точного исполнения...

¹ М. П. Ульянова мне однажды по этому поводу заметила: «Нет, других он больше щадил». Думаю, что она абсолютно права. Я. Г.

ВОПРОСЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ

Почти за все время гениального руководства Владимиром Ильичем нашими высшими законодательными органами Республики вопрос продовольствия, снабжения пролетариата, армии, флота и всех трудящихся был, наряду с обороной Республики, одним из важнейших вопросов хозяйственной и политической жизни страны, особенно в период гражданской войны и блокады. И естественно, этому вопросу Владимир Ильич придавал громадное значение, уделяя ему максимум внимания. Одно время, в 1919 и 1920 годах, вопросы продснабжения не сходили с повестки дня заседаний Совнаркома и Совета Труда и Обороны. Помимо вопросов, связанных с существовавшей тогда продразверсткой, и наряду с постоянным, бдительным наблюдением за ходом заготовок, погрузки, вывоза и разгрузки хлеба Владимир Ильич систематически ставил на обсуждение вопросы упорядочения системы распределения продовольственных ресурсов. Дело это было чрезвычайно трудное, так как хлеба было очень мало, а на продовольственном снабжении государства уже в первые годы после Октября состояло до 35 миллионов потребителей. Задача усложнялась еще неслыханными затруднениями, которые возникали в те времена на каждом шагу при частых перерывах железнодорожного и водного сообщения, захвате неприятелем хлебных запасов, снежных заносах, частичных восстаниях и проч. Владимир Ильич, помню, все твердил, что при этих условиях «задача правильного распределения — задача сугубо важная, хотя и гигантски трудная».

Однажды, в начале 1920 года, при разрешении, вероятно, тысячу первого спора между Наркомпродом и соответствующими ведомствами о нормах снабжения Владимир Ильич обратил внимание на то, что в Наркомпроду в то время существовало чуть ли не до 30 норм снабжения — под видом «броньпайка», «усиленного пайка», «красноармейского», «фронтового», «академического», «совнаркомовского» и проч. Владимир Ильич предложил Наркомпроду внести на рассмотрение в Совнарком декрет об уменьшении количества этих норм. Наркомпрод внес соответствующий проект в Совнарком, но нужно признаться, что обсуждение его носило порой ведомственный характер, так как многие рассматривали проект с точки зрения интересов своего ведомства, то есть в смысле улучшения или ухудшения этим проектом снабжения армии (Наркомвоен), промышленности (ВСНХ), транспорта (Наркомпуть), почтово-телеграфных работников (Наркомпочтель), административного аппарата (Наркомвнудел) и проч. Когда же прения кончились, Владимир Ильич предложил передать проект на переработку Центральной комиссии по рабочему снабжению, причем предложил дать ряд радикального характера директив от Совета Народных

Комиссаров. Помимо этого он прислал нам в комиссию на маленьком клочке бумаги записочку, в которой в самых кратких выражениях была изложена целая программа снабжения, предлагавшая полное изменение прежней системы и содержавшая ряд важнейших принципов, блестяще наметивших все основные методы, которые, как впоследствии выяснилось, были единственно правильными при сложившейся уже тогда обстановке и одни только могли соответствовать интересам пролетарского государства¹.

Смысл записки был приблизительно таков: декрет надо построить таким образом, чтобы была действительная, реальная связь между работой и снабжением. Хлеб можно получать только за проработанное время. Спекулянтов, тунеядцев, лодырей и тому подобный элемент мы кормить не будем. Разнообразие и количество норм должны быть сведены к минимуму. Эта записочка (маленький клочок бумаги) легла в основу разработанного комиссией, внесенного ею и принятого Совнаркомом 30 апреля 1920 года декрета о едином трудовом пайке.

Таких записочек Владимир Ильич рассылал по всем нашим тогдашним 18 комиссариатам, к разным лицам и учреждениям сотни, если не тысячи. В каждой из них из каждого слова так и бьет вся мудрость Владимира Ильича. И если собрать их воедино все, можно было бы не только представить себе эту сторону системы руководства Владимира Ильича, но также еще составить целую программу работы для нас на долгие годы вперед. Это подтверждается теперь каждым Ленинским сборником, издаваемым Институтом Маркса — Энгельса — Ленина².

Владимир Ильич проявлял особенное искусство и умение сочитать, с одной стороны, необходимость учета интересов всех ведомств, особенно в таких кардинальных вопросах, каким был тогда вопрос продснабжения, и, с другой стороны, невозможность полного согласования с ними подобных вопросов ввиду отсутствия достаточных ресурсов для удовлетворения их потребностей.

Так, однажды, в ноябре 1920 года, Халатовым был внесен в Совнарком план продснабжения всех ведомств на год. Всем известно, какое значение придавал Владимир Ильич плановому началу в нашей работе. Поэтому неудивительно, что Владимир Ильич уделял этому вопросу большое внимание, тем более что это была первая попытка ввести продснабжение, все время шедшее с перебоями, неопределенно, перебиваясь со дня на день, в строго разработанный план, да еще на целый год — срок по тому времени очень длинный. Одновременно этот план предусматривал и все поступления, намеченные на этот год (1920/21).

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 328—329. *Ред.*

² Воспоминания написаны в 1933 году. *Ред.*

Владимир Ильич затребовал к себе до заседания все материалы по этому вопросу и, подробно ознакомившись со всеми цифрами, проверив их по нескольким источникам, активно, со свойственной ему энергией и живостью принялся этот план проводить. Для этого он назначил рассмотрение продовольственного плана на специальном экстренном заседании СТО, куда распорядился пригласить всех наркомов, независимо от того, входят ли они в состав СТО или нет. Кроме того, на это заседание были приглашены и члены Центрального Комитета.

Такое необычайное заседание СТО им было созвано потому, что, во-первых, продовольственный план, как хозяйственный вопрос, подлежал рассмотрению СТО, а во-вторых, СТО, как орган малочисленный и не столь подверженный влиянию отдельных ведомств, давал больше гарантий для быстрого обсуждения и принятия его, к чему Владимир Ильич в интересах общегосударственных особенно стремился, тогда как в Совнаркоме иногда из-за частных, чисто ведомственных, неудовлетворений вопрос мог бы быть провален в целом. Но поскольку план существенно затрагивал интересы всех ведомств, все наркомы были приглашены на это заседание и таким образом привлечены к обсуждению (к обсуждению, но не к решению), для того чтобы они могли полностью защищать и мотивировать свои нужды. Вместе с тем, поскольку на заседании присутствуют все наркомы и члены ЦК, решение этого заседания сугубо авторитетно и бесспорно, обжалование его делается бессмысленным, и это предотвращает возможность перенесения вопроса куда-либо на пересмотр и связанную с этим неизбежную оттяжку и волокиту.

Таким образом, при самом напряженном внимании и живейшем участии всех наркомов вместе с редко бывавшим на заседаниях Калинин и другими членами ЦК 28 ноября 1920 года состоялось экстренное заседание СТО под председательством Владимира Ильича, затянувшееся за полночь. После тщательного рассмотрения, внесения ряда поправок и изменений был принят первый советский продовольственный план на предстоящий операционный год, план, подводящий определенную твердую базу для различных отраслей нашей работы на целый год, что было в условиях тогдашней горячки, в которой протекала наша работа, колоссальным шагом вперед.

Конечно, принять план — это еще не значило выполнить его. Но в том усердии, которое Владимир Ильич проявлял на протяжении семи-восьми часов заседания, в течение которого рассматривался вопрос, в той силе воли, какую он проявил, несмотря на отчаянную и его и всеобщую усталость, чувствовалось, что Владимир Ильич уже и тогда знал, что стоит только тщательно разработать план, учесть все реальные элементы его проведения и проникнуться твердой волей к его исполнению, и он будет воплощен в жизнь. И оттого-то, очевидно, у Владимира

Ильича так поднялось настроение к концу заседания, когда рассмотрение уже подходило к концу, принятие плана было обеспечено, и он так мило, безудержно и необычно для заседания долго хохотал при какой-то остроте содокладчика Струмилина, брошенной им одному из ведомственных оппонентов.

На последующих заседаниях при рассмотрении любого продовольственного вопроса Владимир Ильич всегда обращался к этому утвержденному плану, справляясь, предусмотрен ли данный вопрос в нем, и требуя все время полной увязки с планом. И нужны были большие усилия и очень солидные мотивы, чтобы склонить иногда Владимира Ильича к тому или иному отступлению от этого плана или внесению в него каких-либо изменений. А ведь при условиях тогдашнего времени каждое ведомство всячески изощрялось выйти из плана, добиваясь для себя отступлений самыми различными путями. Владимир Ильич вел твердую политику неизменного проведения и исполнения утвержденного плана, и эта его твердость неминуемо увлекала на путь твердого и полного проведения этого продовольственного плана всех тех, от кого его проведение зависело...

О ГОСАППАРАТЕ

Сокращение штатов наших советских учреждений было предметом постоянной заботы Владимира Ильича. Этот вопрос поднимался им при каждом удобном случае. Шла ли речь о продовольственном снабжении, о финансовом положении республики, построении тарифной системы, работе государственного аппарата, Владимир Ильич неизменно выдвигал вопрос о необходимости сократить наш разбухший аппарат. Цифра в 300 тысяч служащих (во всех государственных учреждениях того времени в Москве) приводила Владимира Ильича в ужас. Руководители же отдельных ведомств, часто по инерции и косности, не всегда охотно шли этому навстречу и иногда противодействовали работе по сокращению аппарата. Владимир Ильич очень часто нещадно бичевал не только недостатки нашего аппарата, но и косность тех, кто противодействовал его упрощению и сокращению. Ухватившись за мысль о коллективном снабжении, Владимир Ильич при проведении этой меры во главу угла выдвигал вопрос о сокращении штатов советского аппарата. Самые большие продовольственные затруднения не останавливали Владимира Ильича в проведении системы коллективного снабжения, лишь бы это привело к сжатию разбухшего аппарата и, следовательно, к улучшению работы.

Мне никогда не забыть той бесконечно дорогой для меня теплоты, с которой Владимир Ильич однажды поддержал мое выступление в Совнаркоме против одного докладчика, сообщав-

шего результаты опыта проведения коллективного снабжения в первые месяцы в Москве и указавшего на лучшие результаты среди рабочих, чем среди служащих. Я, ссылаясь на одно из предыдущих постановлений Совнаркома, указал на факт, который докладчик упустил отметить, а именно что среди рабочих речь шла об определенной группе предприятий, где коллективное снабжение проведено реально, а к сокращению штатов только подготавливаются, тогда как у служащих положение было обратное. Штаты были сокращены, согласно декрету, на 30%, а коллективное снабжение еще не было тогда проведено. Таким образом, трудно было судить о результатах проведения системы коллективного снабжения с точки зрения влияния этой системы на улучшение работы учреждений. Владимир Ильич одобрил это замечание, резко упрекнул выступавших за упущение этого факта, обратил на это главное внимание, придав ему наибольшее значение из всех отмеченных отдельных моментов, и сделал из него выводов в тысячу раз больше, чем кто-либо из всех нас, присутствовавших, мог бы ожидать. В результате была создана комиссия для выработки и проведения ряда мер, направленных к разгрузке фабрик от примазавшихся тогда к предприятиям нетрудовых и непроизводительных элементов и к проведению коллективного снабжения в учреждениях.

Владимир Ильич был горячим сторонником всемерного сокращения штатов наших советских учреждений. В то же время, как председатель Совнаркома, возглавляющий весь государственный аппарат в целом и призванный облегчать ведомствам их работу, руководить ими и защищать их от всяких формальных обстоятельств, которые могут неблагоприятно отразиться на работе отдельных ведомств, он считал недопустимым всякое принудительное, механическое сокращение аппарата, без попытки согласования с руководителями ведомства и проводимое иногда помимо них.

Поэтому, когда президиум ВЦИК выделил в конце 1921 года так называемую «ларинскую комиссию» по сокращению штатов, возвестившую в газетах о предполагаемом ею «мамаевом побоище» советского аппарата и возможности непосредственного проведения ею своих предложений через президиум ВЦИК, минуя Совнарком, где наркомы могли бы в случае своего несогласия отстоять свои предложения, Владимир Ильич, узнав об этом из доклада в Совнаркоме одного из наркомов, очень насторожился. Он тотчас же предложил принять постановление с просьбой к ВЦИК рассматривать вопросы «ларинской комиссии» только после обсуждения их в Совнаркоме и в резко укоризненной форме поручил Курскому, как члену президиума ВЦИК, отправиться на происходившее в тот же вечер заседание президиума ВЦИК и внести там это предложение от имени Совета

Народных Комиссаров. Президиум принял соответствующее постановление, и доклады Ларина впоследствии утверждались там только после обсуждения их в Малом и Большом Совете Народных Комиссаров. В этом случае с особенной силой выявилась непримиримая вражда Владимира Ильича ко всякого рода опрометчивым экспериментам и прожектерским мероприятиям, не вызываемым сложившейся обстановкой и идущим вразрез со всем ходом развития хозяйственной и политической жизни страны.

ТАРИФНЫЙ ВОПРОС

Предварительное согласование важнейших постановлений Совнаркома с заинтересованными ведомствами было, как это уже указано, обязательным правилом в работе Владимира Ильича. Точно так же он настаивал на необходимости проведения вопросов только по соответствующим инстанциям. Но когда нужно было (а Владимир Ильич всегда умел определять, когда это нужно), вопрос, минуя все инстанции, сразу переносился в Политбюро ЦК и там получал окончательное и быстрое разрешение. Конечно, это относилось обычно к важнейшим, принципиальным вопросам.

Так, например, в июле 1921 года в Малом Совнаркоме под председательством А. С. Киселева слушался доклад представителя ВЦСПС о принципах построения тарифной политики в условиях только что объявленной Советской властью новой экономической политики. Из доклада выяснилось, что серьезных изменений в тарифной политике, невзирая на новую экономическую политику, докладчиком как будто и не намечается. Между тем вопрос требовал радикального пересмотра и изменения. Малый Совнарком поэтому выделил комиссию для всестороннего рассмотрения всего вопроса о заработной плате в целом и выработки конкретных предложений. В комиссию вошли Киселев, Гиндин, Белов, представители ВЦСПС и Народного комиссариата финансов. Мы дважды заседали в комиссии и после подробного обсуждения вопроса пришли к заключению, что при развертывающейся новой экономической политике тарифная политика должна быть построена на совершенно новых, резко отличных от прежних принципов началах и что в основе ее должна быть связь между заработной платой и результатами работы, учет всех видов выплат, как в натуре, так и деньгами, установление твердого прожиточного минимума, резкое раздвижение сетки (мы предлагали 1 : 16) и проч.

Изложив все эти предложения в виде тезисов, мы разослали их за подписями Киселева и Гиндина наркомам для заключения, полагая внести на рассмотрение сначала в Малый, а потом

в Большой Совет Народных Комиссаров. Владимир Ильич тогда отсутствовал, впервые, кажется, за последние годы напряженной работы уехав на отдых в Горки. Протоколы и дела Малого Совнаркома посылались ему туда на подпись почти ежедневно, поэтому я предложил Киселеву отправить Владимиру Ильичу проект тезисов по тарифному вопросу в Горки, что он и сделал. В маленьком препроводительном письме мы сообщили Владимиру Ильичу историю возникновения и прохождения вопроса и просили его ознакомиться и высказать свое мнение. Не прошло и двух дней, как мне звонит по телефону Фотиева и сообщает, что Владимир Ильич распорядился срочно отправить наш проект на заключение членов Политбюро Центрального Комитета. И через несколько дней мы уже имели постановление ЦК, одобрявшее, с некоторыми изменениями, наши предложения и поручавшее ВЦСПС внести в Совнарком соответствующий проект практических мероприятий. Закон был разработан и в окончательной редакции утвержден Совнаркомом 12 ноября 1921 года. И когда я вспоминаю все те многочисленные препятствия и трудности, с которыми мы тогда на первых порах встретились при попытке проведения тарифного вопроса, то я ясно и отчетливо вижу, что проект, может быть, еще долго не был бы проведен, если бы не исключительное внимание, активность и настойчивость Владимира Ильича. Его «ильичевское чутье» было теми благодетельными чертами, которые позволяли иногда предлагать его вниманию самые необработанные мысли в полной уверенности, что все здоровое и полезное для пролетариата, судьбами и чаяниями которого он был пропитан насквозь, будет им взято и проведено немедленно.

ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА В РАБОТЕ

Владимир Ильич очень сурово относился ко всякого рода непроверенным заявлениям и ссылкам, если таковые иногда делались при нем во время обсуждения какого-либо вопроса. Он постоянно требовал и добивался, чтобы при обсуждении все участвующие оперировали исключительно проверенными данными, конкретными фактами и абсолютно обоснованными заявлениями. И при малейшем сомнении в обоснованности того или иного заявления Курскому (Наркомюст) или Аванесову (НК РКИ) Совнаркомом всегда поручалась детальная проверка, расследование или обследование сообщенных фактов.

Как-то раз Халатов на заседании Совнаркома выступил с заявлением, в котором он жаловался на президиум ВСНХ, задержавший представление сведений о потребности в продовольствии по промышленности и затормозивший вследствие этого выполнение задания Совета Народных Комиссаров. Я тут же

заявил, что сведения представлены и, вероятно, речь идет об их недостаточности. Владимир Ильич без всяких прений предложил постановить: поручить Курскому расследовать причины противоречия в заявлениях Халатова и Гиндина и доложить Совету Народных Комиссаров. А назавтра мы с Халатовым должны были писать подробное объяснение к своим заявлениям. В повестке дня очередного заседания Совнаркома автоматически уже значился доклад Курского по этому вопросу.

Так же сурово относился Владимир Ильич ко всякого рода слабостям, дефектам и упущениям, если таковые обнаруживались в работе того или иного ведомства. Критика его в таких случаях бывала очень едкой и недостатки бичевались самым резким образом, независимо от того, как бы хорошо он ни относился к руководителю ведомства. Так, однажды на заседании СТО слушался отчетный доклад Хинчука о работе Центросоюза. Хинчук указал на ряд затруднений, мешавших быстрому развитию товарообменных операций (это было в 1921 году), в частности на задержку продорганами передачи кооперации товарных фондов, несоответствие индексов и ряд других причин. В итоге Хинчук отметил очень слабые, почти ничтожные заготовки хлеба. Владимир Ильич, выступивший после ряда высказавшихся ораторов, в горячей и убедительной форме дал самую резкую отповедь всем ссылкам Хинчука на разные неблагоприятные обстоятельства, осудил непринятие им мер к их устранению, особенно подчеркнув достижение таких незначительных результатов при тех огромных усилиях и затратах со стороны государства, которые делались тогда для улучшения работы кооперации. Критика Владимира Ильича была на этот раз прямо-таки беспощадна, так как слабость работы кооперации в то время особенно жестоко била по нашему продовольственному положению. И тщетны были попытки Хинчука оправдаться: Владимир Ильич был неумолим.

ОТНОШЕНИЕ К СПЕЦИАЛИСТАМ

Владимир Ильич придавал огромное значение мероприятиям по улучшению положения наших ученых. Еще в 1918 году с его санкции была создана комиссия по так называемому «академическому пайку» под председательством М. Н. Покровского. Время тогда было очень тяжелое, и стоило невероятных усилий урвать из наших ничтожных ресурсов необходимое количество продовольствия для повышенного снабжения квалифицированных научных работников республики. И только вмешательство и постоянный интерес к этому вопросу Владимира Ильича давали возможность поддерживать это снабжение. В декабре 1920 года Владимир Ильич предложил члену коллегии Нарком-

прода Халатову собрать комиссию из заинтересованных учреждений, разработать соответствующие мероприятия, необходимые для максимального обеспечения квалифицированных научных работников, подсчитать, что и сколько для этого требуется, и в *двухдневный срок* доложить об этом Совету Народных Комиссаров. Через два дня Совнарком под председательством Владимира Ильича образовал постоянную Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), в состав которой вошли: Халатов, Семашко, М. Н. Покровский, Кипарисов, Гиндин и Новицкий. На эту комиссию Совнаркомом была возложена постоянная забота об улучшении материального положения научных работников в самом широком смысле (повышение заработной платы, натуральное продовольственное и вещевое снабжение, премирование и пр.), организация домов отдыха, санаториев, выписка из-за границы книг и т. п. При этом Владимир Ильич указал, что нужно выдвинуть по всей Советской республике группу наиболее квалифицированных, особо ценных и полезных для республики работников и для обеспечения именно этой группы, сделать величайшее напряжение, во что бы то ни стало изыскать ресурсы. А время тогда было тяжелое и ресурсы были чрезвычайно ограничены; для того чтобы дать ученым, приходилось порой урезывать и у рабочих, и у Красной Армии; и только постоянное, бдительное наблюдение Владимира Ильича, его авторитетный нажим дали возможность ЦЕКУБУ проделать ту громадную работу по радикальному изменению положения наших научных работников, которая была отмечена уже на I Всероссийском съезде научных работников в ноябре 1923 года. Роль Владимира Ильича в этом вопросе была огромна не только тогда, когда он непосредственно содействовал работе этой комиссии, ставил часто в Совнаркоме ее доклады, поддерживал ее ассигнования, следил за выполнением обязательств по отношению к ней. Его роль сказывалась даже и тогда, когда эти вопросы непосредственно к нему не доходили, но когда мы, члены этой комиссии, собираясь в самые тяжелые дни интервенции, холода, голода и нищеты и делая величайшие усилия, чтобы урвать лишь самое необходимое для спасения от голода ценнейших кадров ученого мира, чувствовали внимание к этой нашей работе Владимира Ильича, возможность опереться на его авторитет при преодолении тех или иных препятствий, вставших на нашем пути, а число этих препятствий по тогдашним условиям было безгранично.

Вспоминается также, как весной 1921 года, в момент наибольшего обострения продовольственного кризиса, пленум Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов на одном из своих собраний вынес постановление о необходимости упразднения ряда привилегий в области снабжения для отдельных групп работников. В связи с этим среди отдельных групп научных

работников появились опасения возможного, вследствие этого постановления, резкого ухудшения положения научных работников. Но Владимир Ильич при рассмотрении этого вопроса в Совнарком, как обычно, заявил, что поддержание квалифицированных работников есть одна из главнейших забот пролетариата, ставшего у власти, и поэтому в постановлении, принятом Совнаркомом в связи с решением пленума Московского Совета, было специально оговорено, что на Наркомпрод возлагается неослабный контроль за бесперебойным снабжением ученых.

Естественно поэтому, что огромное внимание Владимира Ильича к вопросу о положении наших ученых сконцентрировало вокруг этого вопроса усилия почти всех ведомств, и, невзирая ни на какие затруднения, в самые тяжелые годы удавалось снабжать ученых, литераторов, артистов и художников республики в числе свыше 10 тысяч человек специальным так называемым «академическим» пайком, довести до определенного уровня оплату их труда, ввести специальное, «академическое» обеспечение, премирование, организовать несколько специальных домов отдыха и санаториев (лучших из существующих), улучшить жилищные условия и многое другое. И хотя непосредственно это было разработано, согласовано и проведено ЦЕКУБУ при активном участии Халатова, но нужно определенно сказать, что главная заслуга в этом деле принадлежит энергии, настойчивости, авторитетности и воле Владимира Ильича.

Горячий сторонник расширения прав местных органов, расширения местной инициативы и усиления самостоятельности низового советского аппарата, Владимир Ильич, однако, всегда отстаивал и строго проводил преобладание интересов общегосударственных над местными, частными. Местнические тенденции всегда встречали с его стороны резкий отпор. Особенно сильно это сказывалось у Владимира Ильича, когда он возражал представителям мест, приезжавшим иногда в СТО отстаивать для своей губернии уменьшение заданий в порядке разверстки, забронирование имевшихся запасов и проч. Как-то, например, в Совнаркоме обсуждался проект учреждения общества «Племкультура». Осинский, внесший этот проект, и ряд крупнейших специалистов, защищавших его, указывали, что это общество поднимет на должную высоту развитие пришедшего у нас в упадок племенного скотоводства и вместе с тем предоставит государству определенные материальные выгоды в виде отчислений и взносов. Утверждение этого общества было связано с передачей в его ведение нескольких совхозов с племенным скотом, расположенных в разных губерниях. Народный комиссариат внутренних дел указывал на возражения местного органа одной губернии против передачи расположенного там совхоза с племенным скотом. На это Владимир Ильич ответил, что если по существу проект не встречает возражений у членов Совнар-

кома и целесообразность его признана, то в данном случае нужно будет пройти мимо протеста местных органов, ибо естественно, что так как совхоз дает для местных учреждений продовольствие, то они станут возражать против его передачи, и что здесь именно наиболее ярко сказываются те местнические тенденции, с которыми надо вести самую решительную борьбу.

ВТОРОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ¹

Обладая таким глубоким, прозорливым умом, Владимир Ильич вместе с тем всегда пылливо прислушивался к чужому мнению, жадно ловя все здоровое, правдивое в мыслях своего собеседника. В разговоре он больше всего налегал на доводы и убеждения, то есть больше убеждал, чем предлагал. К доводам собеседника он бывал очень внимателен. Особенно это стало ясно для меня при вторичном посещении Владимира Ильича с делегацией работников-профессионалистов, работавших в Наркомпроде по рабочему снабжению.

Обстоятельства, вызвавшие наше посещение Владимира Ильича, внешне казались маловажными, но по существу имели глубокое значение, так как могли, по нашему мнению, резко влиять на судьбы рабочего снабжения, и особенно рабочих, занятых в военной промышленности. А так как это было зимой 1920 года, то нечего и говорить, что тогда это было одной из важнейших отраслей нашей работы наряду со снабжением Красной Армии.

Вопросами рабочего снабжения с конца 1919 года ведала специально созданная Совнаркомом Центральная комиссия по рабочему снабжению. Во главе ее стоял Халатов, и членами входили Ногин, Богданов, Гольцман, я и представитель Народного комиссариата путей сообщения. Все члены комиссии персонально утверждались Советом Народных Комиссаров. Владимир Ильич интересовался ходом работы нашей комиссии, ставя часто ее доклады в Совнаркоме, требуя сведений о ходе снабжения рабочих и непосредственно вмешиваясь в ее работу при особенно резких обострениях вопросов снабжения в той или иной местности. Благодаря напряженной работе членов комиссии, при энергичнейшей поддержке Владимира Ильича, комиссии по рабочему снабжению, созданной Совнаркомом, удалось к концу первого года ее существования заметно улучшить положение промышленных и транспортных рабочих республики, выделив их из общей массы потребителей, забронировав за ними определенные запасы продовольствия и установив твердую норму снабжения.

¹ Автор воспоминаний первый раз на приеме у В. И. Ленина был 29 августа 1918 года. *Ред.*

За год работы этой комиссии удалось также достигнуть полной спайки и согласованности в работе между Наркомпродом, ВСНХ (я и Ногин входили в комиссию от президиума ВСНХ), ВЦСПС и Народным комиссариатом путей сообщения. Особенно много этому содействовало то удачное сочетание, при котором председатель этой комиссии Халатов был членом коллегии Наркомпрода, ведавшим отделом по распределению продовольствия. Но вот в конце 1920 года Совнаркомом был утвержден новый состав коллегии Наркомпрода, в которую Халатов не был включен. Для нас, членов этой междуведомственной комиссии, и для значительной группы рабочих-профессионалистов, работавших в аппарате Наркомпрода по командировке из ВЦСПС, лишь только мы об этом узнали на другой день после постановления Совнаркома, стало совершенно ясно, что это обстоятельство может резко отразиться на судьбе рабочего снабжения, едва-едва налаженного с такими величайшими усилиями. Ибо замена Халатова при его активной работе в этой области и полной спайке с нами, представителями ведомств, была по меньшей мере нецелесообразна, а оставаться ему, не будучи членом коллегии Наркомпрода, председателем комиссии было бесполезно, так как мы не в состоянии были бы осуществить наши мероприятия с той быстротой, какая требовалась по важности вопроса и условиям того времени.

Поэтому этот факт вызвал в нас сильнейшую тревогу, и уже через час после того, как нам стало известно постановление Совнаркома, члены комиссии и ряд профессиональных работников — сотрудников Наркомпрода собрались в кабинете у Ногина и после краткого обсуждения вопроса единогласно пришли к заключению о необходимости обратиться лично к Владимиру Ильичу и просить об изменении постановления Совнаркома, указав на все эти обстоятельства. Когда Ногин позвонил Владимиру Ильичу с просьбой нас принять по этому поводу, Владимир Ильич ответил, что ему уже звонил Томский и что он назначил на завтра в 12 часов утра прием нас и профессионалистов. Мы отправились к Владимиру Ильичу всего человек пять (Ногин, Гиндин, Вундерлих, Сениошкин, Орлов), но, когда мы пришли к нему, у него уже было человек восемь по тому же делу, в большинстве партийные работники и профессионалисты.

Владимир Ильич нас принял всех в зале заседаний Совета Народных Комиссаров, сам взял на себя председательствование и предоставлял нам слово по порядку. Все высказывавшиеся говорили очень горячо, поскольку речь, по существу, шла о всех вопросах рабочего снабжения и работе Наркомпрода в целом. Владимир Ильич все время расширял темы поставленных вопросов и детально расспрашивал присутствовавших о работе аппарата Наркомпрода, его руководстве местами и об отдельных

руководящих работниках Народного комиссариата продовольствия. Товарищи воспользовались случаем и подробно освещали и бичевали недостатки аппарата, но вместе с тем почти все указывали на активную работу Халатова в области рабочего снабжения.

Владимир Ильич слушал с напряженным вниманием, особенно некоторых рабочих, указавших на опасность изменения политики рабочего снабжения. Когда я, между прочим, указал на борьбу, какую приходится выдерживать с военным ведомством, не желающим отказаться от резко повышенного снабжения своих учреждений служащих, Владимир Ильич категорически предложил внести вопрос на ближайшее заседание Совета Народных Комиссаров. Разговор затянулся очень долго, так как Владимир Ильич дал высказаться буквально всем, а в конце указал, что невключение Халатова вызвано постановлением последней сессии ВЦИК об общем сокращении состава коллегии и что он не предполагал, чтобы этот вопрос мог иметь столь существенное значение для работы. При этом Владимир Ильич, помнится, привел аналогию со структурой военного ведомства, указав, что там имеется много ответственных работников, ведающих целыми районами, фронтами, однако вовсе не обязательно, чтобы они все были членами Реввоенсовета, но заметил, что все сообщенное ему здесь он принимает к сведению, так как считает весьма серьезным обстоятельством столь единодушное заявление ряда работников.

Когда Ногин заявил, что в связи с ослаблением работы комиссии по рабочему снабжению под угрозу поставлена в первую очередь промышленность, так как в последнее время приходилось делать особенно большие усилия, чтобы поддерживать бесперебойное снабжение фабрик, Владимир Ильич сказал, что, независимо от разрешения данного вопроса, внимание к рабочему снабжению не будет ослаблено ни на минуту и что все, что ему пришлось здесь выслушать, будет подвергнуто самому детальному рассмотрению в Центральном Комитете. В конце беседы один из присутствующих, старик профессионалист, отметив еще несколько черт в работе Халатова и указав на необходимость изменения постановления, обращаясь к Владимиру Ильичу, сказал: «Так вот, Владимир Ильич, наша просьба к вам — передать все это ЦК и изменить постановление». На это Владимир Ильич ответил: «Первое будет выполнено в точности, а второе не обещаю».

Через неделю постановлением Совпаркома Халатов был снова включен в состав коллегии Народного комиссариата продовольствия.

ОТНОШЕНИЕ К НАУЧНЫМ ДОСТИЖЕНИЯМ

Владимир Ильич удивительно умел сочетать в своей работе вопросы текущего дня с задачами более или менее отдаленного будущего. Его дальновзоркий ум всегда смотрел вперед, в даль будущего. И что особенно поражало — это вечно устремленный взгляд вперед, в перспективу, при самой неустанной работе над вопросами текущей практики.

В Малом Совнаркоме мы постоянно получали записки от Владимира Ильича, где наряду с просьбой ускорить рассмотрение того или иного ассигнования, например, на заработную плату или на заготовку пушнины, или предоставления помещения какому-либо учреждению — наряду с этими вопросами текущего характера Владимир Ильич писал о необходимости, например, ускорения отпуска средств на работы по исследованию Курской магнитной аномалии, о которой он говорил с профессором Лазаревым и которые имеют для нас колоссальное значение, на работы Гидроторфа, о которых он подробно говорил с профессором Кирпичниковым и значение которых для нас неизмеримо, на окончание Каширской электрической станции, с ходом которой он знакомился непосредственно у руководителя, инженера Цюрупы, или для Волховстроя — у инженера Графтио и на многое другое. *При этом, как всегда, Владимир Ильич просил и убеждал и редко приказывал*, но нечего и говорить, что эти клочки бумажки с его просьбами и указаниями действовали лучше длиннейших и суровейших приказов, встречая самое внимательное отношение и самое быстрое прохождение вопроса. И нужно отметить, что, поскольку это происходило в самые тяжелые годы, когда не хватало самого необходимого, когда порой приходилось оставлять дома нетопленными, недодавать обещанных продовольственных пайков и задерживать кое-кому заработную плату, проведение ассигнований на Курскую магнитную аномалию, Гидроторф, электрификацию, на постройку Каширки, Шатурки, Волховстроя и проч. встречало невероятнейшие затруднения и очень много колебаний, сомнений и препятствий со стороны руководящих работников ряда учреждений. И только великий гений с его прозорливым умом смотрел вперед сквозь туман и даль в твердой уверенности, что тучи рассеются, туман прояснится и освобожденный пролетариат может увидеть плоды своих посевов, как бы неимоверно трудны ни были те усилия, какие ему приходилось делать в тяжелые дни.

Всякий раз, когда перебираешь в памяти напряженность и активность работы Владимира Ильича, его кипучую энергию, которую он проявлял в столь разнообразных областях работы, энергию, которая заражала всех его окружающих и, казалось, не знала покоя никогда, — только удивляешься и спрашиваешь

себя: те ли 24 часа заключали в себе сутки жизни Владимира Ильича, что и наши?

Ведь подумать только: Владимир Ильич так активно руководил Политбюро ЦК, Совнаркомом, СТО, работой Малого Совнаркома, непосредственно вникал и руководил важнейшими отраслями государственной жизни, принимая активное участие в работе Наркоминдела, Наркомвоенмора, Наркомпрода, ВСНХ, Госплана, топливных учреждений, научных институтов и ряда других органов, одновременно поражая мир своими выступлениями на многочисленных собраниях, митингах, конференциях, съездах и конгрессах и не оставляя в то же время своего пера. А Владимир Ильич не просто ведал каким-нибудь вопросом. Уж если что-либо проходило через его руки, то помимо его подписи документ — будь то нота какому-либо правительству, или телеграмма местным продорганам, или проект резолюции партийного съезда, или письмо Красину в Лондон, или записка какому-либо работнику, или протокол ЦК партии, Совнаркома или СТО, или, наконец, мандат какому-либо чрезвычайному уполномоченному — все это, пройдя через руки Владимира Ильича, уже имело на себе глубокий отпечаток ленинского стиля, поражало своей краткостью, четкостью и прямоотой, необыкновенной глубиной своего содержания и особенной ясностью формы. Владимир Ильич в большинстве случаев писал сам, и писал как-то особенно — метко, глубоко, кратко и ясно.

И вместе с тем Владимир Ильич урывал время и для таких вещей. Как-то зимой 1920 года мне пришлось побывать недалеко под Москвой на конских заводах Народного комиссариата земледелия. На этих заводах сохранились еще с дореволюционных годов редкие экземпляры рысистых лошадей, представлявших большую ценность. Но так как тогда еще не было ни бегов, ни скачек, то лошади эти содержались за государственный счет для развития и улучшения конской породы. Там же были и редкие экземпляры рогатого скота. В те годы острого продовольственного кризиса содержание их было очень затруднено и фураж отпускался в минимальной дозе. Между тем для характеристики их ценности достаточно указать, что за уступку одного экземпляра какого-либо скакуна иностранцы предлагали фураж для годового содержания чуть ли не всего завода. И вот управляющий заводом мне тогда рассказал, что еще недавно завод посетил и подробно озаботился о его сохранении Владимир Ильич, приезжавший туда вместе с Теодоровичем. Нечего и говорить, что его посещение в столь тяжелое время вселило много бодрости и энергии в работу служащих и рабочих, которые были очень преданы своему делу, и содействовало сохранению ценнейших экземпляров конских скакунов...

ЗАБОТЫ ОБ ОКРУЖАЮЩИХ

При колоссальной работе Владимир Ильич находил время для самых теплых забот о жизни тех, с кем он соприкасался на работе. Вспоминается, что в свое время членам Совнаркома и ответственным руководителям учреждений по распоряжению Владимира Ильича под расписку вручались предписания не беспокоить на такой-то срок ни обращениями, ни телефонными звонками то отдыхающего или лечащегося члена Политбюро, то кого-либо из его заместителей, например, тов. Цюрупу. Не говорю уже о том, что и сама отправка их в отпуск или на лечение обычно происходила по настоянию Владимира Ильича. По отношению к тов. Цюрупе одно время, по безграничной заботливости Владимира Ильича, было вручено членам Совнаркома под расписку постановление не затягивать дольше определенного часа заседаний, на которых тов. Цюрупа председательствовал. Управление делами Совнаркома, при протестах тов. Цюрупы, опираясь на авторитет Владимира Ильича, добивалось закрытия заседаний в указанный час. Когда я в разговоре с Владимиром Ильичем указал ему однажды на необычайную перегруженность работой тов. Халатова, внушавшую сильные опасения за его здоровье, Владимир Ильич отметил, что только на днях, после предоставления тов. Халатову отпуска, он его случайно видел в Кремле и потому распорядился о принудительной отправке его на отдых. А тов. Кржижановский мне подтвердил, что с ним самим случилась такая же история, когда он однажды чуть ли не под конвоем был отправлен в отпуск по распоряжению Владимира Ильича.

Вот до чего доходила теплая заботливость Владимира Ильича к окружающим, не говоря уже о необычайной чуткости ко всем просьбам и нуждам, с которыми иногда к нему обращались товарищи и в которые он вникал самым внимательным образом. И это было тогда, когда он сам по отношению к себе не соблюдал никаких законов — ни рабочего дня, ни охраны труда, работая без всяких норм, не подчиняясь в этом отношении никаким постановлениям, постепенно, но последовательно расточая свое здоровье, столь ценное для всего угнетенного человечества, за освобождение которого он неустанно боролся всю свою жизнь.

Своей огромной работой, постоянной кипучей энергией и всей своей героической революционной борьбой Владимир Ильич показал один из самых ярких примеров того, что значит на деле, до конца всего себя отдать интересам рабочего класса.

ГАЗЕТА БЕЗ БУМАГИ И «БЕЗ РАССТОЯНИЙ»¹

Разработав схемную часть радиотелефонного передатчика, М. А. Бонч-Бруевич решает и вторую задачу — изготавливает лампу, на аноде которой может рассеиваться несколько большая мощность благодаря применению массивной конструкции его. 11 января 1920 года в радиолaborатории производится первая проба радиотелефонной передачи; через четыре дня, 15 января, происходит опытная радиотелефонная передача из Нижнего в Москву при 30 ваттах мощности в антенне.

Ряд затруднений в работе радиолaborатории вынудил М. А. Бонч-Бруевича обратиться с просьбой о содействии прямо к Владимиру Ильичу Ленину. Автор этих строк едет в Москву, передает письмо Бонч-Бруевича через одного из членов коллегии НКПиТ² Ленину и с ответом Владимира Ильича возвращается в Нижний. Так было получено хорошо известное в настоящее время всем советским радистам письмо Владимира Ильича, датированное 5 февраля 1920 года.

С гениальной прозорливостью Владимир Ильич в этом письме оценивал перспективы радиотелефонии:

«Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам»³.

Через полтора месяца, 17 марта 1920 года, Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Оборона, в котором говорится:

¹ Воспоминания П. А. Острякова полностью опубликованы в книге: *Остряков П. А. Михаил Александрович Бонч-Бруевич*. М., Связьиздат, 1953. *Ред.*

² Народный комиссариат почт и телеграфов (Наркомпочтель). *Ред.*

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 130. *Ред.*

«1. Поручить Нижегородской радиолaborатории Наркомпочтеля изготовить в самом срочном порядке, не позднее двух с половиной месяцев Центральную радиотелефонную станцию с радиусом действия 2000 верст.

2. Местом установки назначить Москву и к подготовительным работам приступить немедленно»¹.

Это постановление правительства поставило М. А. Бонч-Бруевича перед сложной задачей. Если схема передатчика была по существу уже решена, то вопрос о мощных лампах делал задачу в целом, как казалось на первый взгляд, совершенно неразрешимой.

Алюминиевый массивный анод пужного решения не дал, не допуская рассеяния значительной мощности. Становиться на путь применения большого количества маломощных ламп? После ликвидации блокады из полученной зарубежной литературы было видно, что именно на такой путь стала фирма Маркони, применив более 100 ламп в ламповом передатчике в Карпарвопе, а также американцы, поставив 300 ламп в Арлингтоне. Нет, надо идти принципиально иным путем.

— Будь в наличии тугоплавкие тантал или молибден, — размышлял Бонч-Бруевич, — это позволило бы создать тугоплавкий анод и повысить рассеиваемую мощность. Но выплавки и проката этих металлов в России не было, а сейчас страна в блокаде и добыть эти металлы из-за границы безнадежно.

Но на столе Бонч-Бруевича в радиолaborатории лежит письмо Владимира Ильича. Оно давно уже выучено наизусть. Оно говорит о газете без бумаги и «без расстояний». Значит, поставленная Лениным задача должна быть решена. Значит, надо искать другие варианты. Нельзя же из-за отсутствия тантала идти на моральный крах — признать свое бессилие, говорить, что задача невыполнима!

Трудные это были времена для работы. Ночью город погружался в непроглядную тьму, не было не только молибдена или тантала, не хватало хлеба и топлива. В пальто и в шапке сидел Бонч-Бруевич в лаборатории, снова и снова возвращаясь к мысли о задаче, поставленной Владимиром Ильичем. Ведь только подумать: сам Ленин, при своей исключительной нагрузке, постоянной занятости неотложными вопросами, нашел время написать ему, Бонч-Бруевичу! Сам Ленин говорил о радиотелефоне! Сам Ленин думает об этом! Это значит — задача стоит в одном ряду с теми, которые обдумывает Ленин. Воля вождя должна быть выполнена во что бы то ни стало. И опять мысли Бонч-Бруевича вертятся вокруг отсутствующего тантала и вытекающих отсюда осложнений...

¹ Декреты Советской власти, т. VII. М., 1975, с. 567—568. *Ред.*

В конце 1920 года по Хорошевскому шоссе мимо Ваганьковского кладбища катился грузовик. В ненастных сумерках содержимое грузовика смахивало на театральные декорации. В действительности же на грузовик были погружены фанерные панели макета радиотелефонного передатчика мощностью 5 киловатт, собранного в Нижегородской радиолaborатории. Тут же притулились и сами экспериментаторы. Они спешили на Ходынскую радиостанцию. Под ее мачтами должен был начать свою опытную работу макет передатчика и передать радиотелефонограмму в Берлин. Там эту передачу должны были слушать инженеры фирмы «Телефункен». У них действующего радиотелефона не было. Надежды на успешность задуманного опыта были твердые: два месяца назад работа радиотелефонного передатчика была успешно принята в Обдорске и в Ташкенте.

Через сутки макет передатчика был установлен, и, когда до семи часов по средневропейскому времени осталось не более получаса, тогда вдруг спохватились насчет текста передачи. Это приехавший из наркомата переводчик поинтересовался, а что, собственно, надо перевести и передать по радио. Все участники предстоящего опыта принялись за коллективное сочинительство. Как ни старались братья-сочинители, но избыток чувств давал себя знать и каждая вносимая на обсуждение телефонограмма изрядно смахивала на письмо запорожцев турецкому султану. Из-за дискуссий по поводу текста опоздали с началом передачи на 5 минут, в течение которых представитель НКПиТ, находившийся с инженерами фирмы «Телефункен» на немецком приемном пункте — станции Гельтов, сгорал от стыда, а инженеры фирмы участливо соболезновали. Через 5 минут роли переменялись: теперь уже соболезновал инженер-рам фирмы представитель НКПиТ, а они сконфуженно оправдывались.

Односторонний радиотелефонный разговор с Берлином был для М. А. Бонч-Бруевича счастливым моментом его жизни. Он оправдал доверие Ленина, он выполнил задание Ленина, показав осуществимость газеты без бумаги и «без расстояний».

Учитывая результаты опыта на Ходынской радиостанции, В. И. Ленин дал задание Наркомпочтелю подготовить проект декрета о сооружении радиотелефонной станции в Москве и указать кандидатуру начальника строительства. Когда проект декрета был представлен, а кандидатом в начальники стройки был назван автор этих строк, Владимир Ильич 26 января 1921 года пишет управляющему делами Совнаркома:

«...Этот Бонч-Бруевич (не родня, а только однофамилец Вл. Дм. Бонч-Бруевича), по всем отзывам, *к р у п н е й ш и й* изо-

бретатель. Дело *гигантски важное* (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствованном Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим сотни, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве).

Очень прошу Вас:

1) следить специально за этим делом, *вызывая Острякова и говоря по телефону с Нижним;*

2) провести прилагаемый проект декрета *ускоренно* через Малый Совет. Если не будет быстро единогласия, обязательно приготовить в Большой СНК ко вторнику;

3) сообщать мне два раза в месяц *о ходе работ*¹.

Вслед за этой запиской, в которой Владимир Ильич подчеркнул оперативные моменты, он 27 января 1921 года подписывает декрет о радиотелефонном строительстве, в котором говорится:

«Ввиду благоприятных результатов, достигнутых Нижегородской радиолaborаторией по выполнению возложенных на нее постановлением Совета Труда и Оборона от 17 марта 1920 г. заданий по разработке и установке телефонной радиостанции с большим радиусом действия — Совет Народных Комиссаров постановил:

Поручить Народному Комиссариату Почт и Телеграфов оборудовать в Москве и наиболее важных пунктах Республики радиоустановки для взаимной телефонной связи».

Далее намечалась широкая программа радиотелефонного строительства и подчеркивалась особая государственная важность и исключительная срочность этих заданий, которые причислялись к группе ударных работ.

Изготовление большой серии радиотелефонных передатчиков и приемников было снова поручено Нижегородской радиолaborатории. Высшему Совету Народного Хозяйства поручалось принять срочные меры к расширению и оборудованию мастерских Нижегородской радиолaborатории.

Срок постройки радиотелефонной станции в Москве Владимир Ильичем был установлен в 6 месяцев. Это был очень сжатый срок. М. А. Бонч-Бруевич должен был, прежде чем построить мощный передатчик, усовершенствовать свои охлаждаемые водой лампы. Он успешно справляется с работой, доводя рассеяние мощности на аноде до 1,2 киловатта. Генераторная часть радиотелефонного передатчика должна была состоять из 8 таких ламп; столько же ламп предполагалось поставить в модулятор. Мощность, отдаваемая генератором, как ожидалось, достигнет 10—12 киловатт. По тем временам это должна была быть самая мощная не только в СССР, но и во всем мире радиостанция. На Западе и в США не было мощных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 54. Ред.

генераторных ламп и не могло быть поэтому и мощной радиостанции.

Хуже шли дела у строителя радиостанции, который должен был строить здание и мачты в Москве и в то же время обеспечивать работы лаборатории в Нижнем, где положение к тому времени весьма осложнилось: город остался без топлива и Нижегородская электростанция остановилась — сказывались последствия гражданской войны. В довершение всех бед прекратил работу в Петрограде завод «Нефтегаз», поставлявший лаборатории баллоны с сжатым газом, которые еще с 1918 года по идее В. Н. Подбельского перевозились в Нижний в почтовых вагонах.

Однако работу по изготовлению передатчика и мощных ламп для него ни срывать, ни откладывать нельзя. Значит, надо строить свою небольшую электростанцию и миниатюрный газовый «завод». На это срочно понадобились деньги.

Спешно привезли два дизель-генератора по 150 лошадиных сил из Детскосельской радиостанции и начали строить здание электростанции во дворе радиолaborатории. Удалось почти окончить кладку стен, но на этом строительство прекратилось. Для дальнейших работ не хватило денег. Сметами эти работы не предусматривались. Тогдашние руководители НКПиТ вообще считали, что собственная электростанция радиолaborатории не нужна; можно подождать подвоза топлива на городскую электростанцию. Поэтому обращения в НКПиТ, а затем в Наркомфин оказались безрезультатными.

У ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Автору этих строк хорошо памятен день, когда он, обегав в Москве все инстанции и испробовав все возможности, вернулся в Московское отделение Нижегородской радиолaborатории на Большую Дмитровку (ныне Пушкинская улица), 22, с пустыми руками. Положение казалось безвыходным. Везде было категорически отказано. Между тем для продолжения строительства позарез нужно было 35 тысяч рублей.

Мелькнула в голове мысль: обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу. Несмотря на всю кажущуюся нелепость такого выхода, он оставался единственным. Итак, решено: надо обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу. Лучше всего написать ему письмо.

Вырвав из ученической тетрадки два листка, я набросал это письмо. Я очень волновался, когда писал его. Чем дальше писал, тем более волновался. Получилось четыре страницы. Перечитать написанное я уже не мог, меня охватил припадок нервной лихорадки.

Запечатав письмо в конверт, я надписал адрес, выбежал на улицу, взял извозчика и поехал к Троицким воротам Кремля, находящимся около манежа. Сдал письмо в окошечко для почты и пешком вернулся на Б. Дмитровку. Это было около двух часов дня.

Приблизительно через час в моей комнате раздается телефонный звонок:

— Говорит секретарь Совнаркома. Это вы писали Владимиру Ильичу?

— Я!

— Приезжайте сейчас в Кремль. Он вас примет!

От неожиданности я растерялся. К докладу Владимиру Ильичу я совершенно не был подготовлен. Кое-как собравшись с мыслями, я набросал краткий конспект того, что нужно доложить Владимиру Ильичу. Решил взять с собой отштампованный кусок стали от машины высокой частоты, которую строил в Нижнем Новгороде В. П. Вологдин. Из таких листов стали толщиной в доли миллиметра собирались пакеты, а из пакетов — статор машины. Сталь эту В. П. Вологдину удавалось прокатывать на одном из заводов Урала. Взял с собой и некоторые детали электронных ламп.

Вот я опять у Троицких ворот, а потом в секретариате Совнаркома. Секретарь сказала мне, что я должен немного подождать. Минут через двадцать через одну из дверей вышел какой-то крестьянин, по-видимому ходок. По возбужденному лицу, горящим глазам посетителя я понял, что там, за дверью кабинета — Ленин. Действительно, мне предложили туда войти.

Владимир Ильич протянул мне руку и сказал (конечно, первые слова Владимира Ильича, ходившего по кабинету, врезались в память):

— Если вы будете писать мне в следующий раз — печатайте на машинке. Я с трудом прочел ваше письмо.

Я ответил что-то насчет того, что я и не очень надеялся, что письмо дойдет до него.

— Тогда для чего же вы мне его писали?

Ответить на этот вопрос мне было нечего.

— Ну, рассказывайте, что у вас там произошло?

Я коротко изложил положение, в котором оказалась постройка электростанции, рассказал, почему она необходима, что такое электронная лампа и для чего она нужна. Показал детали и лист стали от машины высокой частоты.

Владимир Ильич внимательно меня выслушал, взял телефонную трубку, вызвал Наркомфин, и вопрос о получении денег был сразу же решен. Деньги я получил на следующий день.

Вся эта беседа заняла минут двадцать. Я поднялся и собрался было уже уходить, но Владимир Ильич остановил меня

и спросил, знаю ли я изобретателя Чейко. Я ответил, что знаю.

— Что же вы думаете об его изобретении?

Я сказал, что, по-моему, все это дело похоже на авантюру. Владимир Ильич неодобрительно взглянул на меня, наморщился и предложил подробно объяснить, почему я так думаю.

Дело было в следующем. Незадолго до описываемых мною событий в Нижегородскую радиолaborаторию был прислан этот изобретатель Чейко. Он, по его словам, изобрел способ производить взрывы на расстоянии при помощи электромагнитных волн. В стенах радиолaborатории его работы были засекречены, и мы к нему не входили. Однако по той аппаратуре, которую он требовал со склада, было ясно, что пороху ему не выдумать, а тем более не взорвать. Вот почему я и позволил себе так резко отозваться об этом изобретении.

Мне пришлось, однако, по требованию Владимира Ильича изложить более мотивированные объяснения. Я доложил Владимиру Ильичу, что, на мой взгляд, изобретая способ взрыва на расстоянии с помощью электромагнитных волн, можно идти двумя путями. Первый путь — это направить пучок волн такой частоты, которая бы вызвала какие-то собственные колебания в молекулярной, а может быть, и атомной структуре взрывчатки, например пироксилина. Здесь встает вопрос о микроволнах, микроколебаниях электронной структуры материи. Второй способ — это направить на пироксилиновую шашку пучок лучей, может быть просто тепловых, и без явлений резонанса, чисто насильственным, вынужденным способом заставить ее загореться, а потом и взорваться, что, впрочем, для пироксилина не обязательно.

Что же касается изобретателя Чейко, то он не работает ни над той, ни над другой потенциальной возможностью. Это видно по аппаратуре, которой он пользуется.

В то время как я все это излагал Владимиру Ильичу, мне пришлось касаться вопросов электронной теории, строения вещества, электромагнитных волн. Ответные реплики Ленина приводили меня порой в смущение. «Откуда он все это знает?» — нередко мелькала мысль.

Лишь через несколько лет я прочел классическую работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»¹, книгу столь необходимую для каждого инженера, и увидел, что мое изложение электронной теории на самом деле не требовалось. Эрудиция Владимира Ильича как теоретика-физика была столь же необъятна, как и социолога.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18. Ред.

ПЕРВАЯ РАДИОТЕЛЕФОННАЯ СТАНЦИЯ

На этом моя беседа с Владимиром Ильичем закончилась. Я получил приказание доносить ему о ходе работ как по постройке электростанции в Нижнем Новгороде, так и по вскоре начавшейся стройке радиотелефонной станции. Мне был выдан мандат за личной подписью Владимира Ильича, датированный 18 февраля 1921 года, за № 1505. В этом мандате говорилось:

«Радиотелефонное строительство признано чрезвычайно важным и срочным, в силу чего:

1. Председателю совета Нижегородской радиолaborатории тов. *Острякову* вменено в обязанность использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для скорейшего окончания работ по постройке радиотелефонных станций...»

Силовая электростанция и газовый завод были построены в срок, но назначенные шесть месяцев для окончания работ по строительству радиотелефонной станции прошли, а она готова не была. Причины невыполнения задания в срок разбирала Л. А. Фотиева. Перед ней сидели строитель станции — автор этих строк — и председатель ВСНХ. Срок окончания работ по строительству был отодвинут, а постановлением Совнаркома строителю был объявлен выговор за срыв этого срока, председателю ВСНХ — выговор за непринятие исчерпывающих мер.

Прочитав заметку об этом в «Известиях ВЦИК», строитель станции меланхолично вспомнил полученные им в молодости три наряда вне очереди за зарядку аккумулятора для Бонч-Бруевича в умывальной комнате инженерного училища и решил, что ему, очевидно, так на роду и написано — получать колотушки при совместной работе со своим патроном. Однако по окончании строительства радиотелефонной станции строитель ее также в «Известиях ВЦИК» прочел, что постановлением Совнаркома ряду руководителей и участников строительства, в том числе и ему, объявлена благодарность и назначена премия.

Так была построена в 1922 году в Москве на Вознесенской улице (ныне улица Радио), за Курским вокзалом, радиотелефонная ламповая станция. Ее эксплуатация началась 21 августа 1922 года, а 17 сентября 1922 года был дан первый большой радиоконцерт с участием Н. А. Обуховой и других выдающихся артистов Советской республики. Через эту станцию и началась регулярная передача «газеты без бумаги и «без расстояний»».

За несколько месяцев до пуска станции Владимир Ильич в письме своем от 11 мая 1922 года пишет наркомуч почт и телеграфов:

«Прочитал сегодня в «Известиях» сообщение, что Нижегородский горсовет возбудил ходатайство перед ВЦИК о предоставлении Нижегородской радиолaborатории ордена Трудового Красного Знамени и о занесении профессоров Бонч-Бруевича и Вологодина на красную доску.

Прошу Вашего отзыва. Я, с своей стороны, считал бы необходимым поддержать это ходатайство...»

Далее в этом же письме Владимир Ильич поручает народному комиссару почт и телеграфов прислать, «по возможности самый короткий, отзыв Бонч-Бруевича о том, как идет его работа по изготовлению рупоров, способных передавать широким массам то, что сообщается по беспроволочному телефону».

Владимир Ильич еще раз напоминает:

«Эти работы имеют для нас исключительно важное значение ввиду того, что их успех, который давно был обещан Бонч-Бруевичем, принес бы громадную пользу агитации и пропаганде»¹.

Примерно через неделю Владимир Ильич вновь возвращается к вопросу о радиовещании. 19 мая 1922 года он диктует по телефону письмо И. В. Сталину с просьбой переслать это письмо вкруговую всем членам Политбюро. Ознакомившись с докладом Бонч-Бруевича о работах по радиовещанию, Владимир Ильич пишет:

«Товарищ Сталин,

...Этот Бонч-Бруевич, доклад которого я прилагаю, — крупнейший работник и изобретатель в радиотехнике, один из главных деятелей Нижегородской радиолaborатории.

Из этих докладов видно, что в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроволочному радиосообщению живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции, делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике, отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст...

Поэтому я думаю, что ни в коем случае не следует жалеть средств на доведение до конца дела организации радиотелефонной связи и на производство вполне пригодных к работе громкоговорящих аппаратов»².

В тот же день в дополнительном письме Владимир Ильич еще раз подчеркнул, что финансирование радиолaborатории из золотого фонда он считает возможным при условии, что радиолaborатория максимально ускорит разработку усовершенствов-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 255. Ред.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 194—195. Ред.

вания и производства громкоговорящих телефонов и приемников.

19 сентября 1922 года, после пуска Московской радиотелефонной станции, Нижегородская радиолaborатория получила высокую правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени. В том же постановлении ВЦИК особо отмечал деятельность научных руководителей лаборатории: М. А. Бонч-Бруевича, В. П. Вологодина, А. Ф. Шорина.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 701—710

ОДИН ИЗ КУЛЬТУРНЫХ ЗАВЕТОВ ЛЕНИНА

Мнение Ленина о беспартийных специалистах и об учительстве хорошо известно.

К крупным научным специалистам Ленин чувствовал весьма большое уважение. Это по его инициативе сделан был шаг, казавшийся в то время очень смелым, а именно включение очень большого количества беспартийных ученых в органы ВСНХ и Госплана.

К учителям Ленин тоже относился с большим уважением. Я помню, как однажды я прочел ему по телефону очень тревожную телеграмму, в которой говорилось о тяжелом положении учительства где-то в северо-западных губерниях. Телеграмма кончалась так: «Шкрабы голодают». «Кто? Кто?» — спросил Ленин. «Шкрабы, — отвечал я ему, — это новое обозначение для школьных работников». С величайшим неудовольствием он ответил мне: «А я думал, это какие-нибудь крабы в каком-нибудь аквариуме. Что за безобразие — назвать таким отвратительным словом учителя! У него есть почетное название — народный учитель. Оно и должно быть за ним сохранено».

Ленин беспрестанно указывает на то, что строить социализм, а также социалистическую культуру руками одних коммунистов никак невозможно. Специально в области просвещения ему принадлежат и письменная, и устная директивы о необходимости привлечь на нашу сторону более чем полумиллионную армию работников просвещения.

В моих разговорах с Владимиром Ильичем по этому поводу я постоянно слышал от него такие советы:

— Надо сделать само учительство, саму просвещенскую массу проводниками не только общей культуры, но и наших коммунистических идей в самую глубину деревни, не говоря уже о городе. Дифференцируйте их, выбирайте тех, которые поактивнее, помогайте им выдвинуться, постоянно заботьтесь о нормальном выдвижении учителей на руководящие посты,

делайте своей опорой активных, наиболее интеллигентных работников школы. Пусть они организуют потом и других. Привлекайте их в ваши губернские ОНО¹ и вводите их в наш аппарат, вплоть до коллегии Наркомпроса. Конечно, среди всякого рода специалистов и крупного учительства имеются черносотенные, эсеровские и меньшевистские течения. С ними надо бороться, подчас беспощадно. Но многих тут можно переубедить. За нас — правильность наших идей и наша победа. Надо вырвать из-под враждебного влияния колеблющихся учителей. Это относится и к специалистам других областей. Ведь на одних коммунистах далеко не уйдете. Конечно, очень важно воспитать и среди коммунистов, особенно в комсомоле передовые кадры работников культуры; придет время, когда они будут высоки по качеству и достаточно мощны, и, чем скорей придет это время, тем лучше. Но в течение всего ближайшего времени вы не добьетесь, конечно, такого положения, когда вы могли бы строить просвещение одними коммунистическими руками. И дело тут не только в том, чтобы низовая часть работников состояла из беспартийных, которыми руководят партийные. Ничего подобного. Нужно, чтобы в ваших штабах были использованы положительные, симпатизирующие нам, идущие по пути с нами педагогические силы.

Но он прибавлял к этому:

— Если вы позволите произойти процессу рассасывания наших коммунистических начал, если вы растворитесь в беспартийной среде, это будет величайшее преступление. Но если вы замкнетесь в сектантскую грушкунку, в какую-то касту завоевателей, возбудите к себе недоверие, антипатию среди больших масс, а потом будете ссылаться на то, что они-де мещане, что они чуждый элемент, классовые враги, то придется спросить с вас со всей строгостью революционного закона.

Тут Ленин смеялся, но в то же время весьма серьезно грозил пальцем:

— Вы должны прекрасно понимать, что наше дело — отвоевать из этого массива все больше и больше союзников; и кто этого делать не умеет, тот за дело строительства браться не должен.

Луначарский А. В. О Владимире Ильиче. Сборник статей и воспоминаний. М., Партиздат, 1933, с. 43—45

¹ Отделы народного образования. *Ред.*

ЖИВОЙ ИЛЬИЧ

Много лет ¹ прошло с тех пор, как я имел счастье встречаться и беседовать с Лениным. Немало впечатлений и воспоминаний об этом бережно хранит моя память. Но то, о чем хочется рассказать, это даже не воспоминание, а ощущение — оно не исчезло и никогда не исчезнет — ощущение тепла, которое излучал Ленин.

Насколько сильна была ненависть Ленина к врагам революции, настолько же велика и неисчерпаема была его любовная забота о людях, нужных, по его мнению, делу партии, стране. Эту заботу Ильича мне довелось испытать и на себе.

В октябре 1919 года Совет Обороны назначил меня председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями на Туркестанском и Юго-Западном фронтах. В течение получаса Ленин в своем рабочем кабинете подробно и обстоятельно беседовал со мной о предстоящей работе. Вручая мне мандат за своей подписью, он решил, что надо сделать что-то, что еще больше облегчило бы мою задачу. И вот кроме официального мандата я получаю еще личную записку, которая должна была меня выручать в трудных случаях.

Мы попрощались. Я готовлюсь к отъезду. Но меня неожиданно вызывают в одно учреждение. Явившись туда, нахожу портного, которому, оказывается, предложено снять с меня мерку и срочно сшить кожаный костюм. Оказалось, что и об этом распорядился Ленин, учитывая условия предстоявшей работы.

Ильич напутствовал меня предложением — в трудные минуты немедленно связываться с ним по прямому проводу. Я не хотел злоупотреблять этим разрешением и старался в дальнейшем решать все вопросы на месте, хотя трудностей в противоэпидемической работе на фронтах встречалось немало.

¹ Воспоминания написаны в 1940 году. *Ред.*

Однажды положение создалось настолько острое, что я решил из Самары протелеграфировать Ленину о крайне тяжелом положении с медицинским персоналом, особенно со средним. И что же — вскоре меня вызвали к прямому проводу. Узкая ленточка телеграфа передала обещание Ленина принять срочные меры помощи нам. И действительно, по его инициативе была немедленно проведена мобилизация зубных врачей в качестве среднего медицинского персонала. Кроме того, Наркомздраву было предложено выделить часть врачей для работы на фронте. Очень скоро фронт получил необходимое медицинское подкрепление.

Такое же внимание проявлял Владимир Ильич ко всем дальнейшим требованиям, связанным с противозидемической работой на фронте. В частности, по личному распоряжению Ленина я получил из резервов ВСНХ 11 вагонов белья для больных.

При отправке на Южный фронт¹, когда наша комиссия находилась уже в вагоне и ждала отправления с Казанского вокзала, меня вдруг вызвали к телефону коменданта станции. Был праздничный день, и члены комиссии даже всполошились: что случилось, уж не отменяется ли поездка? Но оказалось другое: звонил Ильич. Он хотел знать, как мы устроились, дали ли нам отдельный вагон, удобен ли он, достаточно ли нам тепло.

* *
*

Как никто, Ильич умел заботиться о здоровье окружающих. Поглощенный государственными заботами, руководивший борьбой многомиллионного народа, Ленин в то же время зорко, отечески приглядывался к окружающим и поднимал тревогу, если замечал в ком-нибудь признаки болезни или переутомления.

— Что-то он плоховато стал выглядеть, товарищ Вейсброд, надо бы к нему съездить, — обращался он ко мне, имея в виду какого-нибудь товарища. — Узнайте-ка, не нужно ли там чего-нибудь. Я вам дам машину.

Не один раз приходилось мне слышать это от Владимира Ильича.

— Вас надо привлечь к ответственности за небрежное отношение к государственному добру — к себе! — с этой фразой Ильич часто обращался то к одному, то к другому из советских работников.

Но, умея проявлять такую заботу о других, Ленин был в то же время исключительно скромен, когда дело касалось его самого.

¹ 6 января 1920 года. *Ред.*

Находясь у постели тяжело раненного Ильича после злодейского выстрела эсерки Каплан, когда лишь случайный и счастливый поворот головы спас его от смерти, мы, врачи, естественно, испытывали чувство волнения и острой тревоги за жизнь человека, ради которого каждый из трудящихся охотно пожертвовал бы своей жизнью.

Видя и чувствуя это, он старался приободрить нас, уверить, что ему лучше, что он не нуждается в чрезмерном внимании врачебного персонала.

— Что вы сидите около меня, разве у вас нет дела в больнице? — говорил Владимир Ильич.

Ленин быстро выздоравливал, и о его состоянии ежедневно извещали страну специальные бюллетени. Волны народного беспокойства и любви стучались в двери комнаты, где шла борьба за жизнь вождя. В тысячах запросов и телефонных звонков у нас требовали новых и новых ответов и сообщений. Никогда не забыть мне момента, когда Владимир Ильич, взяв очередной медицинский бюллетень о своем здоровье, собственной рукой сделал на нем приписку о том, что чувствует себя хорошо и просит не беспокоить врачей излишними запросами.

И тут сказалось его стремление избавить ухаживающих за ним людей от излишнего труда и хлопот.

Когда состояние Владимира Ильича стало значительно лучше, я стал отлучаться в 1-ю Градскую больницу, где тогда работал. Владимир Ильич проявлял живой интерес к делам больницы. Он расспрашивал о ее состоянии, достаточно ли продуктов для питания больных, где и как мы их раздобывали.

Едва почувствовав себя сносно, Ленин стал пренебрегать советами врачей и возобновил напряженную работу. Вскоре после ранения мне пришлось однажды ночью, по просьбе Марии Ильиничны, позвонить по телефону на заседание Совнаркома, чтобы оттуда заставили уйти Владимира Ильича.

— Ничего не можем с ним сделать, — ответил товарищ Я. М. Свердлов. — Единственный выход — закрыть сейчас заседание.

* *

*

О любви Владимира Ильича к детям много рассказывалось и писалось. Мне приходилось не раз наблюдать проявление этой любви. Но сказать только, что Ленин был добр и ласков с детьми, — этого недостаточно.

В нашей стране любят детей очень многие. Но не все умеют подойти к ребенку, чтобы завоевать его доверие, не навязываясь к нему со своей лаской, не сюсюкая. Владимир Ильич прекрасно знал детскую психику, умел подойти к ребенку с такой же серьезной простотой, с какой он подходил к любому взрослому человеку.

Мне особенно запомнился такой случай, происшедший в 1920 году в Горках. Мы гуляли по саду, когда навстречу нам выбежала маленькая девочка. Владимир Ильич остановился и молча залюбовался ею. Его глаза засветились любовью и лаской. Девочка тоже остановилась и, широко раскрыв свои глазенки, молча и серьезно смотрела на Ленина. Я вздумал окликнуть и позвать ее; девочка, конечно, сразу смутилась и убежала. И надо было видеть, с каким огорчением Ленин смотрел вслед ребенку и как укоризненно отчитывал меня за эту маленькую, но грубую педагогическую ошибку.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 474—477

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

К великому несчастью для всех нас, болезнь заставила Владимира Ильича отойти от фактического руководства государственной работой еще в тот период, когда наша внешняя торговля только-только начинала становиться на ноги. Правда, Владимир Ильич еще председательствовал в Совнаркоме, когда наши операции по ввозу заграничных товаров начали принимать характер крупных сделок, но возникновение и развитие нашего экспорта — а от развития экспорта зависит и наш импорт — относится к тому времени, когда Владимир Ильич уже не имел возможности пристально следить за работой государственной машины.

Вначале отношение Владимира Ильича к нашей внешней торговле или, вернее, к нашей способности практически справиться с ее задачами было несколько скептическое. Когда я развивал Владимиру Ильичу планы о том, что пароходы с нашим сырьем десятками и сотнями пойдут за границу, что развитие нашего экспорта обеспечит нам правильный приток иностранной валюты и что через каких-нибудь 5 лет мы добьемся постоянного перевеса вывоза над ввозом, то есть активного торгового баланса, Владимир Ильич, по своему обыкновению прищуривав один глаз, искоса поглядывал на меня и безнадежно махал рукой, роняя иногда своей милой, незабываемой, слегка картавой скороговоркой: «Какие уж мы торговцы». Этот скептицизм основывался не только на том отечески насмешливом недоверии, которое Владимир Ильич всегда проявлял, когда кто-нибудь из большевиков при нем начинал распространяться о своих практических достижениях, но и на оценке объективных внешних условий.

Владимир Ильич с глубочайшим недоверием относился к капиталистическому миру и в любую минуту ожидал с той стороны каких угодно затруднений и каверз. Блокада Советской России хотя и была официально снята январским

постановлением Верховного Союзного Совета в 1920 году, но в действительности она еще продолжалась, и сомнения в возможности беспрепятственной внешней торговли были более чем уместны. Скептицизм Владимира Ильича заходил так далеко, что он одно время даже сомневался, сможем ли мы закупать за границей товары на наше золото. Однажды он даже в полушутливой форме спросил меня: «Да сумеем ли мы израсходовать наше золото на закупку полезных и пужных товаров? Смотрите, как бы нам не опоздать». Разумеется, я успокоил Владимира Ильича уверением, то что касается расходования золота, то опасности в опоздании тут никогда не будет, а, напротив, придется принимать драконовские меры, чтобы не слишком быстро расходовать золотой запас. Несомненно, этот «золотой скептицизм» Владимира Ильича отразился в некоторых постановлениях Совнаркома, в частности, при отъезде моем за границу в марте 1920 года для торговых переговоров с Англией СНК постановил отпустить НКПС до 300 миллионов рублей золотом на закупку паровозов и другого железнодорожного имущества. Вероятно, эта ассигновка послужила впоследствии основанием для открытия золотых кредитов по увеличению сделанного в Швеции первоначального заказа от 100 паровозов до 1000 с лишним паровозов.

«Золотая» блокада, с которой нам пришлось столкнуться при наших первых закупках за границей, состоявшая в том, что по сговору буржуазных правительств и банков ни одна фирма и ни один банк не соглашались брать в оплату заказов нашего золота, является лучшим доказательством того, насколько прав был Владимир Ильич в своих опасениях по поводу внешней торговли. Эта «золотая» блокада причинила нашей республике потерю около 45 миллионов рублей и была изжита только ко времени подписания торгового соглашения с Англией в марте 1921 года.

Значение внешней торговли при начале наших заграничных сношений сводилось первоначально к срочному снабжению нашего транспорта и главных отраслей добывающей промышленности наиболее необходимыми материалами, запасными частями и инструментом: телеграфные аппараты для разрушенных гражданской войной железнодорожных станций, насосные станции, проволока, гвозди, топоры, пилы, напильники, инструментальная сталь, ремни и т. п. Основная директива, в утверждении которой участвовал Владимир Ильич, состояла в том, чтобы закупать только орудия и средства производства, сводя к минимуму закупку предметов потребления.

Катастрофическая засуха 1921 года и голод на Волге и в других областях, явившийся ее результатом, заставили в корне изменить эту директиву. Когда я летом 1921 года приезжал

из Лондона в Москву и пришел к Владимиру Ильичу в его кабинет, я застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно в ожидании, не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: «А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли хлеб в Россию Антанта?»

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было. Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, настаивая сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам.

Здесь не место излагать, как развивалась наша внешняя торговля. Возможность вывоза наших товаров открылась только после заключения торгового договора с Англией и после нескольких судебных процессов там же, создавших нам некоторую гарантию целостности и неприкосновенности наших товаров и наших денег. Только с этого момента появилась возможность вывоза нашего леса, льна, пеньки, пушнины и нефтепродуктов. С этого же времени во весь рост встал перед нами вопрос о монополии внешней торговли.

До того времени монополия внешней торговли казалась чем-то само собой очевидным, так как она вытекала из самой сущности «военного коммунизма». Переход к новой экономической политике сам по себе, конечно, уже ставил вопрос о монополии, но, пока не было экспорта, были затронуты лишь интересы главным образом заграничных импортеров. Поскольку капиталистическая заграница занимала по отношению к нам враждебное положение и Наркомвнешторгу было относительно нетрудно отстаивать свои позиции против притязаний заграничных купцов на свободный ввоз в Советскую Россию заграничных товаров, НКВТ¹ находил относительно легко поддержку партийных и советских органов.

Положение круто изменилось, как только явилась возможность продажи за границу российского сырья. У каждой почти организации, не только у хозорганов, но и у многих нехозяйственных наркоматов, оказались запасы льна, пушнины, щетины и других экспортных товаров. Возрождающаяся частная торговля и весь вообще нэп начали оказывать величайший нажим на НКВТ, стремясь к прорыву монополии внешней торговли. Общее увлечение лозунгом развития торговли начало принимать своеобразные формы некоторого советского меркантилизма, лозунгом которого было максимальное развитие

¹ Народный комиссариат внешней торговли. *Ред.*

торговли всеми и всяческими способами, и притом не только внутри страны, но и вовне. Практические интересы нэпа и многих государственных и хозяйственных органов нашли себе и «теоретическое» обоснование, а параллельно с этим развивался нажим со стороны заграницы, где, разумеется, все круги буржуазного общества, начиная с правительств и банков и кончая средними и мелкими комиссионерами и перепродавцами, являлись противниками монополии внешней торговли, которая в глазах западноевропейского буржуа является «большевистским чудовищем», как ВЧК или ГПУ. Вопрос о монополии внешней торговли был поднят и в советской печати, поместившей немало фритредерских статей с требованием если не отмены, то смягчения монополии внешней торговли¹. Вопрос обсуждался и в партийных кругах, и все это движение в конце 1922 года нашло себе выражение в предварительных постановлениях весьма влиятельных органов, проектировавших ослабление монополии внешней торговли настолько значительное, что мне при одном из выступлений по поводу этого предложения пришлось сравнить его с дырой в привязном воздушном шаре. Монополию внешней торговли не предполагалось уничтожать, предполагалось лишь установить свободный ввоз и вывоз для некоторых товаров и свободное открытие некоторых границ, что в конечном результате привело бы к столь же верному крушению всей системы нашей внешней торговли, как верным было бы падение на землю воздушного шара, если бы кто-нибудь проделал в его оболочке небольшую дыру.

Положение было очень опасное, почти безнадежное, и к кому же в таком случае идти, как не к Владимиру Ильичу?

Владимир Ильич с начала октября 1922 года, как известно, возобновил председательствование в Совнаркоме, но все время похварывал. Придя к нему, я узнал, что у него флюс и что он не выходит из квартиры. Однако уже на другой день сам Владимир Ильич с присущей ему величайшей во всех делах, даже в мелочах, заботливостью сам позвонил мне по телефону и назначил время для разговора. Когда я подробно изложил всю ситуацию, Владимир Ильич развел руками и признал положение очень серьезным: «Надо действовать». С этого момента я понял, что монополия внешней торговли спасена. Владимир Ильич проштудировал весь накопившийся по этому вопросу материал, дал задание написать тезисы в обоснование их взгля-

¹ Наиболее открыто на капитулянтские позиции по вопросу о монополии внешней торговли стали Бухарин и Сокольников. Эта позиция была резко осуждена В. И. Лениным в его письме «О монополии внешней торговли», написанном 13 декабря 1922 года для пленума ЦК РКП(б), на котором Владимир Ильич не мог присутствовать из-за болезни (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 45, с. 333—337). *Ред.*

дов тем товарищам, которые были сторонниками нового режима внешней торговли, возложив такую же задачу и на меня и дав обещание со своей стороны поддержать позицию НКВТ особым письмом.

В этом письме Владимир Ильич, по обыкновению, сразу берет быка за рога. «Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде»¹. Указание на неработоспособность НКВТ Владимир Ильич отмечает, как вопрос второстепенный, «ибо неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов, зависящая от их общей социальной структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по поднятию просвещения и уравнию вообще»².

НКВТ, защищая монополию внешней торговли, боролся против допущения к торговым сделкам, и в особенности к закупке сырья для вывоза за границу, частного капитала, утверждая, что тем самым в деревне был бы искусственно введен самый злостный эксплуататор — скупщик-спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной. Сторонники свободной торговли опровергали этот довод указанием на то, что допускаем же мы иностранный капитал в виде концессий. Если можно допустить концессионера, то с таким же основанием можно допустить и скупщика-экспортера. Владимир Ильич разбивает этот довод: «Ничего подобного не вытекает из концессий, в которых мы предусматриваем не только территорию, но и особое разрешение торговли особыми предметами, и еще, главное, мы держим в своих руках торговлю теми или иными предметами, сданными в концессию...»³

Владимир Ильич правильно оценивал значение таможенной и пограничной охраны, признавая, что наша граница держится не столько ими, сколько существованием монополии внешней торговли. На попытку сторонников свободной торговли характеризовать монополию внешней торговли как «систему Главзапора» Владимир Ильич отвечает: «Выражение «система Главзапора» принадлежит к тому характеру выражений, на которые Маркс отвечал в свое время выражением «фритредервульгарис», ибо ничего, кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы, здесь нет»⁴. По поводу одного из оппонентов⁵, предлагавших заменить монополию внешней торговли усиленной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 333. *Ред.*

² Там же, с. 334. *Ред.*

³ Там же. *Ред.*

⁴ Там же, с. 334—335. *Ред.*

⁵ Л. Б. Красин имеет в виду Бухарина. *Ред.*

таможенной охраной, Владимир Ильич писал, что «это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая,— что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми». Он (оппонент) «ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность навверняка».

С истинной глубиной мысли Владимир Ильич устанавливает здесь, что никакая таможенная охрана, никакие пошлины не могут защитить нашей промышленности от иностранной конкуренции, и только в монополии внешней торговли мы имеем тот оплот, который позволит возродить нам нашу промышленность, несмотря на иностранную конкуренцию.

Товарищи рабочие, вы должны запомнить эти слова великого учителя, запомнить его завет, по которому, только охраняя монополию внешней торговли, можно обеспечить защиту для нашей возрождающейся промышленности.

«Поэтому,— продолжает Владимир Ильич,— все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли». И дальше: «На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленностью, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение».

«Добавлю еще, что частичное открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле проникновения в Россию,

В. И. Ленин выступает
на Дворцовой площади в Петрограде
19 июля 1920 г.

В. И. Ленин среди делегатов III съезда комсомола.
Октябрь 1920 г.
Художник П. Белоусов (Фрагмент)

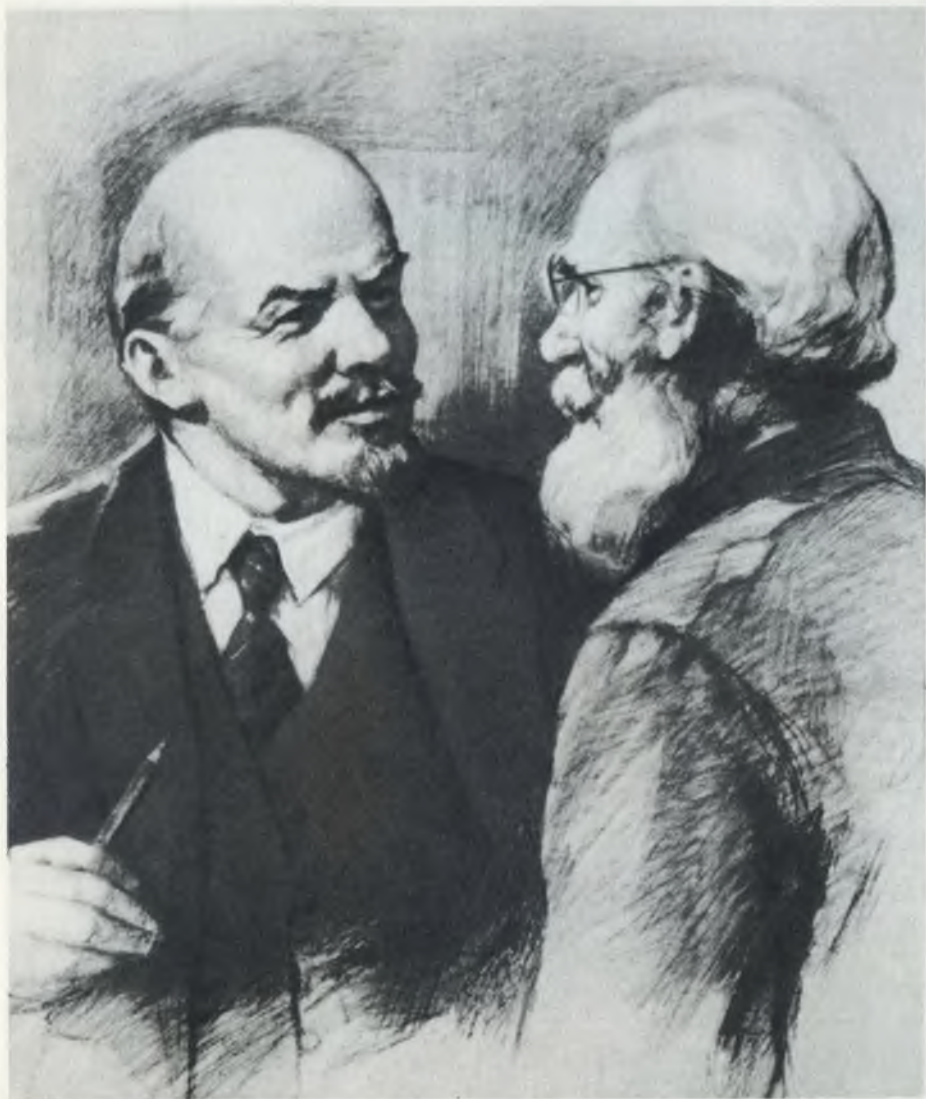
В. И. Ленин и Н. К. Крупская
среди крестьян деревни Кашино
в день открытия сельской электрической станции.
Ноябрь 1920 г.

В. И. Ленин выступает
на VIII Всероссийском съезде Советов.
Декабрь 1920 г.
Художник Л. Шматько (Фрагмент)

В. И. Ленин в группе делегатов II Всероссийского съезда
горнорабочих в Кремле.
Январь 1921 г.

В. И. Ленин беседует с крестьянином И. А. Чекуновым.
Февраль 1921 г.
Художник П. Васильев

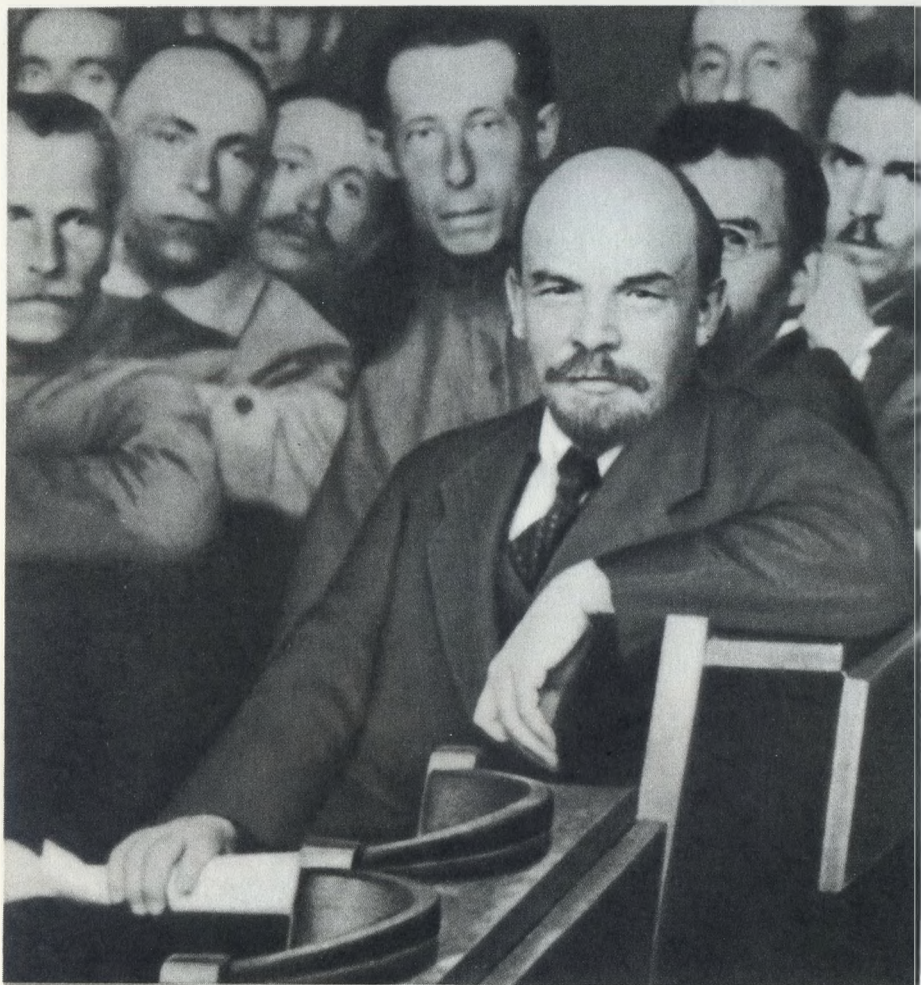
В. И. Ленин выступает с речью на заседании X съезда РКП(б).
Март 1921 г.

В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов
в группе делегатов X съезда РКП(б) — участников
подавления кронштадтского мятежа.
Март 1921 г.

В. И. Ленин с группой сотрудников «Центропечати»,
работавших над записью его речей на грампластинки.
25 апреля 1921 г.

В. И. Ленин среди делегатов
X Всероссийской конференции РКП(б).
Май 1921 г.

В. И. Ленин на испытании первого советского электропруга
в учебно-опытном хозяйстве
Московского высшего зоотехнического института
22 октября 1921 г.

Российская Коммунистическая Партия
(Большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Членский билет № 388

XI
СЪЕЗД
Р. К. П.
1922

Предъявитель сего, тов. Ленин - Ульянов В. И.

избран делегатом на 11-й съезд Российской Коммунистической партии с правом решающего голоса от

Петроградской

организации.

Секретарь Ц. К.

Член Мандатной ком

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ № 114482

Фамилия Ульянов (Ленин)

Имя и отчество Владимир Ильич

Год рождения 1870

Время вступления в партию 1893

Выдан Замоскворецк

райком (полное наименование организации)

Москва (выдающей билет)

Личная подпись В. И. Ленин (Ленин)

Место
фотографическ.
карточки.

М. П.

Секретарь Усова Райкома

6 мая 1922 г.

Членский билет № 388 делегата XI съезда РКП(б),
выписанный В. И. Ленину.
1922 г.

Партийный билет № 114482 на имя В. И. Ленина,
выданный Замоскворецким райкомом г. Москвы
6 мая 1922 г.

В. И. Ленин на прогулке в Горках.
1922 г.

В. И. Ленин на заседании
Совета Народных Комиссаров в Кремле.
3 октября 1922 г.

В. И. Ленин на заседании
Пленума ЦК РКП(б) в Кремле.
5 октября 1922 г.

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ

Р. К. и К. Д.

МОСКВА,

6 декабря мес. 1922 - г.

— 00 —

БИЛЕТ № 1.

Пред'явитель сего тов.

В. И.
Ульянов. (Ленин)

Кр-Преск. Трехгоран. М-ра
и завод совмещ.

Член Московского Совета Рабочих,
Крестьянских и Кр.-Арм. Депутатов,
созыва 1923 года.

Председатель М. С. Р.

Председатель Мандатной Комиссии

Секретарь М. С. Р. и К. Д.

Членский билет № 1 депутата Моссовета,
выписанный В. И. Ленину.
Декабрь 1922 г.

без малейшей возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничной России»¹.

Обвинение сторонников монополии внешней торговли, будто они не понимают всей важности усиления обращения товаров на внутреннем рынке, по мнению Владимира Ильича, устраняется созданием смешанных обществ, «ибо эти смешанные общества никакой иной цели не преследуют, как именно усиление циркуляции с сохранением реальной, а не фиктивной, как при таможенной охране, охраны нашей русской промышленности... Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают рядом и заграничный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков»².

Все это продиктовано Владимиром Ильичем 13 декабря 1922 года.

Выступление Владимира Ильича решило вопрос о монополии внешней торговли окончательно и бесповоротно. Мощная аргументация Владимира Ильича убедила тех товарищей, которые поколебались было одно время в этом вопросе, и, хотя сам он уже не смог выступать на XII съезде партии, вопрос о монополии внешней торговли не возбуждал ни в ком никаких сомнений, и резолюцией партийного съезда окончательно закреплен этот основной принцип нашей внешней экономической политики.

Но и в области самой внешней торговли этот год³ не прошел бесследно. Мы не только в два с лишним раза увеличили общий оборот нашего внешнего товарообмена, мы не только улучшили качественно состав нашего экспорта и импорта, переходя все более и более к осуществлению производственного принципа, но нам удалось уже в прошлом году добиться значительного превышения вывоза над ввозом, добиться активного баланса, и на будущий год превышение вывоза над ввозом представляется также вполне обеспеченным. Наши торговые аппараты постепенно, но неуклонно совершенствуются, мы одним ударом заняли почетное положение на международном хлебном рынке, наш экспорт во всех его отраслях развивается качественно и количественно, и западноевропейский деловой мир, имеющий с нами торговые дела, уже теперь может засвидетельствовать, что мы учимся и выучимся делу внешней торговли.

Известия, 1924, 26 января, с. 2

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 335—336, 337. *Ред.*

² Там же, с. 336. *Ред.*

³ Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

ПО ЗАДАНИЯМ ЛЕНИНА

В августе 1919 года я был назначен членом коллегии Народного комиссариата труда и членом Малого Совета Народных Комиссаров. В связи с этим мне выпало величайшее счастье видеться с Владимиром Ильичем почти ежедневно и работать с ним. У меня сохранились записи многих бесед.

Владимир Ильич хотя порой и крепко поругивал Малый Совнарком, но все же говорил:

— Это мой первый помощник.

А иногда, пронизируя над работой совнаркомовского аппарата, прибавлял:

— Это — мое исправление «управления» делами Совнаркома.

Владимир Ильич обладал замечательным умением по какой-нибудь мелкой детали доклада быстро докопаться до сути дела. Вспоминается такой случай.

Советский аппарат, как известно, все время сокращался. Однако наркоматы постоянно находили способы обойти решения о сокращении штатов. Владимир Ильич поставил этот вопрос на заседании Совнаркома. Он поручил П. И. Попову из ЦСУ (Центрального статистического управления) обследовать, как прошло сокращение штатов, и провести по всем советским учреждениям перепись фактически работающих людей до сокращения и после него. Попов в свою очередь поручил это своему аппарату, а тот составил докладную записку с таблицами и диаграммами.

По этой записке П. И. Попов и делал доклад. Выходило так, как будто проведено колоссальное сокращение штатов. Например, корреспонденты были сокращены на 50%, контролеры — на 70%, а авиаторы по Наркомзему — даже на 100%.

Когда дело дошло до авиаторов, Владимир Ильич, внимательно слушавший доклад, прервал Попова:

— Павел Ильич, это какие же авиаторы-то были в Наркомземе?

— А по борьбе с вредителями.

— Ну, а что же они в самом Наркомземе-то делали? Добро бы на полях, а то ведь в наркомате! Кого же они там уничтожали?

— А так сидели, вот их и сократили.

— Забавно, а сколько же их было?

— Сейчас.

Попов начал рыться по папкам с детальными данными.

— Вот... Ага... Наркомзем... Нашел! Авиаторы... графа «было» — один, графа «сокращено» — один, графа «осталось» — ноль, графа «% сокращения» — 100.

Всеобщий хохот. Веселей всех смеялся Владимир Ильич. Павел Ильич, недоуменно поглядывая поверх очков, переводил глаза с одного наркома на другого, а затем и сам начал смеяться.

Авиаторы из Наркомзема разоблачили весь фокус работников ЦСУ. Владимир Ильич по ниточке быстро добрался до сути. Оказалось, что в то время, как контролеров сокращено 500—600 человек, число инспекторов увеличено на 1 тысячу и т. д. В итоге «сокращения» штатов число сотрудников увеличилось.

Ну и попало же тогда Наркомтуду, который прохлопал этот саботажный трюк!

Установление штатов было передано Рабоче-крестьянской инспекции. Кроме того, Наркомтуду поручено было установить твердое число пайков для каждого наркомата, независимо от наличных сотрудников, и наркоматам было дано право распределять пайки по ценности работников (по количеству и качеству труда).

Насколько Владимир Ильич был против уравниловки, видно из того факта, что он горячо поддержал предложение организовать продовольственное снабжение по трудовым книжкам с выдачей хлеба по числу отметок о выходах на работу. Он создал комиссию под председательством Ф. Э. Дзержинского, которой поручил разработать вопрос о переводе снабжения с места жительства на место работы.

Характерно, что Троцкий назвал это «бюрократической затеей». Однако жизнь показала, что таким образом мы не только сэкономили огромные продовольственные ресурсы, но и сделали первый шаг к снабжению по труду.

Примерно в это же время Владимир Ильич горячо поддерживал и поставил в Совнарком первым вопросом предложение о повышении в полтора раза расценок при сверхурочных работах, а также предложение о введении премирования, в которое он внес ряд уточнений, направленных на усиление заинтересованности рабочих в результатах труда.

В противовес этим мероприятиям Зиновьев выдвигал свою программу — заинтересовать рабочих в производстве путем при-

мого и равного участия в прибылях предприятий. Понятно, это не могло создать личной заинтересованности рабочего в наибольшем повышении производительности труда и вообще ничего общего не имело с пролетарским социализмом.

Одна характерная деталь. Когда я докладывал результаты работ комиссии по продовольствию, Владимир Ильич очень беспокоился, не забыли ли мы одиноких стариков.

— Ведь за них никто не заступится, если мы их забудем, — говорил Ильич.

Несмотря на то, что я указал ему на пункт о порядке снабжения престарелых, Владимир Ильич возвращался к этому вопросу раза три-четыре.

Еще одна деталь. По нашему проекту буржуазия не получала продовольственных карточек. Мы рассуждали так: раз не снабжаем, нечего и бумагу тратить. Владимир Ильич с этим не согласился. Он предложил карточки выдать всем, а снабжать по труду.

— Мало ли что! Сейчас, конечно, мы их не снабжаем, а там видно будет. Надо все же дать карточки, это будет иметь моральное значение. Да и принципиально никого нельзя лишать права на хлеб. Заставить всех работать — это наше право и даже обязанность.

* *

*

Надо сказать еще об отношении Владимира Ильича к нередкой ведомственной драке между наркоматами.

Наркомтруд и Наркомздрав вели между собой систематическую «гражданскую войну» в связи с тем, что Наркомтруд ведал вопросами лечения рабочих (страховая медицина). Попытки примирить позиции Наркомздрава и Наркомтруда не давали никаких результатов. Вечные трения надоели Владимиру Ильичу. Во время одного из обсуждений этого дела он предложил посадить наркомов труда и здравоохранения в соседнюю комнату, запретив им выходить из нее (что бы с ними ни случилось), пока они не договорятся. Через час согласованное решение было готово!

Владимир Ильич придавал громадное значение дисциплине. При этом он считал, что исполнитель должен знать и проводить в жизнь прежде всего директивы *высших органов*. По этому вопросу у Владимира Ильича бывали столкновения с Троцким, с его заместителем Склянским и с Каменевым, которые считали, что для исполнителя обязательно распоряжение только непосредственного начальника.

По какому-то экстренному случаю Совнарком дал распоряжение о мобилизации автомашин в Москве. Гараж Московского Совета также должен был прислать несколько машин. Однако тогдашний председатель Московского Совета Каменев приказал

начальнику гаража не давать машин. Владимир Ильич поставил об этом вопрос в Совнарком, чтобы дать предметный урок всем наркомам. Был вызван начальник гаража (какой-то военный), который доложил, что он действовал по прямому приказу председателя Московского Совета. Владимир Ильич внес предложение: поручить ВЧК арестовать на месяц начальника гаража за неисполнение приказа Совнаркома.

Склянский начал бурно протестовать, требуя наказания Каменева, а не начальника гаража. Владимир Ильич лукаво улыбался:

— Видите ли, товарищи, председатель Московского Совета нам не подчинен. Пусть Склянский войдет в президиум ВЦИК с докладом о незаконных действиях Каменева. Мы же накажем того, кто является непосредственным виновником нарушения приказа Совнаркома.

Об отношении Владимира Ильича к товарищам, о его исключительной чуткости, а когда надо, и твердости свидетельствует следующий случай.

Одному из видных работников, ближайшему сотруднику Ленина товарищу N, было поручено очень ответственное административное и хозяйственное дело. Однако товарищ N в своей работе целиком доверился окружавшим его людям, оказавшимся прохвостами.

В Совнарком стали поступать тревожные сведения. Сказали Владимиру Ильичу. Он вызвал к себе товарища N. О чем они говорили — не знаю, но только Владимир Ильич поручил председателю Малого Совнаркома выделить (неофициально) товарища для негласного расследования, а кандидатуру представить ему. Мы наметили одного товарища. Владимир Ильич его отвел:

— Суховат.

Выделили другого — опять не подходит:

— Юрист — все запутает.

Выделили третьего — тот же результат. Наконец, Владимир Ильич предложил поручить это дело мне, как человеку свежему (я тогда только что приехал в Москву).

Прихожу к Владимиру Ильичу. Он рассказал мне это дело и в заключение прибавил:

— Вот так говорят. Боюсь, кое-что правда, но возможно, что и плетут на товарища N. Я с ним говорил — представьте, он заплакал, сказал, что если это правда, то он застрелится. Вот вам мандат, возьмите в Наркомвоене людей, сколько надо, поезжайте, проверьте, но сделайте так, чтобы его не обидеть, а то ведь он, чего доброго, и в самом деле с собой что-нибудь сделает.

С этими словами Владимир Ильич передал мне удостоверение на обследование. Дело было такое, что говорить об обиде,

на мой взгляд, было удивительно. Я вернул Владимиру Ильичу мандат и попросил послать другого товарища.

— Владимир Ильич, я навряд ли способен не обидеть человека, если он виноват в том, в чем его обвиняют.

Владимир Ильич прищурился:

— Ну, вот что. Не знаю, как вы меня поняли, но, может быть, я и в самом деле не объективен. Делайте, как считаете правильным. Но условие: все, что напишете, сперва покажите мне. Если будет что-нибудь очень неладное — предупредите меня. Приходите в любое время.

Я встал, забрал мандат. Владимир Ильич вышел из-за стола, положил руки мне на плечи и как-то особенно ласково сказал:

— Не сумеете не обидеть виноватого? Неужели вы всегда имеете дело только с людьми, неспособными ошибаться? Разве это возможно?

Потом добавил:

— Личное доверие — большое дело, но и факты — упрямая штука. Скажите мне все, что найдете, но не обижайте Н. Я его очень хорошо знаю. Он оказал нам большие услуги. Но кто знает, каких только глупостей не способен наделать человек! Ну, до свидания, приходите скорей!

Владимир Ильич дал мне хороший урок отношения к людям. Многие товарищи — что греха таить — считают, что, чем резче, громче (а порой и оскорбительнее) они разругают своих подчиненных за ошибки, тем это сильнее и скорей на них действует. Конечно, ленивого коня нельзя не подгонять. Но как постоянный способ воздействия этот метод никуда не годится.

Владимир Ильич *воспитывал* людей. Это был его основной метод. Репрессия для него была лишь примером, демонстрацией, уроком. Я не знаю случая, чтобы мелкие ошибки вызывали с его стороны раздражение, хотя в мелочах он всегда видел проявление, часть, сторону большого. Человек для Владимира Ильича всегда был целью движения. Но человека он не мыслил вне коллектива, вне задач борьбы за уничтожение эксплуатации. Что надо — то надо, но не больше того!

Вместе с тем на этом факте я увидел пример настоящей самопроверки, подчинения своих личных чувств общественному делу. Как ни твердо верил товарищу Владимир Ильич, но раз явилось сомнение — надо проверить.

Расследовать мне, собственно, ничего не пришлось. Все было ясно с первого взгляда. Оставалось лишь зафиксировать пяток наиболее типичных, «средней скандальности», фактов. Составил короткую записку, где спокойно рассказал, что обнаружил. В заключение указал, что виноват в этом больше всего тот, кто назначает неподходящих людей на административную и хозяй-

ственную работу, о которой они имеют весьма абстрактное понятие.

С этой запиской я прежде всего пришел к товарищу N. Очень спокойно, почти шутливо, как анекдоты, рассказываю ему о его работе и о жульничестве его помощников. Однако фактов отнюдь не смягчаю. Скорее наоборот. Он изумленно слушает. Брови его поднимаются все выше и выше.

— Вот негодяи, вот мерзавцы! Смотрите, что наделали! Что же это такое?

Даю прочесть записку. После подробного перечисления фактов суховатое изложение лишь небольшой их части, а главное вывод о виновности тех, кто неправильно использует людей, вполне удовлетворяет товарища. Я спрашиваю, согласен ли он со всем, что написано, не надо ли что исправить и вообще как, думает он, лучше рассказать все это дело Владимиру Ильичу.

— Все прекрасно. Я вполне согласен с запиской. Ничего не надо менять, я напишу, что согласен со всем.

Тут же, на моем акте, он написал, что со всем согласен, что факты и выводы верны.

Он горячо жмет мне руку, и мы расстаемся друзьями. Иду к Ильичу.

— Ну, как дела? Что выяснилось?

Рассказываю все по порядку. Владимир Ильич напряженно слушает, хмурится. В заключение передаю записку и говорю:

— Вот здесь я записал пару фактов и свои выводы.

Затем, как бы между прочим, говорю:

— Товарищ N со всем согласен.

Владимир Ильич удивленно подымает голову:

— То есть как? Вы ему показывали записку?

— Да, он прочел ее и написал, что со всем согласен.

— Чудеса!

Владимир Ильич сначала прочел приписку N, а затем начал читать записку. По мере чтения он все время перевертывал записку и читал приписку N, бросая замечания:

— И с этим он согласен!.. И с этим!.. Удивительно!

В конце он весело рассмеялся и воскликнул:

— Ах, вот в чем дело! Теперь все ясно! Это он обрадовался, что виновным во всем оказался я: не назначал бы его куда не следует. Ловко! Вдвоем легче нести вину... А как он — спокоен?

— Вполне. Он сказал, что сам зайдет к вам.

— Сейчас же передайте ему, пусть обязательно придет ко мне вечером. А записку вы оставьте мне, я уж все сделаю, что надо. Скажите председателю Малого Совнаркома, что дальше этим делом я сам займусь... А ловко вы это придумали! Я никак не ожидал такого результата.

— А я, Владимир Ильич, и не придумывал ничего. Что видел и как разумел, так и написал.

— Ну, ну, ладно. Тем лучше.

Товарищ N через некоторое время был снят с работы, причем это было сделано в очень осторожной форме. Сначала ему было поручено другое дело, отвлекшее его, а позже он получил новое назначение с освобождением от прежней работы.

* *
*

Хочется рассказать несколько комических эпизодов, относящихся к 1919—1920 годам.

Для разъезда после заседаний нам подавали ночью рыдван вроде автобуса, который пыхтел, скрипел, но все-таки развозил нас по домам. Однажды, часа в два ночи, мы прогуливались около Царь-пушки в ожидании машины. Вдруг из совваркомовского подъезда быстро выходит Владимир Ильич, наскоро жмет нам руки, сворачивает направо, к патриаршим покоям, оттуда снова переходит улицу у Ивана Великого и быстро идет к Спасским воротам.

Примерно через минуту из того же подъезда выбегает стрелок-латыш, постоянно охранявший Владимира Ильича после ранения.

— Вы не видели товарища Ленина?

— Как же, он пошел к Успенскому собору.

Товарищ бегом побежал в указанном направлении. Минут через пять он вернулся с растерянным видом.

— Что случилось?

— Да вот беда, только это я отлучился на минутку, вдруг слышу — отворилась дверь из кабинета Владимира Ильича и он прошел к выходу. Я наскоро схватил шинель и — за ним. Побежал к Боровицким воротам, а часовые говорят, что там он не проходил. Бегу сюда — нет. Словно сквозь землю провалился!

Мы посмеялись над неудачей товарища и ловкостью Владимира Ильича, сумевшего перехитрить свою охрану. Он никак не хотел примириться с тем, что после покушения была установлена охрана его.

Однажды я зашел по какому-то поводу в секретариат Ленина. Вдруг слышим из кабинета громкий, залихватый смех Владимира Ильича. Через минуту оттуда пулей вылетела Наташа Лепешинская, сотрудница секретариата, вся пунцовая, чуть не плача. После долгих расспросов она рассказала, что произошло в кабинете.

Скульптор Альтман в то время лепил из глины голову Ленина. С согласия Владимира Ильича скульптор работал в кабинете Ленина, но с условием — не отрывать его от занятий. В перерывах скульптура накрывалась мокрой тряпкой, чтобы глина не сохла.

Уходя, Альтман попросил Владимира Ильича намочить вечером тряпку. Владимир Ильич позвал Наташу и велел принести чайник холодной воды, а сам, сидя за столом, углубился в работу.

Наташа принесла воду. Владимир Ильич, не отрываясь от работы, сказал:

— Вылейте, пожалуйста, на мою голову.

Растерянная, недоумевающая Наташа с чайником в руках боязливо подходит к Владимиру Ильичу сзади и останавливается в нерешительности: лить или не лить?

Владимир Ильич обертывается, с удивлением смотрит на Наташу, а затем принимается хохотать, хватаясь за бока:

— Да не на эту, а вон на ту голову!

Показывает на скульптуру и хохочет.

* * *

В сентябре 1920 года по предложению народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупы ряд центральных работников, в том числе и я, был послан на места для организации продовольственных заготовок. Получив обширный мандат и мобилизовав в помощь себе пяток товарищей, я на другой же день выехал в Орел, где столкнулся с весьма печальной картиной. План заготовок был выполнен на 11%, причем у местных людей было убеждение, что все образуется само собой. Пришлось поднажать как на исполком, так и на губком партии. Провели мобилизацию партийцев. После основательной драки с военкомом добыл и красноармейцев для протрядов.

Дело пошло на лад. Миллионы пудов пшеницы, овса, картофеля двинулись в Москву. Железные дороги не смогли принять всего, что мы свезли на станции. Для разрешения вопроса в начале ноября я поехал в Москву.

На другой день по приезде замнаркомпрода передал мне, что меня хочет видеть Владимир Ильич. Пошел не без волнения. Так ли я действовал? Может, зря создал вооруженные отряды? Может, слишком круто взял ставку на кулацкий хлеб? Ведь комбеды распущены, а я всю свою тактику построил на расслоении деревни, на помощи бедноте и вооруженном нажиме на кулака.

Владимир Ильич встретил меня деловито. Бросилась в глаза его переутомленность.

— Ну, как там орудуете?

— Да как будто ничего, Владимир Ильич. Хлеба заготовили 3 миллиона пудов. Засыпали все амбары. Местами сыпшем овес в церкви. С картошкой зашились: некуда девать. Дорога не принимает, сам организую маршруты, грузу, но где же всё перевезти! Пускаем спиртовые заводы, валим в бунты, а тут мороз...

— Ну, вас послушаешь, так все горе от картошки! Верней всего, просто не подготовились к заготовкам, не подумали летом о хранении. Это надо учесть в дальнейшем. Расскажите, как вы добились того, что крестьянин дал продукты?

Рассказываю о системе районных уполномоченных, о создании штабов, отрядов, о непрерывной личной проверке выполнения приказов на местах. Особенно подробно останавливаюсь на тактике расслоения деревни, на продовольственной помощи красноармейским семьям, бедноте и т. д.

— Ну, а как вас там приняли? Ребята там молодые, царапаются, наверное?

Передаю о наших трениях в комических тонах. Не удержался — пожаловался на управление военного округа, у которого каждого красноармейца приходится вырывать с боем.

Владимир Ильич тут же звонит Склянскому, чтобы он указал окрвоенкомом на то, что *хлеб сейчас решает все*, что надо продовольственникам помогать по-настоящему.

Набираюсь храбрости — ставлю вопрос о применении вооруженной силы. Владимир Ильич как-то сразу напрягается и вместо ответа начинает расспрашивать, как я действую на местах. Рассказываю о восстании в Ново-Березовке, куда мы вдвоем с Одинцовым ездили ликвидировать заварушку. Услышав, что все обошлось без крови, одной руганью и галдежом, Владимир Ильич весь расцвел. Под конец даже начал смеяться, когда я рассказал ему, как мы «условно» конфисковали весь скот у кулака — председателя сельсовета и какую бешеную энергию он проявил, когда обещали вернуть ему скот, если село выполнит разверстку в трехдневный срок.

Перешли к вопросу о тактике на селе. Владимир Ильич вполне одобрил линию на расслоение деревни, на изоляцию кулака, на помощь красноармейкам и бедноте частью заготовленного хлеба. Он тут же позвонил в Наркомпрод, чтобы разрешили часть заготовленного раздавать бедноте, и подтвердил, что одобряет мои мероприятия в этом деле.

Разговор снова вернулся к действиям отрядов. Я рассказал о проделках одного бандита в Кромском уезде и о «бабьем» бунте в Ливенском, где дело тоже обошлось без крови. Владимир Ильич явно был доволен, что обходимся без человеческих жертв, но в заключение добавил:

— Не делайте из этого вывода, что винтовки существуют для украшения. Борьба есть борьба. Без крайней нужды лучше обойтись так, но если неизбежно, то продармейцы должны быть тверды. Вот в Тамбовской губернии бабы разоружают продармейцев и вооружают бандитов. Ведь это рядом с вами. Антоновщина может перекинуться и к вам.

Говорю, что за свои отряды я в общем спокоен. Насчет баб — это и у нас были две попытки, но командиры в обоих случаях вышли с честью.

Затем Владимир Ильич задал ряд обычных вопросов о настроении крестьян, об их отношении к Советам. Когда я ему сказал, что в некоторых районах губернии голодают значительные слои крестьян, что я на свой страх и риск кое-что послал туда, чтобы подкормить ребятешек бедноты, Владимир Ильич это вполне одобрил. Он снова позвонил в Наркомпрод, чтобы организовали общественное питание (столовые) в тех районах губернии, где с продовольствием плохо, и чтобы послали туда с этой целью опытных людей.

Эти столовые сыграли зимой огромную роль, твердо закрепив наше положение в Орловской губернии. Были случаи, когда под столовые крестьяне демонстративно отводили церкви, где раньше попы агитировали против сдачи государству продовольственных излишков. Кулак остался изолированным. Крестьяне стали открыто указывать нам на кулацкие ямы с хлебом и картошкой.

Под конец Владимир Ильич задал несколько вопросов об озимом севе. К своему стыду, я ничего не смог ему сказать и обещал заняться этим делом.

Когда я уже уходил, Владимир Ильич сказал:

— Это хорошо, что вы расшевелили губернию и дали продовольствие городу. Сейчас это *самое главное*. Но если хватит времени, загляните и вперед. Будете в Москве — расскажете.

Ушел я от Владимира Ильича, как никогда, уверенный в том, что надо делать дальше.

* *
*

13 ноября 1920 года, когда выполнение плана разверстки по Орловской губернии перевалило за 80%, я получил телеграмму о назначении меня председателем Воронежского губернского продовольственного совещания. Одновременно меня вызвали в Москву.

Перед отъездом я послал (инкогнито) несколько человек в Воронеж изучить обстановку. Там дела оказались неважные. Прядком — рыхлый, губисполком и губком — в руках троцкистов. По губернии идут непрерывные бандитские выступления, на севере орудует Антонов, на юге — Колесников, в Павловском уезде сгруппировались большие массы дезертиров; беспокойно в Землянском и Калачеевском уездах. Продразверстка выполнена всего на 2%.

Учитывая обстановку, Наркомпрод решил дать мне неограниченные полномочия.

С проектом мандата от имени ВЦИК, СНК, СТО и ЦК партии я направился к секретарю ЦК. Он без всяких разговоров подписал мандат и ввиду его исключительного характера рекомендовал зайти к Ленину.

Владимир Ильич внимательно прочел мандат:

— Знаете, со своей стороны я согласен подписать этот документ, но при условии, что его подпишет секретарь ВЦИК и завизирует Склянский. Иначе потом могут возникнуть всякие нежелательные разговоры и недоразумения.

— Да разве Склянский когда-нибудь подпишет такую штуку!

— Да, пожалуй, он будет возражать. Давайте вот что сделаем: я подпишу, потом вы возьмете подпись секретаря ВЦИК, а когда все подпишут, ступайте к Склянскому. Тогда ему будет трудно отказаться от подписи. Ну, а если он все-таки будет возражать, то скажите, чтобы он сейчас же позвонил мне. При всех условиях перед отъездом побывайте у меня.

У Склянского вышли большие разговоры. Он настаивал на оговорке, что мандат не распространяется на военные курсы. Я решительно отстаивал безусловное право в случае нужды брать и курсантов. Сговорились на том, что мне будут даны из Казани три кавалерийских полка, вагон винтовок, несколько пулеметов, а я без крайней нужды курсы не трону.

Перед отъездом зашел опять к Владимиру Ильичу. Подробно ознакомил его с положением в Воронежской губернии. Помнится, Владимир Ильич учил меня внимательно присматриваться к людям, правильно расставлять их и настоятельно советовал *опираться на низовые советские органы*.

— Ведь вы уедете, а они останутся. Надо преодолевать местнические тенденции и настроения, надо действовать быстро и решительно, но вместе с тем вести дело так, чтобы население чувствовало местную власть и училось ее слушаться. Говорят, что в Орловской губернии в результате продовольственной кампании Советы укрепились. Вот если удастся сделать это и в Воронеже, то будет решена большая задача. Конечно, *главное — продовольствие*. К сожалению, много времени упущено. Надо показать местным людям, как следует работать, подтянуть их, расшевелить!

В Воронежской губернии нам пришлось не столько заниматься заготовками, сколько отбиваться от банд Антонова, Махно, Колесникова и других бандитов, а также вести исключительно напряженную борьбу с оппозиционерами, бюрократами и ворами, засевшими во всех органах. Только благодаря авторитету Ленина, благодаря сплочению лучших партийцев и пролетариев нам удалось в ту зиму одержать победу в губернии, разбить вдребезги все контрреволюционные силы и расколотить троцкистскую оппозицию, саботаж, открытые эсеровские восстания. Продразверстка была выполнена на 92%.

Борьбу мы завершили на губернском крестьянском съезде, создав посевкомы и направив волю масс и обновленного аппарата на созидательную работу.

За это время (с декабря 1920 года по март 1921 года) я бывал у Владимира Ильича дважды. Его особенно интересовали настроения крестьян. Я поделился своими сомнениями в правильности нашей политики перераспределения урожая между крестьянами. До продналога я не додумался, но указывал, что мы делаем что-то не то, убиваем стимул к поднятию урожая.

В результате этой беседы Владимир Ильич предложил мне продумать такую тему: что надо сделать для бедноты, если бы мы стали брать у крестьян не все излишки и отказались от перераспределения урожая?

— Вы крестьянство теперь знаете. Подумайте над этим хорошенько. Если что придумаете, скажите.

Приехав в начале марта в Москву, я пошел прямо к Владимиру Ильичу и выдвинул перед ним целую систему, сводившуюся к созданию *крестьянских комитетов взаимопомощи*. Я признался, что в одном уезде (Мценском, Орловской губернии) уже проделал подобный опыт, давший положительный результат.

Владимир Ильич очень подробно расспросил меня и обещал подумать над моим предложением, а пока рекомендовал посоветоваться с некоторыми работниками Наркомпрода.

Скоро Владимир Ильич телеграммой вызвал меня в Москву. На другой же день я был у него.

— Вот какое дело. Сейчас же садитесь и напишите коротенькие тезисы о ваших крестьянских комитетах. Только строго деловые, конкретные, не больше полутора — двух страниц. Завтра покажите их в Наркомпроде и в Наркомфине, а потом придете ко мне. Предварительно позвоните по телефону, чтобы вам не пришлось долго меня ждать. Только пишите как можно короче, без всяких мотивировок, вступлений, что именно, по-вашему, надо сделать.

На другой день вечером условились о встрече. На утро — я у Владимира Ильича. Как сейчас, помню его строгое и несколько беспокойное лицо. Владимир Ильич дважды прочел мою записку, закрыл глаза и задумался. Затем он решительно встал и сказал:

— Записку отдайте товарищу Фотиевой. Пусть она уберет ее пока, а вы вот что сделайте. Пойдите в Московский совет профсоюзов, возьмите там несколько человек, пошлите их в разные деревни, неподалеку. Проинструктируйте их предварительно, как вы думаете наладить это дело. Пусть они соберут сходы, расскажут о комитетах своими словами. Все, что скажут сходы, пусть запишут. Важно мнение крестьян. Сами вы не ездите. Ведь на местах придется проводить все рядовым работникам, а вы хоть кого уговорите. Вот и меня почти уговорили. Через недельку соберите их всех, разузнайте хорошенько, что скажут мужики. Потом зайдете ко мне и расскажете.

Через неделю я принес Владимиру Ильичу приговоры нескольких сходов о создании крестьянских комитетов взаимопомощи (кресткомов). Он их внимательно прочел, потом расспросил меня, кто ездил, что говорят ездившие. Предложил написать проект декрета — «только коротенький!», — учтя его доклад о продналоге. Проект декрета велел показать в Наркомпроде и принести оттуда подпись.

— Они мужика знают и не идеализируют, скорей, наоборот. А ведь с мужиком нам придется провозиться, пожалуй, лет шесть.

При последних словах Владимир Ильич как-то впился в меня глазами и даже перегнулся через стол. Я ответил, что, пожалуй, и с десяток лет провозишься, пока сколько-нибудь изживешь темноту и косность, а главное — собственнические тенденции деревни. На это Владимир Ильич сказал:

— Кто его знает, там видно будет.

Владимир Ильич спросил, что я думаю о социальном страховании в деревне. Я ответил, что в деревне надо организовать имущественное страхование и помощь бедноте, а социальное страхование там было бы недоразумением.

— Может, недомыслием?

— Пожалуй.

— Ну, ладно. А вы свой проект декрета обязательно покажите товарищу Винокурову. Его мнение очень важно. Вы не знаете, как он думает о социальном страховании крестьян?

— По-моему, он всегда был против этого, хотя я специально не говорил с ним на эту тему.

— Не забудьте показать ваш декрет и Наркомфину. Кстати, у вас есть телефон?

— Нет, Владимир Ильич. Я живу в вагоне.

— Вам придется остаться в Москве. Устраивайтесь как следует, а то у вас вид что-то неважный.

— Да, нездоровится немного. Простудился в Воронеже.

— Надо себя беречь, а то ведь у вас легкие, кажется, больные. Покажитесь обязательно врачам.

Декрет о крестьянских комитетах взаимопомощи был подписан 15 мая 1921 года ¹.

Несколько раньше я был назначен заместителем наркома социального обеспечения.

Я взялся прежде всего за кресткомы, создал центр кресткомов. В организации социального обеспечения в новых условиях пришлось натолкнуться на сильное сопротивление внутри Наркомсобеса. Только активное вмешательство Владимира Ильича и смена коллегии Наркомсобеса дали возможность широко развернуть эту работу.

¹ См. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев». — Известия ВЦИК, 1921, № 106, 18 мая. *Ред.*

* *
*

Владимир Ильич всегда интересовался вопросами социального обеспечения.

Когда во время отсутствия Ленина по болезни Каменев провел в Совнаркомом постановление о ликвидации Наркомсобеса, ему здорово попало от Владимира Ильича и постановление было отменено.

Владимир Ильич горячо поддержал мысль о создании специальной *кооперации инвалидов*, причем указал, чтобы у инвалидов был сокращенный рабочий день, чтобы им дали лучшие помещения и полностью освободили от налогов.

— Сейчас мы нищие, но будем богачами. Для инвалидов раньше, чем для всех, труд должен стать радостью. Вот чего вы должны добиваться.

Когда был поставлен вопрос об облегчении учебы для инвалидов, Владимир Ильич звонил в Наркомпрос Луначарскому, настаивая на всяческих льготах для инвалидов при поступлении на курсы и в вузы и на обеспечении их стипендиями преимущественно перед остальными студентами. В частности, он предложил создать для инвалидов специальные общежития, где бы им был обеспечен уход и помощь.

* *
*

Самое светлое, что было в моей жизни,— это радость работы с Лениным, его теплое внимание, какая-то особая, только ему одному присущая мягкость, человечность.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 478—492

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

За время моей работы в секретариате В. И. Ленина мне не раз приходилось наблюдать встречи Владимира Ильича с Максимом Горьким. Чувство огромной радости наполняло всех нас, работников секретариата Владимира Ильича, в те дни, когда к нему приходил Горький. Радость эта вызывалась совершенно особым, приподнятым настроением Владимира Ильича, передававшимся нам, его нетерпеливым ожиданием Горького, его большой, для всех ощутимой любовью к Горькому, как к близкому другу, как к человеку, отдавшему огромный талант делу пролетарской революции.

Чаще всего Алексей Максимович бывал у Владимира Ильича на квартире. Но иногда Владимир Ильич принимал его в своем рабочем кабинете. Уже накануне приезда Горького из Петрограда обычно вызывал Владимир Ильич секретаря и очень тепло и взволнованно говорил: «Завтра утром приезжает Горький. Пошлите на вокзал за ним мою машину да позаботьтесь, чтобы на квартире Алексея Максимовича к его приезду все было готово. Узнайте, тепло ли там, есть ли дрова. Условьтесь с ним о часе, когда за ним можно будет прислать машину». Алексей Максимович не умел заботиться о себе, и Владимир Ильич это знал; он заботился до мелочей об удобствах Горького, что в те годы, годы гражданской войны, нелегко было осуществить.

Утром в день приезда Горького Владимир Ильич раньше обычного приходил в свой кабинет и тотчас же вызывал секретаря для доклада: все ли сделано. «Не забыли ли сказать в будку у кремлевских ворот, не задержат ли там Горького?» Через полчаса звонок из кабинета: послали ли машину?

К величайшему сожалению, мы не вели в те годы регулярных записей приемов Владимира Ильича, его поручений, выступлений и т. п. Трудно поэтому восстановить даты его встреч с М. Горьким. Но самые встречи запомнились очень ярко.

Я помню лишь один случай в 1919 году, когда Алексей Максимович, приехав неожиданно вечером, не застал Владимира Ильича, выступавшего в тот день на митинге, и ему пришлось подождать возвращения Владимира Ильича в нашем секретариате. Обычно же Горькому не приходилось ждать ни одной секунды, Владимир Ильич сам выходил к нему навстречу, здоровался с ним, полуобнимая его, и, глядя по своей привычке прямо в глаза, сразу же осведомлялся о здоровье и уводил с собой в кабинет.

В часы, когда у Владимира Ильича сидел Горький, на нашу долю выпадало много работы: Алексей Максимович приносил с собой целую уйму своих забот и о делах, и о людях, и Владимир Ильич всегда с исключительным вниманием следил за тем, чтобы ни одно из этих дел не осталось не рассмотренным, не выясненным до конца. Тут же нам давались поручения, делались запросы, писались письма и телеграммы, ответы на которые обязательно должны были быть доложены Владимиру Ильичу.

Бывали случаи, когда приход М. Горького совпадал с каким-либо срочным делом, которым был занят Владимир Ильич, или приемом кого-либо, приехавшего по срочному делу. В таких случаях Владимир Ильич всегда предупреждал нас заранее: «Как только приедет Алексей Максимович, впустите его сразу же ко мне в кабинет, даже если я буду занят». И Владимир Ильич продолжал работать в присутствии Горького, заканчивая срочное дело.

Горький отвечал Владимиру Ильичу таким же глубоким чувством. Иногда мне приходилось по поручению Владимира Ильича тотчас же после их встречи говорить с Алексеем Максимовичем, выяснять и подробно записывать его просьбы и ходатайства по тем или иным делам. Он не мог скрыть своего волнения после этих встреч, делился впечатлениями, говорил так, будто вторично переживал свою беседу...

Опубликованные в Ленинских сборниках¹ записки и телеграммы Ленина характеризуют его отношение к Алексею Максимовичу в последние годы их встреч, его дружескую заботу о Горьком. Болезнь Горького очень волновала Владимира Ильича. Он настойчиво звал Горького приехать к нему на дачу отдохнуть, когда Алексей Максимович заболел, предлагал ему поехать с агитпароходом по Волге, лично организовав ему эту поездку.

В 1921 году, когда у Горького началось кровохарканье, Владимир Ильич долго уговаривал Горького — и уговорил его — уехать за границу лечиться. Алексей Максимович не хотел ехать, не закончив всех своих дел, и Ленин писал письма в

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 6, 16; т. 53, с. 109. *Ред.*

учреждения, от которых зависело быстрее окончание поднятых Горьким вопросов, чтобы ничто его не могло задержать. Для одной комиссии по издательским делам, в которой Горький принимал участие, нужны были два автомобиля. Автомобилей было мало в то время, выполнение его просьбы задержали, и Владимир Ильич пишет по этому поводу в ВЧК тов. Менжинскому специальное письмо, в котором содержатся такие строки:

«Помочь Горькому *надо и быстро*, ибо он из-за этого не едет за границу. *А у него кровохарканье!*»¹

Н. К. Крупская опубликовала в 1936 году отрывок из одного письма Горького к ней из Италии от 16 мая 1930 года. В письме этом Горький пишет, что был у него Д. И. Курский, говорили о Ленине, «и всю ночь я думал о том: «Какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало!»».

Владимир Ильич высоко ценил М. Горького, как великого художника слова, одного из создателей русского литературного языка, у которого должны учиться все наши литераторы. Лучшее всего показывает это его забота о составлении и скорейшем издании словаря «*современного* (от Пушкина до Горького) русского языка». В XX Ленинском сборнике² напечатан ряд записок Владимира Ильича, из которых видно, как настойчиво он торопил Наркомпрос с составлением этого словаря, как заботливо устранял все препятствия, которых в ту пору было немало, к тому, чтобы продвинуть это важнейшее дело.

Н. К. Крупская рассказывала, что Владимир Ильич уже незадолго до своей смерти просил читать ему «Мои университеты» М. Горького, много расспрашивал о нем, волновался, увидав в газете заметку о том, что Горький нездоров (Горький в то время находился в Италии).

Литературная газета, 1940, 22 апреля, с. 4

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 289. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 178, 182—183, 198—199, 238; т. 53, с. 95, 250. *Ред.*

ВНИМАНИЕ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА К ИЗОБРЕТЕНИЯМ И ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ

У Владимира Ильича был огромный интерес к техническим достижениям и новинкам. Приходится поражаться, каким образом при напряженной занятости важнейшими государственными, политическими и партийными делами он выкраивал время для того, чтобы следить за развитием техники, в частности радиотехники, и даже входить в такие детали, которые у иных руководителей ведомств, за кучей других дел, ускользали из внимания. Он все видел и все знал.

Понятно, что на имя Владимира Ильича поступали многочисленные проекты и описания изобретений, рационализаторские предложения. Многие из этих проектов Владимир Ильич посылал мне. Среди них встречались действительные изобретения, но нередко это были фантастические предложения, неосуществимые проекты. Помню, у меня был разговор с Владимиром Ильичем, когда я ему рассказывал о некоторых таких предложениях. Владимир Ильич, однако, настаивал, чтобы я внимательно читал эти письма и обязательно отбирал для ответа те из них, в которых замечалась хоть крупинка полезного. В разговоре по поводу одного изобретения Владимир Ильич мне сказал: «Изобретатели — народ особый, у них есть свои странности, часто мы их не понимаем. Надо терпеливо их выслушивать».

С одним из таких изобретателей мне пришлось по поручению Владимира Ильича провозиться все лето 1920 года. Владимир Ильич часто принимал этого изобретателя, и действительно только у Владимира Ильича могло хватить терпения возиться с ним около года, пока тот сам не расписался в своей беспомощности. Об этом стоит коротко рассказать.

Дело было в 1920 году, кажется в апреле месяце. Одним партийцем, молодым техником, было предложено изобретение в области энергетики¹. Этот партиец был приглашен к Владимиру Ильичу, после чего Владимир Ильич поручил мне «исповедовать» изобретателя и принять участие в его работах, понаблюдать за ним, узнать, в чем секрет изобретения, и рассказать ему.

Изобретателю была дана квартира и охрана. Для всяких хозяйственных забот к нему прикомандировали двух товарищей и меня в качестве «спеца» и поверенного по всем секретам изобретателя. Изобретатель сначала не хотел меня посвящать в «секреты». Тогда Владимир Ильич вызвал его и имел с ним специальный разговор, в котором сказал, что я к нему прикомандирован по его распоряжению, что он должен мне, не стесняясь, говорить все. Изобретатель, получив обмундирование и квартиру, потребовал специальный вагон для перевозки аппаратов, с которыми якобы он делал успешные опыты на Кавказе. Получив вагон, он съездил на Северный Кавказ, привез свою семью и какого-то чертежника. Что же касается аппаратуры, то, к моему удивлению, он привез самые распространенные в старых физических лабораториях аппараты: обычную катушку Румкорфа, соленоид и, кажется, амперметр. Я сообщил Владимиру Ильичу, что аппаратами, которые привез «изобретатель», обещанного опыта произвести нельзя. Владимир Ильич сказал мне, что «изобретатель», по всей вероятности, просто хитрит, обманывает меня и показал не те, что привез. «Ждите спокойно и не нервничайте».

«Лаборатория» вместе с охраной и я поселились на даче под Москвой; достали маленькую электрическую станцию, установили, провели провода, осветили электричеством дачу... и вдруг изобретатель передумал делать установку на даче, а попросил вагон из особого поезда, с электрической станцией. Вагон дали, только без станции. Мы сами подвели ток и подготовили все для опыта. В назначенный для опыта день оказывается, что изобретателю снова чего-то не хватает, — опять отсрочка, опять нужна поездка на Северный Кавказ за какими-то недостающими деталями аппарата. Я еду в Москву жаловаться Владимиру Ильичу. Владимир Ильич предлагает терпеливо ждать: «Пусть поедет, может быть, в самом деле у него припрятано настоящее оборудование там, на Кавказе». Изобретатель опять съездил на Кавказ, привез какой-то тяжелый ящик, закрыл его в секретную комнату, наложил печати, потом заявил, что

¹ Имеется в виду С. И. Ботин и его опыты по изысканию способа взрыва на расстоянии с помощью электромагнитных волн. Однако поставленные им опыты были неудачны (см. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 209—211, 225, 268—269, 296, 302, 323). *Ред*

вот, как только чертежник выполнит чертежи, через два дня начнем монтаж и опыты. Мои попытки узнать, что задерживает опыты, какие чертежи исполняются, для чего они нужны, что за схема установки, не привели ни к чему. Изобретатель уклонялся от ответа, говорил что-то невнятное, с опытами тянул. Обо всей канители я написал Владимиру Ильичу. Владимир Ильич на изобретателя тоже крепко нажимал через одного товарища.

Все же с опытами дело шло туго. Я не верил в удачу, изобретатель так и не мог мне сказать толком о сути своего изобретения. Прошло еще некоторое время с такими же «успехами». На одном заседании я стал просить Владимира Ильича освободить меня от наблюдения за опытом. Владимир Ильич погрозил мне пальцем и написал записку: «Отставки Вашей не принимаю — доведите дело до конца» (передаю по памяти.— *А. Н.*). Через некоторое время, посоветовавшись с Владимиром Ильичем, мы решили изобретателя отправить в Нижний Новгород в радиолaborаторию, где ему была бы предоставлена свобода действий и все возможности для успешного производства опытов. Там же ему была обеспечена консультация лучших технических сил — работников радиолaborатории. Владимира Ильича я держал в курсе работ изобретателя, но «наш капризник»¹, как его называл Владимир Ильич, так моря и не зажег.

К осени я стал собираться за границу по делам Народного комиссариата почт и телеграфа. Владимир Ильич спрашивает меня: «Кому передать изобретателя?» Я посоветовал поручить это Глебу Максимилиановичу Кржижановскому, как инженеру и электрику. Так и сделали. Глеб Максимилианович тоже провозился несколько месяцев с изобретателем. Перевел (по его желанию) его «laborаторию» из Нижнего в Богородск (Ногинск). Изобретатель там тоже «чудил», и все это дело кончилось ликвидацией «опытов», а «изобретателя» куда-то устроили на работу.

В этой истории поражает терпение и настойчивость Владимира Ильича, его выдержка. Идеи, выдвинутая изобретателем, была очень ценной, и нельзя сказать, что она вообще неосуществима. Для нас в то время (1920 год) очень важно было иметь такое открытие, и Владимир Ильич вел дело так, чтобы исчерпать все возможности и прийти к любому концу: или изобретатель сам признается, что он не в состоянии произвести этого опыта, или хоть что-нибудь да удастся. «Нужно сделать так, чтобы он (изобретатель) не обвинил нас в том, что мы ему мешали в чем-нибудь».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 225. *Ред.*

ОПЫТ РАДИОТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА С БЕРЛИНОМ РАЗВЕРТЫВАНИЕ РАДИОТЕЛЕФОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Осенью 1920 года радиолaborатория уже приступала к монтажу радиотелефонного передатчика на Ходынке. Шли спешным порядком подготовительные работы, монтировалось подсобное оборудование. Сам же передатчик находился в Нижнем. Там в лабораторной обстановке Бонч-Бруевич¹ со своим ассистентом Шапошниковым производил опыты передачи человеческого голоса на расстояние, завоевывая все большую и большую протяженность.

Из различных мест РСФСР в Нижний стали поступать телеграммы о слышимости радиотелефона. Бонч-Бруевич искал наилучшую слышимость. Каждый день известие о слышимости радиотелефона с какой-нибудь еще более отдаленной радиостанции радовало всех работников радиолaborатории. Радовался вместе со всеми и Владимир Ильич, когда я ему сообщал о новых успехах, и он торопил с сооружением постоянной установки на Ходынке.

Параллельно с этой работой Бонч-Бруевич приступил к разработке громкоговорителя, или «рупора», как назвал его Владимир Ильич.

В одну из моих встреч с Владимиром Ильичем я ему рассказал о работе Бонч-Бруевича над «рупором», и он не упускал ни на минуту из своего поля зрения это дело, справлялся об этих работах либо по телефону, либо через Л. А. Фотиеву, либо записками на заседании Совнаркома спрашивал, как обстоит дело с будущей «газетой без бумаги». Одну из этих записок, от 25 июня 1920 года, Владимир Ильич направил своею надписью «в архив». Вот ее содержание: «А говорить когда можно по беспроволочному телефону и куда? Когда рупоры (и сколько?) будут готовы?» На обороте этого маленького листочка я ответил: «Первый разговор будет с Берлином. Рупор — разрабатывается, когда будет совершенный тип, тогда приступим к массовому изготовлению тысячами».

Моя поездка за границу приближалась. Мы в Наркомпочтеле решили просить германское министерство почт и телеграфа оказать содействие по производству опытов двухстороннего радиотелефонного разговора Москвы с Берлином, считая, что немцы уже должны иметь подобные станции. По приезде в Берлин я при любезном содействии графа Арко, крупного немецкого ученого в области радио, а также чиновников министерства почт и телеграфа добился того, что мне разрешили ор-

¹ М. А. Бонч-Бруевич — советский ученый в области радиотехники. С 1918 года — руководитель Нижегородской радиолaborатории. *Ред.*

ганизовать испытание нашего передатчика из правительственной станции в Кельтове, под Берлином.

В определенный день, в 6 часов вечера, должны были начать разговор по радиотелефону из Москвы.

К условленному часу мы выехали вместе с графом Арко, директором Шапиро (фирмы «Телефункен») и группой инженеров в Кельтов. За несколько секунд до 6 часов все мы надели наушные телефоны. Наступают назначенные 6 часов, когда мы должны услышать по радио Москву. Проходит 5—6—10 секунд. В приемной комнате тишина... Я слышу только, как бьется мое сердце... Срок прошел, а разговора не слышно. Ловлю насмешливые взгляды инженеров. Проходят еще несколько секунд затаенной тишины, кажущиеся мне вечностью. Я горю от стыда. Неужели не удастся опыт? Неужели оскандалились? Наконец в 6 часов с минутами раздается ясный, отчетливый голос начальника радиостанции: «Алло, алло! Говорит Московская радиотелефонная станция». Затем говорили по-немецки... Я не помнил себя от радости. Кто-то жмет мне руку... Поздравляют с успехом. Голоса говоривших были настолько ясны, что я называл фамилии товарищей, говоривших по радиотелефону из Москвы.

Так был установлен в 1920 году мировой рекорд по расстоянию радиотелефонной передачи. Не надо забывать, что это был период блокады, мы не имели возможности копировать заграничные аппараты. Да, в сущности говоря, в то время и нечего было копировать. Немцы со своей радиотелефонной станции так Москве и не ответили. Мне Шапиро говорил, что у них что-то испортилось, что-то надо было заменить, обещал ответить через неделю, через две. Однако мы так и не получили в том году ответа от немецкой радиотелефонной станции.

Я не знаю, как встречен был Владимиром Ильичем успех нашего радиотелефона на международном соревновании, на котором наша радиолaborатория и ее технический руководитель Бонч-Бруевич стяжали себе мировую известность. Мне очень хотелось поскорее самому лично рассказать ему о всей обстановке опыта, но некоторые обстоятельства задержали меня на два месяца. Лишь из писем моих друзей я узнал, что 27 января 1921 года было принято постановление Совета Народных Комиссаров о развернутом радиотелефонном строительстве, — это был пятый декрет о радиостроительстве, подписанный Владимиром Ильичем. В первых же строках постановления говорилось об успехах радиолaborатории:

«Ввиду благоприятных результатов, достигнутых Нижегородской радиолaborаторией по выполнению возложенных на нее постановлением Совета Труда и Оборона от 17 марта 1920 г. заданий по разработке и установке телефонной радиостанции с большим радиусом действия — СНК постановил:

Поручить НКПиТ оборудовать в Москве и наиболее важных пунктах Республики радиоустановки для взаимной телефонной связи...» Далее Нижегородской радиолaborатории поручалось оборудовать радиотелефонными приборами следующие сооружаемые Наркомпочтелем станции: в первую очередь Трансатлантическую в Богородске, Московскую, Детскосельскую, Харьковскую, Царицынскую, Ташкентскую, Омскую и Севастопольскую и в других пунктах, по мере выполнения общей радиостроительной программы.

В этом же постановлении поручалось ВСНХ «принять срочные меры к расширению и оборудованию соответствующим образом мастерских Нижегородской радиолaborатории».

Таким образом, по этому постановлению предполагалось, что радиолaborатория должна выйти на путь массового производства и мастерская при радиолaborатории в соответствии с заданиями СТО и СНК неизбежно должна вырасти в завод. Так постепенно создавались условия для полного осуществления декрета 1918 года, где речь шла о целях и задачах радиолaborатории и где говорилось, что радиолaborатория «в качестве организующего центра» объединяет «в себе и вокруг себя всю радиотехническую промышленность России».

Как в предшествующих декретах, так и в этом, последнем, важнейшем декрете отмечалось, что все работы по сооружению радиотелефонной сети являются работами, имеющими «чрезвычайно важное государственное значение», и что везде, «где бы они ни производились», следует их считать «исключительно срочными», «причислив их к группе ударных работ». Постановление обязывало ВЦСПС, Наркомтруд и Наркомпрод выработать в срочном порядке условия выдачи работникам радиостроительства части заработной платы натурой (продовольствием, одеждой, обувью и предметами первой необходимости) независимо «от общих условий премирования».

Организация работ, перечисленных в этом последнем постановлении, и наблюдение за ними поручались существующей особой комиссии по сооружению радиосети республики (Оскомрадио), председателем которой был я. В ее состав этим постановлением были дополнительно персонально введены с правом решающего голоса представители ВЦСПС и НКПС, последний — по вопросам строительства сети радиостанций специального назначения для НКПС.

Декретами Совнаркома строителям предоставлялись всякие преимущества и льготы: освобождение от воинской повинности, натуральное премирование, хороший продовольственный паек; давались автомашины и вагоны с правом прицепки к пассажирским и скорым поездам. Но самое ценное из всех преимуществ, которыми пользовалось радиостроительство, — это то внимание и забота о деле и людях, которые оказывались

Владимиром Ильичем, ценившим по достоинству это большое культурное и политическое дело. Его неустанными заботами, его руководством и указаниями, прямой помощью, которую он оказывал и своими распоряжениями различным ведомствам, и специальными постановлениями СТО и СНК, была создана база, на которой так широко развернулось советское радио.

Малейшие заминки в этом деле, малейшие перебои в строительстве вызывали у Владимира Ильича тревогу, и он немедленно либо по телефону, либо письмом начинал нажимать на Наркомпочтель.

Так, узнав, что в деле сооружения радиотелефонной станции имеются заминки, Владимир Ильич немедленно пишет 2 сентября 1921 года народному комиссару почт и телеграфа тов. Довгалевскому:

«Прошу Вас представить мне сведения о том, в каком положении находится у нас дело беспроволочного телефона.

1) Работает ли Центральная московская станция? Если да, по сколько часов в день? на сколько верст?

Если нет, чего не хватает?

2) Выделяются ли (и сколько?) приемников, аппаратов, способных слушать разговор Москвы?

3) Как стоит дело с рупорами, аппаратами, позволяющими целому залу (или площади) слушать Москву? и т. д.

Я очень боюсь, что это дело опять «заснуло» (по проклятой привычке российских Обломовых *усыплять* всех, все и вся) ¹.

Одно время стали наблюдаться перебои в снабжении стеклодувной мастерской радиолaborатории нефтегазом и стеклом. СТО под председательством Владимира Ильича приходит на помощь и принимает 24 июня 1921 года такое постановление:

«Обязать ВСНХ снабжать в 1921 г. радиолaborатории стеклом с Петроградского завода бывш. Риттинг и с нефтегазового завода «Нефтегаз» — нефтегазом в количестве: стекла — 10 пуд. и нефтегаза — 50 баллонов в месяц...»

Это постановление, однако, не выполняется. Тогда назначается постановлением СТО комиссия для выяснения причин плохого снабжения стеклом и нефтегазом. По докладу комиссии 9 ноября 1921 года СТО принимает решение:

«Поставить на вид ВСНХ неисполнение постановления СТО от 24 июня 1921 г., а т. Острякову — несвоевременное обжалование его невыполнения ВСНХ...»

Для сети приемных станций не хватает слухачей — опять СТО 24 июня 1921 года под председательством Владимира Ильича приходит на помощь:

«Вменить в обязанность Главпрофобру приготовить к 1 марта 1922 г. — 600 человек радиослухачей 2-го разряда.»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 160. Ред.

Военная промышленность, заваленная военными заказами, с трудом справляется с заказами Наркомпочтеля по машинам высокой частоты.

И тут СТО в том же постановлении 24 июня обязывает «Совет военной промышленности включить в программу, а отдел металла ВСНХ принять срочные меры к организации работ по изготовлению частей (дисков и валов) машин высокой частоты, системы проф. Вологодина...»

Для постройки радиобашни на Шаболовке нам не хватало железа. Наши агенты узнают, что в Смоленских складах у военного ведомства имеются большие запасы швеллерного железа и что используется это железо неправильно. Иду к Владимиру Ильичу, рассказываю ему нашу нужду. Он говорит: «Вносите в СНК на ближайшее заседание». Сражаемся с покойным Склянским из-за этого железа, и при поддержке Владимира Ильича Шаболовская радиостанция получает из запасов военного ведомства 10 тысяч пудов железа. Так создавалась Шаболовская радиобашня в Замоскворечье, украшающая большевистскую Москву.

Стоит возникнуть каким-нибудь затруднениям по снабжению продовольствием радиостроителей, Владимир Ильич поручает тов. Горбунову написать об этом тов. Халатову. Тов. Горбунов пишет:

«Лично т. Халатову» (10 декабря 1921 года) «Работа радиолaborатории продолжает иметь то особое важное значение, о котором я сообщал Вам... при указанных условиях вводить изменения в принятый порядок снабжения персонала этого единственного в республике технического учреждения было бы крайне нежелательно, тем более что речь идет о столь незначительном числе специальных пайков... Прошу отдать распоряжение о возобновлении снабжения радиолaborатории, не меняя ранее установленных Вами норм».

Я бы мог привести множество подобных примеров исключительной заботливости Владимира Ильича, проявившейся к делу радиосвязи, которую он сразу оценил по достоинству, предвидя ее значение в будущем.

ДВА СЛУЧАЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАДИОСВЯЗИ

Владимир Ильич всегда остро реагировал на перебои в работе связи (телефона, телеграфа, радио). Портился ли телефон, обрывался ли прямой провод — это вызывало у Владимира Ильича большой гнев. Из всех средств связи особое внимание и предпочтение оказывал Владимир Ильич радиотехнике. В особых достоинствах радио и его преимуществе перед проволочной связью Владимир Ильич имел случай убедиться на практике. Я помню два эпизода, после которых Владимир Ильич особенно

настаивал на развитии нашего радиостроительства. Первый случай имел место во время мятежа «левых» эсеров в Москве (июль 1918 года). Отряд Попова занял телефонную станцию. Меня из Кремля отправили с латышским отрядом ее отбить. Мы отправились на грузовиках с пулеметами к телефонной станции; назвавшись «левыми» эсерами, мы «сменили» отряд поповцев и засели на станции. После препитательств я заставил старшего инженера Коробова выключить всю станцию. У меня был на руках список важнейших «наших» телефонов, врученный мне в Кремле тов. Подбельским. По этому списку мы начали включать один за другим телефоны. Первый телефон, который после выключения всей станции был «оживлен», — это телефон Владимира Ильича в его переговорной будке. Звоню туда... Слышу «алло» Владимира Ильича. Докладываю ему о занятии станции и сообщаю, что пока работает только его телефон, все остальные молчат. «Немедленно включайте по списку наши телефоны. Включайте Московский штаб». Я сообщаю Владимиру Ильичу свой телефон и проверяю по списку, как идет включение «наших» телефонов. Комиссар станции Пупко, бывший эсер, начинает бузить. Я его удаляю со станции. Звонит Владимир Ильич:

«Товарищ Николаев, эсеры заняли телеграф. Немедленно свяжитесь с Ходынской радиостанцией и дайте циркулярное распоряжение от имени Совнаркома по всем приемным радиостанциям, что бандиты заняли Центральный телеграф... Считать все телеграфные распоряжения с такого-то часа провокационными».

Наскоро составляю проект радиогаммы, по телефону согласовываю с Владимиром Ильичем и звоню на Ходынку дежурному радисту:

«Говорит Николаев. Передайте циркулярное распоряжение от Председателя СНК товарища Ленина, которое я вам сейчас продиктую». — «Не могу. Откуда я знаю, что это товарищ Николаев? Голос может быть похожим; сюда уже звонили, я по телефону принимать распоряжений не буду; мне запретил комиссар». Прошу вызвать комиссара. Комиссара нет. Наконец меня осеняет мысль: я сегодня был на станции и передавал одному партийцу радисту секретное поручение. Об этом знали только мы двое. Прошу вызвать этого товарища. К счастью, он дежурил на станции, подходит к телефону. Ему уже было, по-видимому, сказано, в чем дело, и он сразу стал мне говорить о том, что нельзя передавать такие распоряжения по телефону. «Да ведь вы узнаете мой голос?» — «Как будто да, а вдруг провокация?» Тогда, чтобы убедить его, я намекаю о нашем секретном разговоре. «Теперь вы уверены, что это я?» — «Да, уверен». — «Тогда немедленно, без всяких отговорок, принимайте радиогамму и давайте скорей в эфир».

Я позвонил Владимиру Ильичу и рассказал о тех затруднениях, с какими мне пришлось выполнять его распоряжение. Он похвалил радистов и сказал, что позвонит в Московский штаб и даст распоряжение отправить отряд для охраны радиостанции. «Радио окажет нам большую услугу», — заметил он. Тут же Владимир Ильич дал мне инструкции, как включать телефоны сверх указанных в списке. Он сказал, что в Кремле будут дежурить три человека, в том числе и он. «Голоса вы хорошо знаете?» — спросил Владимир Ильич. «Да». — «Каждый заявленный телефон вы сообщайте нам в Кремль. Мы будем проверять владельца телефона через Московский штаб и после проверки сообщать вам для включения. Остальное делайте вы».

Так почти до утра один за другим включались «наши» телефоны, и я до утра слышал в кремлевском телефоне то голос В. Д. Бонч-Бруевича, то голос неутомимого Владимира Ильича. «Левые» эсеры телефонной связи были лишены. Впоследствии Владимир Ильич, вспоминая при разговоре этот случай, когда посредством радио ему удалось предупредить всех председателей исполкомов и партийных организаций о захвате эсерами Центрального телеграфа, внушительно говорил о том, как необходимо нам использовать все ресурсы и всех специалистов этого дела для развития радиосвязи.

Второй случай относится ко времени германской революции.

«Не будь радио, мы долго не узнали бы о том, что делается в Германии», — говорил Владимир Ильич, когда по радио были получены первые сведения о германской революции.

Ясно помню этот эпизод. На Ходынке было перехвачено сообщение германской радиостанции о захвате революционными рабочими и солдатами поездов и о продвижении вооруженных рабочих к германской столице. Вечером, когда мне сообщили об этом с Ходынки, я немедленно позвонил Владимиру Ильичу. Он просил меня приехать и зайти прямо к нему в комнату, где помещался телефонный коммутатор, около его кабинета. В ответ на его просьбу подробно рассказать содержание перехваченной радиোগраммы я предложил позвонить прямо на станцию и записать то, что принято радистом. Так и сделали. Я связался с радиостанцией, там оказались еще новые известия из Германии. Мне передают по телефону содержание этих радио, а Владимир Ильич записывает: «Вооруженные отряды фронтовиков и рабочих захватывают поезда»... Дальше говорится о вооруженных столкновениях. Владимир Ильич восклицает: «Это наш июль!» Отчетливо помню эту реплику и сияющее лицо Владимира Ильича. Потом он нетерпеливо говорит: «Дайте мне трубку, я сам буду слушать и записывать, так быстрее». Я понял, что ему непосредственно со станции хочется

слушать об этих исторических событиях, имеющих огромное влияние на судьбы мировой революции.

Никогда не забуду этих 20 минут. Владимир Ильич на маленьком столике записывает огненные слова о первых революционных победах германского пролетариата. В одной руке у него карандаш, в другой — телефонная трубка. Он весь напряжение, вскидывает на меня сияющие глаза, повторяет вслух наиболее интересные места радиogramмы, чтобы и я слышал. Подает реплики: «За ними пойдут другие», «Все идет хорошо!» Напишет несколько фраз и снова: «Это очень хорошо!» Лицо Владимира Ильича отражало все его переживания: смелую уверенность, радость, восторг... Вот тучка набежала. Я думаю: «Ну, что-нибудь неладное!» Владимир Ильич прекратил запись. Я гляжу на него вопросительно. Он останавливает диктовавшего радиста: «Подождите, товарищ. Не разберу, повторите слово перед этим»... С каждой новой приятной вестью оттуда, из Германии, он весь оживлялся. Ему было страшно неудобно писать, на стуле он сидел беспокойно. Я все ждал: вот вскочит он и будет быстро ходить по комнатке, потирать руки и говорить об открывающихся перспективах. Отдельные места радиogramмы Владимир Ильич читал вслух. Я был заражен его возбуждением, не мог оторваться от лица Владимира Ильича. Таким прекрасным было оживленное лицо незабвенного вождя! «Все? Спасибо, товарищ», — говорит в трубку Владимир Ильич.

Потом он обращается ко мне: «Радиogramма принята» — и просит, чтобы я в любое время звонил ему, как только еще что-нибудь будет перехвачено из Германии. Условились также о немедленной пересылке ему всех перехваченных из-за границы радио. Тут Владимир Ильич заторопился. Я понял, что ему захотелось скорее поделиться свежими радостными вестями с его ближайшими соратниками. Так хотелось мне от него услышать оценку событий в Германии! Ведь это должно было ускорить и углубить развитие нашей революции, закрепить наши первые победы! Но задерживать его было неудобно. «Да, у немец июль! Посмотрим, как они перейдут к Октябрю», — угадывая мои мысли, сказал Владимир Ильич и, прощаясь, добавил: «Замечательная вещь это радио...»

Делу радиостроительства и радиосвязи он после рассказанных двух эпизодов оказывал еще большее внимание, непрерывно проявлял к нему интерес и фактически руководил им, направляя работу своими ценнейшими практическими указаниями, иногда браня нас за промахи, и никогда не забывал поощрять успехи лучших работников в этой трудной области.

О ТОВАРИЩЕ ЛЕНИНЕ

Мне, выдвинутому из среды фабричных рабочих Иваново-Вознесенской губернии, работавшему непрерывно в Иваново-Вознесенске до мая месяца 1921 года, не раз приходилось бывать у Владимира Ильича. Привозил я ему от ивановских рабочих все горести, нужды и радости. Обратное привозил от Ильича, кроме приветов, и результаты материального улучшения подчас тяжелого положения рабочих. Ивановские рабочие в минуту общей грусти утраты Ильича чувствуют всю тяжесть понесенной потери, помнят и будут помнить его, как человека, во время тягчайших испытаний приходившего не только со словом утешения, но и с делом.

Весной 1920 года, когда наша Красная Армия смогла раздвинуть сомкнутое кольцо и расширить территорию РСФСР, у рабочих и выдвинутых ими работников сразу зашевелилась мысль о возможности пуска промышленности. Туркестан — в советских руках; значит, будет хлопок. Грозный, Донбасс — тоже; значит, будет уголь, нефть — топливо. Да если пошевелим мозгами, то можно будет с подлежащих закрытию фабрик кое-что перевести, сконцентрировать на лучших фабриках. Чтобы эту мысль осуществить, союз текстильщиков в Иваново созывает несколько совещаний из рабочих и хозяйственников, на которых было признано, что эта мысль может быть осуществлена только при условии организации одного губернского с большой автономностью управления вместо существующих в губернии десяти кустовых правлений. Надо произвести точный учет всего, что имеется на фабриках, выделить лучшие фабрики для предполагаемой работы, после чего и двинуться вперед для осуществления мысли.

Ивановские рабочие организации, не откладывая дела, рассылают по губернии лучшие технические силы в количестве 18 человек и через месяц получают материал, подтверждающий, что при указанных условиях, при минимальной поддержке

центра, в шесть месяцев работы можно дать республике до 120 миллионов аршин ткани.

Еду с проектом в центр. В Главтекстиле, в союзе текстильщиков, к сожалению, не соглашаются и смотрят пессимистически. Другие главки на мои доводы мало обращают внимания; а жалко бросать начатое дело, да и нужда республики в мануфактуре была очень велика. Последняя надежда — на товарища Ленина.

Я вспомнил первую встречу на Всероссийской конференции профсоюзов в 1917 году с Ильичем, в коммунистической фракции; я стал добиваться свидания и был принят... Коротко изложил Ильичу, с чем я приехал и почему к нему обратился. Ильич подошел ко мне, взял за плечо и сказал: «А правда ли, товарищ Королев, что будет выработано больше 100 миллионов аршин ткани?» Я ответил, что в подтверждение имею хорошо обоснованный материал. В. И. Ленин посмотрел на изрядную папку находящегося в моих руках материала и, вздохнув, ответил: «Материал-то, может быть, и хорош, но кто же теперь его сможет прочитать?», и повторил: «Наркомпрод в этом году хочет дать населению всего лишь 80 миллионов аршин, хорошо в 6 месяцев работы получить еще 120 миллионов», и добавил: «Теперь идите в канцелярию, изложите в сжатых пунктах ваши требования и доложите».

Изложенные 18 пунктов Владимир Ильич просмотрел, в принципе с ними согласился, и на второй день созывается комиссия, составленная из представителей заинтересованных ведомств, а вечером того же дня, после моего краткого доклада, вопрос проходит в СТО. Надо учиться нам всем дорожить временем, как Владимир Ильич. Он все предусмотрел: предварительно спросил меня о часе отхода поезда на Иваново-Вознесенск, поставил на обсуждение вопрос в 7 часов вечера первым, через секретаря вызвал автомобиль, и в 7 часов 40 минут я, благодарный Ильичу, радостный, уже ехал в вагоне-теплушке. По возвращении в Иваново сейчас же был организован митинг в фабричной столовой, и несколько тысяч присутствовавших рабочих сказали единодушное спасибо Ильичу.

Проходит два месяца; рабочие организации напрягают максимум усилий по стягиванию на фабрики рабочих, по организации фабричных коммунистических ячеек, мобилизуют 25% состава служащих советских учреждений на фабрики. Рабочие с каждым днем повышают производительность труда, а в это время взявшие на себя обязательства перед Ильичем представители центральных ведомств сводят к нулю их выполнение.

Опять поездка в Москву, снова безрезультатные хождения по главкам, и снова я обращаюсь к Ильичу.

15 ноября 1920 года тов. Ленин принимает нас втроем — меня, А. С. Киселева и Н. А. Жиделева. Первым его словом

было: «Товарищи, поздравляю с победой». Оказывается, Владимир Ильич только что получил радиотелеграмму о взятии Перекопа и о наших трофеях. Начинаю излагать нужды ивановской промышленности. По виду В. И. Ленин как будто не слушает моего доклада, закидывает десятками вопросов, как будто не относящихся к докладу: «Сколько рабочие сняли с огородов? Как они организовали огороды? Чем обрабатывают землю? Как жилища?» Не забывает и детей рабочих¹: «Нужно хоть в лепешку расшибиться, а детей ни на минуту не забывать». Спрашивает, в каком количестве расходуется местная газета. Когда же я ошибочно сказал, что мы издали 3 тысячи экземпляров «Ежегодника», он сейчас же меня исправил: «Не 3 тысячи, товарищ Королев, а 5 тысяч». Оказалось, что у него на столе наш справочник, а на обложке напечатано: «издано 5000». Товарищ Ленин указал на недостаточность тиража газеты, издаваемой в 8000 экземпляров из-за нехватки бумаги, и отметил, что не нужно было так много тратить бумаги на «Ежегодник». На мое заявление, что рабочие обрабатывают огороды и, не имея лошадей, заменяют их, сами впрягаясь в плуг по 10—15 человек, В. И. Ленин тут же написал записку наркому земледелия тов. Серее: отпустить из полученных в Петрограде из-за границы 20 штук 3 электроплуга для ивановских рабочих...

Разговаривая таким образом, я думал: пропал мой доклад, Ильич пропустил мимо ушей главное. Но по окончании беседы выяснилось, что из того, что я говорил, он не пропустил ни одного слова и уже сделал свои выводы. Такой способностью я был поражен. В этот раз я имел удовольствие переговорить с ним обо всем, высказать все, что наболело, пользуясь тем, что Горький запоздал к назначенному приему. В. И. Ленин был в хорошем настроении. Ленин так привлекает к себе, что не чувствуешь никакого перед ним стеснения в форме выражений, изливаешь все, а что забываешь, он в вопросах умеет сам вытащить наружу. Наша беседа на этот раз продолжалась полтора часа. Через два дня — я уже в Иванове и рассказываю рабочим о результатах посещения Ильича.

Пользуясь предложением Ильича обязательно при каждой поездке заглядывать к нему и докладывать о наших успехах, я еще не раз бывал за эту зиму у Владимира Ильича. Мне удалось получить через Ильича для ивановских рабочих право на предоставление им специальных поездов для поездок в свои районы за продовольствием, право на ремонт неограниченного количества вагонов своими силами и организацию маршрутов за продовольствием, за нефтью; нам были предоставлены

¹ Товарищ Ленин питал особую любовь к детям. Во все мои приезды по делам губернии Ильич подробно расспрашивал о жизни детей. Г. К.

20 грузовых автомобилей из Москвы для перевозки мануфактуры и еще многое другое; детям рабочих был назначен усиленный паек. Иваново-вознесенские рабочие будут всю жизнь помнить, кем был в тяжчайшие минуты для них товарищ Ленин. Он умел ценить проявленную инициативу и энергию, а рабочие сумели оправдать его доверие. Так, они в указанные 6 месяцев при выполнении центром только в размере 50% плана снабжения сырьем, топливом и материалами дали республике 118 миллионов аршин ткани...

Многое Ильич сделал для ивановских рабочих. В особо тяжелое время Ильич всегда приходил к ним с помощью. Так, например, благодаря содействию Ильича, ивановские рабочие в 1920 году были приравнены в продовольственном отношении к рабочим Москвы и Петрограда. Нет у Середских фабрик торфа, угрожает остановка — Ильич находит возможным снабжать их с торфяных болот Космынино Костромской губернии; не доставало топлива на Шуйские фабрики — Ильич также решает разбронировать находящиеся вблизи 3 тысячи кубометров торфа и передать фабрикам. Происходит мобилизация специалистов — слесарей и других на железные дороги и в военное ведомство — Ильич просит освободить от указанной повинности Ивановскую губернию. Получен хлеб из-за границы — и через Ильича часть его идет ивановским рабочим; через него же мы в самые критические моменты немало получили продовольствия как отдельными вагонами, так и целыми маршрутами. Несколько раз выручал ивановских рабочих Ильич и в моменты денежных кризисов, да и не перечтешь всего.

Мне приходилось еще несколько раз встречаться с В. И. Лениным вплоть до самой его болезни. Мне пришлось работать с товарищем Лениным в продолжение двух недель в комиссии по выработке положения об экономических совещаниях. На те или иные сомнения я всегда получал от товарища Ленина разъяснения. По поводу своего отзыва из Иваново-Вознесенска я заявил, что считаю его целесообразным, подал ему маленькую записку и тотчас же получаю следующий письменный ответ:

«Решение ЦК об ответственных разъездных работниках есть решение пленума ЦК.

Значит, бесспорно.

(Я лично вполне согласен с ним.)

Вам лично, мне кажется, непременно надо поездить

1) Аппарат ЦК надо усилить и *сблизить* с местами.

2) Заменить Вас в губернии должны Ваши помощники. Надо двигать молодых.

3) Вы сможете (и должны будете) *лично* заезжать почаще в Иваново-Вознесенскую губернию и проверять, помогать, по соглашению с Оргбюро двигать кандидатов и т. д.

4) Теоретиком не надо быть. Достаточно быть *партийцем*. Вы — хозяйственник. А нам именно [нужно], чтобы хозяйственники (от Цека) подтягивали места, проверяли, инструктировали»¹.

Как громом поразило нас заявление тов. Калинина 22 января 1924 года на XI Всероссийском съезде Советов о смерти Владимира Ильича Ленина. Выдавший много в рабочей, подчас очень горькой, жизни, я не выдержал, что-то сдавило горло, слезы брызнули из глаз...

23 января, стоя у гроба Ильича в почетном карауле в течение 10 минут, я не отрывал глаз от дорогих черт лица Ильича. Я запечатлел их на всю оставшуюся мою жизнь. Здесь я еще раз поклялся до конца быть верным его заветам, если понадобится — отдать свою жизнь за справедливость, за угнетенных, эксплуатируемых и за их окончательное освобождение.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 3. М., Госполитиздат, 1961, с. 288—292

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 232—233. *Ред.*

ДЕПУТАТ ТРЕХГОРКИ

I

В. А. ЕМЕЛЬЯНОВ

Владимир Ильич Ленин был бессменным депутатом Московского Совета от коллектива крупнейшего текстильного предприятия столицы — Трехгорной мануфактуры¹.

Ильич был частым и желанным гостем трехгорцев. Там, где сейчас расположен Дом культуры имени Ленина, раньше стояла прохоровская столовая-кухня. В этом помещении в 1920 и 1921 годах Владимир Ильич выступал перед трехгорцами.

В 1920 году Владимир Ильич приехал на «Трехгорку» 1 мая. Навсегда запомнил я и его выступление 6 ноября 1921 года, в день четвертой годовщины Октябрьской революции.

Я председательствовал на этом собрании. Докладчиком по вопросу о международном и внутреннем положении Советской республики выступала товарищ Коллонтай. Вдруг мне сообщают:

— Приехал Ильич.

Оказывается, Ленин вошел со двора и, чтобы не прерывать докладчика, скромно стал за занавесом.

Тов. Коллонтай, узнав, что в зале находится Владимир Ильич, быстро закончила свое выступление.

— Слово предоставляется члену Московского Совета от Трехгорной мануфактуры товарищу Ленину, — отдельно и громко объявил я.

Трудно словами передать то, что творилось в этот момент в зале. Это был какой-то необычайный вихрь оваций и приветственных возгласов.

Внимательно, боясь, как бы не проронить слова, слушали мы своего вождя. Каждое слово западало нам в сердце, будило в нас одно стремление — идти дальше к вершинам коммунизма.

¹ Каждые выборы в Московский Совет В. И. Ленин получал депутатский билет № 1. До сих пор за В. И. Лениным сохраняется депутатский билет члена Московского городского Совета депутатов трудящихся № 1, выдача остальных депутатских билетов начинается с № 2. *Ред.*

II С. ВОЛКОВ

Было дело как раз в третью годовщину Октябрьской революции. Навестил нас вождь трудящихся Владимир Ильич.

Третья годовщина была объявлена праздником труда. Все рабочие должны были организованно пойти к месту работы, убрать и привести в порядок имущество, которое принадлежало трудящимся.

Было намечено разобрать питейное казенное имущество в складе (это за Москвой, примерно верст десять). Рабочие и работницы дружно собрались и ровно в семь часов двинулись пешком за город и возвратились обратно около трех часов дня.

Мы знали, что в этот день у нас должен был выступать Ильич. И действительно, Владимир Ильич приехал раньше срока на 40 минут и терпеливо ждал, пока рабочие закусят и отдохнут, так как мы только что пришли.

У нас он спросил: «Как настроение рабочих?» «Работали мы, — говорим, — верстах в восьми от Москвы». Он спросил: «Что же, пешком ходили?» Мы отвечаем: «Да».

Он нам сказал: «Мало вас ругают, а есть за что поругать. Впервые, участвовали семейные работницы?» Отвечаем: «Да». «Ну, вот, у них малые ребятишки остались дома без всякого присмотра, а вы не учли этого положения».

Рабочие действительно громко разговаривали и спорили между собой о том, что их далеко послали и на самую работу осталось мало времени. Владимир Ильич сидел и прислушивался к разговору. Наконец задал нам вопросы: «Какой процент работниц у вас на производстве? Много ли работниц участвует активно в советском строительстве? Сколько в ячейке членов РКП? Есть ли женщины-партийки?»

Мы ответили на все поставленные Владимиром Ильичем вопросы, и разговор на этом пришлось прекратить, так как пора было открывать собрания.

Когда Ильич приветствовал третью годовщину Октябрьской революции, видны были радостные лица рабочих, все забыли обиды и невзгоды. Ильич очень коротко и ясно обрисовал наше положение.

Когда у нас на фабрике происходили выборы в Советы, мы выбирали в члены Моссовета Владимира Ильича. Список вывешивался на самом видном месте, рабочие смотрели и говорили: «Раз Ильич первый в списке, то, значит, список правильный. Наши члены Совета не посрамят имя Ильича, будем голосовать за список единогласно». И всегда, как только оглашались списки кандидатов, то все чутко прислушивалось; как только услышат имя Ленина, раздаются аплодисменты.

Когда Ильич заболел, то рабочие постоянно спрашивали о его здоровье.

На последних выборах решили сами отвезти ему мандат. Была составлена делегация. Ей поручили передать ему мандат и пригласить на собрание рабочих. Но Ильич был тяжело болен, и повидать его напоследок нам не пришлось.

Ильич, наш выборный и наш вождь, умер, но дело и учение его живет. Он оставил нам ленинизм. Ленинизм есть орудие борьбы за освобождение всех трудящихся. Да здравствует ленинизм!

III

К. С. ОВСЯННИКОВА

Владимир Ильич несколько раз выступал на собраниях рабочих «Трехгорки». Собирались мы на «Большой кухне», той самой, где в 1905 году помещался штаб боевых дружин.

Я жила в те годы в Сосновской девичьей спальне. Как-то вечером слышу — в коридоре кричат: «Ленин приехал!» Накинула платок — и скорей на улицу. А тут уже все лестницы гудят от топота ног... Ильич приезжал неожиданно, без предупреждения, но не прошло и нескольких минут, как — яблоку негде упасть. Ильич не произносил речей, а беседовал с рабочими. Сколько задушевности, теплоты было в его словах! Все было в нем наше, родное, рабочее. И слова его, и простота обхождения, и манера держаться.

Помнится, с каким вниманием Ильич прислушивался к высказываниям рабочих. Он, учивший правде весь мир, сам учился у нас.

Очень внимателен был Ильич к людям. Как-то и ко мне обратился Ильич. Дело было, если память не обманывает, на третью годовщину Октября. С утра мы пешком ходили на субботник за Москву, в хорошевский Серебряный бор. Вечером собрались на «Большой кухне». Ильич приехал раньше, но объявлять о том не велел; где-то ждал около часа, пока рабочие отдохнут, закусят.

Я сидела в первом ряду и держала за руку своего мальчишка-малолетку. Ильич расспрашивал рабочих о субботнике. Вдруг посмотрел на меня и спрашивает:

— И вы, товарищ, на субботник ходили?

— Да, — отвечаю, — ходила.

Тут Ильич заинтересовался, накормили ли меня там. Я ответила утвердительно. А потом Ильич обратился ко всем и говорит:

— Вот посмотрите, женщина — мать маленького ребеночка, другого скоро ждет, а чтобы помочь государству, за 8 верст

гешком ходила. С такими рабочими людьми мы скоро одолеем разруху!

Не ждала я за свое участие в субботнике получить такую награду, как эти слова Ильича. На всю жизнь запомнились!

В своих речах Ленин много говорил нам о громадной задаче, стоявшей тогда перед страной,— наладить народное хозяйство — и выражал уверенность, что мы победим на фронте труда так же, как победили на всех фронтах гражданской войны.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 600—603

ЖИВОЙ ЛЕНИН

1

В самом начале 1919 года в Москве я увидел впервые Ленина. Поправившись от тяжелой раны после покушения контрреволюции на его жизнь, Ленин начал выходить.

В Наркомпросе, в здании бывшего лицея, у Крымского моста, Ленин ожидал Надежду Константиновну Крупскую. Он был в шубе, без шапки и прохаживался в узком пространстве вестибюля, между парадной дверью и лестницей, где сидел у столика швейцар.

Сверху так хорошо была видна голова Ленина — большая, необычная, запоминавшаяся с первого взгляда. Завитушки светлых, желтых волос лежали на меховом воротнике. Взмах лба, темя и затылок были странно преобладающими во всем облике, который и другими чертами не повторял никого из знакомых живых образов истории или современности, а принадлежал только этому человеку — Ленину. Держа за спиною шапку, он методично, маленькими шажками, двигался взад и вперед, очень сосредоточенно, не нарушая размеренность этого движения и только изредка поднимая взгляд.

Хотя занятия давно кончились и в доме оставалось мало служащих, по комнатам быстро разлетелся слух, что за Надеждой Константиновной заехал Ленин. Помню, как прибегали машинистки из отделов посмотреть на Ленина, перевешивались через балюстраду и убегали, если он поднимал голову.

То, что Ленин прохаживался возле швейцара, который во-зился с кипятком, и то, что кругом запросто появлялись и исчезали переполненные палящим человеческим любопытством служащие, оставило во мне первое покоряющее впечатление о Ленине как о человеке совершенно доступном, непринужденном и ярком своей мужественной простотой.

В июле 1920 года в Петрограде открылся II конгресс Коммунистического Интернационала.

В зал Дворца Урицкого Ленин вошел во главе группы разноплеменных делегатов конгресса. Навстречу ему тронулся и пополз, все поглощая своим грохотом, обвал рукоплесканий. В этот момент со всех сторон внесли в зал корзины с красными гвоздиками и стали раздавать цветы делегатам.

Ленин прошел поспешно через весь зал, наклонив вперед голову, словно рассекая ею встречный поток воздуха и как будто стараясь скорее скрыться из виду, чтобы приостановить аплодирование. Он поднялся на скамьи президиума, и, пока длилась овация, его не было видно.

Когда стихло, он неожиданно опять появился в зале и очень быстро стал подыматься вверх между скамей амфитеатра. Его не сразу заметили, но едва заметили, опять начали аплодировать и заполнять проход, по которому он почти взбегал. Он поравнялся с каким-то стариком и, весело улыбаясь, протянул ему руки. Не знаю, что это был за старик. Судя по тому, как степенно и даже важно он поздоровался с Лениным, — его добрый знакомый из крестьян.

Ленину пришлось вынести третью и, пожалуй, самую восторженную, подавляющую овацию, когда он ступил для доклада на трибуну. Он долго перебирал бумажки на кафедре, потом, подняв руку, тряс ею, чтобы утомившийся зал. Укоризненно и строго поглядывал он по сторонам, вдруг вынул часы, стал показывать их аудитории, сердито постукивая пальцем по циферблату, — ничто не помогало. Тогда он опять принялся пересматривать, перебирать бумажки. Гул аплодисментов улегся не скоро.

Ленин-оратор обладал полной слитностью жеста со словом. Содержание речи передавалось пластично, всем телом. Казалось, что расплавленный металл влит в податливую форму, настолько точно внешнее движение сопутствовало слову и так бурно протекала передача огненного смысла речи. Ленин часто глядел в свои записки и много называл цифр, но ни на одну минуту он не делался от этого монотонным профессором, оставаясь все время великим трибуном.

Когда он спросил у зала: почему создается во всем свете «беспокойство», как выражается деликатное буржуазное правительство Англии, — все его тело иронически изобразило это неудобное, щекотливое для буржуазии «беспокойство», и мировая политика на глазах у всех превратилась в разящий саркастический образ.

Со мною рядом, в ложе для журналистов, сидел художник. Ощупывая цепкими глазами фигуру Ленина, он силился пере-

пести ее жизнь на бумагу. Но жест, но движения Ленина оставались не пойманными. Художник пересел на другое место. Потом я его видел на третьем, на четвертом. Объективы фотокамер и кино вместе с художниками ловили неуловимого живого Ленина.

После заседания Ленин вышел из дворца в толпе делегатов, вместе с Горьким. Тут, при выходе, фотограф снял их, и отсюда — знаменитый портрет: Ленин и Горький у колонны дворца.

3

День был сверкающе синим. Над головами плели трехметровый венок из дубовых веток и красных роз, чтобы на площади Жертв Революции возложить его на могилы тех, чья жизнь была непреклонной в бурях — как дуб, прекрасной — как цветение розы.

Ленин шел впереди с делегатами конгресса. Рядом с ним все время сменялись люди — иностранцы, русские, старые и молодые.

Он шел без пальто, расстегнув пиджак, закладывая руки то за спину, то в брючные карманы. Было похоже, что он — не на улице, среди тяжелых, огромных строений, а в обжитой комнате, может быть у себя дома: ровно ничего не находил он чрезвычайного в массе, окружавшей его, и легко, свободно чувствовал себя во всеобщем неудержимом тяготении к нему людей.

В этом шествии Ленин замечательно разговаривал с одним человеком.

Но тут — короткое отступление. В Петроград приехал немец, который три дня возглавлял «независимую» республику в Брауншвейге, раздавленную затем Носке. Я встретился с ним во Дворце труда. С балкона мы глядели на площадь, суровую, хранившую следы недавней германской обороны Петрограда от Юденича.

Брауншвейгец волновался по поводу советского порядка распределения товаров. Горбатый, он вдруг воздел длинные руки над головой и с отчаянной тоскою обвел глазами всю площадь:

— По почему же у вас закрыты мелочные лавки? Если у меня оторвется пуговица, где я ее куплю?!

По профессии этот брауншвейгский республиканец был портным...

И вот в числе разговаривавших с Лениным по дороге к площади Жертв Революции оказался этот брауншвейгец.

Ленин наклонил голову пабок, чтобы лучше слышать шненького собеседника. Сначала Ленин был серьезен. Потом заулыбался, прищурился, коротко подергивая головой. Потом

отшатнулся, обрывисто махнул рукой с тем выражением, которым говорится: чушь, чушь! Брауншвейгец, жестикулируя, продолжал что-то доказывать. Ленин взял его за локоть и сказал две-три фразы — краткие и какие-то окончательные, бесповоротные. Но брауншвейгец яростно возражал. Тогда вдруг Ленин легко хлопнул его по плечу, засунул пальцы за проймы жилета и стал смеяться, смеяться, раскачиваясь на ходу, прибавляя шагу и уже не оглядываясь на рассмешившего его человека.

Не о пуговице ли заговорил неудачливый брауншвейгец? Возможно, конечно.

Эта сцена, длившаяся всего две-три минуты, дала мне случай увидеть веселого, от души хохочущего Ленина, наблюдать его манеру жизненного спора — с быстрыми переменами выражения лица, с лукаво прищуренным глазом, с чередованием жестов, полных значения, страсти и воли...

Из этих трех мгновений, драгоценных для меня, запечатлелся в моем воображении и в сердце гениальный, вечно живой Ленин.

СИБИРЯКИ У ЛЕНИНА

І. ДРУЖБА НАРОДОВ

Год 1920-й. Кремль. Солнечное летнее утро.

Небольшая комната около зала Совнаркома — сегодня комиссия. Здесь назначено совещание по определению границ Казахстана, выделившегося в 1919 году как автономная государственная единица. Новое государство хочет уточнить свои рубежи. Вопрос сложный и деликатный. Об этом свидетельствует приготовленная на стене карта. На ней выделяются среди степных кочевий оседлые хозяйственные угодья. То русские казаки и переселенцы заселили и освоили бывшие казахские земли.

Сегодня совещание должно решить запутанный историей вопрос: в чьи государственные границы должны быть включены эти земли? Останутся ли они в границах Сибири — по национальности современного русского населения — или отойдут к Казахстану.

Ожидаются жестокие споры. Сибирский ревком — против передачи новой республике прииртышской и переселенческой территории. А представитель центра в Сибирском ревкоме, наоборот, — за отчуждение от Сибири этих земель.

Вчера в подготовительной комиссии эти разногласия уже столкнулись, но остались неразрешенными и перенесены на сегодня. Сегодня будет вынесено окончательное решение.

Но комната еще пуста. Большая стрелка часов почти за полкруга до срока. А в комнате пока лишь один человек — председатель предстоящего совещания — Ленин. Это его обычай — не затруднять ожиданием других.

Нам странно видеть: авторитетнейший руководитель самого обширного в мире государства — в положении рядового сотрудника собственной канцелярии, в роли собирателя первичной комиссии!

Первых пришедших на заседание он встречает словами:
— Пожалуйста, товарищ! Входите, присаживайтесь!

Приглашает приветливо, просто, как хозяин гостей в своей квартире.

Сам он не садится, а неспешно шагает — от стола к карте и к двери. Плотно сбитая фигура, поношенный пиджак. Пытливый, внимательный, проникающий взгляд и дружеский, приветливый разговор придают канцелярской обстановке отпечаток неофициальности, домашности.

— Из Сибири? Как добрался? Хорошо ли вас устроили? Присаживайтесь, сейчас подойдут.

Речь Ленина стремительна. Но слова произносятся четко, ясно. Так же и жест и движение: не резки, но точны и быстры, без всяких признаков суетливости. Собранность и целеустремленность в каждом движении.

И эта легкая в говоре картавость, скрадывающая резкие звуки слов... Она смягчает резкость лепнической речи:

— Вы против нашего проекта. Почему вы хотите обидеть этот хороший народ?

Это «вы» звучит у Ленина не как индивидуальное обращение ко мне — Сибиряку¹, а явно подразумевает и тех, кем я послан и кого представляю. И Сибиряк понимает. Это сразу отрывает его от собственной принципиальной позиции. Он становится объективным ее наблюдателем, а она приобретает самостоятельный, не личный, а общественный интерес и новый смысл, чем казалось до этого. Она оказывается и для него самого более доступной обозрению, притом с какой-то необычной, по-вой стороны, подсказанной Лениным.

Сибиряк — приземистый бородач из бывших сибирских ссыльных — удивлен и обрадован. Он знал, что совещание пойдет под председательством Ленина. Но совсем не ожидал встретить его здесь раньше всех участников. Откуда Ленину известна его точка зрения? Он так по-товарищески просто о ней говорит...

Сибиряк получил на месте строгий наказ: блюсти целостность сибирской территории. А поэтому сейчас же изготовился к бою:

— Не обидеть... а хотим предупредить возможность острой национальной вражды между казахами и сибирскими казаками.

— Поэтому предлагаете утвердить между ними шовинистические рогатки? — оживляется Ленин. — Но ведь это как раз и есть источник острейшей национальной вражды! Вы не находите?

Ленин останавливается и круто оборачивается к Сибиряку. Твердый, пропизывающий и одновременно проницательный взгляд

¹ Сибиряк — литературный псевдоним В. Н. Соколова, применяемый автором для удобства изложения воспоминаний от третьего лица. *Ред.*

смягчается дружественной, благодушной усмешкой. Этот живой, не портретный взгляд Ленина, такой новый и близкий, смущает Сибиряка. Он не сразу находит ответ. Вопрос снова встает перед ним по-новому, с иной стороны, — не от Омска, а от Москвы, без полемики, не формально, а по-живому. Но Сибиряк упорствует на своей наказной позиции.

— Историческая земельная распря, — ищет он свою формулировку, — заставляет предполагать...

— Какой вздор! Переверните вопрос — обнаружится сибирское великодержавие. Это же куда опаснее!

Ленин смотрит на Сибиряка с веселым прищуром, как будто хочет сказать: «Как же так, братец мой, ты этого не заметил?»

Тон и усмешка те же — благодушно приветливые. Но слова серьезны и точны. Эта точность требует такой же точности и в ответе. Она ломает готовую защитную схему Сибиряка, заставляет его иначе подойти к делу.

Ленин как будто читает невысказанные мысли Сибиряка, как будто видит его внутреннее смятение. Он говорит ему по-дружески мягко:

— Не с сибирской вышки посмотреть надо... И даже не с Ивана Великого. А может быть, с Гималаев? — чуть усмехнулся Ленин. — Разумеется, не в английские окуляры!

Эти английские окуляры, намекающие на двухвековое английское владычество в Индии, открывают Сибиряку еще одну новую брешь в его уже привычном взгляде на вопрос. Он не сразу находит нужный ответ.

Комната начинает наполняться. Один за другим приходят участники совещания. Зная обыкновение председателя, они тоже поспевают до срока, более серьезные и подтянутые, чем обычно. Деловито занимают места и обмениваются негромкими фразами.

Состав совещания почти тот же, вчерашний, — представители наркоматов и мест. Новый на совещании лишь председатель. И другая — меньше и проще — комната.

Ленин одинаково внимательно встречает каждого. Каждому успевает бросить дружеское приветствие, послать усмешку, знакомый внимательный взгляд. С некоторыми, как и с Сибиряком, перекидывается двумя-тремя короткими фразами по сегодняшнему вопросу, как будто хочет проверить себя или их.

Его реплики чаще всего неожиданны, необычны; простые слова звучат не по-обиходному: оригинальное сочетание их, интонации речи раскрывают их иной, глубже обычного, смысл.

Вот он быстро отметил глазами только что входящего: молодой человек с черной густой шевелюрой, в круглых очках. Он входит уверенно, смотрит прямо перед собой, не замечая других. Сибиряк уже знает его: это главный его супротивник Кантаров — сторонник самой «левой» позиции.

Один какой-то момент Ленин как будто любуется им, сгорбив под усами улыбку. Потом сразу, что называется в лоб, атакует вопросом:

— Как вы сегодня насчет Иртыша?

Кантаров не казах. Но он известен своим проектом о принудительном выселении из Казахстана всех русских поселенцев. И он не задерживается с ответом:

— Иртыш? Разумеется, освободить и передать исстари казахские земли казахам.

— А переселенцы? А русские казаки?

— На Алтай — там много всяких земель!

— ...исстари принадлежавших тоже другим народностям? — перехватывает Ленин. Он не скрывает своей иронии — уже сарказм звучит в словах и насмешкой брызжут глаза.

За столом с интересом прислушиваются. Кантаров остается неуязвим:

— Историческая справедливость, — настаивает он, — должна быть восстановлена!

— Справедливость — это из головы, — замечает Ленин. — А реально — это новое насилие над массами, вам не кажется?

Такие встречи председателя никого, по-видимому, не обижают, не ставят в неловкое положение. Наоборот, люди сразу вводятся в курс дела как его активные исполнители, имеющие право на собственное суждение. Дело обертывается к ним как раз той стороной, которой до этого они, может быть, и не замечали или не придавали значения. Они становятся доступнее, ближе друг к другу, как будто пришли не на официальное заседание, а на дружескую беседу.

Вероятно, не редко и не только в исключительных случаях Ленин берет на себя непосредственное руководство в комиссиях. И комиссии с его участием, вероятно, многолюднее и полнее обычных. Однако в них, и это уже наверно, меньше сутолоки, больше порядка и дела. Как будто уплотняется при нем и самое дело и даже время, в которое оно укладывается.

В дверь заглядывает и осторожно, боком проходит казах. Не так молод, смуглолиц, ширококул, следы оспы на лице, небольшие внимательные глаза. В европейском скромном костюме, и, видно, давно отошел от кочевых навыков. За ним так же осторожно, но уверенно входит другой — в национальном халате и лисьем малахае.

Ленин оживленно приветствует их:

— А вот и они, именинники наши! Здравствуйте! Скажите нам, пожалуйста, для начала: что хуже — казаки над вами или вы над казаками?

Галим Тажибаев чуть трогает малахай, оглядывает собрание и недоуменно разводит руками. Но, взглянув на Ленина, расцветает широкой улыбкой:

... — Не знай... Оба плохая! Я так думаю: зачем над, зачем под? Вместе надо!

Ленин, довольный, смеется. Он ищет взглядом Сибиряка. Переводит глаза на Кантарова. Глаза блещут внутренним веселым смехом.

— И учиться надо, правда? Учиться управлять... и ужиться с друзьями?

Посмотрел на часы уже как председатель...

— Кажется, все пришли? Приступим, товарищи?

Задвигали стульями. Защелкали привычно портфели. Затихли негромкие разговоры. Никто не заметил, как переглянулись Кантаров с Сибиряком. Вчера они добросовестно сражались друг с другом. И теперь взглядами как будто спрашивали один другого: ну, как сегодня?..

... — За кем доклад? — открывает заседание председатель. — Товарищ Серго¹... Пожалуйста! Коротенько, самую суть.

Председательские часы перемещаются из жилетного кармана на стол: старые навыки нелегальных собраний, когда каждая минута на строгом учете.

Почти все, кроме приезжих, знают ленинское «коротенько». Оно отнюдь не означает спешки и торопливости обсуждения, но ведет заседание к быстрейшему окончанию. Заключается в нем призыв к сосредоточенности внимания, к точности мысли. Подразумевается совет: не расплываться в словесных украшениях!

Сибиряк подсел к своему единомышленнику — иртышскому казаку Гамидову. Они приехали сюда вместе и с одним и тем же наказом — защищать неотрывность Иртыша от Сибири. Немногословный Гамидов, более привычный к сибирским степным просторам, чем к заседаниям, чувствовал себя связанным. Боевое настроение первых московских дней у него неуклонно понижалось. Со вчерашнего дня Сибиряк заметил в нем неуверенность и колебания даже в вопросе об «иртышской» территории. Сейчас Гамидов особенно внимательно присматривался к Ленину.

Докладчик не растягивал. История вопроса, он знал, достаточно всем известна. Охраняя дворянское землевладение, царское правительство отнимало и позволяло отнимать земли у слабых народностей. На эти земли переселялись из России многие тысячи крестьян. Казахи, как и другие малые народы, под гнетом насилия вынуждены были тесниться и терпеть. Протесты их нередко переходили в восстания и свирепо подавлялись.

Лишь за четыре года до этого было подавлено последнее казахское восстание, сотни повстанцев были казнены и осуждены на каторгу²...

¹ Имеется в виду Г. К. Орджоникидзе. *Ред.*

² Имеется в виду восстание в 1916 году под руководством казахского народного героя Амангельды Иманова. *Ред.*

— Казахская ненависть к царизму, — говорит докладчик, — направлялась царскими сатрапами на русских поселенцев — крестьян и казаков. Национальная вражда становилась завесой для угнетателей и громоотводом народного гнева.

Поднимается докладчик — представитель Наркомнаца.

— Наша задача, — говорит он, — воспитать солидарность и взаимную дружбу разноплеменных народных масс. Государственная самостоятельность доселе угнетенных народностей — вернейшая предпосылка дружбы народов...

Подойдя к карте, он коротко набрасывает практическую программу организации территории новой Казахской советской республики: бывшие казахские земли, занятые русскими казаками и переселенцами, оставить за ними. Но нужно включить их в республиканские границы Казахстана. И включить в казахстанские рубежи также ближайшие государственные земельные фонды с находящимся здесь русским и иным населением, административными и культурно-хозяйственными учреждениями: городами, промышленными предприятиями, опытными станциями, племрассадниками, совхозами...

— Внешние республиканские рубежи, — поясняет докладчик, — уничтожат внутренние национальные перегородки, а с ними и племенную настороженность и вражду. Разноплеменное население на деле окажется в одном и том же правовом положении одного и того же государственного образования. И новые свободные политические взаимоотношения быстро перестроят бытие и сознание людей.

Кончил. Председатель посмотрел в его сторону:

— Все? Кто желает добавить? Пожалуйста. Коротенько.

Выступающие подчиняются председательскому призыву. Говорят без предисловия, без нарочитой расцветки, без излишней жестикულიции — коротко, просто, не повторяясь. Каждый говорит лишь то, чего до него не сказали другие.

Председатель, склонившись к столу, изредка поднимает глаза. Что-то пишет на лежащей под рукой бумаге. Однако внимательно ведет собрание. Именно ведет, направляет его. Слышит и оценивает каждое слово. И немедленно, в меру и с тактом, реагирует...

— Разрешите мне! — Каптаров проводит рукой по груди шевелюре — признак решимости и сдерживаемого волнения.

Председатель на момент поднимает к нему глаза:

— Пожалуйста, ваше слово.

Собрание настораживается.

— Я все-таки должен обратить внимание, — замедленно и торжественно начинает оратор, — на то необоснованное примиренчество к исторической несправедливости, которое мы слышали в докладе...

— Что вы предлагаете? — вскользь замечает председатель, не поднимая головы и чуть нажимая на местоимение,

— Это я своевременно сформулирую.

— Продолжайте, пожалуйста. — И председатель перебрасывает клочок бумажки Сибиряку:

«Что вы знаете о влиянии (культ.-хоз.) переселенцев на казахов... скажите?»

Пока Сибиряк разбирает и обдумывает записку, Кантаров успевает закруглить свой вывод. Хотя Сибиряку этот вывод уже известен — выселение из Казахстана пришедших поселенцев на сибирские земли, но он выслушал его точную формулировку. А теперь обязан возражать, но, к его досаде, оказывается лишним отправной точки.

— Кто еще?.. Желательно бы услышать о взаимодействии хозяйственных форм — кто у кого теперь учится?

Взгляд председателя опять обращен на бумагу и карандаш. Но Сибиряк чувствует, что вызов относится именно к нему.

Он уже понял, как понимают и все участники заседания, что словам здесь тесно. Вынут и становятся лишними еще не высказанные им, заготовленные раньше соображения. Мысли, казавшиеся дома неопровержимыми, поблекли и обвисли, как на сломанной ветви потемневшие листья... Но думать об этом сейчас уже поздно: Ленин ждет ответа на свою записку...

— В районах с русскими поселенцами, — отвечает на нее Сибиряк, — кочевое хозяйство быстрее становится оседлым и земледельческим. Чем раньше обосновался крестьянский поселок, тем гуще вокруг него оседают казахи-пахари. И тем заметнее рост культурных запросов в казахской юрте.

— А рост казахского батрачества в крестьянской избе? — быстро и насмешливо вклинивает председатель.

— Поднимаются в равной мере, — не задерживает с ответом Сибиряк, — и батрачество и другие формы кулацкой и торговой эксплуатации казахов.

— Любопытное признание, — одобрительно усмехается Ленин. — И еще один вопрос к вам лично, — обращается он к Сибиряку: — присоединение этих районов к русской территории (скажем, к Сибири) не окажется ли поощрением и усилением этой эксплуатации?

— Несомненно, окажется, — говорит Сибиряк. — Это будет ее политическим подкреплением! («А почему ты не видел этого раньше?» — одновременно в мыслях упрекает себя Сибиряк.)

— Что и требовалось доказать!.. — Председатель с чуть заметной добродушной усмешкой смотрит на Сибиряка.

Только теперь Сибиряк понял, как он, незаметно для себя, сдал председателю свои сибирские наказные позиции. Теперь даже не удивился и сам, настолько отсталым и ненужным показался ему сейчас его вчерашний бой за «иртышские» земли.

Защита их в пользу Сибири представлялась теперь совсем неоправданной. —

Но эти горькие размышления никого здесь сейчас не занимают. Независимо от них собрание идет своим порядком. Председатель не задерживает обсуждения. Слово получает Галим Тажибаев — защитник интересов рождающегося Казахстана.

— Тот товарищ, — кивает он на Сибиряка, — правильно говорит: казахи много страдают от русских купцов... И свои баи тоже не лучше. Баи крепче вяжут бедных казахов. Народ много беднеет. Скот гибнет без корма, хлеба мало получать можно. Надо самим сеять, зимой скот кормить. И учиться надо, у русских крестьян пример брать... — Он обводит глазами собрание, как будто желает проверить, что его поняли так, как он этого хочет.

— Что говорил докладчик — очень правильно: нам не можно без Иртыша!.. И мы не согласны отпустить на Сибирь трудящихся казаков и русских крестьян...

Он останавливается, как бы подыскивая слова. На лице отражается напряжение. Так бывает, когда оратор вдруг теряет ближайшую мысль и от волнения не может ее уловить.

Председатель мягко и осторожно подает ему конец оборванной нити.

— Иртыш вам нужен, чтобы учиться хозяйству?

— Да, да, — обрадованно принимает он реплику, — зимой много скота голодом пропадает. Казаки готовят сено — у них учиться надо!

— И учителей, хоть и плохи они, — ободряет председатель, — выселять не желаете?

— Зачем выселять? — оживляется Галим. — Не надо выселять. Надо, чтоб жили — от них может большая польза казахам!

— Ну вот, это совсем неплохо, — говорит Ленин.

И Галим снова находит уверенность и нужные слова. Он видит и чувствует внимание Ленина и собрания. А Ленин, дружески улыбаясь, кивает ему и жестом дает понять, что главное Галимом уже сказано и нет пока пужды на этом задерживаться.

Эта безмолвная переключка председателя с Галимом Тажибаевым для Сибиряка и Кантарова звучала упреком. Может быть, она действительно предназначалась больше для них, чем для неопытного казахского оратора.

Сибиряк наклоняется к Гамидову.

— Ну как, — осведомляется он у него, — продолжаем борьбу или свертываемся?

— Уж и не знаю... — колеблется Гамидов, — ведь у них действительно ни городов, ни фабрик, ни школ. Разбросаны по стойбищам. Ужаты со всех сторон... Нужно им помочь!

— Короче: наше предложение об «иртышской» территории не ставим?

— Да, я так думаю.

Молчаливо договорились нарушить сибирский наказ. И как будто свалилась обуза с плеч у того и другого. Каждому казалось, что с первого момента сегодняшней встречи Ленин уже знал всю неоправданность и надуманность сибирской позиции. Он ни на момент не сомневался, конечно, в идейной честности сибирских делегатов. Он доверял им. Доверял их готовности не остановиться перед правильными выводами.

И можно ли им теперь это доверие обмануть ради соблюдения формального подчинения наказу?!

Обсуждение подошло к концу. Решение для всех было ясно.

Председатель, соблюдая порядок до последнего момента, руководит собранием.

— Все ясно, товарищи? — обращается он ко всем. — Будем голосовать?..

Сторонников отрезки «иртышских» земель от Казахстана не нашлось.

II. «НАДО ИЗВОРАЧИВАТЬСЯ!»

Летом двадцатого года Сибирский ревком решил послать одного из своих членов в Москву к Ленину. Нужно было просить об отмене распоряжений о выводе из Сибири одной из двух расположенных там дивизий.

Для советской Сибири это было трудное время. Японцы висели над Байкалом. В Забайкалье атаманствовал бандит Семенов. Унгерновские и им подобные шайки налетали и пакостили из-за монгольской границы.

Опасаться за Советскую власть, конечно, не приходилось: слишком свеж был в сибирской памяти колчаковский опыт. Но по сибирской же поговорке «береженого бог бережет» нужно было, сколь возможно, обезопасить себя.

Во всяком случае, с двумя дивизиями куда спокойнее, чем с одной. Так думали тогда в Сибирском ревкоме.

Это поручение было возложено на меня. Я только что объехал Сибирь и под свежими впечатлениями мог полнее рассказать в Москве о тамошнем положении.

Задолго еще до Москвы я волновался и готовился к разговору. Я знал, что Владимир Ильич всегда интересовался Сибирью. Даже больше: интерес его претворялся в большую государственную заботу об устройении этой богатейшей окраины.

Это успокаивало и обнадеживало.

Вот и кабинет Ленина... с двумя окнами, не особенно просторный. По стенам большие книжные шкафы. Перед ними — солидный письменный стол, заполненный книгами и газетами. Стол стоит так, что работающему за ним удобно пользоваться книжными полками. Ближе к столу вращающаяся рабочая эта-

жерка с книгами. Против стола, по сторонам входной двери, большие географические карты.

Кабинет глубочайшего мыслителя, образованнейшего марксиста, главы правительства шестой части земли.

Здесь работает он — великий мудрец, всегда озабоченный, думающий обо всем творящемся в мире. Всегда углубленный в анализ столкновений общественных сил.

Все это чувствовалось сразу же, как только вы входили к нему, как только он вставал вам навстречу и подавал руку:

— Здравствуйте. Как доехали?

Сразу же как не бывало вашего смущения и волнения. Ставилось просто, легко, спокойно.

— Садитесь, пожалуйста, сюда. Что у вас делается?

И ни одного слова, ни единого жеста, ни даже намек на то, что его оторвали от нужной работы.

Чистосердечно и добросовестно изложил я Владимиру Ильичу наши сибирские просьбы.

Он не перебивал. Он слушал молча. И это не стесняло и не казалось обидным. Заметно похудевшее, утомленное лицо его выражало большую сосредоточенность. Внимание его к тому, что я говорил, было несомненным и не пассивным. Время от времени он смотрел в мою сторону. Кивал головой, мелькала усмешка. Иногда срывалось междометие или короткий вопрос.

— Как настроены партизаны?

— Немного ворчат, но дружелюбно. Снарядили кавалерийскую бригаду на фронт. И сами снабдили ее провиантом и фуражом.

Я рассказал Владимиру Ильичу о своей поездке по сибирским районам, о непосредственных разговорах с партизанами, о желании их принять более активное участие и в обороне страны и в делах внутреннего устройства.

— Просят разрешить им делегатское совещание — поговорить о положении дел дома и на фронтах.

— Что же, может быть, это и не плохо. Может быть, вам следует подумать над этим, поговорить в Сибревкоме.

Мне пришлось умолчать о разговоре по поводу этих партизанских пожеланий с «предом» Сибирского ревкома¹. Ни о каких совещаниях тот не хотел и слушать.

Я умолчал перед Владимиром Ильичем об этом паллом внутреннем сибирском разногласии, чтобы не было похоже на жалобу за спиной на сибирского «преда».

Умолчал и смутился. Ленин смотрел на меня так внимательно и серьезно, что я не мог не понять: он угадывал (может быть, даже знал) отношение к этому делу «преда» и зорким взглядом своим проверял меру моей искренности.

¹ Председателем Сибревкома в то время был П. П. Смирнов. *Ред.*

Чтобы отвлечь от себя внимание, я начал рассказывать о своем посещении во время той же поездки красноярского офицерского концлагеря.

— Скажите, — перебивает Ленин, — нам не приходилось с вами говорить вот так же близко (он показал рукой через стол) в эпоху девятьсот пятого?

— В марте девятьсот шестого, — отвечаю я, — в квартире на Пименовской я вам рассказывал о московской типографии ЦК в подzemелье на Лесной.

— Так, так... Вы хотели ее тогда временно убрать оттуда? Удалось это?

— В полной мере.

— Я перебил, извините. Вы заговорили о лагере. Продолжайте, пожалуйста.

Встреча на Пименовской 15 лет назад была памятной для меня. Ленин был тогда в Москве нелегально и совсем не походил на Ленина: ярко-рыжие, лихо закрученные вверх усы, круглый, гладко выбритый подбородок, синяя сухошная подставка и приказчиный суконный картуз с лаковым козырьком, смазные сапоги в заправку. Он торопился на конспиративное собрание и лишь на ходу, мельком задал мне два-три коротких вопроса о типографии.

Однако в его памяти осталась, по-видимому, какая-то деталь этой короткой встречи. Уточнив теперь эту деталь, Владимир Ильич, не останавливаясь на ней, предложил вернуться к сибирскому вопросу о лагере.

В этом вопросе, как и в партизанском, тоже сказывалась отличительная особенность сибирской белой армии: слишком слабо ядро царских офицеров-кадровиков (кроме генералитета). Большинство прапорщичьего типа — канцеляристы, учителя, лесничие, принудительно мобилизованные в офицеры по своим штатским «командным» должностям. Эти далеко не воинственные кадры после изгнания Колчака из Омска оказались во власти сугубо мирных профессиональных навыков. А после создания в самом лагере митинга было выявлено значительное количество желающих работать в советских учреждениях.

— Там, вероятно, много мелкой интеллигенции, — спрашивает Владимир Ильич, — учителей, статистиков?

— Очень много. Несколько десятков для начала уже работает в наших земоргане.

— И вы уверены, что работают честно?

— Случаев нарушения слова пока не было. В массе своей при всяких условиях это плохие вояки.

Вдруг неожиданно быстрый отход от сибирских вопросов:

— Читали сегодняшние газеты? Знаете, что у нас на Западном фронте? — интересуется Ленин.

— Встретил Бухарина с последними сводками — обещает не сегодня-завтра Варшаву.

Едва заметная тень прошла по его лицу. Он покачал головой, сказал как бы для себя:

— Часто забывают, что большее количество приносит новое, иное качество. Оптимизм может обернуться легкомыслием.

И трудно было понять, к чему это относится — к Бухарину, или к последним сводкам, или к нему и к ним.

— Последнее письмо ЦК в Сибирское бюро ЦК РКП(б) — о посылке коммунистов на Крымский фронт¹ — при вас было получено? — спрашивает Ленин.

— Нет, после. Я ознакомился с ним здесь.

Владимир Ильич подтянул к себе газету.

— Вот что скажу вам, — он взял карандаш и что-то отчеркнул в газете. — Военмора сейчас здесь нет. Поговорите с его замом, как наши дела на западе. А от себя добавлю: надо изворачиваться!

Я шел из Кремля в военный наркомат. И вновь взволнованно переживал только что законченную беседу. Вновь встало в памяти утомленное, строгое, простое и доброе лицо.

Припоминались свои слова, сказанные ему. Внимание, с каким он слушал, кивал головой, улыбался, подавляя собственную человеческую усталость. Вновь вдумывался в его слова, улавливая их внутренний смысл...

«Надо изворачиваться!»

И сразу вдруг остановился. Сознание поразительно просто, ясного смысла этих двух слов парализовало движения. Стало жарко от стыда за то, что не сумел понять их сразу, тогда же, когда они были сказаны.

Разве не ясно, что вопрос о газетах и фронте — это и есть прямой и точный ответ на наши слишком местнические домогательства? Разве не подчеркнуто в нем указание на наличие, кроме сибирских интересов, так же и интересов общесоветских, общероссийских, государственных? Разве его вопросы о партизанах и концлагере не указывают на возможность и обязательность использования своих сибирских сил и ресурсов?

Своя миссия с хлопотами об оставлении в Сибири дивизии представляется в новом свете. Местное болото затягивает. Отдаляются и пропадают общие горизонты. Откуда, как не отсюда, выросли наши сегодняшние сибирские претензии перестраховать себя за общий счет? Напряженность внешних фронтов — Южного и Западного — выпала из нашего кругозора.

¹ Вероятно, имеется в виду телеграмма ЦК РКП(б) Сибирскому бюро ЦК РКП(б) от 19 августа 1920 года о посылке на врангелевский фронт коммунистов, способных поднять боеспособность частей Красной Армии. *Ред.*

Вместо того, чтобы жестоко за это нас изругать (как и следовало!) и призвать к порядку за эгоизм и за неумение использовать местные силы и возможности, — нам дружески и тактично дают понять о наличии общих интересов и целей.

«Надо изворачиваться!»

В двух простых народных словах вся программа — большая и принципиальная директива.

Что могли больше сказать в Военморе?

Там тоже приходится изворачиваться, и в неизмеримо большей мере, чем это рекомендуется делать нам на местах.

Я не пошел в Военмор. Мысль о возможном недовольстве в Сибири за невыполненное поручение не смущала меня. Похудевшее и утомленное, но дружеское лицо Владимира Ильича вставало в памяти как надежная защита. Он был прав: «надо изворачиваться!»

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., Госполитиздат, 1963, с. 549—559

ЛЕНИН НА III СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА¹

ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ

Путешествие из Казани в Москву продолжалось около пяти суток. Путешествие от вокзала до Карстного ряда продолжалось около пяти часов.

Но, честное слово, нам казалось, что все это **было** наоборот. Как-никак, ехали мы до Москвы в штабном вагоне, нашей делегации предоставили три «мягких» купе, народонаселение вагона нормы не превышало. Правда, двигались мы медленно, и однажды пришлось нам вместе со всеми обитателями поезда рубить дрова в лесу, чтобы дать возможность машинисту довести состав до следующей станции. Но это было в порядке вещей и даже представляло собой некоторое развлечение.

Что же сказать о путешествии на трех извозчиках, везших нас по столице холодным осенним вечером под проливным дождем? Пролетки были настолько переполнены пассажирами, что верх поднять было нельзя. Никто не мог пошевелиться. Развлечений никаких, потому что в таком положении даже дискутировать не представлялось возможным. Лил дождь, а мы все ехали, ехали, ехали.

Только много позднее мы узнали, что извозчики везли нас круглым путем, чтобы запрошенная ими цена не показалась нам грабежом на большой дороге. Речь шла не о миллионах рублей в дензнаках 1920 года — о таких пустяках не стоило и разговаривать. Мы должны были уплатить извозчикам фунт соли. Зарабатывали они его не очень честно, зато остроумно: колесили по Москве как могли.

Скрипучий голос извозчика возвестил о прибытии к воротам нашего общежития. Расплатившись коллективным фунтом соли, мы понесли свои тощие пожитки через двор.

Вот перед нами третий Дом Советов, колыбель многих съездов комсомола, молчаливый свидетель яростных дискус-

¹ Текст воспоминаний запово просмотрен автором в 1969 году. *Ред.*

сий, веселой пляски и проникновенного пения. Сколько серьезных слов слышал он, сколько воинственных рассказов, мечтаний и фантазий! Много-много лет пройдет, но каждый раз, когда видишь это широкое, приземистое здание, сердце радуется и ты невольно представляешь себе его коридоры и комнаты, переполненные шумной армией комсомольских делегатов. Привет тебе, третий Дом Советов, дорогой каменный старик, гостеприимный друг нашей молодости!

Получив мандат, я устроился в комнате петроградской делегации. Комната была забита рядами жестких коек. Посредине стоял стол, почти лишивший нас возможности свободно двигаться. На нем красовалась пишущая машинка, при помощи которой мы выпустили на съезде газету «Подзатыльник», первую сатирическую газету в республике.

Установив, где кто будет помещаться, мы ринулись в столовую, чтобы получить свою восьмушку хлеба, чай с сахарином, суп из воблы (1000 калорий), жаркое из воблы (1880 калорий) и что-то еще, обозначенное в меню как «сладкое». Столовая и комнаты общежития напоминали дискуссионный клуб. Шум общего спора мог бы заглушить грохот Ниагарского водопада. Разворачивалось обсуждение программных и уставных вопросов.

Назавтра мы узнали, что основной доклад будет делать Владимир Ильич Ленин. Трудно рассказать о нашей вдохновенной радости.

Ночью во всех комнатах общежития с разных точек зрения обсуждался предстоящий ленинский доклад.

— Доклад о международном положении? Очень хорошо!

— Да нет же! О текущем моменте.

— А разница какова?

— Уж Ленин знает.

Делегаты старались предвосхитить доклад:

— И достанется же всем империалистам и социал-предателям!

— Достанется определенно. Все-таки он будет, наверно, больше говорить о Польше и Врангеле.

— Ничуть не бывало! Центральным пунктом будут наши союзные (комсомольские) разногласия.

— Это в докладе о международном положении?

— А что? Разве не решаем мы все вопросы в мировом масштабе?

Один из наших фронтовиков, яслоглазый царень с рукой на перевязи, рассуждал:

— Портреты видел, а в глаза не приходилось. Наверно, он высокий — просто сказать, огромный. Да и как Ленину быть другим?

Ночь промелькнула незаметно. Зато с утра до самого открытия съезда время тянулось медленнее, чем наши пролетки от вокзала. Когда же наконец? Когда?

Никому из нас не забыть этого радостного, взволнованного, томительного ожидания...

СЪЕЗД ЖДЕТ ЛЕНИНА

За несколько часов до открытия съезда мы собрались в зале на Малой Дмитровке (теперь улица Чехова), 6, ожидая появления Ленина. Один из членов президиума, через каждые полчаса бегавший к телефону, неизменно сообщал, что идет заседание Политбюро и что Владимир Ильич придет, как только кончится заседание.

Я сидел перед столом президиума на полу сцены, переполненной делегатами. Непонятно, каким образом вмещала она такое количество людей. Время от времени кто-то настойчиво просил «очистить помещение сцены» и уйти в зал, но мы делали вид, что ничего не слышим. В зале и без нас было полно. Были забиты все проходы, люди сидели на подоконниках, стояли толпой вдоль стен. И никто, конечно, не пошевелился бы, чтобы уступить нам место.

В зале стоял гул. Продолжались споры, начатые с первых минут встречи в коридорах третьего Дома Советов, в комнатах общежитий, у стола выдачи мандатов. А так как иногда спорили люди, находившиеся в разных концах зала и старавшиеся перекричать всех других, то в некоторые минуты съезд напоминал море в часы прибоя.

Но стоило кому-нибудь из президиума крикнуть: «Тихо!», как шум обрывался и делегаты застывали на месте, устремив глаза в правый угол сцены. Там должен был появиться Ленин.

Всюду серые шинели и черные кожанки. Гардероба внизу не было, к тому же в зале несколько часов назад было холодно, — и большинство делегатов сидело в верхней одежде. Вначале многие даже не потрудились снять папахи, диковинные картузы и приплюснутые кепки. Потом стало значительно теплее, папахи и кепки исчезли, но снимать шинели и кожанки комсомольцы не торопились, — может быть, для того, чтобы не утратить боевого вида.

А вид у них был действительно боевой. Большинство только что вернулось с фронта или готовилось отправиться на фронт. Только месяц назад (4 сентября) вместе со всей страной проводили они Всероссийский субботник трудящейся молодежи в честь Международного юношеского дня. Немало среди них было руководителей и участников продотрядов. Многие создавали группы и отряды, помогавшие крестьянам, и в первую оче-

редь семьям красноармейцев, убрать урожай, поддержать хозяйство, починить избы.

Вправо от сцены — все первые ряды за питерской делегацией. Влево — московская делегация, за ней расположились украинцы, уральцы, туляки, владимирцы. Члены других делегаций разбросаны по всему залу.

Питерцы первыми догадались запеть песню — и вот уже гремит в зале «Яблочко», «Смело мы в бой пойдём» и «Красное знамя».

Но вот я взглянул в угол сцены — и сердце замерло в груди. Глаза застлал туман радости. Хотелось рвануться вперед, чтобы быть ближе к невысокому улыбающемуся человеку, одетому в темное пальто с черным бархатным воротником. Хотелось сделать что-то героическое, вот тут, вот сейчас, чтобы понял он, как мы его любим. Хотелось кричать еще громче, чтобы выразить переполнивший все существо восторг.

У входа на сцену стоял Ленин.

Он приехал внезапно и прошел на сцену так быстро, что товарищи, сторожившие у входной двери, не успели опередить его. В тот самый момент, когда несколько ликующих голосов крикнули в фойе: «Ленин!» — Ильича увидели все. Овация зала была нескончаемой.

Все приготовленные заранее приветствия и возгласы были забыты. Одним могучим дыханием весь съезд, как один человек, произносил только одно слово:

— Ленин! Ленин! Ле-е-енин!

Сквозь густые ряды делегатов Ильич пробирался к столу президиума, на ходу снимая пальто и приветствуя кивком головы тех, с кем был знаком. Положив пальто на стул, он достал из кармана пиджака лист исписанной бумаги, очевидно конспект речи, и сразу приготовился говорить.

Но овация все разрасталась. Рукоплескания сотрясали зал. Охваченные общим подъемом, делегаты не хотели, да и не могли успокоиться. Говорили все разом; казалось, не было на земле силы, которая могла бы нас остановить. Это был небывалый порыв. Каждый кричал что-то свое, самое драгоценное для сердца, самое душевное, самое искреннее.

Владимир Ильич то внимательно смотрел на свой конспект, то оборачивался к столу президиума, всем своим видом прося успокоить аудиторию. Председательствующий начал, наконец, усиленно звонить, но в общем грохоте овации звона колокольчика почти не было слышно. Тогда Ленин заложил палец левой руки за борт жилета, а правой рукой сделал несколько успокаивающих жестов, явно призывающих дать ему возможность начать доклад. Овация все продолжалась. Ленин вынул из жилетного кармана часы, показал на них пальцем. Однако и это не помогло.

Председательствующий, перегнувшись через стол, крикнул над моей головой так громко, как только мог:

— Владимир Ильич! Как объявить ваше выступление? Доклад о международном положении? Доклад о текущем моменте?

Ленин приложил ладонь к уху, чтобы лучше слышать. Председательствующий повторил свой вопрос.

— Нет, нет,— отрицательно качнул головой Владимир Ильич, лукаво улыбаясь,— не то... не то... Я буду говорить о задачах союзов молодежи. Но объявлять это — лишнее. Да, да, лишнее...

Ильич оглядел зал, снова слегка поднял руку — и на этот раз все смолкло. Председательствующий что-то пытался вымолвить, но ему так и не удалось ничего «объявить». В то самое мгновение, когда воцарилось молчание. Ленин заговорил — и заговорил так спокойно и деловито, как будто давным-давно беседует со съездом.

СЪЕЗД СЛУШАЕТ ЛЕНИНА

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

Делегаты благодушно переглянулись. Задачи Союза молодежи казались им хорошо известными: надо громить буржуев. Били Краснова, били Колчака, Юденича, Деникина, били польских панов. Кого еще надо бить?..

Ленин расхаживал по крохотному свободному пространству сцены. Сначала он двигался очень осторожно, чтобы не задеть нас, сидящих плотным кольцом на полу. Но вот своеобразная «трибуна» освоена, и оратор движется все быстрее, подчас оживленно жестикулируя. Иногда он как-то сразу останавливался, простирая правую руку вперед, подчеркивая какую-нибудь особо важную мысль. Порою он ходил очень медленно, заложив руки за спину, и тогда его речь казалась задумчивой беседой.

— И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Ленин произносил слово «учиться» как-то отдельно от остальной фразы, строго и твердо.

Съезд был потрясен.

Нельзя было не сделать резкого движения, услышав такое несбыточное в ту пору слово! Надо было перестроиться, усвоить новую тему и вдуматься в нее. Уж слишком неожиданной была эта новая тема!

Надо учиться! Но почему об этом заговорили именно сейчас? А фронты? А разруха?

Надо учиться! Миллионы юношей и девушек стремились к знаниям. Неиссякаемым, прекрасным было желание учиться. Но ведь Ленин произнес это слово по-особому, он сделал на нем такое ударение, что оно приобретало новый смысл. Неужели в этом главная задача союза?

Не только не смущаясь произведенным впечатлением, по явно радуясь ему, Ленин спокойно продолжал свою речь, слегка наклонившись вперед.

— Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы, — чему учиться и как учиться?

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что Союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Большинство делегатов почувствовало облегчение. Учиться коммунизму — это понятнее, чем просто учиться. Но почему «казалось бы»? Неужели тут надо что-то объяснять? И разве самый лучший способ учиться коммунизму не заключается в том, чтобы громить буржуев на фронте? Вот почему и надо скорее перейти к описанию военного положения!

Но речь Ленина не свернула в русло вопроса, обозначенного в повестке дня. Потому-то и было нам так трудно. Ильичу предстояло преодолеть глубокую инерцию нашего сознания. Он это понимал и, несколько замедлив темп речи, интонацией голоса подчеркивал отдельные слова и фразы. Владимир Ильич развивал и доказывал свою мысль с неотразимой логической силой, развертывая цепь точных формул в простой и ясной последовательности.

— Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма?

Едкая усмешка сопровождала слова о коммунистических пачетчиках и хвастунах, думающих, что изучение коммунизма заключается в усвоении только того, что изложено в коммунистических книжках и брошюрах. Особенно сильно Ильич подчеркнул то, что одно из самых больших бедствий, которые остались нам от старого, капиталистического общества, — это полный разрыв книги с практикой жизни.

— Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений равно ничего не

стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Снова радостная реакция в зале. Каждый раз, когда произносились эти слова — «борьба и работа», съезду казалось, что все становится яснее, потому что требование борьбы и работы было для нас понятнее и привычнее, чем требование учиться.

— Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму?

Интонация докладчика не оставляла сомнений. Сочетать! Вот что главное. Вот оно, то звено, за которое можно и нужно ухватиться, чтобы вытащить всю цепь!

Очевидно, это было именно так. Ленин заговорил о старой школе, разбирая вопрос о том, чему надо учиться, что брать и что отбросить.

Неожиданная тема завоевала наше внимание. Ленин овладел нашей мыслью и повел ее, еще робкую, еще спотыкающуюся, той дорогой, которой он хотел ее повести.

Ильич присоединял к одному доказательству другое, неустанно повторяя разными сочетаниями слов основную идею.

— Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Ленинские слова были простыми и убедительными. Возвещаемая ими правда удешевляла силу доказательств. В ленинском голосе звучала всепобеждающая человеческая страсть, сила огромного опыта, неподдельная любовь к тому, чем он сам живет и чем живут другие, требовательность и строгость гения, отеческая простота и ласка человека, стремящегося доказать и убедить.

Зал замер. На всех лицах отражалась упорная работа мысли.

Молча делегаты передавали друг другу записки, посылая их в президиум. В первые десять — пятнадцать минут после начала речи Ленин сам принимал записки и клал их или в карман, или на угол стола. Некоторые бумажки он даже разворачивал и читал, не прерывая речи. Но так как он на них не отвечал и никто уже не хотел прерывать Ильича ни на секунду, записки стали передавать тем, кто сидел на сцене.

А Ленин продолжал развивать свою мысль, подчеркивая голосом и жестом те фразы, в которых он говорил о необходимости критически разобраться в фактах, чтобы на место старой зубрежки поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был у нас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что нами продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

... Съезду становилось все более и более понятным, что означает самая задача «учиться». Я тщательно записывал речь, подобно многим делегатам, и особенно внимательно записывал те фразы, на которых Ленин ставил ударение.

... Следя за этим, я в своей записи первой части речи Ленина многократно подчеркивал в разных словосочетаниях следующие мысли: «*Полное усвоение всего того, что дала прежняя наука*». «*Не заучено, а продумано*». «*Инициатива и почин всюду*». «*Все, что было создано человеческим обществом, Маркс переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания*». «*Не муштра, не зубрежка, а сознательная дисциплина рабочих и крестьян*». Когда речь шла о Марксе и его критике всего созданного человеческой мыслью, Ленин с особым ударением произнес слова: «*проверив на рабочем движении*». И я точно помню, что эти слова Ленин повторил дважды.

— Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество... Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение.

Все, что до сих пор было сказано Лениным, получило простую и до конца понятную основу. С помощью этого примера легче было уразуметь все остальное. Радостно переглядываются делегаты. Восторженно рукоплещет съезд. В зале снова гул, но совсем не такой, как прежде...

А Ленин продолжал:

— Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно. Вы должны построить коммунистическое общество.

Эти пять коротких фраз глубоко взволновали нас. В год, когда кругом война, разруха и нищета, Ленин учит нас не только тому, как воевать сегодня и завтра, но и тому, как превратить коммунизм в руководство для нашей практической работы, как строить коммунистическое общество.

С этой минуты уже трудно было что-либо записывать. Порываемые могучей мыслью, делегаты инстинктивно устремлялись вперед, когда Ленин простирал руку, и напряженно

размышляли, когда он ходил по сцене, заложив руки за спину, и открыто думал перед всеми. Ленин давал нам программу работы на десятилетия. Да и только ли на десятилетия?

— Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей...

— Вы должны воспитать из себя коммунистов... Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Сколько раз говорили на митингах и писали, что молодежи принадлежит грядущее, но никогда мы так не чувствовали великой правды и ответственности этих слов, как во время речи Ленина! Партия устами Ленина требовала от нас, чтобы мы были идейными и практическими вожаками молодежи, воспитывая из себя и из нее коммунистов. Все выше и выше подымалось чувство гордости за жизненное предназначение нашего поколения, радость, что мы живем, боремся и строим.

Ленин обращался не только ко всему залу, но и к каждому отдельному делегату. Любой из нас чувствовал себя так, как будто Ильич разговаривал именно с ним. Делегаты всем сердцем понимали, что то, о чем говорил Ленин, касается всех вместе и каждого в отдельности. Вот так должен действовать, учиться и мыслить весь Союз молодежи и ты лично!

Звенья мыслей и доказательств образовали единую цепь, превратились в точную законченную формулу — в вечные лозунги, которые надо нести на знамени Союза молодежи.

Ленин улыбался каждой радостной реакцией делегатов, понимая, что задел самые драгоценные струны их сердец. Он уже не глядел на конспект. Он даже попытался спрятать его в карман, однако в карман не попал и продолжал держать лист писанной бумаги, переложив его в левую руку.

Внезапно он остановился и снова, стоя у самого края сцены, чуть наклонившись вперед, стал говорить о том, что поколение, которому сейчас пятнадцать лет, увидит коммунистическое общество. Все затаили дыхание. Казалось, что в зале стало еще светлее. И не стало стен зала. Весь мир стал залом, в котором происходил III съезд комсомола!

На крохотном свободном пространстве сцены, являвшемся в эту минуту самой высокой вышкой мира, стоял человек с чуть прищуренными глазами. Он простер руку вперед и сказал:

— И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, и должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую. По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет разви-

ваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Никто не шелохнулся. Хотелось аплодировать, хотелось кричать «ура!», но нарушить такое вдохновенное молчание было невозможно.

В трепетной, напряженной тишине прозвучали простые серьезные слова:

— Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными сознательными трудящимися, Коммунистический союз молодежи сделает то, что ополмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.

Ленин спрятал конспект в карман, провел рукой по лбу, неожиданно для всех повернулся и пошел к столу президиума. Речь была окончена.

В ПЕРЕРЫВЕ

Владимир Ильич сидит у самого краешка стола президиума и деловито вынимает из кармана записки. Их очень много. Но председатель передает Ленину все новые и новые записки. При виде этой горы бумажек Владимир Ильич комически всплескивает руками, но с видимым удовольствием прочитывает их и кладет перед собой несколькими кучками. Затем он попросил лист бумаги, снова прочел рассортированные по отдельным вопросам записки и стал набрасывать конспект ответа на них.

Мы были в недоумении. Неужели Ленину, который может ответить на все, требуется конспект? Но наше недоумение длилось лишь несколько мгновений. Мы поняли, сколько в этом простом факте уважения и любви к людям, сколько требования к себе! Величие гения сказывалось во всем.

Мы не отрываем глаз от Ильича. Все делегаты, сидящие и стоящие на сцене, остались на своих местах. Кое-кто хочет из зала перебраться на сцену. Нет уж, не выйдет!

Однако для истинной любви препятствий действительно не существует. Осторожно перешагивая через наши ноги, поминутно извиняясь, медленно пробирается к Ленину воронежский делегат, одетый в пелепую женскую кацавейку с «буфами» на плечах. Он ничего не видит, кроме Ильича. Он идет как зачарованный. Я разглядел его лицо во время речи Ленина и понял: вот сидит человек, который поглощен одной мыслью, одним чувством: *перед ним Ленин*. Даже ради одного этого

стоило жить и бороться, голодать и мерзнуть. Перед ним Ленин. В одном этом — великая награда за все пережитое. Пусть даже не все слова слышишь, несмотря на то, что их надо слышать и хочешь слышать! Вина, конечно, велика, но ведь перед ним — Ленин! Дольше говори, Ленин. Чем продолжительнее будет твоя речь, тем больше я найду в ней прекрасных мыслей, когда буду ее читать. Но сейчас я прошу тебя дольше говорить, дабы иметь возможность дольше глядеть на тебя. Ты сам — величайшая правда сущего и грядущего. Ты — Ленин.

Воронежский делегат близко подошел к самому краю стола и остановился за плечами Ленина. Кто-то дернул его за рукав, чтобы заставить отойти, но тот не отошел. Владимир Ильич почувствовал на себе его упорный взгляд и оглянулся. Через миг Ленин положил карандаш и всем корпусом повернулся к подошедшему, ожидая вопроса.

И действительно, воронежец заговорил глухим, прерывающимся от волнения голосом:

— Владимир Ильич!.. Неужели я?.. Я?.. Увижу коммунистическое общество?

Глаза Ленина засияли.

— Да, да! — сказал он громко и взволнованно. — Вы! Именно вы, дорогой товарищ!

Воронежец по-детски всплеснул руками, мгновенно повернулся и ринулся вперед, забыв про сидящих на сцене людей. Звонкие крики делегатов, которым он наступал на ноги, сопровождали его бег.

Пока он не скрылся за пределами сцены, Владимир Ильич смотрел ему вслед серьезным и внимательным взглядом; затем ослепительно улыбнулся и снова взялся за карандаш.

Вдруг Владимир Ильич забеспокоился, начал шарить по столу, что-то искать в кармане. Потом он опустился на колени, заглянул под стол, под стулья.

— Что случилось, Владимир Ильич? — вырвалось у меня.

— Записку потерял, — ответил Ленин, продолжая искать вокруг себя, — записку потерял... Хорошая была записка. Хороший товарищ писал. Ответить надо...

Мы со всем рвением начали помогать ему в поисках. Когда записку, наконец, нашли, Ленин был очень доволен. Он сердечно поблагодарил нас, на секунду задумался и что-то написал в конспект.

А мы, трепеща от восторга, смотрели на него, Ленина, смотрели на вождя народов, смотрели на человека, желавшего и умевшего ответить на каждую хорошую записку каждого хорошего товарища.

ЛЕНИН ОТВЕЧАЕТ НА ЗАПИСКИ

— Слово предоставляется товарищу Ленину для ответа на записки.

Владимир Ильич взглянул на свой конспект.

— Записок очень много. Но я постараюсь на большинство ответить. Во многих записках меня спрашивают о военном и хозяйственном положении Республики. К сожалению, я не могу делать вам сегодня второго доклада...

Ильич улыбнулся и добавил:

— Особенно с хриплым голосом.

Веселое оживление зала было ему ответом.

— Вот спрашивают меня о положении крестьянства...

И Ленин простыми и ясными словами осветил положение крестьянства и опыт его борьбы под руководством рабочего класса. Ленин говорил о помощи крестьянам и задаче воспитания их в духе коммунизма.

В ряде записок Ленина спрашивали об отношении комсомола к интеллигенции.

Владимир Ильич рассказал о месте интеллигенции в борьбе классов. Он говорил, что костяк союзов молодежи должна составлять рабочая и крестьянская молодежь, но работать с интеллигентами надо обязательно.

Съезд бурно аплодировал.

— «Как вы смотрите на то, чтобы назвать нашу организацию Союзом коммунистической молодежи, а не Коммунистическим союзом молодежи, РСКМ, а не РКСМ?» — читает Владимир Ильич.

Ленин повертел в руках записку, недоуменно пожал плечами и произнес:

— Вопрос о названии считаю несущественным.

Делегаты были изумлены. Ленин считает несущественным вопрос, вокруг которого шли бурные споры.

— Этот вопрос вызывает принципиальные разногласия! — говорит председательствующий.

Владимир Ильич снова пожал плечами и решительно сказал:

— Разницы не вижу.

И вспомнил я беседу Ильича с членами президиума I съезда РКСМ в 1918 году. Один из нас гордо доложил Ленину, что съезд постановил назвать союз «Коммунистическим союзом молодежи». Мы ожидали проявления восторга со стороны Ильича. А он улыбнулся и бросил в ответ четыре слова:

— Дело не в названии.

Кто-то немедленно воскликнул:

— Но мы оправдаем это название!

— Тогда будет хорошо, — последовал ответ.

«Какими должны быть взаимоотношения РКСМ с Российской Коммунистической партией (большевиков)?» — спрашивали в следующей записке.

Владимир Ильич ответил, что Союз молодежи должен руководствоваться общими директивами Коммунистической партии, если Союз молодежи действительно хочет быть коммунистическим. Руководствуясь этими директивами, он должен решить задачу так, чтобы его деятельность была для всей подрастающей молодежи примером коммунистической работы. Но главное заключается в том, чтобы на практике Союз не замыкался в себе и чтобы сделать все 400 тысяч членов РКСМ практическими руководителями всей молодежи, практическим примером для всей молодежи.

Бурная овация в честь Коммунистической партии заглушила его последние слова.

Владимир Ильич отодвинул от себя кучки записок. В руках у него осталась только одна записка, очевидно последняя.

«Скажите, скоро ли кончится война?»

Делегаты засмеялись. Засмеялся и Владимир Ильич и сказал, что он был бы рад нас утешить, но сам этого не знает. Одно ясно: чем скорее мы разобьем Врагеля, тем скорее кончится эта война, тем ближе будет наша общая победа над капитализмом.

Несмолкаемая овация грянула в ответ. После того как закончилось торжественное пение «Интернационала», Ленин взял пальто и, окруженный толпой молодежи, на ходу задающей ему новые вопросы, двинулся к выходу. Медленно спускался он со ступенек маленькой лестницы, ведущей в фойе. Я шел за ним, стараясь слышать то, о чем он говорит. Провожая Ленина, кто-то его спросил:

— А почему вы не осветили наши союзные разномыслия?

Ленин даже остановился.

— Как? — сказал он с удивлением. — Ошибаетесь. Я на все ответил.

И снова двинулся вперед мимо озадаченного таким ответом делегата.

Ну да! Конечно, ответил! Союз молодежи должен руководствоваться директивами Коммунистической партии. Решить задачу превращения всех его членов в практических руководителей всей молодежи, коммунистически воспитывая ее. Не замыкаться в себе. Быть массовой организацией. Ее костяк — рабочая и крестьянская молодежь. Можно ограничить прием интеллигентов, но работать с ними надо обязательно. Необходимо усвоить все богатство знаний и культуры прошлого, критически переработав его. Надо учиться. Надо громить врага. Строить коммунистическое общество. Вот и ответ.

Перед нами широкие ступени главной лестницы. Ленин ускоряет шаг, отвечая жестами руки на бесчисленные приветствия молодежи. Затем он садится в машину, а на панели стоит толпа в солдатских шинелях и черных кожанках.

Удавшееся, наконец, коллективное приветствие провожает удаляющуюся машину:

— Да здрав-ству-ет Ле-нин! Да здрав-ству-ет на-ша боль-ше-вист-ска-я пар-ти-я!

Мы долго стоим у подъезда...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 644—657

ВЕЛИКОЕ НАПУТСТВИЕ¹

Во многих подробностях вспоминается мне знаменательный день истории комсомола — день открытия III съезда РКСМ.

Это было 2 октября 1920 года.

Холодные сумерки спускались на Москву, хмурую, суровую.

На дверях Лоскутной гостиницы (возле Охотного ряда) — листовки, постановления о борьбе с разрухой, об угрозе сыпнотифозных заболеваний.

А на улице толпы молодежи, шагающей бодро, весело, с громким разговором, а то и с песней.

Группа делегатов съезда поднималась вверх по Тверской улице. Многие заранее переходили на правую сторону, прыгая через ямы и рытвины узкой булыжной мостовой, загромажденной к тому же трамвайными путями... Такой была тогда нынешняя улица Горького.

У площади Моссовета² среди делегатов — вихрастый парень в кожаной тужурке. Размахивая шапкой-ушанкой, он резким голосом очень выразительно читает стихотворение Демьяна Бедного:

— Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!

Двигаясь дальше по разбитому тротуару, мы останавливались у магазинных витрин, обращенных в витрины плакатов. Плакаты в прозе и стихах призывали громить Врангеля, гнать интервентов из Белоруссии.

«ЗАПИСАЛСЯ ЛИ ТЫ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?» — спрашивал каждого из нас красный воин с яркого плаката.

¹ Воспоминания заново просмотрены автором, внесены дополнения и поправки в 1969 году. *Ред.*

² Советская площадь. *Ред.*

На этот законный вопрос мы собирались дать достойный ответ на самом съезде. Так уж полагалось в то время в комсомоле. У площади Пушкина кто-то запел «Смело, товарищи, в ногу». А на повороте на Малую Дмитровку (ныне улица Чехова) был затеян лихой пляс, по ходу которого звучали слова самодеятельного припева к переделанной песне «Вдоль да по речке»:

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей дьякон и дьячок,
Попомарь Сергеевич,
И звонарь Сергеевич,
Вся деревня Сергеевна,
И Матрена Сергеевна —
Разгова-а-ривают.

Весь комсомол пел и такого рода пехитрые песенные сочинения. Пели и мы, будущие поэты, песенники комсомольские. Песня была спутницей комсомола всегда: и в дни радостей, и в дни горестей. Холодно было, голодно, а мы пели, предпочитая то, что повеселей. Это свойство юности, смотрящей вперед. Недаром говорилось в частушке:

Нам, солдатам Ленина,
Унывать не велено.

У самых дверей дома № 6, где собирался наш съезд, во время большого затора при проверке документов неунывающий балтийский матрос поднялся на какое-то возвышение и па всю улицу прогорланил отрывок из «Левого марша» Маяковского:

Там,
за горами гóря
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!

Комсомолец в стеганой ватной кацавейке, должно быть делегат из хлебных краев, демонстративно вынул из сумки порядочную краюху хлеба и вручил ее матросу.

Матрос расцеловал щедрого товарища:

— Спасибо, браток! Это будет лакомством для всей нашей делегации...

Кто-то сострил под общий смех:

— Это пока не солнечный край, но непочатый!..

* *
*

Зал был переполнен.

После выборов президиума начались приветствия. О комсомоле не так уж много было известно тогда. И приветствия в его адрес были малочисленны. Комсомольцам приходилось самим восполнять этот «пробел».

Мы от души приветствовали друг друга, т. е. делегация делегацию. Украинцы приветствовали москвичей. Следовал ответ. Потом уральцы передавали поклон штерцам, сибиряки — белорусам, делегаты Средней Азии — делегатам Поволжья.

И во всех приветствиях неизменно звучали здравицы в честь партии рабочего класса, в верности которой комсомол давал клятву с первых шагов своих. Сердца революционной молодежи, взволнованные великой октябрьской грозой, полны были прекрасных надежд на будущее. Но любая надежда и любая мечта нашей юности опирались на силу предвидения и мудрость Коммунистической партии.

Разум партии, основанной Лениным, — вот светоч, без которого самые благие наши порывы были бы бесплодными. Нам пришлось бы блуждать в потемках, сбиваться с верной дороги...

Жаркую речь на эту тему произнес белокурый паренек от имени, кажется, смоленской делегации.

Аплодисменты, раздавшиеся в середине этой речи, вдруг резко усилились и превратились в долгую овацию. Тут уж смоленский паренек был ни при чем. Он понял это и тихо покинул трибуну. А может быть, он увидел Ленина, подошедшего к столу президиума. Из первых рядов зала мы хорошо рассмотрели его. Он вошел в распахнутом осеннем пальто с узким бархатным воротником, в кепке. Снял пальто и кепку, положил их на стул, а сам сел на соседний стул с краю за столом. Поговорил немного с кем-то из президиума и наклонился над книгой или над бумагами.

Известная картина художника Б. Йогансона и его учеников имеет одну погрешность. На ней неподалеку от стола президиума изображен чёрный блестяще-полированный рояль. На самом деле никакого рояля не было и не могло быть. Странно это для 1920 года: стояли там, чуть позади Ленина, конторские столики для секретарей, приготовившихся вести записи выступлений. Стенографисток почему-то не было. Сцена была украшена двумя портретами: Маркса и Энгельса. Зал освещен был довольно тускло. Не удивительно, что десятки комсомольцев из задних рядов ринулись по проходам к сцене, чтоб поблизи увидеть Владимира Ильича. Удивительным было другое: многие, и я в том числе, вскоре смогли оказаться на сцене. А некоторые — даже рядом с Лениным.

Он в эти минуты сосредоточенно продолжал свои занятия. Казалось, что ни оваций, ни криков «ура!» не слышит Ильич и, к счастью для нас, не замечает явного беспорядка, учиненного нами, самовольно перекочевавшими из зала на сцену. Проступок этот свершен был как-то стихийно. И свершен он, конечно, не потому, что в зале было тесновато, а на сцене достаточно свободного места. Владимир Ильич поднял голову и, улыбаясь, медленно обвел взглядом всех нас, непринятых гостей президиума.

Потом он снова прихвлялся за прерванное занятие. Чем же был занят Ильич за несколько минут до начала своего выступления? К нашему удивлению, он рисовал. И парсвовал он дом — с крышей, с трубой и с вывеской «школа».

Разуместся, никому из нас не пришло в голову, что тема этого рисунка может иметь какое-либо отношение к теме ленинской речи. Комсомольцы той поры не могли интересоваться таким учреждением, как школа. Шла гражданская война. Вместе с билетом члена РКСМ почти каждый комсомолец получал тогда виштовку. Достигшие 16-летнего возраста отправлялись на фронт, а те, кто помоложе, рядом с коммунистами действовали виштовкой в тылу: участвовали в борьбе с контрреволюцией, с бандитизмом, с нарушителями революционного порядка. О школе тут некогда было думать.

* *
*

Ленин подошел к самому краю сцены. Трибуной он воспользовался лишь после выступления, когда отвечал на вопросы.

Довольно долго не давали Ильичу начать речь: новые всышки восторгов, групповые выкрики, приветствия в честь Коммунистической партии, в честь ее основателя и вождя.

Два или три раза пели «Интернационал».

Владимир Ильич, отойдя в сторону, пел вместе со всеми.

Потом он ходил по краю сцены. Остановившись, грозил пальцем разбушевавшемуся залу. Внушительно грозил, так, что тишина начала как будто устанавливаться, но вдруг зал сотрясся от взрыва смеха!

Оказывается, Владимир Ильич пальцем-то строго грозил, но выдержать до конца строгость не смог, заулыбался. А улыбка ленинская была особенной, заразной улыдкой. Она, словно искра, пошла по рядам, охватила радостным пламенем весь зал. И превратилась в дружный, неудержимый раскат юношеского, безотчетного, лучистого смеха, что было еще одним свидетельством передаваемого счастливого настроения нашего, вызванного встречей с родным и великим Лениным, так охотно разделившим с молодежью ее настроение.

Но вот Владимир Ильич вынул из жилетного кармана часы, поднял их над головой и многозначительно указал пальцем на циферблат: время, дескать, идет, ребятки, а время дорого.

Это было ясно без слов.

Пастушила полная тишина. И мы слышали голос Ленина, зазвучавший вовсе не приподнято, а спокойно, мягко, пожалуй, даже несколько по-домашнему, словно на беседе.

В сущности, по своему характеру речь Ленина на III съезде была именно беседой, разговором серьезным и душевным о самом главном в жизни молодого поколения, призванного

строить и построить общество, о котором могли только мечтать самые светлые головы человечества.

«Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи...»¹ — такими словами началась ленинская речь.

А когда было сказано, что основные задачи молодежи можно выразить одним словом, все удивились. И удивление наше возросло еще более, когда выяснилось, что это *одно* слово — *учиться*... Учиться??? А как же быть с Врангелем, который в те дни еще сидел в Крыму? Как быть с пилсудчиками, еще хозяйничавшими в те дни в Белоруссии? Мы были уверены, что, по примеру прошлых комсомольских съездов и конференций, наш III съезд в полном составе отправится на помощь тем, кто должен добить вооруженных врагов Советской власти.

Ленин ничего не сказал об этом. Значит, он не сомневается в том, что враги будут разгромлены и без нашей непосредственной помощи, значит, партия уже подготовила этот разгром. Партия смотрит вперед, она видит дальше, чем мы. Перед взором Ленина — мирные времена, новая полоса жизни и новые задачи.

Ленин сказал, и это прозвучало как похвала, о том, что мы прекрасно поняли свою комсомольскую задачу в деле поддержки рабоче-крестьянской власти в ее вооруженной борьбе против капиталистических разбойников.

Но он добавил, что *теперь* этого недостаточно.

Теперь надо понять стоящие на очереди новые задачи: хозяйственные, строительные, культурные. Мало этого: надо сейчас же заняться подготовкой самих себя к решению этих сложных задач.

* *
*

Мы, представители первого поколения комсомольцев, дети крестьян и рабочих, охотно пели о том, что

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Но прямо скажу, что конкретного представления о возможности *стать всем* у нас не было.

Сама мысль о такой возможности в реальном виде казалась и нескромной, и ко многому обязывающей.

Может быть, достаточно стать борцом за дело партии, за интересы народа, защитником Советской власти?

Нет, не достаточно.

Дело партии и интересы народа требуют, чтобы мы оказались способными стать инженерами, писателями, учеными, музыкантами, педагогами, художниками, оставаясь в то же время борцами. А для этого надо иметь не только талант, но и знания.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 298. *Ред.*

Вопрос был такой:

«Товарищ Ленин! Скажите, а почему в деревне нет колесной мази?» В зале многие засмеялись, находя вопрос наивным и неуместным.

А Владимир Ильич сказал, что это очень важный вопрос, который имеет прямое отношение к разговору о том, каким должен быть коммунист. Коммунист должен уметь ответить на вопрос об отсутствии на селе колесной мази, гвоздей, керосина, спичек. Мало того! Коммунист обязан так или иначе помочь в налаживании нашего производства, в том числе и производства колесной мази. Владея теорией, не отрывайся от жизни, от нужд народа. Вот каким должен быть коммунист!

Не одно, а несколько поколений комсомольцев, советской молодежи росло, училось, добивалось успехов и побед, руководствуясь мудрыми советами Ленина, советами по поводу коммунистического воспитания, отношения к общему труду, соревнования, морали.

Указания Ленина, заветы его, обращенные к молодежи, составили основу программы комсомола, стали в то же время неоценимым напутствием каждой девушке, каждому юноше, вступающим в жизнь, чтобы сделать ее невиданно прекрасной.

Ленин завещал партии постоянную заботу о благе народном, о том, чтоб каждому труженику жилось в нашей стране все лучше и лучше. Партия коммунистов свято выполняет это завещание. Партия ныне подошла вплотную к решению исторической задачи: создать изобилие продуктов в стране, чтобы обеспечить новый подъем материального и культурного благосостояния народа.

Комсомольцы, первые помощники коммунистов, принимают сегодня активнейшее участие в решении этой благородной задачи.

Наследники партии мудрой, по праву
И тут стоим мы за честь молодежи.
Геройским трудом комсомольскую славу
На радость родному народу умножим!

Ленин зажег наши мечты и указал пути их свершения.

«Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую»¹, — сказал Ильич. Он при этом улыбался, как бы приглашая всех нас разделить с ним убеждение, что так оно и будет.

И мы вместе с Лениным стали мечтать, понимая, что мечта — это, в сущности, задача, решение которой стало возможным благодаря обладающей даром предвидения науке, пазылаемой марксизмом-ленинизмом.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 316. *Ред.*

Быть мечтателем ленинского типа — значит быть борцом за воплощение мечты, активным участником коммунистического преобразования общества, новатором в труде и творчестве, неутомимым разведчиком будущего.

Не одно, а несколько поколений советской молодежи росло, училось, достигало успехов в борьбе и труде, руководствуясь добрыми советами партии, напутствием Ильича, данным комсомольцам в 1920 году.

Двадцатый год..

Разруха, голод, холод.

Шла осень, громом битвы грохоча.

В Москве на третьем съезде комсомола

Мне довелось увидеть Ильича.

Сердца юнцов рвались к нему навстречу.

Гул голосов казался гулом пчел..

Ильич

Большим заботам в этот вечер

Заботу о грядущем предпочел.

Могучей мыслью бережно и смело

Он нас через ненастье и мороз

Вдруг перенес

В весенние пределы,

В преддверье коммунизма перенес.

Мы от него слышали впервые,

Что близок мир в суровом том году.

И отдали

Все силы молодые

Учению и общему труду.

Прошли десятилетия не напрасно.

Родной народ наш,

Полный новых сил,

Вплотную подошел к вехе прекрасной,

Которую нам Ленин возвестил.

НА СОВЕЩАНИИ ПОЛИТПРОСВЕТОВ

Всероссийское совещание политпросветов губернских и уездных отделов народного образования открылось 1 ноября 1920 года¹. Мы заседали в Москве, в том помещении в Малом Харитоньевском переулке, которое тогда называлось Домом съездов Наркомпроса и где теперь находится отделение технических наук Академии наук СССР.

Это величественное и богатое здание дворцового типа, с великолепным вестибюлем, парадными мраморными лестницами, огромным залом с лепным потолком, просторными фойе, гостинными и множеством комнат, наполненных тяжелой мебелью, кожаными и бархатными диванами. В те годы здание отапливалось плохо. Нередко участники съездов заседали в шубах, пальто, валенках, рукавицах, изо рта струился пар.

Вела наше совещание Надежда Константиновна Крупская. Среди участников совещания ходили слухи, что должен приехать Ленин. Прошло два дня, но его не было. Мы осторожно выспрашивали у Надежды Константиновны. Она ничего определенного не отвечала, а переводила разговор на то, как важно разъяснить значение ожесточенных боев за Перекоп, успешного выполнения хлебозаготовок, пуска ивановских текстильных фабрик, электрификации страны. Умом мы сознавали, что положение республики напряженное, что Владимир Ильич несет тяжелый груз руководства страной и ему трудно оторваться от государственных дел для встречи с нами. Сердце же не мирилось, и, сказать по совести, приподнятое настроение, с которым мы съехались, немного упало: мы думали, что Ленина на этот раз не увидим.

Третьего ноября совещание шло будничным чередом. Днем был объявлен короткий перерыв. Огромный зал опустел, элек-

¹ Данное совещание открылось не 1 ноября, как указывает автор, а 2 и проходило до 8 ноября 1920 года. Речь В. И. Ленина была заслушана на третьем заседании (второй день работы совещания) после доклада Н. К. Крупской. *Ред.*

тричество из экономии почти совсем выключили. Делегаты разошлись — кто поразмять ноги, кто покурить, большинство же отправилось в буфет, находившийся по ту сторону мраморной лестницы, и стояло в очередях, чтобы получить стакан теплого морковного чая с двумя-тремя леденцами и согреться.

Звонок уже давно созывал делегатов на заседание, но полуосвещенный зал почти пустовал. И вдруг я услышала быстрые шаги спешивших и бежавших групп людей. Зал мгновенно наполнился шумом торопливо усаживавшихся делегатов, они переговаривались таинственно и взволнованно. Не успела я даже спросить, что случилось, как сзади, от входа в зал, раздались нерешительные аплодисменты, они становились все громче и громче. Оглянулась — и увидела, как делегаты, сидевшие в задних рядах, вскакивают со своих мест, бегут к президиуму, аплодируют, кричат, лица у всех радостные и глаза горят. Я обернулась к высокой эстраде, где помещался президиум. Слева от двери, ведущей в президиум из маленькой комнаты и буфета, быстро поднявшись по ступеням, крупно и уверенно шагает кто-то небольшого роста, коренастый, в расстегнутом осеннем пальто с поднятым воротником и в суконной кепке с откинутым верхом, окруженный членами президиума, тоже аплодирующими, с сияющими лицами.

— Ленин! Ленин! — кричали со всех сторон.

В зале вспыхнули все электрические лампочки. Владимир Ильич снял кепку и оглянулся, ища, куда ее положить. Все продолжали аплодировать. Ленин чуть приподнял голову и, прищурившись, недовольно взглянул на лампочки, источавшие море света, а потом сердито посмотрел в сторону президиума. «Какое расточительство! — казалось, говорил он. — Зачем это? Экономить надо электричество!»

Аплодисменты продолжались. Ленин нетерпеливо взглянул на зал, резко откинул воротник и попробовал снять пальто, но, видимо, большая рука мешала. Он, продолжая отыскивать глазами, куда бы положить кепку, оставшись в пальто, встал впереди стола президиума и взялся за спинку стоящего сбоку стула, как это делают часто, собираясь говорить. Он словно хотел сказать: «Не теряйте времени, дело не ждет!»

Теперь Владимир Ильич был виден всем и во весь рост. Восторженный женский голос крикнул: «Да здравствует товарищ Ленин!», простуженный бас подхватил: «Ленину — урра!», и со всех сторон слышались крики: «Ленин!»... «Мировая революция!»... «Ленин!»... «Партия!»... «Ура!»... Началась овация.

Мы знали: Владимир Ильич скромн, недолюбливает торжественных встреч, но не могли сдержать своих чувств.

Нетерпеливо качнув рукой стул, Ильич вдруг довольно усмехнулся оттого, что наконец нашел, и положил мешавшую ему кепку на сиденье стула. Освободившейся рукой он полез

во внутренние карманы пальто, затем в боковые, отвернул полу и полез в карман пиджака, поглядывая укоризненно в сторону президиума. На этот раз президиум был явно «не на высоте» и решительно никаких мер к наведению тишины не предпринимал.

Владимир Ильич достал из внутреннего кармана пиджака белый лист бумаги, величиной в ладонь, развернул его и показал залу. Все поняли: конспект. Теперь аплодисменты уже грохотали. «Значит, — подумала я, — будет не только приветствие, будет — речь. Ленин специально для нас готовился, значит, и наше дело у него в ряду государственных!» Ленин потряс перед собой бумажкой, снова прося спокойствия. Зал вдруг затих. Все сгрудившиеся у эстрады остались стоять, а те, кто был сзади нас, влезли на стулья. Так, стоя, мы и слушали Ильича.

— Товарищи, — раздался негромкий голос Ленина с той хрипотцой, которая бывает, когда войдешь в помещение с улицы. — Гм, гм, — откашлялся он.

Слышно было, как у кого-то из стоявших на стульях выскользнула книжка в переплете и легко шлепнулась на паркет.

— Товарищи, — повторил Ленин громче и уже ясным голосом, слышным во всех концах зала, — позвольте... мне... — продолжал он медленно, как будто подыскивая слова, — поделиться... несколькими мыслями... которые...

Владимир Ильич уже овладел общим вниманием. Никто не спускал с него глаз. Он поглядывал на лежавший в ладони листок, и речь его становилась все отчетливее и быстрее.

«О чем будет говорить? О войне? Борьбе с разрухой? О международном положении? — старалась догадаться я. — Он начал прямо с наших дел!»

Ленин уже сообщал о решении правительства создать Главполитпросвет. Зал ответил ему одобрительной волной пролетевского говорка.

Владимир Ильич движением головы показал, что понял одобрение, и вдруг в его глазах заискрилась легкая усмешка.

— Я за время своего советского опыта привык относиться к разным названиям, как к ребячьим шуткам, — в глазах его забегали огоньки. Он хитро прищурился и иронически продолжал: — ведь каждое название — своего рода шутка.

Он выдержал небольшую паузу.

— Теперь уже утверждено новое название: Главполитпросвет, — и он развел руками, как будто хотел добавить: «Ничего не поделаешь — стихийное бедствие на перемены названий!»

Взглянул в сторону президиума, как будто желая убедиться, понимают ли там, почему и на что он намекает. И, словно спохватившись, продолжал:

— Так как это вопрос решенный, то вы мое замечание примите не больше, как личное замечание,— он подчеркнул движением руки слово «личное».— Если дело не ограничится только переменной «лички», то это можно будет только приветствовать.

Все кругом улыбались, но урок Ильича, данный хотя и в шуточной форме, поняли. И пошли его предостережение: поменьше погоны за высшей, показной, формальной стороной культурно-просветительной работы, побольше внимания к существу дела.

Убедившись, что он понят правильно, Владимир Ильич, как у него это часто бывало, быстро откинул полу и, заложив левую руку в карман брюк, вскинул правую и перешел к тому, в чем же это существо дела состоит. Теперь перед нами был уже не только товарищ, но и учитель.

Я видела и слышала Владимира Ильича очень много раз и теперь внимательно, с беспокойством всматривалась в знакомые черты. Да, похудел, даже осунулся. Но все так же бодр. Его голос все так же тверд, мысли все так же ясны и остры. Все так же он увлекает слушателей, и не ораторскими красотами, а силой своего убеждения, стальной логикой своего марксистского мышления, беспощадной правдой.

Я глядела на товарищей и видела, как лица их преобразуются, в глазах загораются новые мысли, которые пробудил в них он.

Речь товарища Ленина, которую мы слушали, опубликована в собрании его Сочинений¹, и нет надобности ее здесь излагать.

Не помню теперь, делали ли мы заметки в своих блокнотах. Вероятно, просто слушали, но слушали так, как всегда и все слушали Ленина. Даже теперь, спустя много лет, память сохранила — нет, не слова, а мысли, высказанные тогда Владимиром Ильичем о культурно-просветительной работе.

Но вот Ленин кончил говорить. Слова овации. Он, пожимая на ходу протянутые к нему руки, улыбаясь, быстрыми шагами идет в ту дверь слева на эстраде, откуда пришел. Делегаты вскарабкиваются на эстраду, бегут за ним всей гурьбой, протискиваются через узкую дверь на лестницу.

Звонит звонок. И в зал заседания мы возвращаемся посвежевшие и оживленные, словно напились ключевой воды из животворного источника. Владимир Ильич оценивал наш труд как большое общегосударственное дело. И после его выступления мы особенно ясно видели, как велика связь культурно-просветительной работы со всей жизнью страны, со строительством Советской республики.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 398—408. Ред.

Мысли, высказанные В. И. Лениным, руководили нами все эти годы и еще много лет будут давать направление культурно-просветительным работникам. Разве в нынешнее время не приобрела совершенно исключительное значение мысль В. И. Ленина, что вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства? Успехи культурно-просветительных организаций и теперь зависят от их умения привлечь многомиллионную армию учителей, инженеров, врачей, всей советской интеллигенции.

С какой новой убедительной силой звучит сегодня мысль Владимира Ильича о лицемерии буржуазии, твердящей, будто бы культура и просвещение могут быть «аполитичными», «надклассовыми». Ленин говорил: «...Буржуазия клеветет на нас неустанно всем аппаратом своей пропаганды и агитации»¹. И сегодня наша основная задача состоит в том, чтобы буржуазной клевете противооставить свою правду и заставить ее признать!

Культурно-просветительная работа, 1957, № 4, с. 2—4

1.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 399. *Ред.*

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

День, когда в нашу деревню Кашино приезжал Владимир Ильич Ленин с Надеждой Константиновной Крупской, остался в моей памяти на всю жизнь.

Было это в году тысяча девятьсот двадцатом, 14 ноября. С утра шел мягкий снежок. Волоколамское шоссе, пересекавшее нашу улицу, было ухабистое и немногим отличалось от проселочной дороги. Неподалеку от этого шоссе мы наскоро построили трибуну. Здесь же врыли столб и повесили электрический фонарь.

Владимир Ильич приезжал к нам на торжество в честь открытия электростанции, которую мы построили своими силами. Признаться, когда на миру порешили послать ему приглашение в Москву, в Кремль, многие качали головами:

— Ничего из этого не выйдет, занят, небось,— говорили одни.

— Время-то какое: война, разруха, голод...

— Близко ли до нас — добрых полторы сотни верст,— говорили другие.

Выбрали мы самый лучший на селе дом — Марьи Никитичны Кашкиной. Все желали к себе пригласить, да у Марьи Никитичны дом на две половины, много окон и снаружи обшит тесом, а по карнизу узорчатая резьба,

Жили в то время впроголодь, а угостить Владимира Ильича хотелось. Поваром был выбран обществом Павел Егорович Егоров. Меня приставили к нему в помощники.

— Козьма, принимай! — покрикивает мне Павел Егорович.

Наши женщины тащат — кто курочку, кто блюдо огурцов, кто капусты, масла, яиц. Хозяйка дома Марья Никитична да еще Василиса Малафеева варили брагу.

Итак, пополудни, часов в двенадцать, не терпится — каждому хочется первым увидеть желанного гостя. Народ в соседних деревнях узнал, что мы ждем приезда Ильича, и все к нам

повалили. Первыми же встретили его наши ребяташки. Они ушли по шоссе далеко за деревню и там ждали.

За машиной В. И. Ленина шла еще машина — наша волоколамская, в которой находились уездные руководители. Из домов все бросились к машине.

— Здравствуйте, граждане, — сказал Владимир Ильич.

Взяли мы его и Надежду Константиновну под руки и повели в дом, где были накрыты белеными холстами столы.

Струнный оркестр заиграл «Интернационал» — об этом мы позаботились с утра. Музыкантов-любителей привезли из Волоколамска. У вешалки тоже было приставили своего человека. Но наша предусмотрительность оказалась ненужной. Когда к Владимиру Ильичу подошел наш паренёк, он вежливенько отстранил его и снял пальто сам. Повесил в углу на крючок и сам же стал снимать короткое плюшевое пальто с Надежды Константиновны.

Все мы любовались им. У него были удивительно живые глаза. Он потирал ладонями крутой лоб и виски. Нас радовало его здоровье, что он был плотный, крепкий, улыбающийся.

Поднесли ему и Надежде Константиновне по кружке браги.

— Не хмельно ли? — спросил он.

Тут Василиса Малафеева и Марья Капкина сказали, что в брагу они хмеля не клали. Он выпил и вытер светлые усы. Выпила и Надежда Константиновна.

Поставили мы перед ними студня и хлеба, парзанного ломтями.

— Велик кусочек-то, — сказал он и стал студень резать ножом.

Разговаривал он с нами попросту, словно крестьянский сын. Первоначальное наше стеснение быстро прошло.

За обедом самые активные строители нашей электростанции рассказали, как, не имея керосина для освещения, мы придумали провести электричество. Провода перебросили через избы и плетни. Ильич радовался вместе с нами. После стали задавать всякие вопросы о событиях на фронтах, о ситце, о спичках, о хлебе. Один из наших сеиан встал и сказал:

— Незнание для нас, мужиков, хуже всего...

— А именно? — спросил Владимир Ильич.

— О разверстке я говорю. Паплет крестьянин землю и не знает, что с него возьмут по осени. Много запаплет — с него много и возьмут. А мало пахать — невыгодно для страны.

Владимир Ильич пожелал на эти вопросы ответить всем, чтобы слышали его и те крестьяне, которые не вместились в доме, стояли в шубах и пашках в сених, на крыльце и заглядывали в окна.

Подошел фотограф и сказал, что ему наказано снять гостей, к тому же на улице скоро будет темнеть. Владимир Ильич

пожелал сфотографироваться с нами, и все высыпали на улицу.

На трибуне, сняв шапку и распахнув пальто, он говорил сильно и ярко. За столом он, отвечая на вопросы, улыбался, потирал рукой подбородок. Здесь же, рассекая воздух рукой, он был суров. Свою речь построил как бы в виде ответа на заданные нами вопросы.

Говорил, что война скоро окончится и положение улучшится. Настанет время, когда власть Советская окрепнет, хозяйство наладится, пойдут фабрики и заводы. Будет мануфактура, хлеб и кое-что такое, чтобы мужики обрабатывали поля машинами, чтобы урожаи были высокие (конечно, он имел в виду тракторы). Говорил, что все, что государство берет у крестьян, в мирное время возвратится сторицей.

— Говорит густо, — сказал тут один из наших...

Велел держать крепкую связь с рабочим классом и шагать с ним в ногу.

Слушали мы его, а в душе у каждого будто солнце светило. Потом он от нас уехал в село Ярополец.

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Я хочу здесь поделиться некоторыми отрывками из воспоминаний о встречах с Ильичем в редкие для него часы отдыха.

Ни тени суровости и требовательности, проявляемых Ильичем, когда речь шла о работе; необыкновенная простота и товарищеская забота, полное пренебрежение к своим личным удобствам.

Иногда, в субботу вечером, стоваривались с ним поехать в праздник на охоту. Часа в четыре утра Ильич будил уже по телефону. В валенках, в черной жеребковой куртке, с охотничьим снаряжением, с неизменным свертком с парой бутербродов, жестяной коробочкой с мелко наколотыми кусочками сахара и щепоткой чаю, Ильич всегда поспевал к моему подъезду, пока я вставал.

Как-то зимой 1920 года после неудачной охоты возвращались уже в темноте домой. Верстах в 60 от Москвы у нас испортились автосани. Решили отправиться пешком до находящейся в двух верстах железнодорожной станции Подсолнечное, а оттуда поездом в Москву. Взвалили на плечи свою амуницию и поплелись по сугробам. Зашли в освещенное здание местного Совета в надежде переговорить с Москвой по телефону. В Совете, видимо, узнали Ильича, но, желая подтвердить свои догадки, потребовали от нас документы. Я предъявил свое удостоверение члена ВЦИК и заявил, что остальные товарищи едут со мной и за благонадежность их ручаюсь. Все же после нашего выхода на улицу кто-то из Совета нас нагнал и обратился к Ильичу уже с прямым вопросом: не Ленин ли он. После утвердительного ответа товарищ отрекомендовался бывшим красноармейцем и взялся проводить нас до железнодорожной станции. На станции Ильич сам взялся за переговоры о способах нашего дальнейшего путешествия. В НКПС предложили прислать немедленно паровоз с вагоном. Ильич от такой «роскоши» категорически отказался и, узнав, что минут через

40 должен прибыть товарный поезд, просил устроить нам место там.

Поместили нас в теплушке для сопровождающих маршрут с медикаментами. Кстати, сопровождающие маршрут сейчас же обратились к Ильичу за заступничеством: из двадцати с лишним вагонов осталось всего около десяти — остальные по дороге были в разных местах отцеплены из-за горения бужс или по разным другим причинам.

Не успели отогреться у стоящей посредине теплушки железной печки, как на следующей остановке теплушка наполнилась рабочими-железнодорожниками, которые, несмотря на поздний час (было около 12 часов ночи), пришли посмотреть «своего Ильича». Застенчиво улыбаясь, Ильич пожимает измазанные маслом и копотью руки. После приветствий начинается разговор на тему, зачем нужны прототряды и что за предложение провоза продовольствия ухудшает положение железнодорожников. Ильич обстоятельно объясняет, что, если будет разрешено провозить продовольствие железнодорожникам, этим воспользуются спекулянты и положение всех рабочих станет еще хуже. Некоторые рабочие до того увлеклись беседой, что упустили отход поезда и поехали вместе с Ильичем до следующей остановки.

* *

*

Раз, после утомительной ходьбы по глубокому снегу, усеялись на цыпях отдохнуть. Начались шутки и «охотничьи рассказы». Один из охотников, явно увлекшись, заявил, что убил в Крыму орла весом в два пуда. Я, придравшись к случаю позубоскалить, начал расспрашивать: не чугунный ли это был орел с ворот какой-нибудь княжеской виллы. Видно было, что Ильич так сконфузился за товарища, как будто его самого уличили в чем-либо неблагоприятном, и немедленно персвел разговор на другую тему.

* *

*

Выскочил из загона заяц, которого Ильич уложил метким выстрелом. Ильич, не дождавшись окончания загона, заторопился к убитому зайцу. В это время совсем рядом выскочил другой заяц и благополучно скрылся в кустах. Я не выдержал: «Эх, вы, за убитым погнались, а живого упустили». Ильич сконфузился:

— Да, действительно, нехорошо я сделал.

И прибавил примирительно:

— В следующий раз не буду.

* *
*

Зимний вечер. Привал в крестьянской избе. Ильич упорно отказывается от стакана чаю, пока все присутствующие еще не получили своей порции. Его жестяная коробочка с сахаром переходит из рук в руки. Заботливо осведомляется, не озяб ли кто, не промочил ли ноги. Заведет беседу с хозяином избы об их житье-бытье, чем плохо, чем обижают органы и отдельные агенты власти, что пужно, по мнению крестьян, делать, чтобы устранить недостатки. Он умел не только учить, но и учиться. И часто, несмотря на зимнюю стужу, слушая беседы этого великого и в то же время такого простого и близкого человека, казалось, что сквозь бревенчатые стены избы, сквозь вековую тьму пробился спол весеннего солнца и от человека к человеку потекли журчащие, бодрящие, веселые ручейки.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 509—511

ВСТРЕЧА С ВОЖДЕМ

В 1920 году, после разгрома на Украине Деникина и махновских банд, от бойцов-коммунистов Первой Конной армии, вместе с товарищами Ворошиловым и Буденным, я был избран делегатом на VIII съезд Советов РСФСР.

В Москву мы ехали с большим воодушевлением. Хотелось поскорее увидеть Владимира Ильича и услышать его выступление.

Увидели мы Владимира Ильича в Большом театре, где состоялось открытие съезда. Трудно сейчас описать то чувство, то волнение и радость, которые испытали мы при его появлении в зале.

Тысячи глаз устремились на Ильича. Каждый хотел навсегда запечатлеть дорогой образ вождя. Делегаты стоя, громом аплодисментов и могучим «ура» приветствовали великого Ленина.

На VIII съезде Ленин сделал доклад о работе правительства¹.

С огромным вниманием и любовью слушали его делегаты. Ленинские слова глубоко проникли в сознание и наши сердца.

Помню, когда закончил свою работу съезд и делегаты покидали Большой театр, ко мне подошел Климент Ефремович и сказал, что нас пригласили на обед к В. И. Ленину.

Мною овладело такое волнение, которого я не испытывал даже перед самым жарким боем. Я не мог себе представить, как это можно было пойти к вождю на обед.

А Климент Ефремович торопил. Визу ждала машина. Надо было спешить. Мы вышли и поехали в Кремль. Одет я был для московских морозов неважно. Открытая машина мчалась быстро, свистел пронизывающий ветер. Но мне было жарко — мысль о предстоящей встрече с Владимиром Ильичем Лениным потрясала меня.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 128—161. *Ред.*

В Кремль нас пропустили без всякой задержки. Обед, как выяснилось на месте, должен был состояться не у Владимира Ильича, а у Михаила Ивановича Калинина.

Поднялись на третий этаж. Прошли по коридору, вошли в небольшую комнату. Как только переступили порог, нас встретили товарищи Ленин, Калинин, Сталин, Фрунзе и Орджоникидзе.

Поздоровались.

Владимир Ильич Ленин, подойдя к Буденному, спросил: «Ну, как поживаете?»

Семен Михайлович, волнуясь, ответил: «Слава богу, ничего».

Владимир Ильич улыбнулся бодрой, хорошей улыбкой и, обращаясь ко всем нам, сказал: «Значит, надо понимать, что хорошо».

Затем он прошелся по комнате, окинул нас быстрым взглядом и обратился к Михаилу Ивановичу Калинин: «Сегодня у нас в гостях конноармейцы — лучшие бойцы Красной Армии, они не привыкли попусту проводить время. Давайте-ка обедать».

Владимир Ильич взял Климента Ефремовича и меня за руки, усадил рядом с собой. Между Ворошиловым и Буденным сел Сталин, а напротив нас — Калинин, Фрунзе и Орджоникидзе.

За обедом первые слова товарища Ленина были: «Ну, как армия, как дела, какое настроение в частях, как вы комплектуетесь?»

Отвечал Климент Ефремович Ворошилов.

В беседу постепенно втянулся Семен Михайлович Буденный, а затем и я. Мою неловкость как рукой сняло.

Владимир Ильич расспрашивал меня о наших замечательных бойцах. Я сказал ему, что мне бойцы много раз подсказывали правильное решение сложных боевых задач. Владимиру Ильичу эта фраза очень понравилась. Он сказал: «Вот именно, опирайтесь на них, они всегда подскажут. Главное — быть среди бойцов, в массе».

Немного помолчав, Владимир Ильич спросил: «А были ли случаи, чтобы бойцы ослушались? Ну, скажем, не хотели бы наступать?»

Я ответил Владимиру Ильичу, что таких фактов не знаю. Если, говорю, командир не дал бы приказ бойцам о наступлении, они сами пошли бы на врага, оставив позади такого командира.

Все рассмеялись.

В. И. Ленин сжал мне руку: «Хорошо, что у нас такие бойцы, что сами идут на врага. Такими качествами не обладает ни одна империалистическая армия».

Когда речь зашла о том, что может сделать Первая Конная армия, если ее правильно использовать, товарищи Ворошилов,

Фрунзе, Орджоникидзе и Буденный дали высокую оценку боевым качествам Первой Конной армии, успешно громившей Деникина. Они заверили товарища Ленина, что Первая Конная армия является грозной силой, готовой в любую минуту выступить и громить врага.

Помню, Владимир Ильич просил не останавливаться на достигнутых результатах, повышать воинскую дисциплину, вести политическую работу среди бойцов и командиров.

Обед кончился. Тепло прощаясь с нами, товарищ Ленин говорил: «Как только в Москву приедете, сейчас же к нам. Всегда рады будем с вами встретиться. Обязательно к нам. Если что надо будет, поможем».

Мы вышли. По дороге в гостиницу товарищ Ворошилов спросил: «Ну, какое у вас, Тимошенко, впечатление о встрече?»

Я сказал, что меня поразила та простота в обращении и теплота, с которой Ленин беседовал с нами.

Ночью я долго не мог заснуть. Снова вспоминал весь разговор с Лениным, его жесты, движения, лицо, голос.

С тех пор прошло уже много лет, но образ Владимира Ильича всегда встает передо мной живым и незабываемым.

В. И. ЛЕНИН КАК ВОЖДЬ,
ТОВАРИЩ, ЧЕЛОВЕК

(Из воспоминаний)¹

Владимир Ильич любил народ, простых людей труда. Об этом хорошо сказала Надежда Константиновна на похоронах Ленина: — Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся.

Будучи главой Советского правительства, Владимир Ильич охотно беседовал с рабочими и крестьянами. Для него знать мнение, настроение рабочего и крестьянина было не менее важно, чем знать мнение членов ЦК партии и Совета Народных Комиссаров.

Особенно любил Владимир Ильич беседовать с рабочими. С ними он делился своими заветными думами, их мнением чрезвычайно дорожил.

Владимир Ильич высоко ценил крестьянские письма в газету «Беднота».

— Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!

Так говорил мне Владимир Ильич, когда я, как редактор «Бедноты», приходил к нему с крестьянскими письмами. Он долго, внимательно слушал, чем живет, чем болеет деревня. Иное письмо возьмет в руки и просмотрит. И мне невольно вспоминалось, с какой любовью он сам когда-то разбирал и правил письма рабочих в газеты «Вперед» и «Пролетарий».

Особенно памятна одна беседа зимой 1920—1921 года. Время было очень тяжелое: конец гражданской войны, когда жертвы и лишения трудящихся достигли высшей степени. Деревня заваливала «Бедноту» письмами. По каждому письму Владимир Ильич буквально засыпал меня вопросами.

— Вот, говорю, пишут, что Советская власть хуже царской.

— Хуже царской? — переспрашивает Владимир Ильич и смеется прищуренным глазом. — А кто пишет? Кулак? Средняк?

¹ Полностью напечатано в книге «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., 1957, с. 815—835. *Ред.*

Беседа закончилась требованием представить подробный доклад о положении в деревне с выдержками из крестьянских писем.

Более полусотни таких писем о продовольственной разверстке и тяжелом положении крестьян было отобрано, изучено и вошло в доклад лично Ленину. И скоро мне пришлось убедиться, что сводка крестьянских писем не пропала даром. Слушая доклад Ленина на X съезде партии о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом¹, я в ряде мест чувствовал, что Владимир Ильич пользовался крестьянскими письмами как материалом.

С тех пор Владимир Ильич требовал регулярных докладов «Бедноты». У меня сохранился крошечный клочок бумаги, унизанный бисерным почерком Владимира Ильича. Вот он дословно:

«26/1.1922.

г. Карпинский!

Не напишете ли мне кратко (2—3 странички максимум), сколько писем от крестьян в «Бедноту»?

что важного (особенно важного) и нового в этих письмах?

Настроения?

Злобы дня?

Нельзя ли раз в два месяца получать такие письма (следующее к 15.III.1922)?

а) среднее число писем

б) настроения

в) важнейшие злобы дня.

С ком. приветом Ленин»².

Несмотря на сверхчеловеческую занятость важнейшими государственными и партийными делами, Владимир Ильич все же находил время для приема посетителей. Он лично принимал их и беседовал с ними не только потому, что считал это обязанностью главы государства, а прежде всего потому, что испытывал настоятельную потребность в живом общении с народом.

Со всех концов страны приезжали и пешком приходили в Москву к Ленину «ходоки», выбранные на крестьянских сходах. У Ленина был даже особый день для приема крестьянских «ходоков».

В назначенный час они являлись в Кремль в эшусах, в лаптях, с котомками за плечами, складывали в приемной на полу у стены котомки и, взволнованные, перешептываясь, ожидали,

¹ X съезд РКП(б) состоялся в Москве 8—16 марта 1921 года. «Доклад о замене разверстки натуральным налогом» см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 57—73. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 143—144. *Ред.*

пока их пригласят к самому председателю Совета Народных Комиссаров — к Владимиру Ильичу Ленину!

Ждать приходилось недолго. Вот уже зовут. Подтянув кушаки, пригладив ладонями волосы, они чинно входят в кабинет Ленина, а он из-за стола уже идет к ним навстречу, приветливо здоровается с каждым за руку, усаживает гостей.

— А ты, дедушка, вот сюда поближе, в кресло!

Владимир Ильич спрашивает у каждого фамилию, имя, отчество, откуда прибыл. И начинается простая задушевная беседа.

Делегатов поражало, что Владимир Ильич запоминал, как зовут каждого, и в беседе называл его по имени-отчеству. А еще больше изумляло их, что Владимир Ильич оказывался хорошо осведомленным о нуждах их деревень, знал, какие у них земли, а иногда даже называл по фамилии помещика, эксплуатировавшего их. Крестьяне, конечно, понятия не имели о том, что Ленин великолепно изучил экономику каждого района страны.

Однажды на приеме был такой случай. Кто-то из «ходовков» вдруг вскочил с места и очень взволнованно сказал:

— Товарищ Ленин, да что же это такое?! Ведь они нас так и утюжат, так и утюжат!

Владимир Ильич ничего не понял.

— Успокойтесь, Иван Родионыч,— сказал он,— и объясните нам толком, в чем дело. Кто это они?

— Да как кто? Паццы же сельсоветчики! Замучили нас поборами!

— А кто их избирал?

— Ну, мы же, конечно...

— Так возьмите и переизберите их.

— Да разве ж это можно?

— Можно и должно. Советский закон разрешает переизбрать до истечения срока полномочий любого депутата, не оправдавшего доверия народа. Так-то вот, Иван Родионыч!

В необходимых случаях после таких бесед Владимир Ильич лично давал распоряжения на места. А нередко сведения, почерпнутые в беседах с рабочими и крестьянами, служили основанием для издания того или иного постановления.

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

(Воспоминания старого шахтера)

Конец декабря 1920 года. Стояла суровая снежная зима. Мы, группа донецких шахтеров, собирались в Москву на II Всероссийский съезд горнорабочих¹. Ехали в вагоне-теплушке, времена тогда были тяжелые: в наследство от войны молодая Советская республика получила жесточайшую разруху. Дорога продолжалась долго: выехали мы из Донбасса в декабре 1920 года, а в Москву приехали только в середине января 1921 года. Долгий путь прошел в оживленных разговорах и спорах о роли и задачах профсоюзов в связи с переходом нашей страны к мирной работе, к восстановлению народного хозяйства. Наша делегация приехала на съезд с твердым мнением поддерживать платформу большинства ЦК РКП(б), подписанную Лениным и другими членами ЦК.

В Москве нас разместили в общежитии на Садово-Кудринской, где дни до открытия съезда также прошли в горячих спорах...

Когда 22 января 1921 года собралась коммунистическая фракция съезда, нам объявили, что завтра на заседании фракции выступит Владимир Ильич Ленин. Это заявление было встречено с восторгом. Делегаты долго и горячо аплодировали. На другой день, 23 января, с самого утра заседание началось в одном из залов Дома Союзов.

В тот же день на вечернем заседании коммунистической фракции появился Владимир Ильич. Его встретили бурной овацией. Каждый хотел выразить свою большую любовь к Ильичу. Владимир Ильич быстро прошел через зал между приветствовавшими его горняками. Подошел к трибуне, снял пальто, поздоровался за руку с членами бюро фракции и сел за стол. Когда все утихло, Владимиру Ильичу предоставили слово.

¹ II Всероссийский съезд горнорабочих проходил в Москве с 25 января по 2 февраля 1921 года. *Ред.*

Но долго ему не давали возможности начать доклад: все аплодировали. Владимир Ильич поднял руку — не помогло. Тогда он вынул из кармана жплетта часы и, указывая на них, как бы говорил: время отнимаете и у себя и у меня. Только после этого наступила тишина, и Ленин начал доклад¹. Каждый из нас старался не пропустить ни одного слова, все были захвачены его докладом.

Владимир Ильич сказал тогда, что наши профсоюзы являются школой управления, школой хозяйствования, школой коммунизма. Построив свою работу на методах убеждения, профсоюзы сумеют поднять всех рабочих на борьбу с хозяйственной разрухой, на строительство социализма.

Прения по докладу В. И. Ленина продолжались два дня. За это время он беседовал со многими делегатами, расспрашивал об условиях работы, о жизни рабочих и их семей, о добыче угля, нефти, золота и других ископаемых.

Во время одного из перерывов подошел к Ильичу и я. Он сидел за столом, делал записи в блокноте.

— Владимир Ильич! Я к вам...

Ильич поднял голову, отложил блокнот, пожал мне руку и усадил возле себя. Спросил, из какого района. Я сказал, что из Донбасса, из Александров-Грушевска, фамилия моя Мешков.

— Так это вы прислали мне письмо, что на субботах и воскресниках добыли 30 тысяч пудов угля и посылаете на имя Ленина для московского пролетариата? — задал мне вопрос Владимир Ильич.

Я ответил утвердительно. Ильич стал расспрашивать о добыче угля, о положении рабочих, сказал, что по письму рабочих нашего рудника даны указания Главтопу и другим учреждениям об улучшении снабжения Донбасса продовольствием, техническими материалами, спецодеждой и обувью.

В заключение беседы Владимир Ильич вырвал из блокнота листок и дал мне. Там были записаны телефоны секретарей В. И. Ленина.

— Позвоните после окончания съезда, — сказал Ильич.

Второй раз с В. И. Лениным я встретился после окончания съезда. Председатель ЦК союза горнорабочих тов. Артем (Ф. А. Сергеев) по нашей просьбе позвонил В. И. Ленину и передал ему, что делегаты-горняки очень хотели бы с ним сфотографироваться. Владимир Ильич пригласил всех делегатов зайти к нему в Кремль.

На другой день утром мы во главе с Артемом направились в Кремль.

Поздоровавшись с горняками, Владимир Ильич предложил расположиться для съемки. Когда мы размещались на скамей-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 245—255. *Ред.*

как и на ступеньках подъезда, фотограф сказал, что в одной группе заснять всех невозможно; поэтому нам пришлось разделиться на две очереди.

В это время Владимир Ильич заметил меня и, обращаясь к Артему, сказал:

— Это мой старый знакомый. Мы уже давно с ним ведем переписку о перевозке угля для московских рабочих...

— Петя Мешков,— ответил ему Артем,— у нас самый молодой член президиума съезда. Съезд оказал ему большое доверие и избрал кандидатом в новый состав ЦК союза.

Владимир Ильич, улыбувшись, взял меня за руку, посадил рядом с собой и сказал:

— Когда приедете в Донбасс, передайте рабочим и работницам большое спасибо за уголь и скажите им, что Ленин обещал скоро уголь вывезти.

После того как сфотографировали первую группу, я поднялся и хотел отойти в сторону. Но Владимир Ильич взял меня за руку, сказав:

— Куда же? А еще член президиума! Делегаты обидятся, что с одной группой снялся, а с другой не хотите...

С этими словами Ильич снова посадил меня рядом, только с другой стороны.

Возвратившись в Донбасс, я подробно рассказал рабочим и работницам о работе съезда, о встречах с В. И. Лениным и о его отцовской заботе о горняках и их семьях, о восстановлении горной промышленности. Передал привет и большое спасибо Ильича за подарок для московского пролетариата. А через несколько дней я получил следующее письмо из Совнаркома РСФСР:

«Донбасс, Александров-Грушевский район, Рудник III Интернационала и мелкие рудники 3-го куста тов. П. Мешкову.

Тов. Ленин просит Вас передать сердечную благодарность работницам, рабочим и служащим рудника III Интернационала и мелких рудников 3-го куста Александров-Грушевского района Донбасса за их приветствия и пожелания и с большим удовлетворением принимает подарок в 30 000 пудов антрацита для передачи московскому пролетариату. Распоряжение Главтопу о перевозке этого угля в Москву уже отдано.

Страна наша переживает сейчас неслыханно острый топливный кризис, от благополучного разрешения которого зависит и продовольственный вопрос, и транспорт, и хозяйственное наше строительство.

Красная Москва крепко надеется, что донецкие рабочие и Всероссийская кочегарка помогут Советской власти выйти из этого кризиса».

Вскоре положение с хлебом в Москве еще больше обострилось. Хлеб был на Северном Кавказе. Но оттуда его было

трудно вывезти: не хватало топлива для паровозов. И вот в мае 1921 года мы получили из Совнаркома телеграмму:

«Товарищ Ленин просит заготовленные в порядке субботников 30 вагонов угля, которые согласно наряда... должны были быть доставлены в Москву, передать Юго-Восточным ж. дорогам, являющимся продовольственной артерией, снабжающей голодающих рабочих столиц».

Таким образом, добытый на субботниках антрацит по просьбе В. И. Ленина был передан Юго-Восточным железным дорогам. Получив этот уголь, железнодорожники перевезли для трудящихся столиц не одну тысячу пудов хлеба с Северного Кавказа.

Правда, 1954, 21 января, с. 2

ЛЕНИН И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В 1921 ГОДУ

В качестве председателя СТО и СНК Ленин всегда интересовался вопросами охраны здоровья населения. Особенное внимание его в 1921 году привлекали санитарные нужды фронта. В то время военная и гражданская медицина объединены были в Наркомздраве, и мне не раз приходилось беседовать на эти темы с Владимиром Ильичем и на отдельных его приемах, и на заседаниях.

Ленин прекрасно понимал значение здравоохранения и для обороны страны, и для мирного строительства. Всем известна его знаменитая фраза, сказанная на VII съезде Советов: *«Или выш победят социализм, или социализм победит вышей!»*¹

Санитарное состояние Страны Советов в то время было исключительно тяжелое. Отстают белые в Сибири; из Омска получена телеграмма: белые оставили целые амбары, наполненные трупами умерших от сыпняка; окружающее население поголовно заражено; зараза проникает в части Красной Армии. Харьков очищается от белых. Тотчас поступает телеграмма от начальника санитарной части тов. Щербакова: белые оставили страшное развитие эпидемии среди населения, сыпняк распространяется в Красной Армии. Так на всех фронтах тяжелое наследие белых грозило подорвать оборонную и строительную мощь Советского государства.

Ленин чрезвычайно волновался и следил за всеми перипетиями нашей борьбы с сыпняком; внимательно выслушивал меня на приемах, ставил часто доклады на заседаниях СТО и СНК; больно бранил за упущения, горячо помогал во всех трудных моментах.

Один раз я пожаловался Ленину на безобразия с продвижением по железной дороге помощи Южному фронту и Украине. «Весьма срочный эшелон № 17009, — писал я Ленину, — во главе с чрезвычайной санитарной комиссией т. Вейсброта, везу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 440. Ред.

щего на южфронт и Украину материальные ресурсы для борьбы с сыпным тифом, продвигается очень медленно. За три дня он успел пройти 115 верст. Неизвестно, чьим распоряжением срочный и самостоятельный эшелон превращен в смешанный товарный поезд, простаивающий подолгу на станциях для сцепки вагонов. При таких условиях помощь южфронту и освобожденным от разгрома белых местностям юга может оказаться запоздалой. Прошу: 1) немедленного распоряжения о продвижении эшелона, 2) взятия его под особое наблюдение, 3) расследования причин задержки и предания суду революционного трибунала виновных в этой задержке.

Наркомздрав *Н. Семашко*».

Ленин дал распоряжение секретарю Совнаркома: «Прошу созвониться с Марковым, сказав ему, что я усиленно поддерживаю просьбу Семашко. 18/1. Ленин»¹.

Эшелон был срочно продвинут.

По распоряжению Ленина Наркомздрав посылал в СТО ежемесячные письменные доклады о ходе борьбы с эпидемиями на фронтах. Каждую фразу и каждую цифру в этих докладах он обязывал тщательно проверять. Борьба с эпидемиями на фронтах шла все годы с переменным успехом до тех пор, пока белые наконец были разбиты и отступили. Тогда борьба пошла сразу успешней. 26 августа 1921 года Наркомздрав уже мог сообщить в своем докладе Ленину в СТО о движении эпидемии в армии с 25 июня по 25 июля: «Последняя осенне-зимняя волна эпидемии паразитарных тифов достигла своего максимального подъема в декабре минувшего года, давши за этот месяц 25,7% на тысячу человек численного состава Красной Армии. Затем отмечается постепенное падение волны с 22,2% за январь, 19,0% за февраль и 14,2% за март, до 7,3% за апрель, 3,5% за май и 1,7% за июнь, причем это последнее соотношение, как и последующее соотношение за июнь, вычислено на основании майского численного состава Красной Армии».

Однако Ленин не позволял ни в коей мере ослаблять бдительность. Наоборот, он требовал еще большей настойчивости и упорства в борьбе с эпидемиями. В октябре 1921 года обозначилось тяжелое положение в Северо-Кавказском военном округе (СКВО). Совет Труда и Оборона за подписью товарища Ленина обязывает Наркомздрав «организовать сеть медпомощи в пересыльных пунктах и этапах СКВО, не вошедших в организацию Главного военно-санитарного управления», то есть по линии гражданской медицины; обеспечить эти пункты пайками, топливом, паровозами, вагонами.

Военные действия стали сходить на нет. Гражданское население, измученное войной, блокадой, голодом, крайне нужда-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 122. Ред.

лось в медицинской помощи. Часть военного имущества, без всякого вреда для обороны, можно передать на нужды гражданского населения. Тем более что и военная и гражданская медицина сосредоточена в одном органе: Наркомздрав быстро может переключиться и гибко маневрировать.

И СТО выносит 15 июня 1921 года постановление:

«В целях наиболее совершенного обеспечения Красной Армии медицинским персоналом и санитарным имуществом на случай возобновления военных действий, Совет Труда и Оборона постановляет:

1. Содержать в Красной Армии на мирное время полный комплект медицинского персонала в 100%, согласно штатов.

2. Содержать на складе Главного военно-санитарного управления в неприкосновенном запасе санитарное имущество медицинского и военно-хозяйственного заготовления на 140 000 коек, из коих 40 000 коек для 100 санитарных поездов и 100 000 коек на 500 полевых госпиталей по 200 кроватей каждый.

3. Передать Народному комиссариату здравоохранения для нужд гражданского населения 50 000 коек из числа имеющихся в Военно-Санитарном ведомстве на особых условиях: целыми госпиталями без права дробления, изменения штатов и передвижения, как активный резерв, на случай военных действий»¹.

Как видно отсюда, вопрос был разрешен очень рационально: гражданское население получило значительное расширение медицинской помощи (50 тысяч коек). Вместе с тем содержание полного комплекта медицинского персонала в Красной Армии, содержание громадного мобилизационного запаса на 140 тысяч коек, запрещение дробления передаваемых для нужд гражданского населения госпиталей целиком обеспечивало нужды обороны «на случай возобновления военных действий».

Я часто разъезжал тогда по фронтам для инспекции санитарной части. Ленин каждый раз снабжал меня мандатами за своей подписью, с самыми широкими полномочиями (мандаты эти до сих пор сохранились в Институте Маркса — Энгельса — Ленина). Помню, один раз я обнаружил очень крупные беспорядки в обслуживании больных и раненых красноармейцев на станции Лиски: больные и раненые лежали почти без пищи, без ухода, не эвакуировались; коммунальное обслуживание было поставлено отвратительно. Вернувшись, я с возмущением рассказал об этом Владимиру Ильичу. Ох, как рассердился он тогда! Попало и медицинским, и немедицинским работникам.

¹ Ленин, как известно, с самого начала организации Наркомздрава был сторонником единой медицины: он настоял на включении в Наркомздрав страховой медицины (больничных касс) из Наркомтруда; он настоял на передаче охраны материнства и младенчества из Наркомсобеса в Наркомздрав; он стоял за включение военной медицины в Наркомздрав. Можно прямо сказать, что без поддержки Ленина едва ли создавалась бы у нас единая медицина, так много вначале было врагов этой идеи. Н. С.

Немалому числу саботажников пришлось жизнью заплатить за возмутительное отношение к защитникам Советского государства.

Вопросы гражданской медицины обыкновенно проходили по Совнаркому. И здесь борьба с эпидемиями привлекала к себе тогда главное внимание Владимира Ильича. Осенью 1921 года появилась чума на Черноморском побережье. Местные власти слишком увлеклись чисто административными мероприятиями (карантин, милицейские посты у зараженных домов и т. д.), не обращая внимания на медицинские мероприятия (изоляция больных, дезинфекция, дератизация, то есть борьба с разносчиками заразы, и т. п.). Я не раз докладывал об этом Владимиру Ильичу. Благодаря его энергичной помощи (в частности, специальному постановлению СТО от 30 ноября 1921 года о срочном порядке финансирования противочумных мероприятий) вспышка чумы через несколько месяцев была окончательно ликвидирована.

С каждого посещения В. И. Ленина я обыкновенно уносил какое-нибудь ценнейшее указание его. Он прекрасно понимал, что без культуры и самодеятельности самого населения бороться с эпидемиями очень трудно (он не раз одобрял мой лозунг «Охрана здоровья трудящихся — дело самих трудящихся»). Он неизменно настаивал на том, чтобы вести систематическую борьбу за чистоту, с вошью. Он со мной и с т. Бонч-Бруевичем объезжал московские пропускные пункты, которые были построены на всех крупнейших вокзалах Москвы, чтобы тысячами пропускать через бани, дезинфекционные камеры и прачечные всех приезжающих в Москву, причем при посещении он делал целый ряд ценнейших замечаний. Один раз он бросил мне идею организации комиссий по борьбе за чистоту на фабриках и заводах. «Работниц побольше привлечите», — советовал он мне. Другой раз он советовал привлечь к этому делу комсомол: «Молодая, энергичная молодежь рассыплется по дворам, по домам, — смотрите, какую чистоту наведет».

В начале лета 1921 года в Москве появилось несколько случаев холеры. Прекрасно зная, что всякий эпидемический пожар (особенно холерный) надо тушить в самом начале, ибо потом будет поздно, я тотчас забил тревогу. Московские организации слабо раскачивались, не помогали Московскому отделу здравоохранения. Центральные организации (НКФин, НКПрод) — также. Тогда я обратился к Ленину. По его распоряжению доклад об этой эпидемии был поставлен на заседании СТО 15 июня 1921 года. Постановление СТО по этому вопросу может служить образцом решительной и умелой борьбы с эпидемиями. СТО обеспечил эту борьбу значительными финансовыми средствами (1 миллиард рублей тогдашними дензнаками). Наркомпроду было предложено обеспечить рабочих по очистке, кана-

лизации, ассенизации пайками (8 тысяч человек); больные были обеспечены диетическими продуктами; очистка и ассенизация были обеспечены транспортом — автомобилями и лошадьми; развернута была дополнительная сеть противомикробических госпиталей; все лечебные учреждения были обеспечены бельем, инвентарем и т. д. Конечно, каждый пункт этого постановления проходил не без сопротивления заинтересованных организаций: с финансами тогда было трудно, с продовольствием и снабжением — еще труднее. Однако по директиве Ленина препятствия были устранены: противомикробическая борьба была обеспечена, холера загасла в самом своем начале.

Не жалея средств на это дело, Ленин категорически требовал, чтобы каждая копейка пошла в дело. Следующее письмо его ко мне это очень хорошо характеризует:

«т. Семашко!

Подписав сегодня решение Малого СНК о двух миллиардах (кажется, так? точно не помню суммы) на чистку Москвы и прочитав «Положение» Наркомздрава о неделе оздоровления жилищ («Известия», 12 июля), я пришел к выводу, что мои подозрения (насчет полной негодности постановки всего этого дела) усиливаются.

Миллиарды возьмут, раскрадут и расхитят, а дела не делают.

В Москве надо добиться образцовой (или хоть *сносной*, для начала) чистоты, ибо большего безобразия, чем «советская» грязь в «первых» советских домах, и представить себе нельзя. Что же *не* в первых домах?

Прошу прислать мне самый краткий, но точный, деловой, фактический отчет, что и где вышло из недели оздоровления? Есть ли хоть одна губерния, где что-либо сделано не бестолково?

Далее. Что делается (и что сделано?) в Москве? кто отвечает за работу? Только ли «чиновники» с пышным советским титулом, ни черта не понимающие, не знающие дела, лишь подписывающие бумажки? Или есть *деловые* руководители? Кто именно?

Добиться персональной ответственности — самое важное.

Что сделано, чтобы добиться персональной ответственности?

Проверка через кого?

Через инспекторов? Сколько их? кто они?

Через отряды молодежи (КСМ)? Есть ли таковые? Сколько?

Где и как себя показали?

Какие иные средства *реальной* проверки?

Тратят ли деньги на покупку ценных вещей (карболка? орудия чистки? сколько куплено?) или на содержание новых «чиновных» бездельников?

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 300—301. Ред.

Это письмо может служить одним из лучших примеров того, как настаивал всегда Ленин на проверке исполнения («в проверке исполнения — гвоздь всей работы, всей политики», — говорил он).

Ленин особенно интересовался курортным делом. Он понимал его не только медицинское, но и политическое значение. И действительно, политическое значение постановления дела на советских курортах было громадно. Впервые в мировой истории в особняках бывших богатей лечились рабочие, трудящиеся. В бывшем дворце царя Николая лечились бедняки-крестьяне. Больше всего интересовался Ленин крымскими курортами. Отчасти на это влияло то обстоятельство, что уполномоченным Наркомздрава по крымским курортам был тогда брат В. И. Ленина Дмитрий Ильич, и он, конечно, не мало писал Владимиру Ильичу о прелестях крымских курортов.

Как только Врангеля опрокинули в Черное море, я, по согласованию с Владимиром Ильичем, отправился в Крым, чтобы закрепить курортное имущество (дворцы, обстановку), предохранить его от расхищения и наладить курортное хозяйство. С большим риском, когда все горы Крыма кишели белыми и зелеными, я объехал все курорты. Восторгу моему от курортных богатств не было границ. Вернувшись в Москву, я с расширенными зрчками повествовал Ленину о крымских прелестях. Владимир Ильич внимательно меня выслушал и сказал: «Напишите проект декрета СНК, но политический, такой, чтобы каждая фраза пела». За ночь я набросал проект и на другой день показал его В. И. Ленину. Проект начинался так: «Благодаря освобождению Крыма Красной Армией от господства Врангеля и белогвардейцев открылась возможность использовать целебные свойства Крымского побережья для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся, всех советских республик в санаториях и курортах Крыма, бывших ранее привилегией крупной буржуазии. Прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян».

Владимир Ильич одобрил проект, однако предложил вписать, что крымские курорты должны обслуживать и революционеров других стран, бойцов за социальную революцию, израненных или потерявших здоровье в борьбе с капитализмом. Я было пробовал возражать: «Подождемте с этим, пока не оправятся курорты...» Но Владимир Ильич категорически настаивал на своем. «Это будет иметь большое политическое значение». Так в черновом наброске декрета эта мысль о лечении на крымских курортах заграничных революционеров была вписана рукой самого Владимира Ильича: «а также для рабочих других стран,

направляемых Международным Советом Профсоюзов» (декрет от 21 декабря 1920 года).

Как всегда, и в этом вопросе Владимир Ильич оказался прав. Крымские курорты (всероссийская здравница) очень скоро дали приют иностранным революционерам. Один раз, помнится в 1924 году, я проверил это: оказывается, революционеры 8 стран лечились тогда в Крыму, в том числе даже из Индии.

С самого начала курортного строительства В. И. Ленин неизменно интересовался им. Он поддерживал разумные начинания, крепко бранил за упущения. Один раз Владимиру Ильичу написал жалобу на курортные не порядки костно-туберкулезной больницей (эта категория больных самая мучительная: лечатся они многими годами, переезжают с курорта на курорт, нервничают и капризничают сами, нервничают персонал). Владимир Ильич написал мне следующее резкое письмо¹: «т. Семашко!

Я все чаще получаю указания на безобразнейшее состояние наших курортов в Крыму и на Кавказе: взяточничество, привилегии буржуям при возмутительном отношении к рабочим, а главное, полный беспорядок с лечением и, самое главное, полная необеспеченность продовольствием.

Прошу Вас представить мне точные сведения, какие у Вас есть налицо, немедленно.

А затем — о способах проверки поподробнее: сколько курортов (из скольких?) представляют правильные отчеты (количество продовольствия на — число больных? на персонал и т. п.?) — число ванн (грязевых) и т. п.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»².

Я ответил, что указания больного на не порядки несомненно преувеличены: с продовольствием действительно слабовато, но никакого воровства, взяточничества, привилегий буржуазии, беспорядков с лечением и других подобных безобразий нет: как раз перед этим обследовала курорты специальная комиссия с участием представителей ЦК и ЦКК, и она подобных безобразий не нашла. По-видимому, мне все же не удалось вполне рассеять подозрения Владимира Ильича насчет положения дела на курортах, хотя он несколько успокоился.

¹ Письмо было написано В. И. Лениным 13 сентября 1921 года в связи с сообщениями о тяжелом положении крымских курортов, полученными от М. В. Фогановой, посланной от Наркомзема в Крым в составе комиссии ВЦИК. В ответном письме Ленину от 15 сентября Н. А. Семашко излагал меры, предпринимаемые Наркомздравом по улучшению работы курортов Крыма и Кавказа. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 192—193. *Ред.*

И в 1921 году, как в предшествующие и последующие годы, продолжались заботы Владимира Ильича о детях.

В конце 1921 года трудно стало с помещениями для детских учреждений Наркомпроса и Наркомздрава. Тотчас после революции мы стали занимать под детские учреждения особняки, лучшие дачи, дворцы; по фабрикам и заводам для детей использовались квартиры и дома директоров, инженеров. Но в обстановке военных действий и тогдашних событий детские учреждения кое-где начали теснить, выселять. Мы обратились за защитой к Владимиру Ильичу в Совнарком.

13 мая 1921 года Совнарком за подписью Ленина выносит постановление, которое сразу упрочило жилищную базу детских учреждений. Этим постановлением устанавливается, что принудительное выселение детских учреждений Наркомпроса и Наркомздрава «допускается лишь в исключительных случаях, в обстановке военных действий». Запрещается уплотнение детских учреждений, если они занимают норму, установленную Наркомпросом совместно с Наркомздравом. Наоборот, предписывается губисполкомам предоставлять для таких учреждений «лучшие помещения в городах, населенных центрах и бывших помещичьих имениях». Такие помещения должны быть в кратчайший срок освобождены и переданы Наркомпросу и Наркомздраву для детских нужд. Хозяйственным наркоматам предложено было срочно произвести ремонт в таких помещениях. «В месячный срок со дня опубликования настоящего декрета Губисполкомы обязаны представить соответственные в Наркомпрос и Наркомздрав доклады о мерах, принятых к проведению сего декрета в жизнь, а Наркомпрос и Наркомздрав обязаны представить в тот же срок доклад в Совнарком. Виновные в неисполнении сего декрета подлежат законной ответственности».

Нечего и говорить, что этот декрет создал целый перелом в развертывании сети детских учреждений Наркомпроса и Наркомздрава.

За 1921 год прошло через СНК много вопросов, касающихся организации здравоохранения, в частности об организационной структуре Наркомздрава. Опять поднялись тенденции растащить медицину по отдельным ведомствам («разбазарить» ее, как выражался я тогда). Опять пришлось отчаянно бороться против таких тенденций. Опять Владимир Ильич поддержал нас, и организационное единство советской медицины восторжествовало.

Таков был Владимир Ильич Ленин, как председатель СНК и СТО, в вопросах охраны здоровья населения.

О НАШЕМ СВИДАНИИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Дату нашего свидания с Владимиром Ильичем Лениным я не смог бы сейчас припомнить, так как не записал ее, но она имеется в Записках Института Ленина (том III за 1928 год, стр. 124), где отмечено, что 12 февраля 1921 года от 12 до 12³/₄ часа дня у Ленина был прием дагестанской делегации по вопросу о положении в Дагестане.

Понятно, что нам, как делегатам Дагестана, впервые за годы революции, после продолжительной гражданской войны, попавшим в Москву, очень хотелось видеть Ильича, чтобы рассказать ему о Дагестане, о гражданской войне в горах, о героической борьбе трудящихся Дагестана с контрреволюцией, голодом и со всяческими трудностями.

Мы ведь только освободились тогда, в начале 1920 года, от многочисленных врагов. Начиная с 1917 года в Дагестане хозяйничали: белое горское правительство, английский наймит Бичерахов (1918 год), затем турки, добровольческая армия генерала Деникина. От последних белых отрядов Дагестан был освобожден к апрелю 1920 года, когда деникинцы не выдержали мощного напора Красной Армии, идущей с севера, и натиска отрядов красных партизан Дагестана и были сброшены в Каспийское море. Весь пафос героики и радость победы, которой мы были полны, нам хотелось передать Ильичу.

Нас было трое: Д. Коркмасов, М. Хизроев и я...

Свидание с Ильичем нам устроил тов. Сталин. В нашем же присутствии из своей квартиры в Кремле он позвонил Ильичу и, тут же получив согласие последнего, предложил нам не терять времени. Нас даже застала врасплох неожиданная простота и быстрота разрешения вопроса о долгожданной встрече. Но, чтобы не терять времени, мы двинулись в путь.

Из квартиры тов. Сталина мы вышли к зданию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и, поднявшись на верхний этаж, пошли по узким коридорам кремлевских

помещений. По дороге к кабинету Ильича мы встретили на лестничных переходах нескольких часовых. Путь через эти коридоры показался нам долгим. По приходе в Секретариат нас тотчас же ввели в кабинет Ильича. Первое, что бросилось в глаза при входе в кабинет, это приветливый и живой Ильич и книги, расставленные в шкафах. Особенное же в Ильиче это то, что он совсем не был похож на свои известные портреты... Перед нами был обыкновенный человек среднего роста, подвижной, с рыжеватыми подстриженными бородкой и усами, ласково нас встретивший. Обменявшись с нами приветствиями, Владимир Ильич усадил нас, затем сел к столу сам, и мы начали беседу.

Решили, что сначала мы ознакомим его с Дагестаном и его нуждами, расскажем о борьбе с белогвардейщиной. Слушал Ильич удивительно. Он как бы впитывал все, что говорили ему, но слушал не молча. Он очень живо реагировал, как бы помогая собеседнику разворачивать клубок рассказа, и ободрял его. Он вставлял иногда вопросы, делал замечания и т. д.

Ленин был тронут нашим рассказом о тяжелом положении горского крестьянства и, в частности, горской женщины, которая даже за воду была вынуждена ходить потихоньку, чтобы скрыть свою наготу из-за голода на мануфактуру. В связи с этим Ильич тогда же сделал указание об отпуске нам специально мануфактуры, и я, через два с половиной месяца после свидания с ним, имел возможность выехать из Москвы в Дагестан с целым маршрутным поездом мануфактуры — полтора миллиона аршин — подарок красному Дагестану. Заинтересовался Ильич также и нашей борьбой с духовенством; узнав об активной борьбе нашей с мусульманским духовенством, он даже переспрашивал, действительно ли и землю мы отбирали у духовенства, давая при этом еще реплики: «это же замечательно». Интересовался, как ведут себя красные части, прибывшие в Дагестан из России, много ли красных партизан, вооружены ли они и не нужно ли еще оружия. Спрашивал, кого больше: духовенства или партизан, как бы соразмеряя силы противника.

Помню и такой вопрос: «А все так же ненавидят дагестанцы русских?», — как бы желая проверить, в какой степени сила ненависти к колонизаторам-великодержавникам перешла по инерции и на всех русских. Узнав же от нас, что дагестанская беднота и красные партизаны страстно и с нетерпением ожидали прихода Красной Армии, он очень обрадовался. Интересовался состоянием медицинской помощи в горах. Спрашивал наше мнение относительно организации автономных республик: Горской и Дагестанской, — о целесообразности организации единой республики или отдельных. Узнав, что мы за создание отдельных республик, он сказал, что и он считает, что пока что лучше организация отдельных республик, а там видно будет.

Увлеченные беседой, а дальше и прощанием, мы чуть было не забыли передать несколько мелких подарков, привезенных нами из Дагестана для Ильича,— изделия наших кустарей: чернильный прибор, подсвечники, нож для разрезывания книг, ручку, пресс-папье, кажется, был еще кустарный портсигар и еще кое-какие мелочи. Когда мы разложили все это на его письменном столе, он полюбовался ими, восторгался искусством мастеров, сказал нам, чтобы мы помогли кустарям сохранить их мастерство, но не хотел принять наших подарков: «Что ж я один буду ими любоваться,— говорил он,— пусть любят все, надо их отослать в музей». Мы все-таки уговорили Ленина оставить их у себя, обещав снабдить экспонатами и музей. (Мне потом передавали, что все наши подарки находятся на столе у Ильича в его рабочем кабинете в Кремле.)

На наше приглашение приехать в Дагестан Ильич дал обещание сделать это, как только позволят ему дела. На прощание он очень просил нас писать ему хотя бы по несколько строк в месяц, информируя его о положении дел в Дагестане. Эту свою просьбу он повторил, когда мы уже уходили. К сожалению, мы не выполнили его просьбу и ничего не писали из боязни отнять у него драгоценное время, упустив из вида, что с помощью такого рода непосредственного общения с людьми с мест и черпал Ильич множество мельчайших фактов, из которых он так мастерски умел делать свои обобщения. Мы в свою очередь просили Ильича в память нашего свидания подарить для Дагестана свой портрет с автографом. Он обещал, и я через несколько дней, доставив ему большой портрет во весь рост (Ильич в кепи, на кремлевском дворе), получил его через тов. Фотиеву обратно с собственноручной подписью Ильича: «Для Красного Дагестана».

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

Мне пришлось близко соприкоснуться с В. И. Лениным после моего возвращения из США, откуда я был выслан американским правительством после двухлетнего пребывания там в качестве представителя РСФСР. Поздно вечером того же дня, когда я приехал в Москву (18 февраля 1921 года), Владимир Ильич прислал за мной машину и принял меня в своей скромной квартире в Кремле, в чисто домашней обстановке я провел у него около двух с половиной часов. Угостили меня стаканом чаю; на столе был черный хлеб и кусок сыра; масло отсутствовало.

Прежде чем начать разговор, Владимир Ильич сказал: «Подождите, я позову сейчас Надежду Константиновну». В ее присутствии он подробно расспрашивал меня главным образом об американском рабочем движении, об общественных течениях, о российской эмиграции в США, о возможности установления экономических и политических взаимоотношений Советской власти с правительством США и т. д.

В ходе беседы он задавал мне множество вопросов. Спрашивать он умел удивительно и так же удивительно умел выслушивать. Наша душевная беседа длилась далеко за полночь. Прощаясь, Владимир Ильич проводил меня до передней и, к моему великому смущению, помог мне надеть пальто.

Вскоре я был командирован Владимиром Ильичем в Донбасс и после моего доклада ему об этой поездке назначен членом президиума ВСНХ и председателем Главметалла.

В. И. Ленин придавал громадное значение восстановлению металлургической промышленности, упавшей к тому времени до небывало низкого уровня, и всячески помогал мне советом и делом в затруднительных положениях, которых тогда было великое множество. Часто в разговоре по телефону, иногда поздно вечером, при личных свиданиях он неизменно возвращался

к вопросам нашей металлургии и помогал мне ориентироваться в чрезвычайно сложной обстановке.

Это было время, когда мы испытывали тысячи затруднений и, не зная, как поступить, как найти выход из положения, не раз обращались к Владимиру Ильичу за указаниями. По любому вопросу, когда очень нужно было, можно было прийти к Владимиру Ильичу или поговорить с ним по телефону. Всегда я находил в нем самого внимательного человека, никогда не отказывавшего в совете и указании.

Металлопромышленность была предметом постоянных забот Владимира Ильича. Он живо интересовался ее основными проблемами и заставлял подробно информировать о положении дел в отделе металлов ВСНХ и даже на отдельных заводах.

Несмотря на колоссальную загруженность, Владимир Ильич никогда не оставлял без ответа обращенных к нему вопросов и просьб.

Вот, например, Каширское строительство жалуется ему на неполучение различных металлоизделий, и немедленно на мое имя отправляется следующая записка (10 августа 1921 года): «Каширское строительство жалуется на неполучение болтов с гайками и шайбами по их заказам. Монтаж без болтов остановился; прошу принять экстренные меры к удовлетворению Каширстроя 50% их заказов в трехнедельный срок»¹.

Группа американских рабочих-швейников, приехавших в Советскую Россию и организовавших здесь швейную фабрику, жалуется В. И. Ленину на неполучение труб и других металлоизделий. Опять я получаю его настойчивые указания оказать помощь².

Владимира Ильича волновало положение уральской металлопромышленности, и я получил от него поручение поехать на Урал, чтобы выяснить больные места; это и было сделано мною осенью 1921 года.

Владимир Ильич очень заинтересовался Курской магнитной аномалией, так как видел в ней огромные возможности для поднятия нашей металлопромышленности. В начале 1922 года он поручил мне поехать в Курск и постараться выяснить, что собой представляет эта аномалия и каково ее значение. В то время существовали две точки зрения на этот вопрос. Одни считали, что Курская магнитная аномалия объясняется наличием колоссальных масс чистого железа, выброшенных из ядра земли на сравнительно небольшую глубину, другие вообще отрицали наличие там железа в какой бы то ни было форме и объясняли магнитную аномалию существованием особых электрических токов, связанным с крупными геологическими сбросами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 333—334. *Ред.*

² См. там же, с. 327. *Ред.*

сами в районе Курской губернии. Владимир Ильич, которому были известны споры по этому вопросу, хотел получить возможно более полную информацию о Курской магнитной аномалии.

Как бы незначительны ни были обращения к Владимиру Ильичу просьбы, он всегда считал своим долгом ответить на них. Вот, например, передо мной обращение Главметалла к ряду товарищей, в том числе к В. И. Ленину, с просьбой дать для сборника, который подготавливался к IX съезду Советов, статью, освещающую положение нашей металлопромышленности. Владимира Ильича мы просили написать для этого сборника статью «Металлопромышленность и государство». В. И. Ленин не оставил это обращение без ответа; он вернул его мне со следующей припиской, сделанной 1 декабря 1921 года:

«т. Мартенс!

Очень жалею и извиняюсь; никак не могу.

*Ленин»*¹.

Вопрос о хлебе был центральным вопросом экономики того времени. Понятно поэтому то огромное внимание, которое уделял этому вопросу В. И. Ленин. Вот передо мной лежит записка, посланная Владимиру Ильичу 17 ноября 1921 года, в которой я извещал его о том, что первый пароход пшеницы по договору с американскими концессионерами отплывает из Нью-Йорка. Немедленно по получении этой записки Ленин пишет на ней, чтобы я известил Питер и Внешторг, так как без тройной проверки ничего не будет готово и мы оскандалимся. Ленин предложил поставить вопрос о мерах подготовки в СТО и Малом Совнарком. Написанное сопровождалось характерным ленинским — «с п е ш н о»².

Кстати, о стремительности Владимира Ильича. Словами «спешно», «архиспешно», «очень спешно», подчеркнутыми два, три раза, пестрят написанные его рукой письма и записки.

Упомянутые выше американские концессионеры являлись первыми, получившими у нас промышленную концессию. Мне удалось заинтересовать концессией по разработке Алапаевских месторождений асбеста на Урале одну американскую фирму. В числе условий концессии было обязательство фирмы в кратчайший срок доставить Уралу один миллион пудов хлеба.

По этому поводу Владимир Ильич писал мне 19 октября 1921 года, что если план концессионера Хаммера серьезен, то надо постараться придать всему точный юридический вид договора или концессии. Пусть фиктивная, писал он, но концес-

¹ Ленинский сборник XXXV, с. 296. *Ред.*

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 20. *Ред.*

сия... Нам важно показать и напечатать, что американцы пошли на концессии — это важно политически¹.

Через несколько дней он снова возвращается к этому вопросу и 27 октября пишет мне записку, в которой указывает на необходимость поскорее доредактировать и провести оба договора².

Одно из наиболее ярких моих воспоминаний о В. И. Ленине связано с его отношением к возникшему еще в 1919 году в США движению среди выходцев из России, имевшему своей целью возвращение на родину для оказания помощи революционной России. Сразу же после Октябрьской революции почти все рабочие и крестьяне, эмигрировавшие в Америку из России в до-революционное время, решительно высказались в защиту революции. Почти вся двухлетняя деятельность Советской миссии в США протекала в условиях полного сочувствия и огромных симпатий к ней со стороны выходцев из России.

Уже в самом начале деятельности миссии у нас возник план использовать симпатии и сочувствие этих людей и привлечь лучших из них для экономического возрождения Советской России. Летом 1919 года по инициативе Советской миссии в Нью-Йорке было организовано первое Общество технической помощи Советской России, встретившее огромное сочувствие со стороны не только российских, но и американских рабочих. Это общество развивалось чрезвычайно быстро и уже в середине 1920 года, несмотря на преследования американских властей, насчитывало свыше двух с половиной тысяч членов.

Вслед за организацией нью-йоркского общества в ряде других крупных промышленных центров США возникли такие же общества, организованные на тех же началах и положившие в свою основу ту же программу.

Однако деятельность указанных обществ не могла развиваться должным образом ввиду полной оторванности их от Советской России и невозможности связаться с хозяйственными органами РСФСР, а также в немалой степени ввиду преследований этих обществ американскими властями. Члены обществ часто подвергались избиениям и арестам. Тем не менее число рабочих, организованных в такие общества, в 1921 году превысило 10 тысяч человек.

Промышленный кризис, разразившийся в Америке в 1921 году, тяжело отразился и на положении выходцев из России и еще более усилил тягу последних на родину. Ввиду полной невозможности урегулировать поток реэмиграции русских рабочих из Америки и неподготовленности советских учреждений к приему иммигрантов, нам в Советской миссии в Америке

¹ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 282—283. *Ред.*

² Речь идет о договорах об асбестовой концессии и о закупке у А. Хаммера миллиона пудов хлеба (см. там же, с. 310). *Ред.*

приходилось сдерживать этот поток всеми силами, пока это не стало невозможным. В последние месяцы 1920 года и первые 1921 года российские выходцы двинулись из Америки в Советскую Россию стихийным порядком, не спрашивая разрешения советских властей. За указанные месяцы через одну только Либаву прошло свыше 16 тысяч иммигрантов из Америки.

Ознакомившись с этим положением, В. И. Ленин со свойственной ему стремительностью немедленно приступил к реализации плана использования этого движения в целях хозяйственного восстановления страны. Обсуждая этот план со мной, он не раз ставил вопрос о насаждении у нас по возможности в каждом уезде большого числа сельскохозяйственных коммун, оборудованных по последнему слову американской техники и долженствовавших служить примером культурного ведения хозяйства для отсталого русского крестьянства. На пути осуществления этого плана стояли огромные трудности. Тем не менее несколько десятков таких сельскохозяйственных коммун прибыло в Советскую Россию, и часть из них с успехом осела в разных частях страны.

Одновременно с организацией сельскохозяйственных коммун Общество технической помощи начало организовывать и отправлять в Советскую Россию также и промышленные кооперативы.

Владимир Ильич крайне тяжело переживал бедственное положение нашей молодой республики, разруху промышленности, голод в Поволжье. Всякое предложение, связанное с оказанием помощи Советской республике, находило у него самую энергичную поддержку. Ленин внимательно изучал возможности промышленной иммиграции американских рабочих в СССР, живо откликался на предложения пустить в ход остановившееся в то время производство на многих наших заводах силами русских выходцев в Америке, выразивших желание вернуться на родину.

В. И. Ленин собственноручно пишет проекты воззваний к рабочим капиталистических стран, призывая их прийти на помощь Советской республике, к крестьянам Правобережной Украины, призывая их оказать помощь голодающим крестьянам Поволжья. Он живо реагирует на сообщение об организованных в США обществах технической помощи Советской России и пишет мне 2 августа 1921 года по этому поводу:

«Я получил телеграмму из Риги о состоявшемся, по словам нью-йоркского «Голоса России»¹, в первых числах июля в Нью-Йорке съезде обществ технической помощи Советской России Соединенных Штатов и Канады.

¹ Имеется в виду «Русский голос» — ежедневная прогрессивная газета на русском языке; выходит в Нью-Йорке с 1917 года. *Ред.*

Съезд послал, по этому сообщению, приветственную телеграмму Мартенсу и народным комиссарам и заявил в этой телеграмме о своем решении немедленно приступить к организации технических отрядов для посылки в Советскую Россию.

«Я думаю, мне следовало бы послать им такую телеграмму:

«Получив сообщение, со слов нью-йоркского «Голоса России», о вашем съезде и его приветственной телеграмме Советской России, я от имени СНК выражаю вам нашу горячую благодарность».

От себя лично добавлю: техническая помощь Соединенных Штатов и Канады нам крайне нужна. Если посылать отряды без предварительного сговора о выборе места поселения, фабрики и пр., то необходимо снабжать отряд продовольствием, одеждой и пр. на два года. Необходимо, чтобы каждый отряд был подготовлен к работе, и земледельческой и промышленной вместе. Желательно посылать сначала делегатов для осмотра у нас на месте земельных участков для поселения, лесных участков, рудников, фабрик и т. д. для взятия в аренду».

Председатель СНК *Ленин*

Подписи нужны Мартенса и НКтруда, желательно еще Богданова и Чичерина»¹.

25 февраля 1921 года Совет Труда и Оборона по предложению В. И. Ленина поручил президиуму ВСНХ заключить соглашение с группой американских рабочих о сдаче им в аренду автомобильного завода «АМО», но передача завода не обошлась без значительных трений. На общем собрании рабочих завода 9 марта 1921 года представитель группы американских рабочих Гладун пытался разъяснить рабочим смысл и значение передачи завода в аренду. Меньшевики и анархисты, имевшие в то время некоторое влияние на отсталые элементы среди рабочих этого завода, пустили слух, что приехавшие американцы являются концессионерами и цель их — закабалить и эксплуатировать русских рабочих. Резолюция, предложенная американскими рабочими, была провалена. О создавшемся положении было доложено Владимиру Ильичу...

В середине 1921 года группа американских рабочих и инженеров во главе с голландским товарищем Рутгерсом начала переговоры с Советским правительством о передаче им в эксплуатацию части Кузнецкого каменноугольного бассейна в Сибири. По этому поводу Владимир Ильич составил в сентябре 1921 года следующий волнующий текст проекта обязательства, который должен был подписать каждый участник промышленных и других кооперативов, направлявшихся в то время в нашу страну из Америки:

¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 88—89. Ред.*

«1. Мы обязуемся провести это и *коллективно* отвечаем за то, чтобы *ехали* в Россию только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжелых лишений, неизбежно связанных с восстановлением промышленности в стране, весьма отсталой и неслыханно разоренной.

2. Едущие в Россию обязуются работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиной, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии.

3. Обязуемся все случаи конфликтов без изъятия, какого бы рода эти конфликты ни были, передавать на окончательное решение высшей Соввласти России и добросовестно выполнять все ее решения.

4. Обязуемся не забывать крайнюю нервность голодных и измученных русских рабочих и крестьян вокруг нашего дела и всячески помогать им, чтобы создать дружные отношения, чтобы победить недоверие и зависть»¹.

Переговоры велись при непосредственном участии В. И. Ленина и закончились заключением с этой группой договора 26 ноября 1921 года.

Товарищем в истинном смысле этого слова был В. И. Ленин для всех своих соратников и единомышленников, навсегда сохранивших светлую память о нем.

*Исторический архив, 1958, № 5,
с. 146—150*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 125—126. Ред.

КАК Я, БЕСПАРТИЙНЫЙ КРЕСТЬЯНИН
ИЗ СИБИРИ,
БЫЛ У ВЛАДИМИРА ИЛЬЧА
И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Я добрался до него из Сибири. Добраться из Сибири простому крестьянину — не простая штука. Два месяца прошло, как я тронулся из дома, и два месяца я все искал пути добраться до Ленина.

Немало было курьезов в моем пути до Ленина.

Но вот в феврале 1921 года, утром, я узнал, что меня примет Владимир Ильич в 1 час дня. За час иду в Совнарком: надо позвонить по телефону секретарше тов. Гляссер. Я звонить не умею, прошу дежурную барышню говорить за меня; все смеются, но любезно говорит за меня дежурная девица. И передает мне: быть обязательно полчаса первого; но я знаю, что мне еще надо добиться пропусков, смущен и взволнован. Вот пропуск в Кремль, а потом в здание, а там еще и еще, летаю везде, как помешанный, в большой длинной шубе, но мои документы везде заставляют обращать на себя внимание, и я, наконец, на третьем этаже.

Встречает меня секретарь и спрашивает: — Не вы ли Чернов? — Да, я. — Садитесь.

Наконец я немного успокоился, пришел в себя, собрался с мыслями. Сидел около 15 минут, которые мне очень помогли.

Наконец выходит еще секретарь, велит следовать за ней, и я очутился, очевидно, совсем недалеко от Ленина. Но вот, наконец, кто-то выходит от Владимира Ильича; предлагается заходить мне. Тут я был совсем спокоен и, как сейчас, помню: Владимир Ильич встал и шел ко мне навстречу, как к посетителю высокой важности. Приветливо поздоровался, спросил: — Что из Сибири привезли новенького?

Я ему говорю:

— Изложил свои мысли на бумаге, и позвольте зачитать.

— Давайте читайте, садитесь.

И мы с ним уселись, — не напротив, я на конце стола; вполборота он на меня глядел.

Когда я начал читать, то невольно как-то я наблюдал за ним, взглядывая на его лицо. Сперва оно как бы выдавало скуку, усталость — надоели, мол, вы мне с докладами, — но по мере чтения его лицо стало весьма заметно меняться, левый глаз стал часто прищуриваться, и несколько порывисто он обращивался на меня, поглядит, прищурит глаз и опять, и к концу чтения я видел, что в этой голове решается вопрос величайшей важности, решается в несколько минут; я видел, как много было охвачено в эти минуты Владимиром Ильичем и отрезано недрожжащей рукой.

Мой доклад был о замене разверстки налогом у нас, в Сибири.

Когда кончил читать, то он мне задает вопрос:

— Кто вы такой?

Я рассказываю, что из ссыльных каторжан, на каторгу попал за принадлежность к партии эсеров, но теперь себя считаю беспартийным, имею свое хозяйство в Сибири.

— Как вы понимаете прогрессивное обложение?

Я рассказываю. Немного как будто задумывается, молчит, потом, оборотясь ко мне: «Согласны ли вы напечатать ваше письмо в «Правде?» Я говорю: «Согласен». Еще спросил, где меня можно найти, чтобы вызвать, я сказал, что через Серебрякова.

— Напишите на своей докладной добавления, как вы понимаете прогрессивное обложение и кто вы такой¹.

И мы встали, он меня проводил в канцелярию и заставил дать мне перо, чернила. Я сказал, что пером писать не умею, тогда он, смеясь, велел мне дать химический карандаш, и мы расстались.

Чем велик Ленин?

А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а *через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах.*

Перед тем как к нему попасть, я со многими говорил, и мне многие говорили вот что: «Хоть и прав ты, а по-твоему все-таки не будет», и потом до меня у Владимира Ильича были с такими доводами, кроме меня, как, например, В. М. Соколов из Сибири (мы с ним оказались удивительно единомышленниками).

Все как бы говорило за то, что повернуться колесу не время.

Но Владимир Ильич не похож был на многих, его не сковывала теория, он хватал жизнь, события, революцию, направлял ее.

¹ Докладная записка крестьянина О. И. Чернова была напечатана в «Правде» 11 февраля 1921 года под заглавием: «Взгляды на сибирское крестьянство, как на социальный элемент». *Ред.*

Он творил волю массы, как старший, он есть душа массы, богатая всеми изгибами.

Вот почему так велика утрата народов в лице Владимира Ильича¹, вот почему не перестает болеть душа об этой утрате не только партийных, но и нас — беспартийных.

Но его умелый опыт не прошел для нас даром.

Проведем в жизнь заветы коллективного труда, без порабощения человека человеком.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 2, с. 720—722

¹ Воспоминания написаны в 1924 году. *Ред.*

РУКОВОДСТВО В. И. ЛЕНИНА ВОССТАНОВЛЕНИЕМ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Мои воспоминания касаются состояния нефтяной промышленности в 1920—1922 годах и тех конкретных мер, которые были приняты Владимиром Ильичем Лениным как председателем Совнаркома и СТО для восстановления и развития нефтяного хозяйства. Работая над восстановлением всей советской крупной промышленности, являющейся главнейшей базой социализма, Владимир Ильич очень много внимания уделял нефтяной промышленности.

Особое значение для развития нефтяного дела имел в то время внешний товарообмен. Сборудование, нужное для восстановления промыслов, а также часть предметов продовольствия, одежды и обуви для рабочих можно было тогда получить главным образом за границей. Вот почему Владимир Ильич поддерживал нас, нефтяников, в течение всего 1921 года в нашей борьбе за право самостоятельного выхода за границу.

К концу 1922 года, в результате успешного проведения новой экономической политики, положение нефтяного хозяйства настолько улучшилось, что мы смогли уже опираться на внутренние ресурсы.

Одним из возможных путей поднятия нефтяной промышленности Владимир Ильич считал нефтяную концессию, рассматривая ее в ряду мероприятий новой экономической политики как одно из вспомогательных средств, которое позволит нам скорее преодолеть хозяйственную разруху.

Никто теперь не сомневается, что такой путь был тогда единственно правильным, но в то время были в партийной среде, в частности в Азербайджане, предубеждения и опасения насчет концессий. Рассеивая эти предрассудки и заблуждения, Владимир Ильич написал нам, азербайджанцам, несколько писем по этому вопросу, а при свидании в 1921 году журил меня за то, что я не понимаю концессионной политики.

— Вам, инженеру, — говорил он мне, — стыдно не понимать

того, что мы сейчас не можем быстро и лишь собственными силами восстановить нефтяную промышленность.

Владимир Ильич тогда считал, что война между Шеллом и Стандардом, мировыми нефтяными гигантами, настолько сильна, что Стандард безусловно пойдет на концессию именно для того, чтобы использовать получаемую с бакинских и грозненских промыслов нефть против своего мирового соперника — Детердинга.

Зная, какое отношение «Стандард ойл» имел к бакинским промыслам, я опасался, что оба нефтяных концерна займут одинаковую позицию против нас, будут тормозить, затруднять, задерживать экономическое развитие Советской России, считая, что без их помощи нам никогда не удастся восстановить нефтяное хозяйство.

Свои опасения я сообщил Владимиру Ильичу. Он с большим интересом отнесся к моим словам, принял их во внимание и поддержал нас, бакинцев, в нашем стремлении иметь выход за границу для продажи нефтяных продуктов и для покупки там оборудования. Это было тогда необходимо именно для того, чтобы крепко самим стать на ноги, и если концессии¹ не удадутся, то восстанавливать нефтяное хозяйство в Баку своими собственными силами.

Нашу торговлю за границей Владимир Ильич рассматривал как один из видов усиления общего товарооборота, без которого нефтяная промышленность не будет вовлечена в сферу влияния новой экономической политики и не будет быстро восстановлена.

Я позволю себе изложить историю нефтяного хозяйства Баку за эти годы разрухи, описать ту поистине кропотливую работу, которую вел Владимир Ильич в руководстве восстановлением нефтяной промышленности. Расскажу также историю нефтяной концессии, которая была дана так называемой международной «Барнсдальской корпорации» на бурение и эксплуатацию нефтяных площадей.

Эта концессия принесла нам некоторую пользу в том отношении, что научила нас бурить вращательными станками и эксплуатировать нефтяные скважины глубокими насосами. Этот концессионный договор превратился в сущности в договор о технической помощи...

¹ Как известно, капиталисты на концессии в сколько-нибудь широком размере не пошли. Этот отказ буржуазии от концессий являлся стремлением затормозить, затруднить экономическое развитие Советской России. Но расчеты капиталистов не оправдались. Рабочий класс нашей страны, руководимый партией большевиков, сумел собственными силами восстановить разрушенное хозяйство. Концессии не получили широкого развития и не дали больших практических результатов. Но работы Ленина над проблемой концессий, его статьи, заметки на эту тему сохраняют теоретическое и политическое значение. *Ред.*

Владимир Ильич не дожид до расцвета нефтяной промышленности, не дожид до того времени, когда рабочий класс восстановил своими собственными силами разрушенное хозяйство и СССР вошел в блистательную полосу гигантского развертывания социалистического хозяйства.

Но в своем гениальном предвидении будущего Владимир Ильич знал, что так и будет, и в октябре 1922 года писал бакинским рабочим:

«Дорогие товарищи! Я только что выслушал краткий отчет тов. Серебровского о положении Азнефти¹. Трудностей в этом положении очень не мало. Посылая вам свой горячий привет, прошу вас ближайшее время продержаться всячески. Первое время нам особенно тяжело. Дальше будет легче. Победы мы должны добиться и добьемся во что бы то ни стало.

Еще раз шлю вам лучшие коммунистические приветы.

В. Ульянов (Ленин)»².

Это были пророческие слова. Победы мы добились на нефтяном фронте, как и на всех фронтах нашего хозяйства.

В апреле месяце 1920 года Владимир Ильич послал меня в Баку. Я приехал в Баку 30 апреля с мандатом, подписанным им, и приступил к работе, которая была намечена Владимиром Ильичем. На меня, как на члена Главконефти и председателя Бакинского нефтяного комитета, возлагались следующие задачи:

1) Организация нефтяного хозяйства в Бакинском районе согласно заданиям ВСНХ, с наивысшим подъемом производительности труда.

2) Руководство делом погрузки и вывоза нефти и ее продуктов.

3) Широкое и всестороннее привлечение для этих целей военных, морских и гражданских сил через соответствующие органы.

Для осуществления этих задач мандатом мне предоставлялись широкие права и полномочия.

Так, военному командованию вменялось в обязанность оказывать мне самое широкое и деятельное содействие, в частности снабжать достаточными военными и морскими силами для охраны наливных судов и сооружений, находящихся в промысловых и заводских районах.

Народному комиссариату продовольствия и его органам вменялось в обязанность реально передавать с ссыпных пунктов количество продовольствия по расчету на 150 тысяч едоков или предоставить определенные районы для заготовки продо-

¹ Азнефть — Государственное объединение азербайджанской нефтяной и газопыловой промышленности. *Ред.*

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 215. *Ред.*

вольствия. И, наконец, мандат предоставлял мне право предавать суду ревтрибунала виновных в неисполнении моих распоряжений, касающихся выполнения возложенных на меня задач, и пользоваться всякими льготами и привилегиями в отношении всех видов транспорта и связи для деловых сношений.

По указанию Владимира Ильича тов. Доссер и я провели национализацию всех азербайджанских промыслов, заводов и подсобных предприятий. Был образован Нефтеком, который впоследствии превратился в Азнефть. Положение на промыслах было катастрофическое. Не хватало ни оборудования, ни машин, ни одежды. Рабочие жилища развалились так, что в них невыносимо было жить. Пришлось ремонтировать эти пещерные жилища, потому что не было ни времени, ни сил строить новые.

В моем докладе, посланном Владимиру Ильичу, о положении нефтяной промышленности Бакинского района в конце 1920 года я совершенно честно охарактеризовал положение.

Этот доклад, переданный Владимиру Ильичу 23 февраля 1921 года, был им чрезвычайно внимательно просмотрен, а на полях испещрен его личными пометками¹.

В докладе особое внимание обращалось на бурение, совершенно заброшенное в Баку, развитие которого было важно для нефтяной промышленности. Указывалось, что недостатки бурения объясняются старым способом ударного бурения, так называемым бакинским бурением, чрезвычайно невыгодным как по своей медленности, так и потому, что при этом способе забивается в землю огромное количество металла.

Далее в докладе сообщалось: «Обе эти причины устраняются с применением вращательного (американского) бурения, которое позволяет пробурить в 8 месяцев скважину глубиной в 360 саж., закрепив ее двумя-тремя колоннами труб (6—12 дюймов). Примеры таких скважин есть в Сураханах».

Препятствием в развитии вращательного бурения являлось то, что ни рабочие, ни технический персонал не умели работать таким способом. Надо было этому учиться и в то же самое время, конечно, не бросать нашего ударного бурения, налаживать его, развивать, потому что без этого мы не смогли бы поднять нашей добычи.

В докладе была намечена подробная программа бурения по отдельным участкам, а также программа восстановления ранее действовавших и ныне заброшенных скважин, которые могли дать нефть. Параллельно с этим давалась характеристика обводненных районов и объяснение этого явления.

Совнарком 1 февраля 1921 года принял решение по вопросу о сдаче нефтяных концессий в Баку и Грозном. Владимир Ильич сам провел чрезвычайно большую работу по ознакомле-

¹ См. Ленинский сборник XX, с. 137—142. *Ред.*

нию с материалами, освещающими положение Бакинских нефтяных промыслов. Изучая специальные вопросы добычи нефти, Владимир Ильич связывал восстановление нефтяного хозяйства Баку и Грозного с общим укреплением крупного производства Советской страны.

В этом общем плане он рассматривал и оживление торгового оборота нефтяных трестов как внутри страны, так и за границей и выдачу нефтяных концессий как вспомогательное средство для преодоления хозяйственных затруднений.

Тов. Красин дал Владимиру Ильичу пессимистическую характеристику состояния нефтяной промышленности, причем в записке тов. Красина не было целевой устремленности. Говорилось об угрозе обводнения, о необходимости прибегнуть к иностранной помощи, о том, что оборудование промыслов сильно пострадало в гражданскую войну и что восстановление его потребует расхода в 200—300 миллионов золотых рублей по Грозному и 250—300 миллионов золотых рублей по Баку.

Кроме того, тов. Красин указывал на расстройство транспорта, недостаточность технических материалов и общий развал, как на причину того, почему на промыслах работает не более одной трети имеющихся скважин.

Тов. Красин писал: «Спасение возможно... только при очень смелой и решительной политике, которая должна состоять в предоставлении трем или четырем соперничающим на мировом рынке крупнейшим синдикатам, а также правительствам Италии, может быть также Франции, Бельгии, достаточно заманчивых площадей в добропорядочных частях Бакинского и особенно Грозненского районов... Концессии можно и должно связать с устройством нефтепроводов, усилением состава железных дорог» и т. д.

Читая записку тов. Красина, Владимир Ильич подчеркнул особенно характерные места¹. В то же время чрезвычайно внимательно отнесся и к другим запискам: тт. Доссера, Губкина и специалистов Главконефти².

Документом, которым Владимир Ильич особенно заинтересовался, была записка тов. Губкина, относившегося к развитию нефтяной промышленности гораздо более трезво, чем Л. Б. Красин. Он доказывал, что катастрофы сейчас нет, но положение дел таково, что действительно нефтяной промышленности грозит неминуемая гибель, если не будут в срочном порядке приняты меры, предупреждающие надвигающуюся катастрофу.

Губкин указывал на огромное количество бездействующих скважин, которые грозят месторождениям нефти обводнением. Он объяснял, почему это происходит, и говорил, что нужно сейчас же увеличить количество эксплуатируемых скважин,

¹ См. Ленинский сборник XX, с. 126—127. *Ред.*

² См. там же, с. 128—137. *Ред.*

чтобы таким путем бороться с угрозой обводнения. Необходимо усилить бурение, иначе у нас не будет резерва новых скважин, которые могли бы увеличить добычу нефти.

Таким образом, тов. Губкин намечал два пути улучшения работы Бакинских промыслов: во-первых, увеличение числа эксплуатируемых скважин и доведение до возможного минимума бездействующих и, во-вторых, расширение бурения, умелое использование всех сил для этого, получение оборудования и привлечение техников из-за границы.

Вместе с тем он выражал сомнение, найдутся ли охотники за границей взять концессии в Баку, потому что дело восстановления нефтяной промышленности связано с весьма трудными и невыгодными работами по предотвращению затопления скважин водой и что едва ли может интересовать концессионеров такая неприятная работа, не дающая немедленного производственного эффекта.

Таким образом, две существенные стороны промысловой работы — бурение и эксплуатацию скважин — следовало, по мнению тов. Губкина, проводить без вмешательства иностранного капитала. Это место было подчеркнуто Владимиром Ильичем два раза и отмечено нота-бене.

Владимир Ильич не только изучил доклады тт. Красина, Доссера, Губкина и мой, он ознакомился также с докладами специалистов Главконефти, после чего им был намечен ряд мероприятий по восстановлению нефтяной промышленности¹. Часть этих мероприятий положена была в основу при выработке постановления Совнаркома от 29 марта 1921 года об «Основных принципах концессионных договоров»².

Однако было бы ошибкой думать, что вся огромная работа Владимира Ильича по нефти сводилась к выработке принципов сдачи в концессию нефтяных площадей. Мне известно из тогдашних бесед с ним, что он гораздо шире смотрел на это дело. Концессии были для него, повторяю, только одним из добавочных путей восстановления хозяйства на основе новой экономической политики.

Для того чтобы обеспечить развитие нефтяной промышленности, нужны были параллельно с концессиями и другие средства, имевшиеся в нашем распоряжении.

Чтобы выявить все средства и возможности и провести в жизнь необходимые мероприятия, была создана комиссия СНК из высокоавторитетных специалистов по нефти, которая и выехала в Баку. Ее предложения были утверждены СТО в июле 1921 года и много помогли делу восстановления нефтяной промышленности.

¹ См. Ленинский сборник XX, с. 148. *Ред.*

² См. там же, с. 149—150. *Ред.*

Ввиду того, что у многих бакинцев была сильна уверенность, что можно своими собственными силами восстановить нефтяную промышленность, и отношение к концессиям было отрицательное,— в постановлении Совнаркома еще от 1 февраля указывалось: «Поручить т. Сталину выяснить, вполне ли разъяснено бакинским и грозненским рабочим значение концессий, как средства для восстановления нашего хозяйства и укрепления советского строя или требуется посылка туда особого политического руководителя».

Когда основные принципы концессионного договора были приняты 29 марта 1921 года, Владимир Ильич написал мне 2 апреля специальное письмо о нефтяных концессиях в Баку.

«21.IV.1921 г.

т. Серебровский!

Посылаю Вам некоторые материалы по нефтяным концессиям. Хотел послать это с т. Каминским, но его, к сожалению, из-за тяжелой болезни пришлось лечить здесь.

Крайне важно, чтобы бакинские товарищи усвоили *правильный* (и одобренный X партсъездом, т. е. *обязательный* для членов партии) взгляд на концессии. Архивательно $\frac{1}{4}$ Баку (а то и $\frac{2}{4}$) сдать концессионерам (на условиях помощи из-за границы и продовольствием и оборудованием *сверх* размеров, необходимых для концессионера) ¹. *Только* тогда есть надежда на остальных $\frac{3}{4}$ (или $\frac{2}{4}$) *догнать* (а затем и обогнать) современный передовой капитализм. Всякий иной взгляд сводится к вреднейшему «шапками закидаем», «сами сладим» и т. п. вздору, который тем опаснее, чем чаще прячется в «чисто коммунистические» ряды.

Если у Вас в Баку есть еще следы (хотя бы даже малые) этих вреднейших взглядов и предрассудков (среди рабочих и среди интеллигентов), пишите мне тотчас: беретесь ли сами вполне разбить эти предрассудки и добиться *лояльнейшего* проведения решения съезда (за концессии) или нужна моя помощь. Зарубите себе и всем на носу: «архивательны концессии. Нет ничего вреднее и гибельнее для коммунизма, как коммунистическое самохвальство — сами сладим».

Теперь, когда есть Батум, надо изо всех сил налечь на быстрейший обмен нефти и керосина за границей на оборудование.

Известная самостоятельность нужна для этого Бакинскому району. Если не имеете ее, телеграфируйте точно, мы вам ее дадим.

Формулируйте точные предложения — шлите их в СТО телеграфом и почтой. Необходим областной хозяйственный центр,

¹ От Красина вчера имел телеграмму в ответ на посланные ему проекты концессионных условий: «в основном приемлемо». А Красин *знает* это дело не из коммунистических брошюр!

отвечающий за Баку + Батум и т. п., ведущий дело самостоятельно, быстро, без волокиты.

Мы отсюда вам не поможем, мы сами бедны. Вы должны нам помочь, покупая из-за границы все нужное в обмен на нефть и ее продукты.

Жду ответа: короткого по телеграфу... и подробно по почте.

Правильные сношения с СТО — необходимы непременно. Это главное.

Еще один вопрос: правильно ли ставится в Баку вопрос о нефти с точки зрения согласования разных сторон народного хозяйства? Ведь край богатейший: леса, плодородная (при орошении) земля и т. п. Качаем воду (с нефтью) и не употребляем эту воду на орошение, которое бы дало гигантские урожаи сена, риса, хлопка? Не используем «норда» для ветряных двигателей? Но главное, конечно, продовольствие, орошение. Можно ли развить нефтепромышленность, не развивая орошения и земледелия вокруг Баку? Думает ли кто и работает ли кто над этим как следует? Что с английским планом орошения?

С ком. приветом *Ленин*¹.

Это письмо окрылило нас. Известная самостоятельность по обмену нефти и керосина на оборудование за границей нам давалась. Выход через Батум был нам обещан. В получении этого выхода за границу бакинские рабочие сыграли большую роль, потому что, когда вспыхнуло восстание в Грузии, в феврале 1921 года, бакинские рабочие выступили на защиту повстанцев. Несколько тысяч бакинских рабочих пошли восстанавливать Пойлинский мост на главной железнодорожной магистрали, соединяющей Баку с Батумом через Тифлис.

Владимир Ильич в своем письме поддерживал нас в том, что Азнефти нужно дать выход за границу. Впоследствии он сильно защищал меня от всех нападений Внешторга за мои «вылазки».

Зная меня много лет, по 1905 году и по загранице, где по его настоянию я начал учиться и стал инженером, Владимир Ильич доверял мне. Поэтому он снисходительно относился к некоторым моим промахам в «торговле» и ограничивался тем, что добродушно вышучивал меня во время моих докладов, что он умел делать с неподражаемым совершенством.

На основании предложения Владимира Ильича — сформулировать точно и прислать в СТО наши соображения о самостоятельности Бакинского района в товарообменных операциях с заграницей — мы телеграфировали ему просьбу прислать формальное признание известной самостоятельности Нефтекома обменивать в Персии, Турции и Европе нефтепродукты на предметы снабжения и продовольствие.

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 52, с. 123—124. *Ред.*

Получив эту телеграмму, Владимир Ильич уже 18 апреля написал записку Рыкову, Милютину и Лежаве о том, что необходимо дать Нефтекому известную самостоятельность в обмене с Персией, Турцией и Европой нефтепродуктов на предметы оборудования, снабжения рабочих одеждой и продовольствием, и предложил им дать свое заключение и согласованный проект постановления к заседанию Совнаркома.

На основании этой записки 19 апреля дело слушалось в Совнарком, которым была назначена комиссия по выработке постановления о расширении компетенции Азнефти по обмену с заграницей нефтепродуктов на предметы продовольствия и одежды для рабочих. В результате мы в Азербайджане получили санкцию на самостоятельное выступление за границей, и я отправился в Константинополь, чтобы там завязать первые сношения по товарообмену, послав предварительно первый маршрут с маслом и другими товарами в Батум.

В то время обстановка для выхода за границу была нам чрезвычайно выгодна: в Европе шла борьба между двумя мировыми гигантами — американским трестом «Стандард ойл» и английской компанией Шелл. Эти хищники воевали между собой за рынки для своей нефти, и вот в самый острый момент борьбы мы бросили на рынок наши первые пароходы с нефтяными товарами, занялись, как говорили потом, нефтяным «корсарством».

Конечно, это были кустарные попытки проникнуть на мировой рынок, но тем не менее они оказались удачными и произвели большую суматоху на нефтяном рынке.

Я поехал в Константинополь на первом наливном пароходе, если не ошибаюсь, это была «Джорджия» (Грузия), который привез первый груз — прекрасное и дорогое бакинское машинное масло. Французы сейчас же купили этот товар, а затем начались закупки со стороны Италии и других иностранных нефтяных обществ. Деньги платили вперед, не видя товара, на очень льготных условиях. Тогда мы отправили из Баку большие маршруты с маслом и нефтью, и снова заработал Баку-Батумский керосинопровод.

На первые же вырученные деньги в Константинополе мы купили находившееся там нефтяное оборудование. Это оборудование лежало в турецкой таможне: в свое время оно было приготовлено нефтепромышленниками для отправки в Баку через Батум, но так как в Баку была Советская власть, то его задержали в Константинополе и оно лежало невыкупленное в таможне. Когда у нас появились деньги, мы почти за бесценок получили это оборудование.

Турки не хотели держать на таможенных складах громоздкое оборудование, а потому пустили его подешевле. Кроме того, мы получили первую партию одежды, обуви и прочих товаров

и тут же завязали первые договорные отношения с константинопольской фирмой «Сосифросс».

О том, что мы заключили договор с фирмой «Сосифросс», мы сейчас же сообщили Владимиру Ильичу. Но как раз перед этим произошел большой скандал с фондами для Юго-Восточного экономического совета, когда на французском пароходе «Анкона» были отправлены в адрес Внешторга совершенно ненужные товары. Это была мошенническая проделка спекулянтов, с которыми неосторожно связался Наркомвнешторг.

Владимир Ильич, опасаясь, чтобы с «Сосифроссом» не получилась такая же неприятная история, телеграфировал 5 июня тов. Орджоникидзе и мне:

«Где гарантии, что Сосифросс не надует? Как можно было давать ему монополию. Я вовсе не против торговли прямой Азвнешторга и Азнефткама с Константинополем, я готов поддерживать автономию Баку в значительных пределах, но нужны гарантии. Прошу ответить мне немедленно, послана ли надежным курьером точная опись всего купленного Серебровским в Константинополе; когда именно послано и подробности о договоре, и когда. Я обязываю Серебровского с каждым курьером посылать письмо, извещая телеграфно об имени курьера и сроке выезда. Что именно заказано теперь Сосифроссу...

Пред. СТО Ленин»¹.

Владимир Ильич интересовался все время каждой отдельной сделкой и давал на нее разрешение или запрет.

Так, например, 19 мая он телеграфировал мне: «Сообщайте короче, точнее, сколько одежды и хлеба достаете рабочим Баку»².

Владимир Ильич тщательно следил за нашими операциями с Константинополем, добиваясь максимальной осторожности при сделках. Это внимание Владимира Ильича повышало, разумеется, нашу бдительность, и фирме «Сосифросс» не удалось нас обмануть: мы получили установленное договором количество необходимых нам товаров сполна.

Владимир Ильич был очень сердит за неудачную историю с «Анконой». Беспокоясь о договоре с фирмой «Сосифросс», он поручает специальной комиссии изучить договоры и внести туда пужные поправки.

Эти поправки были включены в договор, мы реализовали их, и торговля пошла неплохо. Со времени моей первой поездки за границу было отправлено из Баку на Запад до 1 июля 1997 тысяч пудов нефтепродуктов, и эти нефтепродукты мы начали продавать в Константинополе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 253—254. *Ред.*

² Там же, с. 197. *Ред.*

На первом пароходе, «Джорджиа», я взял с собой 3140 пудов машинного масла, около 10 тысяч пудов бензина и керосина, затем на «Полонии» ушло 16 тысяч пудов бензина, 24 тысячи пудов керосина, 20 тысяч пудов машинного масла, 5 тысяч пудов цилиндрического масла и около 45 тысяч пудов нефтетоплива.

Это количество было совершенно мизерным, но это было только начало, а затем обороты стали уже более серьезными.

Когда Владимир Ильич увидел, что дело действительно налаживается, он телеграфировал тов. Орджоникидзе:

«Орджоникидзе

Серебровский не должен обижаться на тон моей телеграммы: я был обеспокоен судьбой Баку. Серебровского считаю ценнейшим работником. Требую от Вас частой и точной информации об итогах работы по улучшению нефтяного дела в Баку, а равно об итогах внешнеторговых операций. Покажите эту телеграмму Серебровскому.

Пред. СТО Ленин¹.

При свидании со мной летом 1921 года, после возвращения моего из первой поездки за границу, Владимир Ильич уже не сердился и был доволен нашими делами. Я напомнил ему его письмо от 2 апреля, и он, подтверждая его, говорил:

— Через 2—3 года мы панного подвинемся вперед в деле укрепления фабрик и заводов и дадим Баку все, что нужно. Пока же берите за границей все нужное путем обмена на нефтепродукты. Вы должны регулярно ставить меня в известность обо всей вашей работе и обо всех ваших «похождениях» за границей.

— Вы знаете, какую я выдерживаю атаку со стороны известных вам лиц по поводу «бакинской вольницы», но я верю вам, знаю вас и потому не обращаю внимания на все эти нападки.

— Действуйте смело и решительно, продавайте и покупайте, но ставьте меня в известность обо всем, что вы делаете. Если другие будут меня ставить в известность об этом, могут снова получиться неприятности.

— По возвращении вашем в Баку пришлите мне краткую записку по всему циклу мероприятий, которые вы хотели бы провести в Баку и для Баку.

— Пришлите с толковым человеком, который мог бы дать все пояснения.

Очень хорошо помню, что, возвращаясь к вопросу о концессиях, он говорил:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 279. (Текст телеграммы приводим полностью. При жизни автора телеграмма давалась в сокращенном виде.) *Ред.*

— Вот вы поедете снова за границу; там вам придется иметь дело с американскими и другими фирмами. Вы знаете о том, что происходит сейчас на нефтяном рынке, какая там идет война. Нужно пользоваться этой войной. Вы должны усилить вашу «корсарскую» политику, увеличить переполох на нефтяной бирже, раздражить их как следует. Вы это умеете, а потом контрактуйтесь и, кстати, нацупайте почву для нефтяных концессий. Вы сами понимаете, что на этом этапе не сдвинуть по-настоящему Баку без концессий. В наших теперешних условиях этот путь является наиболее благоприятным, и мы должны использовать привлечение иностранного капитала для того, чтобы ускорить восстановление нашей крупной промышленности¹.

Попрощавшись с Владимиром Ильичем, я вспомнил, что нам на промыслах нужны рабочие. Тут у меня возникла мысль о получении таких рабочих из числа солдат-врангелевцев, которые оставались в Константинополе и теперь желали вернуться на родину.

Я рассказал Владимиру Ильичу о положении этих солдат, которых мне приходилось видеть, и он дал указание, если представится возможным, отправить в Баку несколько тысяч солдат после хорошей фильтрации их. Это даст рабочие руки, с одной стороны, и, с другой, разрядит тот кулак, который собирают против нас в Константинополе генералы Кутепов и Покровский.

Поэтому во вторую мою поездку в Константинополь, в июле 1921 года, я проводил агитацию среди врангелевских солдат при помощи существовавшей там небольшой нашей партиячки за возвращение их на родину. Удалось организовать более 5 тыс. репатриантов, которые обязывались, приехав в Баку, работать на промыслах два года, имея разрешение после этого ехать куда угодно. Мало кто из них захотел потом уехать из Баку, большинство осталось работать на промыслах, многие стали членами партии...

6 ноября 1922 года я был у Владимира Ильича. Я не мог много говорить о делах с ним, так как Мария Ильинична предупредила меня, чтобы я говорил о чем угодно, но не о делах, а главное, чтобы я был весел и поддерживал у Владимира Ильича бодрое настроение.

Понятно, как трудно было делать это. Владимир Ильич чувствовал себя плохо, но я пробовал шутить, и в конце концов он развеселился и стал смеяться по поводу какой-то забавной бакинской истории. Уходя, я никак не думал, что вижу Владимира Ильича в последний раз.

*Ленин на хозяйственном фронте.
Сборник воспоминаний, с. 57—79*

¹ Повторяю по записи, которую я сделал по возвращении от Владимира Ильича для того, чтобы передать разговор т. Орджоникидзе и бакинцам. А. С.

НА КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК 26 ФЕВРАЛЯ 1921 ГОДА

I

Е. И. ПОДЧУФАРОВА

На московскую губернскую конференцию работниц и крестьянок собралось свыше 3 тысяч делегатов. При открытии конференции работницы и крестьянки требовали, чтобы на конференцию пришел Владимир Ильич. Президиум обещал, что Ленин будет на конференции. На второй день работы конференции делегатки вторично потребовали, чтобы на конференцию пригласили Владимира Ильича. Президиум позвонил в Кремль, ответили, что Ленин не может выступить — занят.

Тогда конференция избрала делегацию к Ленину. В делегацию попали я и т. Труба (Икрянистова). По дороге к Кремлю мы с Трубой уговаривались, кто из нас будет говорить с В. И. Лениным и что говорить.

Секретарь долго не соглашался доложить о нас Владимиру Ильичу, ссылаясь на его занятость.

Тут мы забыли о нашем уговоре, кому говорить, и все время говорили вместе. Настроены мы были воинственно и очень настойчиво требовали доложить о нас, грозя, что, если нас не допустят, придет сюда вся конференция.

Секретарь сдался и доложил о нас Владимиру Ильичу. Получив согласие Ленина выступить, мы не шли, а что называется «летели» обратно на конференцию.

Подходя к помещению конференции, мы увидели подъезжающий автомобиль с В. И. Лениным. Конференция потеряла терпение, дожидаясь делегации: устроила перерыв на обед. Но при выходе работницы и крестьянки увидели нас — делегацию и автомобиль с Лениным. В один миг все повернули обратно в помещение театра Зимина¹. Быстро, без шума, расселись по местам. На трибуне с часами в руках появился товарищ Ленин.

Начал свою речь Ленин так:

— Товарищи работницы и крестьянки. Я могу вам уделить не больше 5 минут времени: я жду турецкую делегацию, с ко-

¹ Теперь Театр оперетты. *Ред.*

торой должен вести переговоры от имени правительства. Но я оставил свои дела, чтобы приветствовать вашу конференцию.

Я следил за вашей работой по газетам и читал, что многие крестьянки, выступая здесь, говорили, что рабочий класс забыл крестьянство и плохо помогает ему.

Но рабочий класс никогда не забывал крестьянства и не мог его забыть, так как он сам вышел из недр крестьянства.

Только при полной солидарности рабочих и крестьян, работниц и крестьянок мы сможем выйти из нашей разрухи, в которой мы очутились благодаря войне империалистической и войне гражданской.

Все, что сейчас рабочий класс берет у крестьян, он берет в долг, и этот долг он крестьянству сможет уплатить, когда промышленность наша начнет подыматься. Но несмотря на нашу нищету, к нам тянутся трудящиеся Запада и угнетенные народы Востока.

II

М. И. ГЛЯССЕР

Время было чрезвычайно тяжелое. Владимир Ильич был занят свыше меры. Кризис продовольствия, топлива, сырья, разруха и голод, столь памятные всем нам, поглощали все его внимание целиком и полностью. Напряженнейшая работа на заседаниях, которых бывало по нескольку в день, неослабный надзор за работой всех ведомств, бесконечные просьбы о приеме, которые Владимир Ильич неизменно удовлетворял, — трудно в коротких словах перечислить всю его дневную работу. В одном только феврале месяце 1921 года, в котором происходила конференция работниц и крестьянок, у Владимира Ильича было (за 23 дня) больше 70 человек на приеме и 40 заседаний (не считая массовых выступлений и всей остальной его руководящей работы). Почти ежедневно Владимир Ильич сам с карандашом в руках подсчитывал, сколько пудов хлеба и угля заготовлено, ссыпано в амбары и склады и подвезено к Москве и к другим крупным промышленным центрам; почти ежедневно он созывал совещания для изыскания самых срочных и решительных мер к преодолению продовольственного, топливного и других кризисов.

От такой нечеловечески трудной и напряженной работы оторвался Владимир Ильич 26 февраля 1921 года, чтобы пойти и поговорить с работницами и крестьянками.

Этот день — 26 февраля — был особенно трудным. В момент, когда в Кремль пришла делегация от конференции, у Владимира Ильича было совещание по вопросу о сырье. После этого совещания немедленно Владимир Ильич должен был принять

турецкую делегацию (тогда шли переговоры с Турцией); кроме того, на прием был записан целый ряд товарищей, до самого позднего вечера.

Дежурный секретарь долго колебался и не решался передать Владимиру Ильичу просьбу работниц, уговаривая последних обойтись «уж как-нибудь» без Владимира Ильича на этот раз. Но настойчивость делегатов заставила «сдаться», как вспоминает т. Подчуфарова, и написать Владимиру Ильичу записочку о том, что работницы и крестьянки хотят всей массой прийти с конференции в Кремль, если он к ним не придет хотя бы на пять минут.

На той же записочке Владимир Ильич ответил тотчас же, ни секунды не колеблясь: «Если на 5 минут, то могу в $2\frac{3}{4}$, если успеете перенести турецкую делегацию» (привожу точный текст его ответа).

Прием турецкой делегации был отодвинут на полчаса, но заседание немного затянулось, так что в результате на поездку и выступление на конференции осталось всего лишь четверть часа.

Зайдя перед отъездом в секретариат справиться об адресе конференции и узнав о том, что ему так мало «отпущено» времени на выступление у работниц, Владимир Ильич был очень недоволен и пожурил за это секретаря: «Разве можно в пять минут сказать что-нибудь путное?»

Но другого ничего не оставалось делать: весь день до поздней ночи был целиком заполнен приемом и заседаниями.

ВОСПОМИНАНИЯ КРЕСТЬЯНИНА

Я встречался с Владимиром Ильичем несколько раз: в 1919 и 1921 годах. Каждый раз я приезжал в Москву в качестве ходока по общественным и хозяйственным делам крестьян своего общества.

В последний раз на руках у меня был общественный довольно обширный протокол с изложением всех общественных и личных хозяйственных дел и кооперации. Крестьяне дали мне задание, чтобы этот протокол я передал лично Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич отпустил меня не скоро: последняя беседа длилась ровно два часа.

Сейчас¹, в грустные траурные дни годовщины смерти небывалого в мире человека, вождя и друга всех трудящихся — Владимира Ильича Ленина, мне, старику, вспоминаются те счастливые и радостные дни, вспоминаются то волнение и робость, которые сковывали меня у дверей приемной.

Но лишь только переступал я порог, волнение и робость моментально отлетали: с необыкновенной простотой, с ласковой улыбкой Владимир Ильич протягивал руку, приветствовал у самых дверей:

— Здравствуйте, товарищ Чекунов!

Он провожал меня до стула, усаживал и уже потом садился сам и спрашивал, как живут крестьяне, не обижают ли их чем, чем они довольны.

Осведомившись о жизни и хозяйстве крестьян, Владимир Ильич переходит к ознакомлению с задачами и планами центральной Советской власти в деле строительства кэзов хозяйственной жизни в деревне и тут же просит продумать все сказанное и ответить, не ошибаемся ли мы в чем, не пужно ли что исправить. Владимир Ильич задавал мне очень много вопросов, так же как и я в свою очередь.

¹ Воспоминания написаны в январе 1925 года. *Ред.*

Закончив беседы на хозяйственные темы, Владимир Ильич переводил разговор на политику, знакомя меня с самыми мельчайшими подробностями.

Стараясь не затягивать беседы, я четыре раза подпымался, извиняясь за беспокойство, но Владимир Ильич задерживал меня и просил продолжить беседу, и под конец я чувствовал себя не только вполне свободным, а так, как будто бы я беседую с давнишним другом и товарищем. Моя последняя беседа 28 февраля 1921 года была закончена ровно в 11 часов ночи.

Провожая меня, Владимир Ильич просил, чтобы я не уезжал из Москвы, не доложив ему: он назначит время свидания. Тут же он просил, чтобы я подробно описал в «Бедноте» нашу беседу.

На это я ответил, что едва ли сумею исполнить его желание.

— А почему? — спросил Владимир Ильич.

Я сказал, что в дороге потерял очки и купил на рынке дрянь: почти не помогают.

Владимир Ильич задержал меня, вернулся к столу, нажал кнопку. Вошел секретарь.

— От моего имени передайте Семашко, чтобы завтра же товарищу Чекунову были выданы хорошие очки.

Я запротестовал, но Владимир Ильич настойчиво сказал, что это его желание и оно должно быть исполнено.

Понятно, за такую заботу и внимание мне оставалось только поблагодарить. Я сказал, что эти очки будут для меня драгоценными.

Я со слезами на глазах распростился с милым Ильичем.

Но, как оказалось, по моем уходе Владимир Ильич не удовлетворился своим распоряжением об очках, данным секретарю, а написал еще собственноручную записку следующего содержания:

«т. Семашке

Николай Александрович!

У меня сидит тов. Иван Афанасьевич Чекунов, очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма¹.

Он потерял очки, заплатил за дрянь 15 000 р.! Нельзя ли помочь ему достать хорошие очки?

Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, удалось ли.

Ваш Ленин»².

Подлинник письма хранится в Институте Ленина.

¹ После беседы с И. А. Чекуновым В. И. Ленин на полях регистрационной книги посетителей против фамилии Чекунова сделал надпись: «Старик со светлой головой, не в партии из-за религиозных убеждений» (Огонек, 1962, № 29). *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 83—84. *Ред.*

Дальнейшему желанию Владимира Ильича видеться со мной не суждено было осуществиться. Он заболел и умер, но умер только телом. Дух же его вечно будет жить с нами. В день годовщины я пишу памяти милого Ильича:

— Не золотой венец
С бриллиантами
И алмазами
На свою умную
Главу, мудрую,
Возложил Ильич.
Сам трудовой народ
Сплел ему венец
Из своих живых сердец...

*Трудовой путь, 1925, 26 января,
Армавир, с. 3*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬЧЕ ЛЕНИНЕ¹

Мои воспоминания о Владимире Ильиче относятся в основном к 1920—1922 гг. Встречалась я с Владимиром Ильичем и раньше и не раз слышала его выступления на собраниях, но только с октября 1920 года я стала довольно часто бывать на квартире Владимира Ильича и Надежды Константиновны в Кремле, бывала и в Горках, ближе узнала их лично.

Это было связано с тем, что в сентябре 1920 года умерла моя мать — Инесса Федоровна Арманд.

Инесса — большевичка, подпольщица с 1903 года — многие годы в эмиграции работала под непосредственным руководством Ленина. Ленин хорошо знал и высоко ценил ее, как партийного деятеля. Но кроме того уже с 1909 г. Инесса была связана с Надеждой Константиновной и Владимиром Ильичем крепкой дружеской привязанностью, и эта дружба сохранилась до конца жизни Инессы. Вот почему, когда в 1920 году мама умерла, Владимир Ильич и Надежда Константиновна взяли сестру, меня и младшего брата под свою опеку (старшие братья были в Красной Армии). С тех пор я стала часто видаться с ними, бывать в их кремлевской квартире. Обычно мы сидели в комнате Надежды Константиновны и беседовали. Почти всегда хотя и поздно вечером и ненадолго заходил Владимир Ильич. Он не садился, а, по обыкновению, ходил взад и вперед по комнате и с пристрастием допрашивал об условиях нашей жизни, требовал ответа — есть ли у нас все самое необходимое из одежды, как мы питаемся, не слишком ли я устаю на работе, не надо ли чем помочь.

Хорошо известно, как Владимир Ильич умел заботиться об окружающих. Внимание, дружескую поддержку и заботу с его стороны испытали на себе и мы — дети Инессы Арманд.

¹ Воспоминания написаны в 1969 году. *Ред.*

Запомнились приезды Владимира Ильича в дом отдыха «Чайка» под Москвой, где мы с младшим братом набирались сил в ноябре — декабре 1920 года.

Владимир Ильич знал, как оба мы тяжело переживаем смерть матери, и вот, несмотря на огромную занятость и зимние холода, он навещал нас, просто, чтобы поддержать морально, помочь дружеским участием. Приезжал не один раз вечером на машине. По приезде обязательно разговаривал с врачом, узнавал, как мы лечимся, как наше здоровье, а затем заходил к нам с братом. Помню, он интересовался, что я читаю, брату любил задавать головоломные шахматные задачи (а потом сам же их и решал). И всегда советовал: побольше быть на воздухе, ходить на лыжах, набираться сил.

Перед отъездом Владимир Ильич никогда не забывал зайти в столовую дома отдыха, поговорить и пошутить с другими отдыхающими.

Огромной радостью и поддержкой были для нас эти встречи с Владимиром Ильичем.

Лето 1921 года я, по приглашению Надежды Константиновны и Владимира Ильича, провела в Горках — готовилась поступать в Университет. Первое время жила там одна. Изредка по вечерам приезжал Владимир Ильич, когда очень уставал, болела голова, мучила бессонница. Чистый воздух и тишина восстанавливали его силы, и наутро он уезжал хорошо отдохнувшим.

Как-то раз в мае Владимир Ильич вырвался из Москвы раньше обычного. «Вот, собрался на тягу», — сказал он мне. Я упросила взять меня с собой, хотя и без ружья. Отправилось нас на охоту несколько человек. Кроме Владимира Ильича был Гиль, товарищ из охраны и кто-то еще. Начало нашего похода было не очень веселое. Владимир Ильич выглядел до крайности уставшим и чем-то очень озабоченным. Он шел впереди и все время молчал; казалось, московские думы и заботы не оставляли его. А мы, идя сзади, тоже молчали или старались говорить вполголоса. Пришли к месту охоты и разошлись по своим местам. Вечер был замечательным: чудесным был весенний лес, запахи весны, тишина, нарушаемая только птицами. Вальдшнепы, правда, охотников не баловали: пролетел один, да и то далеко; кто-то стрелял, но неудачно.

Ну вот, думала я, тяга не удалась, Владимир Ильич будет огорчен. Однако Владимир Ильич вышел из леса бодрым, веселым, отдохнувшим, очарование весеннего вечера и весенний воздух сделали свое дело. На обратном пути он смеялся, шутил, рассказывал что-то забавное.

В июле 1921 года Владимир Ильич приехал наконец отдыхать в Горки вместе с Надеждой Константиновной. Ежедневно бывала там и Мария Ильинична. Надо сказать, что и в отпуске Владимир Ильич много работал. Распорядок дня был обычно

такой: после завтрака Владимир Ильич уединялся на открытой террасе около своей комнаты и там проводил время до обеда; во второй половине дня обычно ходил гулять иногда один, чаще с Надеждой Константиновной; брали порой и меня с собой. Владимир Ильич любил бродить по лесу. По инициативе Марии Ильиничны раза два организовывались походы за грибами. Ездили на машине в дальний лес. Когда Владимир Ильич шел гулять к реке, он проходил мимо дома отдыха МЖ, и отдыхающие зазывали его в свой сад. Нравились Владимиру Ильичу эти непринужденные беседы с товарищами, он часто бывал среди них.

В воспоминаниях много пишут о скромности Владимира Ильича. С этой чертой его характера пришлось сталкиваться и мне. Помню, меня очень удивляло, почему в доме в Горках вся обстановка, вплоть до портретов на стенах, оставалась такой же, как при прежних хозяевах, Рейнботах. Особенно, казалось мне, должна раздражать Владимира Ильича обстановка в его комнате: белая с позолотой будуарная мебель, зеркала между окнами. Я предложила как-то Надежде Константиновне переменить мебель в комнате. Она засмеялась и сказала: «А ты попробуй сама ему это предложить». Я так и сделала. К моему удивлению, Владимир Ильич рассердился и строго запретил что-либо менять в своей комнате. Потом я поняла из разговора с Надеждой Константиновной, что Владимир Ильич, оставляя в Горках все по-старому, подчеркивал этим, что его дом — это скромная кремлевская квартира, а свое пребывание в Горках он считал временным, как в доме отдыха или в санатории, что Горки — государственная собственность.

За время пребывания Владимира Ильича в Горках к нему мало приезжало товарищей из Москвы — надо было дать ему возможность отдохнуть от дел. Помню, приезжал Красин советоваться с Лениным о концессионной политике, но особенно запомнился приезд Глеба Максимилиановича Кржижановского.

Глеб Максимилианович, как известно, был старым товарищем Владимира Ильича еще по подпольной работе в Петербурге и другом семьи Ульяновых. Поэтому за чашкой чая на балконе горкинского дома собрались всей семьей послушать беседу Владимира Ильича с Кржижановским. Была там и я. Глеб Максимилианович рассказывал, как идет работа по осуществлению Государственного плана электрификации России. Слушая, Владимир Ильич взволнованно и энергично шагал по балкону. Быстро и требовательно он задавал вопросы, делал замечания, подавал реплики.

Речь шла не только о практических вопросах сегодняшнего дня, но и о значении ГОЭЛРО для будущего социалистического расцвета страны. Владимир Ильич и Глеб Максимилианович, беседуя, «полки разводили», по образному выражению Надежды

Константиновны, далеко заглядывали вперед. И это в обстановке тяжелого лета 1921 года, в обстановке голода и разрухи, когда только что были отбиты атаки на фронтах гражданской войны.

Мне на всю жизнь запомнился Владимир Ильич, каким я его видела в тот день — оживленным, взволнованным, увлеченным яркой перспективой будущего — вождем с негибимой волей, твердо уверенным в торжестве нашего дела.

Ленин, как известно, очень интересовался жизнью молодого поколения: тем, как оно живет, учится, участвует в революции. Он не раз встречался с молодежью. Хочу рассказать о встрече Владимира Ильича со студентами Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас) 25 февраля 1921 года. В тот вечер я пошла в Кремль навестить Надежду Константиновну. Мы сидели в ее комнате на квартире в Кремле и беседовали, когда зашел Владимир Ильич. Разговаривая, он, как обычно, быстро ходил по комнате. В этот вечер, помню, он был оживлен и весел, расспрашивал меня, как я живу и работаю. Затем стал спрашивать о моей сестре, Варваре Александровне Арманд, тогда еще студентке Высших художественно-технических мастерских. Сестра жила в студенческом общежитии. Владимир Ильич стал подробно расспрашивать о ней и об условиях, в которых живут студенты: тепло ли в общежитии, хватает ли еды, как идут занятия.

Со слов сестры я стала уверять, что условия в общежитии хорошие и она ни в чем не пугается. Владимир Ильич слушал меня довольно скептически, а потом неожиданно предложил Надежде Константиновне: «Давай, Надя, поедем навестить Варю и посмотрим, как молодежь живет». Было уже 11 часов вечера, но Надежда Константиновна согласилась ехать. Прихватили и меня с собой. В машине Владимир Ильич не переставал дразнить меня: «Проверим, проверим, правду ли Вы говорите!»

Общежитие студентов Вхутемаса помещалось на Мясницкой (теперь улица Кирова), напротив Главного почтамта.

Нам пришлось пройти через темный двор и подниматься по скользкой, обледенелой лестнице. Владимир Ильич шел впереди вместе с охраной и все время зажигал спички, так как было совершенно темно. «Нечего сказать, хорошес начало», — думала я с ужасом, помогая Надежде Константиновне подниматься по лестнице. Однако все мои страхи рассеялись, когда мы пришли в общежитие.

Молодежь встретила Ленина восторженно. Его сразу же обступили, радостно приветствовали. О приезде Ленина сразу стало известно и в соседних общежитиях. Отовсюду сбегались студенты, окружившие Владимира Ильича тесным кольцом. Он был очень весел, оживлен, доволен встречей с молодежью. Стали осматривать комнаты. Ленин даже поцупал кровати, вернее жесткие деревянные топчаны, которые служили крова-

тями. Мебели в общежитии почти никакой не было, зато стены украшали лозунги, рисунки, стенгазета.

Владимир Ильич обратил внимание на рисунок паровоза с какими-то особыми «динамическими» линиями. Автор рисунка стал уверять, что так надо красить настоящие паровозы; из его слов можно было заключить, что такая раскраска отразится на скорости движения. Ленина очень рассмешило это заявление.

Затем Владимир Ильич обратил внимание на висевший на стене лозунг, взятый из стихов Маяковского:

«В небеса шарахаем железобетон»

Ленин, смеясь, запротестовал: «Зачем же в небеса шараять? Железобетон нам на земле нужен».

Владимир Ильич так просто, шутливо держал себя с молодежью, что сразу же завязалась непринужденная беседа. Говорили о живописи, о литературе, о жизни и учебных занятиях молодых художников. Много, к сожалению, забылось из этой беседы; отмечу лишь несколько моментов.

Беседа началась, конечно, с того, что больше всего волновало молодых художников,— с вопроса об изобразительном искусстве и прежде всего о живописи, и тут все они сходились в одном: все единодушно подчеркивали, что живопись должна идти в ногу с революцией, быть политически острой, «выйти из музея на улицу», мобилизовать массы на революционную борьбу. В этом были все едины, это все горячо отстаивали. Но какими средствами добиться этой цели, каким должно быть искусство, чтобы идти в ногу с революцией,— этот вопрос каждый решал по-своему, многие горячо защищали футуристов, некоторые отвергали станковую живопись.

Ленину очень нравился их молодой задор, непосредственность, безусловное презрение к рутине и страстное стремление служить революции. Но из всего, что говорилось с таким жаром обступившими Ленина молодыми художниками, было ясно, что правильного понимания путей дальнейшего развития искусства у них нет. Ленин спорил, отстаивая реалистическую живопись, хотя переспорить два десятка человек, которые говорили все сразу, волнуясь и перебивая друг друга, было нелегко.

Много внимания в этой беседе было уделено Маяковскому. Началось с восторженных отзывов художников о знаменитых плакатах Маяковского — окнах РОСТА. Владимир Ильич охотно признал их революционное значение. Затем речь зашла о поэзии Маяковского вообще. Владимиру Ильичу явно нравилось, с каким увлечением молодежь говорила о своем любимом поэте, о революционности его стихов. Однако и по вопросам поэзии завязался горячий спор, так как выяснилось, что среди молодежи много поклонников футуризма и в этой области искусства.

Наконец, устав спорить, Ленин шутливо заявил, что он спе-

циально займется вопросом о футуризме в живописи и поэзии, подчитывает литературу по этому вопросу, а затем приедет еще раз и тогда обязательно их всех переспорит.

Владимир Ильич стал спрашивать молодежь, знает ли она классическую русскую литературу. Выяснилось, что знают ее довольно плохо, а многие огульно отвергают как «старорежимное наследие». Ленин с какой-то особенной заинтересованностью говорил о том, что надо знать и ценить лучших представителей русской дореволюционной культуры. Он рассказал, как сам он любит Пушкина и ценит Некрасова. «Ведь на Некрасове целое поколение революционеров училось», — сказал Владимир Ильич.

Свою точку зрения Ленин излагал, конечно, не в виде речей или поучений. Но в его беседе, в репликах, вопросах, замечаниях сквозила мысль о необходимости критически усвоить все, что было лучшего в культурном наследстве прошлого, и на этой основе, а не на пустом месте создавать нашу новую, советскую культуру.

Беседа перешла на вопрос о жизни студентов. В общежитии, куда приехал Ленин, студенты жили коммуной. Это была коммуна передовиков Вхутемаса — коммунистов и комсомольцев. Владимир Ильич поинтересовался, почему они считают себя коммуной, как они ведут общее хозяйство, как следят за чистотой и т. п.

Затем он стал спрашивать о питании студентов, хватает ли им пайка. «Все хорошо, Владимир Ильич, — раздался дружный ответ. — Самое большее на 4 дня в месяц хлеба не хватает». Такое заявление очень позабавило Ленина.

Владимир Ильич стал расспрашивать студентов об их учебных занятиях и общественной работе. Он спросил их, между прочим, долго ли они засиживаются по вечерам. Выяснилось, что они не только долго засиживаются, а часто ночи напролет спорят об искусстве, об учебных планах и т. п. Владимир Ильич рассердился и стал журить молодежь: «Работаете вы много, — сказал он им, — питаетесь плоховато, да еще не спите. Из вас никакого толка не получится. Вы зря растратите силы и никуда не будете годиться, а надо беречь «государственное добро». Я дам распоряжение, чтобы в вашем общежитии выключали свет на ночь», — добавил Ленин.

В заключение студенты пригласили Владимира Ильича и Надежду Константиновну поужинать с ними. На стол был поставлен чуть не месячный паек, но Владимир Ильич устал и от еды отказался. Пришлось Надежде Константиновне, чтобы не огорчать хозяев, отведать поданной на стол каши.

Однако пора было уходить, время было позднее; провожать Владимира Ильича и Надежду Константиновну не стали, чтобы они могли уехать незаметно. Ведь время было тревожное.

На обратном пути в машине Владимир Ильич был задумчив и молчалив. По короткому «да», которое он время от времени произносил с какой-то особой интонацией, можно было судить, что он занят мыслями о только что состоявшейся встрече и озачен.

Своими впечатлениями от этой поездки он со мной не делился, но от Надежды Константиновны я слышала, как, встретив после этого наркома просвещения А. В. Луначарского, Ленин сказал ему с упреком: «Хорошая, очень хорошая у Вас молодежь, но чему Вы ее учите!»

В 1922 году, когда Владимир Ильич болел, я не видела его. Но в сентябре из отпуска написала Надежде Константиновне, спрашивала, смогу ли у них снова бывать. Ее ответ хочется привести целиком. Уж очень хорошее это письмо:

«Милая моя девочка, получила оба твои письма, за них крепко тебя целую. Ты, вообще говоря, очень глупое существо. Ну, почему же тебе нельзя будет бывать у нас? Напротив, в этом году мы будем жить более «семейно» и «открыто», т. к. В. И. больше 8 часов в день заниматься нельзя и кроме того надо будет отдыхать два раза в неделю. Поэтому он всегда будет рад гостям. Он очень беспокоился, когда я ему рассказала, что ты больна, писал специальное письмо Жиделеву о тебе и о Лидии Александровне, прося его заботиться о Вас. Сейчас В. И. считается выздоровевшим, и с понедельника (сегодня суббота 30 сент., я именинница сегодня) берется за дела (мы перебираемся в город; т. к. квартира у нас еще продолжает усовершенствоваться, то пока будем жить в чужой, но к твоему приезду все будет стоять на своих местах).

Вообще все уж вошло в норму, Ферстер (врач) уехал к себе в Германию, тот доктор, что жил здесь, перебрался в город, вчера ходили на тягу (без ружья, но с корзиной для грибов), видели одного вальдшнепа, 4 брусничины, десяток старых грибов и очень красивые осенние листья...»

В конце письма Надежда Константиновна пишет, что Владимир Ильич рвется к работе ужасно. «Впрочем, публика приежзает уже к нему и в одиночку, и высыпками».

В этом письме упоминается о том, что Владимир Ильич писал обо мне и Л. А. Фотиевой. Хочется привести здесь и это письмо. В нем весь Владимир Ильич со своей заботливостью и вниманием к людям. Он не ограничивается просьбой в общей форме позаботиться о товарищах, а дает конкретные указания, как позаботиться. А в конце письма мы видим ленинскую «проверку исполнения»! Он пишет, что ждет ответа.

Вот это письмо:

«9/IX

Тов. Жиделев!

Напоминаю Вам про двоих больных:

1) Инессу Александр. Арманд и 2) Лидию Алекс. Фотиеву. Очень прошу понаблюдать за тем, что обоих достаточно откармливали (и хорошей пищей), достаточно хорошо поместили и пр. Надеюсь также, Вы их покажете доктору, спросите, можно ли купаться и т. д. Вообще, надеюсь на Вас, что их Вы возьмете под негласную опеку, а мне ответите, достаточно ли хорошо они поправляются. М. б., найдете полезным показать это письмо их доктору и попросить его позаботиться — от моего имени — о них.

Заранее Вас благодарю и желаю хорошего отдыха и лечения.

С ком. прив. *Ленин*».

Письмо было адресовано в дом отдыха «Дюльбер» в Крыму, где мы все находились. Не знаю, как оно отозвалось на Лидии Александровне Фотиевой, но я, надо признаться, «пострадала»: уж очень рьяно взялся врач дома отдыха за мое лечение и даже уложил меня на неделю в постель.

В октябре — ноябре 1922 года мне еще несколько раз удалось видеть Владимира Ильича в домашней обстановке и слышать его доклад на IV конгрессе Коминтерна и речь на пленуме Московского Совета.

Тогда казалось, что Владимир Ильич совсем поправился и полон сил и энергии. Особенно я убедилась в этом в тот вечер, когда присутствовала при встрече Владимира Ильича с Дмитрием Захаровичем Мануильским. Дмитрий Захарович умел удивительно талантливо пародировать выступления ряда партийных товарищей, очень удачно подражая их голосу, жестам, манере говорить. И вот он стал изображать Владимиру Ильичу, как выступает Калинин, Луначарский и другие. Это были конечно дружеские, но очень смешные шаржи. Ленин от души хохотал, слушая Мануильского, а потом, хитро сощурив глаз, сказал: «А я слышал, Вы и меня изображаете. Ну-ка, ну-ка покажите, как я выступаю?» Но тут Мануильский очень смутился, стал отшучиваться, отнекиваться и не стал изображать Ленина.

Позднее, уже за чашкой чая, Владимир Ильич все в таком же веселом настроении рассказывал нам, в какие нелепые положения он попадал, занимаясь юридической практикой, как к нему за защитой обращались заведомые жулики-купчики и он не знал, как от них отделаться. Весь этот вечер Владимир Ильич был очень оживлен, много смеялся. Кто бы мог подумать, что вскоре он опять тяжело заболит.

После его второго заболевания я уже больше не видела Владимира Ильича. В марте 1923 года я уехала к мужу в Берлин и узнавала о состоянии его здоровья только из писем Надежды Константиновны, которая неотлучно была с Владимиром Ильи-

чем и с огромным мужеством и преданностью помогала ему преодолевать болезнь.

Невыносимо тяжелое это было время, и письма Надежды Константиновны были очень тяжелые, полные горести.

«Живу только тем, — писала она мне в мае, — что по утрам В. бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия».

Но уже осенью Владимиру Ильичу стало лучше, появилась надежда на выздоровление. В своих письмах в этот период Надежда Константиновна сообщала, как улучшается здоровье Владимира Ильича, как он проводит время. Вот несколько выдержек из этих писем:

«Милая моя Иночка, не писала тебе целую вечность, хотя каждодневно думала о тебе. Но дело в том, что сейчас я целые дни провожу с В., который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в оцепенение и неспособна уже на писание писем. Поправка идет здоровая — спит все время великолепно, желудок тоже, настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много и самостоятельно, опираясь на перила, поднимается и спускается с лестницы. Руке делают ванны и массаж, и она тоже стала поправляться. С речью тоже прогресс большой — Ферстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка, то, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами. Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уж, что выздоравливает — я уж в личные секретари к нему прошусь и собираюсь стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся...»

«...Получила ли мое письмо с карточкой В.? У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У В. выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело. Вообще, как далеко пойдет поправка — никто сказать не может, может и полное восстановление быть. Приходится одно — запастись терпением. Ездим в далекий лес на автомобиле, читаем газетку, по саду ездим...»

«...Сейчас у нас осень, парк опустел, стало в нем скучно. Летом народ толкался, теперь никого нет, и В. тоскует здорово, особенно на прогулках. Каждый день какое-нибудь у него завоевание...»

«...Читаем с В. ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали — убийство Воровского, смерть Мартова и пр. Ужасно безответственные сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье В. И. Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, т. ч. теперь будут печататься только бюллетени...»

Вся страна, весь советский народ следили за сообщениями

о здоровье Владимира Ильича. И улучшение его здоровья вселяло во всех нас надежду, что он выздоровеет. Но надеждам этим не суждено было осуществиться. 21 января Ленин умер, а 28 января, сразу после его похорон, Надежда Константиновна написала мне письмо о его смерти, которым я и заканчиваю свои воспоминания.

«28/1

Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают. Вскрытие обнаружило колоссальный склероз. Могло быть много хуже — могли бы быть новые параличи... Каждый новый припадок заставлял холодеть. Сейчас гроб еще не заделали и можно будет поглядеть на Ильича еще. Лицо у него спокойное, спокойное. Стоял он в Доме Союзов, было там все очень хорошо и торжественно и необычно. День и ночь шел мимо народ (прошло 750 тысяч), смотрел на Ильича и плакал... На улице был страшный мороз, но никто не обращал внимания, улицы были залиты народом и веяло дыханьем революции. Точно 17-й год. Думаю, что смерть Ильича сплотит партию и подымет работу. Хоронила Ильича единая партия и плакали одинаково все. Работать надо теперь.

Мы на время остаемся в Горках. Я взялась составлять из его сочинений популярную брошюру — сборник самого важного и существенного, что он сказал, — и взялась уже за работу. Кажется мне, что сборник у меня выйдет. Потом буду помогать разбирать материалы в Институте Ленина, писать о пережитом. Сейчас больше всего хочется думать о Влад. Ильиче, об его работе, читать его.

Но надо будет и другую работу делать.

Все товарищи очень внимательны и ласковы к нам. Жили мы все эти дни в Доме Союзов, это было очень удобно.

Не прислать ли тебе, Иночка, собрание сочинений Ильича? У меня есть. Снимки в гробу вышли хорошие, я пошлю их тебе.

Пока крепко обнимаю тебя и Гуго и Инесочку. Крепко целую.

Твоя Н. Крупская».

Часть воспоминаний впервые опубликованы в 1969 г. в 1-м изд. настоящего тома, с. 331—340; о поездке во Вхутемас — в кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 3, с. 378—381

«ЕДИНСТВО ПАРТИИ — ГЛАВНОЕ»

Мечта о встрече с Владимиром Ильичем осуществилась в 1921 году на X съезде нашей партии, делегатом которого я был от красноярской организации.

С большим волнением я переступил порог Круглого зала, носящего в настоящее время имя Я. М. Свердлова. Появление Владимира Ильича за столом президиума и его вступительное слово с призывом к сплоченности, к единству без малейших следов фракционности были встречены дружными аплодисментами делегатов.

Я сидел вблизи президиума и на протяжении всех дней работы съезда хорошо видел Владимира Ильича и слышал все его выступления.

Пока работал съезд, я видел, как к Владимиру Ильичу то и дело подходили товарищи и беседовали с ним. Так и со мной было.

Слушая доклады Владимира Ильича, я поражался его исключительной способности передавать свои мысли так, что они глубоко проникали в душу слушателей. Доклады на любую тему в его изложении становились понятными даже тем, кто не вполне был знаком с вопросом.

Выступая с докладами, Владимир Ильич не читал по заранее написанному тексту. Чувствовалось, что каждое его слово исходит из глубины сердца, и поэтому ко всему, что он говорил, слушатели относились с большим доверием.

Владимир Ильич дорожил временем не только своим, но и тех, кто его слушал. Регламент съезда считал обязательным и для себя. Несмотря на сложность вопросов, поднятых им в докладах о единстве партии, о замене разверстки натуральным налогом, Владимир Ильич точно укладывался в установленное регламентом время.

Я видел, как Владимир Ильич перед каждым выступлением доставал из кармана небольшие металлические часы, клал на

ладонь левой руки, а затем тоненьким шнурком прикреплял их к руке и, поглядывая на них, точно в срок заканчивал, успевая сказать все, что было необходимо.

После решения съезда о замене продрозверстки продналогом Владимир Ильич обратил внимание на то, что для успешного проведения в жизнь принятых съездом мероприятий нужны опытные люди, и просил делегатов указать ему крестьян, хорошо знающих сельское хозяйство и пользующихся авторитетом у населения, для привлечения их к работе в органы Наркомата земледелия.

Во время перерыва я вместе с другим делегатом от нашей организации, Н. Д. Леушиным, поднялся на трибуну и обратился к Владимиру Ильичу. Я назвал ему фамилию В. Г. Яковенко и стал рассказывать о том, какой популярностью и уважением он пользуется у крестьян Канского уезда, о большой работе, которая была им проделана, когда он руководил партизанским движением в Сибири, о его талантливом руководстве массаами.

Владимир Ильич внимательно выслушал меня, а затем задал нам несколько вопросов. Мы сразу же поняли, что Владимир Ильич уже знает о В. Г. Яковенко и, возможно, даже о написанной им брошюре о недостатках продрозверстки и улучшении взаимоотношений с крестьянством. Наши ответы нужны были Владимиру Ильичу для того, чтобы уточнить уже известные ему факты.

Меня это крайне поразило. Трудно было понять, как это Владимир Ильич, выполняя огромную работу как глава партии и государства, в условиях страшной разрухи, напряженного состояния в партии в связи с дискуссией о профсоюзах, при огромных трудностях связи с местами был так хорошо осведомлен не только обо всем, что происходило в необъятной стране, в частности в Сибири, длительное время оторванной от центра, но и об отдельных рабочих.

Нигде не записав о В. Г. Яковенко, Владимир Ильич, прощаясь, сказал, что все сказанное нами будет им учтено.

В прекрасной памяти Владимира Ильича и в том, что его слова не расходятся с делом, мы вскоре же убедились. Не успели мы вернуться со съезда в Красноярск, как В. Г. Яковенко был вызван Лениным в Москву и направлен на работу в Наркомзем, а затем назначен наркомом земледелия РСФСР.

Владимиру Ильичу, больше чем кому-либо, было понятно, какое важное значение представляет единство партии в успешном проведении в жизнь всех решений съезда, а также в дальнейшей судьбе партии, которой фракционеры угрожали расколом.

Незабываемое впечатление произвели на меня все выступления Владимира Ильича по вопросу о единстве партии. Все

его усилия были направлены на то, чтобы в первую очередь достигнуть полного единства на съезде.

По инициативе Владимира Ильича между заседаниями съезда было созвано совещание старейших членов партии — подпольщиков, на котором он очень остро поставил вопрос о единстве партии и о том ударе, который нанесен партии дискуссией.

Ленин со всей силой убежденности и с присущей ему логикой отстаивал правоту своих позиций. Он показал опасность уклонов, которые могут погубить все достижения рабочего класса, приобретенные в итоге Великой Октябрьской революции.

Стремление Владимира Ильича вывести партию из разногласий единой и еще более закаленной для решительной борьбы за создание коммунистического общества достигло положительных результатов.

Решения X съезда РКП(б) о единстве партии и недопустимости фракций явились основным принципом строительства ленинской партии. Они вооружили партию в борьбе с различными оппортунистическими течениями и группировками.

О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы, с. 592—594

РАЗРУШЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Во время гражданской войны главные железнодорожные магистрали переходили из рук в руки. Белогвардейцы и интервенты, отходя под ударами Красной Армии, разрушали железные дороги, нередко разбирая пути на многие километры, взрывая стрелки, водокачки, станции, поворотные круги, мосты и другие железнодорожные сооружения.

Напрягая все силы, рабочие транспорта чинили железнодорожные магистрали, поднимали сброшенные под откос паровозы и вагоны, восстанавливали мосты.

С каким огромным усилием, помню я, чинили, например, Сызранский мост через Волгу. Это было поздней осенью, когда первые морозы готовы были приостановить все работы. Была создана бригада молодых инженеров путей сообщения, которые энергично взялись за это трудное дело.

Собрав в Москве отборных рабочих, мы перебросили их на место экстренными поездами. Все необходимое для ремонта было послано вслед за ними, и я, по своей должности управляющего делами Совнаркома, следил за проходом этих поездов через все узлы и докладывал о ходе дела Владимиру Ильичу два раза в день.

Волга в это время уже замерзла благодаря ранним морозам. Работы были очень трудные, но они подвигались с изумительной быстротой. Рабочие отлично понимали все громадное политическое значение восстановления этого моста, соединявшего Урал и Сибирь с центральными губерниями. Правительство выдало большие продовольственные пайки рабочим этого строительства. Клепать мост приходилось на очень большой высоте, на резком ветре, при морозе в 18°; никто более часа не мог вытерпеть эту крайне тяжелую работу.

В это время была совершенно запрещена продажа спиртных напитков. Мы получили телеграмму о том, что необходимо рабочим давать по небольшим дозам спирт. Владимир

Ильич противился этой мере, говоря, что спирт не греет, а охлаждает, что в швейцарских горах, при восхождении на вершины, совершенно запрещается брать с собой спиртные напитки, как способствующие охлаждению организма, а стало быть, и замерзанию.

— Другой выхнет, захмелеет, пойдет на эту ужасную высоту, да еще сорвется и расшибется!..— говорил Владимир Ильич.— Что мы тогда будем делать? И это несчастье совершится из-за нашего решения выдавать спирт.

После долгих обсуждений Владимир Ильич все же согласился на выдачу чеканщикам заклепок и слесарям немного спирта после того, как они уже спустятся вниз, и ни в коем случае до поднятия их на высоту моста. На этот счет были даны строжайшие предписания, и с начальников работ была взята подписка, что они обязуются не нарушать установленного порядка выдачи спирта. Как только чеканка заклепок закончилась, сейчас же прекратилась и выдача спирта. Несколько позднее Владимир Ильич встретился с одним из инженеров, участником ремонта Сызранского моста. Сразу же Владимир Ильич задал ему вопрос: не повредил ли спирт делу? Не было ли несчастных случаев с рабочими?

— А как вы выдавали спирт рабочим? — спросил Владимир Ильич.

— После работ,— был ответ.

— По сколько?

— По полстакана.

— И пили?

— Пили весьма охотно.

— И не обжигались?

— Нет, не обжигались... Сейчас же закусывали хлебом.

— А пьянели?

— Почти никто... «Для сугрева...» — говорили рабочие.

— «Для сугрева»... — раздумчиво повторил Владимир Ильич и покачал головой...

— А все-таки лучше бы горячих щей с мясом, да кашу, да чай... Это было бы посытней и потеплей... Ведь все это только плохая привычка, предрассудок.

От случая к случаю чинились то там, то тут главнейшие железнодорожные магистрали, мосты, станции, и транспорт понемногу приводился в порядок. Это давало возможность подвозить продукты и товары. Но восстановление транспорта продолжалось еще долго. Поезда, состоящие из почти пришедших в негодность вагонов, отправлялись на заводы для ремонта. Еще в 1924 году я видел, подъезжая к станции Минеральные Воды, десятки сторевших паровозов, лежавших под откосом, и сотни исковерканных пассажирских и товарных вагонов, заполнявших многие километры запасных путей.

Той же участи подвергались сотни громадных цистерн изпод бензина, нефти, керосина и минеральных масел. И таких железнодорожных кладбищ было сотни, точно так же, как на Волге, Оке, Каме, Белой, Чусовой, на Днестре и Дону целые затоны были забиты сгоревшими и затонувшими товарными и пассажирскими пароходами, буксирами, баржами, нефтеналивными судами, танкерами и другими судами. Убытки были неисчислимы. Восстанавливать все это было трудно, так как не хватало ни рабочей силы, ни обмундирования, ни обслуживающего персонала.

Владимир Ильич отдавал много сил и времени делу восстановления транспорта, которое под его руководством еще при его жизни во многом осуществилось.

ЖЕЛЕЗНЫЙ НАРКОМ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Несмотря на все старания и заботы со стороны Владимира Ильича, несмотря на все совещания и постановления Совнаркома и Совета Труда и Оборона, транспорт, то улучшаясь, то ухудшаясь, все-таки все время хромал на обе ноги. Нужны были какие-то чрезвычайные меры для приведения его в полный порядок. Нужен был человек, который обладал бы железной волей, был бы достаточно опытен в администрировании, авторитетен среди рабочих масс, тверд в проведении всех мер и принятых решений в жизнь, имел бы достаточный опыт в борьбе с саботажем, вредительством и прямым хулиганством, нередко в то время проявлявшимися на линиях железных дорог. Владимир Ильич долго присматривался, кому именно дать особые полномочия по НКПС. Ни один из бывших четырех наркомов не удовлетворял его. Он не видел в них достаточной решимости в тех случаях, когда, как говорил он, нужно «там речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить»¹.

— Немедленно просите Дзержинского приехать ко мне, — сказал Владимир Ильич после одного из очередных скандалов на железных дорогах, когда снова не было выполнено очень важное распоряжение правительства.

Видно было, что чаша терпения переполнилась и Владимир Ильич переходит к решительным действиям.

Феликс Эдмундович очень быстро приехал из ВЧК.

— Вам придется взяться за наркомство по НКПС, — сказал Владимир Ильич, как всегда ласково и дружелюбно здороваясь с Дзержинским, которого он очень ценил и уважал.

— Что случилось, Владимир Ильич? Почему я должен быть наркомом железных дорог?

¹ Заключительные строки из басни И. А. Крылова «Кот и повар» (см. Крылов И. А. Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1956, с. 89). *Ред.*

И тут же завязалась беседа.

К сведениям, имевшимся у Владимира Ильича, Дзержинский прибавил еще новые, только что полученные и проверенные — о проявлениях саботажа на железных дорогах, об образовавшихся группах бывших дельцов железнодорожного мира, желавших мешать и всячески вредить налаживанию работы на транспорте.

Владимиру Ильичу не пришлось уговаривать Дзержинского. Феликс Эдмундович прекрасно понял с двух слов всю необходимость его работы на транспорте и тут же наметил главные вехи и отправные пункты реорганизации Управления железными дорогами, сказав, что через три дня он представит Владимиру Ильичу необходимые сведения.

— Главное, надо найти больших ответственных специалистов, — сказал он. — Невзирая на их политические взгляды, лишь бы честно работали.

— Вот это правильно, — подтвердил Владимир Ильич. — Без хорошо знающих специалистов на транспорте, — как и везде, — мы не обойдемся...

— Заготовьте текст декрета о назначении Дзержинского наркомом НКПС, — сказал он мне, — мы подпишем его экстренно, опросом. Все бумаги о транспорте направляйте сейчас же Феликсу Эдмундовичу.

Это было в Кремле, в кабинете Председателя Совета Народных Комиссаров.

Ф. Э. Дзержинский был назначен наркомом путей сообщения. Опубликование этого декрета произвело огромное впечатление.

Через три дня, на четвертый, в 11 часов утра, Ф. Э. Дзержинский был принят Владимиром Ильичем. Представив докладную записку, он ровным, спокойным голосом сказал Владимиру Ильичу:

— Конечно, мы кинем наш аппарат на помощь транспорту. Я убежден, что саботаж, вредительство, хулиганство быстро исчезнут. Самое же главное — это положительная работа на транспорте. Туда надо направить специалистов, хорошо их обеспечить материально; надо будет всячески оберегать их от неосознательных и анархистских элементов, где сильно распространились анархо-синдикалистские идеи, поддержанные совершенно непопулярной деятельностью «Цектрана»¹. Эти люди будут против привлечения старых специалистов, но нам надо это настроение переломить, провести широкую разъяснительную кампанию и убедить малосознательных людей, что это нововведение крайне необходимо для всего нашего транспорта, для всей нашей страны.

¹ Цектран — Центральный комитет Объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта. *Ред.*

— Кого же вы думаете привлекать?

— Моим заместителем я очень хотел бы сделать большого специалиста, инженера путей сообщения, И. Н. Борисова.

— А вы знаете его?

— Мы имеем о нем самые подробные и точные сведения. Он, конечно, человек старого порядка, фрондирует, всех ругает за ничегонеделание, за плохие порядки на транспорте, а сам он замечательный специалист и главное — очень любит и знает дело железнодорожного транспорта.

— А пойдет ли он?

— Вот тут-то и нужно вам с ним поговорить... Ваше слово для него будет очень важно.

— Когда же?

— Да сейчас... Если разрешите, я пошлю за ним машину. Дзержинский сейчас же соединился по телефону с ВЧК и сказал кому-то:

— Поезжайте к Борисову и самым деликатным образом пригласите его поехать с вами в Кремль. Да, да... Так и скажите: в Кремль, к Владимиру Ильичу; у него жена больная, чтобы не испугалась...

— У него жена больная? — спросил Владимир Ильич. — Удобно ли беспокоить?..

— Я думаю, ничего, он придет; нельзя ли сейчас же через Управление делами позаботиться о его семье: послать доктора, привести в порядок квартиру, послать дров — не топят у них...

— Значит, у него положение отчаянное!.. И мы ничем ему до сих пор не помогли... — волнуясь, сказал Владимир Ильич.

— Да, это у нас плохо поставлено... — ответил Феликс Эдмундович.

— Нельзя ли сейчас же, — обратился ко мне Владимир Ильич, — организовать помощь инженеру Борисову и его семье?..

— Конечно, можно...

Я вышел из кабинета, позвонил в нашу больницу и сказал, чтобы немедленно старший врач вместе с сестрой милосердия выехали на квартиру к Борисову, чтобы оказать медицинскую помощь его больной жене. Я вызвал также одного из служащих по хозяйственной части, составил ему список необходимого, до самоварных углей и дров включительно, велел забрать с собой уборщиц, тотчас же выехать по данному адресу и привести квартиру в полный порядок, затопить печки и прикомандировать одну уборщицу для обслуживания инженера Борисова и его семьи.

— Если на всех вас он будет ворчать, вы терпеливо все перенесите, — сказал я ему, — отлично делайте свое дело и отвечайте самым вежливым образом: «Так приказано», — а кончив

все, спросите, не нужно ли еще что сделать. Каждый день бывайте там, проверяйте и обо всем докладывайте.

Говорил я все это исполнителнейшему матросу с корабля «Диана» и наверное знал, что все будет сделано отлично.

Только я кончил все эти распоряжения, как из Троицких ворот мне позвонили, что приехал в Совнарком инженер Борисов. Я тотчас же сообщил об этом Владимиру Ильичу и Дзержинскому, а сам пошел встречать Борисова в нашу приемную. Пропуск для него, конечно, был заготовлен заранее.

Я самым деликатным образом приветствовал инженера Борисова. Он недоуменно улыбался. Я попросил его следовать за мной.

— Куда вы меня ведете? — отрывисто спросил он.

— К Председателю Совета Народных Комиссаров, к Владимиру Ильичу Ленину.

— Зачем я ему понадобился? — буркнул он, продолжая идти со мной рядом торопливым шагом. Он был одет в путевскую форменную тужурку. Все на нем было бедно, старо, но опрятно.

Мы прошли через внутренние комнаты Управления делами, и я ввел его через дверь старого зала Совнаркома к Владимиру Ильичу в кабинет.

Владимир Ильич встал и подошел к нему. Борисов, оглядев углы комнаты и не найдя иконы, спокойно перекрестился.

Владимир Ильич, улыбаясь, протянул ему руку.

— Здравствуйте! Инженер Борисов?

— Да, инженер Борисов...

— Вот познакомьтесь — товарищ Дзержинский, народный комиссар путей сообщения.

Борисов искоса посмотрел на тов. Дзержинского и обменялся рукопожатием.

— Садитесь, пожалуйста, вот здесь! — сказал Владимир Ильич, указывая на мягкое кожаное кресло, обходя в это время свой письменный стол и садясь в деревянное жесткое, с плетеным сиденьем.

— Скажите, я только что услышал, что у вас больна жена?

— Да, — отрывисто сказал Борисов, хмуря брови, — умирает... Сыпной тиф... Захватила в очереди...

— Мы послали вам сейчас врача, сестру милосердия и еще кой-кого...

— Благодарю, не ожидал. Но ведь мы все замерзаем, голодаем... Вся интеллигенция в таком положении: или в катажке вон у него сидит, — и он пальцем указал на Дзержинского, — или, голодая, умирает...

— А какой вы партии? — неожиданно спросил его Владимир Ильич.

— Я — октябрист...

— Октябрист! — воскликнул Владимир Ильич.— Какой же это такой «октябрист»?

— Как какой?.. Настоящий октябрист... Помните: Хомяков, Родзянко — вот наши сочлены...

— Да, но они, насколько мне известно, сейчас в бездействии...

— Это ничего... Их здесь нет... но идея их жива...

— Идея жива... Вот удивительно... Это интересно... очень интересно... — говорил Владимир Ильич.

— Но вы, старый октябрист, работать-то хотите по вашей специальности? — спросил его в упор Владимир Ильич, прищуривая глаз.

— Конечно... Без работы скучно... но не знаю, можно ли работать, созидая... Ведь теперь все разрушают, уничтожают... В том числе и железные дороги...

— Что вы! Да мы из всех сил бьемся, чтобы их восстановить...

Борисов пристально посмотрел на Владимира Ильича.

— И что же?

— Не выходит...

— Не выходит... Должно выйти, как это не выходит?.. — упрямо сказал Борисов.— Для этого нужны люди...

— И что же, они есть у вас?

— Конечно, есть...

— Где же они?

— Вот этого не могу сказать... Фамилии назвать могу... по где они теперь, не знаю... по всей вероятности, у него в каталожке... — и он мягко посмотрел, улыбаясь, на Дзержинского.

— Назовите, пожалуйста, фамилии, — тихо сказал Дзержинский.— Мы сейчас отыщем их...

Борисов назвал четыре фамилии.

— Это все молодежь!.. прекрасная молодежь... Знающая, любящая дело...

Дзержинский вышел в соседнюю комнату, где были сосредоточены телефоны и коммутатор.

— Это прекрасно... — сказал Владимир Ильич.— Так вы согласны взяться за работу?..

— Что же вы от меня хотите?

— Мы вас назначим заместителем народного комиссара путей сообщения. Вы будете работать вместе с Дзержинским... Он вам во всем поможет... Надо пустить как следует всю сеть дорог, и чем скорей, тем лучше...

— С какой дороги вы хотите начать?

— С Октябрьской, — сказал Владимир Ильич.

— Это какая же?

— Николаевская, — подсказал, улыбаясь, Дзержинский, входя в кабинет.

— А, с Николаевской!.. Это правильно. А потом надо взяться за Рязанскую и Северную...

— Ваши инженеры сейчас будут здесь...— сказал Держинский.— Они живы, здоровы, у себя на квартирах.

— Изумительно,— пробурчал Борисов,— редкий случай. У меня уже три раза были обыски...

— И что же? — спросил Владимир Ильич.

— Да ничего... придут, понюхают, перевернут все вверх дном и уйдут...

— Что мы должны сделать, чтобы помочь вам с первых шагов?

— Отыскать мой вагончик...

— Это какой же?

— А у меня на Николаевской дороге всегда стоял вагончик с приборами, которые отмечают в механизмах и изображают графически состояние пути: гнилые шпалы, разошедшиеся рельсы, плохие болты. Я сам в нем ездил с моими помощниками... Ну, вот мы и знали всегда состояние пути, все как на ладони... Без вагончика значительно трудней и, главное, медленней...

— Надо сейчас же отыскать! — быстро сказал Владимир Ильич и посмотрел на Держинского. Тот вышел из кабинета, чтобы дать соответствующее распоряжение.

— Еще что вам будет необходимо?

— Предоставить мне право вызывать всех начальствующих лиц каждой станции с докладом о состоянии их участка, вагонного и паровозного парка, ремонтных мастерских и прочего.

— Конечно, это ваше полное право, — ответил Владимир Ильич.

— Прошу предоставить мне право увольнять и заменять новыми неподходящие кадры, особенно же обращать в первоначальное состояние стрелочников, дорожных сторожей и ремонтных рабочих, отрешая их от не соответствующих их знаниям и опытности должностей начальников станций, начальников движения, начальников службы пути, начальников ремонтных мастерских и тому подобных крайне ответственных работ, от которых зависит вся жизнь и деятельность железных дорог.

— Обращать в первоначальное состояние! — задумчиво повторил Владимир Ильич. — Хорошо сказано...

Владимир Ильич переглянулся с Держинским.

— Этот чрезвычайный вопрос, — сказал он, — вы подробно согласуете с Феликсом Эдмундовичем, который, вероятно, выделит вам помощников для оказания всяческого содействия в этом многотрудном деле.

— Вот это прекрасно! Смее заверить вас, Владимир Ильич, — сказал Борисов, — что для меня важно только одно: лишь бы все знали одно дело, лишь бы все были действительно

ответственны за свое дело... Личности, положение меня совершенно не интересуют...

— Вот это правильно!.. Это очень хорошо! — сказал Владимир Ильич. — Я уверен, что вы прекрасно договоритесь с Дзержинским и по этому вопросу, который вас так волнует.

В это время мне сообщили, что прибыли четыре инженера.

Владимир Ильич распорядился пригласить их в кабинет.

Вошли четверо молодых инженеров в форменных путейских тужурках. Они недоуменно смотрели на все окружающее.

— Вот рекомендую, — сказал Борисов, называя их по фамилиям. — Работники отличные...

Борисов объяснил им, в чем дело, и предложил быть готовыми к отъезду на завтрашний день.

— Я бы сегодня двинулся, — словно извиняясь, сказал он, обращаясь к Владимиру Ильичу, — да вот жена... — и он поник головой...

Владимир Ильич просил его не спешить, сказал ему, что все будет сделано, что в наших силах, для его больной жены и что он просит его без всяких стеснений обо всем, что нужно лично ему, сообщать прямо сюда в Совнарком.

— Благодарю, но спешить надо.

Условившись с Дзержинским, где и когда повидаться, он откланялся и вместе с вызванными инженерами уехал к себе на квартиру в поданном ему автомобиле.

— Оригинальный человек этот «октябрист», — сказал Владимир Ильич, — не скрывает своих правых убеждений, а работать будет.

— Я в этом убежден, — сказал Дзержинский. — Относительно кадров руководящих работников он очень прав... Сведения в ВЧК об этих кадрах просто ужасные. Надо удивляться, как еще действуют наши дороги и ходят поезда и почему они совершенно не стали до сих пор...

— Да, здесь мы должны его решительно поддержать и в самый короткий срок произвести там генеральную чистку, — сказал Владимир Ильич.

Дзержинский уехал в свой новый комиссариат.

Прибывший на квартиру Борисова доктор застал там ужасную обстановку. Соседка-старушка отперла им дверь. В квартире стоял мороз. Было грязно, сыро, неприглядно. Они прошли к больной, которая лежала в забытьи, заваленная грудой одеял, пальто и шубой. Ее трудно было осмотреть. Ясно было, что она тяжело больна...

Не прошло и десяти минут, как привезли дрова и провiant. К счастью, в квартире оказалось голландское отопление, и приехавшими уборщицами прежде всего были затоплены печи, и началась генеральная уборка.

Сестра милосердия по предложению врача вызвала дезинфекционный отряд, приказав захватить одеяла, подушки, простыни, матрац и мешки, в которые решено было забрать все мягкие вещи из спальни больной в дезинфекцию, так как сыпной тиф был несомненный и надо было обезопасить нового замаркома от смертельной опасности.

Больная очнулась, на все смотрела удивленными глазами.

Сестра милосердия позаботилась вымыть, привести в порядок и накормить больную... Привычные руки дисциплинированных медицинско-санитарных работников Кремля быстро справились со своим делом. Но вскоре она опять впала в забытие.

Матрос с корабля «Диана» за всем смотрел, везде успевал и наводил чистоту с таким же лоском, как он привык это делать на своем корабле. Вычищенный до блеска, кипящий самовар был подан на обеденный стол и, казалось, только и ожидал прихода хозяйина дома.

Еще не все было окончено по приборке комнат, когда вдруг подкатил автомобиль и хмурый хозяин в сопровождении четырех инженеров вошел в свою квартиру — и остановился.

— Это что за люди? — пробасил инженер.

— Выполняем приказ Управления делами Совнаркома, — отрапортовал по-военному матрос.

Борисова встретили доктора и рассказали ему, предупредив, что положение его жены крайне опасное.

— Что же делать? — спросил Борисов.

— Решительно все, что знает наука в борьбе с сыпным тифом, уже делается и будет сделано, но вы сами, конечно, знаете, что это за ужасная болезнь, а тут еще плохое, утомленное сердце...

— Да, да, это я знаю, очень хорошо знаю!.. — почти закричал Борисов и грузно сел в кресло.

Инженеры стояли здесь же, грустно смотря на своего учителя.

Борисов встал и тихонько, на цыпочках, пошел в комнату жены, где его встретила сестра милосердия.

Он был потрясен, увидев чистоту, порядок в комнате жены; ее, прибранную, одетую во все чистое, на чистой постели, под новыми теплыми одеялами.

— И у нас тепло... — сказал он, тут только заметив, что холода уже нет в квартире и что печки пышут жаром...

Все это, видимо, растрогало угрюмого инженера Борисова, считавшего, что все уже кончено, культура уничтожена, что наступили времена «мерзости и запустения». А тут, пожалуй, все перевернулось: оказывается, и большевики только то и думают, что о работе, и железные дороги надо восстанавливать, и культура есть, и забота, и наука, и все, все... Что же это такое?.. Вот оно, действительное «светопреставле-

ние»... И он благоговейно поцеловал руку жены, которая взглянула на него затуманенным благодарным взглядом и опять забылась...

Как ни старались врачи помочь больной, но сыпной тиф делал свое дело разрушения и без того подорванного организма.

Через четыре дня жена Борисова скончалась.

После похорон он сейчас же выехал со своим небольшим штабом и представителем ВЧК в объезд по железным дорогам, начав с Октябрьской, всюду наводя дисциплину и порядок. Прекрасно зная железнодорожный мир, он вызывал всех начальствующих лиц к своему поезду и тут же у себя в вагоне принимал деловые доклады. Он обнаруживал вопиющие беспорядки и прямые злоупотребления и тут же сменял, заменяя другими, целый ряд лиц.

Так он ревизовал дорогу за дорогой. Кроме пассажирских стали правильно циркулировать по стране и товарные поезда. Прежде всего было обращено внимание на узловые станции, на многих из которых все железнодорожное хозяйство было расстроено до крайности, где образовались, а во многих случаях были нарочно образованы колоссальные пробки, которые препятствовали правильному движению, особенно товарных поездов. Самые срочные грузы месяцами пролеживали в пакгаузах, дожидаясь очереди погрузки, и тысячи вагонов простаивали на запасных путях, подвергаясь разграблению. Ф. Э. Дзержинский сейчас же привел в действие весь аппарат ВЧК и направил специальные комиссии на обследование железнодорожных узлов. Результаты первых обследований были ужасающие. Действительность превзошла все предположения, все самые фантастические представления. Белогвардейцы, диверсанты, бандиты и воры подвергали ограблению и станции, и пакгаузы, и груженные товарные вагоны. В Москве были обнаружены специальные тайные коммерческие конторы, которые принимали краденое имущество. Сюда продавались накладные сертификаты на товар, который вывозился с товарных дворов целыми транспортами. Здесь подделывались подписи тех, кого нельзя было купить, или подписи и печати учреждений, которым приходил ценный груз. После оказалось, что в большинстве случаев сами ответственные служащие, как на транспорте, так и во многих учреждениях, не только за определенную мзду охотно давали свои подписи, но и ставили нужные штампы и печати. В Москве по этому следу были обнаружены тайные мастерские, где изготовляли всевозможные резиновые, металлические и гравированные на меди печати и штампы. Здесь же делались всевозможные оттиски подписей всех самых ответственных товарищей, до подписей Ленина, Свердлова и Дзержинского. Здесь же были обнаружены бланки всевозможных учреждений, в том числе поддельные

ордера на осмотр складов, на их ревизию, на производство обысков и выемку документов и ценностей. В Фуркасовском переулке была обнаружена контора, которая под видом правления какого-то дутого кооператива делала огромные обороты со всевозможными краденными товарами, особенно с накладными на обезличенные грузы, в том числе на множество вагонов с сельдью и рыбой, которую гнала эта организация из Астрахани, скупая по дешевке десятками тысяч пудов у частных предпринимателей, всеми мерами старавшихся не сдавать заготовленный товар государственным учреждениям. Они скрывали его в отдаленных складах по побережью Каспийского моря и продавали в подходящий момент московским спекулянтам, которые и выбрасывали его на частный рынок, торгуя рыбой втридорога.

Все это открылось с ревизией железных дорог. Дзержинский железной рукой старался положить конец этой варварской деятельности совершенно распоясавшейся и обнаглевшей буржуазии.

Москва, 1943 г.

Бочк-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., изд. «Наука», 1965, с. 248—259

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В СОВЕТЕ ТРУДА И ОБОРОНЫ

На мою долю выпала большая честь — работать под непосредственным руководством великого Ленина в качестве заместителя управляющего делами Совета Труда и Обороне по вопросам экономического и хозяйственного строительства. До этого я работал в Смоленской губернии, где руководил губернским советом народного хозяйства.

* *
*

Моя первая встреча и деловой разговор с Владимиром Ильичем произошли 21 апреля 1921 года в его кремлевском кабинете, куда я пришел после того, как очень недолго подождал в гостинице «Националь», находясь, как меня попросили из секретариата Совнаркома, «на телефонном расстоянии».

Сознаюсь, что тогда я впервые услышал это определение и оно показалось мне несколько загадочным. Потом, работая в Управлении делами, я узнал, что за этим не совсем обычным выражением скрывается большой и поучительный смысл. Дело заключалось в том, что не в обычае у Владимира Ильича было заставлять кого-либо себя ждать (он считал это неуважением к человеку), а потому в некоторых случаях он просил товарищей, желающих беседовать с ним, находиться у себя, но при условии, позволяющем в любой момент позвонить к ним и пригласить к Владимиру Ильичу. Это называлось на практике «быть на телефонном расстоянии».

Для меня встреча с Владимиром Ильичем была событием большой важности, и поэтому можно понять то волнение и беспокойство, с которым я подходил к бывшему зданию Судебных установлений в Кремле, на третьем этаже которого помещались Совет Народных Комиссаров и кабинет Владимира Ильича.

Я старался как-то привести в порядок и собрать свои мысли. Теперь, вспоминая все подробности этого события, я могу сознаться, что в действительности все произошло не так, как я себе представлял. Не потребовалось заранее обдуманых и подготовленных фраз. Все получилось необыкновенно просто и как-то по-особому душевно.

Мне не пришлось сколько-нибудь ждать приема. Поздоровавшись с сотрудниками секретариата Совнаркома, я увидел, как из кабинета Владимира Ильича вышел какой-то военный, и меня тут же пригласили войти.

При входе в кабинет В. И. Ленина меня прежде всего поразила строгость и простота обстановки этой небольшой комнаты. Казалось, что в ней нет ничего лишнего, все было расставлено в строгом порядке.

Когда я вошел, Владимир Ильич радушно меня приветствовал, указал на кресло и сказал: «Присаживайтесь». Сам сел напротив в плетеное кресло за своим столом, несколько придвинулся и с ласковой улыбкой, пытливо посмотрел на меня, чуть прищурив один глаз. Владимир Ильич задал мне несколько вопросов: когда я приехал в Москву, где остановился, есть ли у меня семья — и как-то незаметно стал расспрашивать о моей прежней работе. Мое волнение и понятная застенчивость прошли сразу. Владимир Ильич слушал мой рассказ с большим вниманием, изредка задавал направляющие вопросы. Его очень интересовало, как мы в губернии проводили национализацию небольших промышленных предприятий, как помогали в этих случаях рабочие и советски настроенные специалисты, как организовали управление этими предприятиями без хозяев, какова производительность труда, учимся ли мы считать хозяйски и пр. В то время Смоленская губерния была одним из основных районов заготовки дров, и поэтому Владимир Ильич просил меня подробнее остановиться на этом вопросе. Похвалил за хорошую организацию весеннего сплава 1921 года и тут же указал, что, к сожалению, дрова в топливном балансе страны составляют еще значительный процент (около 40) и потому вопросу заготовки дров придется уделять еще немало внимания.

Особенно понравился Владимиру Ильичу мой рассказ о большом опыте товарообменных операций, проведенных губернским продовольственным комитетом: обменивали соль на хлеб, и крестьяне охотно пошли на эту операцию. Я не мог сообщить Владимиру Ильичу некоторые точные цифры, которые его чрезвычайно заинтересовали: сколько обменяли хлеба на два вагона соли, какой применяли эквивалент и пр.; он тут же меня попросил достать эти данные и непременно ему сообщить. Он говорил, что теперь, с переходом на новую экономическую политику, обмен — главнейшая задача нашего хозяйства, осно-

ва новой экономической политики, которая даст нам возможность восстановить хозяйство, перейти от капитализма к социализму и укрепить союз пролетария с крестьянином. Затем В. И. Ленин перешел к определению содержания работы Управления делами Совета Труда и Оборона, подробно и обстоятельно определил круг моих обязанностей. Попутно Владимир Ильич высказал свои мысли по организации экономики. Он подчеркнул, что центр хозяйственной деятельности должен перенестись теперь на места, что многое будет зависеть от того, как местные хозяйственные органы сумеют осуществлять на деле новую экономическую политику.

— Много, очень много, — повторил Владимир Ильич, — будет зависеть от местного почина...

Очень многое будет зависеть и от деятельности экономических совещаний на местах. Являясь органами местных исполнительных комитетов, они в то же время должны быть и местными органами Совета Труда и Оборона.

Одной из основных наших задач и было установление постоянной связи с местными экономическими совещаниями.

Особо Владимир Ильич подчеркнул важность плана ГОЭЛРО — плана электрификации Советской России.

— Вы, как делегат VIII съезда Советов, — сказал он, — имеете известное представление об этом плане, но обязательно побывайте у Глеба Максимилиановича Кржижановского и познакомьтесь более подробно с деталями этого единственно научного и серьезного плана. Советую Вам труды ГОЭЛРО сделать настольной книгой.

Я передал Владимиру Ильичу о том, как у нас, в Смоленской губернии, после окончания VIII съезда Советов делегаты рассказывали о плане электрификации России. Помещения, где собирались крестьяне, освещались маленькими керосиновыми копилками. Но крестьяне с большим вниманием и интересом слушали делегатов и задавали много вопросов. Особенно их интересовали способы применения электричества в области сельского хозяйства.

— Значит, отнеслись к этому серьезно, — сказал Владимир Ильич, — верили, не считали этот план сплошной фантазией.

Владимир Ильич указал на необходимость в первую очередь оказывать всемерную поддержку строительству Каширской, Шатурской электростанций и Волховстрою.

Весело на меня посмотрев и желая ободрить, он добавил, что надо научиться, не жалея сил и времени, помогать этим строительством преодолеть «тьму препятствий», иначе они не смогут довести дело до конца. «Непременно обращайтесь ко мне за помощью и сообщайте о трудностях».

Владимир Ильич тут же написал распоряжение о моем назначении в Управление делами СТО.

На другой день я приступил к своей новой работе.

Первое знакомство с делами обнаружило отсутствие материалов о работе местных экономических совещаний. Эконо еще находились в стадии организации.

Когда об этом узнал Владимир Ильич, он тут же, 29 апреля 1921 г., подписал телеграфное распоряжение:

«Циркулярно

Всем Областным экономическим советам

Предлагаю:

1) своевременно без задержки присылать в Управделами СТО протоколы заседания Экономсовета в трех экземплярах;

2) прилагать к протоколам экономсоветов копии всех материалов, на основе которых разрешался вопрос (письменные доклады, тезисы и пр.), а также полные стенографические отчеты заседаний, если они ведутся;

3) присылать в Управделами СТО в трех экземплярах экономические журналы и газеты, издаваемые как Экономсоветом, так и отдельными экономическими органами.

Пред. СТО
*«Ленин»*¹.

Владимир Ильич поручил строжайше следить за своевременным получением указанных материалов и осведомлять его о всяких задержках.

Неполучение материалов с Урала послужило поводом для следующей телеграммы в Екатеринбург 6 мая 1921 г., председателю Областного экономсовета.

«В делах СТО не имеется ни одного протокола заседаний Уральского областного экономсовета и Совета трудармии 1. Предлагаю срочно прислать в СТО все протоколы с полным приложением материалов: постановлений экономического характера с 1 января 1921 года. На будущее время присылать без задержки.

Председатель СТО
*«Ленин»*².

Когда начали поступать материалы от местных экономсоветов, Владимир Ильич неизменно интересовался ими, нередко сам просматривал их или просил подготовить для него коротенькие справочки.

Особенное внимание уделял В. И. Ленин работе экономсоветов важнейших промышленных районов: Донбасса, Юго-Востока, Петрограда, Урала, Нижегородской губернии и др.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 321. *Ред.*

² Там же, с. 324. *Ред.*

Приведу пример, который показывает, с каким вниманием относился Владимир Ильич к материалам губэконосовета Нижегородской губернии определил предполагаемую добычу торфа на 1921 год в 6 769 800 пудов.

Владимир Ильич вообще относился с большим вниманием к разработке торфяных залежей; эта цифра показалась ему недостаточно надежной, и он поручил Управлению делами проверить ее.

Два телеграфных запроса были посланы председателю губэконосовета, но ответа не последовало. Владимира Ильича всегда особенно возмущали бюрократизм, волокита, небрежность. Поэтому в Нижний Новгород он отправил 2 июня 1921 г. телеграмму такого содержания:

«7 мая вам была послана из Управления делами Совета Труда и Оборона за № 417 телеграмма следующего содержания: «Нижний Новгород, Экономическому совещанию. Телеграфируйте, верна ли цифра 6 769 800 пудов торфа предполагаемой выработки в 1921 году, указанная в протоколе № 9».

26 мая, за № 491, вам было послано напоминание.

Ввиду неполучения до сих пор ответа на обе эти телеграммы, предлагаю немедленно представить объяснения причины волокиты и ответ по существу запроса, а ВЧК предлагаю расследовать причины волокиты и наказать виновных, сообщив их фамилии и занимаемые должности в Управление делами Совета Труда и Оборона.

Председатель Совета Труда и Оборона
*В. Ульянов (Ленин)*¹.

Телеграмма Владимира Ильича возымела действие, и вскоре от председателя губэкономсовещания было получено письменное объяснение.

Следует сказать, что иногда Владимир Ильич считал вполне достаточной мерой наказания простой выговор или замечание, но он указывал, что каждый проступок человека не должен оставаться незамеченным, чтобы не вырабатывалось у него сознание безнаказанности и безответственности.

В конце апреля и в начале мая 1921 года Владимир Ильич особенно был занят проведением в жизнь важнейших решений X съезда партии. В стране совершался крутой поворот от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике.

Обстановка, которая тогда сложилась в нашей стране, была чрезвычайно сложной. Только величайший гений Ленина и его мудрое руководство помогли нашему народу выйти из неслыханного разорения, нищеты и голода на широкую дорогу построения социалистического общества и добиться небывалых в истории успехов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 328. *Ред.*

К этому периоду относится знаменитая брошюра Владимира Ильича «О продовольственном палого»¹.

Тогда же (май 1921 года) Владимир Ильич составил важнейший документ — «Наказ от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям. Проект»².

«Наказ» был передан на срочное рассмотрение Совета Труда и Оборона, заседание которого состоялось 20 мая. Совет Труда и Оборона поручил особой комиссии под председательством В. В. Осинского окончательно отредактировать «Наказ». К участию в работах комиссии были привлечены заместитель народного комиссара внутренних дел М. Ф. Владимирский и Управление делами Совета Труда и Оборона.

Владимир Ильич предупредил, чтобы комиссия работала ускоренным темпом, так как необходимо было отправить «Наказ» на места до начала хлебоуборочной кампании.

В то время в Москве работали два съезда: IV съезд Советов пародного хозяйства и IV Всероссийский съезд профессиональных союзов.

Владимир Ильич поручил привлечь к работе в комиссии делегатов этих съездов, чтобы обеспечить широкое участие представителей мест в обсуждении законов.

Когда комиссия закончила свою работу, нужно было сообщить об этом Владимиру Ильичу.

В эти дни он был нездоров, находился в Горках и нуждался хотя бы в небольшом отдыхе.

Но, учитывая исключительную важность вопроса, Владимир Ильич предложил прислать все материалы на просмотр и очень быстро вернуть их.

«Наказ» был утвержден Президиумом ВЦИК 30 июня 1921 года, после чего требовалось его отпечатать и разослать на места, «до волостей» включительно.

Владимир Ильич систематически интересовался, как идет печатание и рассылка «Наказа» на места.

По этому поводу я получил от него коротенькую записку: «29/VII

Записать и обдумать, как бы нам проверить, во всех ли волостях есть?

Ленин».

21 июля 1921 года Ленин обратился к редакциям крупных московских газет: «Известий ВЦИК», «Правды», «Бедноты» и «Экономической Жизни»:

«Прошу обратить внимание на № 44 «Собрания Узаконений и Распоряжений Правительства» от 1—VII—1921 г.— «О мест-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 205—245. *Ред.*

² См. там же, с. 286—291. *Ред.*

ных экономических совещаниях, их отчетности и руководстве Наказом СНК и СТО» (постановление ВЦИК).

Необходимо поместить несколько статей с указанием и подробным объяснением значения этого постановления ВЦИК, в особенности подчеркнуть, что никаких аппаратов для отчетности создавать недопустимо, ибо единственным аппаратом закон объявляет губернские и уездные статистические бюро.

Подробно изложить принципиальное значение местных экономических совещаний и публикуемой для всеобщего сведения отчетности как для проведения новой экономической политики вообще, так и для правильного хозяйственного строительства.

Особенно подчеркнуть вопрос о товарообмене, затем о развитии местной хозяйственной инициативы, о борьбе с бюрократизмом и о привлечении беспартийных к делу хозяйственного строительства...

Прошу редакции московских газет прислать мне либо вырезки помещенных согласно настоящей просьбе статей, либо отдельные номера с особо подчеркнутыми статьями на эту тему...

Председатель СНК
В. Ульянов (Ленин)»¹.

Обращение Владимира Ильича послужило основанием для ряда статей в газетах, затрагивающих поставленные им вопросы.

Еще ранее, 20 мая 1921 года, Ленин предложил признать газету «Экономическая Жизнь» органом СТО, поставив перед редакцией следующие основные задачи: «Она должна, руководясь тем же Наказом, печатать систематические сводки данных о местной экономической работе, наряду с ее теперешним материалом. Учет и изучение практического опыта всей хозяйственной работы РСФСР, выработка руководящих указаний на основе этого опыта должны стать главной задачей «Экономической Жизни».

Редакция должна подобрать и расширять круг местных корреспондентов, как партийных, так и беспартийных, для ознакомления с работой на местах.

На Центропечать возлагается обязанность правильно доставлять «Экономическую Жизнь» в 2-х экземплярах в каждую губернскую, уездную и волостную библиотеку, а на эти библиотеки — подшивка и хранение обоих экземпляров с предоставлением пользования ими всему населению»².

Главной задачей В. И. Ленин неизменно считал изучение местного опыта хозяйственной деятельности и популярное его освещение на страницах газеты.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 51—52. *Ред.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 265. *Ред.*

По предложению Ленина в газете организовали отдел «На местах», и меня назначили его редактором.

Владимир Ильич проявлял исключительное внимание к этому отделу: подробно с ним знакомился, интересовался объемом и содержанием поступающих с мест материалов, принципами, по которым отбирался материал для публикации, и тем, насколько газета охватывает весь комплекс поступающих материалов.

Не один раз приходилось мне слышать от Владимира Ильича, что мало научиться издавать хорошую экономическую газету, надо еще уметь организовать главное — довести эту газету до массового читателя. Возможно, говорил Владимир Ильич, «Экономическая Жизнь» доходит до волостей, но она «застревает на руках» у руководящих работников, поэтому задача состоит в том, чтобы сделать ее доступной широкому читателю.

Первые отчеты экономсовещаний по «Наказу» СТО должны были поступить в конце октября — начале ноября 1921 года и дать материал, освещающий первый опыт реализации урожая в условиях новой экономической политики.

Именно этот вопрос представлял для Владимира Ильича исключительный интерес: он считал, что только по первым итогам можно проверить правильность законодательных мероприятий, внести нужные коррективы и дополнения.

Первый отчет поступил от Красноярского уездного экономического совещания.

Владимир Ильич поручил Управлению делами написать благодарность красноярцам и на этом письме сделал приписки: «Уважаемые товарищи! Благодарю за присылку отчета раньше других. Очень прошу и впредь писать аккуратно.

Ленин» ¹.

19/IX.

И вторая приписка:

«Уважаемые товарищи!

Присоединяю свою благодарность за присылку отчета ранее других и прошу быть образцовыми по отчетности и впредь.

Ленин» ².

Сравнительно небольшая задержка в поступлении остальных отчетов послужила поводом к следующей директивной телеграмме:

«Телеграмма всем экономсовещаниям. Копия *Стабюро*

Сроки для представления отчетов в СТО, установленные законом, — 15 октября — 1 ноября — Вами пропущены. Ваших отчетов в СТО не поступало. Ставлю на вид неаккуратность, про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 201. *Ред.*

² Там же, с. 200. *Ред.*

медление и требую своевременной присылки к сроку. Немедленно сообщите СТО имена, фамилии и служебное положение лиц, ответственных за своевременное составление и присылку отчетов. Такое же распоряжение передайте в уезды.

Пред. СТО
Ленин»¹.

Вскоре после телеграммы Владимира Ильича отчеты начали поступать в Управление делами.

Встал вопрос об изучении и использовании их. Об этом прежде всего позаботился Владимир Ильич.

21 октября 1921 года на заседании Совета Труда и Оборонаы был поставлен его доклад об отчетности и диаграммах для СТО.

Вопросу этому Владимир Ильич придавал очень большое значение. Он разработал проект решения СТО, который назвал «Атласом диаграмм для СТО»². Этот замечательный ленинский документ показывает, какой обширный круг вопросов стремился Владимир Ильич охватить «Атласом». Буквально все стороны хозяйственной и культурной жизни страны должны были найти свое отражение: вопросы продовольствия, торговли, промышленности, сельского хозяйства, транспорта, здравоохранения, народного образования и пр.

Совет Труда и Оборонаы назначил особую комиссию, которой поручил подготовить решение к следующему заседанию. Формулируя задачи комиссии, Владимир Ильич предложил записать:

«В недельный срок представить в СТО проект постановления о представлении всеми ведомствами ежемесячно статистических сведений и диаграмм для СТО, в особенности, по характеристике хозяйственной жизни, изучение отчетов, обработка их и формулирование практических выводов»³.

Работа затянулась. Владимир Ильич очень интересовался итогами работы нашей комиссии. По его совету и предложению был разработан проект решения, который и был утвержден Советом Труда и Оборонаы 21 ноября 1921 года.

В постановлении нашли свое отражение все указания Владимира Ильича, при этом он придавал особенное значение выделению в наркоматах и в других учреждениях лиц, действительно интересующихся и понимающих значение изучения местных отчетов.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, ч. 3, с. 358—367

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 15. Ред.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 467—469. Ред.

³ Протокол СТО № 260, 21 октября 1921 года, п. 23 (17). Ред.

БОРИТЕСЬ С ВОЛОКИТОЙ!

Я хочу поделиться своими воспоминаниями о работе в государственной промышленности и о том, как на нее влиял Владимир Ильич...

На государственных складах были беспорядки: материалы на сотни миллионов золотых рублей хранились в плохих условиях и расхищались. Заметил это Владимир Ильич и через Петра Алексеевича Богданова¹ привлек меня к этой работе, обязав перед ним лично ежемесячно отчитываться. Когда имущество на складах было учтено и приведено в порядок — его оказалось около 10 миллионов пудов, — Владимир Ильич призвал меня к себе и сказал:

— Вот вы с этой работой справились, материал учли. Что бы вы сделали с этим материалом, если бы я вам сказал, что вы сегодня полный хозяин этого материала?

Я, подумавши немного, ответил:

— Десятью процентами готового материала отправил бы на крестьянский рынок, десять процентов оставил бы городу, а весь сырой материал переработал бы на фабриках и поступил бы так же.

Владимир Ильич быстрыми шагами подошел ко мне, говоря:

— Меня вот занимает этот вопрос уже несколько дней, и я пришел примерно к этому же выводу.

Владимир Ильич несколько раз говорил мне:

— Когда вас будет заедать волокита, напишите мне или сообщите как-нибудь иначе, только пишите коротко, и я вам помогу.

Конечно, я этим пользовался редко, ибо знал, как перегружен был Владимир Ильич, но все же приходилось иногда прибегать к его помощи. У меня была тяжба с НКПС из-за одного

¹ П. А. Богданов — председатель ВСНХ и член СНК РСФСР в 1921—1925 годах. *Ред.*

крупного складского предприятия. Я долго не хотел беспокоить по этому вопросу Владимира Ильича, но он и про эту тяжбу узнал, вызвал меня через Петра Алексеевича Богданова, потребовал объяснений, почему я так долго ему не говорил об этом, изругал и погрозил пальцем. После этого вопрос со складским предприятием был разрешен самым справедливым образом. Только Владимиром Ильичем вопрос был разрешен. По этому поводу он мне написал личное письмо на целых четырех страницах. Вот что он пишет в этом письме:

«т. Ежов! Получил и просмотрел бумаги о складе¹.

Передача в ВСНХ теперь решена.

Буду ждать от Вас *кратких*, но точных сообщений о том, достигается ли *на деле* какое-либо улучшение в складском хозяйстве? как идет борьба с хищениями? относительно данного склада и других складов?»

О борьбе с волокитой Владимир Ильич пишет мне следующее:

«Конституцию РСФСР и устав РКП Вы знаете. До конца значит: до сессии ВЦИКа (раз нет съезда Советов). По партии — до пленума ЦК.

Вы ни разу не довели до конца.

1) Краткое, «телеграфное», но ясное и точное заявление членам ЦК,— членам Президиума ВЦИКа;

2) статья в печати;

3) почин местной или соседней ячейки РКП, ее отзыв, ее запрос в Московском Совдепе —

— вот *три* мероприятия, обязательные в борьбе с волокитой.

Эта борьба трудна, слов нет.

Но трудное не есть невозможное...

Складское дело требует гораздо более настойчивой борьбы с волокитой — проверки «с низов» и «пизами», — огласки в прессе, — еще и еще проверки и т. д.

Хотелось бы надеяться, что, имея теперь тяжелый и печальный, но полезный опыт, Вы за эту борьбу с волокитой возьметесь так, чтобы доводить в самом деле «до конца».

От времени до времени надо знать итоги этой борьбы.

С ком. приветом *Ленин*.

Р. С. Не пришлете ли как-нибудь, вместе с *краткими*, совсем краткими сведениями о ходе борьбы (с волокитой) *краткие* сведения о Вашем аппарате (число людей, из них коммунистов, квалификации: ответственных, чисто исполнительской, канцелярской и т. п.) и *краткий* план Ваших работ.

¹ Речь идет о Симоновском складе № 8. И. Е.

Пишите кратко, телеграфным стилем, выделяя особо приложения, если надо. Длинного я вовсе не прочту, наверное.

Если есть *практические* предложения, выделить их в особый листок, архикраткий, *как телеграмму*, с копшей секретарю.

*Ленин»*¹.

Однажды, для пользы дела, мне нужно было выдать теплую одежду складским работникам. Но для получения ее нужна была волокита месяца на три. Я начал было хлопотать через соответствующие органы, так как мне не хотелось беспокоить Владимира Ильича. Но через месяц убедился, что дело затягивается, и я пришел к нему и сказал, что мне нужно. Он мне ответил:

— Белье возьмите, а мне напишите бумажку, что, мол, я взял в виду такой-то необходимости, все.

Я так и поступил.

Владимир Ильич успева~~л~~ все охватывать, всех подгонять, давать каждому точные, ясные и дельные указания. Только болезнь Владимира Ильича раскрыла нам, как мы перегружали его работой во всех отраслях жизни страны, не учтя своевременно, что это подрывает его силы, а о сбережении их он сам совершенно не заботился.

Экономическая Жизнь, 1924, 25 января, с. 3

¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 217—218. Ред.*

НАКАЗ ИЛЬИЧА

Перед переходом на новую экономическую политику Ленин частенько заводил со мной разговоры о сельском хозяйстве и о предстоящем строительстве совхозов.

На станции Горской, недалеко от Сестрорецкого оружейного завода, был совхоз, отданный исполкомом заводу. В этом совхозе очень не ладилась работа, лошадей подвешивали на веревках к потолку, а коровы от голода и совсем встать не могли.

Я Ильичу жалуюсь. Он говорит:

— Не выработались еще у нас хорошие сельскохозяйственники. Это дело у нас страдает пока.

Я в это время был председателем Совета, а поскольку я дал в районном комитете партии согласие поработать в совхозе, тем более что там был большой развал (это было в начале двадцать первого года), то меня туда направили и назначили заведующим совхозом.

Проработал я до осени, и действительно хозяйство поправилось, лошади окрепли, коровы стали давать молоко; организовали мы запас картофеля в 10 тысяч пудов, сена пятнадцать тысяч, капусты, турнепсу, свиней развели целое стадо, телят. Одним словом, очень быстро поправили хозяйство и обеспечились с избытком.

Но на такой работе я замучился до того, что едва ноги тащали. Мне приходилось самому косить и сеять, везде пример подавать.

И вот я в октябре двадцать первого года прихожу к Ленину в кабинет. Он посмотрел на меня.

— Что с тобой,— говорит,— ты болен?

— Ничего особенного, Владимир Ильич.

— Что же ты так похудел?

— Я был заведующим совхозом.

— Так что ж, работы много?

— День и ночь, Владимир Ильич, работать пришлось.

— А как дела?

— Дела отлично поправились,— и рассказываю ему про все свои достижения.— Вставал я в два часа ночи и распределял работу, везде я сам подавал пример, ходил косить и пахать; а за мной тянулись рабочие. Потом я установил такую систему: кто лучше работает, тому давали лишний фунт хлеба и бутылку молока в день.

Ильич говорит:

— Чудесно. Система правильная. Вот потому у тебя и достижения. Поощрять следует. Раз работающий своим трудом создает больше ценностей, его и наделить надо побольше. Это правильно. И потом еще правильно делал, что своей работой другим пример подавал... Мы сумеем дело поднять только своим примером.

Да,— говорит,— надо работать так, чтобы соседу твоему не казалось, что ты лентяй. Да, да. Всем надо работать. Когда все этому делу научатся, тогда нам будет хорошо.

Минут сорок беседовал со мной Владимир Ильич по сельскому хозяйству.

— Недостаток продовольствия мешает развитию нашей промышленности. Нам нужно иметь как можно больше продовольствия, а мелкое хозяйство задерживает наш рост. Еще не время пока, но вскоре мы займемся строительством крупного сельского хозяйства. Взяли мы,— говорит,— много культурных поместий и расхитили. Воров у нас и жуликов еще много.

И просит меня рассказать подробно, какие недочеты в сельском хозяйстве я наблюдал за время своей работы.

Я ему рассказал многое из того, что видел.

Ленин и говорит:

— С одной стороны, хищничество, а с другой — неумение работать. У нас средств еще нет, больших средств, которые требуются. Мы еще только приступаем к строительству, но нам предстоят огромные в этой области успехи. Рабочий класс немножко отдохнет после двух ужасных войн и тогда развернет свои гигантские силы — и начнется такой расцвет, которого мир не видал.

Все, что у нас строится в области сельского хозяйства, Ленин предвидел.

Еще полностью страна не была укреплена, еще надо было бороться за укрепление власти рабочих и крестьян на всем пространстве шестой части земного шара, поэтому Ильич в 1921 году ставил вопрос в отношении сельского хозяйства:

— Будет в свое время, и это время уже близко, когда освоенные захваченные у помещиков земли и крестьяне начнут строить на ней свое новое, социалистическое хозяйство. Когда крестьянин, получивший помещичьи земли, увидит, что он в одиночку на ней плохо справляется, он поймет, что дальше так

жить нельзя. И вот придет время, когда начнется революция в сельском хозяйстве. А сейчас нам нужно в первую очередь развивать тяжелую промышленность, потому что без этого мы не справимся и в сельском хозяйстве.

— Надо настроить,— настаивал я,— совхозов и организовать крестьянство к той коллективной жизни, которую вы, Владимир Ильич, в своих трудах проповедуете. Надо это сделать поскорее.

А Ильич:

— Правда, правда. Но ты слишком торопишься. Много у нас горячих голов. Спешат, слишком у нас иногда спешат. Как на ладошке тебе хочется увидеть социализм. Перевернул — и блин. Еще много,— говорит,— нам придется пережить. Это сразу не делается. Мы видим, и на хорошей земле вырастает сорняк. Много времени еще потребуется, много усилий надо приложить, чтобы вырос действительно новый, социалистический человек. Мы аграрный вопрос прорабатываем уже давно и подходим уже близко к переустройству всего крестьянского уклада. Но если так торопиться, как торопишься ты, загубить можно дело и потерять все.

Только теперь понимаю, когда пережил всю историю борьбы, какой сложный процесс требуется, чтобы со сцены сошли одни классы и заняли место другие... Я понимаю, как прав был Ильич и как много еще нужно каждому из нас совершенствоваться и расти.

Начато Ильичем действительное перерождение мира и всего человечества. И требуются для этого время и громадные усилия.

*Сельская молодежь, 1966, № 4,
с. 20*

В. И. ЛЕНИН НА ЭЛЕКТРОПАХОТЕ

Весной 1920 года рабочие Петроградской городской электростанции построили на двух автомобильных шасси две электрические лебедки, достали где-то балансирный (перекидной) плуг и организовали электропахоту на земельном участке под Петроградом. Эта электропахота была заснята на короткометражный фильм. Кто-то из петроградских товарищей рассказал Владимиру Ильичу о первых опытах электропахоты, а возможно, что ему был показан и короткометражный фильм об электропахоте.

Догадываюсь, что Владимир Ильич поручил петроградским товарищам спроектировать более совершенную конструкцию электрических лебедок и представить ему план постройки электроплугов, потому что именно в Петрограде была образована первая группа инженеров-конструкторов и агрономов, которая занялась разработкой конструкции лебедок. Возглавляли эту группу инженер В. В. Кочуков и профессор-агроном В. Д. Батюшков.

Когда вчерне были разработаны конструкция электролебедок и план строительства агрегатов плугов, была образована смешанная (из представителей ВСНХ и Наркомата земледелия) комиссия «Электроплуг», в обязанности которой входило наблюдение за ходом проектирования, размещение заказов на лебедки, плуги и все электрооборудование и организация использования агрегатов электроплугов.

Изготовление частей для электроплугов велось на многих заводах страны: на Балтийском судостроительном — лебедки, на Брянском паровозостроительном — плуги, на заводе «Электросила» — электрооборудование и т. д.

Владимир Ильич пристально следил за ходом работ. Часто вызывал к себе в Кремль нас, членов комиссии «Электроплуг». Сам он непосредственно связывался с заводами, требовал от ВСНХ безусловного выполнения графика работ. А когда, помню, Брянский завод несколько опаздывал со сдачей плуга,

Ильич потребовал на заседании Совета Труда и Оборона объяв-ления строгого выговора Богданову — председателю ВСНХ — за нераспорядительность.

Владимир Ильич не был в восторге от конструкции электро-лебедок и всей системы электропахоты. И тем не менее он страстно и настойчиво продвигал вопрос о применении электро-пахоты. Чем это объяснялось? Многими соображениями, но главные из них:

1. VIII Всероссийский съезд Советов в конце 1920 года, как известно, одобрил план электрификации России, в котором было записано: «Применение электричества в земледелии». Электропахота, пусть еще несовершенными агрегатами, пре-творяла в жизнь идею применения электричества в земледелии.

2. Владимир Ильич сознавал, конечно, что система электро-пахоты несовершенна, но эта система по мере развития элект-ропахоты будет совершенствоваться, будет накапливаться опыт.

3. Страна переживала острый продовольственный кризис. Особенно тяжело обстояло дело с продовольствием в крупных промышленных городах. Тягловой силы для подъема пустыю-щих вокруг городов земель не было. Электропахота могла ком-пенсировать недостаток тягловой силы. По плану было наме-чено построить для начала 50 агрегатов электроплугов. Годовая производительность каждого агрегата — около 2 тысяч гекта-ров, а всех 50 агрегатов — около 100 тысяч гектаров. Урожай картофеля, например, с этой площади мог быть получен около 100 миллионов пудов.

Вот эти соображения и заставляли форсировать постройку агрегатов электроплугов и скорейшее их испытание. Владимир Ильич с нетерпением ждал дня, когда можно будет практи-чески приступить к пахоте.

Наконец в октябре 1921 года один агрегат электроплуга был доставлен на поле Бутырского хутора под Москвой, и на 22 ок-тября 1921 года было назначено испытание этого первого электроплуга.

Был хмурым, прохладный октябрьский день. Владимир Ильич с Н. К. Крупской и сестрой Марией Ильиничной при-ехали около 11 часов утра. На месте испытания собрались ответственные представители ВСНХ, Наркомзема и других наркоматов и ведомств.

Когда были начаты испытания и балансирный (перекидной) 8-корпусный плуг, влекомый стальным тросом, пошел вперед, делая 8 глубоких борозд, Владимир Ильич пошел рядом за плу-гом и, как зачарованный, смотрел, как ровно и красиво укла-дываются 8 пластов земли. Мы, члены комиссии «Электро-плуг», просили Владимира Ильича держаться подальше от плуга, так как мог оборваться трос или плуг мог потерять устойчивость, выскочить из борозды и ударить хвостом. Но эти

уговоры плохо действовали. Владимир Ильич продолжал ходить за плугом, от лебедки к лебедке, находившихся на расстоянии около 400 метров. К сожалению, наши предупреждения о том, что плуг может терять равновесие, подтвердились. Дело в том, что поле Бутырского хутора было сильно исхожено и изрезано протоптанными дорожками. Когда плуг встречал на пути твердую почву — протоптанную дорожку, он вздрагивал и хвост его моментально выскакивал из борозды. Владимир Ильич сердито спрашивал: «Какого черта он у вас хвостом вертит?!»

Весь день до темноты Ленин провел на поле Бутырского хутора. Он расспрашивал конструкторов о том, как упростить конструкцию всей системы электропроводки к полю, где будет проводиться электропахота, как создать большую устойчивость плуга в работе, чтобы он не выскакивал из борозды. Лениным был поставлен и такой вопрос: «Нельзя ли изменить конструкцию плуга так, чтобы включение электромоторов на электролебедках производилось с балансирного плуга с тем, чтобы сократить обслуживающий персонал?» Дело в том, что обслуживающий персонал на агрегате состоял из пяти человек: один на плуге, двое на лебедках и двое около трансформаторов. Это и подметил Ленин.

Позднее из разговоров с Н. К. Крупской стало известно, что Владимир Ильич уехал с поля Бутырского хутора недовольный. Конструкция плугов и вся система пахоты его, видимо, не удовлетворили.

Было построено 20 комплектов электропахотных агрегатов, которые применялись под Петроградом у Средней рогатки, под Костромой на полях картофельного поля Шунгенского кооператива, в Средней Азии на полях хлопчатника, в Закавказье на чайных плантациях и в других местах. Появление современного трактора как бы оттеснило идею электропахоты с канатной тягой.

В настоящее время ленинские идеи применения электричества в земледелии претворяются в жизнь, но уже на основе применения электротрактора, питаемого электроэнергией посредством легкого гибкого кабеля. При этой системе отпадает необходимость иметь две лебедки с канатной тягой, не нужно и громоздкого балансирного плуга, а главное — в новейшей системе электротрактора применяются все те же почвообрабатывающие и уборочные машины, какими оснащены наши колхозы, совхозы...

НА ЗАВОДЕ «ДИНАМО»

Замечательным историческим событием в жизни завода «Динамо» был проезд и выступление В. И. Ленина в 1921 году. К сожалению, у нас на заводе в то время не было стенографистки, и мы не догадались пригласить стенографистку со стороны, для того чтобы запечатлеть такое важное событие, как выступление Владимира Ильича на нашем заводе.

6—7 ноября 1921 года в № 251 «Правды» было опубликовано приветствие динамовцев В. И. Ленину, принятое 4 ноября 1921 года на общем собрании рабочих.

С этим приветствием динамовцы были в Кремле у В. И. Ленина перед четвертой годовщиной Октябрьской революции и приглашали его приехать 7 ноября 1921 года на торжественное собрание рабочих.

Владимир Ильич пообещал приехать к динамовцам.

Праздничный митинг был назначен в корпусе малых моторов на третьем этаже (теперь инструментальные цехи). К пяти часам вечера на завод стали собираться празднично одетые рабочие со своими семьями. Молодежь взобралась на подкрановые балки и консоли, чтобы лучше видеть Владимира Ильича.

В семь часов руководители завода позвонили в Кремль, им сказали, что Владимир Ильич выехал.

Ленин приехал, когда уже смеркалось, без охраны, без сопровождающего — один. Автомашина остановилась у ворот завода, Владимир Ильич вышел из нее и поздоровался с нами. Сначала все пошли в кабинет директора, надеясь побеседовать с Лениным о делах завода. В кабинете директора вместе с В. И. Лениным оказалось человек восемь.

Владимир Ильич, не раздеваясь, стоя, опершись о стол, стал беседовать о заводе, о трудностях производства из-за отсутствия материалов и топлива. Подробно расспрашивал, что выпускает завод, как обеспечивается электроэнергией в связи с пуском Каширской электростанции. На эти вопросы отвечал главный инженер Пинес.

Владимир Ильич внимательно выслушал его и сказал:

— Во-первых, составьте короткую записку о том, в чем вы нуждаетесь, и завтра представьте ее мне: мы как-нибудь поможем заводу. Во-вторых, что вы делаете для электрификации сельского хозяйства?

Мы делали тогда немного. Завод выпускал нефтяные двигатели типа «Горисби», а нефти не было, отпускали ее в ограниченном количестве, по нарядам.

Потом Ленин спросил:

— Какую помощь вы получили от Каширской подстанции? Оказали ли вы ей какую-нибудь помощь?

Пинес рассказал, что завод отпустил подстанции масляные выключатели и фарфоровые высоковольтные изоляторы, а помощь Каширской подстанции дала возможность заводу работать в дневную смену.

Наконец Ленин заметил:

— Товарищи, нас ждут, пойдемте на собрание.

Все вышли во двор и двинулись по направлению к корпусу, где рабочие уже ждали Владимира Ильича.

Тогда на заводе работала большая группа узбеков. Они выбежали навстречу Ленину и кричали «ура!». Узбеки были счастливы, что близко увидели Ленина, с именем которого было связано раскрепощение угнетенных народов Средней Азии.

Когда В. И. Ленин поднялся на подъемнике на третий этаж корпуса малых моторов, цех дрогнул от аплодисментов, возгласов «Ура!», «Да здравствует товарищ Ленин!».

Все стоя приветствовали Ленина, всем хотелось увидеть его поближе. Затем все притихли, не было слышно ни шороха.

Жадно, с огромным вниманием слушали мы речь Владимира Ильича.

Ленин говорил просто, часто обращался к нам с вопросами, словно беседовал с рабочими.

Как сейчас помню, стоит Владимир Ильич на трибуне, левой рукой держит отворот пиджака, а правой энергично жестикулирует.

— Коммунизм нельзя построить, если мы не электрифицируем всю страну,— говорит Ленин и после короткой паузы обращается к нам: — Вы должны начать производство электрических машин и выпускать их как можно больше!.. Если у вас будут трудности, приходите ко мне, скажите только, что вы с «Динамо».

Затем Владимир Ильич обратился к собранию с вопросом:

— Можете ли вы, товарищи, помочь в электрификации деревни?

Рабочие ответили:

— Постараемся, Владимир Ильич.

Мы понимали, что Ленин рассматривал наш завод как одну из баз электрификации. Ленин говорил также о смычке рабочих и крестьян, об укреплении нашей промышленности, о кооперации, о Красной Армии и международном положении.

Свою речь В. И. Ленин закончил словами:

— Мы освободились от ига капитала и уверены в освобождении всех угнетенных земного шара.

Громом аплодисментов откликнулась аудитория.

Во время своего посещения «Динамо» В. И. Ленин беседовал с рабочими. Кто-то сказал ему, что для увеличения выпуска продукции литейному производству не хватает топлива. Это было сказано вскользь, но Ленин не забыл дать распоряжение заместителю управляющего делами Совнаркома В. А. Смольянинову, ведавшему экономическими делами, об увеличении выдачи заводу кокса.

В. А. Смольянинов писал в связи с этим в «Москвотоп»:

«При посещении т. Лениным завода «Динамо» 7 ноября 1921 года ему было заявлено, что развитие производительности завода сильно тормозится недостаточным количеством выдаваемого кокса.

В. И. Ленин просил меня точно выяснить возможность выдачи кокса заводу «Динамо» в требуемом количестве».

В. А. Смольянинов, а затем «Москвотоп» сообщили нам, что заводу отпущено 200 пудов кокса. Так оперативно был разрешен этот вопрос.

21 октября 1922 года завком писал Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич! Завком завода «Динамо», создавая к Октябрьскому празднику «Красную книгу» рабочих «Динамо» в память посещения завода вождями и руководителями рабочего класса, просит Вас, Владимир Ильич, положить первый автограф в нашей книге, как посетившего нас в Октябрьский праздник 1921 года и вложившего новую энергию в нашу заводскую работу»¹.

Владимир Ильич принял делегацию динамовцев и от души приветствовал ее.

В «Красной книге» Владимир Ильич написал: «С коммунистическим приветом. Ульянов (Ленин)».

Владимир Ильич обещал приехать к динамовцам 7 ноября 1922 года. На письме завкома он написал: «Напомнить мне в н о я б р е. Ленин».

Но нездоровье помешало Ленину приехать второй раз к динамовцам.

Вечерняя Москва, 1963, 20 апреля,
с. 2

¹ Письмо динамовцев В. И. Ленину в этот же день передали секретарь партийной ячейки завода «Динамо» и председатель завкома. *Ред.*

НА ПРИЕМЕ У ИЛЬИЧА

Я был принят Владимиром Ильичем Лениным 30 ноября 1921 года.

Трудно выразить словами ту огромную радость, которую я испытал, получив извещение о приеме. Я тщательно обдумывал, как кратко и обо всем доложить Владимиру Ильичу; сильно волновался. Беспокоился и о том, как я должен держать себя при встрече с Владимиром Ильичем. Именно с этим смешанным чувством большой радости и волнения я встретил день приема.

Иду в Кремль. В комнату ожидания явился за несколько минут до назначенного мне времени приема. Вновь обдумываю все, что должен сказать Владимиру Ильичу о поездке (по командировке ВЦИК) в губернии¹ для ознакомления с работой земельных органов, посевных комитетов и с состоянием сельского хозяйства, как лучше передать Владимиру Ильичу просьбы крестьян — бедняков и середняков.

Мне сказали, что я могу пройти к Владимиру Ильичу Ленину.

Расположение кабинета Владимира Ильича я не знал. Осторожно открыл дверь и оказался в кабинете Л. А. Фотиевой.

Ответив на мое приветствие, Л. А. Фотиева сказала мне, что я могу пройти к Владимиру Ильичу. Иду. Открываю дверь. Сердце стучит. Радуюсь и волнуясь. Окидываю взором комнату. Мебели в комнате нет, она пуста. Вижу открывается дверь и мне навстречу выходит Владимир Ильич Ленин. Я остановился. Невозможно выразить словами чувства, охватившие меня. Стою, как вкопанный.

Владимир Ильич смотрит приветливо и быстрой, легкой походкой подходит ко мне, подает руку, здоровается. Я крепко жму его руку, приветствую его. Волнение сразу улеглось.

¹ И. Петрушкин был в командировке в деревнях Владимирской, Новгородской и Ярославской губерний. *Ред.*

Вдруг Владимир Ильич обращается ко мне и просит его извиниться за то, что он вынужден был из-за сильной занятости изменить день и время приема (я получил за день до назначенного мне приема извещение, что прием переносится на 30 ноября). Я даже растерялся и какое-то мгновение молчал, а потом сказал Владимиру Ильичу, что виноват я, так как я отнимаю дорогое время у Ильича, и прошу меня извинить. Владимир Ильич приветливо улыбнулся, взял меня под руку, и мы пошли в его кабинет. Вошли. Владимир Ильич показал мне на кресло, что против его стола, и предложил садиться, сам сел тоже.

Некоторое время я внимательно рассматривал Владимира Ильича. Хотелось на всю жизнь запомнить его светлый образ, этот ласковый, теплый взгляд. На душе было необычайно хорошо и радостно. Но вот Владимир Ильич, улыбнувшись, предложил мне рассказать обо всем и подробно. Я стал рассказывать о работе земельных органов, посевных комитетах, комитетах бедноты, о состоянии сельского хозяйства и передал просьбы крестьян-хлеборобов. Владимир Ильич внимательно слушал, иногда задавал мне вопросы; делал для себя записи, иногда вставал и прохаживался по кабинету. Беседа была непринужденной и откровенной, длилась почти 50 минут.

Владимир Ильич очень интересовался жизнью деревни и выяснял все до мелочей. Время шло быстро. Зазвонил телефон, и Ильичу сообщили, что пришел на прием нарком труда Шмидт. Владимир Ильич ответил, что занят. Я сразу же спохватился, что задерживаю его, и встал. Сказал, что я все рассказал, что хотел. Владимир Ильич успокоил меня, усадил снова и предложил продолжить и о том, о чем я не хотел рассказывать. Я был озадачен, так как мне казалось, что я действительно осветил все и откровенно. Владимир Ильич пристально смотрел на меня, а я молчал.

Тогда Владимир Ильич улыбнулся и заметил, что он знает, что именно я не сказал. Я удивился и недоумевал. А Ленин говорит мне, что я хотел сказать, что у крестьян нет соли и что суп и щи едят без соли. Я ответил, что у бедняков и середняков действительно с солью очень плохо.

Затем Владимир Ильич говорит, что я хотел сказать, что у крестьян нет дегтя и оси телег мажут маслятами, поэтому телеги скрипят, как журавли в небе, и показал пальцами на потолок. Я признал, что и это справедливо. Владимир Ильич говорит, что и керосина нет и приходится освещать избу лучиной. Я сказал, что это тоже справедливо.

Владимир Ильич на мгновение задумался, потом страстно и убежденно сказал, что с разрухой Советская власть обязательно справится, что хозяйство страны будет восстановлено и придет время, непременно придет,— Страна Советов будет передовой страной мира в хозяйственном и в культурном отношениях.

Я передал Владимпру Ильичу от крестьян — бедняков и середняков искреннюю огромную благодарность за землю, за замену продразверстки продналогом, за заботу о бедняках и середняках и пожелание хорошего здоровья, заверил, что бедняки и середняки сделают все, чтобы дать стране хлеб и продукты питания. Передал и просьбы крестьян — бедняков и середняков. Основные просьбы были таковы: 1) Продовольственный налог взимать с учетом качества земли. 2) Ввести твердое землепользование, чтобы пахотные и покосные земли ежегодно не переделялись, так как это не создает для хлеборобов материальной заинтересованности. 3) Бывшие крестьянские леса, не имеющие государственного значения, передать крестьянским обществам, чтобы, под контролем Советской власти, сохранить их от хищнических порубок.

Владимир Ильич поручил мне передать крестьянам, что их просьбы будут рассмотрены и удовлетворены в интересах крестьян и государства, поручил мне также принять активное участие в подготовке проекта постановления о мерах укрепления и развития сельского хозяйства к IX Всероссийскому съезду Советов¹, что мною и было выполнено (проект постановления готовил Наркомзем, я в это время работал в Наркомземе).

Владимир Ильич разъяснил мне суть кооперативного плана перестройки и развития сельского хозяйства страны. Подчеркнул, что будет сделано все для укрепления и развития дружбы между рабочими и крестьянами — бедняками и середняками, а с богатыми и кулаками деревни Советская власть справится.

Был затронут вопрос и о наличии извращений на местах. Владимир Ильич решительно заявил, что советский аппарат будет очищен от проходимцев, а партия — от примазавшихся.

Ленин очень интересовался, как идет на селе ликвидация неграмотности взрослого населения и все ли дети школьного возраста учатся, очень тепло отозвался о советских учителях.

Откровенная, задушевная беседа подходила к концу. Я благодарю Владимира Ильича за теплый и сердечный прием, за то внимание, которое было уделено мне, от души желаю ему хорошего здоровья, заверяю, что все его поручения будут выполнены. Владимир Ильич встает, подает мне руку, благодарит за пожелания, за искренность и откровенность.

Вместе с Владимиром Ильичем я выхожу из его кабинета в соседнюю комнату. Владимир Ильич снова крепко пожимает мне руку и возвращается к себе в кабинет, а я иду в комнату ожидания, одеваюсь и выхожу на улицу. Радость моя была

¹ IX Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов проходил в Москве 22—27 декабря 1921 года. *Ред.*

безграничной. Вот и сейчас, вспоминая о приеме, я испытываю огромное душевное волнение. Встреча была незабываемой...

На совещании беспартийных делегатов IX Всероссийского съезда Советов в Круглом зале Кремля я вновь встретился с Владимиром Ильичем и рассказал ему о том, что проект постановления о мерах укрепления и развития сельского хозяйства отвечает чаяниям крестьян — бедняков и середняков и что по существу проекта постановления я буду выступать.

И при этой встрече я вновь ощутил огромную заботу Ильича о трудовом народе, о быстрейшем восстановлении и развитии хозяйства.

Да, Владимир Ильич жил для народа, для победы социализма и коммунизма.

*Народное образование, 1965, № 4,
с. 95—97*

САМЫЙ ВЕЛИКИЙ И САМЫЙ СКРОМНЫЙ

На всякого, кто хоть раз в жизни видел Ленина и говорил с ним, Владимир Ильич производил неизгладимое впечатление. Я имел счастье близко узнать Владимира Ильича за те пять лет, в течение которых мне приходилось очень часто бывать у него в домашней обстановке, в кругу его семьи. Я прожил с ним под одной крышей около 8 месяцев во время его болезни. И то сильное впечатление, которое я испытывал в первое время, постепенно разрастаясь, перешло у меня в преклонение перед этим могучим духом и кристально чистым сердцем человеком.

11 лет прошло после смерти Владимира Ильича¹, а между тем я и сейчас вижу его, как живого; я ясно представляю себе его фигуру, его лицо, его светлую, милую, добрую улыбку, я слышу его голос, как будто я виделся с ним несколько дней назад.

Я привык, для меня стало потребностью в каждом выходящем из обычных рамок жизни факте, будь то в государственном масштабе или масштабе больничном, или, наконец, в моей личной жизни, мысленно обратиться к Владимиру Ильичу и представить себе, как бы он отнесся к этому факту, как бы он реагировал на него, ибо Владимир Ильич был и всегда будет для меня, как и для всех нас, образцом в жизни и борьбе...

С Владимиром Ильичем я познакомился в 1919 году, я был приглашен лечить Надежду Константиновну. Рекомендовал меня В. А. Обух, близкий Владимиру Ильичу человек. Сам Обух знал меня очень мало.

Долгое время, приблизительно с год, Владимир Ильич относился ко мне официально. Я приезжал к нему, осматривал больную, назначал лечение, докладывал ему о всех переменах с больной, и на этом заканчивался мой визит. Очевидно, Владимир Ильич присматривался ко мне и только через некоторое

¹ Воспоминания написаны в 1935 году. *Ред.*

время вместо «Товарищ Гетье» стал называть меня запросто Федором Александровичем.

В то же время я почувствовал, что Владимир Ильич стал ко мне относиться теплее, душевнее, и помимо официального доклада у нас стала завязываться простая беседа. Я заслужил доверие Владимира Ильича и сохранил его до самой его смерти.

Это доверие сказалось, между прочим, в том, что Владимир Ильич стал давать мне поручения. Поручения эти заключались в том, чтобы осмотреть того или другого из партийных работников и сообщить ему, что надо предпринять, чтобы поправить его здоровье. В большинстве случаев это была, как я говорил тогда, «советская» болезнь: я находил человека, перегруженно-го работой, переутомленного, с истрепанной нервной системой.

Докладывал Владимиру Ильичу.

— Что же нужно сделать? — спрашивал он.

Этому нужно временно отдохнуть и послать туда, другого разгрузить от работы частично, но он не соглашается и т. д.

— Вздор, он должен исполнить, что вы сказали, — и немедленно пишется записочка — освободить такого-то от такой-то работы, отправить такого-то туда-то... И записочки летят к Горбунову или Фотиевой.

Такая заботливость по отношению к товарищам меня поражала и трогала, но была вполне понятна, ведь она проявлялась к близкому товарищу, собрату по партийной работе.

Но вот один раз я получаю адрес и просьбу посмотреть больного с обычной прибавкой: «Мы все сделаем для него: нужен отдых — дадим отдых, нужно послать на курорт — пошлем, надо послать за границу — пошлем за границу».

Еду по адресу. Встречаю профессора-химика, которого знал раньше, но забыл фамилию. Он удивлен. Говорю, что от Ленина. Расспрашиваю о состоянии здоровья и осторожно осведомляюсь, давно ли он в партии? Получаю ответ:

— Я беспартийный.

— Давно ли вы знакомы с Лениным?

— Я лично с ним не знаком.

Вот такая была у Ленина заботливость о беспартийных специалистах!

Проходит немного времени, и я опять по поручению Владимира Ильича еду осматривать другого специалиста, работающего в Госплане, и опять беспартийного.

В приведенных фактах помимо заботливости к работникам меня поражало, как у Владимира Ильича при его загруженности хватало времени и памяти помнить и заниматься этими житейскими «мелочами».

Приведу еще один факт, касающийся лично меня, о котором я узнал много лет спустя после смерти Владимира Ильича и который очень поразил и тронул меня. В октябре 1933 года я

узнал от одного из партийцев, что вышел новый Ленинский сборник (том XXIII), где собрана переписка В. И. Ленина с отдельными лицами за 1921 год по всевозможным вопросам государственного хозяйства и где упоминается моя фамилия.

Страшно заинтересованный, я раздобыл этот сборник и действительно нашел в нем (стр. 331) несколько строк, касающихся меня, которые привожу дословно:

«т. Семашко!

Доктор Гетье просит меня принять меры к лечению 1) Ивана Ивановича Радченко (Внешторг). Лучше бы всего в санаторий под Москву... 2) *Розовского* (лучше бы всего за границу, в Германию). У него болезнь сердца и ухудшение зимой.

Ваш Ленин

Насчет самого Гетье. Денег он не берет. А теперь все платное. Лечит он многих. Нельзя ли ему от ЦК или от Президиума ВЦИК назначить плату и побольше помесечно? Внесите в Цека от моего имени и черкните мне.

9/XII. Ленин»¹.

Повторяю, что я ничего не знал об этом письме Ленина к Н. А. Семашко вплоть до 1933 года и был очень удивлен, когда в декабре 1921 года получил бумагу из Санитарного управления Кремля о том, что назначен по распоряжению наркома здравоохранения Семашко консультантом Кремлевской больницы. Сам Владимир Ильич никогда не обмолвился ни одним словом, что это сделано по его распоряжению.

Это последнее обстоятельство тоже очень характерно для Владимира Ильича: для очень и очень многих он сделал очень многое, но всегда делал это через других лиц, сам оставаясь в стороне, в тени, настолько, что заинтересованное лицо даже не догадывалось, чем оно обязано Владимиру Ильичу.

Я мог бы привести много других примеров, но мне кажется, что и приведенных достаточно, чтобы показать, как Владимир Ильич относился к людям, к работникам независимо от того, были ли они партийными или беспартийными.

Я жалею лишь о том, что, не обладая талантом писателя, не сумел достаточно ярко обрисовать Владимира Ильича. Мы все, знавшие его лично, обязаны собирать хотя бы самые мелкие факты его жизни, с тем чтобы будущий историк-художник мог вылепить во весь рост образ этого великого мыслителя и сердцем человека.

Рабочая Москва, 1935, 21 января,
с. 3

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 69. Ред.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ¹

*(Речь, произнесенная на общем собрании
сотрудников, больных и посетителей
городской глазной больницы им. Гельмгольца)*

Дорогие товарищи! Наш местный комитет обратился ко мне с просьбой поделиться сегодня с вами моими личными впечатлениями и воспоминаниями о Владимире Ильиче, с которым я в качестве врача встречался несколько раз. Делаю это с особенным удовольствием. Мне чрезвычайно приятно лишний раз побеседовать об этом замечательном человеке. С другой стороны, я знаю, что то, что я могу сообщить вам, вы нигде не слышали и не можете знать. Вы везде слышали, а некоторые из вас, может быть, имеют и личное представление о Владимире Ильиче как о герое, борце, вожде пролетарских масс, как о носителе и воплощении великой идеи борьбы труда с капиталом. Ничего подобного вы от меня не услышите. Я буду рассказывать вам о том, каким Владимир Ильич был у себя дома, каким бывает человек, когда он после большого трудового дня придет домой, расстегнет свой ворот, снимет тесную обувь и остается в кругу своей семьи и с самим собой, каким бывает человек, когда, охваченный недугом, который, увы, сильнее всякой идеи, сильнее всякой логики вещей, этот человек силой вещей должен оторваться от мировой идеи, чтобы дать место мысли о своем физическом существовании. Вы можете мне сказать: «Зачем нам это знать? Какое нам дело до частной жизни человека, общественная деятельность которого должна оставить вечные следы в жизни народов всего мира?» До известной степени вы правы. Жизненный опыт и изучение биографий великих людей учат, что личной жизнью их большей частью не следовало бы интересоваться. Не часто встречаются люди, которые везде были бы одинаковы — и на трибуне, и у себя дома, у которых общественная и личная жизнь составляла бы одно целое... В громадном большинстве случаев личная жизнь даже замечательных людей оказывается крайне не интересной или стоит в полном противоречии с той общественной ролью, какую играет

¹ Воспоминания публикуются с сокращениями. *Ред.*

этот человек. Поэтому широкой публике, особенно людям узким, мещански настроенным, не умеющим отделять идеи от человека, не умеющим прощать крупным людям обыкновенных общечеловеческих слабостей, действительно не следует интересоваться частной жизнью людей, играющих общественную роль. Но в данном случае, по отношению к Владимиру Ильичу, я смело и, повторяю, с удовольствием стану рассказывать вам о его частной жизни. Я совершенно спокоен, что то, что вы услышите от меня, не только не умалит в ваших глазах его величия, а, наоборот, еще больше возвеличит его в вашем представлении, добавит еще несколько выразительных, красивых черточек в том величественном, прелестном образе, который уже создался в ваших душах.

Итак, в первый раз я встретился с Владимиром Ильичем 1 апреля 1922 года. Это было еще в первом периоде его роковой болезни, когда он еще работал, выступал, но жаловался на головные боли, плохой сон, быструю утомляемость и невозможность работать так, как хочется и столько, сколько нужно. А сколько нужно работать, по представлению Владимира Ильича, об этом вы, вероятно, и представления не имеете. Это был не 6-часовой день интеллигентного работника и не 8-часовой день рабочего физического труда. Нет, в такие тяжелые эпохи, какие переживаем мы теперь, Владимир Ильич представлял себе только такую работу, чтобы засыпать и просыпаться на работе. Впрочем, такие требования он предъявлял только к себе, другим же рекомендовал больше отдыхать и беречь свое здоровье.

В этот, как и в другие разы, я приглашался для исследования глаз Владимира Ильича не по его личной инициативе (своими глазами он был вполне доволен), а по указаниям лечивших его врачей, которые ожидали от моего исследования одного из двух результатов: либо в глазах случайно окажутся изменения, которые могут давать какой-нибудь повод для головных болей, либо глаза, являющиеся, так сказать, окошечком, через которое до известной степени можно заглянуть в мозг, дадут какой-нибудь ключ для объяснения мозгового процесса, бывшего вначале у Владимира Ильича еще совершенно таинственным.

В установленный по взаимному соглашению час меня проводили в квартиру Ленина, где в первой комнате меня встретили два его беззаветно преданных друга и телохранителя, живущие только им и его идеями и не покидавшие его ни на одну минуту, вплоть до опускания гроба в могилу,— это его жена Надежда Константиновна Ульянова и младшая сестра Мария Ильинична Ульянова. Владимир Ильич в это время уже занимал скромную квартирку в бывшем здании судебных установлений. Я говорю «уже занимал» потому, что говорят, эта скром-

ная квартирка была тем наилучшим, что он взял себе после жизни в самых примитивных условиях в различных непригодных для жилья комнатах... Он удовлетворился квартирой, в которой было ровно столько комнат, сколько нужно было только для жилья ему и ближайшим членам его семьи, которые тоже несут большую ответственную общественную работу; что же касается обстановки этой квартиры, то стоило только открыть дверь, чтобы сразу почувствовать себя в жилище нетребовательного, но истинно культурного человека, — все просто, чисто, опрятно, все на месте, без блеска, без шика, никаких предметов роскоши, никаких вещей неизвестного назначения, но зато есть все, что нужно много работающей семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами. И эта простота, скромность и рациональность обстановки не производили впечатления чего-то искусственного, надуманного, умышленно сделанного напоказ для примера другим. Совсем нет. Выросший в небогатой семье, где пропитание добывалось только личным трудом, променяв затем карьеру, быть может, выдающегося ученого или профессора на деятельность подпольного организатора нового мира, вынужденного почти всю жизнь проводить в нужде и лишениях, Владимир Ильич научился ценить простоту и скромность жизни, слился с ними душой... Одним словом, это не было умышленное воздержание от излишеств, а естественное отсутствие потребности в том, без чего можно обойтись...

Не успел я поздороваться с радушными, предупредительными хозяйками, как из соседней комнаты вышел Владимир Ильич. Я видел его в первый раз. По виду это был человек средних лет, среднего роста, крепкого телосложения, с энергичным лицом, подвижными и вместе с тем сосредоточенными глазами. Глаза определенно светились умом и скрытой глубокой внутренней силой. Хоть я по роду своей профессии привык присматриваться к глазам и интересоваться их выражением, я все же не считая себя физиономистом и не придаю никакого значения физиономике... После самой короткой беседы чувствовалось, что имеешь дело с человеком выдающегося, оригинального ума и сильной скрытой воли. Мало того, чувствовалось, что этот заостренный ум каким-то незримым оком видит тебя насквозь и читает твои мысли. Об уме Ленина говорили все, приходившие с ним в соприкосновение. Такое же мнение составил о нем и профессор Ферстер, имевший возможность хорошо присмотреться за тот долгий период, который он провел у Владимира Ильича... И действительно, недаром ближайшие друзья и сподвижники Владимира Ильича смотрели на него чуть ли не как на прозорливца. Но об уме Ленина мало было бы сказать, что он был велик. В складе его ума, как и в выражении глаз, улавливалось еще нечто другое, что, пожалуй, я назвал бы

дукавством, хитростью. В разговоре вы чувствовали, что этот человек хочет и в конце концов, вероятно, заставит вас высказаться, но сам не скажет ни одного лишнего слова. По крайней мере я, как врач, при наших встречах ясно чувствовал, что ему хочется выведать у меня то, чего, по его мнению, ему не договорили другие врачи, но выведать так, чтобы я и не подозревал такого желания.

К характеристике Владимира Ильича добавлю еще одну чрезвычайно красивую черту. Врачу трудно обойтись без разных мелких житейских вопросов чисто личного характера. И вот этот человек, огромного, живого ума, при таких вопросах обнаруживал какую-то чисто детскую наивность, страшную застенчивость и своеобразную неориентированность. Но это не была наивность и растерянность старого немецкого ученого, который витал в эмпириях и не понимал того, что совершается у него под носом. Ничего подобного у Ленина не было. Это было глубоко философское пренебрежение, невнимание серьезного человека к мелочам жизни и своему физическому «я», и именно только своему личному. Стоило Владимиру Ильичу узнать о каких-нибудь затруднениях у своих близких или товарищей и друзей, как являлась необычайная энергия, внимание, заботливость, большой житейский опыт и, что называется, умение чужую беду руками развести.

Вот каким был в моих глазах Владимир Ильич. Но этот набросок его личности в домашней жизни будет не полон, если я не скажу вам еще несколько слов о манере обращаться с людьми, попавшими случайно в его жилище. Я познакомился с Владимиром Ильичем тогда, когда уже 4 года Коммунистическая партия руководила судьбами самой большой в мире страны... Но ко мне вышел из соседней комнаты не глава правительства, пишущий законы 130-миллионному населению и заставляющий прислушиваться к своему голосу, кого с восторгом и упованием, кого с негодованием, но во всяком случае весь мир! Нет, предо мной стоял простой, скромно одетый человек, с приветливой, лишенной всякого высокомерия улыбкой на лице, с простой, живой, полной юмора речью, с несколько резкой манерой говорить, с очень легкой, приятной картавостью, с обращением, в котором сквозил только радушный, гостеприимный хозяин, желающий, чтобы гостю не было с ним скучно. Скоро я почувствовал себя совершенно свободно, непринужденно и если немножко все же жутко, то лишь постольку, поскольку всегда ощущается некоторое стеснение, когда чувствуешь явное умственное превосходство своего собеседника. Радушию и любезности не было конца. Когда мы прощались, он не упустил случая соблюсти все галантности, которые даже самый претенциозный гость охотно простил бы всякому хозяину, определенно больному и независимо от его обще-

ственного положения. Несмотря на всем вам хорошо известное мое упрямство и настойчивость, я не в состоянии был преодолеть желание хозяина подать мне пальто и проводить меня до самого крайнего пункта длиннейшего коридора.

Теперь перехожу к результатам моего исследования глаз Владимира Ильича. Тех изменений, которых ждали от меня невропатологи, в глазах Ленина не оказалось. С точки зрения неврологии глаза были совершенно нормальны, и как не давали никакого ключа для разгадки мозгового процесса, так и сами не служили основанием для головных болей и других нервных расстройств. С чисто же окулистической стороны глаза представляли кое-какие явления, оказавшиеся для Владимира Ильича сюрпризом и доставившие ему, как человеку непосвященному, немало удовольствия. Дело в том, что, когда он был еще ребенком, его возили к одному из лучших русских окулистов, гремевшему тогда на всем Поволжье, — казанскому профессору Адамюку (старшему). Не имея, очевидно, возможности точно исследовать мальчика и видя объективно на дне его левого глаза кое-какие изменения, главным образом врожденного характера (врожденная щель зрительного нерва и задний конус), проф. Адамюк принял этот глаз за плохо видящий от рождения (так называемая врожденная амблиопия). Действительно этот глаз очень плохо видел вдаль. Матери ребенка было сказано, что левый глаз никуда не годится от рождения и помочь такому горю нельзя. Таким образом, Владимир Ильич прожил всю жизнь с мыслью, что он левым глазом ничего не видит и существует только одним правым. Только в самые последние годы он замечал маленькую странность, что все его сверстники стали отдалять книжку при чтении, а он, напротив, стал держать книгу ближе обыкновенного, что многие сверстники стали читать в очках, а он в них совершенно не нуждался. Мало интересуюсь своим здоровьем вообще, Владимир Ильич не задумывался и над этим фактом и не искал случая его объяснить. Да и в самом деле, зачем серьезному, занятому человеку нужно было это проверять, если зрения хватает на все надобности — и на охоту пойти можно и читать можно сколько угодно. Каково же было его удивление, когда при моем исследовании оказалось, что левый похороненный глаз просто близорук (в 4—4,5 диоптрии) и на расстоянии 20—25 см прекрасно видит. Этим глазом Ленин и читал, а правый глаз, хорошо видящий вдаль, оказался ко времени моего исследования уже страдающим старческим зрением и на близком расстоянии ничего не видел. Но стоило к этому глазу приставить соответствующее стекло, какое надевают все хорошо видящие пожилые люди, и глаз этот прекрасно читал. Этот двойной сюрприз очень заинтриговал и развеселил Владимира Ильича, но внимания к своей персоне он проявлял так мало, что к следующему

нашему свиданию уже позабыл о тех «фокусах», которые я проделывал с его глазами.

Наше прощание было также очень характерно для Владимира Ильича. Как-то неумело, непривычно и конфузивно стал он мне совать гонорар в руку. Когда я отказался, он стал убеждать меня, что я не обязан никому оказывать частных услуг вне больницы и при нынешних тяжелых условиях жизни не имею права делать это бесплатно ни для кого. Увидев же мою совершенно непреклонную волю, он как-то совсем растерялся, точно неза заслуженно обидел меня. Впоследствии я узнал, что мой категорический отказ от гонорара долго не давал ему покоя и он неоднократно интересовался тем, чтобы обо мне позаботились, если я в чем-нибудь нуждаюсь. Не могу не подчеркнуть этого исключительно деликатного и корректного отношения к людям, которые, по его мнению, потратили сколько-нибудь труда или времени на него лично. Я видел в своей жизни немало больных, которые занимали значительно менее ответственное общественное положение, которым я приносил действительно реальную пользу, возвращая им утерянное зрение и работоспособность, которые были менее захвачены общим убийственным недугом и которые считали ниже своего достоинства входить в оценку услуг врача.

Второе наше свидание произошло месяца через полтора — два уже при более тяжелых условиях. Это было в 35—40 км от Москвы, в усадьбе, куда перевезли Владимира Ильича для отдыха. Дня за два перед этим случился первый, правда легкий, припадок (мозговой инсульт), и лечащие врачи вновь вызвали меня в надежде на какие-нибудь мозговые симптомы в его глазах. В большой, хорошо обставленной даче Владимир Ильич, конечно, лежал в самой маленькой угловой комнатке. Здесь уединеннее, здесь меньше мешают, здесь меньше обращаешь на себя внимание других. Убедить Ленина перейти, как больного, в большую светлую комнату оказалось для окружающих непосильной задачей. Встретил меня Владимир Ильич уже как старого знакомого. Память у него была хорошая. Владимир Ильич был чрезвычайно ласков, трогательно заботлив, но явно был возбужден и искал все возможности остаться со мной наедине. Предчувствуя какой-нибудь тяжелый для него, волнующий разговор, я всячески избегал быть с ним с глазу на глаз, но такая минута все же выпала. Схватив меня за руку, Владимир Ильич с большим волнением вдруг сказал: «Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?» Дальнейший разговор был, к счастью, прерван вошедшей медицинской сестрой. Я уехал с тяжелым чувством, сопровождаемый снова всяческими проявлениями внимания к касающимся меня мелочам со стороны этого большого человека, который, чувствуя

начало своего конца, ясно уже ощущал с невыносимой болью невозможность видеть дальнейший рост своего великого дела, выстраданного всей жизнью, проявил огромное величие души, интересуясь тем, напоили ли меня, человека, которого он едва знает по имени, чаем и тепло ли я одет.

В глазах Владимира Ильича я и в этот раз не нашел ничего интересного для невропатологов. Следующая наша встреча произошла опять в городе через несколько месяцев. Она имела целью лишь проверку глаз. Невропатологи все чего-то ждали. Здесь же оговорюсь, что в глазах Владимира Ильича ничего невропатологического так и не оказалось до самого конца. Невропатологи не твердо были в этом убеждены, так как в последнее время исследовать Ленина было трудно и невропатологи могли сомневаться в точности получаемых мной результатов. Тем не менее я был прав в своих выводах, и исследование вынутого мозга показало, что, несмотря на огромную область поражения, вся зрительная сфера — центры и пути, так же как и двигательные пути глаз, были невредимы.

И в этот раз Владимир Ильич трогал меня своим радушием, несмотря на то что его состояние было таково, что с его стороны было бы совершенно естественно, если бы он больше думал о своем здоровье, чем о том, чтобы быть внимательным к посторонним людям. Он очень жаловался на то, что ему запрещают работать и что он, к сожалению, должен подчиняться назначенному режиму. «Мне рекомендовали вместо работы час-два легкой беседы с добрыми приятелями. Они не понимают, что от 2-х часов беседы с иностранными представителями я меньше устану и получу больше пользы и удовольствия, чем от короткой приятельской беседы».

Еще раз и в таком состоянии выявилась мощная фигура человека, который не представляет себе времяпрепровождения вне дела.

Еще раз мы встретились через несколько месяцев после большого тяжелого приступа, отнявшего у Владимира Ильича ногу, руку и речь, но не сознание. Он лежал в постели, окруженный съехавшимися со всей Европы знаменитостями. Положение было истинно трагическое. Человек, который своим словом приводил в состояние экстаза массы и убеждал закаленных в дискуссиях борцов и вождей, человек, на слово которого уже так или иначе реагировал весь мир, — этот человек не мог выразить самой простой мысли, но в состоянии был все понять. Это ужасно! На лице его было написано страдание и какой-то стыд, а глаза сияли радостью и благодарностью за каждую мысль, понятую без слов. Этот раздирающий душу благодарный взгляд испытал на себе и я, случайно угадавший одно его желание, которое не поняли окружающие.

После этого я не видел Владимира Ильича много месяцев, до кануна роковой развязки. Его снова увезли за город. Я знал, что в состоянии его наступает медленное улучшение и он по-немногу отделяется от тех расстройств, которые причинил последний припадок. Но вместе с тем умозрительно я знал, что параллельно с этими улучшениями идет еще более медленное, но верное ухудшение в корне, в фундаменте непоправимой болезни. Не скрою, мне хотелось видеть Владимира Ильича, но я не нужен был ему, а не зная, будет ли приятно ему мое ненужное посещение, я не решался заявить врачам и окружающим о своем желании.

Поэтому я очень обрадовался, когда в воскресенье, 20 января, мне позвонили в больницу, что просят меня приехать в усадьбу, где жил Ленин. Утром в этот день студенту-медику, ухаживающему за Владимиром Ильичем, показалось, что он пожаловался на глаза. Когда Ленину предложили вызвать меня, он охотно согласился. Это обстоятельство было для всех большой неожиданностью, так как в последнее время Владимир Ильич стал избегать врачей и крайне неохотно подвергал себя исследованиям и всяким манипуляциям. Я думаю, что на меня он легко согласился просто как на наиболее безвредного врача, который не мучает, не лечит, а в худшем случае немного развлечет своими стеклами. По поводу нежелания Владимира Ильича встречаться с врачами, дошедшего в последнее время до чего-то болезненно настойчивого, было много предположений. Я думаю, что наиболее вероятным будет объяснение, намеки на которое давал и сам Владимир Ильич раньше, когда ему легко было ясно выражать свои мысли, и которое так характерно было для этого человека. Он всегда считал, что врачи не должны и не имеют права уделять одному больному слишком много времени, в течение которого можно принести пользу многим. Убедившись же с течением времени в неизлечимости своей болезни, он и совсем стал считать, что время, проводимое у него такими выдающимися врачами, бесплодно и преступно отнимать у других, имеющих возможность испытать больше продуктивности от усилий врачей. Стоило так раз решить, чтобы при той впечатлительности и раздражительности, которые неизбежно должны были явиться при продолжительной червной болезни, лишаящей самостоятельности, чтобы в конце концов наступило что-то вроде неприязни по отношению к лечащим врачам. Отрицательного отношения к пауке, даже медицине, я не допускаю у такого великого человека, который, конечно, не мог говорить словами отчаявшегося в жизни Манфреда: «Знание есть скорбь»¹. Владимир Ильич везде и

¹ Имеются в виду слова героя одноименной драматической поэмы Байрона «Манфред» (1817). *Ред.*

всюду подчеркивал, что древо знания есть древо жизни¹ и наоборот.

Приехал я поздно вечером. Владимир Ильич сейчас же попросил меня к себе. Физически он выглядел очень хорошо. Что касается опасения, как он встретит врача, то сразу стало ясно, что он очень доволен приездом глазного врача. Исследовать было трудно, так как трудно было Владимиру Ильичу словами давать ответы на то, что я у него требовал. Но исследование шло весело, живо и явно к взаимному удовольствию. В глазах Ленина я снова ничего не нашел и высказал предположение, что утренний инцидент был, вероятно, выражением легкого головокружения и прилива к голове. События последующего дня показали справедливость этого предположения. Выйдя от Владимира Ильича, я расположился в другой комнате с его близкими. И теперь Ленин остался верен себе. Он дважды, опираясь на студента, приходил в столовую, где мы сидели, с очевидным намерением проверить, достаточно ли хорошо обо мне позаботились.

Дорогие товарищи! К Владимиру Ильичу, как политической фигуре, может быть разное отношение... Но все, кто лично с ним соприкасался, независимо от своих политических убеждений, признают в нем человека огромного ума, колоссальной энергии и величайшей душевной красоты.

Когда я был гимназистом, мне было задано сочинение на отвлеченную тему: «Кого мы называем истинно хорошим человеком?»... Да, трудно было мне тогда написать хорошее сочинение. Но если бы мне теперь задали такую работу, я исполнил бы ее очень легко и просто. Я только описал бы жизнь Владимира Ильича и набросал несколькими штрихами его интеллектуальную и моральную фигуру.

Я очень счастлив, что на склоне моей жизни, когда уже приходится подписывать последние счета, я встретил такого человека. Эта встреча не может остаться без влияния на мою последующую жизнь. Впрочем, познакомившись близко с верхушками коммунизма, я уже давно убедился, что все враждебно к ним настроенные и даже политически индифферентные люди совсем неправильно себе их рисуют.

Истина, 1924, 1 марта, с. 2

¹ Имеются в виду часто цитируемые В. И. Лениным слова Мефистофеля из трагедии И.-В. Гёте «Фауст»: «Теория, друг мой, сера, но злено вечное древо жизни» (см. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 12, с. 92—93; т. 25, с. 398 и др.). *Ред.*

ОН БЫЛ ПРОСТОЙ И СКРОМНЫЙ

Меня часто спрашивают: каким был Ильич? Не задумываясь, я всякий раз отвечаю: простым и скромным. От людей, встречавшихся с Лениным, и старших товарищей по работе много раз слыхала о жизни Ленина — любимого вождя и друга трудящихся. Он был грозный и беспощадный к врагам революции и народа, но очень чутко и заботливо относился к друзьям, к простым людям, горячо любил их. И вот эту замечательную особенность Владимира Ильича я хорошо узнала за то короткое время, которое довелось провести вместе с ним весной 1922 года.

Было это так. 23 апреля, в первой половине дня, ко второму корпусу нашей больницы подошла автомашина. Из автомобиля вышли Ленин и еще несколько человек, сопровождавших его. Вскоре нам стало известно, что он приехал на операцию для извлечения пули, предательски пущенной в него эсеркой Каплан на территории бывшего завода Михельсона.

В этот же день Ленину сделали операцию. Она прошла удачно. После операции Ильича поместили в небольшой палате с обычной больничной обстановкой. Меня заранее предупредили о том, что я буду дежурить в этой палате.

Более 10 лет я работала медицинской сестрой. За это время накопила немалый опыт ухода за больными. Но, узнав о порученном мне дежурстве, оробела, растерялась. Еще бы, ведь это был Ленин, человек, к которому тянутся сердца, мысли миллионов людей, величайший политический и государственный деятель. Подобных ему никогда еще не знала история.

Оказалось, что волновалась я напрасно. С первых же минут знакомства с Ильичем всю робость и сомнения как рукой сняло. А помогли этому его открытая улыбка, понимающий взгляд ласково прищуренных глаз.

Припоминается и другое присущее Ленину качество. Он быстро начал тяготиться вынужденным бездельем, все время порывался встать с постели. Он настоятельно требовал не предоставлять ему никаких преимуществ.

Меня поражали необычайная живость, стремительность, кипучая энергия, которые чувствовались в каждом жесте и движении Владимира Ильича. Он внимательно ко всему прислушивался, всем интересовался. К вечеру, во время проветривания палаты, Ильич вышел в столовую, сел на стул. Я находилась тут же рядом. Он стал расспрашивать меня о делах в больнице, условиях работы, питании больных, — словом, интересовался всеми вопросами больничной жизни. Я старалась отвечать подробно.

И вдруг внимательно смотревший на меня Ильич спросил: «А почему вы такая худенькая?»

От неожиданности я смутилась, даже не знала, что ответить. Ильич ласково улыбнулся и тут же задумался. Я так и не поняла тогда, почему он спросил меня об этом. На следующий день снова дежурила. Ленин, увидев меня, очень удивился и сказал: «А вы здесь еще? Что же это такое? Вчера весь день работали, ночь всю и сегодня снова...»

Находясь в больнице, Ленин все время беспокоился о том, чтобы из-за чрезмерного внимания к нему не были обижены другие больные. Припоминаются такие эпизоды. После операции Ильичу положили под голову одну подушку, а вторую на некоторое время по совету врачей убрали. Когда же ее принесли в палату, Владимир Ильич отказался принять, думая, что какой-то больной вообще лишен подушки. Долго пришлось убеждать Ленина, что двумя подушками пользуются все, кто лечится в больнице.

Или вот другой случай. На второй день пребывания Ленина в палате я принесла ему завтрак, приготовленный в семье профессора Розанова.

«А это что еще такое? Вы же говорили, что больным подают на завтрак кашу и чай? — спросил Ильич. — Вот и мне дайте кашу и чай».

Тут я опять растерялась. Хорошо, что в эту минуту подошел профессор и как-то уладил это недоразумение.

Днем Ленин уехал домой — энергичный и бодрый, рвущийся к работе. Тепло и душевно распрощался он со всеми, кто был рядом с ним. «Спасибо за большую заботу, — сказал он мне на прощание, — за хлопоты и беспокойство...»

Прошло пять дней, и вот на мое имя поступило несколько телефонограмм от тов. Семашко. Я поехала к нему. Он показал записку, отправленную Ильичем 25 апреля 1922 года. В ней говорилось:

«т. Семашко!

Прошу Вас распорядиться об отправке в *Крым* в один из тамошних санаториев для лечения и отдыха сестры Солдатенковской больницы *Екатерины Алексеевны Нечкиной*.

Не откажите сообщить мне копию Вашего распоряжения по этому делу, а если Вы встречаете какие-либо препятствия к исполнению моей просьбы, то прошу черкнуть, в чем эти препятствия.

С ком. приветом
*Ленин*¹.

Тут же сообщили мне и о том, что уже есть для меня путевка в Крым, спросили, когда бы я хотела поехать туда на лечение и отдых.

Забота Ленина о простом человеке беспредельно тронула и взволновала меня. Будучи еще не совсем здоровым, занятым большими государственными делами, он нашел время вспомнить обо мне, позаботиться о моем здоровье. Вот каким был Ильич.

Навечно остались в моей памяти встречи с Владимиром Ильичем, его светлый образ, задушевная простота.

Воспоминания медиков о В. И. Ленине. М., Медицина, 1964, с. 176—
181

¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 244. Ред.*

ОТЕЧЕСКАЯ ЗАБОТА ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Весной 1922 года В. И. Ленин лег в Московскую больницу, ныне имени Боткина, для операции — удаление пули, оставшейся от предательского выстрела эсерки Каплаз. Пуля задела в тканях передней поверхности шеи. Операция под местным обезболиванием была произведена проф. В. Н. Розановым. После операции Владимир Ильич просил не присылать к нему специальных дежурных, чтобы не нарушить обычного распорядка больницы.

Для перевязок его навещали проф. В. Н. Розанов, операционная фельдшерица К. М. Грешнова и ассистент, автор этих строк.

Владимир Ильич всегда встречал нас тепло и приветливо, с какой-то особой простотой. Во время перевязок он живо интересовался нашей работой, жизнью больницы. Забрасывал нас короткими, четкими вопросами. Занятый важными государственными делами, В. И. Ленин находил время для беседы с нами.

Охотно и запросто В. И. Ленин рассказывал нам об актуальных политических вопросах, обращал наше внимание, между прочим, на рутину и косность, еще жившие в наших учреждениях.

Почти всегда беседы были наглядным уроком для нас, представителей советской интеллигенции. Они раскрывали нам глаза на явления, до тех пор непонятные. После каждой беседы с Владимиром Ильичем мы уходили с таким чувством, будто выросли на целую голову. Свободно и легко разбирающийся в людях, В. И. Ленин умел быстро и окончательно убедить, покорить своего слушателя, сделать собеседника навсегда своим поклонником.

Исключительную чуткость, внимание вплоть до мелочей проявлял В. И. Ленин к ученым, к советской интеллигенции. Он трогательно заботился о В. Н. Розанове, стремясь, чтобы

профессор не чувствовал ни в чем недостатка. Простота и задушевность Владимира Ильича часто заставляли нас забывать о том, что перед нами великий гений человечества.

Мы чувствовали себя с ним, как со старшим товарищем, и было жаль расставаться. Хотелось еще и еще слушать его, хотелось видеть его пронизательный, все подмечающий взгляд, слушать чеканные, простые вопросы и характерную речь со слегка раскатывающимися «р».

Мы на себе испытали замечательную черту В. И. Ленина — заботу о людях. Владимир Ильич часто спрашивал, как живут работники больницы, как и чем они питаются. Эти вопросы тогда, в период продовольственных затруднений, имели большое значение. И надо сказать, что благодаря заботе В. И. Ленина было значительно улучшено снабжение больницы продуктами питания. Он распорядился также отвести на пустырях вокруг больницы громадную территорию для посадки картофеля и различных огородных культур¹.

Дело это по тем временам было новым, и за него горячо и охотно взялся весь коллектив медицинских работников. Результаты не замедлили сказаться. Мы получили хороший урожай овощей и картофеля.

Характерно, что В. И. Ленин и в дальнейшем не забывал спрашивать о судьбе огородов. У профессоров В. Н. Розанова и Ф. А. Гетье он частенько спрашивал, как идут дела, кто работает, кто наблюдает и ухаживает за посадками.

Он заботился не только о людях, но и о каждом конкретном человеке. Поглощенный огромной партийной и государственной деятельностью, он все же никогда не забывал о так называемых «маленьких» делах, добивался, чтобы дело, раз начатое, было доведено до конца. Владимир Ильич Ленин — воплощение великого и простого.

Воспоминания медиков о В. И. Ленине, с. 182—184

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 187. *Ред.*

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В одну из июньских ночей 1918 года я дежурил в управлении Московско-Курской дороги как член дорожного Военно-революционного комитета.

В то время по нашей дороге шла переброска воинских соединений из Курска на Восток. По линии было дано указание: «Воинские эшелоны пропускать безостановочно».

В два часа ночи ко мне зашел встревоженный телеграфист:

— Товарищ Хабаров, кто-то непрерывно вызывает по аппарату Военно-революционный комитет, но на мой ответ не откликается...

Пошел и я к аппарату. Наконец выяснилось, что вызывает станция Чернь. У аппарата был телеграфист. Из его несвязного рассказа все же удалось выяснить, что на станцию прибыл первый воинский эшелон, следующий на Восток. Там он был задержан продовольственным заградительным отрядом, который решил проверить содержимое всех вагонов. Красноармейцы спали, когда продотряд начал обыск.

— Мы едем на фронт, а нас подозревают в спекуляции, — возмутились красноармейцы. Завязалась ссора, перешедшая в перестрелку. Несколько пуль попало в окна вокзала, и дежурный по станции сбежал. На посту остался только молодой телеграфист, который с перепугу залез под стол и, вытянув оттуда руку, стал по аппарату вызывать Военно-революционный комитет.

Немедленно нами были приняты меры к срочной отправке эшелона; о случившемся я доложил наркомку путей сообщения Невскому.

Утром нарком позвонил и сказал:

— В 11 часов я заеду за вами и председателем комитета профсоюза дороги, соберите весь материал о ночном инциденте и отправимся в Кремль — Владимир Ильич нас вызывает.

Когда мы ехали в Кремль, я все время думал о предстоящей встрече с Лениным, волновался, не знал, как держать себя, что говорить. Однако на деле все получилось проще простого.

В приемной Совнаркома Невский попросил доложить Владимиру Ильичу, что к нему прибыли с Московско-Курской дороги.

Через несколько минут нас пригласили в кабинет. Кроме Ленина там находился Свердлов.

Когда мы вошли, Владимир Ильич и Яков Михайлович поднялись, поздоровались с нами за руку.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказал Ленин,— садитесь, пожалуйста.

Мы сели в кресла у стола.

— Рассказывайте, как у вас дела на дороге, как с ремонтом паровозов и вагонов. Как настроение рабочих, сколько хлеба выдаете на день?..

Видя, что Ильич интересуется нашими насущными вопросами и хочет поговорить с нами по душам, я успокоился. Подробно доложил положение на дороге.

— Иногда, когда хлеба нет, выдаем паек семечками подсолнухов,— откровенно рассказал я.— Рабочие сознают, что с продовольствием трудно, работу не бросают. Имеются, правда, нарушения трудовой дисциплины — кое-кто самовольно уезжает в другие губернии за хлебом...

Ильич внимательно слушал мой рассказ и время от времени делал себе пометки в блокноте. В заключение я подробно рассказал об инциденте на станции Чернь.

Когда я кончил, Ильич, повернувшись к Якову Михайловичу, заметил:

— Смотрите, какой хороший народ на Курской дороге, а вот дисциплина у них не совсем...

Затем, обращаясь к нам, сказал:

— Товарищи, поднимите, пожалуйста, дисциплину среди железнодорожников, и тогда у вас не будет таких неприятных случаев, как в Черни. Вы сами понимаете, что там произошла возмутительная история! Нам нужно воевать против белогвардейщины, а тут у вас началась между собой война в Черни, а все оттого, что слаба дисциплина. Будь начальник станции Чернь более дисциплинированным, он не подчинился бы незаконному требованию продовольственного отряда задержать эшелон, не было бы стычки и нарушения движения поездов на фронт.

— А вы, Владимир Иванович,— обратился Ленин к Невскому,— больше помогайте курянам, у них трудное положение, по их дороге устремилась уйма всяких спекулянтов, мешочников, белогвардейцев. Одним курянам тяжело навести порядок без помощи.

Тогда я осмелел и заявил:

— Владимир Ильич, продзаградотряды на дороге мешают нам работать...

Ленин пристально посмотрел на меня и спросил:

— А как вы думаете, можно их снять?

Вижу, Яков Михайлович улыбнулся при этом вопросе. Сознавая, что я «загнул» и снимать заградотряды в данное время нельзя, я сказал, что во всяком случае следует ограничить их права, чтобы они не мешали работе дороги.

Владимир Ильич на минуту задумался и тут же позвонил наркому продовольствия Цюрупе о том, что работники Московско-Курской дороги жалуются на продзаградотряды и просят навести порядок в их деятельности.

Прощаясь с нами, Ленин сказал:

— Товарищи, прошу вас, как можно скорей укрепите дисциплину среди железнодорожников.— И словно невзначай, лукаво прищурив глаза, заметил:

— Надеюсь, что вы не очень строго накажете начальника станции Чернь, разберитесь хорошенько...

Последующие мои встречи с Лениным относятся к 1922—1924 годам.

В июне 1922 года Московский комитет партии направил меня на работу в Горки, где в это время отдыхал и лечился Владимир Ильич.

Я заведовал там технической частью — электростанцией, водопроводом, центральным отоплением.

В июле мы приступили к осмотру, ремонту и подготовке к зиме центрального отопления. В кабинете Владимира Ильича была обнаружена испорченная секция радиатора, которую нужно было заменить.

Я обратился по этому поводу к Марии Ильиничне. Она мне ответила:

— Сейчас поговорю с Ильичем,— и пошла к нему в кабинет.

Через несколько минут она и Владимир Ильич вышли. Мария Ильинична представила меня. Ленин обратился ко мне:

— Что это вы задумали меня выселять? И зачем вам это нужно? Ведь зимой жить в доме никто не будет, для чего же вы его будете отапливать?

Я объяснил, что без отопления здание начнет разрушаться.

— А где же вы возьмете топливо? — спросил Ленин.

— У нас в лесу заготовлены выкорчеванные пни.

— Ну, если местное топливо — тогда другое дело. А надолго вы меня хотите оставить без жилья? — улыбаясь, спросил Ильич.

— Самое большое — на один день. Ночевать во всяком случае будете у себя...

— Ну, что же с вами делать,— вздохнул Ленин,— техники — народ упорный. Когда же прикажете освобождать помещение?

— Освобождать не нужно, а завтра утром, когда вы будете на прогулке,— ответил я,— мы снимем радиатор, исправим его в мастерской, а во время вечерней прогулки поставим на место.

Ильич удивился.

— Так быстро?

Я подтвердил.

— Оперативно,— сказал Ильич и затем, что-то вспомнив, спросил:

— Мне как будто знакомо ваше лицо, мы где-нибудь встречались?

Я рассказал Ильичу о нашей встрече в его кабинете в 1918 году, и Ильич, хитро усмехаясь, сказал:

— Теперь, небось, продотряды железным дорогам работать не мешают...

Во второй половине сентября начались дожди и в доме стало холодно и сыро.

Мария Ильинична пришла ко мне на электростанцию и спросила, можно ли включить центральное отопление, так как в доме холодно и она боится, как бы Ильич не простудился.

Я ответил, что могу затопить хоть сейчас.

— Нет,— сказала она,— я хочу только выяснить, возможно ли это, а затопим лишь тогда, когда согласится на это Ильич. Его не так-то легко на это склонить. Нужен такой довод, чтобы он не подумал, что это делается ради него.

Я предложил ей сказать, что нужно провести испытания исправности центрального отопления, что этого требуют технические условия. Она признала этот довод удачным и предложила мне вечером прийти, вызвать ее в вестибюль и настаивать на том, что необходимо испытать отопление.

Я так и сделал. Когда вышла ко мне Мария Ильинична, я нарочно, чтобы слышно было в столовой, где пили чай, начал с ней разговор на условленную тему. Она мне ответила:

— Хорошо, спросим Ильича, как он на это смотрит.

Ленин вышел из столовой, поздоровался со мной, пытливо посмотрел и сказал:

— Что это вы, батенька мой,— то у вас техническая необходимость выселить меня из кабинета, то у вас снова техническая необходимость — поджарить меня хотите, что ли?

Я серьезно объяснил, что проба отопления абсолютно необходима.

— Ну, хорошо,— сказал Ильич,— я знаю, что все равно вас не переспоришь, только вот что: вы меня научите, как там на этой батарее вы делаете, чтобы было теплее или холоднее.

Я буду сам регулировать, а то вы меня, чего доброго, еще поджарите...

Я в шутку заметил:

— Зачем вы хотите у нас хлеб отбивать, начнете сами регулировать, тогда нам что останется делать?

— А вы боитесь остаться безработным? — засмеялся Ленин. — Нет, батенька мой, у нас скоро так много будет дел, что не только безработных не станет, но и рабочих рук не хватит... Ну, ладно, уж если вы не хотите, чтобы я сам регулировал, тогда сделайте такую милость, чтобы у меня в комнате было не выше 14 градусов.

В октябре Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Мария Ильинична уехали в Москву. Ленин за лето хорошо отдохнул и поправился.

Но зимой Ленин снова захворал, и на этот раз очень серьезно. Когда в мае Ильича привезли в Горки, он был тяжело болен.

Долгое время к Ильичу, кроме медицинского персонала, никого не допускали. Были приняты все меры к созданию для больного абсолютного покоя и тишины. Ленин начал быстро поправляться, и вскоре его стали вывозить на прогулку в парк.

К этому времени ему прислали для прогулок электроколяску. В мою обязанность входило содержать ее в исправности и заряжать аккумуляторы.

Разговаривать с ним врачи не разрешали, но Ильич всегда был рад встрече, смеялся, приветливо махал рукой, снимал кепку.

С каждым днем улучшалось его здоровье, а к октябрю он уже настолько хорошо себя чувствовал, что накануне закрытия сельскохозяйственной выставки потребовал машину для поездки в Москву.

Как ни отговаривали Владимира Ильича от этой поездки Надежда Константиновна и Мария Ильинична, он на своем настаивал.

Ильич стал понемногу ходить, даже подниматься по лестнице на второй этаж. Наконец врачи разрешили Ленину и некоторые развлечения.

Из Москвы привезли передвижной киноаппарат, и я стал демонстрировать фильмы, которые Ильич с удовольствием смотрел. Особенно заинтересовал его технический фильм о производстве тракторов на американских заводах Форда. При показе отдельных мест он даже просил уменьшить скорость движения киноленты.

Встречу нового, 1924 года решили ознаменовать елкой, которую устроили в помещении зимнего сада. Собрали всех детейшек служащих санатория, рабочих совхоза.

На елку пришел Ильич, и как же он был рад детворе! Он играл с ними, гладил их по головкам...

Сколько было у нас радости, что Ленину лучше, что он выздоравливает. Мы надеялись, что Владимир Ильич скоро вернется к работе, к руководству партией и государством...

19 января я должен был продолжать демонстрацию кинофильма о производстве тракторов на заводах Форда.

Я пришел, но Мария Ильинична сказала, что сеанс не состоится, так как у Ильича глаза слезятся, и если завтра профессор разрешит, то сеанс проведем через пару дней.

Когда меня в понедельник, 21 января, вечером позвали в дом, я думал, что речь будет идти о киносеансе. Поднявшись на второй этаж, я встретил Надежду Константиновну. Когда я увидел выражение ее лица, у меня сердце упало, а она говорит:

— Вот у нас и нет теперь Ленина...

И тут я понял, что в мире произошла величайшая катастрофа.

Весть о смерти Ленина разнеслась молниеносно, и назавтра утром толпами стали приходить из окрестных деревень крестьяне и крестьянки, многие из них с маленькими детьми на руках. Когда гроб с телом Ленина несли к железнодорожной станции, на протяжении двух с половиной километров сплошной стеной стоял народ.

По пути следования траурного поезда в Москву не только на станциях, но и на перегонах, в поле стояли массы людей, провожая в последний путь любимого учителя, друга, товарища. А что делалось в Москве!

После похорон всю зиму 1924 года я ездил по деревням Домодедовской волости, демонстрируя кинокартину «Смерть Ленина». Сколько неподдельных слез видно было на лицах людей! Не только женщины, но и старики плакали навзрыд — так дорог всем был Владимир Ильич.

Народная любовь к Ленину неиссякаема, безгранична.

ТОВ. ЛЕНИН НА ОТДЫХЕ

Заметки

Мне кажется, что не следовало бы писать о «тов. Ленине на отдыхе» теперь, когда отдых кончается и тов. Ленин скоро вернется к работе. Кроме того, впечатлений у меня так много и они так ценны, что писать о них в виде маленькой заметки, как этого требует редакция «Правды», не вполне целесообразно. Тем не менее приходится писать, ибо редакция настаивает.

Мне приходилось встречать на фронте старых бойцов, которые, проведя «напролет» несколько суток в непрерывных боях, без отдыха и сна, возвращались потом с боя как тени, падали как скошенные и, проспав «все восемнадцать часов подряд», вставали после отдыха свежие для новых боев, без которых они «жить не могут». Тов. Ленин во время моего первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвел на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха. Свежий и обновленный, но со следами усталости, переутомления.

«Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает тов. Ленин, — мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины».

Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеемся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике.

Поражает в тов. Ленине жадность к вопросам и рвение, непреодолимое рвение к работе. Видно, что изголодался. Процесс эсеров, Генуя и Гаага¹, виды на урожай, промышленность и

¹ Имеются в виду международные конференции по экономическим и финансовым вопросам, проходившие в Генуе (10 апреля — 19 мая 1922 г.) и в Гааге (15 июня — 20 июля 1922 г.). *Ред.*

финансы — все эти вопросы мелькают один за другим. Он не торопится высказать свое мнение, жалуясь, что отстал от событий. Он главным образом расспрашивает и мотает на ус. Очень оживляется, узнав, что виды на урожай хорошие.

Совершенно другую картину застал я спустя месяц. На этот раз тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе — прошел голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурил глаз...

Зато и беседа наша на этот раз носит более оживленный характер.

Внутреннее положение... Урожай... Состояние промышленности... Курс рубля... Бюджет...

«Положение тяжелое. Но самые тяжелые дни остались позади. Урожай в корне облегчает дело. Улучшение промышленности и финансов должно прийти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить государство от ненужных расходов, сократив наши учреждения и предприятия и улучшив их качественно. В этом деле нужна особая твердость, и тогда вылезем, наверняка вылезем».

Внешнее положение... Антанта... Поведение Франции... Англия и Германия... Роль Америки...

«Жадные они и глубоко друг друга ненавидят. Раздерутся. Нам торопиться некуда. Наш путь верен: мы за мир и соглашение, но мы против кабалы и кабальных условий соглашения. Нужно крепко держать руль и идти своим путем, не поддаваясь ни лести, ни запугиванию».

Эсеры и меньшевики, их бешеная агитация против Советской России...

«Да, они задались целью развенчать Советскую Россию. Они облегчают империалистам борьбу с Советской Россией. Попали в тину капитализма и катятся в пропасть. Пусть барахтаются. Они давно умерли для рабочего класса».

Белая пресса... Эмиграция... Невероятные легенды о смерти Ленина с описанием подробностей...

Товарищ Ленин улыбается и замечает: «Пусть их лгут и утешаются, не нужно отнимать у умирающих последнее утешение».

15 сентября 1922 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

Я — бывший батрак, в 1917 году бросил работать у кулака и вступил в ряды большевистской партии, а затем в отряды Красной гвардии. Мы пошли за Лениным, так как его призывы были единственно правильными, отвечающими интересам народа.

По окончании гражданской войны меня направили на курсы красных командиров, откуда я был досрочно взят на пополнение вновь организованного отряда особого назначения при коллегии ВЧК — ОГПУ. Выполняя здесь различные поручения, я мечтал увидеть В. И. Ленина. Вскоре такой случай мне представился. Я был направлен для охраны заседаний IV конгресса Коминтерна, проходивших в Кремлевском дворце. В. И. Ленин в сопровождении близких и друзей шел на заседание конгресса, о чем-то громко разговаривая. Когда он вошел в зал заседаний, все делегаты поднялись и приветствовали его бурной, восторженной овацией. Я тогда подумал, что Ленина любят не только наш народ, но и народы всех стран.

Заседания IV конгресса Коминтерна совпали со славным пятилетием существования Советской власти. На конгрессе присутствовали представители от 58 коммунистических организаций различных стран. С напряженным вниманием слушали делегаты доклад В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», который он делал на немецком языке.

Вскоре, в декабре 1922 года, членом коллегии ГПУ А. Я. Беленьким (в распоряжении которого я находился) я был рекомендован Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому для какого-то особого назначения. Представил меня тов. Беленький следующими словами: «Вот этого товарища рекомендуют». Ф. Э. Дзержинский поздоровался со мной за руку и сказал: «Я его не знаю, но если рекомендуют, то я не буду возражать». Потом спросил: «Вы коммунист?». Я ответил утвердительно. Помню,

он сказал, что работа там несложная, но очень ответственная, почетная, что надо быть честным коммунистом. Прощаясь, он пожелал мне всего хорошего на новой службе. Я заверил тов. Дзержинского, что буду стараться все точно выполнять.

Куда меня направляют, я не знал, знал только, что мне нужно сейчас явиться в Кремль в распоряжение П. П. Пакална, который скажет, что надо делать. О том, что я направлен в личную охрану Владимира Ильича Ленина, я узнал лишь к концу дня. Какова же была моя радость! Ведь теперь я каждый день буду видеть его, буду учиться у него.

Но, к большому сожалению, мне мало пришлось находиться с В. И. Лениным в Кремле. Болезнь Владимира Ильича все чаще давала себя знать, и вскоре он переехал в Горки. Но и этого небольшого срока, на протяжении которого мне довелось наблюдать Владимира Ильича в Кремле на работе и в домашней обстановке, было достаточно, чтобы на всю жизнь в моей памяти запечатлелся его обаятельный образ.

Мне навсегда запомнились его коренастая фигура, высокий, умный лоб, глаза, живые и добрые; всегда аккуратно выбритый; скромно одетый: костюм на нем поношенный, но чистый. В общем, вид самого простого, обыкновенного человека. При встрече Ленин обычно со всеми здоровался первым.

В Кремле у кабинета и квартиры В. И. Ленина несли двоящую караульную службу: один сотрудник, в штатском, — от нас, его личной охраны, другой часовой, в военной форме, — из курсантов военной школы ВЦИК. Поручения Ленин всегда давал дежурному сотруднику, а не часовому.

Помню, был такой случай. Владимир Ильич подошел ко мне и говорит: «Товарищ, ко мне скоро придут два иностранца, это профессора из Швейцарии. Вы их пропустите, ничего у них не спрашивайте». Я, вытянувшись, отвечаю: «Хорошо, все будет исполнено». Потом он подумал и спрашивает: «А вы их знаете в лицо?» И тут же напомнил мне: «Помните, они уже у нас были». Я замялся. Увидев это, Ленин вернулся к себе в кабинет, затем вышел оттуда с газетой в руке и говорит: «Вот их фотографии, присмотритесь хорошенько и ничего у них не спрашивайте». Ушел он только тогда, когда убедился, что я понял, о ком идет речь. Через несколько минут по длинному коридору прошли эти лица прямо в его кабинет.

А я подумал: почему он не хотел, чтобы у них проверяли пропуска? После я узнал, что Ленин вообще не любил создавать кому бы то ни было излишних затруднений и, пропуская кого-либо к себе, прежде всего требовал вежливого отношения и уважения к посетителю. По правде сказать, не любил он излишней охраны. Мы старались поменьше показываться ему на глаза.

Постоянным местом отдыха В. И. Ленина были Горки, в 35 километрах от Москвы. Когда Владимир Ильич серьезно заболел, он все чаще находился там. Дом в Горках, где жил Владимир Ильич последнее время своей жизни, назывался «большим домом». В парке было еще два маленьких дома, в одном из которых жили заведующий совхозом «Горки» А. А. Преображенский и мы, охрана В. И. Ленина, а второй домик был использован под столовую санатория МК, там же готовили пищу для Владимира Ильича.

Большой дом в Горках расположен в красивом старинном парке фасадом к деревне того же названия — «Горки». Этот дом, принадлежавший до революции московскому градоначальнику Рейнботу, был хорошо обставлен и имел телефонную связь с Москвой. В то время телефонной связи загородных мест с Москвой, кроме Горок, нигде не было.

В декабре 1922 года у В. И. Ленина повторился приступ болезни. Ему было запрещено чтение газет, деловые свидания и вообще свидания, даже с друзьями, под страхом еще большего ухудшения здоровья. В январе 1923 года наступило некоторое улучшение здоровья, что дало возможность В. И. Ленину продиктовать свои последние статьи: «Странички из дневника», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» и другие¹.

Однако болезнь продолжала развиваться. В марте 1923 года произошло третье кровоизлияние в мозг. Болезнь вынудила Ильича прекратить всякую работу и, как оказалось потом, навсегда. Ленин был парализован, отнялась правая половина тела; он лишился речи, остались одни глаза, живые, но печальные. В мае его перевезли в Горки, где он оставался уже до самой смерти. Железная воля Ильича, казалось, снова начала побеждать болезнь, он стал практиковаться писать левой рукой, упражняться в речи. Каждый день на веранде Надежда Константиновна занималась с Владимиром Ильичем письмом и речью. Приходили его друзья, просившие разрешения хотя бы сквозь шторы взглянуть на Ильича. Слегка отодвигая штору, им удавалось видеть лишь его спину. Многие хотели посетить больного Ленина, но редко кого допускали к нему.

Владимира Ильича крайне тяготила болезнь; он хотел знать обо всем, но врачи ни в коем случае не разрешали ему ни читать, ни говорить о работе, об обстановке в стране, насыщенной волнующими событиями. В то время буржуазия подняла неистовый вой против Страны Советов; нота Керзона, убийство В. В. Воровского в Швейцарии. Нам — охране — говорили, что Ильича надо всячески оберегать от малейшего волнения, могущего вызвать тяжелые последствия. И все окружающие берегли и любили Ленина; не только семья и близкие, но и мы, сотруд-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 363—406. *Ред.*

ники из охраны Владимира Ильича, крепко его любили. Каждый из нас без колебания отдал бы свою жизнь за Ленина.

Однажды, кажется летом 1923 года, по моей оплошности произошел случай, к счастью, закончившийся благополучно. Я получил почту и газеты. Увлечшись чтением фельетона из газеты «Беднота», я не заметил, как Ильич, опираясь на плечо фельдшера Казимира Зорьки, идет к дежурному столу. Глаза его загорелись, когда он увидел у меня на столе газеты, которые мне следовало вовремя спрятать.

Ильич подошел к столу, поздоровался со мной и потребовал все газеты. Я стою в ужасе, не знаю, что делать. Мария Ильинична взглянула на меня уничтожающим взглядом, дескать, что же ты наделал? Но Надежда Константиновна, с ее изумительной выдержкой и тактом, улыбаясь Ильичу, говорит ему ласково: «Хорошо, Володя, мы сейчас прочитаем новости». Она берет со стола все газеты и, далеко не уходя, тут же, возле большого дома, садится вместе с ним на скамейку и начинает читать газеты. Надежда Константиновна хорошо знала, что ему можно было читать. Она читала о стройке фабрики, о подвозе эшелона с картофелем в Москву, об улучшении быта рабочих на одном из предприятий и т. п. Она умело обходила острые моменты в международной политике, кое-что тут же сама сочиняла.

Этой прогулкой Ленин, как никогда, был доволен. Вместе с ним и все были довольны. Возвращались с прогулки радостными; Ильич был весел и немного возбужден. Все радовались и забыли про мою оплошность. Даже Мария Ильинична весело на меня взглянула. С этого времени Ленину стали читать не только книги, но и газеты.

Ленин любил прогулки; летом гуляли в парке, а чаще уезжали на машинах в лес. Любил он собирать грибы, вернее смотреть и указывать, если кто мимо них проходил. Приезжали в лес, выбирали подходящее место, Ильича переносили из машины в плетеную коляску, и кто-нибудь из нас — охраны — возил коляску. Прогулки повышали жизненный тонус у Владимира Ильича, он возвращался обычно в хорошем настроении и с лучшим аппетитом. В последние месяцы он проводил на воздухе ежедневно до трех часов.

Среди нас, окружающих, сложилось твердое мнение, что Владимир Ильич к следующему, 1924 году будет здоров. Врачи советовали отправить Ленина в Крым. Весной 1924 года, думали мы, вывезем его в Крым, там хороший климат, подлечится наш Ильич и снова станет у руля правления.

Сам Владимир Ильич надеялся, что он снова будет работоспособным. Помню, осенью 1923 года ЦК Английской компартии прислал Владимиру Ильичу красивую автоматическую коляску, которая стояла на первом этаже, где Ильич часто

завтракал с семьей. Ее показали Владимиру Ильичу. Взглянув на коляску, он отрицательно покачал головой и, отстранив от себя фельдшера, опираясь на палку, самостоятельно прошелся по всему залу и, улыбаясь, сел за стол. Мы были поражены и страшно обрадованы.

А в октябре 1923 года Ленин вдруг решил поехать в Москву. Надежда Константиновна, Мария Ильинична и врачи его отговаривали, но он и слушать никого не хотел: ехать в Москву, и только.

И вот по настоянию Ленина выехали. С ним поехали Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Пакалн, а на двух машинах мы, охрана. Приехали в Кремль, где в это время на площади происходили занятия курсантов школы ВЦИК. Подъехав поближе к курсантам, Владимир Ильич снял кепку и приветствовал их. В Кремле он еще раз посмотрел свой рабочий кабинет и квартиру. После уговоров он согласился вернуться в Горки. По дороге заехали на Сельскохозяйственную выставку, находившуюся на территории теперешнего Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Поздно вечером вернулись в Горки¹.

Свежий воздух, лечение помогли Ленину. Начала восстанавливаться речь, он систематически учился писать левой рукой, значительно окрепла нога. Ленина начал стеснять уход за ним, он старался сам передвигаться по комнате и даже по лестнице (для чего ему сделали особые перила).

19 января 1924 года я дежурил ночью у Владимира Ильича. Утром, когда мне надо было уже уходить, Ильич не вышел к завтраку. Подошел грустный Петр Петрович и говорит: «Ильичу сегодня что-то нездоровится, на прогулку не поедет». А через некоторое время Мария Ильинична посылает меня на машине за доктором Ферстером в Боткинскую больницу. В доме опять горе. Все ходят мрачные. Надежда Константиновна и Мария Ильинична безотлучно находятся у постели Ильича. Часто звонят по телефону из ЦК, СНК, ОГПУ — все спрашивают, как здоровье Ленина. В доме напряженная обстановка, все молчат. Только пройдет Мария Ильинична, сделает замечание, что кто-то шумит, что часто звонит телефон, что стучат сапогами и пр. Одеваю валенки, чтобы неслышно ступать.

20 января. Около часа ночи Ленин впал в беспамятство. Все в тяжелом горе. Приехали из ЦК партии, съехались все лечившие Ленина врачи. Здесь Крамер, Ферстер, Розанов, Обух, Гетье, Семашко. Говорят, приступ кончился, но Ильич ослаб, он ничего не ел со вчерашнего дня.

21 января. Звонки, тревога, все спрашивают, как здоровье Ленина, врачи от него не отходят, а вместе с врачами тут

¹ Автор ошибается, В. И. Ленин приезжал в Москву 18, а вернулся в Горки 19 октября 1923 года. *Ред.*

же третьи сутки не отходят от него его близкие — жена и сестра.

Вдруг выходит Мария Ильинична, бежит к телефону и в ужасе говорит: «Ленин умер». Бросила как попало трубку и снова побежала в комнату Ленина. Я тихонько кладу трубку на рычаг. Не верится. Нет, не может этого быть, Ленин жив, тут какая-то ошибка врачей. Без конца звонки: «Как Ильич, что с ним?» Я отвечаю: «Ленин жив». Снова и снова звонки. Как будто вся Москва узнала о горе, и все спрашивают: «Как Ленин?». Снова тот же ответ: «Ленин жив». Находившиеся в то время в Горках корреспонденты газеты «Правда» спрашивают, что Мария Ильинична сказала по телефону, как чувствует себя Ильич. Отвечаю: «Ильич жив».

Через некоторое время ко мне подошел начальник охраны тов. Пакалн, весь в слезах, и говорит: «Пойди, скажи ребятам, что Ленин умер». Иду выполнять последнее поручение. Вхожу в помещение. Меня встретили вопросом: «Ну что... говори скорее!». Я отвечаю: «Ребята, Ленин умер».

Это была страшная весть, все плакали. Потом пошли в оранжею совхоза, набрали цветов и с ними направились в последний раз к Ленину, прощаться.

Большой светлый зал, посредине стол, на нем Ленин, самый дорогой всем человек. Положив цветы, сами все стали возле него в почетный караул. Здесь же, ни на минуту не отходя, сидели Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Затем приехали делегаты II съезда Советов СССР, члены Политбюро Центрального Комитета партии и члены правительства, стали в почетный караул. Здесь же, в библиотеке, члены Политбюро провели совещание о порядке похорон.

Я стоял у своего стола, подошла Н. К. Крупская, подавленная горем, не узнать ее, что-то говорит, губы шевелятся, а звука нет. Чуть слышно сказала: «Не уберегли».

Мария Ильинична стоит, вокруг нее лечившие Ленина врачи, что-то ей говорят, а она смотрит на них, полна не только горя и печали, но и упрека. Я тоже подумал: «Неужели вы, светила науки, не могли спасти Ленина».

Всю ночь 21 и весь день 22 января народ со всех окрестных сел и деревень шел и шел отдать последний долг Ильичу.

23 января 1924 года — вынос тела из Горок. Большой дом полон людей. Члены ЦК, наркомы, руководители учреждений, рабочие, крестьяне — все идут за гробом с телом великого Ленина. Гроб на руках несут члены Политбюро до станции Герасимово (в трех километрах от Горок). Стужа невероятная, но люди идут без шапок.

На станцию Герасимово подан специальный поезд, гроб поставлен в особый вагон. Когда поезд проезжал станции

Расторгуево, Бирюлево, Коломенское,— везде его встречали тысячи народа, все хотели последний раз увидеть В. И. Ленина.

В Москве, на перроне Павелецкого вокзала, гроб с телом В. И. Ленина встречали его соратники: М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский и другие. Бережно подняв гроб на плечи, они понесли его по улицам Новокузнецкой, Пятницкой и другим в Дом Союзов. Улицы, где проходила траурная процессия, были переполнены людьми. Несмотря на то что стояли сильнейшие морозы, в домах были открыты окна и двери; на крышах и заборах — всюду люди, весь народ провожал любимого вождя в последний путь. Общее горе объединило людей. На улицах был порядок, не было давки, толкотни. Несмотря на сильную стужу, все шли прощаться со своим вождем. В течение четырех суток в полном порядке двигались люди к Дому Союзов, на улицах горели костры.

Все эти дни я находился в Доме Союзов у гроба В. И. Ленина. Врачи с трудом успевали оказывать помощь людям, терявшим сознание. Велико было горе людей, потерявших любимого вождя и учителя.

*Исторический архив, 1958, № 2,
с. 159—163*

МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ У ЛЕНИНА

Владимир Ильич был в полном смысле слова учителем. Общение с ним играло прямо-таки воспитательную роль. Он учил своим примером, своими указаниями, своим руководством, всем обликом своей личности.

Несколько разрозненных черт его личности я хотел бы в немногих словах зафиксировать, чтобы обратить на них внимание молодых читателей. Они не имели счастья учиться непосредственно у Ленина, но, может быть, эти разрозненные указания помогут им понять, чему следует учиться у Владимира Ильича.

Прежде всего, Владимир Ильич отличался абсолютной точностью во всякой своей работе и настаивал на такой же абсолютной точности со стороны всякого работавшего вместе с ним. Всякое утверждение должно было быть точно обосновано и всякое обоснование должно было быть точно изложено. Работавший с Владимиром Ильичем сейчас же чувствовал, что обыкновенное разговорное утверждение, обоснование которого не разработано со всей точностью, ничего не стоит. Для точного утверждения требуются имена, перечисления, цифры, цитаты, вообще строго проверенные конкретные данные. Лучше сработать меньше, но сработать со всей необходимой отчетливостью и обоснованностью, лучше ничего не говорить, чем приводить необоснованные утверждения. Особенно характерны были те вопросы, которые Владимир Ильич по поводу каких-либо возникавших тем посылал в своих записочках. Эти вопросы содержали в сущности точный анализ затронутой темы и определяли рамки, в пределах которых тема должна была быть разработана.

Пусть всякий, кто хочет учиться у Ленина, запомнит: никаких поспешных заключений! Никаких непроверенных утверждений! Никаких скороспелых фраз, не являющихся точным выводом из строго проверенных данных!

Этому соответствовала и точность самой мысли Владимира Ильича. Не только каждое утверждение должно было быть точным выводом из проверенных данных, но самая мысль должна была быть настолько продумана, проработана и отшлифована, чтобы в ней не осталось ничего расплывчатого и неясного и чтобы вся она от начала до конца отличалась полной ясностью и определенностью. Дорабатывать до конца свою собственную мысль — вот чему учился всякий при общении с Владимиром Ильичем. В. И. Ленин постоянно вышучивал со своим неподражаемым юмором всякую расплывчатую, неясную и недодуманную мысль. Его собеседник учился у него тому, что всякая человеческая мысль должна быть добросовестной работой, а не безответственным самоуслаждением или блефом. Пусть всякий учится у Владимира Ильича тому, что мысль есть нечто гораздо большее, чем настроение и инстинкт. Она должна быть логически доведена до конца.

Третье, чему научался у Владимира Ильича тот, кто с ним работал, — это необходимости прежде всего ясно видеть реальные факты. Когда собеседник Владимира Ильича пускался в теоретические рассуждения или проявлял склонность к дедуктивному мышлению, столь у нас распространенному, Владимир Ильич всегда ставил перед его глазами точные, определенные реальные факты живой действительности. Это именно свойство его так ярко проявилось во время обсуждения вопроса о подписании Брестского мира. Бесконечным теоретическим рассуждениям Владимир Ильич противопоставлял голые факты во всей их безжалостности. Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громаднейшим ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений, Владимир Ильич непогими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности. Это именно делало его таким неподражаемым мастером ведения политики и таким страшным противником наилучших мастеров иностранной дипломатии. Всякий пусть учится у Владимира Ильича этому основному правилу: наблюдай реальные факты живой жизни, не заменяй их вычитанными теориями или приятными иллюзиями.

В-четвертых, работа с Владимиром Ильичем означала точное выполнение полученных директив, основанных на реальных фактах и представляющих из себя отчетливые и доработанные до конца мысли. Не только умеи точно мыслить, не только умеи видеть факты, как они есть. Умеи также с абсолютной точностью делать то, что выработано как ясная мысль и как точная директива. Владимир Ильич больше всего ценил тех исполнителей, которые умеи видеть обстановку во всей ее

реальности, умели понять, что в этой обстановке должно быть сделано, и с полнейшей точностью, несмотря ни на какие препятствия, умели это сделать. Я помню, например, его разговор по прямому проводу с товарищем, который после отъезда антантовских послов из Вологды, бывшей настоящим убежищем и гнездом белогвардейщины, проводил в Вологде необходимые меры по ликвидации этого притона. Его сообщения указывали, что он ясно и точно видит, что кругом делается, ясно и точно об этом сообщает. И когда ему давались директивы, он со всей необходимой энергией, ни пред чем не останавливаясь, сразу делал нужное. Я помню, как по прямому проводу Владимир Ильич его благодарил. Эта точность выполнения, соответствующая точности в наблюдении реальных фактов и точности в мышлении, должна была проявляться не только в крупных делах, но и в самых мелких. Надо учиться и этому у Владимира Ильича: относиться с полной серьезностью к самому мелкому делу, выполняй его со всей добросовестностью и со всей аккуратностью.

Чему трудно было научиться у Владимира Ильича — настолько он в этом превосходил всех своих собеседников, — это его умению во всем, до последних мелочей, проводить полнейшую систематичность. Где бы он ни находился, вся его работа, весь день были всегда строго систематически распределены. Такая же строгая система господствовала в его книгах, в его бумагах, вообще во всей его личной жизни. И в нашей советской работе он был учителем строгого проведения систематичности. Он всегда требовал, чтобы всякое дело было в порядке, чтобы строго применялась нумерация, чтобы законные формы были соблюдены, и на всякую подаваемую ему бумажку он прежде всего смотрел критическим взглядом и указывал на имеющиеся в ней формальные дефекты, являющиеся нарушением законных форм, то есть существующей системы. И в этом отношении он учил тому, что нет мелких дел, что никакой мелочью нельзя гнушаться, что строгая систематичность работы должна быть проведена также и в мельчайших деталях каждого дела.

Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована, рациональна и обдумана, без господства случайностей и халатности. Все должно быть строго обдуманно, не должно быть распушенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом — вот чему учились у него те, кто с ним работал.

Деловые соображения должны господствовать над личными, всякий личный момент должен отступать перед интересами дела — этим принципом Владимир Ильич был настолько весь проникнут, что в разговорах с ним просто неловко было ссылаться на какие-либо личные соображения, когда речь шла об интересах дела; собеседник Владимира Ильича невольно чувствовал, что, когда говоришь о деле, стыдно думать о каких-либо личных соображениях. Я никогда не видел Владимира Ильича более раздраженным, чем в те моменты, когда личная склока привносилась в деловую работу, когда деловые аргументы заменялись личными пападками и склокой, когда вместо того, чтобы говорить о деле, говорили о личных обидах или о личных качествах тех или других участников дела. В такие моменты у Владимира Ильича вырывались наиболее резкие реплики или наиболее резко составленные записки. Думай только о деле, не думай о личных соображениях, пусть сознательно поставленная цель господствует над личными чувствами и над личными обстоятельствами — вот чему учились у него работавшие с ним. Вместе с тем он отличался самой тонкой деликатностью по отношению к своим сотрудникам, он умел даже неприятное облечь в такую мягкую и тактичную форму, которая совершенно обезоруживала собеседника. И от тех, кто с ним работал, он требовал такой же деликатности и тактичного отношения к окружающим. Государственные меры должны были проводиться безжалостно, всякое сопротивление, противодействие, саботаж, халатность, леность должны были караться безжалостно, но, поскольку люди работали друг с другом и удовлетворительно выполняли свою работу, он требовал деликатного отношения к сотрудникам и не допускал выражений нетерпения и резкостей.

Высшим же его качеством в его деловой работе надо признать его сознательное подчинение коллективу даже в тех случаях, когда коллектив, по его мнению, ошибался. При своем колоссальном авторитете он в большинстве случаев убеждал своих товарищей по организациям, советским или партийным. Бывали, однако, случаи, когда его мнение не проходило и он оказывался в меньшинстве. Его подчинение организации было полным и безоговорочным. Он никогда не действовал голым авторитетом, а только аргументами и убеждениями, и он никогда не пускал в ход факта своего беспримерного влияния, чтобы преодолевать сопротивление инакомыслящих, а всегда аргументировал, убеждал и не успокаивался, пока не убедит других. Я получал от него несколько последовательных записок с новыми аргументами, когда он старался меня в чем-нибудь убедить. Я помню его спор по одному большому личному внутрипартийному вопросу с очень видным товарищем. Изложив свои аргументы, Владимир Ильич сказал: «Я убежден, что

пред всяким партийным собранием я докажу, что вы неправы, и что всякое партийное собрание с этим согласится». Он никак не мыслил иначе победу над инакомыслящим, кроме как в форме победы своей аргументации в пределах организации.

Пусть подрастающая молодежь учится на его живом примере. В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы, одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией.

3-го февраля 1924 года.

*Молодая гвардия. 1924, № 2-3,
с. 17—20*

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В конце декабря 1922 года Владимир Ильич уже не выходил больше работать в свой кабинет. Ему запрещена была всякая работа и даже встречи с товарищами, так как последние неизбежно влекли бы за собой деловые разговоры, без которых нельзя было представить себе Владимира Ильича.

Лишь два раза в день по нескольку минут он мог писать свой дневник, диктуя его или тов. Фогневой, или мне. Обычно это было днем, около 12 часов, и чаще вечером, около 6 часов. Половина шестого, без четверти шесть — у меня уже было напряженнейшее состояние.

За все время работы около Владимира Ильича с 1918 года у нас было в порядке вещей работать с утра до позднего вечера, часто за полночь.

А во время его болезни секретариат Совнаркома был для нас местом, откуда нас никакими силами нельзя было извлечь.

В 6 часов туда заходила Мария Ильинична или из квартиры Владимира Ильича звопили в секретариат, и я шла к Владимиру Ильичу.

Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой столик, за который я садилась записывать. Владимир Ильич обычно просто, по-товарищески, приветливо здоровался, протягивая левую руку, и только беспокоился, не слишком ли часто я дежурю, почему я такая бледная, спрашивал, правильно ли у нас соблюдается очередь дежурств, и прибавлял, грозя пальцем: «Смотрите, а то я...». Самым тяжелым наказанием, конечно, было бы быть лишенной возможности работать у Владимира Ильича, видеть и слышать его почаще, будучи сосланной хотя бы в самый лучший санаторий.

В наших служебных записях сохранился перечень тем, которые наметил себе Владимир Ильич, и в течение работы он запрашивал, все ли они исчерпаны им или остались темы нераз-

рабочие. Насколько сейчас помню, Владимир Ильич придерживался этого порядка тем во все время своей работы.

Таким образом, им были продиктованы все последние статьи, появившиеся в печати в 1923 году: «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

Особенно врезался в память один вечер, когда Владимир Ильич, закончив диктовать статью «Лучше меньше, да лучше», попросил меня прочитать ее всю целиком, частью сам читал вслух, указывая, где и какую поправку или дополнение внести. В этот вечер он был настроен очень весело. И смеялся так, как он один умел смеяться. Так много бодрости было в его смехе. Теперь, когда товарищи упоминают в своих выступлениях статью Владимира Ильича, она неизменно ассоциируется у меня с тем вечером, который так поднял настроение Владимира Ильича. Когда Надежда Константиновна, обеспокоенная тем, что Владимир Ильич захватил себе для работы больше времени, чем полагается, заглянула в комнату, он шутливо защищался таким образом: «Ведь я читаю, а не диктую, а читать мне Негг Профессор¹ разрешил!»

За весь этот период, с конца декабря 1922 года до начала марта 1923 года, когда болезнь положила конец работе Владимира Ильича, он никогда не давал почувствовать, что он болен. Это был тот же Владимир Ильич, которого все мы знали, Владимир Ильич, глаза которого так зорко и неустанно смотрели далеко вперед, мысль которого работала так глубоко и сердце которого билось для трудящихся. Так ярко было обаяние силы его духа, что то, что он лежал, диктовал, а не работал, как обычно у себя в кабинете, — это казалось временным, незначительным препятствием, с которым, думалось, несомненно, Владимир Ильич скоро справится, потому что трудности были созданы не для того, чтобы Владимир Ильич не мог их преодолеть.

Физически Владимира Ильича нет.

Но наша партия впитала в себя его дух. Она — стальная. Она под ударами гнется, но не ломается. И не сломается.

А ударов было много и будут еще впереди. Наша настоящая задача в том, чтобы выполнять указания партии Ленина так, как мы стали бы выполнять распоряжения Ленина, если бы он был жив, и так, как он учил нас: терпеливо и настойчиво.

Правда, 1926, 21 января, с. 5

¹ — господин профессор. *Ред.*

НЕИССЯКАЕМАЯ ЭНЕРГИЯ¹

(Конец мая — ноябрь 1922 года)

Долгие тяжелые годы эмиграции, последствия ранения, переутомление от нечеловеческого напряжения сил подорвали здоровье Владимира Ильича. Уже к концу 1921 года он начал страдать сильными головными болями и упорной бессонницей.

По предложению Владимира Ильича в декабре 1921 года А. Д. Цюрупа был назначен заместителем Председателя СНК и СТО, с освобождением его от Наркомпрода, а через несколько месяцев на те же должности был дополнительно назначен А. И. Рыков.

В. И. Ленин работал, совершенно не щадя своих сил. Ни просьбы, ни убеждения врачей, родных и ближайших товарищей уделять внимание своему здоровью не имели успеха. Постоянно заботясь о здоровье и своевременном отдыхе товарищей, настаивая на «капитальном ремонте» наиболее заработавшихся и переутомленных, Владимир Ильич решительно отклонял все обращенные к нему просьбы отдохнуть и полечиться и, отделяваясь шуткой, говорил, что пока еще довольствуется «текущим ремонтом». Ничто не могло отвлечь его от дела, которому он посвятил свою жизнь. Владимир Ильич продолжал свою огромную, многогранную деятельность.

В январе — мае 1922 года, числясь в отпуске по болезни и живя за городом, Владимир Ильич фактически продолжал осуществлять руководство партией и Советским государством. Ни один принципиально важный вопрос, хозяйственный или политический, касающийся внутреннего или международного положения, не проходил без его непосредственного участия или руководящих указаний. Достаточно сказать, что только в январе 1922 года Владимиром Ильичем было написано около 100 писем, записок и других документов. Владимир Ильич по-прежнему поражал всех своей энергией и творческой инициативой. Глубо-

¹ Воспоминания публикуются с сокращениями. *Ред.*

кое чувство ответственности перед народом и горячая любовь к Родине помогали ему преодолевать болезнь.

Наряду с повседневной текущей работой Ленин писал в эти же месяцы своего «отпуска» теоретические работы большого принципиального и политического значения, например:

проект тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики»; он был принят Политбюро ЦК РКП(б) 12 января 1922 года и опубликован от имени ЦК РКП(б) 17 января 1922 года и затем принят XI съездом РКП(б);

«Проект директивы Политбюро о новой экономической политике», утвержденный Политбюро 16 января 1922 года и врученный паркомам для руководства;

не законченная статья «Заметки публициста. О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.»¹;

важнейшая философская статья «О значении воинствующего материализма», опубликованная в № 3 журнала «Под знаменем марксизма», созданного по инициативе Владимира Ильича².

Живя за городом, в Болшеве, в Корзинкине и позже в Горках, Владимир Ильич много раз приезжал в Москву и выступал с большими политическими докладами, провел огромную подготовительную работу к XI съезду партии. Он руководил съездом, выступал на нем пять раз, в том числе с большим докладом — политическим отчетом ЦК РКП(б), активно участвовал в обсуждении решений съезда, вносил свои предложения. Такая напряженная деятельность не могла не сказаться на состоянии здоровья Ленина, и без того уже подорванного.

Еще весной 1922 года врачи рекомендовали Владимиру Ильичу отдохнуть на юге. В письмах к Серго Орджоникидзе Владимир Ильич просит помочь ему выбрать подходящее место для отдыха...

Эта поездка не состоялась.

Позже Мария Ильинична вспоминала, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна собрались поехать на Кавказ, но «пошла болтовня» и решили ехать на Урал. Все было приготовлено. Но эта поездка тоже не состоялась, помешала болезнь Владимира Ильича.

Усилившиеся головные боли и общее ухудшение состояния здоровья Владимира Ильича побудили врачей искать причину нездоровья в влиянии на его организм окисления пуль, оставшихся в теле после ранения. В связи с этим 23 апреля в 12 часов дня Владимиру Ильичу сделали операцию по извлечению

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 341—352, 356—357, 415—423. *Ред.*

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 23—33. *Ред.*

одной из двух пуль. Операция производилась в Боткинской больнице. Была извлечена пуля, застрявшая в области ключицы... Операция прошла благополучно. 27 апреля были сняты швы, и в тот же день Владимир Ильич председательствовал на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Однако операция не оказала положительного влияния на здоровье Владимира Ильича.

Во второй половине мая встал вопрос о настоящей необходимости немедленного длительного лечения и отдыха Владимира Ильича.

Но Владимир Ильич не допускал и мысли о полном перерыве в работе. Готовясь к отъезду в Горки, он принимал все меры к тому, чтобы и в дальнейшем получать исчерпывающую информацию о текущей работе всех учреждений...

На своих секретарей Владимир Ильич возлагал обязанность аккуратно следить за исполнением его требований. Они должны были также сообщать о всех поступающих для него книгах и журналах, посылать ему важнейшие из них и перечень остальных. «Из русских газет аккуратно посылать *«Правду»*, *«Известия»* и *«Экономическую Жизнь»*.

Сноситься регулярно с *Коммунистическим Интернационалом* и с *НКВД* с просьбой присылать *важнейшие* иностранные издания, особенно брошюры по текущим вопросам.

Из заграничных русских изданий посылать «Накануне», «Социал-Демократ» (меньшевиков), «Зарю» (меньшевиков), «Современные Записки» (эсеров), «Русскую Мысль» и *перечень* остальных изданий, брошюр и книг¹...

В Горках Владимир Ильич поселился в Северном флигеле на втором этаже, в маленькой, скромно обставленной комнате и долго не соглашался перейти в Большой дом. Доктор А. М. Кожевников², лечивший Владимира Ильича с 29 мая 1922 года, вспоминает, что он застал Владимира Ильича в маленькой комнате с двумя окнами на запад и на север. Перед окнами — большие деревья, затемнявшие свет. На окнах — металлические сетки от комаров. Обстановка: кровать, небольшой письменный стол, заваленный книгами, комод, платяной шкаф. два-три стула разных стилей и фасонов. На полу — большой персидский ковер.

Лишь 11 июня удалось врачам и родным Владимира Ильича убедить его перейти в Большой дом, где он будет иметь возможность проводить многие часы на террасе, пользоваться воздухом. 12 июня Владимир Ильич перешел в Большой дом...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 269.

² Автор использовал в некоторых случаях записки доктора Кожевникова.

Владимира Ильича лечили лучшие русские и иностранные врачи. Он был окружен неустанным вниманием и заботами друзей и семьи. Едва начав поправляться, Владимир Ильич снова стремится к работе.

Во второй половине июня в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило некоторое улучшение. В это время лечившие его врачи Крамер, Кожевников и Ферстер считали уже возможным допускать к Владимиру Ильичу близких товарищей, но с условием не вести деловых разговоров. Это условие было неприемлемо для Владимира Ильича, и он предпочел отказаться от таких свиданий.

В эти дни Мария Ильинична писала в секретариат Владимира Ильича, что здоровье Владимира Ильича лучше, он жалуется на то, что надоело лежать, и просит запереть ящики его стола и ничего там не разбирать...

Начиная с середины июля 1922 года Владимир Ильич возобновляет свою политическую деятельность, которая по мере его выздоровления становится все более и более активной и охватывает все больший круг вопросов. Свыше 70 документов было написано Владимиром Ильичем за два с половиной месяца — с середины июля до его возвращения в Москву 2 октября 1922 года, когда он возобновил непосредственное руководство деятельностью партии и Советского государства. Однако имеющиеся документы далеко не раскрывают всей деятельности Владимира Ильича за эти месяцы. Огромное значение имели деловые беседы Владимира Ильича с руководящими работниками, после того как врачи разрешили Владимиру Ильичу принимать их. К сожалению, содержание этих бесед, указания Владимира Ильича, его мудрые советы не были зафиксированы. О них можно только догадываться по сохранившимся документам и скудным воспоминаниям. Но нет никакого сомнения, что эти беседы затрагивали все основные вопросы внешней и внутренней политики. Всегда бдительный, всегда стоящий на страже насущных интересов партии и Советского государства, Владимир Ильич своим авторитетом и влиянием обеспечивал правильные решения важнейших политических вопросов.

В первой половине июля Владимир Ильич, не приступая еще к работе Председателя Совнаркома и СТО и оставаясь в Горках, занимается рядом важнейших вопросов. Он получает весь необходимый информационный материал о работе Совнаркома, СТО и ЦК РКП(б), а также материалы по международным вопросам, внимательно читает протоколы заседаний и запрашивает недостающие номера, беседует по телефону и лично со многими руководящими работниками, приезжавшими к нему в Горки, получает письма, докладные записки, секретную почту из НКВД и ЦК РКП(б), которая по его распоряжению пересылалась ему нераспечатанной, дает поручения своему аппарату,

указания руководителям учреждений по различным вопросам большого политического и хозяйственного значения; требует присылки ему книг и журналов, советских и зарубежных, следит за работой XII Всероссийской конференции РКП(б) и V Всероссийского съезда профсоюзов, пишет приветствие V Всероссийскому съезду профсоюзов и все больше и больше включается в текущую работу по руководству Советским государством и партией...

В эти месяцы лечения и относительного отдыха Владимир Ильич особенно много просматривал книг, журналов и других печатных изданий...

Сохранился, хотя далеко не полный, перечень некоторых книг, газет и журналов, которыми пользовался Владимир Ильич летом и осенью 1922 года в Горках. Газет — 32 названия, большое количество их на английском языке, выходящих в Лондоне, Нью-Йорке, Калькутте. Несколько газет — на немецком, французском и итальянском языках. Журналы: «Коммунистический Интернационал», «Под знаменем марксизма», «Красная новь», «Красная книга», «Книга и революция», «Огонек», «Крокодил» и другие. 137 журналов на английском, французском и немецком языках; два тома Маркса и Энгельса; Гегель «Феноменология духа», «Наука логики»; несколько работ по вопросам экономики и политики Советского государства; художественная литература, в частности «Мои университеты» Горького и другие.

На многих книгах и журналах, полученных Владимиром Ильичем в Горках летом 1922 года, имеются его пометки, что свидетельствует о том, что Владимир Ильич их читал. Владимир Ильич подчеркивал или отчеркивал отдельные места текста, фамилии авторов и пр. На тех книгах, которые Владимир Ильич желал сохранить у себя в кабинете, он обычно надписывал карандашом: «Экз. Ленина»...

На материалах, которые Владимир Ильич считал нужным сохранить в своем секретариате, он обычно делал надпись: «В архив»...

14 и юля. В 12 часов 30 минут у Владимира Ильича был Каменев. Свидание продолжалось 1½ часа, из них ½ часа за обедом. Владимир Ильич жадно слушал рассказ Каменева, задавал вопросы, всем интересовался. Особенно ему было, по-видимому, приятно узнать о стабилизации рубля и о прекрасном урожае. Беседа шла также о работе ЦК РКП(б) и о положении в НКПС.

16 и юля. Владимир Ильич беседовал с Бухариным.

18 и юля. Профессор Ферстер разрешил Владимиру Ильичу до воскресенья читать газеты за май, июнь и июль, а с воскресенья начать читать новые газеты. Владимир Ильич очень этому обрадовался.

18 июля. Владимир Ильич пишет Сталину: «Поздравьте меня: получил разрешение *на газеты!* С сегодня на старые, с воскресенья *на новые!*»¹

20 и 21 июля. Владимир Ильич читал газеты и нервничал.

Чтение газет, несомненно, вызывало у Владимира Ильича стремление немедленного активного участия в политической жизни, влияния на политические события, о которых он узнает из газет. Вынужденная бездеятельность была ему тягостна.

21 июля Владимир Ильич дает указания о ремонте в его городской квартире. Требования Владимира Ильича были очень скромны. Он писал, что при ремонте, который следует провести в один или два приема, по указанию Марии Ильиничны, должны быть сделаны абсолютно звуконепроницаемые перегородки между комнатами, абсолютно нескрипучие полы, должна быть произведена очистка квартиры и устроена вентиляция... Если возможно, устройте еще форточки во всех комнатах (нечто вроде дыр в стенах) «...так, чтобы и зимой можно было держать притворенными всю ночь»². Ремонт затянулся, и в сентябре, перед возвращением в Москву, Владимиру Ильичу пришлось снова вернуться к этому вопросу.

27 июля при посещении Ферстера и Крамера Владимир Ильич рассказал, что в газетах его расстроило известие об убийстве Джемаль-паши. Владимир Ильич придавал этому большое политическое значение³.

28 июля Владимир Ильич получил письмо от Сталина, в котором он советует Владимиру Ильичу принять американского корреспондента. Владимир Ильич от этого категорически отказался.

30 июля было свидание со Сталиным, которое продолжалось 1 час 20 минут.

Здоровье Владимира Ильича быстро улучшалось, и он стал все больше тяготиться бездействием.

По мере выздоровления Владимира Ильича свидания его с руководящими работниками становились все чаще и продолжительнее. Нередко они носили характер настоящих деловых докладов и продолжались от одного до двух часов. С 11 июля по октябрь у Владимира Ильича перебывало около 30 человек. Некоторые из них — повторно. Среди них: М. И. Калинин, Г. И. Петровский, Л. Б. Красин, И. В. Сталин, А. И. Свидерский, И. И. Скворцов-Степанов, Л. Б. Каменев, Г. К. Орджоникидзе, Н. Л. Мещеряков, Н. Н. Крестинский, Д. З. Мануиль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 273.

² Андреев А., Панков Б., Смирнова Е. Ленин в Кремле. Госполитиздат, 1960, с. 82.

³ Джемаль-паша — видный младотурок, сторонник сближения с Советской Россией. 21 июля 1922 года убит неизвестными в Тифлисе, где был проездом.

ский, Ф. Э. Дзержинский, Л. М. Хинчук, Г. Е. Зиновьев, Е. А. Преображенский, Я. Э. Рудзутак, Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников, М. К. Владимиров, Х. Г. Раковский, Л. Д. Троцкий, руководящие товарищи из Грузии, Армении, Азербайджана и другие.

3 августа Владимир Ильич читал доклад наркомфина о финансовой политике и художественную литературу.

4 августа. В Москве собралась XII Всероссийская конференция РКП(б). Открывая конференцию по поручению ЦК РКП(б), председательствующий сообщил, что здоровье Владимира Ильича, по заключению авторитетнейших врачей, как русских, так и иностранных, восстановилось и ему нужен только временный отдых. За последние две недели члены Политбюро имели возможность видеть его и беседовать с ним по ряду вопросов.

По предложению петроградской делегации конференция единогласно приняла приветствие В. И. Ленину.

На вечернем заседании конференции 5 августа И. В. Сталин сообщил, что он был вызван к Ленину, который уполномочил его передать конференции благодарность за приветствие. При этом Владимир Ильич выразил надежду, что недалек тот день, когда он вернется на работу. Это сообщение было встречено бурными аплодисментами всех участников конференции.

7 августа Владимир Ильич чувствовал себя не совсем хорошо, тем не менее у него было свидание с Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровским и Н. Н. Крестинским.

11 августа у Владимира Ильича было короткое свидание с председателем Азербайджанского ЦИК С. А. Агамали-оглы. Владимир Ильич расспрашивал его о положении в Азербайджане.

15 августа был Сталин. Часовая беседа утомила Владимира Ильича.

16 августа Владимир Ильич пишет секретарю ЦК РКП(б) записку с просьбой распорядиться выдать вещи и оказать помощь с квартирой Л. Бороздич, пробывшей 12 лет на поселении по одному делу с братом Владимира Ильича А. И. Ульяновым.

17 августа был М. К. Владимиров. Получасовая беседа носила характер доклада. Владимир Ильич остался очень доволен.

21 августа у Владимира Ильича было получасовое свидание с Л. Б. Красиным...

Одним из вопросов, которому Владимир Ильич уделял особенно много внимания, постепенно включаясь в текущую работу, был, как он говорил, старый и вечно новый, вопрос о советском аппарате. Постоянно заботясь об улучшении работы советского аппарата, Владимир Ильич большие надежды возла-

гал на Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), как на орган проверки исполнения решений правительственных органов и переделки госаппарата. Народным комиссаром РКИ до XI партсъезда был тов. Сталин. После избрания его генеральным секретарем ЦК РКП(б) народным комиссаром РКИ был назначен тов. Цюрупа, бывший в то же время зампред СНК и СТО. В коллегию НК РКИ были введены новые работники, некоторые из которых работали раньше с А. Д. Цюрупой в органах Наркомпрода. В коллегию РКИ вошли тт. А. И. Свидерский, Л. И. Рузер, Н. А. Реске и Е. Ф. Розмирович, ведавшая отделом научной организации труда. В августе 1922 года тов. А. Д. Цюрупа, тяжело больной, находился на излечении в Германии, замнаркома РКИ В. А. Аванесов лечился от туберкулеза в Давосе (Швейцария). Как организация работы РКИ, так и методы ее не удовлетворяли Владимира Ильича.

21 августа. Владимир Ильич написал письмо о работе РКИ, адресовав его всем членам коллегии. Из этого письма видно, что Владимир Ильич уже в то время серьезно обдумывал ту реорганизацию РКИ, о которой подробно писал в своих последних статьях в январе — феврале 1923 года...

22 августа. У Владимира Ильича было свидание с зампред СНК и СТО Рыковым.

В последние дни августа Владимир Ильич чрезвычайно заинтересовался прочитанной им в «Известиях» заметкой о работе американского тракторного отряда в Пермской губернии. Еще в мае 1922 года «Общество друзей Советской России» (в Америке), ставившее своей целью оказать техническую помощь Советской России, послало в Пермскую губернию, в запущенный совхоз Тойкино, близ Кизельских угольных копей, отряд из 22 тракторов под руководством Гарольда Вэра. Отряд проделал большую работу по пропаганде среди крестьян методов коллективной обработки земли при помощи тракторов и других земледельческих орудий. В заметке «Реальная помощь Советской России», подписанной «Г. В.», опубликованной в «Известиях ВЦИК», 25 августа 1922 года кратко сообщалось о проделанной работе и о встретившихся трудностях. Владимир Ильич, прочитав заметку, послал Рыкову в последних числах августа вырезку из газеты со своей запиской, в которой советует обратить сугубое внимание на это дело: «...Проверить (через управделу или секретаря).

Если правда, *поддержать в с я ч е с к и*.

Вышло ли что у Рутгерса? Наверяд.

А здесь если вышло, надо и орден Трудового Знамени дать; — и письмо послать в Америку (от Вас или от меня); ...и заставить Наркомфин или Наркомзем разработать **спешно** облегченные условия привлечения еще тракторов (осенью; теперь, чтобы успеть).

Это, видимо, деловой пример; деловая помощь; а у нас бюрократизма — *бездна!*

Поручите секретарю или управделу черкнуть мне ответ. Ваш *Ленин*»¹.

1 сентября тов. Смольянинов сообщает Владимиру Ильичу, что им послана телеграмма председателю Пермского губисполкома с просьбой ознакомиться с работой группы на месте, установить их нужды и оказать им всемерную поддержку.

Не получив ответа из Перми, тов. Смольянинов 23 сентября сообщает Владимиру Ильичу, что в Пермь послана повторная телеграмма и что он сговорился с аппаратом ЦК РКП(б) о запросе по партийной линии.

Придавая большое значение этому виду помощи Советскому государству, Владимир Ильич и в дальнейшем продолжает внимательно следить за работой отряда Гарольда Вэра в Пермской губернии, а также других подобных отрядов, организованных американским «Обществом технической помощи Советской России» в Тамбовской и Одесской губерниях, и оказывать им всестороннюю помощь по облегчению ссуд, обеспечению горячим, постройке жилищ, ремонту тракторов и пр. 20 октября 1922 года Владимир Ильич пишет письмо «Обществу друзей Советской России» (в Америке) и «Обществу технической помощи Советской России» с выражением глубокой признательности за оказываемую ими помощь².

К концу августа здоровье Владимира Ильича заметно улучшилось.

29 августа у Владимира Ильича было свидание с И. И. Скворцовым-Степановым.

30 августа доктор Кожевников записал, что состояние Владимира Ильича хорошее. Бойтся, что трудно будет в таком состоянии ждать еще целый месяц возвращения к работе. Отбирает книги для чтения на этот месяц. Откладывает книги для отправки в Москву. Утром была беседа со Сталиным по различным вопросам внутреннего и международного положения.

31 августа был Свидерский. Беседа с Владимиром Ильичем о работе РКИ продолжалась 1 час 20 минут.

Владимир Ильич был удовлетворен посылкой ему книг. В письме ко мне от 31 августа он пишет: «За книги большое спасибо. Теперь имею их массу и начну возвращать пачками. За «Ауфбау» тоже спасибо. Вина за промедление ложится не на Вас, а должно быть на Берлин»³.

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 276.

² См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 229, 230.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 276.

№ 1 и № 2-3 сборника «Ауфбау» («Восстановление»), выходявшего в Мюнхене с июня 1921 года на немецком и русском языках, были посланы Владимиру Ильичу по его запросу 7 августа 1922 года. В октябре, получив декабрьский номер «Ауфбау», Владимир Ильич обратил внима-

Письмо В. И. Ленина от 31 августа дышит бодростью и жизнерадостностью. Он полон энергии и деятельно готовится к возвращению в Москву. Предвидя, что предстоящая работа будет напряженной, он заботится о том, чтобы работники его секретариата и управделами воспользовались отпусками и успели бы отдохнуть до его приезда, так как придется работать очень интенсивно. Вскоре были отправлены в отпуск управделами СНК и СТО Н. П. Горбунов, а затем и я...

Владимир Ильич считал одной из важнейших задач, стоящих перед советским народом, приобретение культурных приемов и навыков труда. Поэтому особенно много внимания он уделял вопросам научной организации труда как одного из действенных средств для достижения этой цели. Еще весной 1918 года В. И. Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти» писал: «Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»¹...

К вопросу о научной организации труда Владимир Ильич возвращался неоднократно и в последующих своих выступлениях и статьях, особенно часто в 1921—1922 годах. В последних числах августа 1922 года Владимир Ильич познакомился с книгой одного из видных деятелей меньшевизма, О. А. Ерманского (Когана), «Научная организация труда и система Тейлора». Эта книга заинтересовала Владимира Ильича, и в незаконченной статье «Ложка дегтя в бочке меда» он дает о ней похвальный отзыв...

Однако Владимир Ильич отмечает серьезный недостаток книги, мешающий тому, чтобы признать ее учебником: многоречивость автора, ненужные повторения одного и того же...

Владимир Ильич очень интересуется работой отдела нормализации труда НК РКИ. 1 сентября Владимир Ильич пишет письмо зампаркома РКИ Аванесову, который заканчивал лечение за границей и должен был вскоре вернуться в Москву, о работе отдела нормализации труда НК РКИ. Владимир Ильич указывает В. А. Аванесову, что необходимо достать литературу, и немецкую и американскую, по вопросу о нормализации труда: «Собрать все сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы *бюрократической* (порядок обмена бумажек; формы; контроль; переписка на машинке; запросы и ответы и т. д. и т. п.).

вне на статью «Забывтое пророчество» и 17 октября дал распоряжение послать этот номер «Ауфбау» в редакцию газеты «Правда» с предложением напечатать заинтересовавшую его статью.

Под заглавием «Забывтое пророчество» в «Ауфбау» была напечатана докладная записка министра внутренних дел царского правительства П. Н. Дурново Николаю II в феврале 1914 года, в которой он доказывал, что война России с Германией кончится социальной революцией как в стране, которая будет побеждена, так и в стране-победительнице.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 189. *Ред.*

По-моему, нам теперь поучиться у Европы и Америки *самое нужное*».

Владимир Ильич советует не полагаться без особой проверки на Ерманского, которому поручил это дело Свидерский, потому что Ерманский — меньшевик «и в его книге видна некоторая злость (хотя книга все же хорошая)... Я считаю, что нормализацию *бумажной* работы мы должны выработать, и ее потом применять всюду. Это самое важное. Если Вас пустят посмотреть одно из лучших учреждений в Германии или Норвегии, стоит остаться на недельку.

Главное: нормы (т. е. сколько человек на такую-то сумму работы). Мы потом заставим у себя работать и Центральное статистическое управление.

Прошу Вас, *по использованию этого письма*, переслать и А. Д. Цюрупе. Пока он болен, я не хочу его тревожить»¹.

3 сентября в газете «Правда» была опубликована статья Ф. Кина «Спецы». Использованию практического опыта буржуазных специалистов в строительстве социалистического государства и привлечению их на сторону Советской власти Владимир Ильич придавал исключительное значение. Он настойчиво призывал советских работников осторожно и умело подходить к специалистам, учась у них, заимствуя их практический опыт и технические знания и в то же время помогая им расширять свой кругозор. Надо беречь как зеницу ока «всякого спеца, работающего добросовестно, со знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно», учил Ленин.

Содержательная статья Кина не могла не заинтересовать Владимира Ильича. Кин писал, что «спецов» можно разбить на две категории, из которых одна враждебна Советской власти, другая же будет все больше втягиваться в сотрудничество с нею. Задача Советской власти — способствовать такой дифференциации. Кин приводит статистические данные, полученные в результате опроса 230 беспартийных инженеров, работающих в советских учреждениях и трестах, об их отношении к Советской власти, к своей работе, об отношении их к взяточничеству, о том, что они читают, как представляют себе перспективу развития народного хозяйства. На основании изучения анкет Кин разделяет специалистов на две группы: 1) бывшие собственники предприятий и занимавшие видные посты в правительственных учреждениях, директора крупных предприятий, члены правлений акционерных обществ и пр. и 2) рядовые инженеры, пролетарская интеллигенция, но в подавляющем большинстве все еще верные слуги капиталистов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 278.

О том, что статья Кина не прошла не замеченной Владимиром Ильичем, говорит его запись в конспекте речи, которую он предполагал произнести на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 года: «20. *Статья Кина*». И в дальнейшем, в дни тяжелой болезни в феврале 1923 года, в связи с поручением А. Д. Цюрупе Владимир Ильич снова упоминал статью Кина.

Как рассказывала Мария Ильинична, Владимир Ильич неоднократно в беседе с нею упоминал о статье Кина, просил ее переговорить с автором, передать ему отзыв Владимира Ильича и выяснить, где он работает.

3 сентября фотограф сделал несколько фотографий Владимира Ильича: в машине, в саду, с детьми, в комнате.

4 сентября у Владимира Ильича было свидание с Дзержинским, во время которого Владимир Ильич высказал свое отношение к концессионному договору с Уркартом. Уркарт, крупный английский промышленник, возглавлявший антисоветские круги в Англии, был председателем Русско-азиатского объединенного общества, которое до революции владело богатейшими источниками цветных металлов на Урале и в Сибири. Уркарт вел переговоры с нашим полпредом в Лондоне Л. Б. Красиным о предоставлении ему концессии на бывшие владения этого общества. Владимир Ильич с самого начала очень осторожно относился к этому предложению, а в дальнейшем был решительно против заключения договора с Уркартом. Тотчас после свидания и беседы с Владимиром Ильичем Дзержинский телефонограммой сообщает Сталину следующие директивы Владимира Ильича: «Дать концессию Уркарту только при условии предоставления нам большого займа.

Ознакомиться всем членам Политбюро с запиской комиссии Михайлова, выезжавшей для обследования подлежащих сдаче в концессию Уркарту заводов и высказавшейся отрицательно.

Враги рассчитывают на полное разрушение основного капитала нашего транспорта и промышленности. Необходимо изыскать средства на восстановление этого капитала путем обложения налогами всех предметов потребления, доведя до максимума на такие предметы, как сахар, *и и в о*.

Иметь в виду внутренний принудительный заем и подходящий налог»¹.

9 сентября предварительный концессионный договор с Уркартом был подписан Красиным в Берлине. Владимир Ильич был против его утверждения и 12 сентября пишет секретарю ЦК РКП(б) Сталину для членов Политбюро:

«Прочитав договор Красина с Уркартом, я высказываюсь против его утверждения. Обещая нам доходы через два или три года, Уркарт с нас берет деньги сейчас. Это недопустимо совер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 205

шенно. Михайлов, предкомиссии, специально ездивший изучать на месте концессию Уркарта, доказал, что в разрушениях виноваты не мы, а иностранцы. И мы же будем платить!! Облегчение мы будто бы получим через x (икс) лет, а платить сами начинаем тотчас!

Предлагаю *отвергнуть* эту концессию.

Это кабала и грабеж.

Напоминаю заключение комиссии Михайлова. Оно было против концессии.

Ни одного серьезного довода не прибавилось. Надо отвергнуть.

Прошу Вас довести это до сведения членов Политбюро.

С к. пр. В. Ульянов (Ленин).

Р. С. Это — хитрость, будто эта концессия не будет прецедентом.

Наверное и непременно *будет* прецедентом. *Фактически* так сложится непременно и невзирая ни на какие словеса и заверения.

И вообще *все*, вскрытое комиссией Михайлова, абсолютно не учтено. *Ряд* доводов против такой концессии. *Ленин*»¹.

В письме к Зиновьеву для членов Политбюро 18 сентября Владимир Ильич снова возвращается к вопросу о концессии Уркарта. «Насчет Уркарта я отказываюсь от своих колебаний,— пишет Владимир Ильич.— Есть уже американские предложения. Баку гораздо важнее и лучше. Есть *решение* комиссии ЦК (Смилга + Андреев + Красин), которое *прямо* нарушено Красиным. Есть все прочие минусы (99 лет; необъятность размеров и пр.).

Р. С. Дайте прочесть членам Политбюро. Ваш *Ленин*»².

Вопрос о концессионном договоре с Уркартом несколько раз слушался на заседаниях Политбюро и был внесен на октябрьский пленум ЦК РКП(б). Пленум ЦК РКП(б) 5 октября принял решение об отклонении договора. 6 октября постановление об отклонении договора с Уркартом было утверждено Совнаркомом.

5 сентября Владимир Ильич посылает тов. Смольянинову для передачи зампред СНК и СТО Рыкову письмо по вопросу о проведении однодневной переписи совслужащих в Москве и Петрограде. (Письмо не найдено.)

В эти дни посещения Владимира Ильича участились.

Каждый день теперь бывает кто-нибудь из визитеров. Сегодня был Калинин, записывает Мария Ильинична.

После свидания с Владимиром Ильичем М. И. Калинин записал в своем дневнике: Владимир Ильич был довольно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 208.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 284—285.

оживлен, думает с октября приступить к работе, хотя опасается, как бы врачи не запретили ¹.

6 сентября с согласия профессора Ферстера Владимир Ильич кроме регулярного чтения русских газет начинает чтение заграничных иностранных и русских белогвардейских газет.

В этот день после обеда Владимир Ильич имел свидание с председателем правления Центросоюза т. Хинчуком и беседовал с ним о его брошюре «Центросоюз в условиях новой экономической политики».

Владимир Ильич очень заинтересовался этой брошюрой как первым опытом подведения итогов нэпа в области кооперации. Через несколько дней Владимир Ильич просит тов. Хинчука прислать ему корректуру брошюры, хотя бы и неправленную, и спрашивает: «Нельзя ли было бы (если только это не задержит издания: задерживать *ни в коем случае не следует*) — нельзя ли было бы добавить таблицы

о росте оборота по кварталам

о числе мест продажи в деревнях

(и по районам)

о размерах продажи в деревнях

о % расходов (к обороту)

о числе служащих

и т. п.

Вообще,— пишет Владимир Ильич,— мне кажется необходимым иметь точные данные для характеристики того, *как глубоко* проникает оборот в деревню и *как широко* и *как именно...*» ²

Получив корректуру, Владимир Ильич 17 сентября пишет тов. Хинчуку: «Я получил. Сел читать, но я рассчитывал не возвращать. Пишите (или телефонируйте, если очень спешно), когда *должен* вернуть» ³.

Возвращая корректуру на следующий же день, Владимир Ильич просит тов. Хинчука прислать ее еще раз в сверстанном виде и делает ряд указаний о необходимых добавлениях, которые показывают, как глубоко вникал Владимир Ильич в содержание брошюры и какое значение ей придавал.

«Нельзя ли добавить:

1) подробности о сокращении аппарата? По *видам служб?*

2) то же о нормализации (у вас, говорят, есть отдел)?

3) то же о сравнении данных (всех вообще) по кварталам?

4) то же в *скольких* волостях (и %) и в *скольких* деревнях (и % от всех деревень) есть пункты продажи?

5) цена чая? не низка ли? сознаете ли Вы, что это *предмет роскоши?* Как определяете допустимый *maximim* цены чая?

¹ См. Ленин в Москве, «Московский рабочий», 1959, с. 227.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 281.

³ Там же, с. 282.

6) деление продуктов на необходимые и роскошь?

7) продажа *орудий* сельскохозяйственных и в том числе усовершенствованных? меры пропаганды их?

С ком. приветом *Ленин*.

Р. С. Брошюра очень хороша»¹.

Замечания Владимира Ильича были учтены т. Хинчуком. Брошюра была опубликована в конце 1922 года Центральным союзом потребительских обществ.

Вопрос о Центросоюзе не переставал интересовать Владимира Ильича и позже. Во время тяжелой болезни, в январе — феврале 1923 года, как видно из секретарских записей, Владимир Ильич предполагал продиктовать статью на эту же тему: «Центросоюз и его значение с точки зрения нэпа». Но сделать это он не успел.

7 сентября Владимир Ильич поручает тов. Смольянинову прислать ему брошюры И. Беспрозванного «Распланировочное бюро в небольшом заводском предприятии, организованном по системе Тейлора» и его же «Современная организация американских заводов» и еще *узнать* в архиве ВСНХ, кем была разрешена или направлена к изданию эта *вторая* брошюра...² Получив на другой день справку, что она была направлена к изданию НТО ВСНХ в декабре 1918 года тиражом 10 тысяч экземпляров, как популярная брошюра для рабочих, Владимир Ильич затребовал выписку из протокола редакционного совета Техиздата от 21 декабря 1918 года с решением по этому вопросу, которая и была ему послана. Позже уже за несколько дней до возвращения в Москву, Владимир Ильич справляется о съезде по вопросам нормализации труда, ходом и результатом которого он крайне интересовался.

9 сентября Владимир Ильич получил письмо председателя ВЦСПС Томского с просьбой послать приветствие предстоящему V Всероссийскому съезду профсоюзов. В ответ Владимир Ильич пишет Томскому: «Глубокоуважаемый т. Томский! С большим удовольствием исполню Вашу просьбу. Черкните, пожалуйста, есть ли у Вас особые темы, которых я должен коснуться в своем письме, или нет. Отстал я сильно, и не знаю, удобно ли будет ограничиться общим и простым приветствием, или надо побеседовать более или менее обстоятельно о какой-нибудь специальной теме. С горячим коммунистическим приветом всему президиуму. *Ленин*»³.

10 сентября у Владимира Ильича было свидание с Томским, которое продолжалось полтора часа.

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 285.

² См. там же, с. 279.

³ Там же, с. 280—281.

Здоровье Владимира Ильича улучшилось настолько, что консилиум врачей 11 сентября нашел возможным разрешить ему с 1 октября приступить к работе.

13 сентября Владимиру Ильичу было послано из секретариата: 1) протокол Политбюро № 25, 2) несколько запечатанных конвертов из Комиссариата иностранных дел и от Сталина, 3) фотографии крестьян, сдающих продналог. В этот же день Владимир Ильич посылает Сталину проект своего приветствия съезду профсоюзов с запиской, в которой просит показать его Томскому и, если понадобится, другим членам Политбюро. «...Верните мне, пожалуйста, переписанным на машине, завтра же.

Я пришлю к съезду 16-го или когда будет надо»¹, — пишет Владимир Ильич.

14 сентября Владимир Ильич получил обратно свой проект с пометками «за», сделанными тремя членами Политбюро (Калинин, Каменев, Сталин) и с замечанием Томского: «Хорошо бы несколько рельефнее о рабочих и пару слов на тему, что крупная промышленность есть база социализма».

Учитывая эти замечания, Владимир Ильич делает соответствующую вставку и поправку в первоначальный проект и пишет секретарю: «Не забыть: две поправки. Одна вставка, одна поправка».

В своем приветствии V съезду профсоюзов В. И. Ленин пишет: «17.IX.1922. Дорогие товарищи! Мне первый раз приходится, после долгой болезни, выступать — хотя бы и письменно — перед съездом. Позвольте мне поэтому ограничиться горячим приветствием и немногими краткими словами о положении и задачах нашей промышленности и нашей республики». Далее Владимир Ильич говорит о трудности восстановления нашего разрушенного империалистической и гражданской войнами народного хозяйства без всякой помощи извне: «Наше положение особенно трудно, потому что нет средств для восстановления основного капитала, машин, орудий, зданий и т. п., а ведь именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма».

В. И. Ленин указывает, что, пока мы остаемся одни, задача восстановления народного хозяйства необыкновенно тяжело ложится на наши плечи и необходимо величайшее напряжение сил, чтобы эту задачу решить, и заканчивает свое письмо словами: «Пусть каждый сознательный крестьянин и рабочий, которому случится прийти в уныние под влиянием тяжелых условий жизни или чрезвычайной медленности нашего государственного строительства, припомнит недавнее прошлое, с господством капиталистов и помещиков. Такое воспоминание вернет

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 282.

ему бодрость в работе. Всеми силами, со всех сторон усилить и улучшить работу — в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти»¹.

V Всероссийский съезд профсоюзов проходил 17—27 сентября. Письмо В. И. Ленина было оглашено на первом заседании съезда вечером 17 сентября. Оно было заслушано съездом с огромным волнением. Последние строки письма были покрыты восторженными аплодисментами всего состава съезда. Съезд единогласно постановил послать Владимиру Ильичу следующее ответное письмо:

«Дорогой Владимир Ильич!

С глубоким волнением и большой радостью выслушал V Всероссийский съезд профессиональных союзов Ваше письмо: вместе с рабочими всей России следили мы лихорадочно за малейшими известиями о Вашем здоровье и считали дни и часы, когда вы вновь займете свое место на боевом посту. Вы, отдавший делу революции 30 лет Вашей жизни, твердо руководивший величайшей в мире революцией, занимаете слишком большое место в сердцах миллионов трудящихся и обездоленных, чтобы они болезненно не переживали Вашего временного отхода от дел. Мы знали, что вы не можете отойти надолго от работы, ибо борьба и революционное творчество — Ваша жизнь. От одной мысли, что Вы с нами, что мы увидим Вас за рулем, наша бодрость увеличивается и вера в окончательную победу превращается в уверенность.

С открытыми глазами смотрит Всероссийский съезд профсоюзов на лежащие перед рабочим классом России трудности, которые он решил преодолеть. Мы приложим все усилия к тому, чтобы наша крупная промышленность была в ближайшие же годы восстановлена в размерах, далеко превышающих довоенные. Съезд от имени организованных в профсоюзы рабочих дает Вам в этом торжественное обещание, которое будет свято исполнено.

Примите же, дорогой Владимир Ильич, от собравшихся со всех концов республики делегатов горячий привет, который идет от сердца всего рабочего класса. Мы понесем радостную весть о Вашем выздоровлении и Вашем привет в самые отдаленные уголки нашей великой Республики Труда, которая откликнется на Ваш призыв бодрым эхом: «Наша возьмет!»²

В тот же вечер это письмо было отправлено Владимиру Ильичу в Горки.

Письмо съезда, написанное от имени миллионов организованных в профсоюзы рабочих, с выражением горячей любви и доверия к Ленину и непреклонной воли к преодолению всех трудностей, связанных с восстановлением народного хозяйства, глубоко взволновало Владимира Ильича.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 209, 210.

² Правда, 1922, 19 сентября.

17 сентября и ближайшие последующие дни Владимир Ильич был особенно деятелен. Он пишет деловые письма и записки по различным вопросам...

18 сентября Владимир Ильич в записке Зиновьеву выражает условное согласие выступить с докладом на IV конгрессе Коминтерна и просит обеспечить замену. «...Я вправе *надуть*, но только если здоровье или дела *не позволяют*»¹, — пишет Владимир Ильич.

Одним из важнейших вопросов, над которым работал Владимир Ильич во второй половине сентября и позже, был вопрос о катастрофическом положении в каменноугольной промышленности Донбасса.

Положение дел с топливом сильно заботило Владимира Ильича. Главным источником топлива был Донбасс.

Осенью 1922 года создалось катастрофическое положение в Донбассе. Добыча угля в шахтах Донбасса сократилась даже по сравнению с предыдущим годом. Между тем потребность в топливе для железных дорог, для сахарной и легкой промышленности, успешно развивавшейся в условиях нэпа, а также для городского населения увеличилась. 20 сентября в «Правде» была напечатана статья под заголовком «Катастрофа в Донбассе». Основной причиной катастрофы автор считал нехватку рабочих.

Значение Донбасса для экономики Советской России Ленин неоднократно подчеркивал в своих выступлениях еще в 1921 году. На IX съезде Советов Ленин указывал, что Донбасс — основа, крупный центр всей нашей промышленности. На XI съезде партии 27 марта 1922 года, приводя примеры бесхозяйственности в управлении Донбассом, В. И. Ленин еще раз указывает на огромное значение Донбасса: «...это — центр, настоящая основа всей нашей экономики. Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность, если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс. В ЦК мы за этим наблюдали»².

Неотступно следил В. И. Ленин за положением в Донбассе и принимал меры для ликвидации кризиса.

Основными причинами тяжелого и затянувшегося кризиса в Донбассе были: неподготовленность к переходу на хозрасчет из-за отсутствия оборотных средств, низкая заработная плата рабочих в шахтах и связанные с этим трудности вербовки рабочих в деревнях, особенно в условиях хорошего урожая. Требовались громадные денежные суммы, чтобы вывести Донбасс из состояния катастрофы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 284.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 105.

Прочитав в газетах корреспонденцию об отчаянном положении в Донбассе и Баку, В. И. Ленин в письме зампреду СНК и СТО Рыкову 17 сентября просит заказать «к о р о т к у ю (не более 5—10 строк) справочку», чтобы можно было ясно понять положение дела. «Не рискнуть ли взять *некоторые миллионы* из золотого запаса? Не хуже ли будет пропустить дело, оставить без помощи?»¹ — пишет В. И. Ленин.

По-видимому, в связи с этим предложением Владимир Ильич в тот же день, 17 сентября, посылает через Смольянинова приведенный выше запрос в Наркомфин тов. Владимирову о состоянии золотого запаса.

Восстановление Донбасса Владимир Ильич считал одной из основных хозяйственных задач Советского государства и много раз по возвращении в Москву в октябре и ноябре 1922 года обращается к этому вопросу.

17—20 сентября Владимир Ильич написал несколько записок по поводу вызова на работу в Москву из Берлина инженера путей сообщения профессора Ю. В. Ломоносова в связи с ликвидацией железнодорожной миссии за границей, которую он возглавлял. Владимир Ильич очень ценил Ломоносова, как одного из лучших специалистов в области железнодорожного транспорта, и предполагал его использовать на практической работе в НКПС по указанию Дзержинского.

18 сентября Владимир Ильич пишет Ломоносову, что считает абсолютно необходимым его немедленное возвращение в Россию для работы в НКПС. В начале письма Владимир Ильич пишет: «Я еще не вернулся к работе, но скоро (1.X) вернусь»².

19 сентября Владимир Ильич получает справку о стоимости чая в довоенное время и записку о положении в топливной промышленности.

Владимир Ильич начинает готовиться к возвращению в Москву. Он пишет Смольянинову: «Прошу подобрать 1) *решения*, как они напечатаны в газетах (СНК и СТО), вырезки из газет

2) часть *протоколов*, особенно важных

3) старые протоколы ЦК (Политбюро и пленума), *все* (все).

Затем за делом концессии американцев на нефть следите изо всех сил и меня извещайте и записками и по телефону через сестру»³.

Не получив быстро требуемых материалов, Владимир Ильич обращается в секретариат: «т. Гляссер! Я до сих пор не по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 283, 282.

² Там же, с. 284.

³ Там же, с. 286.

лучил протоколов *СТО* и *СНК* в *вы держках*? Писал Смольянинову. Сговоритесь с ним, пожалуйста. И шлите тотчас.

Второе: узнайте у Свидерского, что писал Цюрупа? Если он не знает, то у *Сталина*. Мне нужно знать *точно*; пусть дадут выписку из *письма* Цюрупы, почему он не едет? *насколько* отложил?

Привет! *Ленин*¹.

Задержка приезда зампреда СНК и СТО А. Д. Цюрупы особенно беспокоила Владимира Ильича в связи с тем, что он планировал организацию работы замов, распределение их функций и в связи со своим возвращением к работе считал это особенно срочным и важным. Поэтому Владимир Ильич неоднократно запрашивал о сроке приезда А. Д. Цюрупы.

20 сентября Владимиру Ильичу была послана повестка заседания Политбюро на 21 сентября.

Владимир Ильич получил доклад и отчет особоуполномоченного по реализации урожая Шейнмана. Ознакомившись с ними, Владимир Ильич пишет В. А. Смольянинову: «Запросите Шейнмана: пусть даст *краткие цифирные* итоги, как дело теперь стоит». Одновременно Владимир Ильич поручает Н. П. Горбунову внимательно познакомиться с этими материалами и дать ему проект телефонограммы, если это потребуется².

По поручению Владимира Ильича было послано письмо наркоминделу Г. В. Чичерину с просьбой на все обращения корреспондентов о приеме их Владимиром Ильичем отвечать отказом.

21 сентября Владимир Ильич получил для голосования проект постановления, внесенный Чичериным в Политбюро: официально ввести В. В. Воровского в делегацию на Лозаннскую конференцию, но по приезде в Лозанну Раковского предложить Воровскому вернуться в Рим, с тем чтобы, в случае надобности, он опять поехал бы в Лозанну. Владимир Ильич сделал надпись на этом предложении: «*За. 21/IX*».

Владимир Ильич получил от Каменева справку о плане расходования продналога на 1922—1923 годы, составленную по данным члена коллегии НКПрода Халатова, и сделал на ней пометки; просмотрел записку о реферате Бухарина и сделал надпись: «В архив (скоро *понадобится*). Запись осн. мыслей реф-та Бухарина (11/IX — 1922) о пролетарской культуре (Попов и Яковлев). *Ленин*».

В эти дни Владимир Ильич просматривает и делает пометки на книжках: «Короленко. Петербургский сборник» под редакцией А. В. Петрищева и «Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому».

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 288.

² См. там же, с. 286, 657, прим. 470.

В предисловии к последней книге говорится, что в результате чтения этих писем «отчетливее и яснее встанут жизнь, работа и весь духовный облик писателя-гуманиста наших дней, того писателя, которому в последние его годы единодушно глас родной литературы присвоил имя «совести русского общества»».

Владимир Ильич подчеркивает слова «писателя-гуманиста» и «совести русского общества» и пишет: «... а брошюра его за войну 1917 г.?»

Владимир Ильич знакомится с материалами торгового договора с Германией и делает пометку: «В архив».

Усиленная работа Владимира Ильича во второй половине сентября, а также записи доктора Кожевникова свидетельствуют о хорошем самочувствии Владимира Ильича. Доктор Кожевников отмечает, что за завтраком 21 сентября Владимир Ильич был очень весел. Много смеялся, шутил с Бухариным.

22 сентября Владимир Ильич запиской просит Сталина сообщить, как решается в ЦК вопрос о взаимоотношениях между советскими республиками.

23 сентября у Владимира Ильича было свидание с Рудзутаком, продолжалось два с половиною часа. Вечером был Бухарин. Владимир Ильич собрался на следующий день поехать на автомобиле на охоту — не более чем на час.

24 сентября у Владимира Ильича было свидание с Пятаковым. Владимир Ильич беседовал с ним о работе Госплана. В организацию руководства работой Госплана Владимир Ильич вникал еще в 1921 году, Владимир Ильич не видел достаточной твердости в руководстве Госпланом. 25 февраля 1921 года Владимир Ильич писал Г. М. Кржижановскому о необходимости создания в Госплане «архитвердого президиума» и наряду с идейным руководителем Госплана иметь в составе президиума администратора, с тем чтобы административная работа была снята с Г. М. Кржижановского¹.

Спустя год, 22 февраля 1922 года, Владимир Ильич возвращается к этому вопросу и в письме к Г. М. Кржижановскому снова указывает, что административная сторона работы в Госплане, несомненно, не поставлена².

Владимир Ильич прекрасно разбирался в людях. Он умел оценить каждого работника по достоинству и, учитывая положительные и отрицательные качества данного работника, направлял его на такую работу, где он мог принести максимальную пользу. Высоко ценя и уважая Г. М. Кржижановского (председателя Госплана), Владимир Ильич видел, что он совершенно не обладает качествами администратора. Поэтому Владимир Ильич считал необходимым, чтобы в руководстве Госплана наряду с руководителем идейным, обладающим солид-

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 80—81.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 179.

ными научными и техническими знаниями и умением привлекать к себе людей, каковым являлся Кржижановский, был бы также работник, имеющий административный опыт и умение администрировать. Таким работником Владимир Ильич считал Пятакова.

25 сентября Владимир Ильич посылает Пятакову записку своей беседы с ним, состоявшейся 24 сентября. Владимир Ильич пишет: «Вот примерная записка нашего вчерашнего разговора.

1) На т. Пятакова возлагается организация (и подтягивание по-военному) самого аппарата Госплана (или аппарата самого Госплана); главным образом через исполнительного управдела. Самому на это около получаса в день максимум.

2) Главная задача т. Пятакова: а) проверка общегосударственного плана, в первую очередь хозяйственного, с точки зрения преимущественно аппарата в целом, б) сокращение аппарата, включая наши тресты, в) проверка пропорциональности разных частей госаппарата, г) работа над удешевлением госаппарата по типу американского треста: непроизводительные расходы — долой.

3) От текущей работы Госплана освободить т. Пятакова в максимальной степени (один час в день, примерно).

Владимир Ильич заканчивает письмо: «Обдумайте, покажите Кржижановскому и ответьте мне»¹.

Забота об организации работы Госплана не покидала Владимира Ильича и позже. Во время своей тяжелой болезни 27, 28 и 29 декабря он продиктовал свои записки «О придании законодательных функций Госплану», в которых затрагивает важнейшие вопросы организационной структуры Госплана.

Владимир Ильич торопил Наркомюст с разработкой кодексов законов Советской власти для утверждения их на IV сессии ВЦИК IX созыва, назначенной на конец октября. Он пишет заместителю народного комиссара юстиции тов. Крыленко:

«Что у Вас делается для выпуска свода законов Советской власти? Спит отдел кодификации или готовит нечто к 5-летию юбилею?

Надо разбудить его и черкнуть мне 2 слова»².

Кодексы: труда, земельный, гражданский и об общем судоустройстве — были внесены на IV сессии ВЦИК и приняты ею. В своем выступлении на сессии 31 октября Владимир Ильич отметил, что разработка и рассмотрение на сессии кодексов законов есть свидетельство громадных успехов, достигнутых Советской властью за исторически короткий срок.

Много внимания уделяет Владимир Ильич в сентябре 1922 года и позже, вплоть до последних дней своей работы в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 288—289.

² Там же, с. 289.

январе — феврале 1923 года, вопросу об однодневной переписи советских служащих в Москве и Петрограде, как одному из важных звеньев в борьбе за улучшение работы советского аппарата. Владимир Ильич настойчиво добивается проведения переписи и интересуется разработкой материалов.

25 сентября в записке Смольянинову Владимир Ильич укоряет его за то, что до сих пор не получил ответа на пересланную через него 5 сентября записку Рыкову о переписи и ставит ему в вину отсутствие ответа от Рыкова.

«...Рыков, конечно, занят чрезмерно, — пишет Владимир Ильич. — Вы должны были следить и, в случае чего, сообщить по словесной передаче мнение Рыкова. Так нельзя».

Одновременно Владимир Ильич посылает новую записку Рыкову и поручает Смольянинову добиться немедленного ответа¹. Владимир Ильич писал:

«По-моему, абсолютно необходимо произвести однодневную перепись всех чиновников и служащих города Москвы. У нас была одна, но слишком давно.

Чтобы сделать это с минимумом расходов (только на бумагу, да и то можно часть отнять из общих запасов Центрального статистического управления), обязать всех, получающих жалованье от Советской власти и *трестов*, дать *самим* сведения (по *краткой* программе, которую Центральное статистическое управление должно выработать *в неделю совместно с РаКри, Госпланом* и т. д.) на личных карточках. *Пока не дадут толком, не платить никому жалованья.*

Тогда получим быстро (штраф за опоздание и за неудовлетворительное исполнение).

Наш аппарат такая мерзость, что его надо чинить радикально. Без переписи невозможно. А Центральное статистическое управление заслуживает проборки за академизм: сидят и пишут «томы», а о насущном не думают.

Ответьте или передайте ответ т. Смольянинову.

Ваш Ленин.

Применить мобилизацию, если надо, то особым законом. Всех служащих Центрального статистического управления мобилизовать и известный процент других»².

29 и 30 сентября Совет Труда и Оборона и Совет Народных Комиссаров, по предложению Владимира Ильича, утвердили программу переписи советских служащих и служащих синдикатов и трестов по городу Москве в октябре 1922 года и постановление о производстве однодневной переписи служащих в городе Москве.

О результатах этой переписи Владимир Ильич говорит в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 289.

² См. там же, с. 290.

конце своей речи на IV сессии IX созыва 31 октября 1922 года в связи с вопросом о госаппарате:

«В 1918 году, в августе месяце, мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231 000 государственных и советских служащих в Москве, число, обнимающее и центральных служащих и местных московских, городских. Недавно, в октябре 1922 г., мы произвели эту перепись еще раз, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат и что он должен уже, наверное, оказаться меньшим. Он оказался равным 243 000 человек. Вот вам итоги всех сокращений. Этот пример потребует еще большого труда изучения и сопоставлений». Далее Владимир Ильич снова подчеркивает задачу улучшения работы госаппарата как первостепенную для обеспечения успехов Советской власти.

«Тогда, в 1918 г., — говорит Владимир Ильич, — когда мы, так сказать, в первом пылу реформ, произвели подобную перепись, мы, говоря попросту, почти ничего путного извлечь из ее итогов не могли. Не до того было. Гражданская война не оставляла нам ни малейшей свободной минуты. Теперь мы надеемся, что это будет сделано. Мы уверены, что наш аппарат, который страдает весьма многими недостатками, который раздут гораздо больше, чем вдвое, который очень часто работает не для нас, а против нас, — эту правду нечего бояться сказать, хотя бы и с трибуны высшего законодательного учреждения нашей республики, — будет улучшен. Для того чтобы его улучшить, нужно много труда и умения... Если мы будем изучать действительно наш аппарат и работать над ним годами и годами, то это будет громадным завоеванием, это и будет обеспечением нашего успеха»¹.

Владимир Ильич, по-видимому, намеревался говорить о результатах переписи на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 года. В конспекте предполагаемой речи на X съезде, написанном в первой половине 1922 года и опубликованном под названием «Конспект речи на X Всероссийском съезде Советов», Владимир Ильич пишет:

- NB. { «17. Сотни тысяч служащих в госаппарате.
Увеличение.
18. Перепись 1922 (X—XI).
19. Итоги ее.
20. *Статья Кина*»².

Эти четыре пункта конспекта отчеркнуты Владимиром Ильичем двумя чертами и отмечены нотабене (NB), что указывает на особое значение, которое придавал Владимир Ильич этой части своей предполагаемой речи.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 250.

² Там же, с. 441.

Болезнь помешала Владимиру Ильичу выступить на X съезде Советов. Но этот вопрос продолжает заботить Владимира Ильича. В феврале 1923 года, в дни тяжелой болезни, Владимир Ильич дает поручение секретарю узнать и сообщить ему о состоянии разработки материалов переписи, спрашивает, скоро ли они будут опубликованы, просит показать ему корректуру.

В 20-х числах сентября Владимир Ильич получил обширный материал от фракции РКП(б) расширенного пленума ЦК Всероссийского союза работников народного просвещения с резкой критикой положения дела народного просвещения в республике. Авторы указывали на отсутствие руководства народным просвещением на местах. Особенно подчеркивалось бедственное материальное положение работников просвещения, сельских учителей и учительниц.

Владимир Ильич ознакомился с этими материалами, о чем свидетельствует его пометка «В архив», означавшая, как сказано выше, что он считал нужным сохранить их в своем секретариате.

Известно, как высоко ставил Владимир Ильич задачи народного просвещения и как внимательно относился всякий раз, когда возникали практические нужды в этой области. К нуждам народного просвещения Владимир Ильич возвращается и в тяжелые дни своей болезни в январе 1923 года. В статье «Странички из дневника», продиктованной им 2 января 1923 года, Владимир Ильич со всей полнотой ставит вопрос о необходимости подъема материального и морального уровня сельского учителя и о шефстве городских ячеек над сельскими¹.

В последние дни пребывания в Горках в сентябре 1922 года Владимир Ильич был чрезвычайно занят важнейшим вопросом — «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками».

25 сентября Владимир Ильич получил от Сталина проект резолюции по данному вопросу и письмо, в котором Сталин в заключение писал: «Во вторник поговорим подробнее».

26 сентября утром у Владимира Ильича была беседа со Сталиным по вопросу о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками. Беседа продолжалась 2 часа 40 минут.

В тот же день Владимир Ильич в большом письме Каменеву дает принципиальные установки по данному вопросу.

27, 28 и 29 сентября Владимир Ильич имел ряд свиданий и длительных бесед по тому же вопросу с Орджоникидзе, Сокольниковым и с руководящими работниками Грузии и Армении. В результате этих бесед и упомянутого выше письма Ленина проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками был переработан на основе указаний

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 363—368.

В. И. Ленина, внесен на пленум ЦК РКП (б) и принят им 6 октября 1922 года. Он послужил основой в дальнейшей работе по образованию СССР.

30 декабря 1922 года на I съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик были приняты Декларация об образовании СССР и Союзный договор. В. И. Ленин был избран Председателем Совнаркома СССР.

27 сентября в «Правде» была напечатана статья председателя ЦК Пролеткульта В. Плетнева «На идеологическом фронте». В статье подводились итоги работы Пролеткульта за последний период и намечались новые задачи и методы работы в условиях новой экономической политики. Под видом пропаганды пролетарской культуры статья содержала реакционные, враждебные марксизму взгляды на культуру и искусство. Владимир Ильич, читая статью Плетнева, сделал на ней критические пометки и в тот же день послал вырезку из газеты в редакцию «Правды» Бухарину с запиской, в которой укорял Бухарина за опубликование этой статьи. Владимир Ильич пишет: «Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду». Ну зачем печатать глупости под видом важничающего всеми учеными и модными словами фельетона Плетнева? Отметил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не «пролетарской» науке, а просто учиться. Неужели редакция «Правды» не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм!»¹

24 октября в «Правде» была напечатана статья Я. Яковлева с резкой критикой статьи В. Плетнева.

Статья Плетнева по поручению Владимира Ильича была вырезана из газеты «Правда» и подшита вместе с другими статьями о пролетарской культуре: Н. К. Крупской, Бухарина, И. И. Скворцова-Степанова и других².

28 сентября Владимир Ильич получил письмо от наркомюста тов. Крыленко о проекте кодекса гражданских законов РСФСР и секретную почту из Управления делами Совнаркома.

29 сентября после утренней прогулки Владимир Ильич получил: протокол комиссии Политбюро по вопросу о характере и течениях внутри сектантского движения; постановление Наркомпроса о закрытии общеобразовательных курсов при 1-м МГУ и материал о трудгужналоге, запрошенный им 17 сентября от Наркомвнудела.

Владимир Ильич деятельно готовился к возвращению в Москву. Даже самые коротенькие записочки Владимира Ильича во

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 291.

² По указанию Владимира Ильича газетные статьи, заинтересовавшие его или чем-либо обратившие на себя его внимание, обычно вырезались из газеты, наклеивались на чистые листы бумаги и подшивались, подобранные по определенным темам.

второй половине сентября дышат энергией, бодростью и радостным предвкушением близкого возвращения к любимой работе. Чувствуется, что он поправился и отдохнул. Одно за другим посылает Владимир Ильич письма, записки, распоряжения, забывая иногда их датировать, так много их было.

Обеспокоенный тем, что ремонт в его квартире затягивается и что беспорядок в квартире помешает его работе, Владимир Ильич настоятельно требует полного окончания ремонта к 1 октября.

В записке секретарю ВЦИК Енукидзе Владимир Ильич пишет: «Убедительно прошу Вас *внушить* и *очень серьезно* всем заведующим ремонтом квартиры, что я *абсолютно* требую *полного* окончания к 1 октября. Непременно полного. Очень прошу созвать их всех перед отъездом¹ и прочесть сие. И *внушить* еще от себя. Я нарушения этой просьбы не потерплю. Найдите наиболее расторопного из строителей и дайте мне его *имя*. Я буду следить»².

Но поселиться в своей квартире Владимиру Ильичу сразу по приезде в Москву, 2 октября, все же не удалось. Мария Ильинична вспоминала, что ремонт был почти совсем закончен, но в комнатах сильно пахло краской от заново выкрашенных окон и дверей, поэтому пришлось на некоторое время поселиться в другой части здания судебных установлений, рядом с кабинетом Цюрупы, в трех небольших комнатах.

В одной из самых последних записок в конце сентября Владимир Ильич пишет Смольянинову: «Я приезжаю 1 или 2. X. Во вторник, 3. X., буду председательствовать. Заседание 5—9 часов. С перерывом $\frac{1}{4}$ часа.

Предупредите курильщиков. *Не курить. Строго.* В перерыве (в соседней комнате) чай и курение.

Цюрупы нет? Когда приедет, *заседание здесь* всех 3-х загов.

Если не приедет, заседание на 2—3 часа *в понедельник*: либо 11—2, либо 5—7.

Все это Вы должны устроить *хорошо*.

Во вторник *утром* мне приготовить *материалы по всей повестке*.

С ком. приветом *Ленин*.

Справьтесь о съезде по вопросам *нормализации*. Когда? Постарайтесь участвовать. Я *крайне* интересуюсь. От Госплана надо взять человека, *очень* интересующегося»³.

¹ Енукидзе должен был уехать в отпуск.

² Пролетарская революция, 1924, № 3, с. 198.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 286—287.

Строгие требования Владимира Ильича «не курить» объясняются тем, что еще в 1918 году, после ранения Владимира Ильича, врачи пре-

И одновременно Владимир Ильич пишет записку в секретариат: «товарищ Гляссер!

Пишу Смольянинову.

Пусть он покажет и Вам и *всем* секретарям. Я приеду 2/X (или 1.X). Ко вторнику прошу все приготовить.

Протоколы ЦК получил. Они *почти* в порядке (ряда приложений нет). Но пока хватит и этого. Хорошо бы протоколы СНК и СТО получить с выбором (*вырезки из газет*) и так, чтобы *удобно* было просмотреть.

С ком. приветом Ленин»¹.

И наконец, 1 октября нами была получена радостная записка: «Я завтра приеду, приготовьте все, протоколы, книги».

2 октября В. И. Ленин вернулся в Москву и со всей энергией приступил к работе.

На другой же день, 3 октября, состоялось заседание Совнаркома под его председательством. Заседание было многолюдным, присутствовало 54 человека. Пришли не только члены Совнаркома и их заместители, но все, кто имел хотя бы отдаленное право присутствовать на заседании СНК. Каждому хотелось поскорее и поближе увидеть дорогого Ильича. Товарищи предполагали сделать это заседание особенно торжественным. Пригласили фотографа, заготовили приветственные речи. Но все вышло иначе. Владимир Ильич как-то незаметно вошел в зал из своего кабинета, сел на председательское место, открыл заседание и приступил к деловому обсуждению повестки, не дав никому произнести речей. Владимир Ильич согласился только сфотографироваться вместе со всеми, и то лишь после окончания работы.

Открыв заседание, Владимир Ильич внес предложение принять постановление о порядке постановки вопросов на повестку заседания Совнаркома, в котором подтверждалось прежнее постановление о внесении вопросов за 72 часа до начала заседания, за исключением тех, относительно которых будет специальное решение СНК или СТО. Для вопросов, вносимых из Малого Совнаркома и Финансового комитета, указанный

дупреждали, что табачный дым крайне вреден для здоровья Владимира Ильича, и курение на заседаниях, на которых присутствовал Владимир Ильич, было категорически запрещено. Заседания были очень продолжительными, и задымленные курилочки нашли выход: они курили за большой кафельной печкой, которая находилась посередине стены, противоположной окнам, пуская дым в вытяжную трубу. За этой печкой могли укрыться одновременно 2—3 человека. Скрытые от взора председателя, они иногда шепотом обменивались замечаниями. Владимиру Ильичу мешал малейший шум во время заседания, и он всегда строго останавливал разговаривающих. Мешал ему и небольшой шум, производимый курилочками за печкой, но курить там Владимир Ильич не запрещал, пазывая шутя этот уголок клубом, и лишь иногда делал им замечание: «Потише там, в клубе».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 287.

срок временно сокращался до 24 часов. Это предложение было вызвано пастойчивым и постоянным стремлением Ленина внести порядок и организованность в постановку вопросов на заседания правительственных органов. Эту же цель преследовало и постановление по пункту второму о кодификационной работе, принятое по докладу замуправделами СНК и СТО В. А. Смольянинова.

Какие же вопросы рассмотрел Совнарком в этот день? Был утвержден фонд зарплаты на октябрь для групп рабочих и служащих в предприятиях и учреждениях, состоящих на государственном бюджете, причем было указано, что фонд для промышленности должен быть в первую очередь направлен на нужды тяжелой индустрии, за отдельными точно сформулированными исключениями. Было принято постановление об освобождении тов. Радченко от работы в НКВнешней торговли и направлении его в распоряжение ВСНХ; утверждено постановление СТО об изменении некоторых пунктов нормального договора о лесных концессиях для акционерных обществ с участием в них республик; утверждено постановление СТО о производстве однодневной переписи в Москве; обсуждался вопрос об организации управления рыбным хозяйством РСФСР, а также проект закона о местном бюджете.

Заседание было непродолжительным. Несмотря на сугубо деловой характер обсуждаемых вопросов и высказываний в прениях, заседание прошло на особенном подъеме. Каждый чувствовал: «Наш Ильич снова с нами». И это было праздником.

Владимир Ильич чувствовал себя хорошо. В этот день доктор Кожевников записал:

«Мы с Крамером видели Владимира Ильича в 9^{1/2} часа после председательствования в СНК. Вид у Владимира Ильича бодрый и веселый. Он сообщил, что из Горок он приехал накануне на автомобиле. Переезд его нисколько не утомил. Чувствует Владимир Ильич себя хорошо, только беспокоит зуб. Он болит, назревает флюс. Заседание мало утомило Владимира Ильича, но он сам заметил, что были небольшие ошибки, так как он отвык от председательствования и еще недостаточно вошел в курс дела и не втянулся в работу».

4 октября в газете «Известия» было напечатано сообщение: «Тов. Ленин приступил к работе».

И снова начались для нас полные радостного общения с Лениным рабочие будни. Владимир Ильич с неиссякаемой энергией возобновил свою деятельность.

Врачи настаивали на строгом режиме, регулярном распределении работы и отдыха. Не оспаривая предписания врачей, Владимир Ильич обходил их с помощью множества уловок и маленьких хитростей. По предложению врачей рабочее время Владимира Ильича должно было ограничиваться пятью часами

в день и распределяться следующим образом: с 11 до 2 и с 6 до 8 часов, причем кроме воскресенья еще один день в неделю должен быть совершенно свободным от работы. Владимир Ильич выбрал среду. Но вместо 11 часов Владимир Ильич приходил в свой кабинет в 9 часов 30 минут утра и прочитывал все получаемые им газеты. Услышав движение в кабинете, мы заглядывали туда. Владимир Ильич с улыбкой говорил: «Я не работаю, я только читаю».

В 10 часов 45 минут он вызывал меня для доклада о полученных бумагах, назначал приемы, давал поручения, урывая таким образом еще 15 минут от строгого режима, предложенного врачами. С 11 часов начиналась интенсивная работа: приемы, разговоры по телефону, совещания, заседания и пр. Уходил домой Владимир Ильич в 2 часа, унося с собой папки с бумагами, и возвращался в свой кабинет в 6 часов вечера, всегда с множеством устных или написанных на листочках блокнота поручений секретарям.

Вскоре по желанию Владимира Ильича заседания Совнаркома и СТО, на которых он председательствовал, были перенесены с 6 часов на 5 часов 30 минут; таким образом он еще удлинял на полчаса свой «законный» рабочий день. Можно с уверенностью сказать, что в эти дни Владимир Ильич работал не менее интенсивно, чем до болезни, ограничив себя лишь в отношении председательствования на заседаниях, не присутствуя вовсе на некоторых заседаниях или присутствуя только при обсуждении некоторых важнейших вопросов.

В октябре и ноябре Ленин был занят решением множества крупнейших хозяйственных и политических вопросов, беседовал со многими работниками, вел деловую переписку, председательствовал на заседаниях Совнаркома, Совета Труда и Оборона, участвовал в заседаниях Политбюро, пленума ЦК РКП(б), комиссий, активно участвовал в прениях на заседаниях, вносил предложения; продолжал начатые еще в Горках в августе — сентябре дела: о концессии Уркарта, о работе американского тракторного отряда помощи Советской России; о положении в Донбассе и других. В то же время Владимир Ильич руководил разработкой кодексов законов о земле, о труде, о местных бюджетах для внесения их на I сессию ВЦИК; работал над вопросами о судоремонтной программе, о Гидроторфе, об электропромышленности, о нефтяном хозяйстве в Баку, о смете НКПС, об опытах Мичурина, о помощи хозяйственному подъему Армении, о хозяйственном строительстве Карелии, о постройке гидростанции в Грузии; занимался вопросами Коминтерна, Профинтерна, международными делами и т. д.

Ни один вопрос крупного политического или хозяйственного значения не решался без непосредственного участия и руководящих указаний Ленина.

Как видно из секретарских записей и других материалов, В. И. Лениным было написано в октябре и ноябре не менее 177 писем и записок, принято до 150 человек. Владимир Ильич в эти месяцы руководил 7 заседаниями Совнаркома, 5 заседаниями Совета Труда и Оборона, участвовал в 7 заседаниях Политбюро и в 1 заседании пленума ЦК РКП(б) и 3 раза выступал публично с большими докладами.

Уже этот сухой, далеко не полный перечень говорит о том, как напряженно работал В. И. Ленин в октябре — ноябре 1922 года.

Сверх того Владимир Ильич вел повседневную, оперативную работу. Он получал, как всегда, множество писем, докладов, отчетов и прочих бумаг. Стремясь внести порядок и организованность в этот поток бумаг, Владимир Ильич в октябре 1922 года снова возвращается к своим неоднократным попыткам распределения бумаг по папкам. На маленьком листке блокнота он делает для себя записи:

- П а п к и: 1) Коммунистический Интернационал.
2) Литературный материал и зам. (очевидно, заметки. — Л. Ф.).
3) К прочтению (советск.).
4) Текущее для справок.
5) Фотиевой.

Врачи настаивали, чтобы время председательства Владимира Ильича на заседаниях не превышало 2—2¹/₂ часа. Очередные заседания СНК происходили в этот период 1 раз в неделю по вторникам. После 12 октября были введены дополнительно заседания по четвергам и субботам под председательством одного из его заместителей для рассмотрения бюджета на четвертый квартал.

Заседания СТО происходили по средам и пятницам также в 6 или 5 часов 30 минут дня. Заседания Политбюро — по четвергам в 11 часов утра.

Слушая выступающих и активно участвуя в прениях, Владимир Ильич, как и до болезни, занимался одновременно множеством других дел: просматривал книжные новинки, прочитывал и подписывал бумаги и обменивался многочисленными записками с присутствующими товарищами по деловым вопросам, часто не связанным с теми, которые обсуждались в данный момент на заседании.

Узнав от врачей, что такое раздвоение внимания вызывает сильное утомление и может снова ухудшить состояние здоровья Владимира Ильича, я попросила товарищей посылать ответы на записки Владимира Ильича мне с тем, что я буду передавать их ему после заседания. На первом же заседании, не получая ответов и заметив скопление записок на столе секретаря, Владимир Ильич написал мне шутивную записку: «Вы, кажись,

интригуете против меня? Где ответы на мои записки?» Пришлось отдать ему записки. Так кончилась, как, впрочем, и всегда, попытка вмешаться в порядок работы, устанавливаемый для себя Владимиром Ильичем.

На заседаниях Владимир Ильич требовал абсолютной тишины и порядка. Посторонние разговоры, хождение и шум на заседаниях и раньше мешали Владимиру Ильичу, а после болезни он этого совершенно не переносил. 24 октября Владимир Ильич во время заседания СНК пишет записку секретарям, дежурящим на заседаниях СНК и СТО: «Поручается вам следить строго за тем, чтобы на заседаниях не велось частных разговоров, и останавливать разговаривающих»¹.

В связи с этим поручением после беседы с Владимиром Ильичем 25 октября мною было написано письмо членам Совнаркома «для обязательного срочного сообщения всем членам коллегии», в котором я передавала слова Владимира Ильича о том, что он абсолютно не может переносить частных разговоров и хождения во время заседаний и что «вот именно из-за этого он может снова свалиться». Владимир Ильич сказал, что его отвлекает и утомляет все постороннее, не относящееся к заседанию, и потому «он требует военной дисциплины» во время заседаний Совнаркома. Я обращала внимание на необходимость соблюдения полного порядка на заседаниях под председательством Владимира Ильича: не ходить по комнате, не разговаривать, не прерывать оратора, поднимать руку при голосовании и т. д. К письму был приложен список членов Совнаркома, на котором они расписались.

По вечерам Владимир Ильич принимал товарищей. По его указанию в секретариате велась запись по следующей форме: кто просит приема, на какое число и о чем хочет говорить. Ежедневно утром я докладывала об этом Владимиру Ильичу, и он либо давал согласие на прием, делая в этом случае пометки на своем календаре, либо направлял к другим товарищам.

В октябре — декабре 1922 года Владимир Ильич принимал иногда до 10 человек в день, особенно если приходили делегации. Нередко случалось, что товарищи, приходившие к нему, дав перед дверью в его кабинет чуть ли не клятвенное обещание не сидеть больше положенного срока (10—15 минут), засиживались по полчаса и больше.

Если в зале заседаний рядом с кабинетом Владимира Ильича шло заседание Совнаркома или СТО, Владимир Ильич говорил вполголоса и другим не позволял говорить громко, хотя дверь из кабинета в зал заседаний была по его распоряжению завешана двойной портьерой.

Дополнительный день отдыха — среда — был лишь относительным отдыхом для Владимира Ильича. Он нередко прово-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 300.

дил его за работой, унося с собой на квартиру бумаги, и ограничивал себя лишь тем, что не председательствовал и не присутствовал на заседаниях. Вот запись об одном из таких дней: «1 ноября днем: Каменев, Зиновьев, Сталин — совещание. Вечером: с 7—8 — прием двух итальянских товарищей — Бомбачи и Грациадеи. С 8 часов 15 минут до 8 часов 30 минут — Свидаерский. В 8 часов 30 минут Владимир Ильич ушел домой. Это день отдыха».

1 ноября был последним днем отдыха, когда Владимир Ильич хотя бы несколько себя ограничил. В последующие среды он работал с полной нагрузкой.

Загруженный работой, утомленный, Владимир Ильич оставался по-прежнему внимательным к людям и сердечным. Его тревожило состояние здоровья А. Д. Цюрупы. Во время заседания Совнаркома Владимир Ильич пишет ему записку на листочке из блокнота: «Вам следует вынести порицание: Вы плохо поправились...» На этой же записке ответ Цюрупы: «Вчера лег в 4 часа — отсюда вид. Чувствую себя хорошо».

4 октября в письме тов. Красину Владимиру Ильич обращает его внимание на тяжелое болезненное состояние заведующего транспортно-материальным отделом НКВД т. Ермакова. Владимир Ильич пишет: «Я его видал 2—3 раза в годы гражданской войны исполнителем самых трудных, ответственных и опасных поручений. Это человек недюжинный. Оказалось, что он болен *серьезнейшим* образом... Так нельзя. Таких людей мы обязаны лечить и долечить»¹. Ленин предлагает отправить его на несколько месяцев в Германию и помочь его семье.

29 октября Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной были в студии Художественного театра на спектакле «Сверчок на печи» по пьесе Ч. Диккенса. Сентиментальная пьеса не понравилась Владимиру Ильичу, и после первого действия Владимир Ильич и Надежда Константиновна ушли домой.

31 октября Владимир Ильич выступал на IV сессии ВЦИК. За несколько дней до этого он написал план своей речи. Это было первое выступление Ленина после перенесенной им тяжелой болезни. Его ждали с большим волнением. Владимир Ильич также был взволнован и озабочен: удастся ли? как выйдет? Речь Владимира Ильича продолжалась 20 минут. В секретарской записи сказано, что выступлением остались довольны не только все, но и он сам: «Сказал все, что хотел сказать».

В «Правде» сообщалось, что сессия заседала в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца. Присутствовали представители дипломатического корпуса. Появление Ленина было встречено бурными аплодисментами. Когда председатель предоставил ему слово, зал снова устроил горячую овацию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 292.

В своей речи Ленин приветствует Красную Армию, сбросившую в море последние силы белогвардейцев, и отмечает, что это заслуга также и нашей дипломатии, и далее переходит к работе сессии, утвердившей кодекс законов о труде, земельный кодекс, закон о судоустройстве и пр. В утверждении этих кодексов и законов Ленин видел несомненные успехи, достигнутые Советской властью. Вечером Владимир Ильич председательствовал на заседании СНК до 9 часов, то есть на час больше положенного.

13 ноября Владимир Ильич выступал на IV конгрессе Коминтерна. Свой доклад на тему «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»¹ Владимир Ильич сделал на немецком языке.

Владимир Ильич особенно тщательно готовился к этому докладу. 10 ноября он затребовал стенограммы III конгресса Коминтерна и свою брошюру о продналоге на немецком языке.

11 ноября утром Владимир Ильич никого не принимал, готовился к докладу.

Вечером он принял редактора немецкой секции Коминтерна и долго беседовал с ним на немецком языке по поводу своего доклада.

«Правда» писала: «Зал переполнен больше, чем во все предыдущие заседания. Все подвигают стулья ближе к трибуне, чтобы было слышно каждое слово... Каждому хочется уловить глазом самую мелкую черточку в родном Ильиче».

«Появление тов. Ленина встречается бурными, долго не прекращающимися аплодисментами и овациями всего зала. Все встают и поют «Интернационал»», — писала «Правда» на следующий день.

В. И. Ленин говорил об успехах, достигнутых на основе новой экономической политики: без займов, одни, без посторонней помощи, голод преодолели, с разрухой справились, легкую промышленность восстановили и в тяжелой есть успехи. Экономии на всем, и особенно — на госаппарате, и 20 миллионов золотом вложили в тяжелую промышленность. Это немного, но начало положено. Мы на верном пути, говорил Ленин. Доклад Ленина продолжался более часа и удался превосходно.

Вечером Владимир Ильич принял делегатов конгресса от Германской компартии и долго беседовал с ними.

20 ноября в 6 часов 30 минут Ленин выступил на объединенном заседании пленума Московского Совета депутатов трудящихся с членами районных Советов.

В «Правде» от 21 ноября 1922 года сказано: «Появление на эстраде тов. Ленина встречается громкими раскатами «ура», горячими и продолжительными аплодисментами, переходящими

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 278—294. *Ред.*

в долго не смолкаемую овацию, почти заглушающую не менее мощные звуки «Интернационала»... Тов. Ленин пробует начать свое слово, но его перебивают снова и снова горячие возгласы, несущиеся со всех сторон: «Да здравствует вождь мировой революции!»»

Все выступление Ленина было проникнуто твердой уверенностью в победе, в правильности того пути, по которому пошла Советская власть, перейдя к новой экономической политике. Он заканчивает свою речь знаменательными словами: «...из России эпоховской будет Россия социалистическая»¹.

Ленин вернулся в Кремль в 7 часов 30 минут, прошел прямо в свой кабинет, принял нескольких товарищей и в 7 часов 50 минут ушел домой.

Это было последнее устное выступление Ленина перед массами.

* *
*

С особой четкостью запечатлелся в моей памяти образ Ленина за работой в эти осенние дни 1922 года.

Вечер. Ленин в своем кабинете за письменным столом, освещенным настольной лампой. Когда нет посетителей, Ленин выключает люстру, он экономит электроэнергию. Ведь «Россия во мгле»...

Ленин читает, размышляет, ходит по кабинету, беседует по телефону, пишет... Ленин работает.

Прислушиваешься к каждому звуку в кабинете, мгновенно являешься на звонок. Как радостно, если удастся особенно хорошо выполнить все, что нужно Владимиру Ильичу, увидеть его улыбку...

Но вот большая люстра осветила кабинет. У Ленина посетитель, предупрежденный, что нельзя оставаться больше 15 минут... Трудно оторваться от беседы с Владимиром Ильичем. Иногда он и сам задерживает товарища, увлекшись разговором. Однако что же это?! Прошло уже 20 минут и больше! Захожу в кабинет, с укоризной показываю на часы... «Мы не работаем, мы только беседуем», — улыбаясь, говорит Владимир Ильич. А иногда без улыбки, с досадой: «Уходите и не мешайте!» Значит, разговор сугубо деловой. Несмотря ни на что — мешать нельзя.

Ни переутомление, ни тяжелая болезнь не могли в эти дни сломить неиссякаемую энергию и волю великого труженика, революционера, коммуниста Ленина.

Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина, с. 172—234

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309. Ред.

У ЛЕНИНА В ГОРКАХ

В конце октября 1923 года я был в Горках у Владимира Ильича. Как-то в субботу мне позвонила Мария Ильинична, что в воскресенье можно будет поехать к Ильичу.

С нетерпением я ждал, когда придет машина за мной. Когда она пришла наконец, в ней уже находился Иван Иванович Скворцов (Степанов), который тоже направлялся к Ильичу.

Вместе мы заехали к Анне Ильиничне и доктору Вейсброду, после чего направились в Горки.

В огромном парке-лесу стояла старая усадьба с двухэтажным домом, обставленным старой мебелью. По стенам были развешаны старинные портреты, очевидно предков последних хозяев усадьбы Горок, и старинная живопись.

С нетерпением я ожидал момента, когда можно будет пойти наверх к Владимиру Ильичу. Наконец меня и тов. Скворцова позвали наверх. Мы вошли в просторную, плохо освещенную комнату, где находились товарищи Анна и Мария Ульяновы.

Сейчас же, как мы вошли, в дверях показался Владимир Ильич, который направился к нам твердым шагом, опираясь на палку левой рукой. За ним вошла в комнату Надежда Константиновна.

Ильич поздоровался с нами очень тепло левой рукой и своей улыбкой, которой он всегда встречал старых друзей и знакомых.

В заграничной белогвардейской печати и среди обывателей распространялись слухи, что Ильич сильно исхудал и совершенно не похож на прежнего Ильича.

Когда я увидел Ильича, я был поражен: я увидел прежнее лицо Ильича, его умные, прекрасные глаза. Выражение его глаз, улыбка, которая играла на его лице, были такие же, какие я видел десятки и сотни раз на протяжении двадцати лет, когда мне приходилось бывать у Ильича по партийным делам.

Не очень было заметно вначале и то, что Ильич не владел речью. Ильич обыкновенно мало говорил, когда он кого-либо принимал у себя. Он заставлял говорить товарища, который приходил к нему. Слушая рассказы товарищей, он обыкновенно реагировал замечаниями и вопросами. Товарищи, которые хорошо знали Ильича, видели его отношение к вопросу, о котором шла речь, по выражению лица Ильича, по вниманию, которое он уделял этому вопросу, слушая товарищей. То же самое было, когда я и тов. Скворцов были у него.

Тов. Скворцов стал рассказывать Ильичу о ходе выборов в Московский Совет. Владимир Ильич невнимательно слушал. Во время рассказа тов. Скворцова он одним глазом смотрел на рассказчика, а другим просматривал заглавия книг, лежавших на столе, вокруг которого мы сидели. Но когда тов. Скворцов стал перечислять те поправки к наказу МК, которые вносились рабочими фабрик и заводов, — об освещении слободок, где живут рабочие и городская беднота, о продлении трамвайных линий к предместьям, где живут рабочие и крестьяне, о закрытии пивных и пр., Ильич стал слушать внимательно и своим единственным словом, которым он хорошо владел: «вот-вот», стал делать замечания во время рассказа с такими интонациями, что нам вполне стало ясно и понятно, так же как это бывало раньше, до болезни Ильича, что поправки к наказу деловые, правильные и что нужно принять все меры, чтобы их осуществить.

После тов. Скворцова я не без волнения стал рассказывать Ильичу о моей работе в Исполкоме Коминтерна и о положении нескольких секций Коммунистического Интернационала. Я рассказывал ему о процессе Бордига в Италии, о положении Коммунистической партии Италии; сообщил Ильичу о предстоящей выборной кампании в Англии и что Коммунистическая партия Британии будет поддерживать — за исключением нескольких округов, где будут выставлены самостоятельные кандидаты, — Британскую рабочую партию.

Он слушал все мои сообщения не очень внимательно. Но когда я перешел к Германии и сообщил о распаде социал-демократии, об ужасном экономическом положении немецких рабочих, о колоссальной безработице и нищете нескольких миллионов рабочих и работниц, о массовом выходе рабочих из профсоюзов, о роли фабзавкомов, росте влияния Коммунистической партии Германии на рабочих Германии, Ильич оживился и слушал очень внимательно. Во время моего рассказа о Германии он не отводил глаз от меня. Движением головы и своим «вот-вот» он выразил свой живейший интерес к событиям в Германии.

Я забыл, что я нахожусь у больного Ильича и что его нельзя волновать. Мне казалось, что я нахожусь в его рабочем кабинете и он выслушивает рассказ о положении германского рабо-

чего класса и выражением своего лица, своими замечаниями и своим вниманием дает понять собеседнику, что он, Ильич, очень заинтересовался сообщаемым.

Надежда Константиновна спросила меня, как в ИККИ относятся к Леви и левым социал-демократам, которые выступали тогда как организованная группа внутри германской социал-демократии.

Когда я ответил, что левых социал-демократов рассматривают как еще худших изменников рабочему классу, чем правых социал-демократов, ибо они сеют иллюзии среди рабочих своими левыми фразами, на самом же деле они проводят социал-демократическую политику против рабочего класса, Владимир Ильич своим «вот-вот» ясно дал понять, что так именно нужно рассматривать левых социал-демократов и что он давно предсказывал роль Леви и К^о.

Мы ушли от Владимира Ильича в полной уверенности, что скоро-скоро Ильич вернется к работе.

Возвращаясь обратно из Горок, мы еще говорили между собой, что, когда Ильич вернется к работе, надо будет настоять, чтобы он не так много работал, как до болезни.

Через три месяца новый удар отнял у нас, у Советского Союза и всемирного пролетариата, величайшего вождя рабочих и угнетенных масс.

Ленин и международное рабочее движение. Воспоминания. Сборник первый, с. 155—157

ИЛЬИЧ И ГЛУХОВЦЫ

Последний раз я видела Ильича 2 ноября 1923 года. Во время его болезни я была послана вместе с пятью товарищами (три товарища партийных и два беспартийных) делегатским собранием отвезти Ильичу наш скромный подарок — 18 вишневых деревьев в оранжерею при домике в Горках. Мы плохо знали место и дорогу и все-таки добрались туда часов в 5 вечера. В Горках не знали о нашем приходе, и мы свалились для всех окружающих Ильича как снег на голову. Первое время, как видно, вышло некоторое замешательство. Мария Ильинична и другие не знали, как отразится на здоровье Ильича наше посещение. Но, посоветовавшись с Надеждой Константиновной, нас решили допустить к Владимиру Ильичу, предупредив, чтобы мы были с ним недолго.

Нас ввели в приемную. Через две минуты за дверью мы услышали голос Марии Ильиничны: «Володя, к тебе гости». Дверь открылась, и к нам вышел улыбающийся Ильич. Позади следовал санитар. Ильич был одет, как всегда, в своей постоянной кепке, в которой я его видела не раз. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой. «Как я рад, что вы приехали», — внятно и ясно сказал он нам¹. Мы растерялись от радости и разревелись, как дети. Мы передали Ильичу адреса рабочих и заводоуправления и сказали несколько приветственных слов от наших местных организаций. Побыв с Ильичем пять минут, мы, прощаясь, все расцеловались с ним. Последним прощался тов. Кузнецов — 60-летний рабочий. Две минуты они стояли, обняв друг друга. А старик Кузнецов сквозь слезы все твердил: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич. Я — кузнец. Мы скуем все намеченное тобою». Мы почти насильно оторвали его от

¹ Этот факт упоминает в своих воспоминаниях Надежда Конетап-типовна. См. *Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений.* 3-е изд. М., 1971, с. 51. *Ред.*

Ильича. Целую ночь мы провели под крышей, где жил Ильич. За ужином Мария Ильинична подробно расспрашивала нас о фабрике, о работе на ней, о жизни и быте рабочих и просила чаще писать в «Правду».

Назавтра мы уже уехали. Нам рассказывал товарищ, ухаживающий за Ильичем, что Ильич до 2 часов ночи читал, перечитывал наши адреса. Никогда не забуду этих счастливых минут. Спасибо товарищам, давшим мне возможность в последний раз видеть горячо любимого вождя и учителя.

*Первая годовщина. 1924—21 янва-
ря — 1925. Ленин, о Ленине, о ле-
нинизме. Московский рабочий,
1925, с. 219—220*

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (1895—1971) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В Коммунистическую партию вступил в 1914 году. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. В 1917—1919 гг. вел руководящую партийную и профсоюзную работу на Урале и Украине. С 1922 по 1927 г. — председатель ЦК Союза железнодорожников. С IX съезда РКП(б) по XIX избирался членом ЦК партии. В 1953—1962 гг. — член Президиума Верховного Совета СССР. Работал советником при Президиуме Верховного Совета СССР.

АВЕРБАХ Михаил Иосифович (1872—1944) — крупнейший представитель советской медицины — врач-офтальмолог, академик, заслуженный деятель науки. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

АРМАНД Инна Александровна (1898—1971) — член Коммунистической партии с 1917 г. Участвовала в гражданской войне в качестве политработника Астраханского военного округа (1918 г.). В 1919—1921 гг. была на партийной работе в Московском комитете и в районных комитетах партии Москвы. В 1921—1923 гг. работала в аппарате Исполкома Коминтерна, в 1923—1930 гг. — сотрудник полпредства СССР в Германии. С 1933 г. (с перерывами) работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

БЕЗЫМЕНСКИЙ Александр Ильич (1898—1973) — советский поэт, член Коммунистической партии с 1916 г. Участник Великой Октябрьской социалистической революции. После Октябрьской революции — активный участник коммунистического движения молодежи, член ЦК РКСМ первого созыва.

БЕЛЬМАС Александр Васильевич (род. в 1899 г.) — член Коммунистической партии с 1924 г. Участник гражданской войны. В 1922 г. направлен для работы в органах особого назначения при коллегии ГПУ. С осени 1922 г. состоял в личной охране В. И. Ленина.

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873—1955) — старейший член Коммунистической партии. С 1903 г. заведовал экспедицией ЦК

РСДРП в Женеве, организовал там библиотеку и архив ЦК РСДРП. Участвовал в организации и редактировании ряда нелегальных большевистских изданий. Деятельный участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. С первых дней Октябрьской революции до декабря 1920 г. — управляющий делами Совета Народных Комиссаров. В последние годы жизни был директором Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР. Автор многих работ по истории революционного движения в России, литературоведению, этнографии, истории религии и атеизма.

ВЕЙСБРОД Борис Соломонович (1874—1942) — советский хирург и общественный деятель, член Коммунистической партии с 1904 г. В 1917 г. руководил отделом здравоохранения первого Замоскворецкого Совета и был комиссаром лечебных учреждений. В 1919—1920 гг. — председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями на Туркестанском и Юго-Западном фронтах. С 1922 г. — главный врач 2-й Градской больницы в Москве. Принимал участие в лечении В. И. Ленина.

ВОЛИН Борис Михайлович (1886—1957) — член Коммунистической партии с 1904 г., партийный и советский работник. Активно участвовал в революции 1905—1907 гг. В 1911—1913 гг. жил в эмиграции во Франции. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в Москве, член Московского комитета большевиков, сотрудник органа МК — «Социал-демократ». С 1918 г. — на советской и партийной работе. Делегат IX и XVI съездов партии. Участник Отечественной войны 1941—1945 гг. С 1945 г. — научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ВОЛКОВ Сергей Кузьмич (1891—1942) — член Коммунистической партии с 1917 г., рабочий Прохоровской (Трехгорной) мануфактуры, активный участник Октябрьской революции, член райсовета, депутат Моссовета, член исполкома Моссовета. Последние годы жизни — на хозяйственной работе. Участник Отечественной войны 1941—1945 гг., погиб на фронте.

ВОЛОДИЧЕВА Мария Акимовна (1891—1973) — член Коммунистической партии с 1917 г. Работала в секретариате VII (Апрельской) партийной конференции. В качестве стенографистки присутствовала на VI съезде партии. После Октябрьской революции до июля 1918 г. — секретарь бюро печати Совнаркома. С 1918 по 1924 г. — машинистка в СНК и помощник секретаря СТО и СНК. С 1924 по 1928 г. работала в Институте В. И. Ленина.

ГЕТЬЕ Федор Александрович (1863—1938) — крупный специалист по внутренним болезням, руководитель московских больниц: главный врач Басманной, а затем основатель и первый главный врач Боткинской (б. Солдатенковской) больницы. С первых дней организации Лечебно-санитарного управления Кремля был приглашен туда на работу. Был врачом В. И. Ленина и его семьи.

ГИНДИН (Гинзбург) Яков Исаакович (1892—1938) — член Коммунистической партии с марта 1917 г. После Октябрьской социалистической

революции находился на руководящей хозяйственной и партийной работе; в 1918—1921 гг. был заведующим отделом Народного комиссариата труда, начальником отдела труда в управлении Чусоснабарма, состоял членом Малого Совнаркома. С 1922 г. работал в ВСНХ, Наркомснабе и в органах НК РКИ.

ГЛЯССЕР Мария Игнатьевна (1890—1951) — член Коммунистической партии с 1917 г. С 1918 по 1924 г. работала в секретариате Совета Народных Комиссаров, затем — в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

ЕЖОВ Иван Калининлович (род. в 1885 г.) — член Коммунистической партии с 1918 г. После Октябрьской социалистической революции был начальником эвакуации Архангельского военного порта. В 1918—1924 гг. — начальник Центрального управления государственных складов ВСНХ. С 1924 г. находился на руководящей инженерно-технической и партийной работе в строительных организациях.

ЕМЕЛЬЯНОВ Василий Антонович (1884—1961) — член Коммунистической партии с 1904 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. в Москве и Февральской революции 1917 г. В период Октябрьской революции — член ревкома Красной Пресни, входил в президиум Краснопресненского райсовета. В 1918 г. — член МК РКП(б). Участник гражданской войны, в 1919—1920 гг. — член исполкома Моссовета. В 1921 г. — председатель фабкома «Трехгорки». Был делегатом X съезда партии. В последующие годы — на хозяйственной работе.

ЕМЕЛЬЯНОВ Николай Александрович (1871—1958) — рабочий, активный участник революционного движения. Член Коммунистической партии с 1904 г. После Февральской революции — депутат Петроградского Совета. В июле — августе 1917 г. у него в Разливе скрывался В. И. Ленин. Активный участник Октябрьской революции. В 1921 г. участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. В последующие годы находился на хозяйственной работе.

ЕСИН Василий Захарович (1888—1960) — член Коммунистической партии с 1913 г. Участник Октябрьской социалистической революции в Москве — член Военно-революционного комитета. В 1918—1919 гг. — участник гражданской войны на Восточном, Юго-Восточном и Кавказском фронтах. Делегат VIII Всероссийского съезда Советов, член комиссии ГОЭЛРО. С 1921 по 1934 г. работал в Наркомземе РСФСР, в 1934—1937 гг. — зам. председателя Госплана РСФСР, затем инженер-энергетик на ряде предприятий.

ЖАРОВ Александр Алексеевич (род. в 1904 г.) — советский поэт. С 1918 по 1925 г. был на комсомольской работе. Член Коммунистической партии с 1920 г.

КАРПИНСКИЙ Вячеслав Алексеевич (1880—1965) — один из старейших членов Коммунистической партии. Видный партийный литератор-пропагандист. Революционную работу начал с 14 лет. В 1904 г. эмигриро-

вал за границу, в Женеву, где познакомился с В. И. Лениным. С тех пор непрерывно работал в зарубежных организациях партии, участвовал в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий», заведовал библиотекой и архивом ЦК РСДРП в Женеве. В декабре 1917 г. вернулся в Россию и с тех пор был на ответственной советской и партийной работе. Доктор экономических наук.

КАРПОВА Анпа Самойловна (1883—1968) — член Коммунистической партии с 1902 г. В 1915 г.— на партийной работе в Вятской губернии, в 1918 г.— на работе в отделе народного образования Москвы, в 1921—1922 гг. руководила Губполитпросветом. С 1922 по 1935 г.— на партийной работе в Москве. В 1935—1940 гг.— директор Института истории, филологии и литературы, а с 1940 по 1962 г.— директор Государственного исторического музея.

КОРОЛЕВ Григорий Кузьмич (1885—1931) — член Коммунистической партии с 1905 г., иваново-вознесенский рабочий-текстильщик. Участник Всероссийской конференции профессиональных союзов, состоявшейся в июле 1917 г. в Петрограде. До мая 1921 г.— на советской, хозяйственной и профсоюзной работе в Иваново-Вознесенске, затем работал в ЦК партии.

КРАСИН Леонид Борисович (1870—1926) — член Коммунистической партии, один из выдающихся партийных организаторов периода подполья, видный советский хозяйственник и дипломат. В революционное движение вступил в конце 80-х годов. После II съезда в 1903 г. был кооптирован в ЦК РСДРП, на III съезде партии избран членом ЦК. В годы реакции некоторое время входил в отзовистскую группу «Вперед». После Октябрьской революции — на ответственной хозяйственной и дипломатической работе. На XIII и XIV съездах партии избирался членом ЦК ВКП(б).

КРЖИЖАНОВСКИЙ Глеб Максимилианович (1872—1959) — старейший член Коммунистической партии, видный деятель Советского государства, ученый-энергетик, академик. В революционное движение вступил в 1893 году; вместе с В. И. Лениным был одним из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Входил в Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП. На съезде избран заочно членом ЦК партии. Участвовал в подготовке III съезда РСДРП. Был активным участником революционных событий 1905—1907 гг. в Киеве. После Октябрьской революции работал над восстановлением и развитием энергетического хозяйства Москвы. В 1920 г. возглавил Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1921—1930 гг.— председатель Госплана. В последующие годы работал в ряде наркоматов. Неоднократно избирался членом ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. С 1929 по 1939 г.— вице-президент Академии наук СССР. Герой Социалистического Труда.

ЛЕПЛЕВСКИЙ Григорий Моисеевич (1889—1939) — член Коммунистической партии с марта 1917 г. После Февральской революции 1917 г.— член исполкома Гомельского Совета, а после Октябрьской социалистической революции — его председатель. Принимал участие во II и III Все-

российских съездах Советов. С марта 1918 по 1920 г. работал в Самаре заместителем председателя губисполкома и горсовета. В 1921—1923 гг.— член Малого Совнаркома, а затем его председатель. В последующие годы работал в СНК СССР; в 1934—1938 гг.— заместитель прокурора СССР.

ЛОЗОВСКИЙ (Дридзо) Соломон Абрамович (1878—1952) — член Коммунистической партии с 1901 года. Участник первой русской революции. Подвергался арестам и ссылке. С 1909 по 1917 г. жил в эмиграции, примыкал к группе большевиков-примиренцев. Во время мировой империалистической войны участвовал в организации интернационалистских групп во Французской социалистической партии и профсоюзах. В июне 1917 г. возвратился в Россию; на III Всероссийской конференции профсоюзов избран секретарем ВЦСПС. В декабре 1917 г. за выступления против политики партии был исключен из рядов РСДРП(б). Позднее возглавлял группу социал-демократов интернационалистов, в составе которой в декабре 1919 г. вновь принят в РКП(б). В 1920 г.— председатель Московского губернского совета профсоюзов. С 1921 по 1937 г.— генеральный секретарь Профинтерна; затем директор Гослитиздата. В 1939—1946 годах заместитель народного комиссара (затем министра) иностранных дел СССР. С XV съезда партии — кандидат в члены ЦК ВКП(б), на XVIII съезде был избран членом ЦК ВКП(б).

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875—1933) — видный советский государственный и общественный деятель. В 1892 г. вступил в социал-демократическую организацию. После II съезда РСДРП — большевик. Входил в состав редакций большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», а затем «Новая жизнь». Активный участник III, IV (Объединительного), V съездов РСДРП. После поражения первой русской революции стал на путь ревизии марксизма, примкнул к махистам, участвовал в антипартийной группе «Вперед». В 1911 г. отошел от «впередовцев» и создал группу «Пролетарская литература». Во время первой мировой войны стоял на позициях интернационализма. После Февральской революции вступил в группу «межрайонцев», в составе которой на VI съезде РСДРП(б) был принят в партию. После Октябрьской революции в течение 12 лет занимал пост народного комиссара просвещения РСФСР. С 1930 г.— академик. В августе 1933 г. был назначен полномочным представителем СССР в Испании. Публицист, драматург, автор ряда работ по вопросам искусства и литературы.

МАРТЕНС Людвиг Карлович (1875—1948) — советский ученый в области машиностроения и теплотехники. Член Коммунистической партии. В революционное движение вступил в 1893 г. Принимал участие в работе германской социал-демократической партии. Позднее эмигрировал в Англию, а в 1915 г.— в Америку. В январе 1919 г. был назначен представителем Советского правительства в США. По возвращении в Советскую Россию занимал ряд ответственных постов в хозяйственных и научных учреждениях.

МЕШАЛКИН Кузьма Васильевич (1892—1939) — крестьянин, принимал участие в празднике открытия электростанции в деревне Кашино, куда приезжал В. И. Ленин 14 ноября 1920 г.

МЕШКОВ Петр Илларионович (род. в 1899 г.) — член Коммунистической партии с 1917 г. В 1920—1921 гг. работал инструктором и пачаль-

ником райполитотдела в Донбассе (г. Шахты), принимал участие во II Всероссийском съезде горнорабочих. В последующие годы — на хозяйственной и партийной работе.

МИЛЮТИН Николай Александрович (1889—1942) — член Коммунистической партии с 1908 г. Вел революционную работу в Петербурге, затем в армии. После Октябрьской революции до 1924 г. занимал ряд ответственных постов. В 1924—1929 гг. — нарком финансов РСФСР, в 1930—1934 гг. — заместитель наркома просвещения РСФСР, в 1935—1937 гг. — начальник Главного управления кинофикации РСФСР.

МОРГУНОВ Григорий Алексеевич (род. в 1899 г.) — участник Октябрьской революции в Москве. С 1915 г. работал на заводе «Динамо», прошел большой трудовой путь от конторского ученика до заместителя коммерческого директора завода. Член Коммунистической партии с 1942 г. В настоящее время — пенсионер; председатель Совета ветеранов завода.

ПЕЧКИНА Екатерина Алексеевна (род. в 1892 г.) — медицинская сестра бывшей Солдатенковской больницы (ныне имени С. П. Боткина). В настоящее время — пенсионерка.

НИКОЛАЕВ Аким Максимович (1887—1937) — член Коммунистической партии с 1904 г. Участник первой русской революции. В период реакции эмигрировал за границу. В 1916 г. был направлен в Россию с заданием пробраться на фронт для ведения революционной пропаганды среди солдат. В 1917 г. — член пятерки по организации революционного переворота во Владимире. В 1918—1924 гг. — член коллегии Наркомпочтеля и председатель Радиосовета. С 1925 г. был торгпредом в Норвегии, заместителем торгпреда в Швеции и Франции, директором Электроимпорта, членом президиума Госплана СССР, заместителем председателя ВОКС.

ОВСЯННИКОВА Ксения Семеновна (1890—1965) — работница комбината «Трехгорная мануфактура» имени Дзержинского, Член Коммунистической партии с 1940 г.

ОСТРЯКОВ Петр Алексеевич (1887—1952) — советский инженер и ученый-радиотехник. В 1918—1927 гг. работал в Нижегородской радиолaborатории; в 1921 г. под его руководством было начато строительство радиовещательной станции имени Коминтерна в Москве. Член Коммунистической партии с 1945 г.

ОЧКИН Алексей Дмитриевич (1886—1952) — профессор-хирург. С 1910 г. работал в Солдатенковской больнице (ныне имени С. П. Боткина), заведовал кафедрой хирургии Центрального института усовершенствования врачей, вел активную общественную работу.

ПЕТРУШКИН Иван Андреевич (род. в 1897 г.) — делегат IX Всероссийского съезда Советов. Член ВЦИК. В дальнейшем работал в области народного образования.

ПОДЧУФАРОВА Екатерина Ивановна (1884—1968) — в 1901—1904 гг.— сортировщица, в 1904—1919 гг.— типографская работница. С 1919 г. работала в Московском городском комитете партии. С 1922 по 1925 г.— заведующая женотделом Бауманского районного комитета партии. С 1929 г.— на советской работе. Делегат XV съезда партии. Была кандидатом в члены ВЦИК.

ПЯТНИЦКИЙ Иосиф (Осип) Аронович (1882—1939) — профессиональный революционер, деятель Коммунистической партии и Коминтерна; в революционное движение вступил в 90-х годах. Подвергался неоднократным арестам, сидел в тюрьмах, был в ссылке. Участник первой русской революции. В Октябрьские дни 1917 г.— член боевой партийной пятерки в Москве. С 1921 г. работал в Коминтерне. На IX партийном съезде избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б), на XIII и XIV — членом ЦКК, на XV съезде — членом ЦК ВКП(б).

РАДЧЕНКО Иван Иванович (1874—1942) — видный советский хозяйственник. Член Коммунистической партии с 1898 г., профессиональный революционер. В период революции 1905—1907 гг. и нового революционного подъема вел партийную работу в ряде городов России. В 1912—1917 гг.— занимался торфоразработками в Московской губернии. С 1918 г.— один из организаторов и руководителей торфяной промышленности СССР. В 1927—1930 и 1934—1935 гг.— директор Научно-исследовательского торфяного института.

РУДЗУТАК Ян Эрнестович (1887—1938) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член Коммунистической партии с 1905 г. После первой русской революции до февраля 1917 г.— на каторге. С 1917 г. был на ответственной партийной, советской и профсоюзной работе. С IX партийного съезда — член ЦК РКП(б). В 1923—1924 гг.— секретарь ЦК РКП(б). С 1926 г.— заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона СССР. С 1926 г.— член Политбюро ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР и ВЦИК.

СЕМАШКО Николай Александрович (1874—1949) — видный деятель Советского государства, один из организаторов здравоохранения. Член Коммунистической партии с 1893 г. В 1906 г. эмигрировал за границу. Делегат VI (Пражской) партийной конференции. Принимал участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. В 1918—1930 гг.— народный комиссар здравоохранения РСФСР. В 1930 г. перешел на работу во ВЦИК. С 1944 г.— действительный член Академии медицинских наук СССР, с 1945 г.— Академии педагогических наук РСФСР. В 1947—1949 гг.— директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР.

СЕРЕБРОВСКИЙ Александр Павлович (1884—1938) — член Коммунистической партии с 1903 г. Участник первой русской революции 1905 г. В 1908 г. бежал с каторги и эмигрировал в Бельгию, где окончил высшее техническое училище со званием инженера-механика. Принимал активное участие в Февральской революции 1917 г., в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции. В годы гражданской войны занимал различные должности на Украинском и Южном фронтах. С 1920 г.— председатель правления Азнефти в Баку. На XIV съезде пар-

тии был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). С 1926 г.— на ответственных руководящих постах. С 1931 по 1937 г.— заместитель наркома тяжелой промышленности СССР.

СМОЛЬЯНИНОВ Вадим Александрович (1890—1962) — член Коммунистической партии с 1908 г. Активный участник проведения Октябрьской социалистической революции в Смоленске. С 1918 г.— председатель Смоленского губсовнархоза. С апреля 1921 г.— заместитель управляющего делами Совета Труда и Оборона по вопросам экономического и хозяйственного строительства, затем управляющий делами Совнаркома РСФСР. С 1929 г.— на руководящих хозяйственных постах.

СОКОЛОВ Василий Николаевич (1874—1959) — член Коммунистической партии с 1898 г. Профессиональный революционер. Активный участник трех революций. После Февральской революции вел партийную работу, участвовал в создании местных Советов. С установлением Советской власти избран председателем Совета Народных Комиссаров Забайкалья. С 1919 по 1921 г. работал в Сибири; член Сибревкома, уполномоченный Наркомзема и ЦСУ. С 1922 г. работал в Москве на разных руководящих хозяйственных и издательских должностях.

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — один из видных деятелей российского и международного революционного рабочего движения, Коммунистической партии и Советского государства. В РСДРП вступил в 1898 г.; после II съезда партии — большевик. Вел партийную работу в Тифлисе, Батуме, Баку, Петербурге. В январе 1912 г. был введен в состав ЦК, избранного на VI (Пражской) конференции РСДРП; принимал участие в редактировании большевистской газеты «Правда». В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции входил в созданный Центральным Комитетом партии Военно-революционный центр по подготовке восстания. На II Всероссийском съезде Советов был избран в Совет Народных Комиссаров, где возглавил Народный комиссариат по делам национальностей. В период иностранной военной интервенции и гражданской войны состоял членом Реввоенсовета Республики и находился на ряде фронтов. В 1922 г. был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б).

Сталин сыграл крупную роль в осуществлении ленинского плана индустриализации СССР и коллективизации сельского хозяйства, в борьбе за построение социализма, за независимость Советской страны, за укрепление мира. Как крупный теоретик и организатор, Сталин вместе с другими руководящими деятелями партии возглавлял борьбу против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения. В идейно-политическую борьбу с врагами ленинизма Сталин своими теоретическими трудами и практической работой внес важный вклад. С 1941 г. Сталин — Председатель Совета Народных Комиссаров, а затем Совета Министров СССР. В годы Великой Отечественной войны (1941—1945) — Председатель Государственного Комитета Оборона, нарком обороны и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР.

В деятельности Сталина наряду с положительной имелась и отрицательная сторона. Находясь на важнейших партийных и государственных постах, Сталин допускал теоретические и политические ошибки, грубые нарушения ленинских принципов коллективного руководства и норм партийной жизни, нарушение социалистической законности, необоснованные массовые репрессии против видных государственных, политиче-

ских и военных деятелей Советского Союза и других честных советских людей.

Партия решительно осудила и покончила с чуждым марксизму-ленинизму культом личности Сталина и его последствиями, одобрила работу ЦК по восстановлению и развитию ленинских принципов руководства и норм партийной жизни во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, приняла меры для предотвращения подобных ошибок и извращений в будущем.

ТАХО-ГОДИ Алпбек Алибекович (1892—1945) — член Коммунистической партии с 1920 г. После Февральской революции 1917 г., будучи членом социалистической группы в Дагестане, принимал активное участие в борьбе против дагестанской феодально-клерикальной контрреволюции. В 1918 г. был членом Военно-революционного комитета Дагестанской области, секретарем горской фракции Терского народного Совета, в 1919—1920 гг. — представитель Совета Оборона в Баку. В 1921 г. — народный комиссар продовольствия, с 1922 г. — народный комиссар просвещения Дагестанской области, с 1929 г. — на руководящей работе в Москве.

ТИМОШЕНКО Семен Константинович (1895—1970) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза. Член Коммунистической партии с 1919 г. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г., кандидат в члены ЦК КПСС с 1953 г. Депутат Верховного Совета СССР ряда созывов. Герой Советского Союза.

УНШЛИХТ Иосиф Станиславович (1879—1938) — член Коммунистической партии с 1900 г. Был делегатом V и VI съездов Социал-демократии Польши и Литвы. Принимал участие в работах V (Лондонского) съезда РСДРП. Состоял членом Варшавского, Лодзинского и обшкравового комитетов СДКПиЛ. С апреля 1917 г. — член Петроградского Совета. Активный участник Октябрьской социалистической революции. В 1918 г. — член ЦК Коммунистической партии Литвы и Белоруссии, парком по военным делам Литвы и Белоруссии. С 1919 г. — на ответственной военной и хозяйственной работе. На XIV съезде избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

ФЕДИН Константин Александрович (1892—1977) — советский писатель. В 1918 г. работал в Народном комиссариате просвещения. В годы гражданской войны служил в Красной Армии. Печататься начал в 1913 г. Был депутатом Верховного Совета РСФСР третьего и четвертого созывов.

ФОТИЕВА Лидия Александровна (1881—1975) — член Коммунистической партии с 1904 г. В революционное движение вступила в 1901 г. В 1904—1905 гг. жила в эмиграции, помогала Н. К. Крупской вести переписку с подпольными партийными организациями в России. Участница революции 1905 г. и Октябрьской революции. С 1918 г. — секретарь Совнаркома и СТО и одновременно секретарь В. И. Ленина. В 1933—1936 гг. работала в системе Главэнерго Наркомтяжпрома. С 1939 по 1956 г. — научный сотрудник Центрального музея В. И. Ленина. Автор ряда книг и статей о В. И. Ленине.

ХАБАРОВ Иван Николаевич (род. в 1889 г.) — член Коммунистической партии с 1917 г., работал слесарем-электриком станции Москва 1

Московско-Курской дороги. После Февральской революции — член Военно-революционного дорожного комитета, работал по заданиям НКПС на ряде железных дорог. В 1922—1925 гг. заведовал технической частью совхоза «Горки», затем на хозяйственной работе. С 1953 г. — персональный пенсионер.

ХОЛОДОВА Пелагея Ананьевна (1880—1945) — член Коммунистической партии с 1917 г. Работница Богородско-Глуховской мануфактуры. В 1917 г. — член Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В 1921 г. заведовала детскими домами Богородского уезда. С 1922 г. — на профсоюзной и административной работе в Ногинском районе Московской области.

ЧЕКУНОВ Иван Афанасьевич (умер в 1928 г.) — крестьянин села Фоминки Владимирской губернии, неоднократно бывавший на приеме у В. И. Ленина в 1919 и 1921 гг. по общественным и хозяйственным делам и по делам кооперации крестьян своего общества. С 1921 г. — член коллегии Наркомзема. В последние годы жизни сотрудничал в газете «Беднота» и в «Крестьянской газете».

ЧЕРНОВ Осип Иванович — сибирский крестьянин. За принадлежность к партии эсеров был арестован и приговорен к каторге. После Октябрьской революции — инструктор по сельскохозяйственной кооперации в Нижегородской губернии. Член крестьянской коллегии газеты «Беднота».

ЧИЧЕРИН Георгий Васильевич (1872—1936) — советский государственный деятель, выдающийся дипломат. С 1904 по 1917 г. был в эмиграции, где в 1905 г. вступил в РСДРП. В период реакции — сторонник меньшевизма, в годы первой мировой войны — интернационалист, в конце 1917 г. перешел на позиции большевизма и в 1918 году вступил в Коммунистическую партию. Член мирной советской делегации в Бресте. С 1918 по 1930 г. — народный комиссар иностранных дел; глава советских делегаций на международных конференциях в Женеве и Лозанне. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР. На XIV и XV съездах ВКП(б) избирался членом ЦК партии.

ШЕР Илья Михайлович (1885—1965) — член Коммунистической партии с 1903 г. Активный участник вооруженного восстания в Одессе в 1905 г. После Февральской революции и до 1921 г. был на руководящей партийной работе в Красноярске. Делегат X съезда РКП(б). В 1922—1925 гг. — на партийной, советской и профсоюзной работе в Одессе. С 1926 по 1930 г. занимался вопросами коммунального хозяйства Москвы. В 1930—1935 гг. — ответственный секретарь Всесоюзного общества старых большевиков. С 1953 г. — персональный пенсионер.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аванесов В. А. 126, 136, 139, 149,
151, 161, 426, 428
Агамали-оглы С. А. 425
Адамюк Е. В. (старший) 387
Александр III (Романов) 106
Альтман Н. И. 200—201
Андреев А. А. 11, 29, 136, 431
Антонов А. С. 203, 204
Анцелович Н. М. 91
Арко (граф) 214, 215
Арманд Андр. А. 330, 331
Арманд В. А. 330, 333
Арманд И. А. 337, 338, 339
Арманд И. Ф. 330
Артем (Сергеев Ф. А.) 91, 288,
289

Б

Бадаев А. Е. 113
Батюшков В. Д. 370
Бауэр Отто 17
Бедный Демьян (Придво-
ров Е. А.) 262
Беленький А. Я. 85, 86, 405
Белов А. А. 160
Белокопский И. П. 438
Бернштейн 141
Беспрозванный И. М. 433
Бичерахов 299
Блянки 90
Блан Луи 44
Богданов П. А. 29, 120, 165, 307,
364, 365, 371
Богуславский П. Р. 97
Бомбачи Н. 451
Бонч-Бруевич В. Д. 41, 53, 173,
220, 294

Бонч-Бруевич М. А. 171, 172, 173,
174, 178, 179, 180, 214, 215
Бордига Амадео 455
Борисов И. Н. 347, 348, 349, 350,
351, 352, 353
Бородин А. П. 44
Бороздич Л. 425
Ботин С. И. (Чейко) 177, 211, 212,
213
Бродский И. И. 15
Брюханов Н. П. 84, 136, 145
Бубнов А. С. 99
Буденный С. М. 281, 282, 283
Бухарин Н. И. 190, 192, 246, 423,
425, 438, 439, 444
Бухгейм Э. 38

В

Васильев И. М. 144, 145, 146
Вейсброд Б. С. 184, 291—292,
454
Винокуров А. Н. 206
Винтер А. В. 50, 65
Владимиров М. К. 425, 437
Владимирский М. Ф. 149—150,
360
Войков П. Л. 83
Волли Б. М. 97, 98, 103, 104, 107
Волковский А. Н. 52
Вологдин В. П. 176, 179, 180, 218
Вольнов Иван см. Вольный Иван
Вольный Иван (Владими-
ров И. Е.) 103
Воровский В. В. 49, 338, 407, 438
Ворошилов К. Е. 281, 282, 283
Врангель П. Н. 8, 249, 260, 262,
266, 296
Вундерлих С. М. 166
Вэр Гарольд 426, 427

Г

- Гамидов 239, 242
 Гегель Г. В. Ф. 423
 Гетье Ф. А. 381, 382, 396, 409
 Гиль С. К. 331
 Гиндин (Гинзбург) Я. И. 160, 162, 163, 165, 166
 Гладун 307
 Гляссер М. И. 309, 437, 446
 Гольцман А. Э. 165
 Горбунов Н. П. 70, 71, 80, 121, 138, 140, 151, 218, 381, 428, 438
 Горький Максим 15, 28, 45, 101, 208, 209, 210, 224, 233, 423
 Графтио Г. О. 168
 Грацпадеи Антонио 451
 Грешнова К. М. 395
 Губкин И. М. 316, 317
 Гувер Герберт Кларк 82
 Гуковский И. Э. 49

Д

- Дап Ф. И. 74
 Д'Арагона Лудовико 90
 Деникин А. И. 8, 93, 97, 252, 281, 283, 299
 Джемаль-паша 424
 Дзержинский Ф. Э. 30, 53, 54, 76, 81, 82, 85, 122, 145—146, 195, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 405, 406, 411, 425, 430, 437
 Диккепс Чарлз 451
 Довгалевский В. С. 217
 Доссер Э. Н. 315, 316, 317
 Дугони Энрико 90
 Дурново П. Н. 428

Е

- Егоров П. Е. 275
 Ежов И. К. 365
 Емельянов Н. А. 67
 Енукидзе А. С. 445
 Ермаков В. С. 451
 Ерманский (Юган) О. А. 428, 429

Ж

- Жиделев Н. А. 223, 336

З

- Закс Б. Г. 70, 71
 Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. 195, 425, 431, 436, 451
 Зорька Казимир 408

И

- Икрянистова (Груба) М. Ф. 324
 Иманов Амангельды 239
 Иогансон Б. В. 264

К

- Калинин М. И. 11, 15, 24—25, 81, 95, 100, 102, 134, 146, 157, 226, 282, 337, 411, 424, 431, 434
 Каменев (Розенфельд) Л. Б. 146, 196—197, 207, 423, 424, 434, 438, 443, 451
 Кампинский Г. Н. 318
 Кантаров 237, 238, 239, 240, 241, 242
 Каплан Фанни 185, 392, 395
 Карпинский В. А. 122, 285
 Кашкина М. Н. 275, 276
 Кейнс Джон Мейпард 17
 Керзон Вилли 407
 Кип Ф. 429, 430, 442
 Кипарисов 163
 Кирплов В. 267
 Кирпичников В. Д. 58, 59, 61, 62, 168
 Киселев А. С. 143, 153, 160, 161, 223
 Кшичкин Н. М. 81
 Классон Р. Э. 37, 49, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 70, 80
 Кожевников А. М. 132, 421, 422, 427, 439, 447
 Колесников 203, 204
 Коллонтай А. М. 227
 Колчак А. В. 8, 12, 108, 245, 252
 Кон Ф. Я. 100
 Коркмасов Д. 299
 Коробов П. 219
 Королев Г. К. 223, 224
 Короленко В. Г. 438
 Кочуков В. В. 370
 Крамер В. В. 409, 422, 424, 447
 Красиков П. А. 48, 147
 Красин Л. Б. 40, 50, 53, 60, 66, 69, 80, 85, 154, 169, 316, 317, 318, 332, 424, 425, 430, 431, 451
 Краснов П. Н. 252
 Краснуха В. П. 48
 Крестинский Н. Н. 424, 425
 Кржижановский Г. М. 39, 40, 42, 46, 56, 61, 101, 136, 170, 213, 332, 357, 439, 440
 Крупская (Ульяпова) Н. К. 28, 83, 84, 104, 210, 231, 270, 275, 276, 284, 302, 330, 331, 332, 333,

335, 336, 337, 338, 339, 371, 372,
380, 384, 401, 402, 407, 408, 409,
410, 418, 420, 444, 451, 454, 456,
457

Крыленко Н. В. 144, 440, 444

Кузнецов 457

Курский Д. И. 115, 129, 141, 145,
146, 159, 161, 162, 210

Кускова Е. Д. 81

Кутепов А. П. 323

Л

Лазарев П. П. 168

Ларин Ю. (Лурье М. А.) 160

Леви Пауль 456

Левин Е. Я. 48

Лежава А. М. 56, 59, 60, 67, 69,
139, 320

Ленгник Ф. В. 48

Лепешинская Н. С. 200, 201

Лепешинский П. Н. 48

Леплевский Г. М. 151

Леушин Н. Д. 341

Лист Ференц 44

Ллойд Джордж Дэвид 154

Лозовский С. А. 89, 91

Ломоносов Ю. В. 56, 57, 437

Луначарский А. В. 64, 101, 207,
336, 337

Лутовников Ю. Х. 53, 54

М

Макдональд Джеймс Рамсей 17

Малафеева В. 275, 276

Мануильский Д. З. 337, 424—425

Марков С. Д. 292

Маркс Карл 13, 20, 22, 33, 42, 44,
47, 191, 255, 264, 423

Мартенс Л. К. 37, 68, 304, 307

Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) 73,
338

Мархлевский Юлиан 18

Махно Н. И. 204

Маяковский В. В. 263, 334

Менжлицкий В. Р. 210

Меньшиков Е. С. 63, 70

Мешалкин К. В. 275

Мешков П. И. 288, 289

Мещеряков Н. Л. 424

Мялутин В. П. 55, 320

Михайлов В. М. 141, 430, 431

Михайловский И. О. 83

Мичурин И. В. 448

Младший брат *см.* Арманд Андр.
А.

Молотов (Скрябин) В. М. 96, 121

Мордвинкин В. Ю. 64

Морозов М. В. 56, 63, 70

Мясников А. Ф. 101

Н

Названов М. К. 83

Невский В. И. 397, 398

Некрасов Н. А. 335

Нечкина Е. А. 131, 394

Николаев А. М. 216, 219

Николай II (Романов) 296, 428

Новицкий П. К. 163

Ногин В. П. 165, 166, 167

Носке Густав 233

О

Обух В. А. 380, 409

Обухова Н. А. 178

Одинцов 202

Ольминский (Александров) М. С.
101

Орджоникидзе Г. К. (Серго) 239,
282, 283, 321, 322, 323, 420, 424,
425, 443

Орлов Н. А. 166

Орловский П. *см.* Воровский В. В.

Осинский Н. (Оболенский В. В.)
99, 164, 360

Остряков П. А. 174, 178, 217

П

Пакалн П. П. 406, 409, 410

Петр I (Романов) 104

Петрищев А. В. 438

Петров Г. С. 83

Петровский Г. И. 98, 100, 424, 425

Пинес Х. В. 374

Плетнев В. Ф. 444

Подбельский В. Н. 175, 219

Подчуфарова Е. И. 326

Покровский В. П. 323

Покровский М. Н. 162, 163

Попов К. А. 438

Попов 219

Попов П. И. 132, 194—195

Преображенский А. А. 407

Преображенский Е. А. 425

Прокопович С. Н. 81

Пупко 219

Пушкин А. С. 210, 335

Пятаков Г. Л. 70, 99, 439, 440

Р

- Радченко И. И. 50, 51, 53, 55, 56,
60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69,
70, 72, 139, 382, 447
Раковский Х. Г. 98, 425, 438
Рафаил (Фарбман Р. Б.) 98
Рафаэль Санги 267
Рейнбот Л. А. 332, 407
Реске Н. А. 426
Ривлин Л. С. 67
Робеспьер Максимильтен 44
Родзянко М. В. 349
Розанов В. Н. 393, 395, 396, 409
Розмирович Е. Ф. 426
Розовский С. З. 382
Росмер А. 18
Рудзутак Я. Э. 29, 425, 439
Рузер Л. И. 426
Рутгерс Себальд Юстнус 307, 426
Рыков А. И. 10, 55, 320, 419, 426,
431, 437, 441

С

- Саврасов Л. А. 145
Сапронов Т. В. 97, 99
Свердлов Я. М. 95, 96, 99, 185, 353,
398, 399
Свидерский А. И. 424, 426, 427,
429, 438, 451
Семашко Н. А. 131, 132, 163, 292,
295, 297, 328, 382, 393, 394, 409
Семенов Б. А. 80
Семенов Г. М. 243
Семьянников И. А. 120, 121
Сенюшкин Ф. М. 166
Серафимович (Попов) А. С. 133
Сергеев Ф. А. *см.* Артем
Серго *см.* Орджоникидзе Г. К.
Серебровский А. П. 314, 315, 317,
318, 321, 322
Серебряков Л. П. 310
Середа С. П. 224
Серрати Джачинто Менотти 90
Сестра *см.* Арманд В. А.
Сибиряк *см.* Соколов В. Н.
Симон 91
Скворцов И. И. *см.* Скворцов-Сте-
панов И. И.
Скворцов-Степанов И. И. 131, 424,
427, 444, 454, 455
Склянский Э. М. 56, 196, 197, 202,
204, 218
Смилга И. Т. 431
Смирнов И. Н. 244
Смольянинов В. А. 84, 140, 375,
427, 431, 433, 437, 438, 441, 445,
446, 447

- Соколов В. М. 310
Соколов В. Н. (Сибиряк) 236, 237,
239, 241, 242
Сокольников Г. Я. 190, 425, 443
Сольц А. А. 121
Сосновский Л. С. 56, 57, 97—98
Спадаро Дживовашни 45
Сталин (Джугашвили) И. В. 78,
101, 146, 179, 282, 299, 318, 424,
425, 426, 427, 430—431, 434,
438, 439, 443, 451
Старков В. В. 62
Стомоняков Б. С. 62
Стопани А. М. 48
Струмилин (Струмилло-Пеграш-
кевич) С. Г. 158
Суриков В. И. 103

Т

- Тажигаев Галим 238, 242
Тахо-Годи А. 299
Теодорович И. А. 169
Тимошенко С. К. 282, 283
Томский М. П. 10, 166, 433, 434
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 56,
195, 196, 425
Труба (Искряннигова) *см.* Искря-
нигова М. Ф.

У

- Ульянов А. И. 425
Ульянов Д. И. 296
Ульянова А. И. 454
Ульянова М. А. 387
Ульянова М. И. 49, 107, 133, 154,
185, 323, 331, 332, 374, 384, 399,
400, 401, 402, 408, 409, 410, 417,
420, 422, 424, 430, 431, 445, 454,
457, 458
Ульянова Н. К. *см.* Крупская Н. К.
Уншлихт И. С. 78, 80, 81, 82, 83,
84, 85, 86, 144
Уркарт Лесли 430, 431, 448
Уэллс Герберт Джордж 41

Ф

- Ферстер Отфрид 336, 338, 385,
409, 422, 423, 424, 432
Фомин В. В. 84, 146
Фотиева Л. А. 65, 72, 105, 120,
137, 139, 140, 147, 161, 178, 205,
214, 301, 336, 337, 376, 381, 417,
449

Фофанова М. В. 297
Фрумкин М. И. 68
Фрунзе М. В. 282, 283

Х

Хабаров И. Н. 397
Халатов А. Б. 64, 156, 161, 162,
163, 164, 165, 166, 167, 170, 218,
438
Хаммер Арманд 304, 305
Хизроев М. 299
Хинчук Л. М. 69, 162, 425, 432, 433
Хомяков Н. А. 349

Ц

Цюрупа А. Д. 53, 132, 139, 140,
143, 151, 170, 201, 399, 419, 426,
429, 430, 438, 445, 451
Цюрупа Г. Д. 168

Ч

Чейко см. Ботин С. И.
Чекунов И. А. 132, 327, 328
Чернов О. И. 309, 310
Чичерип Г. В. 307, 438

Ш

Шапиро Р. 215
Шапопинов 214

Шатуновский Я. М. 56
Шейнман А. Л. 438
Шелгунов В. А. 15
Шелехес Я. С. 83
Шляпников А. Г. 49
Шмидт В. В. 377
Шорин А. Ф. 180

Щ

Щепкин 82—83
Щербаков 291

Э

Эйдук А. В. 54
Энгельс Фридрих 20, 22, 33, 264,
423

Ю

Юленич Н. Н. 8, 233, 252
Юрнев К. К. 99

Я

Яковенко В. Г. 341
Яковлев Н. Н. 83
Яковлев Я. А. 438, 444
Ялава Г. Э. 79, 80
Ярославский Е. М. 100

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

<i>1895 год</i>	<i>1907 год</i>
Радченко И. И. 55	Радченко И. И. 48—49 Уншлихт И. С. 73, 76
<i>1900 год</i>	<i>1908 год</i>
Радченко И. И. 48	Уншлихт И. С. 76
<i>1901 год</i>	<i>1909 год</i>
Радченко И. И. 48	Уншлихт И. С. 76 Арманд И. А. 330
<i>1902 год</i>	<i>1910 год</i>
Радченко И. И. 48	Уншлихт И. С. 76
<i>1903 год</i>	<i>1911 год</i>
Арманд И. А. 330	Уншлихт И. С. 76
<i>1905 год</i>	<i>1912 год</i>
Радченко И. И. 48—49 Овсянникова К. С. 229 Серебровский А. П. 319	Кржижановский Г. М. 38 Уншлихт И. С. 73—74, 76
<i>1906 год</i>	<i>1913 год</i>
Радченко И. И. 48 Соколов В. Н. 245	Уншлихт И. С. 73—74, 76

1914 год

Андреев А. А. 16
Уншлихт И. С. 76

1915 год

Андреев А. А. 13—14, 16
Кржижановский Г. М. 38
Уншлихт И. С. 76

1916 год

Андреев А. А. 13—14, 16
Уншлихт И. С. 76

1917 год

Андреев А. А. 7, 8, 14, 16, 32
Радченко И. И. 49—50
Уншлихт И. С. 74—75, 76, 79, 82
Фотиева Л. А. 124—125, 439
Королев Г. К. 223
Тахо-Годи А. А. 299

1918 год

Андреев А. А. 7, 16, 17
Радченко И. И. 50—52, 54
Уншлихт И. С. 75, 76, 78, 87
Волин Б. М. 95—96, 106—107
Фотиева Л. А. 124, 428, 433, 442,
445
Леплевский Г. М. 137, 139
Гиндин Я. И. 162, 165
Остряков П. А. 175
Вейсброд Б. С. 185
Николаев А. М. 216, 219—221
Безыменский А. И. 259—260
Хабаров И. Н. 397—399, 400
Володичева М. А. 417

1919 год

Андреев А. А. 7, 14
Кржижановский Г. М. 39—40
Радченко И. И. 52—54
Уншлихт И. С. 75, 76, 82
Волин Б. М. 96—98
Фотиева Л. А. 112, 121, 129
Леплевский Г. М. 137
Гиндин Я. И. 155, 165
Вейсброд Б. С. 183—184
Мялютин Н. А. 194—196, 200

Гляссер М. И. 209
Федин К. А. 231
Соколов В. Н. 235
Мартенс Л. К. 305
Чекунов И. А. 327
Гетье Ф. А. 380—381

1920 год

Андреев А. А. 7—21, 23—31
Кржижановский Г. М. 38, 40—43
Радченко И. И. 54—58, 63, 70
Уншлихт И. С. 75—76
Лозовский С. А. 89—91
Волин Б. М. 98—104, 106
Фотиева Л. А. 128, 133, 134
Леплевский Г. М. 137
Гиндин Я. И. 155—158, 162—163,
165—167, 169
Остряков П. А. 171—173, 174
Вейсброд Б. С. 185—186
Красин Л. Б. 187—188
Мялютин Н. А. 200, 201—205
Николаев А. М. 211—215
Королев Г. К. 222—225
Емельянов В. А. 227
Волков С. К. 228
Овсянникова К. С. 229—230
Федин К. А. 232—234
Соколов В. Н. 235—247
Безыменский А. И. 248—261
Жаров А. А. 262—269
Карпова А. С. 270—274
Мешалкин К. В. 275—277
Рудзутак Я. Э. 278—279
Тимошенко С. К. 281—283
Карпинский В. А. 284
Мешков П. И. 287
Семашко Н. А. 291—292, 297
Тахо-Годи А. А. 299
Мартенс Л. К. 305, 306
Серебровский А. П. 312, 314—315
Арманд И. А. 330—331
Есин В. З. 370—371

1921 год

Андреев А. А. 7, 23—27, 29, 30, 32
Кржижановский Г. М. 36, 37
Радченко И. И. 57, 59—70
Уншлихт И. С. 75, 76—77, 79—86,
87
Лозовский С. А. 91
Волин Б. М. 104, 109
Фотиева Л. А. 112, 113, 115, 117—
120, 121—122, 125, 127, 419, 428,
436, 439

Леплевский Г. М. 136, 137, 141,
142—146, 148—150, 152
Глядин Я. И. 153—154, 159—162,
163—164
Остряков П. А. 173—174, 175—178
Красин Л. Б. 188—189
Милютин Н. А. 205—206
Гляссер М. И. 209—210, 325—326
Николаев А. М. 215—218
Королев Г. К. 222, 225—226
Емельянов В. А. 227
Карпинский В. А. 284—285
Мешков П. И. 287—290
Семашко Н. А. 291—298
Тахо-Годи А. А. 299—301
Мартенс Л. К. 302—303, 304—308
Черпов О. И. 309—311
Серебровский А. П. 312, 315—323
Подчуфарова Е. И. 324—325
Чекунов И. А. 327—328
Арманд И. А. 330, 331—336
Шер И. М. 340—342
Бонч-Бруевич В. Д. 345—354
Смольянинов В. А. 355—363
Ежов И. К. 364—366
Емельянов Н. А. 367—369
Есин В. З. 371—372
Моргунов Г. А. 373—375
Петрушкин И. А. 376—378
Гетье Ф. А. 382

1922 год

Андреев А. А. 7, 23
Кржижановский Г. М. 36—37
Радченко И. И. 63, 70—72
Уншлихт И. С. 75, 76, 77—78, 80,
87—88
Лозовский С. А. 91—92
Волин Б. М. 105, 107—109, 110
Фотиева Л. А. 112, 114, 116, 131—
132, 133—134, 419—453
Леплевский Г. М. 136, 137, 140,
141, 146, 147—148, 151

Остряков П. А. 178—180
Красин Л. Б. 190—193
Николаев А. М. 217
Карпинский В. А. 285
Мартенс Л. К. 303
Серебровский А. П. 312, 314, 323
Арманд И. А. 330, 336—337
Моргунов Г. А. 375
Авербах М. И. 384—389
Нечкина Е. А. 392—394
Очкин А. Д. 395—396
Хабаров И. Н. 399, 400, 401
Сталин И. В. 403—404
Бельмас А. В. 405—407
Володичева М. А. 417—418

1923 год

Уншлихт И. С. 82, 88
Фотиева Л. А. 116, 426, 430, 433,
438, 441, 443
Гипдин Я. И. 163
Арманд И. А. 337—338
Авербах М. И. 389—391
Хабаров И. Н. 399—402
Бельмас А. В. 407—409
Володичева М. А. 418
Пятницкий О. А. 454—456
Холодова П. А. 457—458

1924 год

Радченко И. И. 72
Уншлихт И. С. 88
Королев Г. К. 226
Волков С. К. 229
Карпинский В. А. 284
Семашко Н. А. 297
Арманд И. А. 339
Авербах М. И. 390—391
Хабаров И. Н. 399, 401
Бельмас А. В. 409—411

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>А. А. Андреев.</i> О Владимире Ильиче Ленине	7
Ленин на IX съезде партии	—
Ленин на II конгрессе Коминтерна	13
Ленин, каким он был на трибуне	21
Ленин на заседаниях	23
<i>Г. М. Кржижановский.</i> Мыслитель и революционер	35
<i>И. И. Радченко.</i> Ленин — вождь на хозяйственном фронте	48
1917 год	49
1918 год	50
1919 год	52
1920 год	54
1921 год	59
1922 год	70
<i>И. С. Уншлихт.</i> О Владимире Ильиче	73
<i>С. А. Лозовский.</i> Из бесед с Ильичем	89
<i>Б. М. Волин.</i> Из воспоминаний	94
<i>Л. А. Фогиева.</i> Приемы и методы государственной работы В. И. Ленина	111
<i>Г. Леплевский.</i> О работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921—1922 годах	135
<i>Я. Гиндин.</i> Из воспоминаний о Владимире Ильиче	153
Руководитель Малого Совета Народных Комиссаров	—
Вопросы продовольственного снабжения	155
О госаппарате	158
Тарифный вопрос	160
Требовательность Владимира Ильича в работе	161
Отношение к специалистам	162
Второе посещение Владимира Ильича	165
Отношение к научным достижениям	168
Заботы об окружающих	170

<i>П. А. Остряков. Газета без бумаги и «без расстояний»</i>	171
У Владимира Ильича	175
Первая радиотелефонная станция	178
<i>А. В. Луначарский. Один из культурных заветов Ленина</i>	181
<i>Б. С. Вейсброд. Живой Ильич</i>	183
<i>Л. Б. Красин. Владимир Ильич и внешняя торговля</i>	187
<i>Н. А. Милюгин. По заданиям Ленина</i>	194
<i>М. И. Гляссер. Ленин и Горький</i>	208
<i>А. М. Николаев. Внимание Владимира Ильича к изобретениям и изобретателям</i>	211
Опыт радиотелефонного разговора с Берлином. Развертывание радиотелефонного строительства	214
Два случая использования радиосвязи	218
<i>Г. Королев. О товарище Ленине</i>	222
Депутат Трехгорки	227
I. <i>В. А. Емельянов</i>	—
II. <i>С. Волков</i>	228
III. <i>К. С. Овсянникова</i>	229
<i>Конст. Федин. Живой Ленин</i>	231
<i>В. Н. Соколов. Сибиряки у Ленина</i>	235
I. Дружба народов	—
II. «Надо извращиваться!»	243
<i>А. Безыменский. Ленин на III съезде комсомола</i>	248
Перед открытием	—
Съезд ждет Ленина	250
Съезд слушает Ленина	252
В перерыве	257
Ленин отвечает на записки	259
<i>Александр Жаров. Великое напутствие</i>	262
<i>А. С. Карпова. На совещании политпросветов</i>	270
<i>К. В. Мешалкин. Желанный гость</i>	275
<i>Я. Э. Рудзутак. Отрывки из воспоминаний</i>	278
<i>С. К. Тимошенко. Встреча с вождем</i>	281
<i>В. А. Карпинский. В. И. Ленин как вождь, товарищ, человек (Из воспоминаний)</i>	284
<i>И. Мешков. Встречи с Ильичем (Воспоминания старого шахтера)</i>	287
<i>Н. А. Семашко. Ленин и здравоохранение в 1921 году</i>	291
<i>А. Тахо-Годи. О нашем свидании с В. И. Лениным</i>	299
<i>Л. К. Мартенс. Воспоминания о В. И. Ленине</i>	302
<i>О. И. Чернов. Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича и что из этого получилось</i>	309

<i>А. Серебровский. Руководство В. И. Ленина восстановлением нефтяной промышленности</i>	312
На конференции работниц и крестьянок 26 февраля 1921 года	324
<i>И. Е. И. Подчуфарова</i>	—
<i>И. М. И. Гляссер</i>	325
<i>И. А. Чекунов. Воспоминания крестьянина</i>	327
<i>И. А. Арманд. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине</i>	330
<i>И. М. Шер. «Единство партии — главное»</i>	340
<i>В. Д. Бонч-Бруевич. Разрушение и восстановление железных дорог во время гражданской войны</i>	343
Железный нарком путей сообщения	345
<i>В. Смольянинов. Воспоминания о работе в Совете Труда и Обороны</i>	355
<i>И. Ежов. Боритесь с волокитой!</i>	364
<i>Н. А. Емельянов. Наказ Ильича</i>	367
<i>В. З. Есин. В. И. Ленин на электропахоте</i>	370
<i>Г. Моргунов. На заводе «Динамо»</i>	373
<i>И. Петрушкин. На приеме у Ильича</i>	376
<i>Ф. А. Гетье. Самый великий и самый скромный</i>	380
<i>М. И. Авербах. Воспоминания о В. И. Ленине (Речь, произнесенная на общем собрании сотрудников, больных и посетителей городской глазной больницы им. Гельмгольца)</i>	383
<i>Е. А. Нечкина. Он был простой и скромный</i>	392
<i>А. Д. Очкин. Отецеская забота об интеллигенции</i>	395
<i>И. Н. Хабаров. Самый человечный человек</i>	397
<i>И. В. Сталин. Тов. Ленин на отдыхе. Заметки</i>	403
<i>А. В. Бельмас. Воспоминания о В. И. Ленине</i>	405
<i>Г. В. Чичерин. Молодежь должна учиться у Ленина</i>	412
<i>М. А. Володичева. Отрывки из воспоминаний</i>	417
<i>Л. А. Фогиева. Неиссякаемая энергия (Конец мая — ноябрь 1922 года)</i>	419
<i>О. А. Пятницкий. У Ленина в Горках</i>	454
<i>П. А. Холодова. Ильич и глуховцы</i>	457
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	459
Указатель имен	469
Хронологический указатель	474

**Воспоминания
о Владимире Ильиче
ЛЕНИНЕ**

В 5-ти т.

Т. 4.

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*
Редактор *В. П. Шальнева*
Младший редактор *Д. В. Калько*
Художник *С. Д. Алексеев*
Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

ИБ № 2109

Сдано в набор 10.11.78. Подписано в печать 26.04.79. А00354. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 31,13. Учетно-изд. л. 30,51. Тираж 200 000 (20 001—200 000) экз.
Заказ № 3924. Цена 1 р. 30 к., в суперобложке 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, П-473, Краснопролетарская, 16.